

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2024. № 504. Июль

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2024. № 504. July

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Гордеева М.Н. Особенности актуализации ценностного концепта 'cynicism' в отношении смерти в современных ситкомсах и стендап-выступлениях	5
Крапивина К.П. Текстуальность интерфейсов классических (десктопных) программных приложений: формальный аспект ...	21
Манашова В.Д. Символический компонент семантики номинаций одежды (на материале говоров Среднего Приобья)	30
Михайленко К.А. Образ Сибири в мемуарах декабристов	41
Петросян Д.В., Мартиросян Н.Н., Даниелян Т.Р. Переводная художественная литература в армянских журналах Тифлиса конца XIX – начала XX вв.	53
Сафина Р.А., Каюмова А.Р., Коноплева Н.В. Лингвокультурологические особенности фразеологических единиц с компонентом «вода» в русском, английском, немецком, испанском и татарском языках	63

ФИЛОСОФИЯ

Грязнова Е.В. Информационная концепция виртуальной реальности: определение места в современном философском знании	71
Линченко А.А., Батищев Р.Ю. Имперская мифосимволика в современном политическом дискурсе постколониальных и посткоммунистических обществ	80
Усачев А.В. О соотношении религиозного опыта и философии в проекте И.А. Ильина	92

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Гарбузарова Е.Г. Растущая роль Ирана в евразийских транспортно-коммуникационных проектах	100
Макарычева А.В., Крюкова Е.В. Конфликт Чили и Аргентины в проливе Бигль: исторические предпосылки и способы урегулирования	107

ИСТОРИЯ

Коновалов И.А. Местное государственное управление и местное самоуправление в Акмолинской области во второй половине XIX – начале XX вв.	114
Николаева Н.Д. Погребения «старших» Мономашичей как система выражения властных претензий рода	120
Перебейнос А.Е., Пташко Т.Г. Исследование производственной деятельности малолетних детей и подростков Урала во второй половине XIX – начале XX вв. ...	129
Рычков А.В. Письмо гуманиста М.Н. Маркова к Н.С. Хрущеву о «новой теории развития природы» (1954 г.)	138
Черкасов А.И. Первоисточники Диодора Сицилийского в описании Самнитских войн: новый подход к старой проблеме	144

ПЕДАГОГИКА

Кац Н.Г., Рубцова А.В., Аитов В.Ф. Иноязычный мультимодальный текст как основа разработки учебных материалов для цифровой образовательной среды вуза	156
Колядко С.В., Мартыненко Л.Г., Глухова Ю.Н. Цифровая компетенция будущего учителя иностранного языка в области использования технологий искусственного интеллекта: содержательный аспект	164

CONTENTS

PHILOLOGY

Gordeeva M.N. Axiological concept "cynicism" relating to death in modern sitcoms and stand-up shows	5
Krapivina K.P. Evaluation of classical (desktop) user interfaces textuality: The formal aspect	21
Manashova V.D. The symbolic component of the semantics of clothing nominations (based on the dialects of the Middle Ob region)	30
Mikhaylenko K.A. The image of Siberia in the memoirs of the Decembrists	41
Petrosyan D.V., Martirosyan N.N., Danielyan T.R. Translated fiction in the Armenian magazines of Tiflis of the late 19th – early 20th centuries	53
Safina R.A., Kayumova A.R., Konopleva N.V. Linguocultural peculiarities of phraseological units with the component "water" in Russian, English, German, Spanish, and Tatar	63

PHILOSOPHY

Gryaznova E.V. The information concept of virtual reality: Determining its place in modern philosophical knowledge	71
Linchenko A.A., Batishchev R.Yu. Imperial mythological symbolism in modern political discourse of post-colonial and post-communist societies	80
Usachev A.V. On the correlation of religious experience and philosophy in the project of Ivan Ilyin	92

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Garbuzarova E.G. Iran's growing role in Eurasian transport and communication projects	100
Makarycheva A.V., Kryukova E.V. Conflict between Chile and Argentina in the Beagle Channel: Historical background and methods of resolution	107

HISTORY

Kononov I.A. Local government and local self-government in the Akmoла region in the second half of the 19th – early 20th centuries	114
Nikolaeva N.D. Burials of "senior" Monomakhovichs as a system of expressing the power claims of the family	120
Perebeynos A.E., Ptashko T.G. Research of the production activities of young children and adolescents of the Ural region in the second half of the 19th – early 20th centuries	129
Rychkov A.V. Letter from the humanist Mikhail Markov to Nikita Khrushchev on the "new theory of the development of nature" (1954)	138
Cherkasov A.I. The primary sources of Diodorus Siculus in the description of the Samnite Wars: A new approach to the old problem	144

PEDAGOGICS

Kats N.G., Rubtsova A.V., Aitov V.F. Multimodal text as the basis of instructional material design i n an academic digital environment	156
Kolyadko S.V., Martynenko L.G., Glukhova Yu.N. Digital competence of a future foreign language teacher in using artificial intelligence technologies: A content and technological aspect	164

Булатбаева К.Н., Фахрутдинова Г.Ж., Ахметова Б.С., Танибергенова А.Ш. Технология «Портфолио» как механизм повышения воспитательного потенциала этнокультурного образования	175
Сидоренко А.С. Использование древнегреческой методики прыжка в длину с хальтерсами в учебном процессе студентов вуза	183
Шубович М.М., Захарова И.В. Профессиональные коммуникации педагога: конфликтологическая и правовая безопасность	190

ПРАВО

Гаврилова А.В. Товарищеские суды в СССР и европейских странах «народной демократии»	199
Груздев В.В. Изменение обязательства вследствие наступления обстоятельств, приостанавливающих течение срока исковой давности	208
Лоренц Д.В. Бестелесное имущество: проблемы добросовестного приобретения и приобретательная давность в Германии и России	213
Малышева О.А. Причины необеспечения следователем возмещения вреда, причиненного преступлением, потерпевшему	224
Юань В.Л. Криминалистическое изучение биографических фактов, связанных с социальным статусом личности обвиняемого	231

Bulatbayeva K.N., Fahrutdinova G.Zh., Akhmetova B.S., Tanibergenova A.Sh. “Portfolio” technology as a mechanism or increasing the educational potential of ethnocultural education	175
Sidorenko A.S. The use of the ancient Greek long jump technique with halteres in the educational process of university students	183
Shubovich M.M., Zakharova I.V. Teacher’s professional communication: Conflict security and legal security	190

LAW

Gavrilova A.V. Comrades’ courts in the USSR and European countries of “people’s democracy”	199
Gruzdev V.V. A change in the obligation due to the occurrence of circumstances suspending the limitation period	208
Lorents D.V. Intangible property: Problems of bona fide acquisition and acquisitive prescription	213
Malysheva O.A. The reasons for the investigator’s failure to provide compensation for the damage caused by the crime to the victim	224
Yuan V.L. Forensic study of biographical facts related to the social status of the accused person	231

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81'811.111
doi: 10.17223/15617793/504/1

Особенности актуализации ценностного концепта ‘cynicism’ в отношении смерти в современных ситкомсах и стендап-выступлениях

Мария Николаевна Гордеева¹

¹ Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, aglie-svr@yandex.ru

Аннотация. Ценностный концепт ‘cynicism’ рассматривается в отношении ситуации смерти на материале ситуационных комедий и стендап-комедий. Определяются основные способы его актуализации: глумление над обрядом похорон, глумление над телом, осмеяние факта смерти; замена сочувствия жадностью, эгоизмом и безэмоциональностью. Анализируются основные ценностные характеристики концепта ‘cynicism’ и реакция аудитории на проявление цинизма в отношении смерти другого человека. Выявляются основные языковые средства выражения концепта ‘cynicism’ в рамках современного комедийного дискурса, а также оценочные компоненты высказываний с актуализацией цинизма.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, комический дискурс, цинизм, смерть, ценности, антиценности, оценка

Для цитирования: Гордеева М.Н. Особенности актуализации ценностного концепта ‘cynicism’ в отношении смерти в современных ситкомсах и стендап-выступлениях // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 5–20. doi: 10.17223/15617793/504/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/1

Axiological concept “cynicism” relating to death in modern sitcoms and stand-up shows

Maria N. Gordeeva¹

¹ Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, aglie-svr@yandex.ru

Abstract. The present work is aimed at identifying and analyzing the main humorous characteristics of the basic axiological concept “cynicism” considered in the context of someone’s death. The relevance of the study is predetermined by the fact that cynicism is considered to be an important value of modern humorous discourse. The current work develops an axiological approach to studying humor, which includes the following steps: defining the reaction of the audience to cynicism related to someone’s death situations (humorous or non-humorous reaction, negative or positive reaction); distinguishing value features of the axiological concept “cynicism” (based on literature on cynicism, definitions in dictionaries, and analysis of data); analyzing the language tools used to express the axiological concept of cynicism, death situations in particular; identifying the conceptual opposition of the axiological concept of cynicism in a particular death context; determining the type of the corresponding character to evaluate the level of possible empathy of the audience for a humorous object. The data analyzed in the article comprises recordings and scripts of episodes of various sitcoms and stand-up specials. The choice of the material is predetermined by its popularity with the audience and number of views. The research showed that in many cases demonstration of cynicism related to someone’s death was accompanied by boisterous laughter and applauding while in some cases cynic reaction to someone’s death caused only laughter, and in several cases there was only moderate laughter. Non-humorous reaction of the audience and characters themselves is expressed by some confused or neutral comments. Main ways of cynicism actualization in relation to someone’s death are: desacralization of funeral rite and taboo; mockery of the dead body, alive pretending to be dead; laughing at the fact and circumstances of someone’s death. The necessity of being sympathetic is substituted for being greedy (willing for money and wealth), being selfish (concentrating only on own interests), and being unemotional (staying indifferent). Cynicism in the form of dark humor, the extreme one, related to someone’s death situations can be considered as a significant lack of humanity and respect to the dead. The axiological concept of cynicism related to someone’s death is usually expressed through the language tools such as antithesis, oxymoron, alogism, etc. In modern sitcoms most of main characters behave cynically; especially cynical are the relationships between family members or friends.

Keywords: axiological linguistics, humorous discourse, death, cynicism, values, anti-values, evaluation

For citation: Gordeeva M.N. (2024) Axiological concept “cynicism” relating to death in modern sitcoms and stand-up shows. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 5–20. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/1

Введение

Изучение комического в нашем исследовании проводится в русле аксиологического направления лингвистики, что обусловлено интересом к языковому воплощению ценностей (концентрата культуры), которые определяют выбор и фиксацию смыслов в содержании языковых единиц и моделей поведения [1. С. 4]. Ценности получают выражение в оценках [1. С. 7], а когнитивный акт оценки определяет отношение субъекта к оцениваемому объекту и значение этого объекта для жизни и деятельности субъекта [2]. У большей части представителей лингвокультуры ценности и антиценности получают, соответственно, положительную и отрицательную оценку.

Целью нашей работы является изучение циничного отношения к смерти в рамках современного комического дискурса. Актуальность исследования определяется несколькими факторами: современный цинизм встроен в культуру и является одним из ее существенных механизмов [3]; концепты ‘cynicism’ («цинизм») и ‘death’ («смерть») являются одними из популярных концептов комического дискурса [4–6]; кроме того, проявления цинизма вызывают как положительную, так и отрицательную реакцию со стороны зрителей [6], что свидетельствует о необходимости определения взаимосвязи двух упомянутых явлений в контексте именно комического дискурса.

Концепт ‘cynicism’ исследуется нами в конкретном дискурсивном пространстве. Становление дискурса сопутствует формированию образующих его концептов [7]. В их взаимном дополнении и взаимодействии важна роль дискурса как среды и основного фактора формирования концептуального содержания: так, содержание и способы реализации концепта ‘cynicism’ в комическом дискурсе зависят от среды и социокультурного контекста. В этом аспекте упомянутый концепт рассматривается нами в свете аксиологической картины мира, в которой определяется система идеалов, задающих представления о мире. Этико-моральный, поведенческий концепт ‘cynicism’ объективирует поведение человека в определенной ситуации и актуализирует отрицательное поведение языковой личности [3], что обуславливает отнесение цинизма к антиценностям [8, 9]. Деструктивное, циничное поведение субъекта вызывает осуждение со стороны социума [10]. В связи с тем, что современное общество придает особую значимость ценностям из области практической пользы, из циничного поведения извлекается именно практическая польза: оно способствует более объективной оценке действительности и действиям не в ущерб субъекту [10].

Одна из трактовок комического – свойство дискурса вызывать у адресата смех [11]. Под дискурсом в нашей работе понимается не только вербальное высказывание, но и ситуация из реальной жизни или с телеэкрана, воспринимаемая и осмысленная адресатом [11]. В современном комическом дискурсе роль проявлений цинизма возрастает: демонстрация невежливого, грубого и агрессивного поведения привлекает зрителя, и это способствует становлению цинизма как базовой ценности комического дискурса. Кроме того, цинизм

направлен на исправление поведения человека [12]. Во многом благодаря этому цинизм и превращается в ценность современного общества, так как подобное проявление цинизма положительно воспринимается зрителями или читателями [13]. Анализ современных комических текстов показывает, что в рамках комического дискурса цинизм представляется комбинацией грубости (антиценностная составляющая) и честности (ценностная составляющая), что может приводить к совершению аморальных поступков.

Как показал анализ практического материала, циничное отношение к смерти обычно заключается в отсутствии сострадания к умершим, при этом смерть воспринимается как незначительное событие. При встрече со смертью человек находится в особом состоянии, требующем оберегающих действий, в число которых входит смех как средство защиты от духов мертвецов и страха перед ними [14]. Пограничность ситуации, жизнь одного за счет смерти другого в рамках одной целостности служат демонстрацией внутренней противоречивости и амбивалентности самой жизни [15].

Материал и методы исследования

Нами проанализированы языковые и неязыковые средства выражения концепта ‘cynicism’ и определена реакция аудитории на комические высказывания, в которых актуализируется высмеивание смерти. В данной работе концепт понимается как ментальная единица, бытующая в комическом дискурсе и отражающая понятийную, образную и оценочную информацию о фрагменте действительности вербальным и невербальным способом [3]. В современной лингвистике концепты интенсивно исследуются в лингвокогнитивном [16–18] и лингвокультурном аспектах [19–21]. Концепты служат инструментом когнитивного анализа различных дискурсов, при этом выделяются те понятия и концепты, из которых строится картина мира, репрезентирующая иерархию ценностей, и осуществляются ментальные проекции текстовой концептуальной структуры [22].

Разнообразие подходов к анализу концептов позволяет нам в настоящей статье использовать и разрабатывать аксиологический подход к исследованию комической составляющей ценностных явлений, предложенный А.И. Бочкаревым [6, 23–25]. Во-первых, нужно выявить комическую значимость рассматриваемого концепта ‘cynicism’, основываясь на зрительской реакции. Выражаемые аудиторией эмоции свидетельствуют об ее отношении к какому-либо явлению: смехом или улыбкой определяется комичность или некомичность, а об отрицательном или положительном отношении свидетельствуют аплодисменты, возгласы и под. Во-вторых, необходимо выделить когнитивные признаки концепта ‘cynicism’, опираясь на соответствующие словарные дефиниции и выдержки из комических текстов, где актуализируется данный концепт. Третьей ступенью является анализ языковых средств выражения концепта ‘cynicism’ в комическом дискурсе и(или) определение концептуальной оппозиции, в рамках которой происходит актуализация данного концепта в том или ином контексте.

Четвертая ступень подразумевает некомическую оценку циничного отношения к смерти, которую дает сам автор или герой анализируемого эпизода, а также спектр оценок, эксплицитно или имплицитно заложенных в анализируемых высказываниях.

Практический материал, подлежащий контекстуальному анализу в нашей статье, включает видеозаписи и тексты более чем 700 эпизодов ситуационных комедий и 60 эпизодов стендап-выступлений. Выбор именно этих жанров комического дискурса современности обусловлен их популярностью. Кроме того, на отбор конкретного материала повлияли количество просмотров в момент их премьеры, а также их рейтинг. Важным критерием отбора является и то, что избранный материал позволяет оценить уровень комического эффекта, точку зрения авторов на комичность фрагментов в ситуационных комедиях – на основе закадрового смеха, а в стендапе – на основе мгновенной реакции присутствующей на шоу аудитории. Единицей анализа является ситуация вербального проявления цинизма по отношению к смерти человека. В нашей работе приведены примеры, которые вызвали наиболее яркую реакцию зрителей или вариативно представлены у разных авторов.

История вопроса

Комическое является философско-эстетической категорией, выражающей нравственно-эмоциональное мироощущение, и вызывающее смех отклонение от принятой социумом нормы [11]. Осмысление комического проходит от Античности к современности в различных научных сферах: философии, психологии, социологии, лингвистике. Основным условием возникновения комического является противоречивость, а смеховая реакция достигается за счет эффекта несоответствия, лингвистическая теория юмора подкрепляется семантической теорией: комический эффект базируется на оппозиции двух противоположных скриптов [26]. В свою очередь, семантическая теория была дополнена вербальной теорией, которая учитывала оппозицию скриптов, логический механизм, цель, нарративную стратегию, язык и ситуацию [27]. Игра смыслов отличается разнообразием типов, стратегий и правил, набор которых различен в зависимости от социальной и культурной среды.

Часто комическое отождествляется с понятиями «смешное» и «юмор», однако «смех» обладает более широкой сферой употребления и связан с физической, а не только с рефлексивной реакцией, а «юмор» также используется в узком смысле для обозначения одного из видов комического [28, 29]. Однако термин 'humor' в работах англоязычных исследователей [27], как правило, соотносится с понятием «комическое» в русской лингвистике. По этой причине разнообразие классификации и концепции комического различаются основаниями и подходами к рассматриваемому явлению.

Наличие и трактовка смысла как комического зависят от объекта и субъекта. Комических объектов и объективно смешных дискурсов не существует самих по себе: дискурсивный референт должен быть осмыслен

как комический и отправителем, и получателем дискурса [29]. Когнитивный подход к исследованию комического [26–28] объясняет возникновение комического смысла особенностью восприятия действительности и культурным опытом. В настоящее время прослеживается тенденция распространения комического на «серьезный» дискурс (политический, новостной и пр.), при этом комический смысл структурно и содержательно подчинен основному дискурсу [30].

Комедийный дискурс как часть комического дискурса представляет собой тексты определенной тематики, погруженные в ситуацию смехового общения, сыгранные на сцене [31]. Стендап-комедии и ситкомы являются центральными жанрами комедийного дискурса. Изучение данных жанров проводится с позиции реализации концепта комического [32], ценностей и антиценностей [6, 24, 33–36], реализуемых технологий [31, 37, 38], культурологии [39] и т.д. Оба жанра обладают актуальностью, ориентированностью на массовую аудиторию и популярностью, которая объясняется современной парадигмой восприятия шуток и комических ситуаций определенного, «низшего» типа [39].

Бытовой характер дискурса стендапа имитирует общение хорошо знакомых людей, разговор об очевидном, насыщенный сниженной и жаргонной лексикой, с оперативным переключением тематики и перехода информации в подтекст (ирония, языковая игра, намеки и т. д.) [31]. Фамильярность жанров ситкома и стендапа, которые видят зрителя вне социальной иерархии и общественных условностей, порождает специфическую – до цинизма – откровенность речи [40]. В комическом дискурсе цинизм как проявление грубости относится к «грубому» комическому. Разделение комического на «грубое» и «тонкое» («смешное» и «остроумное») ведется с Античности, причем «смешное» непристойно и безобразно [41]. В таком делении прослеживается социальный подтекст: «тонкий» комизм – свойство образованных людей, а «грубый» комизм – необразованных. Рассматриваемые нами жанры стендапа и ситкома относятся к «грубому», низменному комическому, лежащему за пределами эстетики и прекрасного [42].

Ситкомы и стендап как жанры современной массовой культуры обладают повышенной концентрацией цинизма, в том числе в ситуациях смерти. В связи с этим мы считаем маловероятным аналогичное проявление цинизма в других жанрах «грубого» комического (фарс, клоунада и т.д.). Можно предположить, что некоторая доля цинизма присутствует в набирающем популярность жанре «комедийные новости» ('comedy news'), находящемся на границе дискурса СМИ и комического дискурса, однако этот вопрос требует отдельного исследования, что видится в числе перспектив нашей работы.

В современном комическом дискурсе массовой культуры глумление над смертью не теряет своей актуальности. Древняя тесная связь смеха и смерти, в силу своей сложности и многогранности, продолжает интересовать исследователей [14, 15, 43, 44]. Смех в присутствии смерти свойствен многим культурам мира [43] и двойствен, одновременно являясь признаком жизни и ситуаций, связанных со смертью (похороны, убийства). Такие некомические обстоятельства

актуализируют ритуальный характер смеха, делая его защитой от мести покойников [14].

Результаты и обсуждение

Традиционно концепт ‘cynicism’ воспринимается в качестве антиценности, что подтверждается его словарными определениями. В классических англоязычных словарях находим такие определения данного понятия: 1. The belief that people only do things to help themselves, rather than for good or sincere reasons; 2. The belief that something good will not happen or that something is not important; 3. The fact of being willing to do something that might hurt other people, if you can gain some advantage (1. Вера, что люди делают что-то, чтобы помочь себе, а не из благих или искренних побуждений; 2. Вера в то, что что-то хорошее не произойдет или не является важным; 3. Готовность сделать что-то, что может повредить другим людям, если можно получить какую-то выгоду) [45]; 1. The belief that people always act selfishly; 2. The belief that it cannot be successful or that the people involved are not honourable (1. Вера, что люди всегда поступают эгоистично; 2. Вера в то, что какое-либо дело не может быть успешным или что вовлеченные люди не честны) [46]; 1. A situation when people only do things to help themselves, rather than for good or sincere reasons; 2. A situation when a person does not believe that something good will happen or that something is important (1. Ситуация, когда люди делают что-то, чтобы помочь себе, а не из благих или искренних побуждений; 2. Ситуация, когда человек не верит в то, что что-то хорошее произойдет или что-то является важным) [47]; 1. Believing that people are only interested in themselves and are not sincere (1. Вера в то, что люди заинтересованы только собой и не являются честными) [48]. Современное определение, демонстрирующее утилитарное восприятие действительности, гласит: Nowadays, cynicism means an attitude in life that is conscious about morally bad or evil acts, but makes a joke out of them or commits them anyway. The cynic doesn't want to convince anybody. He is honest to the extreme. His friends tend to describe him as dark, evil, terribly offensive or hilariously funny (Сегодня цинизм означает такое отношение к жизни, при котором человек осознает аморальность поступков, но обращает их в шутку или все равно совершает. Циник не хочет никого убеждать. Он предельно честен. Друзья описывают его как мрачного, злого, способного на оскорбление или крайне смешного) [49].

На основе указанных определений можно выделить такие базовые когнитивные признаки концепта ‘cynicism’: эгоизм, предельная честность, грубость, совершение аморальных поступков [6]. Кроме того, в рамках традиционного восприятия цинизма предлагаются также такие его характеристики, как агрессивность, аморальность, антиидеализм, невоспитанность, отсутствие моральных принципов [3].

В современном комическом дискурсе значимость цинизма растет: аудиторию привлекает демонстрация грубости и агрессии, что способствует становлению

цинизма как базовой ценности комического дискурса и современного общества. Положительное восприятие цинизма аудиторией обусловлено его направленностью на исправление поведения человека [6].

В анализируемом типе дискурса можно выделить следующие основные способы актуализации концепта ‘cynicism’ в контексте смерти другого человека: десакрализация (глумление над телом, глумление над обрядом похорон, глумление над смертью) и замена сочувствия (жадностью, эгоизмом, безэмоциональностью). Десакрализация подразумевает снижение уровня сакрализованности, которая представляет собой маркирование некоторых явлений как сакральных, особо ценных, составляющих высший уровень иерархии представлений человека о мире [50]. Десакрализация смерти подразумевает нарушение норм и принципов социального взаимодействия, связанных со смертью и ее ритуалами. Происходит нарушение табу на ненадлежащие действия и высказывания в отношении умершего, высмеивание ритуала погребения, ненадлежащее взаимодействие с местами захоронения, выставление живого мертвым.

Отметим, что высмеивание смерти при актуализации концепта ‘cynicism’ связано как со смертью чужих людей, так и тех, кто должен быть близким говорящему. Различия между «своими» и «чужими» относятся к базовым, древним культурным границам [51]. Различия устанавливаются благодаря культуре, которая способствует делению людей на категории, обладающие внутренним сходством и внешней несхожестью [52. С. 40–41]. Категория «свой» определяется ощущением границы между «нами» и «чужаками», и чем теснее синтез внутри своего рода, тем четче противопоставление чужому роду [51]. В современных sitcomах наблюдается отсутствие упомянутого синтеза внутри «своих», и отношения между близкими родственниками (родители/дети, братья/сестры) часто демонстрируются в искаженном виде. Родственники переходят в категорию «чужих», что является яркой иллюстрацией эгоизма персонажей. Смерть чужого воспринимается легче, и за счет небытия чужого происходит эгоистическое утверждение собственной жизни [53].

Виды циничного отношения к смерти:

а) Десакрализация

Глумление над телом. Нарушается физическая неприкосновенность тела покойника. (1) *Do you know my favourite funeral joke? Old lady, her husband died, she goes to the funeral parlour. She talks to the guy and he says: "He is beautifully laid out". That classic sort of thing always: "Never looked better, looks lovely". "I wanted him to be in his blue suit, and you got him in brown suit. Could you put him in his blue suit?" And the guy says: "Not a problem, madam", and then leans out on door and goes: "Change the heads on two and four!"* [Знаете мою любимую шутку о похоронах? У старушки умер муж, она приходит в похоронное бюро, говорит с сотрудником, тот замечает: «Он прекрасно выглядит». Классическая фраза: «Никогда не выглядел лучше». «Я хотела, чтобы он был в синем костюме, а вы надели коричневый. Не могли бы вы переодеть в синий? И сотрудник говорит: «Нет проблем!», потом открывает дверь и

кричит: "Поменяй головы у второго и четвертого!"»] [54]. Для сотрудников похоронного бюро тела умерших являются только материалом для работы, что позволяет им, вместо смены одежды на телах, хладнокровно менять головы у покойных (что значительно сложнее с практической точки зрения). Данное действие демонстрирует утилитарную оценку ситуации самими участниками. Комическому эффекту способствует оксюморон в словосочетании *funeral joke*: такое печальное событие, как похороны, не должно являться поводом для юмора. Приведенная шутка встречена смехом и бурными аплодисментами со стороны зрителей. Шутка оценивается самим адресантом положительно (*my favourite funeral joke*). Демонстрируется общая положительная эстетическая оценка покойного (*He is beautifully laid out; Never looked better, looks lovely*), что является нормативным, этически корректным в ситуации похорон (*That classic sort of thing always*).

Рассуждения о покойном носят неуважительный характер. Часто встречаются контексты сравнений умершего человека с каким-либо предметом, например, с едой (уподобление по физическому принципу): (2) *Charlie: You should've seen it. The paramedics zipped him up in a big plastic bag. It looked like those things... the delivery guys use to keep pizza hot. Jake: I wonder if they got him to the morgue in 30 minutes or less* [Чарли: Вам нужно было это видеть. Парамедики упаковали его в большой пластиковый пакет. Выглядел, как те, что используют доставщики, чтобы пицца оставалась горячей. Джейк: Интересно, доставят ли они его в морг за 30 минут или меньше?] [55]. Сообщения, что труп был помещен в пластиковый пакет, дополняется сопоставлением этого пакета с тем, что используют доставщики пиццы. Комический эффект реализуется за счет сравнения: именно пакет для пиццы, а не для мусора заставляет другого персонажа подхватить идею, предположив, что время доставки трупа в морг также сравнимо со временем доставки пиццы менее чем за 30 минут (*30 minutes or less*). Реакция со стороны зрителей: смех. Ситуации дается частная положительная оценка со стороны персонажей как сравнительная, так и интеллектуальная (*You should've seen it*).

Иное «пищевое» сравнение предлагается в контексте идеи реалисти-шоу, где нужно отличить тело близкого человека от идентичного торта и отрезать кусок: (3) *My show would open with two identical bodies lying next to each other. One of the bodies would be dead. The other, cake. Right? This show's called "Dead or Cake". And then a loved one would be given a cake knife. "Susie loved her grandma, but how well did she know her? Will she cut into the delicious "Red Velvet" cake, or her nana?"* [Мое шоу начиналось бы с двух одинаковых тел, лежащих рядом. Одно тело – покойник. Другое – торт. Шоу называлось бы «Мертвец или торт». И кому-то из близких дали бы нож. «Сьюзи любила свою бабушку, но как хорошо она ее знала? Она отрежет кусок вкусного торта "Красный бархат" или своей бабули?»] [56] Комический эффект основан на сравнении, яркости и физиологичности которого способствует название торта "Red Velvet".

Такая необычная идея встречена активным смехом в зрительном зале и оценивается положительно как зрителями, так и самим адресантом. Идее дается сравнительная оценка (*two identical bodies*) с гедонистическим оттенком (*the delicious "Red Velvet" cake*).

Популярны шутки о максимально неподобающем отношении к трупам: (4) *I hope when I die he buries me. Don't interfere, John. Leave that alone. I didn't like it when I was alive* [Я надеюсь, что когда умру, именно он меня похоронит. Не лезь, Джон. Оставь это. Мне это не нравилось и когда я был жив] [54]. Комик, проведя на сцене беседу со зрителем – директором похоронного бюро, желает, чтобы тот провел и его похороны, но просит воздержаться от некрофилии. Комический эффект усиливается за счет акцентированной в этом контексте семантической оппозиции «умирать – жить» (*to die – to be alive*), поскольку уточняется, что адресант не занимался этим и при жизни. Зал реагирует выраженным смехом. Герой шутки, директор похоронного бюро, получает от адресанта субъективную положительную оценку (*I hope when I die he buries me*). В то же время некрофилия как явление оценивается адресантом субъективно отрицательно (*I didn't like it when I was alive*) с модальностью предостережения (*Don't interfere, John. Leave that alone*). Другая шутка на эту же тему следующего содержания: (5) *Неизвестные некрофилы откопали труп Ванги и унесли в неизвестном направлении. Такого она точно не предсказывала!* [57], напротив, вызывает у аудитории смешанную реакцию: сдержанный смех и некомическую реакцию в виде комментария «*Это жест, вы что!*». В основе комического эффекта лежит парадокс, для интенсификации используется наречие «точно». Высказывание получает в основном абсолютную этическую оценку отрицательного характера: явление похищения тела не является нормой и явным образом осуждается. Оценочные высказывания характеризуются эмоциональностью (*Такого она точно не предсказывала! Это жест, вы что!*).

Глумление над обрядом похорон. Десакрализация обряда захоронения связана с нарушением его ритуалов. (6) *Dennis: That's gonna be a mess inside that bag, guys. That's one big sack of Irish stew. Mac: What do you say, we go back down there, and we dump out whatever liquid is probably in that body bag, and then, that'll lighten the load? Dennis: OK, yeah. That works for me, yeah. Dee: OK.* [Деннис: Ребят, внутри этого мешка – бурда. Это один большой мешок ирландского рагу. Мак: Что скажете, если мы вернемся, выльем из мешка всю жидкость и облегчим его? Деннис: Да, хорошо, это сработает. Ди: Хорошо.] [58]. В примере речь идет об ирландском обряде погребения путем сбрасывания с обрыва в море. Персонажи пытаются взойти на гору с телом, при этом испытывая различные трудности и стараясь любым способом облегчить себе участь. Когда после падения по склону мешка с трупом один из них сравнивает его с мешком ирландского рагу (мясо и овощи с подливкой), другой персонаж вносит предложение вылить жидкость, чтобы облегчить ношу.

В данном примере также отражается отсутствие такой ценности, как уважение к умершему (глумление

над телом, «пищевое» сравнение). Реакция аудитории – сдержанный смех. Комический эффект основан на приеме сравнения с оттенком практической пользы. В контексте ситуации субъективные оценки высказывания адресантом и адресатами являются положительными, утилитарными (*that'll lighten the load; OK, yeah. That works for me, yeah*). Сравнительная оценка текущих и возможных обстоятельств реализуется с помощью глагольной формы будущего времени «облегчит» (*it'll lighten*).

Глумление над местом захоронения прослеживается в следующей шутке: (7) **70-летнего дедушку, так и не увидевшего море, похоронили в капсульном отеле** [59]. Нарушение обряда похорон заключается в том, что номер капсульного отеля не предназначен для погребений. Комический эффект основан на приеме сравнения: то, что капсульный отель отличается небольшим размером и позволяет разместиться лежа, адресант считает достаточной причиной для захоронения. Кроме того, комическому эффекту способствует и парадокс: расположение капсульного отеля на побережье предполагает компенсацию прижизненных желаний покойного, несмотря на бессмысленность. Аудитория реагирует смехом. Положительная оценка имплицитно дается самими субъектами действия.

В случае если погребение было произведено надлежащим образом, обнаруживается нарушение табу на вскрытие места захоронения: (8) *Dennis, Dee: Show me the money... Ah, shit! (screaming) Mommy is a skeleton! Frank: Ah! I gifted ya! I paid off the psychic. I buried the money in the dog grave. I gifted your asses good because you said I was slipping. Dee: You made me dig up my dead mother because I said you were losing it? Frank: Score one for the old people!* [Деннис, Ди: Покажи мне деньги... Ах, черт! (кричат) Мамочка – скелет! Фрэнк: Ага! Я вас обманул! Я заплатил медиуму. Я зарыл деньги в собачьей могиле. Я вас надул, потому что вы сказали, что я ненормальный. Ди: Ты заставил меня вырыть мою мертвую мать, потому что я сказала, что ты сходишь с ума? Фрэнк: Очко в пользу стариков!] [60]. В данном фрагменте герои, ведомые жадной наживой, раскапывают могилу их матери. Однако преувеличивающий материальный интерес, демонстрирующий полное отсутствие такой ценности, как уважение к покойному, становится слабым местом героев. Они оказываются обманутыми другим персонажем: в могиле не обнаруживается ни денег, ни драгоценностей. Отметим, что жестокий розыгрыш вызван объективно незначительным поводом: Фрэнк обиделся замечанием о его старении, что соответствует объективной действительности сериала. Такой жесткий эпизод встречен сдержанным смехом аудитории. Комический эффект основан на гиперболизации реакции со стороны обиженного персонажа. Контраст ситуации (шок обманутых и ликование обманщика) подчеркивается сниженной лексикой (*Ah, shit! I gifted your asses*). Фрэнк оценивает ситуацию субъективно положительно, используя наречие положительной оценки “good”, также его оценка эмоциональна (*Ah! I gifted ya! I gifted your asses good Score one for the old people!*). Субъективная оценка со стороны других персонажей меняется с утилитарной положительной (*Show me the money...*) на

эмоциональную отрицательную (*Ah, shit! Mommy is a skeleton! You made me dig up my dead mother because I said you were losing it?*).

Кроме того, может быть нарушено табу неприкосновенности подношений покойнику: (9) *Конкурс красоты закончен, победительница плачет. Но не от счастья – просто букет, который ей вручили, она три дня назад клала на могилу тете* [61]. Реакция со стороны аудитории: сдержанный смех. Комический эффект основан на парадоксе: табу ничего не выносить с кладбища подразумевает запрет на повторное использование принесенных на могилу цветов, который в данном примере нарушается. Действия героини демонстрируют отрицательную оценку такого нарушения (*победительница плачет, но не от счастья*).

Нарушение обряда прощания демонстрируется в комедийном скетче, где герой, мистер Бин, отправляясь на похороны друга, путает церкви и оказывается не на тех похоронах. (10) Стараясь вписаться в атмосферу прощания, герой повторяет действия за остальными присутствующими, но делает это в максимально гротескной манере: очень громко сморкается, стучит по крышке гроба (вместо того, чтобы положить на него руку в знак уважения), делает селфи на фоне гроба, оставляет на крышке пакетик конфет (вместо букета), даже роняет гроб и, восстанавливая цветочную композицию, превращает слово *love* (любовь) в слово *vole* (полевка). Его действия вызывают недоумение окружающих и шокируют их. Осознав, что попал не туда, и придя, наконец, в нужное место, герой демонстрирует гиперболизированную радость, но это выглядит так, будто он радуется смерти этого человека [62]. Все перечисленные действия сопровождаются активным смехом аудитории. В основе комического эффекта лежат гротеск и гипербола. Окружающие дают действиям героя истинностную этически отрицательную оценку, так как его действия объективно не соответствуют ситуации похорон.

Высмеиваются отдельные элементы обряда прощания, в частности, расположение тела: (11) *Funerals are weird. Open casket, closed casket. I want to be sitting up in my casket. You know, just sitting there. Eyes open. I'd like to be positioned near the doorway, so when people enter the room, they're like, "What the hell?" I'd rig it so occasionally my hand would go up. I'd definitely want there to be crumbs on my chest. "Did he eat recently?" I'd pre-record an announcement: "Thanks for coming to my funeral. Don't be sad. I'm in a better place. Just kidding. I'm right here."* [Похороны странные. Открытый гроб, закрытый гроб. Я хочу сидеть в своем гробу. Просто сидеть. С открытыми глазами. Хочу быть расположенным рядом с дверями, чтобы входящие говорили: «Какого черта?». Я устрою так, чтобы иногда поднимать руку. И точно хочу, чтобы на одежде были крошки. «Он что, недавно ел?». Я запишу объявление: «Спасибо за то, что пришли на мои похороны. Не грустите. Я в лучшем мире. Шучу. Я прямо здесь»] [56]. Комический эффект основывается, прежде всего, на оксюморе и популярном мотиве «живой мертвец»: адресант желает сидеть с открытыми глазами в своем гробу с крошками еды на одежде и поднимающейся в

приветствии рукой, чтобы шокировать окружающих; также на его похоронах должны звучать заранее записанные им шутки. Все это, по его мнению, должно радикально изменить традиционную атмосферу похорон, которой он дает субъективную этически отрицательную оценку (*Funerals are weird*). Антитеза «мертвый – живой», когда похороны обставлены так, будто покойник жив, усиливается соответствующими выражениями: *I'm in a better place – I'm right here; Did he eat recently? Thanks for coming to my funeral*. Реакция зрительного зала: бурный смех и аплодисменты.

Глумление над смертью. Осмеивается факт смерти, наступившей или мнимой. Покойный сравнивается с уже исчезнувшими или устаревшими явлениями. (12) *Frank: I got news! Your mother is dead! Dennis: Yeah, right. Nice try. Very funny, Frank. Frank: I'm serious this time. She had a botched neck lift. She's as dead as disco. [laughs] Who wants champagne?* [Фрэнк: У меня новости! Ваша мать мертва! Деннис: Ну да. Хорошая попытка. Очень смешно, Фрэнк. Фрэнк: Сейчас я серьезно. Хирург напортачил с подтяжкой шеи. Она мертва, как диско. (смеется) Кто хочет шампанского?] [63]. Комический эффект достигается за счет алогичного поведения персонажа, не соответствующего новости о смерти близкого человека. Некомическая реакция второго участника коммуникативной ситуации (*Yeah, right. Nice try. Very funny, Frank*) объясняется недоверием, поскольку ложную весть о смерти матери он слышит уже не первый раз. Фразы положительной оценки (*Yeah, right. Nice try. Very funny*) в контексте данной ситуации произносятся с иронией. Зрительская реакция – смех. Новость подается самим адресантом как истинное суждение (*I'm serious this time. She had a botched neck lift*) и получает у него положительную сравнительную оценку (*She's as dead as disco*), которая реализуется с помощью устойчивого выражения *as dead as disco* («мертв, как диско»), обозначающего ситуацию, когда кто-то, несомненно, является мертвым. Эмоциональный характер оценки подчеркивается восклицаниями (*I got news! Your mother is dead!*).

Физическое или словесное представление живого человека мертвым часто имеет шутливое обоснование. Так, намек на смерть человека, являющегося живым, может стать поводом для подшучивания над окружающими и создания атмосферы веселья: (13) *Frank: Your mother's dead. Dennis, Dee: No. What? Oh, my God! Frank: No, she's not dead. We're gettin' divorced though. Dennis, Dee: Why... What... Why would you say that she's dead? Frank: That's a business tactic. You drop the bomb, then you soften the blow. You never tried this?* [Фрэнк: Ваша мать мертва. Деннис, Ди: Нет. Что? О Господи! Фрэнк: Нет, она не мертва. Мы разводимся. Деннис, Ди: Что? Почему? Почему ты сказал, что она мертва? Фрэнк: Это бизнес-тактика. Сначала кидаете бомбу, потом смягчаете. Никогда не пробовали?] [64]. По замечанию самого адресанта, он использовал бизнес-тактику, которая заключается в том, что сначала сообщается шокирующая ложная информация, а затем неприятная правдивая, что обеспечивает ее благожелательное восприятие адресатами. Такой контраст является основой комического эффекта в данном примере и

подкрепляется антитезой (*Your mother's dead. – No, she's not dead*). Реакция со стороны зрителей: смех. Сам адресант оценивает собственное высказывание как ложное (*No, she's not dead*), а ситуации в целом дает субъективную положительную оценку (*That's a business tactic. You drop the bomb, then you soften the blow*). Оценка со стороны адресатов, напротив, является отрицательной (*Why... What... Why would you say that she's dead?*) и, помимо этого, эмоциональной (*Oh, my God!*).

В следующем фрагменте комментируются преимущества работы гериатрической медсестры в контексте смерти пожилых людей: (14) *Can't go wrong with geriatric, can you? If you give 'em too much of something, and then, "Oh, he's dead." No one's doing an autopsy on a 91-year-old. Fuck it, you're fine* [Разве в гериатрии что-то может пойти не так? Если дадите слишком много лекарства и потом: «Ох, он мертв». Никто не будет делать аутопсию в 91 год. К черту это, у вас все отлично] [65]. Комик полагает, что при случайной передозировке лекарства смерть выглядит естественно, и никто не станет делать вскрытие пожилого человека, что освобождает медсестру от ответственности (*Fuck it, you're fine*). Реакция зрителей – бурный смех. Комический эффект основан на литоте – преуменьшении значимости смерти и нивелировании ответственности за нее. Усилению комического эффекта и демонстрации незначительности ситуации способствует использование обценной лексики без выражения гнева говорящим (*Fuck it*). Адресант подает суждение как истинное (*Can't go wrong with geriatric, can you?*) и оценивает его как положительное. Кроме того, дается сравнительная оценка гериатрического отделения с другими (*No one's doing an autopsy on a 91-year-old*).

Даже на похоронах трудно удержаться от шутки о покойном: (15) *If we think something might be funny, we are fucking saying it. We could be at your mum's funeral. "All right, luv, she's not the only thing that's stiff. Well, nothing ventured. She was already in a terrible mood. Lovely spread, she's got a face on. There's no pleasing some people."* [Если мы считаем что-то смешным, мы об этом говорим. Это могут быть похороны тещи. «Дорогая, а она не единственная, кто тут мертв. Да ладно, она уже была в плохом настроении. У нее такое лицо... Некоторым людям сложно угодить»] [65]. Комический эффект основан на алогичном поведении: комик замечает, что хорошую шутку нужно произносить сразу, даже если это похороны тещи. Экспрессивности добавляет обценная лексика без выражения гнева (*fucking*). Аудитория реагирует бурным смехом. Адресантом дается субъективная сравнительная оценка покойной с ее прижизненным состоянием (*She was already in a terrible mood... she's got a face on. There's no pleasing some people*).

Чужая смерть воспринимается как игра или фильм: (16) *A buddy of mine watches death videos on the internet. If we're hanging out, I'll watch... I don't know if you know this, the war in the Middle East is just on the internet. We watched, like, three hours of the war in Iraq. After the first hour, I found myself starting to cheer... Not cheer, but, like... relate* [Мой приятель смотрит видео смертей в Интернете. Если мы зависаем вместе, я тоже смотрю.

Не знаю, известно ли вам, в Интернете уже есть война на Среднем Востоке. Мы три часа смотрели войну в Ираке. После первого часа я начал их подбадривать... Ну не подбадривать, а как-то вовлекаться [66]. Просмотр реальных видео с мест вооруженных конфликтов становится многочасовым развлечением (*three hours of the war in Iraq*), герой начинает ощущать причастность и «болеть» за участников (*After the first hour, I found myself starting to cheer... Not cheer, but, like... relate*). Однако эта причастность имеет исключительно формальный характер, поскольку герой не испытывает глубоких личных переживаний, наблюдая за чужой смертью. Зрители реагируют бурным смехом. Комический эффект основан на алогичном поведении адресанта: неуместности поведения спортивного болельщика при просмотре видео с мест вооруженных конфликтов. Положительная оценка со стороны адресанта имеет гедонистический оттенок: данное «развлечение» ему понравилось (*I found myself starting to cheer*).

Подобное восприятие наблюдается и в следующем фрагменте: (17) *Lockdowns, <mask> mandates, variants. But it feels like we've finally gotten to the point where we don't care. Remember that we used to care? I mean, obviously, we care, but we used to be concerned. We were like, "Hundreds of people have died today," and now we're like, "Hundreds of people have died today. Let's go to a comedy show." For two years, for two years, the news was like the death lottery* [Локдауны, маски, мандаты, варианты. Но такое ощущение, будто мы уже дошли до точки, когда нам все равно. Помните, как мы интересовались? Мы и сейчас интересуемся, но тогда нас это забавило. Раньше: «Сегодня умерли сотни людей», а сегодня: «Сегодня умерли сотни людей. Пойдем на комедию». Два года, два года новости были смертельной лотереей] [56]. Комический эффект достигается за счет алогичного поведения людей (*Hundreds of people have died today. Let's go to a comedy show*). Усиление комического эффекта происходит за счет сравнения ежедневных новостей о числе умерших в пандемию COVID-19 со смертельной лотереей (*the news was like the death lottery*), где каждый день делаются попытки угадать количество новых смертей. Некомическая оценка самим автором выражена в его комментарии, что озабоченность чужими смертями сменилась равнодушием (*But it feels like we've finally gotten to the point where we don't care*). Антитеза прошлого и настоящего усиливается повторами (*We were like, "Hundreds of people have died today," and now we're like, "Hundreds of people have died today..."*). Аудитория встречает шутку криками, громким смехом и аплодисментами. В примере прослеживаются истинностная (*But it feels like we've finally gotten to the point where we don't care. Remember that we used to care?*) и сравнительная оценки (*the news was like the death lottery*).

Глумление над обстоятельствами смерти: (18) *Как стало известно, после поднятия со дна останков батискафа «Титан», со спасателями связался Алексей Щербаков, чтобы забрать его, обновить салон, отмыть со стен фарш, масло сменить и перепродать подороже* [67]. В примере упоминается комик, занимающийся реставрацией автомобилей.

Комическому эффекту способствует алогизм: описанные в примере действия (*обновить салон, отмыть, масло сменить и перепродать*) применимы к автомобилям и невозможны в отношении обломков батискафа «Титан». Останки погибших названы пренебрежительно (*фарш*). Реакция аудитории: сдержанный смех и комментарий, отражающий некомическую оценку: «*Это очень хорошо, точнее, плохо, это ужасно!*». Следует отметить, что автор комментария сначала дает субъективную положительную оценку самой шутке (*Это очень хорошо*), затем – этическую отрицательную (*плохо, это ужасно!*). Изложенное в самом примере получает у адресанта истинностную (*как стало известно*) утилитарную оценку (*перепродать подороже*).

В следующем диалоге подруга героя просит объяснить смысл метода знакомства с девушками под названием «Уикенд у Барни»: (19) *Barney: I play a dead guy, and Ted and Marshall carry me around. Robin: And based on that, girls want to sleep with you. But you're dead. Barney: Yeah. Except not really, obviously. Robin: But the girl thinks you're dead. Barney: No, she thinks I'm alive. Robin: Which you are. Barney: Exactly. Robin: Except you're dead. Barney: Exactly. Robin: Except you're alive. Barney: Exactly. Robin: Okay, so instead of... being an alive person pretending to be a dead person pretending to be an alive person, why not just be an alive person?* *Barney: The movie is called "Weekend at Barney's". My name is Barney* [Барни: Я играю покойника, а Тед и Маршалл меня везде таскают. Робин: А поэтому девушки хотят переспать с тобой. Но ты мертв. Барни: Да. Но не по-настоящему, конечно. Робин: Но девушка думает, что ты мертв. Барни: Нет, она думает, что я жив. Робин: Каким ты и являешься. Барни: Точно. Робин: Но ты мертв. Барни: Точно. Робин: Но ты и жив. Барни: Точно. Робин: Ага, но вместо того, чтобы быть живым, притворяющимся мертвым, которого принимают за живого, почему бы просто не быть живым? Барни: Фильм называется «Уикенд у Берни». А меня зовут Барни] [68]. Упомянутый метод заключается в том, чтобы разыграть сюжет известного фильма «Уикенд у Берни»: герой полагает, что имитация умершего, которого остальные считают живым, позволит ему заводить желаемые знакомства.

Такие сложности и странный выбор сюжета обоснованы только схожестью имен героев: Берни – Барни (*The movie is called "Weekend at Barney's". My name is Barney*). Комический эффект достигается за счет абсурда и алогичности действий героя (*instead of... being an alive person pretending to be a dead person pretending to be an alive person, why not just be an alive person?*). Созданию комического эффекта также способствует повтор контрастных фраз с оппозицией «dead–alive», который подчеркивает абсурдность метода и однообразие ответа: *But you're dead... But the girl thinks you're dead... No, she thinks I'm alive... Exactly. Except you're dead... Exactly. Except you're alive... Exactly*. Ситуация вызывает зрительский смех. Ситуация оценивается субъективно положительно самим адресантом, но отрицательно – его подругой (*why not just be an alive person?*).

б) Жадность как замена сочувствия.

В контексте материального интереса чужая смерть воспринимается гораздо менее значительным событием, чем факт собственного обогащения, возможного или реального, будь то оставленное завещание или прочие материальные ценности: (20) *Jake: How did he die? Alan: He just got old. His heart stopped. Jake: His watch is still going. Why would he need a watch, anyway? It's not like he's gonna be late for anything. Alan: Okay, there are other people waiting to pay their respects.* [Джейк: Как он умер? Алан: Просто состарился. Его сердце остановилось. Джейк: А его часы еще идут. Зачем ему часы? Он больше никуда не опаздывает. Алан: Так, тут есть еще те, кто хочет отдать дань уважения] [69]. В данном примере герой намекает на шанс завладеть часами умершего, обосновывая это тем, что умершему уже некуда спешить. Реакция аудитории – смех. Комический эффект упрочивается за счет антитезы «мертвый» – «живой» через сравнение остановившегося сердца с продолжающими идти часами (*His heart stopped. – His watch is still going*). Субъективная положительная оценка ситуации адресантом утилитарна (*Why would he need a watch, anyway?*), а второй участник диалога дает этому отрицательную оценку (*Okay, there are other people waiting to pay their respects*).

Следующий пример демонстрирует упоминание в речи на похоронах имущества, которым владел покойный, причем это происходит параллельно с воспоминаниями о самом покойнике. (21) *Evelyn: He was a good man... and part of my life, and now he's gone. I just pray he died peacefully... and held on to that stately six-bedroom, four-bath Colonial... in Hancock Park... with the bonus office/guest room over the garage* [Эвелин: Он был хорошим человеком... частью моей жизни, и теперь его нет. Надеюсь, он умер спокойно... оставил тот величественный дом с шестью спальнями и четырьмя ванными комнатами, в колониальном стиле... в Хэнкок Парк... с дополнительным офисом/гостевой над гаражом] [69]. На такую «похоронную речь» аудитория реагирует смехом. Эпизод комичен, поскольку речь произносит вдова покойного, являющаяся агентом по недвижимости. Комический эффект основан на алогичном поведении персонажа: подразумевается, что горе вдовы должно быть более глубоким, однако речь выдает явное смещение ее интересов в сторону материального (*I just pray he died peacefully... and held on to that stately six-bedroom, four-bath Colonial...*). Адресант дает субъективную истинностную оценку качеств умершего, используя оценочную лексику (*He was a good man... and part of my life*), и его недвижимости (*stately six-bedroom, four-bath Colonial with the bonus office/guest room over the garage*).

В следующем примере семья героя находится в ожидании его смерти, считая это великопечной перспективой обогащения и уже планируя свои покупки: (22) *Dee: Okay, so, listen, here's the thing. He is at our bar right now drinking himself to death. Bill's wife: Oh, that's fantastic. Dennis: What? No, that's not fantastic. The man's trying to kill himself. Bill's wife: If he dies, we get money. Bill's daughter: When I get my money, I want to buy a new cell phone. Bill's son: I'm gonna – a gun, because*

I'm the man of the house. Bill's wife: Bill's a lying, cheating, drug-addict piece of garbage, and we all hope he dies [Ди: Хорошо, слушайте. Он сейчас в нашем баре напивается до смерти. Жена Билла: Замечательно. Деннис: Что? Это не замечательно. Он пытается убить себя. Жена Билла: Если он умрет, мы получим деньги. Дочь Билла: Когда я получу свои деньги, я хочу купить новый телефон. Сын Билла: Я куплю ружье, потому что я – мужчина в этом доме. Жена Билла: Билл – лживый, наркозависимый кусок дерьма, и мы все надеемся, что он умрет] [70]. Акцент в речи сына на том, что он теперь является главой семьи, свидетельствует также об отсутствии в этой семье такой ценности, как уважение друг к другу. Реакция зрителей – смех. Некомическая реакция одного из персонажей соответствует ситуации: он не считает смерть другого человека хорошим событием в отличие от жены (*Oh, that's fantastic. – No, that's not fantastic. The man's trying to kill himself*), однако события, предшествующие этому разговору, раскрывают его лицемерие. Комический эффект основывается на гиперболизации негативного отношения со стороны членов семьи, включая детей. Реализации комической ситуации способствуют антитеза (*Oh, that's fantastic. – What? No, that's not fantastic*) и литота – преуменьшение значения смерти близкого родственника перед перспективой наживы. В речи персонажей оценка реализуется через оценочную лексику (*fantastic, not fantastic*). В истинностных утверждениях части персонажей ситуация оценивается объективно отрицательно (*He is at our bar right now drinking himself to death. No, that's not fantastic. The man's trying to kill himself*). Субъективная оценка со стороны семьи, напротив, положительная (*Oh, that's fantastic*). Кроме того, перспектива смерти оценивается ими утилитарным образом (*If he dies, we get money. When I get my money, I want to buy a new cell phone*).

Деньги становятся дороже жизни близкого родственника и в следующем примере – (23) *Почти как Пабло Эскобар: румынский наркобарон сжег дочь, чтобы согреть два миллиона долларов* [59]. Обигрывается реальная история из жизни наркобарона Пабло Эскобара, когда он сжег более двух миллионов долларов, чтобы холодной ночью в пустыне обогреть дочь и приготовить еду. Комический эффект основывается на абсурде: деньги невозможно обогреть, действие бессмысленно. Аудитория бурно смеется. Ситуации дается сравнительная оценка (*Почти как Пабло Эскобар*).

Смерть постороннего человека может быть выгодной для бизнеса. Факт самоубийства с крыши бара может послужить хорошей рекламой и поводом для роста заведения. (24) *Charlie: Like, you don't make it grim, but you make it playful. Like, we start to name drinks after jumpers or whatever, like, uh, The Last Call. All: The Jump Shot. Lemon Drop. Cosmo-fall-itan? Dennis: Oh! Very good. We could become, like, a hot spot for jumpers. We'd put their pictures up, all around the bar. To immortalize them, you know? Turn them into martyrs. Mac: That's cool. And we'd play music. Uh, "Highway to Hell." "Free Fallin'". Dee: We could lean into, like, a haunted house. Dennis: Basically, what we've concluded*

is that it would actually be good for the bar if this guy jumps and dies [Чарли: Ну, ты делаешь это не мрачным, а веселым. Например, мы начнем называть напитки именами прыгунов или, например, «Последний зов». Все: «Шот-прыжок», «Упавший лимон», «Космопрыг»? Деннис: Отлично, мы сможем стать местом прыгунов-самоубийц. Повесим их портреты на стенах. Сделаем их бессмертными. Мучениками. Мак: Круто. И будем ставить музыку типа «Дорога в Ад», «Свободное падение». Ди: Сделаем дом с призраками. Деннис: Вот мы и заключили, что для бара было бы здорово, если бы этот парень спрыгнул и умер] [71]. Комический эффект основан на алогичном поведении персонажей и усиливается за счет градации нововведений, связанных с самоубийством, начиная от названий напитков и музыки и заканчивая возведением самоубийц в ранг мучеников и украшением бара их портретами в стиле «дома с привидениями». Построению данного фрагмента способствуют антитеза «зловещий» – «забавный» (*grim – playful*) и языковая игра в названиях коктейлей, посвященных самоубийцам (*The Last Call, The Jump Shot, Lemon Drop, Cosmo-fall-itan*). Заклучив, что бар круто выиграет от самоубийства с его крыши, герои испытывают тревогу за успех предприятия и даже вырабатывают план помощи в самоубийстве. Зрительская реакция – смех. Субъективная оценка ситуации адресантами носит положительный утилитарный характер и эксплицируется в оценочной лексике (*it would actually be good for the bar*).

Материальный интерес героев может концентрироваться не только вокруг выгоды от чужой смерти. Персонажи следующего фрагмента, с высокой долей вероятности, совершили убийство и просят друга помочь им сбежать. Добавим, что последний только что сел за руль машины своей мечты, и его эгоистичное удовольствие и концентрация на обладании объектом вожделения оказываются выше этих трагических событий. (25) *Mac: Dennis! The cops, the parents, they're all after us! Oh, man, we did a bad thing. Go! Hey, get us out of here, man! Go, go, go! Charlie: Oh, Jesus. We did a bad thing, dude. I think I killed a kid. Mac: He did. I saw him! I think the kid's dead! Dennis: Shhhh... Doesn't matter. Doesn't matter* [Мак: Деннис! Копы, родители, все гонятся за нами! Чувак, мы сделали что-то очень плохое. Езжай! Увези нас отсюда! Скорей, скорей! Чарли: Господи, мы сделали очень плохую вещь, чел. Я думаю, что убил ребенка. Мак: Да, я видел! Думаю, пацан мертв! Деннис: Ш-ш... Все не важно. Все не важно] [72]. Комическому эффекту способствует алогичное поведение одного из персонажей в критической ситуации, что подкрепляется полным лексическим повтором (*Doesn't matter*), который по сюжету действует на героев гипнотически. Комический эффект упрочивается за счет литоты, которая снижает значимость трагических событий в сравнении со значимостью материальной стороны. Зрительская реакция выражается в сдержанном смехе. Некомическая оценка дается самими персонажами (*we did a bad thing; Doesn't matter*). Оценка ситуации двумя персонажами подается как истинностная (*I think I killed a kid. He did. I saw him! I think*

the kid's dead!), отрицательная, реализованная с помощью оценочной лексики (*we did a bad thing*) и, кроме того, является эмоциональной. Субъективная оценка третьего участника ситуации, напротив, рациональна (*Doesn't matter*).

Приоритетом для героев может стать и какое-либо событие, так, счет футбольного матча становится важнее поминок: (26) *Man: What's the score? Joe: 17-14, Giants. Three minutes to go in the third. Man: Beautiful. [Sports announcer speaking on radio] Man: No!.. (People look at him) Now I'm depressed. Even more than I was* [Мужчина: Какой счет? Джо: 17–14, Гиганты. Три минуты. Мужчина: Отлично. (По радио слышен голос спортивного комментатора) Мужчина: Нет!.. (На него смотрят люди) Теперь я в глубокой печали. Даже больше, чем был] [73]. Отметим, что пристальные взгляды окружающих заставили героя сделать вид, что он убит горем утраты (*Now I'm depressed*), несмотря на то, что всего лишь разочарован ходом игры. Комический эффект основывается на алогичном поведении персонажей, не соответствующем ситуации поминок. Упрочению комического эффекта служат литота, уменьшающая значимость чужой смерти на фоне личных интересов, и гиперболизация горя говорящего. Реакция зрителей – смех. Чтобы выглядеть убедительно, адресант прибегает к сравнительной оценке своего эмоционального состояния (*Now I'm depressed. Even more than I was*). Большинство окружающих оценивает такое неподобающее на поминках поведение этически отрицательно, тогда как сами участники коммуникации – положительно.

в) Эгоизм как замена сочувствия.

В этом случае продолжается концентрация на собственных интересах, но здесь это уже не объекты наследования и подобная материальная сторона, но непосредственно личность говорящего. Эгоизм приводит к тому, что «свои» воспринимаются как «чужие», поэтому, получив известие о чужой смерти, герои концентрируют все свое внимание на себе, нежели на покойном. Так, вернувшись с похорон, можно найти себя более привлекательным, чем обычно: (27) *Alan: Oh, hey, Mom. Wow, you look nice. Evelyn: Yes, mourning becomes me, doesn't it? If only more of my friends would die* [Алан: О, привет, мам. Ого, хорошо выглядишь. Эвелин: Да, горе меня преображает, не так ли? Если бы умерло больше моих друзей] [74]. Комический эффект основан на контрасте: горе, обычно негативно отражающееся на внешности, в данном случае делает героиню более привлекательной; и на алогичном желании героини (*If only more of my friends would die*). Аудитория реагирует смехом. Оба участника коммуникативной ситуации дают ей рациональную положительную оценку (*Wow, you look nice; Yes, mourning becomes me*).

Другое проявление подобного смешения интересов отражено в следующем контексте: (28) *Black: Oh, my God. Oh, my God! Manny: What? What? [heading in the newspaper: Pope killed by inferior wine] Black: It's the 19th! It's my birthday!* [Блэк: О господи! Боже мой! Мэнни: Что? Что? (заголовок в газете: «Папа римский отравился поддельным вином») Блэк: Сегодня девят-

надцатое! Мой день рождения!] [75]. Здесь герой, отличающийся особенным равнодушием к другим людям, замечает в газете только число, оказывающееся его днем рождения, но не видит крупно напечатанный заголовок о смерти папы римского. Реакция аудитории – смех. Эпизод обладает особенным комизмом, поскольку повторяющиеся драматические восклицания (*Oh, my God. Oh, my God!*) сначала наводят зрителя на мысль, что герой осознал свою причастность к трагедии (как и было, согласно сюжету серии). Комический эффект достигается за счет гиперболы: преувеличенной реакции героя, который дает событию субъективную эмоциональную оценку (*Oh, my God! It's the 19th! It's my birthday!*).

В случае если чужая смерть затрагивает личные интересы говорящего, тот напрямую заявляет об этом, ведь она, например, может плохо сказаться на репутации заведения: (29) *Dennis: I mean I don't really care that much about Bill; I just don't want him dying in the bar. We've had too many deaths in there already* [Деннис: Ну, меня не особенно заботит Билл; я просто не хочу, чтобы он умер в нашем баре. Там и так было достаточно смертей] [70]. Высказанное героем собственное равнодушие к человеку, который может умереть, вызывает у аудитории смех. Комический эффект достигается за счет контраста поведения и высказываний говорящего, демонстрирующих его лицемерие. Субъективная оценка адресантом действий третьего лица – рациональная отрицательная, что подкрепляется использованием отрицательных конструкций (*I don't really care, I just don't want*).

Чужую смерть можно превратить в собственное развлечение: (30) *You know my favorite accident? Two buses and a chicken truck [applause] get hit by a circus train in front of a flea market. I want to see something interesting. I'm looking of a neck sticking out of a gas tank. If I'm going to take the time to stop, I expect a couple of fucking laughs* [Знаете мое любимое дорожное происшествие? Два автобуса и грузовик с курами (аплодисменты) столкнулись с цирковым поездом у блошиного рынка. Я хочу увидеть что-то интересное. Мне нужна шея, торчащая из заправочного бака. Если я остановлюсь, то должен хоть пару раз посмеяться] [76]. Комический эффект основывается на гиперболе: для героя представляют интерес исключительно концентрированные последствия дорожной аварии (*two buses and a chicken truck, a circus train, a flea market, a neck sticking out of a gas tank*). Данный фрагмент сопровождается бурным смехом и аплодисментами зрителей. Адресант дает ситуации положительную гедонистическую оценку с использованием оценочной и обценной лексики без выражения гнева (*my favorite accident; I want to see something interesting; a couple of fucking laughs*).

г) Безэмоциональность как замена сочувствия.

В рамках данного аспекта не происходит смещения внимания с факта чужой смерти к материальному, или чему-то иному, более важному для говорящего. Испытывая абсолютное равнодушие к смерти другого человека, говорящий просто продолжает свои действия: (31) *And last week I either ran over a sheep or I ran over a small man wearing a sheepskin coat [applause]. And I*

don't know. Because I didn't stop [applause] I do not stop when I have a traffic accident. Do you? Hey, who has time? Not me, I hit somebody, I run somebody over, I keep moving especially if I've injured someone. I do not get involved in that. I'm not a doctor [На прошлой неделе я сбил овцу или карлика в костюме овцы (аплодисменты). Я не знаю. Потому что я не остановился (аплодисменты). Я не останавливаюсь, если попадаю в ДТП. А вы? Да у кого есть время на это? Не у меня, если я кого-то сбиваю, то уезжаю, особенно если кого-то покалечил. Я не влезая в это. Я не врач] [76]. В примере актуализируется отсутствие такой ценности как гуманизм. Комический эффект подкрепляется алогичными оправданиями: отсутствием времени и медицинского образования (*Hey, who has time? Not me. I'm not a doctor*). Рассмотренный фрагмент сопровождается активным смехом и аплодисментами аудитории. Адресант демонстрирует истинностную рациональную оценку своего поведения (*I do not stop when I have a traffic accident. I'm not a doctor*).

Аналогичное не проявление чувств наблюдается и в другом фрагменте, посвященном стрельбе в школах: (32) *Did you ever notice on the TV news: every time some guy with an AK-47 strolls onto a school yard and kills 3 or 4 kids and a couple of teachers, the next day, the school is overrun with counsellors and psychiatrists, and grief counsellors, and trauma therapists trying to help the children cope? Shit! When I was in school, someone came to our school and killed 3 or 4 of us; we went right on with our arithmetic! "35 classmates minus 4 equals 31"* [Вы когда-нибудь замечали, что если кто-то с АК-47 заходит в школу и убивает 3–4 детей и пару учителей, на следующий день школа переполнена консультантами, психологами, советчиками, пытающимися помочь детям пережить травму? К черту это! Когда я был школьником и кто-то приходил и убивал 3–4 из нас, мы продолжали арифметику! «35 одноклассников минус 4 равняется 31»] [77]. В основе комического эффекта лежит антитеза: противопоставляется поведение после акта насилия в школах в настоящее время и тогда, когда сам адресант был школьником (*the next day, the school is overrun with counsellors... Shit! When I was in school... we went right on with our arithmetic!*). Ситуация настоящего описывается с использованием гиперболы – количество специалистов по психологическим травмам чрезмерно (*counsellors and psychiatrists, and grief counsellors, and trauma therapists*). Зрительный зал реагирует бурными аплодисментами и смехом. Адресант дает ситуации сравнительную оценку (*every time – When I was in school...*), причем, ситуация прошлого оценивается положительно с утилитарным оттенком (*went right on with our arithmetic! 35 classmates minus 4 equals 31*). Напротив, ситуация настоящего оценивается отрицательно с применением оценочной лексики сниженного характера (*Shit!*).

Некоторые персонажи осознают необходимость прикрыть собственное равнодушие в соответствующей ситуации вежливой репликой: (33) *Black: Hanley! Hanley, come out, you bloodsucker! Hanley! Solicitor: Miss Hanley is dead. Black: Oh? Solicitor: She died in the night. Black: I don't care. I mean, how awful!* [Блэк:

Хэнли! Хэнли, выходи, кровопийца! Адвокат: Мисс Хэнли умерла. Блэк: О? Адвокат: Она умерла ночью. Блэк: Да мне пофиг. Я хотел сказать, как ужасно!] [78]. Комический эффект вызван контрастом события и реакции героя на него. Подобное поведение вызывает смех у зрителей, поскольку обе реплики (*I don't care. I mean, how awful!*) произносятся одна за другой и с одинаковой интонацией, и формальная вежливость не отменяет первоначального цинизма со стороны героя, а наоборот, подчеркивает его неискренность. Событие смерти оценивается говорящим отрицательно с использованием оценочной лексики с интенсификатором (*how awful*).

Популярна демонстрация циничных отношений между друзьями и близкими родственниками. Так, равнодушно относятся к вестям о смерти друг друга братья и сестры: (34) *Dee: Well, what about me? Dennis: You, I thought, might have actually been murdered. Dee: That's what I thought* [Ди: ну а что насчет меня? Деннис: Ну, я думал, ты уже убита. Ди: Я так и думала] [79]. Дети спокойно воспринимают фразу отца о том, что его тело после смерти следует просто выбросить: (35) *Frank: When I'm dead, just throw me in the trash. Dennis: Okay* [Фрэнк: Когда я умру, просто бросьте меня в помойку. Деннис: Хорошо] [80]. Мать резко опровергает слова о том, что волновалась о сыне: (36) *Mac: Oh, my mom also thought I was dead, and she also loves me very much. Mac's mother: No, I don't. Mac: Oh... because she can't imagine a life without me, right, Mom? Mac's mother: I don't give a shit* [Мак: Моя мама тоже думала, что я умер, и она также меня очень любит. Мать Мака: Нет. Мак: Потому что она не может представить жизни без меня, верно, мам? Мать Мака: Да мне пофиг] [81].

Попытка отца свести счеты с жизнью воспринимается с безразличным предположением, что он еще долго будет висеть живым: (37) *All: What is this?! Dee: Oh, Frank's trying to kill himself. His neck is so thick, I feel like he's just gonna swing and dangle around for a really long time* [Все: Что это?! Ди: Фрэнк пытается себя убить. Его шея настолько толстая, что он будет болтаться еще очень долго] [82]. Друзья также не представляют друг для друга никакой ценности: (38) *Dennis: Somebody has to die. Doesn't have to be one of us. Dee: No. Dennis: Mac or Charlie, right? I mean, what do they have to live for? Not one thing* [Деннис: Кто-то должен умереть. И это не один из нас. Ди: Нет. Деннис: Мак или Чарли? Для чего они живут? Да ни для чего] [83].

Основным средством создания комического эффекта является контраст (в контексте циничного отношения к смерти близких людей это средство функционирует наиболее ярко), который в примере 36 эффект усиливается антитезой (*she loves me very much – No, I don't*). Сдержанный смех зрителей сопровождается все приведенные фрагменты. Актуализация смерти в данных примерах сопровождается положительной рационалистической оценкой со стороны участников коммуникации с использованием оценочных фраз, в том числе сниженного характера (*Okay; I don't give a shit*).

Заключение

В современном комическом дискурсе актуализация концепта 'cynicism' в контексте смерти другого человека происходит через десакрализацию и замену сочувствия. С этнокультурной точки зрения классификация рассмотренных примеров не представляется значимой, так как в ситуации глобализации этническое становится менее значимым, уступая более востребованному интернационально-концептуальному.

Эпизоды десакрализации связаны с нарушением обряда похорон и прощания, табу на несоответствующие действия в отношении места захоронения; физическим или словесным глумлением над телом покойного; глумлением над самим фактом и обстоятельствами чужой смерти, выставлением живого человека мертвым, восприятием чужой смерти как развлечения.

Сочувствие подменяется жадностью, эгоизмом и безэмоциональностью. Жадность заставляет персонажей ставить собственное обогащение выше события чужой смерти. Эгоизм концентрирует внимание персонажа на собственной личности и собственных интересах, заставляя воспринимать близких людей как «чужих». Безэмоциональность также заставляет персонажа воспринимать чужую смерть как несущественное событие и часто без отрыва продолжать собственную деятельность.

Проявление цинизма в примерах, проанализированных в нашей работе, сопровождается бурным смехом зрительской аудитории, бурными аплодисментами, и реже – сдержанным смехом. К основным языковым средствам выражения ценностного концепта 'cynicism' по отношению к смерти в комическом дискурсе массовой культуры относятся алогизм, абсурд, парадокс, антитеза, а также гипербола, сравнение и гротеск. Кроме того, демонстрация циничного поведения в контексте смерти реализуется через приемы контраста, литоты и оксюморона, а также использование сниженной и обценной лексики без выражения гнева. Спектр оценок со стороны самих адресантов, а также других участников коммуникации разнообразен: в основном актуализация цинизма в ситуации смерти оценивается положительно, отрицательную оценку получают отдельные эпизоды, связанные с неприкосновенностью тела, также превалируют сравнительная и утилитарная, подразумевающая извлечение практической пользы из чужой смерти. И положительные, и отрицательные оценки могут содержать эмоциональный компонент.

Некомическая оценка, которая дается самими персонажами или зрителями, главным образом, касается наиболее циничных высказываний о чужой смерти. Черный юмор как крайняя степень цинизма демонстрирует отсутствие такой ценности как гуманизм. Следует отметить, что, несмотря на это, цинизм свойствен тем героям современных комедийных произведений массовой культуры, которых можно назвать положительными. Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках современного массового комического дискурса преобладает ценностное восприятие концепта 'cynicism'.

В числе перспектив дальнейшего исследования представляется изучение других ценностных состояний, принадлежащих концептосфере смерти.

Список источников

1. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М. : Гнозис, 2019. 424 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.
3. Бекетова А.А. Языковая репрезентация феномена цинизма в интернет-дискурсе: когнитивно-прагматический и лингвокультурный аспекты (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2018. 21 с.
4. Demjén Z. Laughing at cancer: Humour, empowerment, solidarity and coping online // Journal of Pragmatics. 2016. № 101. P. 18–30.
5. Красильников Р.Л. Танатологические мотивы в контексте комического (на материале русской литературы) // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 197–202.
6. Бочкарев А.И. Цинизм как базовая ценность современного англоязычного комического дискурса // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 59–66. DOI: 10.17223/15617793/482/6
7. Олешков М.Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса // Дискурс, концепт, жанр. Нижний Тагил : Нижне-Тагильская государственная социально-педагогическая академия, 2009. С. 68–85.
8. Higgle R. Kynical dogs and cynical masters: Contemporary satire, politics and truth-telling // HUMOR. 2014. Vol. 27 (2). P. 183–201.
9. Oring E. Humor and the suppression of sentiment // HUMOR. 1994. № 7 (1). P. 7–26.
10. Марьянич В.А. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. М. : URSS, 2013. 272 с.
11. Шоков Н.Н. Семантический механизм и приемы комического // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. №7 (73) : в 3 ч. Ч. 1. С. 170–173.
12. Beermann U., Ruch W. How virtuous is humor? Evidence from everyday behavior // HUMOR. 2009. Vol. 22 (4). P. 395–417.
13. Kersten H. America's faith in the laugh resistance – popular beliefs about political humor in the 2016 presidential elections // HUMOR. 2019. Vol. 32 (2). P. 299–316.
14. Рюмина М.Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 320 с.
15. Бахтин М.М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. 543 с.
16. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. М. : Знак, 2012. 208 с.
17. Пименова М.В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику. Вып. 4. Кемерово, 2004. 208 с.
18. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 314 с.
19. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 390 с.
20. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 1. С. 29–34.
21. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
22. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
23. Бочкарев А.И. Эмоциональная реакция аудитории как способ оценки комического и ценностного статусов различных явлений // Вопросы психолингвистики. 2023. № 1 (55). С. 24–35.
24. Бочкарев А.И. Беспольность как основная утилитарная антиценность современного комического дискурса англоязычной лингвокультуры // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 8. С. 245–261.
25. Bochkarev A.I. Classification of Laughter in Stand-Up Comedies // European Proceedings of Educational Sciences. 2022. Vol. 4 : Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication (TILTM – 2022) : 10 inter. research conf., Moscow, 22–23 Apr. 2022. P. 47–53.
26. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht : D. Reidel, 1985. 284 p.
27. Attardo S., Raskin V. Script theory revis(it)ed: joke similarity and joke representation model // HUMOR. 1991. Vol. 4. P. 293–347.
28. Attardo S. Humorous texts: a semantic and pragmatic analysis. New York : Mouton de Gruyter, 2001. 238 p.
29. Плотникова С.Н. Онтологический статус комического в коммуникации // Речевое общение : специализированный вестник. Вып. 13 : Категория комического в аспекте теории и практики речевого воздействия. Красноярск, 2011. С. 6–32.
30. Кононова А.А. Комическое в новостном дискурсе (на материале английской прессы) // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. по материалам III Всерос. науч. конф. молодых ученых : в 2 ч. Ч. 1. УрФУ, 2013. С. 238–244.
31. Куницына Е.Ю., Пегов Р.И. Гибридизация как форма «расширения» медиа: стендап-технологии в информационно-развлекательном дискурсе (на материале Late Night Talk Show Джима Джеффриса) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 6: Журналистика. С. 150–165.
32. Горлышкина А.В., Свойкин К.Б. Англоязычный юмористический дискурс stand-up show: концепт комического // Oraprev-Online. 2016. № 13 (198). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angloyazychnyy-yumoristicheskiy-diskurs-stand-up-show-kontsept-komicheskogo> (дата обращения: 14.01.2024).
33. Бочкарев А.И. Лингвокогнитивные характеристики антиценностного концепта «negative escapism» в комическом дискурсе // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. 2022. Т. 8 (74), № 2. С. 98–109.
34. Бочкарев А.И. К особенностям актуализации сложного антиценностного концепта insincerity в комическом дискурсе английской лингвокультуры // Вестник КемГУ. 2022. Т. 24, № 2 (90). С. 239–246.
35. Бочкарев А.И. Основные высмеиваемые характеристики антиценностного концепта «Gluttony» (на материале англоязычных стендап-комедий и ситуационных комедий) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163, № 4–5. С. 109–118.
36. Беданкова З.А., Гаврилова Б.А. Ситком как дискурс деградации духовных ценностей (эвокативный анализ телевизионных ситуационных комедий) // Вестник АГУ. 2019. Вып. 4 (247). С. 24–29.
37. Lovell T. A Genre of social disruption? // B.F.I. Dossier 17: Television Sitcom. L., 1982. P. 19.
38. Mills B. Television sitcom. L., 2008. P. 14.
39. Беленький Ю.М. Культурологическая значимость ситкома (на примере эволюции образа американской семьи) // Вестник культурологии. М., 2013. С. 192–213.
40. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
41. Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. М. : Наука, 1972. 472 с.
42. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М. : Лабиринт, 1999. 288 с.
43. Козинцев А.Г. Язык – реальность – игра – смех: Антропологические фрагменты. М. : Издательский Дом ЯСК, 2024. 368 с.
44. Морозова А.М. Жанровая специфика юмористического дискурса // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. С. 216–222.
45. Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 14.01.2024).
46. Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 14.01.2024).
47. Oxford Advanced American Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 14.01.2024).
48. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 14.01.2024).
49. Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 14.01.2024).
50. Широкова М.С. Некоторые особенности десакрализации как основного структурообразующего механизма элементов церковной картины мира (на примере концептов «жертвоприношение» и «молитва») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, Вып. 2: Филология. С. 13–19.

51. Завершинская Н.А. Оппозиция «своего» и «чужого» в современной культуре // Вестник Новгородского государственного университета. 2004. № 27. С. 41–47.
52. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
53. Ним З. Десакрализация смерти на телеэкране // Медиафилософия II: границы дисциплины. СПб., 2009. С. 187–192.
54. Jimmy Carr. Being Funny. 2011. URL: <https://scrapsfromtheloft.com> (дата обращения: 14.01.2024).
55. Two and a Half Men. The Devil's Lube. 2008. URL: <https://sublikescript.com> (дата обращения: 14.01.2024).
56. Gaffigan J. Dark Pale. 2023. URL: <https://scrapsfromtheloft.com> (дата обращения: 14.01.2024).
57. Плохие выдуманные новости. 2023. Вып. 6. URL: <https://rosserial.be> (дата обращения: 14.01.2024).
58. It's Always Sunny in Philadelphia. The Gang Carries a Corpse up to Mountain. 2021. URL: <https://sublikescript.com> (дата обращения: 14.01.2024).
59. Плохие выдуманные новости. 2023. Вып. 5. URL: <https://rosserial.be> (дата обращения: 14.01.2024).
60. It's Always Sunny in Philadelphia. Charlie's Mom Has Cancer. 2012. URL: <https://sublikescript.com> (дата обращения: 14.01.2024).
61. Плохие выдуманные новости. 2023. Вып. 1. URL: <https://rosserial.be> (дата обращения: 14.01.2024).
62. Mr. Bean: Funeral. 2015. URL: <https://ok.ru> (дата обращения: 14.01.2024).
63. It's Always Sunny in Philadelphia. Dennis' and Dee's Mom Is Dead. 2007. URL: <https://sublikescript.com> (дата обращения: 14.01.2024).
64. It's Always Sunny in Philadelphia. Charlie Gets Crippled. 2006. URL: <https://sublikescript.com> (дата обращения: 14.01.2024).
65. Carr J. Funny Business. 2016. URL: <https://scrapsfromtheloft.com> (дата обращения: 14.01.2024).
66. Gillis S. Beautiful Dogs. 2023. URL: <https://scrapsfromtheloft.com> (дата обращения: 14.01.2024).
67. Плохие выдуманные новости. 2023. Вып. 9. URL: <https://rosserial.be> (дата обращения: 14.01.2024).
68. How I Met Your Mother. Weekend at Barney's. 2013. URL: <https://sublikescript.com> (дата обращения: 14.01.2024).
69. Two and a Half Men. A Sympathetic Crotch to Cry On. 2005. URL: <https://sublikescript.com> (дата обращения: 14.01.2024).
70. It's Always Sunny in Philadelphia. Mac Kills His Dad. 2015. URL: <https://sublikescript.com> (дата обращения: 14.01.2024).
71. It's Always Sunny in Philadelphia. Paddy's Has a Jumper. 2019. URL: <https://sublikescript.com> (дата обращения: 14.01.2024).
72. It's Always Sunny in Philadelphia. The Gang Gets New Wheels. 2018. URL: <https://transcripts.foreverdreaming.org> (дата обращения: 14.01.2024).
73. Friends. The One Where Nana Dies Twice. 1994. URL: <https://sublikescript.com> (дата обращения: 14.01.2024).
74. Two and a Half Men. I Merely Slept With a Commie. 2007. URL: <https://sublikescript.com> (дата обращения: 14.01.2024).
75. Black Books. Grapes of Wrath. 2000. URL: <https://sublikescript.com> (дата обращения: 14.01.2024).
76. Carlin G. Complaints and grievances. 2001. URL: <https://scrapsfromtheloft.com> (дата обращения: 14.01.2024).
77. Carlin G. You are all diseased. 1999. URL: <https://scrapsfromtheloft.com> (дата обращения: 14.01.2024).
78. Black Books. Travel Writer. 2004. URL: <https://sublikescript.com> (дата обращения: 14.01.2024).
79. It's Always Sunny in Philadelphia. Mac and Charlie Die. Part 2. 2008. URL: <https://sublikescript.com> (дата обращения: 14.01.2024).
80. It's Always Sunny in Philadelphia. A Very Sunny Christmas. 2010. URL: <https://sublikescript.com> (дата обращения: 14.01.2024).
81. It's Always Sunny in Philadelphia. Old Lady House a Situation Comedy. 2017. URL: <https://sublikescript.com> (дата обращения: 14.01.2024).
82. It's Always Sunny in Philadelphia. The Great Recession. 2009. URL: <https://sublikescript.com> (дата обращения: 14.01.2024).
83. It's Always Sunny in Philadelphia. The Gang Gets Held Hostage. 2007. URL: <https://sublikescript.com> (дата обращения: 14.01.2024).

References

1. Karasik, V.I. (2019) *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Language Spiral: Values, signs, motives]. Moscow: Gnozis.
2. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Language Meanings: Assessment. Event. Fact]. Moscow: Nauka.
3. Beketova, A.A. (2018) *Yazykovaya reprezentatsiya fenomena tsinizma v internet-diskurse: kognitivno-pragmatischeskiy i lingvokul'turnyy aspekty (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Language representation of the phenomenon of cynicism in Internet discourse: cognitive-pragmatic and linguacultural aspects (based on the Russian and English languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Maykop.
4. Demjén, Z. (2016) Laughing at cancer: Humour, empowerment, solidarity and coping online. *Journal of Pragmatics*. 101. pp. 18–30.
5. Krasil'nikov, R.L. (2012) Tanatologicheskie motivy v kontekste komicheskogo (na materiale russkoy literatury) [Thanatological motives in the context of the comic (based on Russian literature)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2. pp. 197–202.
6. Bochkarev, A.I. (2022) Cynicism as a basic value in modern English humorous discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 59–66. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/6
7. Oleshkov, M.Yu. (2009) Lingvokontseptual'nyy analiz diskursa [Linguistic conceptual analysis of discourse]. In: *Diskurs, kontsept, zhanr* [Discourse, Concept, Genre]. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Academy. pp. 68–85.
8. Higgle, R. (2014) Kynical dogs and cynical masters: Contemporary satire, politics and truth-telling. *HUMOR*. 27 (2). pp. 183–201.
9. Oring, E. (1994) Humor and the suppression of sentiment. *HUMOR*. 7 (1). pp. 7–26.
10. Mar'yanchik, V.A. (2013) *Aksiologichnost' i otsenochnost' media-politicheskogo teksta* [Axiology and Evaluativeness of Media-Political Text]. Moscow: URSS.
11. Shokov, N.N. (2017) Semanticheskiy mekhanizm i priemy komicheskogo [Semantic mechanism and techniques of the comic]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 7 (73). Part 1. pp. 170–173.
12. Beermann, U. & Ruch, W. (2009) How virtuous is humor? Evidence from everyday behavior. *HUMOR*. 22 (4). pp. 395–417.
13. Kersten, H. (2019) America's faith in the laugh resistance – popular beliefs about political humor in the 2016 presidential elections. *HUMOR*. 32 (2). pp. 299–316.
14. Ryumina, M.T. (2010) *Estetika smekha: Smekh kak virtual'naya real'nost'* [Aesthetics of Laughter: Laughter as a virtual reality]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
15. Bakhtin, M.M. (1990) *Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [Rabelais and His World]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
16. Kubryakova, E.S. (2012) *V poiskakh sushchnosti yazyka. Kognitivnye issledovaniya* [In Search of the Essence of Language. Cognitive research]. Moscow: Znak.
17. Pimenova, M.V. (2004) Predislovie [Preface]. In: *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Vol. 4. Kemerovo: Grafika.
18. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow: AST: Vostok-Zapad.
19. Karasik, V.I. (2004) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow: Gnozis.
20. Slyshkin, G.G. (2004) Lingvokul'turnyy kontsept kak sistemnoe obrazovanie [Linguocultural concept as a systemic formation]. *Vestnik VGU. Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"*. 1. pp. 29–34.
21. Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
22. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Language Personality]. Moscow: Izdatel'stvo LKI.

23. Bochkarev, A.I. (2023) Emotsional'naya reaktsiya auditorii kak sposob otsenki komicheskogo i tsennostnogo statusov razlichnykh yavleniy [Emotional reaction of the audience as a way of assessing the comic and value statuses of various phenomena]. *Voprosy psikhologicheskoy nauki*. 1 (55). pp. 24–35.
24. Bochkarev, A.I. (2023) Bepoleznost' kak osnovnaya utilitarnaya antitsennost' sovremennogo komicheskogo diskursa angloyazychnoy lingvokul'tury [Uselessness as the main utilitarian anti-value of the modern comic discourse of the English-speaking linguistic culture]. *Nauchnyy dialog*. 8 (12). pp. 245–261.
25. Bochkarev, A.I. (2022) [Classification of Laughter in Stand-Up Comedies]. *European Proceedings of Educational Sciences*. 2022. Proceedings of the 10th International Conference. Vol. 4. Moscow. 22–23 April 2022. Moscow: RUDN University. pp. 47–53. (In Russian).
26. Raskin, V. (1985) *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht: D. Reidel.
27. Attardo, S. & Raskin, V. (1991) Script theory revis(it)ed: joke similarity and joke representation model. *HUMOR*. 4. pp. 293–347.
28. Attardo, S. (2001) *Humorous Texts: A semantic and pragmatic analysis*. New York: Mouton de Gruyter.
29. Plotnikova, S.N. (2011) Ontologicheskoy status komicheskogo v kommunikatsii [Ontological status of the comic in communication]. *Rechevoe obshchenie: spetsializirovannyi vestnik*. 13. pp. 6–32.
30. Kononova, A.A. (2013) [The humorous in news discourse (based on the English press)]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka* [Actual Issues of Philological Science of the 21st Century]. Proceedings of the 3rd All-Russian Conference. Part 1. Yekaterinburg. 8 February 2013. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 238–244. (In Russian).
31. Kunitsyna, E.Yu. & Pegov, R.I. (2019) Gibrizatsiya kak forma "rasshireniya" media: standap-tehnologii v informatsionno-razvlekatel'nom diskurse (na materiale Late Night Talk Show Dzhima Dzheffrisa) [Hybridization as a form of media "expansion": stand-up technologies in information and entertainment discourse (based on Jim Jefferies' Late Night Talk Show)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 6 (18). pp. 150–165.
32. Gorlyshkina, A.V. & Svoikin, K.B. (2016) Angloyazychnyy yumoristicheskoy diskurs stand-up show: kontsept komicheskogo [English-language humorous discourse of stand-up shows: the concept of the comic]. *Ogarev-Online*. 13 (198). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/angloyazychnyy-yumoristicheskoy-diskurs-stand-up-show-kontsept-komicheskogo> (Accessed: 14.01.2024).
33. Bochkarev, A.I. (2022) Lingvokognitivnye kharakteristiki antitsennostnogo kontsepta "negative escapism" v komicheskom diskurse [Lingvocognitive characteristics of the anti-value concept "negative escapism" in comic discourse]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. 2-8 (74). pp. 98–109.
34. Bochkarev, A.I. (2022) K osobennostyam aktualizatsii slozhnogo antitsennostnogo kontsepta insincerity v komicheskom diskurse angliyskoy lingvokul'tury [On the features of actualization of the complex anti-value concept insincerity in the comic discourse of English linguoculture]. *Vestnik KemGU*. 2-24 (90). pp. 239–246.
35. Bochkarev, A.I. (2021) Osnovnye vysmeivaemye kharakteristiki antitsennostnogo kontsepta 'Gluttony' (na materiale angloyazychnykh standap-komediy i situatsionnykh komediy) [The main ridiculed characteristics of the anti-value concept 'Gluttony' (based on English-language stand-up comedies and situational comedies)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 4–5 (163). pp. 109–118.
36. Bedanokova, Z.A. & Gavrilova, B.A. (2019) Sitkom kak diskurs degradatsii dukhovnykh tsennostey (evokativnyy analiz televizionnykh situatsionnykh komediy) [Sitcom as a discourse of degradation of spiritual values (evocative analysis of television situational comedies)]. *Vestnik AGU*. 4 (247). pp. 24–29.
37. Lovell, T. (1982) A genre of social disruption? In: Cook, J. (ed.) *B.F.I. Dossier 17: Television Sitcom*. London: British Film Institute. P. 19.
38. Mills, B. (2008) *Television Sitcom*. London: [s.n.]. P. 14.
39. Belen'kiy, Yu.M. (2013) Kul'turologicheskaya znachimost' sitkoma (na primere evolyutsii obraza amerikanskoy sem'i) [Culturological significance of the sitcom (on the example of the evolution of the image of the American family)]. *Vestnik kul'turologii*. pp. 192–213.
40. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskustvo.
41. Cicero, M.T. (1972) *Tri traktata ob oratorskom iskustve* [Three Treatises on Oratory]. Moscow: Nauka.
42. Propp, V.Ya. (1999) *Problemy komizma i smekha. Ritual'nyy smekh v fol'klore (po povodu skazki o Nesmeyane)* [Problems of Comedy and Laughter. Ritual laughter in folklore (regarding the Tale of Nesmeyana)]. Moscow: Labirint.
43. Kozintsev, A.G. (2024) *Yazyk – real'nost' – igra – smekh: Antropologicheskie fragmenty* [Language – Reality – Game – Laughter: Anthropological fragments]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK.
44. Morozova, A.M. (2013) Zhanrovaya spetsifika yumoristicheskogo diskursa [Genre Specificity of Humorous Discourse]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. pp. 216–222.
45. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (Accessed: 14.01.2024).
46. *Collins Online Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com> (Accessed: 14.01.2024).
47. *Oxford Advanced American Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (Accessed: 14.01.2024).
48. *Cambridge Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/> (Accessed: 14.01.2024).
49. *Urban Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.urbandictionary.com> (Accessed: 14.01.2024).
50. Shirokova, M.S. (2010) Nekotorye osobennosti desakralizatsii kak osnovnogo strukturoobrazuyushchego mekhanizma elementov tserkovnoy kartiny mira (na primere kontseptov "zhertvoprinoshenie" i "molitva") [Some features of desacralization as the main structure-forming mechanism of elements of the church picture of the world (based on the example of the concepts of "sacrifice" and "prayer")]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2 (9). pp. 13–19.
51. Zavershinskaya, N.A. (2004) Oppozitsiya "svoego" i "chuzhogo" v sovremennoy kul'ture [Opposition of "Own" and "Alien" in contemporary culture]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 27. pp. 41–47.
52. Bauman, Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Translated from English. Moscow: Logos.
53. Nim, Z. (2009) Desakralizatsiya smerti na teleekrane [Desacralization of death on the television screen]. In: Savchuk, V.V. & Stepanov, M.A. (eds) *Mediafilosofiya II: granitsy distsipliny* [Media Philosophy II: Boundaries of the discipline]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. pp. 187–192.
54. *Scrapsfromtheloft.com*. (2011) *Jimmy Carr. Being Funny*. [Online] Available from: <https://scrapsfromtheloft.com> (Accessed: 14.01.2024).
55. *Sublikescript.com*. (2008) *Two and a Half Men. The Devil's Lube*. [Online] Available from: <https://sublikescript.com> (Accessed: 14.01.2024).
56. Gaffigan, J. (2023) *Dark Pale*. [Online] Available from: <https://scrapsfromtheloft.com> (Accessed: 14.01.2024).
57. *Rosserial.be*. (2023) *Plokhie vydumannye novosti* [Bad fake news]. Is. 6. [Online] Available from: <https://rosserial.be> (Accessed: 14.01.2024).
58. *Sublikescript.com*. (2021) *It's Always Sunny in Philadelphia. The Gang Carries a Corpse up to Mountain*. [Online] Available from: <https://sublikescript.com> (Accessed: 14.01.2024).
59. *Rosserial.be*. (2023) *Plokhie vydumannye novosti* [Bad fake news]. Is. 5. [Online] Available from: <https://rosserial.be> (Accessed: 14.01.2024).
60. *Sublikescript.com*. (2012) *It's Always Sunny in Philadelphia. Charlie's Mom Has Cancer*. [Online] Available from: <https://sublikescript.com> (Accessed: 14.01.2024).
61. *Rosserial.be*. (2023) *Plokhie vydumannye novosti* [Bad fake news]. Is. 1. [Online] Available from: <https://rosserial.be> (Accessed: 14.01.2024).
62. *Ok.ru*. (2015) *Mr. Bean: Funeral*. [Online] Available from: <https://ok.ru> (Accessed: 14.01.2024).
63. *Sublikescript.com*. (2007) *It's Always Sunny in Philadelphia. Dennis' and Dee's Mom Is Dead*. [Online] Available from: <https://sublikescript.com> (Accessed: 14.01.2024).

64. Sublikescript.com. (2006) *It's Always Sunny in Philadelphia. Charlie Gets Crippled*. [Online] Available from: <https://sublikescript.com> (Accessed: 14.01.2024).
65. Carr, J. (2016) *Funny Business*. [Online] Available from: <https://scrapsfromtheloft.com> (Accessed: 14.01.2024).
66. Gillis, S. (2023) *Beautiful Dogs*. [Online] Available from: <https://scrapsfromtheloft.com> (Accessed: 14.01.2024).
67. Rosserial.be. (2023) *Plokkie vyдумanyye novosti* [Bad fake news]. Is. 9. [Online] Available from: <https://rosserial.be> (Accessed: 14.01.2024).
68. Sublikescript.com. (2013) *How I Met Your Mother. Weekend at Barney's*. [Online] Available from: <https://sublikescript.com> (Accessed: 14.01.2024).
69. Sublikescript.com. (2005) *Two and a Half Men. A Sympathetic Crotch to Cry On*. [Online] Available from: <https://sublikescript.com> (Accessed: 14.01.2024).
70. Sublikescript.com. (2015) *It's Always Sunny in Philadelphia. Mac Kills His Dad*. [Online] Available from: <https://sublikescript.com> (Accessed: 14.01.2024).
71. Sublikescript.com. (2019) *It's Always Sunny in Philadelphia. Paddy's Has a Jumper*. [Online] Available from: <https://sublikescript.com> (Accessed: 14.01.2024).
72. Transcripts.foreverdreaming.org. (2018) *It's Always Sunny in Philadelphia. The Gang Gets New Wheels*. [Online] Available from: <https://transcripts.foreverdreaming.org> (Accessed: 14.01.2024).
73. Sublikescript.com. (1994) *Friends. The One Where Nana Dies Twice*. [Online] Available from: <https://sublikescript.com> (Accessed: 14.01.2024).
74. Sublikescript.com. (2007) *Two and a Half Men. I Merely Slept With a Commie*. [Online] Available from: <https://sublikescript.com> (Accessed: 14.01.2024).
75. Sublikescript.com. (2000) *Black Books. Grapes of Wrath*. [Online] Available from: <https://sublikescript.com> (Accessed: 14.01.2024).
76. Carlin, G. (2001) *Complaints and grievances*. [Online] Available from: <https://scrapsfromtheloft.com> (Accessed: 14.01.2024).
77. Carlin, G. (1999) *You are all diseased*. [Online] Available from: <https://scrapsfromtheloft.com> (Accessed: 14.01.2024).
78. Sublikescript.com. (2004) *Black Books. Travel Writer*. [Online] Available from: <https://sublikescript.com> (Accessed: 14.01.2024).
79. Sublikescript.com. (2008) *It's Always Sunny in Philadelphia. Mac and Charlie Die. Part 2*. [Online] Available from: <https://sublikescript.com> (Accessed: 14.01.2024).
80. Sublikescript.com. (2010) *It's Always Sunny in Philadelphia. A Very Sunny Christmas*. [Online] Available from: <https://sublikescript.com> (Accessed: 14.01.2024).
81. Sublikescript.com. (2017) *It's Always Sunny in Philadelphia. Old Lady House a Situation Comedy*. [Online] Available from: <https://sublikescript.com> (Accessed: 14.01.2024).
82. Sublikescript.com. (2009) *It's Always Sunny in Philadelphia. The Great Recession*. [Online] Available from: <https://sublikescript.com> (Accessed: 14.01.2024).
83. Sublikescript.com. (2007) *It's Always Sunny in Philadelphia. The Gang Gets Held Hostage*. [Online] Available from: <https://sublikescript.com> (Accessed: 14.01.2024).

Информация об авторе:

Гордеева М.Н. – старший преподаватель кафедры иностранных языков технических факультетов Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: aglie-svr@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.N. Gordeeva, senior lecturer, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: aglie-svr@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.11.2023;
одобрена после рецензирования 11.05.2024; принята к публикации 30.07.2024.*

*The article was submitted 20.11.2023;
approved after reviewing 11.05.2024; accepted for publication 30.07.2024.*

Научная статья
УДК 81`4
doi: 10.17223/15617793/504/2

Текстуальность интерфейсов классических (desktopных) программных приложений: формальный аспект

Ксения Петровна Крапивина¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, krapivinaxena@gmail.com

Аннотация. На материале приложений EmEditor и Microsoft Word анализируется специфика формально-структурных признаков текстуальности, а именно: завершенности, членимости и когезии, в вербально-графическом содержимом пользовательских интерфейсов классического (desktopного) программного обеспечения. Вводится новый тип текста – «интерфейсный текст». Рассматривается специфика гипертекстовой организации интерфейсного текста, статус одиночных слов-кнопок, а также роль невербального компонента интерфейса в достижении когезии.

Ключевые слова: лингвистика текста, текстуальность, креолизованные тексты, user interface, UX-writing, microcopy

Для цитирования: Крапивина К.П. Текстуальность интерфейсов классических (desktopных) программных приложений: формальный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 21–29. doi: 10.17223/15617793/504/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/2

Evaluation of classical (desktop) user interfaces textuality: The formal aspect

Kseniya P. Krapivina¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, krapivinaxena@gmail.com

Abstract. One of the key tasks in software development is to achieve “usability”, commonly interpreted as a balance of learnability, efficiency, memorability, and satisfaction in user–computer interaction. Initially being graphical designers’ area of responsibility, in the 2010s this concept expanded onto the verbal interface content – “microcopy” – button and window labels, confirmation and error messages, etc. Over the following years, a set of basic principles as well as recommendations for writing individual elements of interfaces were developed, and the structural and communicative features of error messages and on-board “Help” texts were studied. However, to date, there are no guidelines for developing an interface as a cohesive semiotic entity. In this study, the software user interface is considered as a type of text whose criteria are manifested implicitly or in an unconventional way. Foremost, based on the commonly cited literature, the set of formal textuality criteria was identified, namely the delimitation (presence of marked beginning and ending), divisibility (presence of a clear structure), and cohesion (means employed to unify this structure). The applicability of these criteria then was evaluated utilizing the comparative method on the textual content of Microsoft Word 2013 and EmEditor 21.2.1 interfaces with attention to its hypertextual and creolized nature. It was revealed that, due to the artefact nature of the object, identification of the starting and ending points of the interface requires determining the static functionally central “home page”, from which the routine intended operations are initiated and aborted by a user. On this page, the starting point is placed according to pragmatic considerations and by writing system rules both, and the linearity vectors could be traced to the ending points in several directions. At the same time, hypertextuality of interfaces is limited by a strict modeling of the task order in the context of the software functionality. From the divisibility point, the hypertext fractionality notwithstanding, classic desktop interfaces could be perceived as a dynamic series of “pages” comprised from ever-present on screen content (such as main menu and status bar) and called-on content (like dropdown menus, windows and messages). Such pages are naturally divided into a number of smaller texts, including separate one-word buttons, each acting as a title and starting point of a called-on text fragment. Regarding cohesion, the analysis shows that user interfaces vastly employ creolized means of cohesion, relaying the conjunction, anaphoric and cataphoric relations visually or by juxtaposition, and repetition, and do not employ any means prone to create ambiguity and misinterpretation. Thus, the article concludes that the verbal content of desktop interfaces could be considered to be a special kind of the dynamic creolized text with a complex structure and several reading vectors.

Keywords: text linguistics, textuality, creolized texts, user interface, UX-writing, microcopy

For citation: Krapivina, K.P. (2024) Evaluation of classical (desktop) user interfaces textuality: The formal aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 21–29. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/2

Введение

Современный человек ежедневно использует для работы, отдыха и общения десятки приложений: на персональном компьютере (классические, или «десктопные», приложения) или мобильном устройстве (мобильные приложения). Средством коммуникации (т.е. передачи информации и команд от устройства человеку и обратно) между этими приложениями и людьми являются «интерфейсы», сочетающие в себе среду, правила и средства обмена сообщениями на экране устройства. Самым распространенным типом интерфейса является «графический», как правило, задействующий две знаковые системы: визуальный код (графические символы, иконы, цветовую разметку) и слова и фразы на естественном языке, от десятков до тысяч слов на интерфейс. Однако, независимо от количества задействованных слов, текстуальность содержимого интерфейсов ставится под вопрос, ответ на который затрудняется их артефактной природой и структурной сложностью.

Под артефактной природой мы понимаем, что текст интерфейса не является самостоятельным продуктом. Он выступает видимой пользователю частью программного приложения и функционально «спаян» как с процессами и процедурами самого приложения, так и с задачами, выполняемыми пользователем. Подобная неотделимость косвенно подтверждается тем, что исторически создание интерфейса находилось в сфере ответственности разработчика (и/или) дизайнера и род деятельности, сосредоточенный на разработке собственно вербального компонента интерфейса («мігосору») – текста кнопок, заголовков окон и форм, разного рода сообщений и т.д., появился только в конце первого десятилетия XXI в.

С точки зрения структуры интерфейс представляет собой сложно организованную систему вербальных и графических знаков, на первый взгляд, лишенную связности. Ее вслед за профессиональным сообществом мы называем «интерфейсным текстом». Эта система полифункциональна: это не только средство ввода команд для решения задач, но в ней также имплицитно и эксплицитно дается их перечень, пошаговая последовательность их выполнения, информация о прогрессе, состоянии самого приложения, действиях для устранения неполадок, компании-разработчике и прочие данные, которые производитель посчитает нужным донести пользователю. Реализуется модель «компьютер – коммуникативная среда», в которой интерфейс предстает средой не только для коммуникации между пользователями (компьютерно-опосредованная коммуникация в традиционном понимании), но и однонаправленным (массовой) коммуникации между разработчиком и пользователями [1. С. 23]. Непосредственный «диалог» пользователя с продуктом в такой системе предстает только одним из этапов коммуникации, для которой модель «собеседника», представленная интерфейсом, должна быть сначала спроектирована и реализована, включая текстовое содержимое.

Совокупность этих интерфейсов и сопутствующих текстов в ситуациях их использования, разработки, рекламы, обратной связи создает особый дискурс, в котором центральным текстом является содержимое экранов приложений.

Актуальность

Актуальность нашего исследования определяется необходимостью перехода от понимания интерфейса как комплекса элементов к пониманию его как текстового единства и систематизации техник его порождения. Несмотря на вторичную для разработки значимость (по сравнению с ограничениями, налагаемыми устройствами, возможностями кода и из соображений эргономики), логические, парадигматические, синтагматические и иерархические отношения между вербально выраженными элементами интерфейса могут влиять на восприятие продукта пользователем, особенно при первичном с ним знакомстве. Учет этого фактора может быть полезен для достижения «usability»¹ – баланса функциональной пригодности, эффективности, понятности и «приятности» во взаимодействии пользователя с интерфейсом, что является одной из основных задач в разработке приложений с 1980-х гг. Утилизация этих связей также имеет принципиальную значимость при локализации программного обеспечения, для которой вербальное содержимое ПО часто очищается от графического контекста и предстает в виде набора слов и фраз [1. С. 74]. Особое значение понимание принципов функционирования интерфейса как текста также получает в связи с внедрением в практику создания интерфейсов искусственного интеллекта: для отбора корректно сгенерированного текста необходимо иметь критерии корректности.

Новизна

Новизну нашему исследованию придает слабое освещение вопроса текстуальности интерфейса в отраслевой и научной литературе.

Специалистами по созданию текстов интерфейсов – микрорайтингу и UX-письму – был выработан ряд базовых принципов ясности, краткости и единообразия (англ. *Clarity, Conciseness, Consistency*, часто называемое «принципом 3С»), а также рекомендации по языковой политике и написанию отдельных текстовых элементов², но не было создано правил и рекомендаций по созданию текста интерфейса как единого целого. Применительно к текстовой природе интерфейса в лингвистике на настоящий момент подробно изучены структурные и коммуникативные особенности отдельных крупных вербальных элементов интерфейса, текстуальность которых не подлежит сомнению, – сообщений об ошибках и встроенной справки. В частности, доказано доминирование ограничения коммуникативного пространства (например, диалогового окна) над собственно языковой прагматикой текстопорождения экранного текста как в структурном, так и в стилевом плане и выявлены композиционные составляющие сообщений об ошибках и специфичные

для них средства преодоления языковой избыточности [3], а также охарактеризована жанровая специфика текста инструкции по применению веб-браузера, выступающей в случае с этим типом ПО как часть интерфейса [4]. Однако открытыми остаются вопросы о природе более кратких элементов интерфейса – названий кнопок, меню, экранов, содержимого всплывающих подсказок и строк состояния, а также их групп – раскрывающихся списков, всплывающих окон с настройками и т.д.

В данном исследовании мы поставили перед собой **задачу** проанализировать и описать содержимое интерфейсов классических приложений в формальном аспекте и оценить применимость к нему структурных критериев текстуальности. При этом под формальным аспектом мы понимаем функциональное единство структуры и графического оформления текста (формат листа, деление на страницы, абзацы, служебные элементы и т.д.), необходимое для эффективного достижения цели текста. Текст же понимается нами в рамках данной задачи в структуралистской традиции, то есть как «объединенная по смыслу последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связанность и цельность» [5. С. 9], где знаковыми единицами являются преимущественно слова и синтагмы естественного языка и в меньшей степени – знаки других систем, такие как особое форматирование и (или) иллюстрации.

В поисках формальных критериев мы обратились к наиболее цитируемым системам признаков текстуальности: семичастной системе В. Дресслера и Р.-А. де Богранда, включающей когезию, когерентность, интенциональность, приемлемость/применимость для читателя, информативность, ситуативность и интертекстуальность [6], и десятичастной системе И.Р. Гальперина [7], охватывающей членимость, когезию, континуум, автосемантию, ретроспекцию и проспекцию, модальность, интеграцию и завершенность, а также наличие подтекста. Следует обратить внимание также на черты текста как феноменологического объекта, выявленные И.В. Четыркиной в ходе анализа работ современных немецких теоретиков, а именно: единство темы, внутреннее и внешнее членение (композицию и архитектуру), линейность, когерентность, эквивалентность, рекуррентность, референциальную идентичность, логическую последовательность и завершенность [8. С. 204].

Предметом анализа в этой статье является применимость к интерфейсному тексту собственно структурных критериев из указанных систем, т.е. критериев завершенности (предполагающей разворачивание текста от начала к концу, поэтому включающей линейность), членимости и когезии.

Материал

Для описания типовых черт интерфейсных текстов мы выбрали в качестве репрезентативного материала содержимое главных страниц интерфейсов текстовых редакторов EmEditor 21.2.1 и Microsoft Word 2013 в русской локализации (т.е. переведенное с английского

языка на русский). Такой выбор обусловлен: 1) относительной функциональной неспецифичностью, широкой аудиторией и распространенностью материала – оба приложения относятся к типу «текстовый процессор», хорошо знакомому широкому кругу читателей; 2) стабильностью выработанных годами (первые версии текстовых процессоров датируются 1970-ми гг.) приемов организации содержимого (использование метафоры «листа документа» для организации рабочей области, схожий визуальный код, устойчивый набор функций и команд для создания и обработки электронного текста), что позволяет экстраполировать обнаруженные закономерности на другие приложения этого ряда; 3) удобством приведения примеров для русскоязычного читателя.

Благодаря типовой структуре и высокой неспецифичности эти приложения в достаточной для нашей задачи степени демонстрируют базовые структурные характеристики классических (desktopных) интерфейсов.

Методы

Чтобы охарактеризовать текстуальность содержимого интерфейсов с формальной точки зрения, в связи с его высокой креолизованностью мы обратились к базовым методам лингвистики: описательному и сопоставительному, с элементами дискурс-анализа на этапе интерпретации (с прагматическим уклоном). Содержимое интерфейсов EmEditor 21.2.1 и Microsoft Word 2013 было пошагово протестировано, для каждого текстового элемента видимой части интерфейса была определена последовательность активации и функциональная составляющая, которые были сопоставлены с вербальной репрезентацией элемента. После этого элементы двух интерфейсов были сопоставлены между собой и проанализированы на предмет общности логики организации/разворачивания мысли.

Результаты

В первую очередь рассмотрим, применим ли к тексту интерфейса критерий завершенности.

Под «завершенностью» в структурном смысле вслед за В. Кюршнером мы понимаем делимитацию, т.е. наличие «начала и конца, которые могут быть маркированы (заголовком, заключительной формулой и т.д.)» (пер. с нем. наш. – К.К.) [8. С. 204]. Такое понимание только частично пересекается с концепцией И.Р. Гальперина, в которой «завершенность» – категория содержательно-концептуальная, однако в ней также предполагается наличие начала [7. С. 131] и предельность развертывания [7. С. 135].

В экранных медиа, к которым относятся и интерфейсы, доминирующей системой организации содержимого является гипертекстовая, в которой границы начала и конца если не стираются, то становятся подвижными, а сам текст предстает комплексом связей и обладающих собственным смыслом (под)текстов, фрагментов и элементов, которые вслед за В.Е. Чернявской назовем «текстонами» [9. С. 24].

Артефактная природа интерфейса диктует внешне простые правила делимитации: текст интерфейса как функциональное целое не может существовать вне ПО, и можно предположить, что его начало находится на экране в момент открытия ПО, а конец прямо предшествует операции закрытия. Однако состав и функции элементов экрана внутри отдельно взятого интерфейса могут различаться в зависимости от ситуации использования: от первого запуска (экраны приветствия, подключения, регистрации, настроек и т.д.) или запуска после сбоя (например, сообщения об ошибке и экран подтверждения восстановления) до запуска рутинного. Это может означать, что точка начала зависит от ситуации использования, однако сравнительный анализ текстовых редакторов показывает, что интерфейс можно разделить на служебные элементы и «главную страницу» [10. С. 132], выступающую функционально-организующей константой. Так, операции и тексты на экранах запуска впервые и после сбоя выступают частью функционального целого только в определенных

ситуациях и инициируются самим ПО, а непосредственно связанные с предметной областью и назначением приложения операции инициируются пользователем и выполняются с главной страницы, элементы которой остаются видимы на протяжении всего взаимодействия. Началом интерфейса, таким образом, следует считать отправную точку работы пользователя с ПО на главной странице.

На главных страницах приложений Microsoft Word и EmEditor такой точкой является элемент главного меню «Файл», по правилам латиницы и кириллицы расположенный в верхнем левом углу (рис. 1, 2). Дальнейшая работа пользователя и чтение интерфейса разворачиваются по векторам вправо и вниз из этой точки³.

Поскольку векторов два, то концов текста в такой системе тоже два: в виде знака × в правом верхнем углу и элементов «Закрыть»/«Выход» внизу раскрывающегося меню «Файл» в приложениях Microsoft Word и EmEditor соответственно.

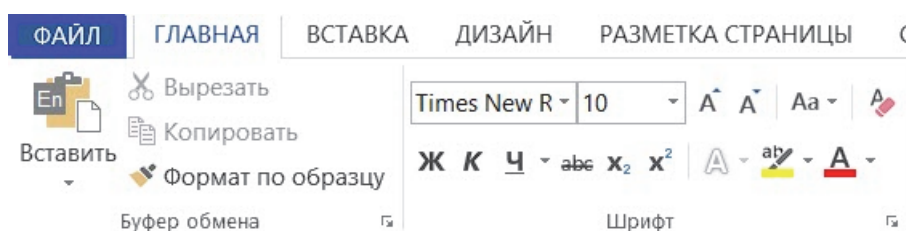

Рис. 1. Начальный элемент Microsoft Word

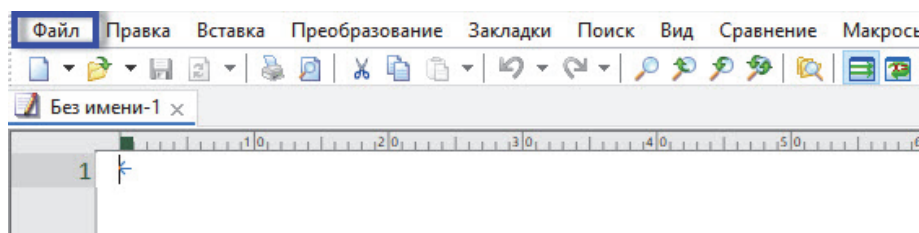

Рис. 2. Начальный элемент EmEditor

При этом, несмотря на гипертекстовую природу интерфейса, для его начала и конца не выполняется условие произвольности [11. С. 113]: даже с учетом того, что интерфейс визуально распадается на отдельные текстовые блоки, последовательность их чтения задана согласно смоделированному разработчиком порядку выполнения задач пользователем. Например, если линейная организация интерфейса по вектору «слева – направо» может быть в ряде случаев проигнорирована, то чтение последовательно раскрывающихся списков от последнего к первому в приложениях EmEditor и Microsoft Word невозможно. Более того, интерфейс является относительно закрытой системой, изменение которой пользователем хотя и возможно, но ограничено: допустимо скрывать/отображать элементы, но не менять логику их организации.

Таким образом завершенность в интерфейсах классических (десктопных) программных приложений реализуется функционально-графически, а точки начала и конца текста соответствуют точкам начала и конца рутинной работы с приложением.

Теперь перейдем к критерию членимости.

Традиционно считается, что текст может быть разложен на высказывания, межфразовые единства и «более крупные фрагменты-блоки, обеспечивающие тексту целостность благодаря реализации дистантных и контактных смысловых и грамматических связей», на поверхностном уровне реализующиеся как «абзацы, параграфы, главы, разделы, подглавки и др.» [5. С. 15]. Гипертексты при этом могут состоять из «относительно самостоятельных частичных текстов» (пер. с нем. наш. – К.К.) [8. С. 204]. То есть членимость является естественным качеством гипертекста.

Классический гипертекст имеет ветвящуюся структуру, предполагающую произвольный выбор направления чтения. Интерфейс также можно представить древовидно, но ветвление элементов (таких как раскрывающиеся меню) в нем задается согласно логике выполнения задачи и однонаправленно [11. С. 113]. Более того, вектор ветвления находится в виртуальной «третьей плоскости»: каждое последующее меню

невидимо и недоступно до активации соответствующей гиперссылки (например, элемент «Найти» на вкладке «ГЛАВНАЯ» в Microsoft Word и элемент «Поиск» в главном меню EmEditor), рис. 3, 4.

Постоянно видимые элементы главной страницы, такие как главное меню и строка состояния, выступают «поверхностью» и создают непрерывный контекст, а

более «глубокие» элементы «вызываются» пользователем при активации гиперссылок. И поскольку возможна активация только одной гиперссылки одновременно и при этом прочее содержимое экрана, как правило, неактивно, интерфейс можно представить как динамический комплекс страниц-состояний, включающих статичное «поверхностное» и вызываемое «глубинное» содержимое.

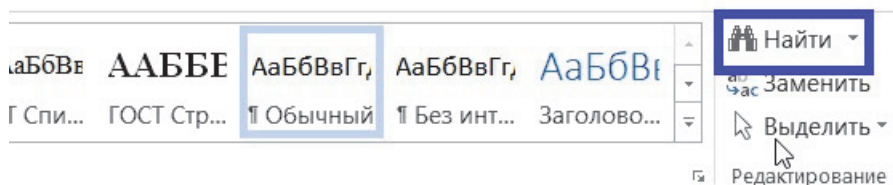

Рис. 3. Начальный элемент меню «Найти» в Microsoft Word

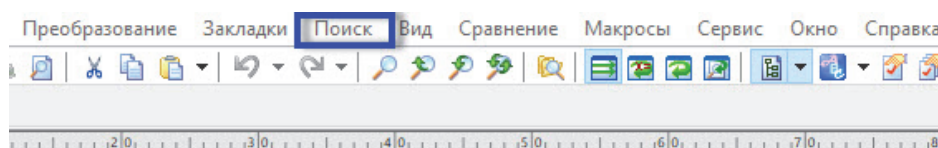

Рис. 4. Начальный элемент меню «Поиск» в EmEditor

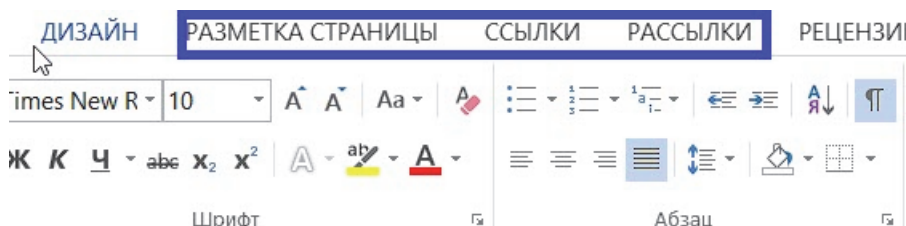

Рис. 5. Элементы главного меню в Microsoft Word

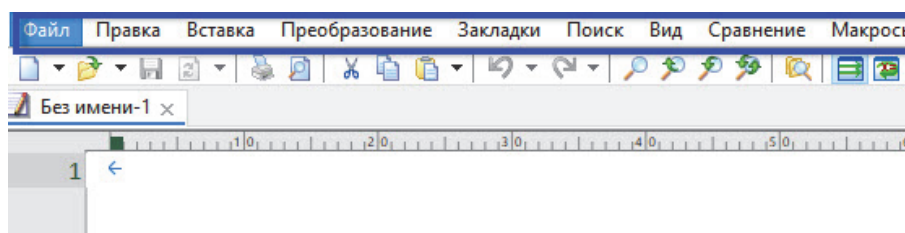

Рис. 6. Элементы главного меню в EmEditor

В этой системе особое место занимают однословные элементы. Гиперссылки в интерфейсе десктопного приложения представляют собой кнопки, которые могут как быть, так и не быть графически оформлены (четкими границами, заливкой цветом, анимацией и т.д.), однако они всегда выражены вербально или сопровождаются вербальной подсказкой. Например, без активации элементы главного меню Microsoft Word представляют собой последовательность слов и словосочетаний, разделить которые можно только по широте пробела (слова «РАЗМЕТКА» и «СТРАНИЦЫ» стоят ближе, чем «ССЫЛКИ» и «РАССЫЛКИ») и

наличию/отсутствию синтаксической связи (см. рис. 5).

В интерфейсе EmEditor тоже задействованы языковые средства членения меню: каждый элемент начинается с прописной буквы (см. рис. 6).

Содержательно такие элементы указывают на действие и (или) информацию, вызываемые соответствующими гиперссылками. Однако их функцию нельзя свести только к номинации (т.е. низвести вербальный компонент до знака). Все активные элементы интерфейса, в том числе однословные и представленные символами и иконами, являясь гиперссылками, также

выполняют информативную, регулируемую и, в некоторых случаях, экспрессивную функции (например, при использовании в интерфейсе эмодзи) [12. С. 48], т.е. могут считаться текстами. Их краткость не может являться контраргументом, так как современные представления допускают, что нижняя граница текста «равна одному высказыванию, которое при определенных условиях может состоять из одного слова» [13. С. 251]. К таким условиям можно отнести информационную самодостаточность, восстанавливаемое целоположение и ориентированность на адресата [14. С. 73]. При этом однословные кнопки выступают не только названиями функций, но и заголовками раскрывающихся при их нажатии текстовых фрагментов (например, меню) и открывающихся окон, обеспечивая антиципацию, и составляют с ними семантическое целое. Например, и в приложении EmEditor, и в Microsoft Word группа операций «Создать», «Открыть...», «Сохранить», «Сохранить как...» теряет смыслы без предваряющей их кнопки «Файл».

Таким образом, и на поверхностном уровне тоже интерфейс членится на текстоны, в том числе однословные, хотя их графический компонент может находиться в настолько сильной позиции [15. С. 26], что текстуальность вербального компонента уходит на второй план.

То есть членимость в интерфейсах классических (десктопных) программных приложений реализуется динамически, образуя функциональные комбинации поверхностных и глубинных текстовых элементов и фрагментов.

Наконец, обратимся к критерию когезии.

Под когезией понимаются средства, которыми обеспечивается «последовательность (континуум) излагаемых событий, фактов, действий» [7. С. 73], «взаимосвязь компонентов поверхностной структуры текста: грамматико-синтаксическая, лексическая, ритмическая, графическая» [9. С. 18], «механизм формального текстопостроения на уровне поверхностной

структуры текста» [8. С. 206]. К таким средствам, следуя за М. Хэллidayем, относят референцию (ретро- и проспективные вербальные указания на прочие элементы текста), субституцию и эллипсис (замещение и опущение восстанавливаемых из контекста слов), конъюнкцию (вербальное выражение логических связей) и полные и (или) частичные лексические повторы [16]. При этом отношения когезии имеют структурно-семантический характер и возникают в случае, когда декодирование одного элемента текста невозможно без декодирования другого и пресуппозиция успешно реализуется. С точки зрения структуры, это означает наличие формализованных связей, объединяющих текстовые компоненты в единое целое.

Коммуникативная функция описанных нами выше в контексте членимости элементов не может быть выполнена как вне фрагмента предметной области и контекста непосредственного использования, так и вне контекста, создаваемого другими элементами, поэтому они функционально, семантически и графически объединены в меню-списки, представления-абзацы, страницы-состояния, что подразумевает наличие когезии.

Анализ показал, что из перечисленных выше средств когезии в традиционном понимании в интерфейсах используются только лексические повторы. Прочие средства либо не используются, либо креолизованы.

Связь между элементами приложений EmEditor и Microsoft Word обеспечивается:

1. Соположением связанных общей семантикой элементов одного уровня. Например, ряд «Страницы», «Таблицы», «Иллюстрации», «Надстройки», «Мультимедиа», «Ссылки», «Примечания», «Колонтитулы», «Текст», «Символы» в меню «ВСТАВКА» Microsoft Word и содержимое меню «Вставка» в EmEditor объединены общим значением «произвольно добавляемые функциональные компоненты». При этом конъюнкция/дизъюнкция выражены графически в виде вертикальных и горизонтальных черт (рис. 7).

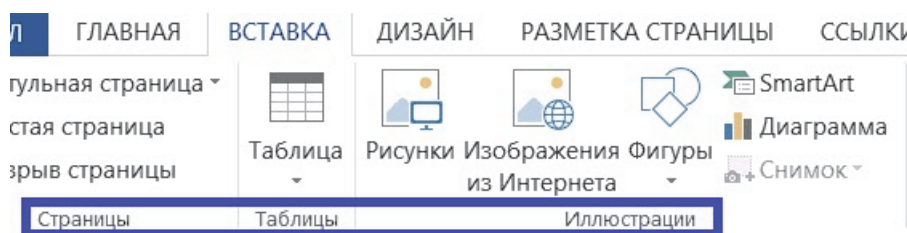

Рис. 7. Элементы меню «ВСТАВКА» в Microsoft Word

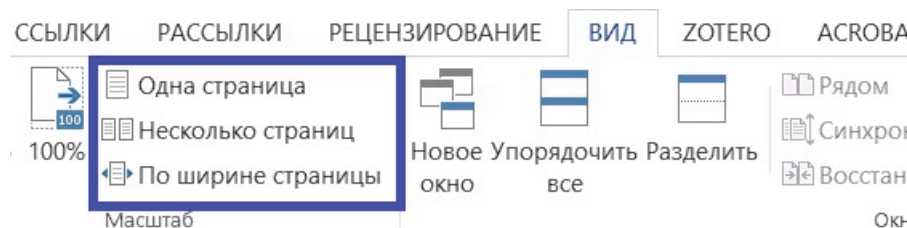

Рис. 8. Элементы меню «ВИД» в Microsoft Word

Последовательным расположением смысловых элементов разного уровня, объединенных двусторонней анафоро-катафорической связью. Например, значение элемента «ВСТАВКА» из примера выше может быть корректно интерпретировано только после прочтения элементов из раскрываемого по гиперссылке меню и наоборот. Эта связь тоже маркирована графически путем выделения и фиксации на экране соответствующей «страницы».

Повтором идентичных или однокоренных лексем. Например, взаимосключающие варианты отображения «Без переноса», «Перенос по знакам», «Перенос по окну» и «Перенос по странице» в интерфейсе EmEditor и варианты масштабирования «Одна страница», «Несколько страниц», «По ширине страницы» в интерфейсе Microsoft Word объединены в один блок на вкладке «ВИД» (см. рис. 8).

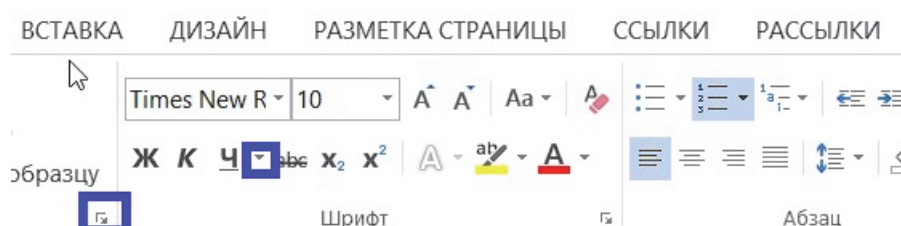

Рис. 9. Указатели раскрывающихся меню в Microsoft Word

То есть когезия в интерфейсах классических (десктопных) программных приложений реализуется креолизовано (графически и путем соположения) и с помощью повторов.

Обсуждение

Выявленные особенности текстовой организации интерфейсов указывают на баланс двух тенденций текстопорождения: 1) стремления к эффективному использованию коммуникативного пространства и языковых средств с учетом вариативности задач пользователей, выражающегося в создании двух векторов чтения, разделении текста на функциональные подъединицы, дублировании элементов и максимальной креолизации когезии; 2) стремления к контролю операции и вовлеченности пользователя для сохранения функциональной пригодности программного продукта, выражающегося в ограничении произвольности чтения, поддержании устойчивого контекста в виде рамки меню, а также в отказе от средств, потенциально вызывающих трудности когнитивной обработки.

Признаки текстyальности, в связи с этими тенденциями, проявляются в содержимом интерфейсов частично (задействуются не все средства когезии) или неожиданным образом (функционально обусловленная точка начала, две конечных точки, динамическое членение на комплексы изменяемого и неизменяемого содержимого, замена языковых средств графическими), что, однако, соответствует современным представлениям о градуальном характере текстyальности и различной степени выраженности, валидности и значимости ее критериев в разных типах текста [9. С. 37].

Функцию конъюнкции также могут брать на себя общность шрифта/цвета/выравнивания в рамках группы элементов, единообразие расстояния между ними, а также графические маркеры однонаправленных гиперссылок, например троеточия (см. «Сохранить как...») и знаки-стрелочки (рис. 9).

При этом средства когезии с опущением части смысла и (или) использованием замещающих слов, т.е. субституция и эллипсис (и частично референция), в структуре интерфейсов не используются, так как могут повлечь двусмысленность и затруднить работу пользователя с продуктом.

Используемые единообразно указанные средства создают вербально-графические паттерны, восполняющие недостаточность синтаксиса, возникающую вследствие ограниченного коммуникативного пространства [3].

Следует также отметить, что соположенные или расположенные в виде последовательно раскрывающихся меню элементы можно рассматривать как высказывания-предложения, поверхностная структура которых трансформируется в сознании читателя согласно нормам языка. Этот вопрос заслуживает дальнейшего детального изучения.

Заключение

Таким образом, на примере приложений EmEditor и Microsoft Word можно заключить о применимости к интерфейсам классических (десктопных) приложений структурных критериев текстyальности – завершенности, членности и когезии, но вследствие примата функциональности и ограниченного коммуникативного пространства эти критерии реализуются нетрадиционными способами. Как и традиционный текст, содержимое интерфейса имеет начало и конец, организовано в виде объединенной по смыслу последовательности фрагментов разного размера, взаимосвязь между которыми формализована. Однако интерфейс является гипертекстом и артефактом, поэтому: а) точки его абсолютного начала и конца функционально и ситуативно обусловлены, маркированы графически и создают (минимум) два вектора чтения; б) помимо традиционного членения, он динамически делится на комбинации постоянного и вызываемого содержимого; в) функции когезии выполняют соположение, вербально-графические паттерны и лексические повторы. Соответственно, содержимое интерфейса можно рассматривать не как набор элементов, а как особого рода креолизованный текст, для порождения которого можно выявить устойчивые стратегии и тактики.

Примечания

¹ Термин не имеет устойчивого перевода на русский язык.

² См., например, рекомендации образовательной платформы UX Writing Hub: 3 Microcopy Rules Every UX Writer Must Know. URL: <https://uxwritinghub.com/3-microcopy-rules-every-ux-writer-must-know/> (дата обращения: 02.04.2024).

³ Следует отметить, что расположение этой точки подчинено не только логике выполнения задач, но и системе письменности и процедурам чтения, принятым в культуре целевого пользователя ПО, а также может учитывать индивидуальные особенности. Например, главное меню для арабского интерфейса может быть спроектировано справа, а не слева, а для леворуких пользователей может быть предусмотрена возможность отражения интерфейса.

Список источников

1. Kammersgaard J. Four Different Perspectives on Human-Computer Interaction // DAIMI Report Series. 1985. Vol. 14, № 203. URL: <https://tidsskrift.dk/daimipb/article/view/7554> (дата обращения: 02.01.2022).
2. Крапивина К.П. Текстуальность интерфейса пользователя в контексте переводческой деятельности // Современная лингвистика : от теории к практике : III Казанский международный лингвистический саммит (Казань, 14–19 ноября 2022 г.) : тр. и материалы : в 3 т. / под общ. ред. И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой. Казань : Издательство Казанского университета, 2023. Т. 3. С. 73–76.
3. Максимова Н.Г. Структура текстового сообщения в ограниченном коммуникативном пространстве : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2014. 24 с.
4. Шурлина О.В. Лингвопрагматические и жанровые характеристики текста англоязычного веб-браузера : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2019. 19 с.
5. Валгина Н.С. Теория текста : учеб. пособие. М. : Логос, 2003. 280 с.
6. Beaugrande R., Dressler W. Introduction to text linguistics. London : Longman, 1981. 270 p. URL: http://www.beaugrande.com/introduction_to_text_linguistics.htm (дата обращения: 21.01.2023).
7. Гальперин И.П. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 139 с.
8. Четыркина И.В. Текст как грамматическая и смысловая структура // Германистика в современном научном пространстве : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 202–209.
9. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2013. 208 с.
10. Крапивина К.П. Позиция начала текста в интерфейсе пользователя классического программного приложения : функциональное обоснование // Актуальные исследования языка и культуры: теоретические и прикладные аспекты : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 07 апр. 2023 г. / отв. ред. Е.А. Денисова. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2023. С. 129–133.
11. Крапивина К.П. Специфика гипертекстуальности интерфейсного текста (на примере текстового редактора EmEditor) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов X (XXIV) Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (13–15 апреля 2023 г.) / отв. ред. А.Г. Кожевникова. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2023. Вып. 24. С. 110–116.
12. Gallo J. Functional and semantic features of hypertext // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2021. Vol. 6, № 1. P. 41–52.
13. Черкунова М.В. Малоформатный текст: к определению понятия (теоретические аспекты) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 248–253.
14. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика : докл. VIII Междунар. конф. / под ред. Е.И. Дибровой. М., 2001. Т. 1. С. 72–81.
15. Вашунина И.В. Характеристика креолизованных текстов // Креолизованный текст: Смысловое восприятие / под ред. И.В. Васьмуниной. М. : Институт языкознания РАН, 2020. С. 23–51.
16. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London : Longman, 1976. 384 p.

References

1. Kammersgaard, J. (1985) Four Different Perspectives on Human-Computer Interaction. *DAIMI Report Series*. 203 (14). [Online] Available from: <https://tidsskrift.dk/daimipb/article/view/7554> (Accessed: 02.01.2022).
2. Krapivina, K.P. (2023) [Textuality of the user interface in the context of translation activity]. *Sovremennaya lingvistika : ot teorii k praktike* [Modern Linguistics: From theory to practice]. Proceedings of the 3rd Kazan International Linguistics Summit. Vol. 3. Kazan. 14–19 November 2022. Kazan: Kazan State University. pp. 73–76. (In Russian).
3. Maksimova, N.G. (2014) *Struktura tekstovogo soobshcheniya v ogranichenom kommunikativnom prostranstve* [The structure of a text message in a limited communicative space]. Abstract of Philology Cand. Diss. Perm.
4. Shurlina, O.V. (2019) *Lingvopragmaticheskie i zhanrovye kharakteristiki teksta angloyazychnogo veb-brauzera* [Lingvopragmatic and genre characteristics of the text of an English-language web browser]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.
5. Valgina, N.S. (2003) *Teoriya teksta* [Text Theory]. Moscow: Logos.
6. Beaugrande, R. & Dressler, W. (1981) *Introduction to Text Linguistics*. London: Longman. [Online] Available from: http://www.beaugrande.com/introduction_to_text_linguistics.htm (Accessed: 21.01.2023).
7. Gal'perin, I.R. (1981) *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow: Nauka.
8. Chetyrkina, I.V. (2020) [Text as a grammatical and semantic structure]. In: *Germanistika v sovremennom nauchnom prostranstve* [German Studies in the Modern Academic Space]. Proceedings of the 6th International Conference. Krasnodar. 7 February 2020. Krasnodar: Kuban State University. pp. 202–209. (In Russian).
9. Chernyavskaya, V.E. (2013) *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Text Linguistics. Discourse linguistics]. Moscow: Flinta: Nauka.
10. Krapivina, K.P. (2023) [The position of the beginning of the text in the user interface of a classic software application: functional grounds]. *Aktual'nye issledovaniya yazyka i kul'tury: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [Current Studies of Language and Culture: Theoretical and applied aspects]. Proceedings of the 3rd All-Russian Conference. 07 April 2023. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 129–133. (In Russian).
11. Krapivina, K.P. (2023) [Hypertextual features of interface texts: EmEditor text processing software linguistic analysis]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Actual Problems of Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the 10th (24th) International Conference. Vol. 24. Tomsk. 13–15 April 2023. Tomsk: Tomsk State University. pp. 110–116. (In Russian).
12. Gallo, J. (2021) Functional and semantic features of hypertext. *Cross-Cultural Studies: Education and Science*. 1 (6). pp. 41–52.
13. Cherkunova, M.V. (2022) *Maloformatnyy tekst: k opredeleniyu ponyatiya (teoreticheskie aspekty)* [Small-format text: towards defining the concept (theoretical aspects)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 3 (22). pp. 248–253.
14. Kubryakova, E.S. (2001) [On the text and the criteria for its definition]. *Tekst. Struktura i semantika* [Text. Structure and Semantics]. Proceedings of the 8th International Conference. Vol. 1. Moscow. 5 April 2001. Moscow: Sport Akadem Press. pp. 72–81. (In Russian).
15. Vashunina, I.V. (2020) *Kharakteristika kreolizovannykh tekstov* [Characteristics of creolized texts]. In: Vashunina, I.V. (ed.) *Kreolizovannyi tekst: Smyslovoye vospriyatie* [Creolized Text: Semantic perception]. Moscow: Institute of Linguistics RAS. pp. 23–51.

16. Halliday, M.A.K. & Hasan, R. (1976) *Cohesion in English*. London: Longman.

Информация об авторе:

Крапивина К.П. – аспирант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: krapivinaxena@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.P. Krapivina, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krapivinaxena@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.10.2023;
одобрена после рецензирования 30.04.2024; принята к публикации 30.07.2024.*

*The article was submitted 17.10.2023;
approved after reviewing 30.04.2024; accepted for publication 30.07.2024.*

Научная статья
УДК 811.161.1'28
doi: 10.17223/15617793/504/3

Символический компонент семантики номинаций одежды на материале говоров Среднего Приобья)

Валентина Дмитриевна Манашова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, valyamanashova@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается символический компонент семантики номинаций предметов одежды русского традиционного костюма. Символический компонент значения анализируемых лексических единиц выявлен посредством лингвокультурологического анализа. Материалом исследования послужили данные говоров Среднего Приобья. Иллюстративный материал содержит факты актуализации символического компонента номинаций одежды в живой диалектной речи.

Ключевые слова: традиционная культура, диалектные номинации предметов одежды, культурный компонент значения лексической единицы, символический компонент значения лексической единицы, лингвокультурологический анализ, лингвокультурологический комментарий

Для цитирования: Манашова В.Д. Символический компонент семантики номинаций одежды (на материале говоров Среднего Приобья) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 30–40. doi: 10.17223/15617793/504/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/3

The symbolic component of the semantics of clothing nominations (based on the dialects of the Middle Ob region)

Valentina D. Manashova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, valyamanashova@mail.ru*

Abstract. The article examines the symbolic component of the semantics of nominations for items of clothing in Russian traditional costume. The symbolic component of the meaning of the analyzed lexical units was identified through linguocultural analysis. With its help, representatives are identified that testify to it as a cultural sign. The purpose of linguocultural analysis is to determine the totality of connotative components of the meaning of a word, including the symbolic one. To optimally structure a commentary, an answer to several questions is necessary: identifying the degree of objectivity of the procedure, clarifying the scope of its content, as well as determining the sequence of inclusion of components through which the symbolic semantics of a word is represented. The aim of the work is to determine the specifics of objectification of the cultural-symbolic component of the semantics of clothing nominations. The objectives are to identify lexical representative units that have a symbolic component of meaning in their semantics and to determine the set of symbolic components of meaning in clothing names. The research material was data from the dialects of the Middle Ob region recorded in the dictionaries of the Tomsk Dialectological School and the database of the Tomsk Dialect Corpus. The empirical basis of the work was formed using a continuous sampling method. The article implements the general scientific method of description. Methods of interpretation and linguocultural commentary are used. Techniques of contextual analysis, classification, systematization are the main ones when working with the studied layer of lexical units. The illustrative material included in the article contains facts of actualization of the symbolic component of clothing nominations in living dialect speech. Linguocultural analysis, which allows stating that there is a symbolic connotative component in the semantics of the studied units, shows the idea of the symbolic in culture, which is firmly rooted in the archaic consciousness because it establishes a model of integral existence, knowledge about the orderliness of the world on the principles of correlation between phenomena and processes.

Keywords: traditional culture, dialect nominations of items of clothing, cultural component of meaning of lexical unit, symbolic component of meaning of lexical unit, linguocultural analysis, linguocultural commentary

For citation: Manashova, V.D. (2024) The symbolic component of the semantics of clothing nominations (based on the dialects of the Middle Ob region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 30–40. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/3

Введение

Предметный мир в традиционной культуре, к которому относится и одежда, обладает универсальной семантикой, способностью хранить информацию о бытовом и бытийном, материальном и духовном: «Вещный мир относится к категории универсальных культурных текстов, полиинформативно представляющих особенность быта, традиций, идей, ценностей того или иного этноса» [1. С. 22]. В совокупности лексический массив номинаций одежды представляет собой своеобразный культурный текст. Иными словами, одежда выступает и как знак имущественных различий и сословной принадлежности, и как возрастной дифференциации и семейного статуса. Ношение национального или регионального костюма становится способом выражения собственной идентичности.

Многие исследователи рассматривают одежду как семиотическую, т.е. знаковую систему (наряду с языком, мифом и обрядом и пр.). Любой материальный предмет (в том числе и предмет одежды) возможно рассмотреть как своеобразный язык культуры, который благодаря своей способности аккумулировать в себе традиции, социально-психологические установки, эстетические запросы и все это вместе взятое, отражает определенный (народный) образ жизни.

С этих позиций изучены предметы одежды в трудах А.К. Байбурина, Е.Л. Березович, П.Г. Богатырева, Н.М. Калашниковой, М.Л. Ковшовой, Т.В. Козловой и других ученых.

Так, П.Г. Богатырев представил структуру народного костюма как особый вид семиотической системы. По его авторитетному мнению, одежда является знаком, выходящим за пределы обыденного представления: семиотический статус одежды имеет как утилитарную, так и знаковую прагматику, т.е. соответствует практическим и символическим требованиям¹.

О важной коммуникативной функции одежды пишет Н.М. Калашникова. По ее мнению, одежда осуществляет своеобразный контакт между человеком и обществом. Язык народной одежды – это «знаковая система» особого типа, т.е. социкод, который фиксирует определенные характеристики конкретной культуры и, вместе с тем, является посредником между типами культур различных хронологических периодов и разных этносов. Он осуществляет коммуникацию, трансляцию и усвоение определенной, значимой для культуры информации².

Традиционная одежда как часть материальной культуры русского народа неоднократно была объектом специальных исследований ученых-этнографов и историков: А.Ю. Андреевой, Д.А. Баранова, Н.И. Лебедевой, В.А. Липинской, Г.С. Масловой, М.Г. Рабинович, И.И. Шангиной и др. Специальные этнографические изыскания уже с XVIII в. повсеместно фиксировали территориальные различия крестьянской жизни, в состав которых обязательно входила одежда (и ее названия) как характеристика материальной культуры.

Территориальные различия крестьянской жизни фиксируются учеными-диалектологами на протяжении значительного отрезка времени. На середину

XX в. приходится расцвет русской диалектологии. Наименования одежды всегда были в исследовательском фокусе как показательный лексический пласт говоров. В начале XXI в. появились работы, объектом которых являются номинации предметов одежды, рассмотренные в этнолингвистическом, ареальном, прагматическо-аксиологическом и других аспектах. К их числу относятся работы И.Ю. Абрамовой, Л.А. Вановской, И.В. Назаровой, М.В. Пановой, А.В. Тихомировой и др. Их исследования основаны на лингвогеографическом подходе изучения лексики, позволяющем представить процессы формирования словарного состава говоров как явление русской культуры.

Естественным шагом изучения лексики русских народных говоров в XXI в. можно считать лингвокультурологический подход, сочетающий в себе рассмотрение слова как явления культуры и языка.

Диалектная лингвокультурология основывается на трудах В.Н. Телии, которая вводит понятие «культуроспецифическая единица», что предполагает наличие культурной информации о мире в ее значении. Культурная семантика, по мнению В.Н. Телии, является связующим звеном между языковым и культурным кодами, т.е. соединяет «тело знака» с концептами, стереотипами, эталонами, символами, мифологемами и другими освоенными человеком знаками культуры [4].

Таким образом, за лексическими единицами закрепляется определенная культурная информация, которая скрыта от обыденного сознания носителя языка, но вычленяется, представляется, описывается с помощью различных приемов анализа.

М.Л. Ковшова, продолжая идеи В.Н. Телии, представляет процедуру выявления культурной семантики лексических единиц. Итогом ее анализа является установление иерархии культурных значений лексемы. В работе «Семантика головного убора в культуре и языке» она исследует культурную семантику головного убора как часть костюма. М.Л. Ковшова отмечает, что в понятии «костюм» содержится смысл выбора, конструирования, социализации и т.п. одежды; костюм подразумевает окультуренный выбор, в соответствии с его использованием. Такие предметы культуры и соответствующие им символизированные сущности представляют собой целостный текст в пространстве культуры³. Это относится и к костюмному коду культуры⁴: элементы одежды входят в него и как знаки (предметы культуры), и как символизированные сущности. С одной стороны, одежда, костюм – базовые понятия этнографии, истории, искусствоведения, с другой – они становятся носителями идей, представлений, концептов, «превращаясь» в символы, эталоны, стереотипы.

Номинации одежды как самый культуроспецифичный пласт лексикона всегда привлекал внимание лексикографов. Естественно, что результатом исследований различных научных сфер явились словари. Это касается этнографических трудов [6–8], культурологических [9], диалектных [10, 11].

Названия одежды – обязательная составляющая лексикографических трудов на диалектном материале (И.А. Подюков, Ю.В. Зверева, И.И. Русина Т.Б. Банкова и др.).

В словарных трудах томской диалектологической школы (ТДШ) содержится обширный пласт лексических единиц – названий одежды. Лингвокультурологическое содержание слова в словарных работах томской диалектологической школы фиксируется повсеместно, так как они представляют собой не только систему значений, но и самым тщательным отбором фактического материала, который демонстрирует функционирование слова в речи, что в совокупности и составляет культурные установки крестьянского коллектива, свернутые в нем.

Лексический массив номинаций одежды – это культуроспецифические единицы, в семантике которых наличествует культурный компонент [12. С. 10]. Под культурным компонентом значения лексической единицы будем понимать соотнесение языковых значений с тем или иным культурным кодом, которым владеют представители определённой лингвокультурной общности [13. С. 219].

Такие единицы являются своеобразными индикаторами культуры, манифестантом мироустройства, содержащими информацию об особенностях восприятия народом процессов бытия.

Настоящая работа выполнена на материале говоров Среднего Приобья. В диалектном лексиконе имеется обширный пласт культуроспецифических единиц. Говоры Среднего Приобья дают богатейшую эмпирическую базу для исследования выявления символической семантики слова и ее репрезентации. В диалектном лексиконе имеется обширный пласт единиц с культурной семантикой, которая, по мнению В.Н. Телии, включает в себя семы, маркирующие смыслы, входящие в денотативный аспект значения, обозначающий идиоэтнические реалии, которые являются предметом рассмотрения лингвострановедения [4].

В рамках этой концепции культурная составляющая семантики определяется главным образом по отношению к референту, т.е. к обозначаемому объекту, который, являясь частью окружающего мира, несет информацию о культуре соответствующего социума. Круг языковых знаков, передающих эти смыслы, значительно шире обычно рассматриваемых в связи с этим реалий, поскольку практически каждый языковой знак может «обрастать культурными коннотациями». Культурные коннотации свойственны не только метафорическим, но и символическим значениям. Например, в слове «кровь» русское сознание сформировало символическую сему: символ жизненных сил (фразеологизмы *пить кровь, до последней капли крови*) [4].

Следовательно, лексическая единица имеет символический компонент значения, который вычленяется на основе данных высказывания, где актуализирована исследуемая единица.

Цель настоящей работы – выявление и определение специфики объективации культурно-символического компонента семантики номинаций одежды, что предполагает решение следующих задач:

1) выявить лексические единицы-репрезентанты, имеющие в своей семантике символический компонент значения;

2) определить набор символических компонентов значения в названиях одежды.

Некоторые ученые [14–16] выделяют символический компонент как систему представлений народа о явлениях мироустройства в условных и абстрактных формах, принадлежащих коллективному сознанию и являющихся общеизвестными для всех носителей языка. В значении таких лексических единиц возможно проследить процессы, приводящие к обогащению значения слова за счет символического компонента как факта репрезентации культурной константы [17. С. 45].

Материал и методы

Термин «одежда» используется автором статьи в широком значении: он объединяет номинации одежды, обуви, головных уборов, украшений, тканей и материалов, из которых изготовлены предметы; особенности фасона и кроя, а также определения-характеристики, актуализирующие специфику предмета и т.п.

Фактической базой работы послужили данные, извлеченные из словарей, изданных ТДШ: «Полный словарь сибирского говора», «Вершининский словарь».

В работе использовались тексты Томского диалектного корпуса (ТДК), включающего материалы экспедиций, проводимых сотрудниками кафедры русского языка Томского государственного университета в период с 1947 г. по настоящее время на территории Томской, Кемеровской и Новосибирской областей.

Для сбора материала использовался прием сплошной выборки из названных источников. Единица анализа – лексема, относящаяся к семантической группе «одежда» в говорах Среднего Приобья. Количество исследуемых номинаций – около 2 500; текстовых отрывков, в которых реализуется символический компонент, – более 5 000. В статье реализован общенаучный метод описания. Привлечены методы интерпретации и лингвокультурологического анализа. Посредством лингвокультурологического анализа выделяются репрезентанты символического в слове, которые свидетельствуют о нём как о культурном знаке. Задача лингвокультурологического анализа – определить совокупность коннотативных (и символических в том числе) компонентов значения слова. Кроме этого, в работе использованы приемы контекстного анализа, классификации, систематизации.

Формой толкования значения культурно-значимых единиц, содержание которого выстраивается на основании данных, извлеченных из фактов живой речи диалектного коллектива, является лингвокультурологический комментарий. Он строится по типовой формуле как текст с прозрачной композицией, базирующейся на исконных, заложенных в самой структуре диалектного слова компонентах культурного содержания.

В настоящем исследовании способом прояснения символического компонента значения, содержащегося в лексемах, является лингвокультурологический комментарий. По мнению Т.Б. Банковой, «лингвокультурологический комментарий ориентирован на внеязы-

ковую жизнь языковой единицы через дополнительные энциклопедические сведения, «высвечивая» глубину его культурных смыслов» [18. С. 82].

Результаты исследования

Современная лингвистическая мысль актуализирует систему подходов и инструментов анализа, опирающуюся на идеи Ю.М. Лотмана, которые позволяют выявить символический компонент в семантике слова. Его размышления о целостности культуры прямо указывают на существование набора национальных культурных символов: «Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов в значительной мере берут на себя функцию механизмов единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты. Единство основного набора доминирующих символов и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют национальные и ареальные границы культур» [19. С. 12].

Символика одежды выражается преимущественно в ограничениях на использование знаков определенными социально-культурными группами. Например, некоторые предметы наличествуют только в одежде девушек или указывают на статус замужней женщины. Наконец, смысловыми признаками, позволяющими определить круг используемых знаков, становятся фасон, цвет одежды, или, например, способы повязывания платка и т.п.

Системное изучение феномена «народная одежда» предполагает одновременное рассмотрение ее конструктивного, функционального, семантического планов, что позволит создать целостную модель, интегрирующую универсалии традиционной картины мира. В традиционной культуре царит «мир вещей», которые раскрывают символический контекст культуры [3. С. 83].

На ранних стадиях развития человеческого общества одежда была не только «укрытием» (выполняла защитную функцию), но и символизировала определенные жизненные процессы, служила ритуальным объектом. Прежде всего, это ритуалы жизненного цикла: «родины – жизнь – смерть» или «детство – зрелость – старость» [18. С. 38–41]. При этом маркировочная функция была максимальна в свадебном костюме, минимальна в родильной и похоронной одежде [20. С. 171–172].

Традиционная одежда как часть материальной культуры повсеместно была объектом изучения ученых-этнографов и историков, культурологов и искусствоведов, лингвистов и этнолингвистов.

Томской диалектологической школой собран богатый материал, относящийся к русской традиционной одежде. Изучаемый лексический пласт является уникальным, так как функционирование изучаемых номинаций исследуется в работе исключительно в живой речи диалектоносителей.

Актуальность исследования обусловлена тем, что оно ориентировано на факты актуализации исследуе-

мых единиц в речи. Фактический материал, демонстрирующий функционирование слова в речи, в совокупности может быть «прочитан» как своеобразный культурный текст, он может содержать информацию о возрасте носителя, о его половой принадлежности, статусе, материальном состоянии.

В работе компонентами лингвокультурологического комментария являются культурно-символические семы. Процедуры извлечения смысловых фрагментов для лингвокультурологического комментария наименований одежды сводится к следующему: высказывание делится на смысловые сегменты, которые являются доказательством культуроспецифичности единицы. Смысловые компоненты извлекаются из высказываний, на их основе строится лингвокультурологический комментарий⁵.

В имеющемся материале выделены следующие смысловые компоненты значения: *возраст, смена социального статуса, гендерная принадлежность, материал изготовления*.

Рассмотрим номинацию «первой» одежды человека с точки зрения наличия символического компонента единицы возраст: *пелена, пеленальник, пелёнка (пелёночка), пеленишник (пеленишничек), пеленничек: На ножках не ходит – младенец, в пелёнках ешиш* (Том. В.-Кет.) [22].

Номинация ПЕЛЁНКА (символ младенца) содержит компонент значения возраст. Это подтверждают материалы: *На ножках не ходит, в пелёнках ешиш*.

Пеленать – ну *пеленали*. *Пелена така* была, *пояс сшивается из тряпок, а потом ребёнка завёртывают в какую-нибудь пелёночку, тонкую, а потом уж этой пеленой повязывают в ногах, чтобы ноги кривые не были* (Том. В.-Кет.); *Пелёнку клали, а им закрёшиывали, хрес на хрес – и пеленают* [22]. Материал свидетельствует о том, что контекстное окружение лексемы проявляет следующий культурный компонент значения (см. выше): материал (*любая материя*) и способ изготовления (*сшивались куски*), особенности использования (*затягивают*).

Отметим, что символический компонент связан с защитной функцией: *закрёшиывали, хрес на хрес* (крест-накрест)⁶ и опоясыванием⁷: *Раньше сошьёшь длинный пояс, в пелёнку заложишь и пеленальником затягивают. Пеленальник – пояс* (Том. В.-Кет.) [22]. В иллюстрации к лексеме *пеленальник* актуализируется символический компонент *защита*: это пояс⁸, который в народной культуре призван защитить от вредоносного влияния, установить границу между «своим» и «чужим» пространством, что является свидетельством о наличии в значении слова символического компонента.

Кроме *пелёнки*, первой детской одеждой являлся ПЕЛЕНИШНИК, а, м. Особым образом сшитое одеяло, предназначенное для пеленания ребёнка. – *Я прихожу, а моя мама пеленишник шьёт. А раньше пеленишники шила: от так от это, от такой ширины материал и от так прошьют его так, так вилюшками, так стежит, ваты маленько подложит туды, и в два рядья материал* [24. С. 45].

Одним из элементов одежды для пеленания ребенка служил *пеленишничек* – широкая лента, которой перевязывали дитя поверх пеленки или *пеленишника*. Он предназначался для опоясывания (см. выше): ПЕЛЕНИШНИЧЕК, чка, м. Ласк. к пеленишник. – ... И так и пеленишник этот, заматают этой пелёнкой, а пеленишничком завяжут. Ну он широкенький такой; Шила пеленишничек ей [24. С. 45]. Заматают этой пелёнкой, а пеленишничком завяжут... пелёнок таких-то не было, а раньше-то всяки были, стары и всяки с узорами [24. С. 44];

Таким образом, рассмотрение номинаций одежды, связанных с младенчеством, демонстрирует наличие в их семантике, кроме символической семы *возраст*, символического компонента *защиты*, *оберега*, *границы между «чужим» и «своим»*.

Номинации одежды взрослых людей также регулярно проявляет компонент *возраст*. Устойчивой возрастной границы крестьянская традиция не выделяла. Но номинации одежды пожилых людей всегда имеет сегмент, объективирующий возраст. Как правило, стариками и старухами считали людей, достигших пятидесятилетнего возраста. В Западной Сибири термин «старика» мог применяться к людям, достигшим 45–50 лет [25. С. 36].

Старики, как правило, носили темную или белую одежду, не имели права на новое платье и взрослый покрой; обычно они донашивали свою или чужую старую одежду или им изготавливали из старой материи платье стариковского покроя, нередко напоминавшее балахон [25. С. 69]. Так, например, ГОРБАЧ. Старинная женская одежда, покроем напоминающая сарафан, рубаху. – Горбачи шили с клиньев для старух; Горбач – складками наложенный на спине сарафан [26. С. 155].

Очевидно, что в приведенном примере наличествует сема *возраст*. Во-первых, отметим, что *горбач* является одеждой исключительно *старух*. Во-вторых, символической характеристикой является *фасон*: *складками наложенный на спине сарафан*, который являлся стариковским покроем.

Приведем еще пример, реализующий сему «пожилой возраст»: САРАФАН. Женская одежда. – Были сарафаны с рукавами, *старухи носили* (Том. Шег.) [22]. Они это, *старухи-то* наши, носили сарафаны длинные. И она, я её не видела, чтоб она как-то такая, вот как *нонче* ходят. И мне в диво. Я даже в Шаламовке жила, поехала в Томск, вот Гале повезла виноград, болела, дак *рукова* короткие не *нашивала* там. Увидела в проходе, вот таких *рукавов* нету, о, я думаю, это чё такое, без *рукавов* платье. Смешно. Чё они ходили-то в сарафа-анах длинных, в платках чёрных (Том. Пар.) [22]. То есть отличительной характеристикой *сарафана* для пожилых – это длина и особый фасон – репрезентативная характеристика возраста.

Отметим, что в контекстах, реализующих наименование одежды пожилых, как правило, есть указание на принадлежность ее людям старшего возраста: ПОТУГА. Название фасона прямых кофт, скроенных клиньями на спине, с застёжками. – Потуга – *кофта*, четыре *клина* на спине, две *полки*, *прямая*, *застёгивается*, *пожилые старухи ходят так* (Кем. Мар.) [22].

В иллюстрации к слову представлен показатель возраста – специальный фасон, подробно описанный диалектоносителем.

Некоторые номинации одежды, имеющие в семантике сему *возраст*, транслируют дополнительную семантику *возрастного перехода* и *закрепление гендерной специфики*: *рубаха*, *станинка*, *штаны*, *юбка*.

Например, лексические единицы «штаны» и «юбка». По мнению авторов «Славянских древностей», «штаны маркируют возраст человека, символизируя наступление зрелости у мальчиков», и «соотносятся с женскими символами – фартуком или подолом юбки» [23. Т. 5. С. 581].

В традиционной культуре штаны всегда считались мужской одеждой. Женщины носили исключительно юбки. Семы, связанные с полом, актуализированы в толковании значения: ЮБКА, и, ж. – *Женская* одежда от талии книзу. Юбки *холщовые* были. Мама *ситцевые* не даёт, *надевай холщовую*. *Ситцевые* – только чтоб по большим праздникам [27. С. 352].

Манифестация принадлежности к полу выявлена и в иллюстрациях (репрезентанты выделены жирным шрифтом): Женщины в старинны года *штаны не носили* (Кем. Л.-Кузн.); Девушки *штаны не носили никогда* (Том. Колп.); Женщины *тока в юбках* и *кофтах* *ходили*; Брюки *мужикам*, юбки *девки* носили *холщовые* *всё* (Том. Том.); *Мушныны носили холщовые штаны* (Кем. Мар.); Почему-то *сечас брючишек-то нет*, *брюки мужески токо* (Том. Пар.) [22].

Номинации, зафиксированные в наших материалах, могут выступать как символ *возрастного перехода*: Девки в *станцах* *раньше холщёвых* *ходили*, а как в *замуж* *выходит* – *юбку* *надеват*. *Говорили*, *если в замуж* *хочешь*, в юбку *вскочишь*. *Ребята без штанов* *ходили*, пока не *женятся*, в *длинных холщёвых рубахах*. А к невесте в *штанах* *уж идёт*, так и *надо было* (Том. Перв.) [22].

Символический компонент *возрастного перехода* актуализируется посредством репрезентативных показателей – *замуж выходит*, *в замуж хочешь*, *не женятся*. Очевидно противопоставление номинаций – *станинка*, *длинная холщовая рубаха* – другим, обозначающим *возрастной переход*, – *юбка* и *штаны*.

Преображение внешнего облика готовящихся к вступлению в брак осуществляется посредством перемены одежды, обуви, головных уборов. Свадебный наряд становится символом нового *социального статуса* (жениха или невесты).

Лексические единицы, задействованные в обрядовом комплексе, транслируют культуроспецифическую семантику. Материалы среднеобских говоров, отражающие культурные установки крестьянского сообщества, связанные с представлением традиционного коллектива о том, как должны выглядеть брачующиеся, дают основания для выявления достаточно объемного реестра предметов вещного мира, связанного со свадебным жизнестроительством [28. С. 7–8].

Семы, связанные с *возрастом*, актуализируются в материалах, посвященных представлению традиционной свадебной церемонии, т.е. во время смены социального статуса брачующихся. Рассмотрим реализацию семы «смена социального статуса» в номинациях свадебной одежды.

Традиционно свадебный наряд невесты состоял из *платья и головного убора*. В говорах Среднего Приобья зафиксирован факт, что *платье* для невесты – знаковая одежда: ПЛАТЬЕ, я. Цельная женская одежда, верхняя часть которой соответствует кофте, нижняя – юбке. – *Платья [свадебные] разны были. Сатиновое платье, шерстяное, праздничное... Платья долги, до пола; Хороше платье богаты имели. Платья всяки шили, и в складку шили, и с фонбарам; Нонце платье скомбинированы шьют: один розовой клин, другой зелёный* [24. С. 114].

Лексическая единица *платье* повсеместно сопровождается определителями, которые конкретизируют номинацию, предназначенную для особого случая – *венечное, венчалное, подвенечное, свадебное, свадьбшное платье*: *А ране подвенечное платье* было, рукава в нём косые. *Юбку длинную шили по полу, ширина два или три метра. Платья ране делали с обделочкой. А ещё шили кружевочки, складочки, фонборочки. Две-три кода пришьёшь, каждую как надо. Она называется большая фонбора, а маленькая фонборочка* (Том. Колп.); *Подвенечнo* платье одевала, востроносеньки ботиночки. *Венчались мы с им, свадьбу зачали* (Том. Пар.); *Светы у ней были свои, платье подвенечнo* было готово, красиво тако (Том. Шег.); *Венечнo* платье так шито, и невесту дарили (Том. Том.); *Вот на свадьбах невесте модно было платье с выбивкой делать. А так и называлось – венчалное платье* (Том. В.-Кет.); *У ней было белое, белое свадебное платье, была юбка такая вот* (Том. Пар.); *На невесте свадьбшное платье, уваль до самых колен* (Том. Шег.) [22].

В исследуемых материалах зафиксированы следующие характеристики номинации *платье*, репрезентирующие символический компонент значения: длина; фасон, отделка, наличие украшений; цвет; материал изготовления. Рассмотрим каждую из них.

1. **Длина.** Намеренно удлинённые формы в одежде невесты, которая в момент перемены статуса особенно уязвима, призваны защитить её от влияния потустороннего [28. С. 10]. Об этом свидетельствуют материалы ТДК. Репрезентантами символического компонента *статуса* являются такие слова, как *длинно(е), с длинным рукавом*: *Взамуж выходили – длинны плаття были, в цветах* (Том. Колп.); *Свадебное платье кремовое с длинным рукавом. Венки из восковых цветов спускались, как косы. Вуаль брали все у одной женщины* (Том. Шег.); *Платье длинно на невесте, красиво так* (Том. Колп.) [22].

2. **Фасон. Отделка. Наличие украшений.** В говорах Среднего Приобья зафиксированы следующие лексические единицы, обозначающие фасон праздничного (свадебного) платья: ПРИНЦЕСС, ПРЫНЦЕСС, ПАРИНЦЕСС. Устар. Праздничное платье, прилегающее в талии и расклешённое книзу. – *Принцесс в обтяжку; Прынцессы были; Парынцессы – по полу метётся с фонборами* [29. С. 123].

Отметим, что платья фасона ПРИНЦЕСС, ПРЫНЦЕСС, ПАРИНЦЕСС, являясь одним из фасонов свадебного платья, имело следующие параметры: особенности кроя (в обтяжку), наличие особой отделки (с фонборами).

Материалы ТДК свидетельствуют о том, что данный фасон имеет следующие характеристики (репрезентанты выделены жирным): *Принцесс – платье скроено клиньями, а кофта узка. И сейчас бы эту моду подёрнули* (Том. Кож.); *У мамы платье красивая была, уваль на голове. Она раскошенное и на фигуре сделанное* (Том. Пар.); *Прынцессы шили – плаття. Со спинкой, с клиньями. Какую-то спинку. Скрозь до подола* (Том. Туг.) [22].

Длина платья и рукавов должны были соответствовать главной функции обрядовой одежды – обереговой. В иллюстрациях объективируется особенный крой праздничного платья: *прилегающее в талии и расклешённое книзу, скроено клиньями, а кофта узка; раскошенное и на фигуре сделанное*.

По материалам ТДК можно выделить следующие характеристики такого платья: наличие украшений, особой отделки, которые свидетельствуют о наличии символического компонента в значении слова: *Платья подвенешные ране делали с обделочкой. А ещё шили кружевочки, складочки, фонборочки. Две-три кода пришьёшь, каждую как надо. Она называется большая фонбора, а маленькая фонборочка* (Том. Колп.); *Платье с оборками и называется принцесс. Платя было бело, принцесс называлась. Таки платья только на свадьбу шили* (Том. Кож.) [22].

Платья с особой отделкой имеют определённую символику. Так, например, кружево является символом богатства и роскоши⁹. *Фонбора (фонборочка), оборка* – символ невинности и чистоты [30].

3. **Цвет свадебного наряда.** Наделяя цвет определёнными психологическими свойствами, люди исходили из конкретных наблюдений. Так, *белый цвет* олицетворял чистоту и целомудрие, использовался в праздничной одежде, но он же мог быть и символом потустороннего мира, смерти. *Белый цвет* характеризует обрядность переходного мира [3. С. 87–88]. Белая одежда новорожденных, новобрачных и умерших, как правило, символизировала переход человека в новую ипостась. Принято считать, что белый цвет сакрален – он служит защитой от нежелательного воздействия со стороны существ иных миров [3. С. 88]. Именно поэтому наряд невесты был белого цвета – актуализируется символический компонент *защиты*: *У ней было белое, белое свадебное платье, была юбка такая вот* (Том. Пар.); *Платье было белое* (Том. Том.); *На свадьбу все белое [платье] больше носили* (Том. Том.); *Невеста в белом платье* (Том. Кож.) [22].

Цветовой регламент свадебного платья корректируется конкретными условиями жизни крестьянской общины и балансирует между составляющими цветового ряда «белый – светлый – нетёмный», появление цветов из названной палитры в одежде всегда является символом выхода из обыденности [28. С. 10]: *Я в розовом платье венчалась* (Том. Зыр.); *Венчались мы, у меня платье было голубое* (Том. Зыр.); *У невесты платье из сатину был, белый, розовый или голубой, но все равно светлый* (Том. Зыр.); *Платьев белых не было, были кремовые или розовые из сатина, батиста ли. А то кофты с юбками* (Том. Шег.) [22].

В высказываниях они закреплены за лексемами *голубой, небесный, розовый, кремовый*, манифестирующими семантику праздника как преодоления обыденности.

Цветовая характеристика платья, транслируемая в анализируемом материале, репрезентирует один из главных элементов цветовой символики – *белый* противопоставленный *черному*. Контрастное противопоставление цветов свадебного костюма молодоженов реализует оппозицию «мужское – женское». Заметим, что в одежде жениха актуализируется лишь цвет костюма и рубахи: *Жених – чёрный костюм, белая рубаха* (Том. Том.); *А жених в костюме, ежели зимой, рубаха белая, ну и цвет* (Том. Крив.) [22].

Обязательность *белого* как символа в свадебных одеждах народное мировидение дополняет семантическим параметром ‘одинаковый, одного цвета’, транслирующим культурную семантику пары, супружества [28. С. 9]: *Рубашка у жениха в свет [цвет] с платьем невесты*, (Том. Том.); *Кака у жениха рубаха, тако у невесты платье* (Том. Шег.) [22].

4. **Материал изготовления.** Символический компонент наряда закладывается в выбор материала – это ткани дорогие, промышленного производства [31. С. 88]. В выборе ткани для платья актуализируется символика праздника. Для женского свадебного наряда материалом изготовления были *сатин, кашемир, шёлк*: *У невесты платье из сатину* был, *белый, розовый или голубой, но все равно светлый* (Том. Зыр.); *Платья под венец-то кашемирово*. Венчались мы, у меня платье было голубое (Том. Зыр.); *Из шёлку раньше свадебно платье шили* (Том. Том.); *Невеста в белом <плате/платье>. Из шёлка <плате/платье>* [22].

В отличие от женского платья, мужская свадебная рубашка изготавливалась из ситца, о чем свидетельствуют материалы ТДК: *Венчались мы... У него рубаха ситцевая* была. *Когда замуж выходить, тогда вот такие рубахи были, сверху ситцевые, а тута опять холщенина пришита* была (Том. Зыр.); *У брата вот была ситцева рубаха, так я в ситцевой рубахе женился* (Том. Зыр.) [22].

Лексема (свадебное) *платье* как единица, номинирующая атрибут вещного мира сибирской свадьбы, формируется из объективированных языком культурных сем, которые в совокупности представляют собой факт фиксации перевода бытового значения слова в символическое: *Платье (венечное, венчальное, подвенечное, свадебное, свадьбишное); белого (голубого, розового, кремового) цвета; с длинным подолом и рукавами. Для платья использовались более дорогие (кашемир, сатин) ткани с обязательными дополнительными деталями (кружевами, оборкой)*. Отметим, что *платье* имеет символический компонент только тогда, когда в высказывании имеются его репрезентанты.

Номинации головного убора невесты зафиксированы в материалах «Вершининского словаря» и ТДК: *венки, венец, уваль (вуаль, ваваль, уаль), кисея, фата, повойник (повойничек), кокошник*.

Женский головной убор особенно значим в русской традиционной культуре – обрядово-ритуальная сфера

головного убора является главной в информационной структуре различных действий, основная тема которых – семейная. В осуществление данной темы головные уборы включаются с момента взросления девушки и превращения ее в невесту, затем жену [5. С. 84].

Отличительными атрибутами девушки до вступления в брак были различные кольцеобразные девичьи головные уборы, например, *венки* – символ девичества [32. С. 317–318]: *ВЕНОК*, нка, м. Украшение из цветов или ветвей, сплетённых в виде круга. – *В невестах. Уж косу заплетут, цветов, надкосник наладят, лентов наवेशат, всю косу заплетут венками, разными цветами и лентами хорошими. Так и было; Венки плетут на троицу* [33. С. 166].

Отметим, что *венки* были не только свадебным головным убором, но и элементом различных девичьих обрядов. Девушки гадали на Троицу по венкам – если *венки* не утратил свежесть, то это считалось к скорому замужеству [5. С. 84–85]. Это подтверждают материалы ТДК: *А на Троицу девушки венки плетут и в воду бросают. А утром идут смотреть. Утонет венки – значит плохо, а если плывёт, значит, долго жить* (Том. Шег.) [22].

В лексеме *венки* при описании момента гадания актуализируется символический компонент – *предсказание будущего*.

Брачная символика *венки* отражена и в народной традиции – в девичьих гаданиях о замужестве при помощи *венки* (репрезентанты выделены жирным шрифтом): *Троица – седьмого июля. Наломашь берёзки, ставишь, венки сплетишь, в воду бросишь – куды венки понесёт, там и жених* (Том. В.-Кет.); *На Троицу в лес ходили, брали с собой вино, хлеб, сало, яйца и устраивали гулянку. Венки плели – чей венки быстрее понесёт, та быстрее замуж выйдет* (Том. Шег.) [22].

Свадебный *венки* – один из основных атрибутов свадебного обряда у славян, наряду со свадебными деревцем, караваем и знаменем. Свадебный *венки* вошёл с христианской традицией в православный ритуал церковного венчания [23. Т. 1. С. 314–318]: *Я была невестой и венки надевала* (Том. Крив.); *Потом мы свадьбу и начали гулять, а невеста надевала на себя венки конечно, фату* (Том. Крив.) [22].

Он является символом брака, как и другие свадебные атрибуты, имеющие форму кольца или круга (кольцо, пирог): *Мы с мужем венчались в церкви, да и сейчас на свадьбах много по-старому делают: и платья белая, и фата или венки на голову, и кольцо обручально, и песни поют* (Том. Том.); *Раньше венки, кисея на невесте. Венки восковой, белый, твёрдый такой. Уваль был до полу, ленты всякие* (Том. Шег.) [22].

Девичий *венки* трансформируется в свадебный, золотой *ВЕНЕЦ*, нца, м. Церк. Корона, возлагаемая на вступающих в брак при церковном обряде. – *В церкви обвенчают, там батюшка водит круг налож, таки, как колпак, венцы, золоты, говорят, венцы надевали; В церковь приехали венчаться. Венцы одевали, вокруг водили, молитвы читали* [33. С. 166].

Смена *венки* означала готовность невесты к новому для нее головному убранству и венчанию в церкви в знак благословения брачующихся и их соединение [5. С. 95].

В религиозном мировоззрении *венец* символизирует Бога, и поэтому *венец* над головами брачующихся – символ верности, постоянства, а главное – испытаний в совместной жизни [5. С. 99]: *К венцу жених с тысяцким едет на паре, а невеста со свахами и от жениха, и от невесты. Когда невесту к венцу приведут, тогда священник венец на невесту оденет. Без венца не давали жить вместе* (Том. Пар.); *Венчались так. Невеста с женихом – перед ними и церкви холст стелется. Они становятся. Венцы надевали* [22].

В комплекс свадебного убранства входит УВАЛЬ (ВУАЛЬ, ВАВАЛЬ, УАЛЬ), и, ж. Свадебный головной убор невесты. – *У ей [невесты] расплетали косу, надевали уваль, тюль шелковый; Невеста в увале была, в цветах. Уваль белая, как кисея, длинная. И цветы кругом. А сейчас тоже ували; Цветы жених покупал, уваль большая. Счас-ка ить коротеньки делат, а раньше были на полу столько ташишится уваль* [26. С. 116].

Уваль является безусловным символом невесты и выполняет обереговую функцию. Как и платье невесты, уваль должна быть длинной, чтобы выполнить свою магическую функцию – защитить вступающую в брак от негативного влияния. Длина символизирует защиту от потусторонних сил (репрезентанты выделены жирным шрифтом): *Уваль до самых колен* (Том. Шег.); *Уваль до полу висеца* (Том. Кож.); *Уваль тожа в пол* (Том. Пар.); *Раньше свадьбы красивы были. У невесты уваль длинный, длинный, аж до пят* (Том., Кож.); *Уваль была не короткая, а ровно с платьем* (Том., Шег.); *Под венцы надевали уваль, уваль длинна* (Том. Том.) [22].

В крестьянском сознании наличие/отсутствие ували в наряде невесты, а также материал, из которого она изготовлена, реализуют оппозицию *богатство-бедность*. Материал изготовления ували символизировал социальный статус невесты и ее семьи: *У его [жениха], костюм, у ней [невесты] на голове цветы, а там уваль из марли, а бедные и без ували* (Кем. Мар.); *Во время венчания невеста одевается в светлое новое платье и уваль. Как богаты, так уваль хороша* (Том. Крив.) [22].

Дорогой материал для изготовления являлся и символом роскоши праздника: *У ей расплетали косу, надевали уваль, тюль шелковый* (Том. Шег.); *Косынки шелковы были, уваль называли* (Том. Колп.) [22].

Отметим, что аналогичным головным убором ували была *кисея*. Об этом свидетельствуют сравнение – *как кисея*: КИСЕЯ, ей, ж. Прозрачная тонкая ткань. – *Невеста в ували была, в цветах. Уваль белая, как кисея, длинная* [34. С. 109].

Материалы ТДК подтверждают это: *Уваль белая, как кисея* (Том. Верш.); *И цветами с кисеей – уваль называлась* (Том. Молч.) [22].

Осовремененным вариантом вуали является ФАТА, ы, ж. Лёгкое покрывало из тюля или кружева, служащее свадебным головным убором невесты. – *Сватались: уваль – вуаль, а теперь фата. Платья шили розовые, большие однотонные* [26. С. 173]. Об этом также свидетельствуют материалы ТДК: *Перед тем как на её надеть... шас «фата» называют, а раньше звали «уваль»* (Том. Том.); *Фата называется*

уваль (Том. Крив.); *Сватались: уваль-вуаль, а теперь фата* (Том. Шег.) [22].

Вуаль означает брачный шатер и таинство брака; издавна соединение требовало покровы: 'покровение' – метафора брака [5. С. 84–85]. Следовательно, вуаль, кисея и фата являются символами таинства брака: *Был у меня уваль, я его в сундуке храню* (Том. Пар.); *Уваль белая, така красивая* (Том. Карг.); *Венец надевали на меня, уваль* (Кем. Яшк.); *Когда жених приезжат, на невесте фата* (Кем. Мар.); *Уаль – фата, только длинна и восковы светы, уаль так грыбочком наложена* (Том. Шег.) [22].

На следующий день после свадьбы молодая укладывала волосы и надевала головной убор согласно новому статусу. В некоторых местностях молодую *повивали*: заплетали волосы в две косы, укладывали вокруг головы кольцом (или как-то иначе) и надевали *повойник* [5. С. 99]: **ПОВОЙНИК**, а, м. Стар. Женский головной убор в виде повязки, надеваемой под платок. – *Повойник, когда заплетут, косы-то вот так наладят, его надевают вниз под фальшонку, чтобы не на волосья фальшонка-то была. У меня платье было розово и этот, повойник, розовый был; Я ною повойник. Всяки-разны бывают. Всё время под платком ною; Повойник – не знаю почему он так называется. Шили [их]... красивый, лиловый, розовый, голубой, ссиня, и фальшонка сверху, как вязаная, чёрная, шелковая* [24. С. 137–138].

Повойник представлял собой платок, полностью закрывавший волосы, заплетенные в две косы и уложенные на голове: *Делали таки косы, как рога, они делают наверху. Эти рога сделаешь, одна, вторая поменьше, третья поменьше, косы свои кладёшь сверху вот так, этот платок делаешь под хохолку, и роги тут, и косы твои тут – эт, значит, **молодуха, замуж токо вышла**, и до старости носили* (Том. Шег.); *Гагатки носили, бусы назывались так, повойник носили, **молодуха** носила. Наколок тоже, наколки носили с ленточками* (Кем. Ижм.) [22].

Повойник являлся символом исключительно замужней женщины. Об этом свидетельствуют лексемы: *молодуха*¹⁰, *замуж токо вышла*.

НАКОЛКА, и, ж., **НАКОЛОК**, лка, м. Старинный женский головной убор. – *Нас раньше с венца накроют шалью, плетут косу, две косы. Наколку надевают, фальшонку; Наколка убрана бисером; Постарше-то носили наколки; А там сверху наколок покупали в городе; Наколок шили с кружевом. Это только женски наколки носили. Они хорошо сшиты, разных цветов* [35. С. 60].

Наличие маркера *с венца* в иллюстративной части подтверждает тот факт, что данный головной убор надевался после свадьбы: *После венца повязывали платок* (Том. Крив.); *Когда от венца приедут, окручивают, заплетают две косы и завязывают платок* (Том. Шег.); *Как выйдешь **взамуж**, тоды завязывали платок **взаде*** (Том. Кож.) [22]. Надевание платка плетение двух кос являлось символом замужества: *На следующий день платок сдевают, значит ты уж не девка, а если коса – на две косы на второй день* (Том. Шег.); *Тут и невесту открыли. Фата белая, волосы*

распушилены. Потом уж закроют белым полотном, крёстная и девушки снимают, делают две косы и платок надевают. Теперь уж я женишнына (Том. Молч.) [22].

Символический компонент объективируется в манипуляции с головным убором невесты (покрывание головы платком, шалью, повойником и др.), описывающем регламентированный выход замуж. Некоторые предметы одежды, входящие в свадебный обрядовый комплекс, в процессе обрядовых действий символизируют смену социального статуса.

Смена головного убора символизирует факт получения невестой нового социального статуса – *жены, молодухи*. Например, КОКОШНИК. – *Кокешник – надевали, когда уже обвенчаются молодухи, когда ей оденут на голову так, что и волос не видно. Он из товару хорошего, из шёлку* (Том. В.-Кет.) [22].

В выборе ткани – *из товару¹¹ хорошего, из шёлку* актуализируется символика праздника.

Символический компонент – *смену социального статуса* актуализируют маркеры: *когда уже обвенчаются, молодуха* – девушка/женщина, недавно вышедшая замуж (см. выше). Этот же маркер можно наблюдать и в иллюстрации к слову *наколка*: *Раньше наколки называли – шитые колпаки из шёлку или атласу. За столами посидят, выходит молодуха из-за стола и надевают ей этот чепец* (Том. Кож.) [22].

Заключение

Исследование сосредоточено на номинациях одежды – культурно маркированных диалектных единицах, – представляющих собой факт живой диалектной коммуникации носителей среднеобских говоров. Номинации одежды транслируют представление крестьянского коллектива о бытийном мироустройстве. Культурная значимость слова выражается через его символическое значение, при реализации которых культурная значимость соотносится с базовой интенцией данной культуры.

Языковой факт номинации одежды рассмотрен с точки зрения наличия символического культурного компонента значения. Посредством лингвокультурологического комментария лексической единицы было доказано наличие символического компонента. Выявление этого компонента основывалось на определенной процедуре: все представленные контексты в работе, связанные с номинациями одежды, анализировались с точки зрения проявления смысловых сегментов

символического компонента в иллюстрируемых материалах.

В исследуемом материале номинаций одежды были выявлены следующие символические компоненты: *возраст, смена социального статуса, гендерная принадлежность, материал изготовления*. На основании анализа материала были выделены следующие культурные семы: *возраст, смена социального статуса, половая принадлежность*.

Номинации одежды младенческого возраста содержат символический компонент *защиты и оберега*. Символическими репрезентантами являются параметры: длина и чистое состояние предмета. Символическими характеристиками одежды пожилого возраста являются длина и фасон.

Одежда выступает как символ возрастного перехода. Внешний облик готовящихся к вступлению в брак осуществляется посредством перемены одежды, обуви, головных уборов. Свадебный наряд становится символом нового социального статуса (жениха или невесты). Кроме этого, некоторые номинации одежды, имеющие в семантику *возрастного перехода*, транслируют дополнительную семантику *гендерной идентификации* (*рубаша, станинка, штаны, юбка*).

Лексические единицы (*платье, принцесс, прынцесс, паринцесс*), относящиеся к свадебному наряду, имеют параметры, репрезентирующие символическую составляющую лексемы, такие как длина; фасон, отделка, наличие украшений; цвет; материал изготовления. Материал изготовления свадебного головного убора символизировал социальный статус невесты и ее семьи.

Символический компонент значения лексемы фиксирует упорядоченность мира на принципах соотнесённости явлений и процессов, за которой стоит модель целостного бытия: оно устойчиво, потому что прочно укоренено в архаическом сознании.

Результаты работы позволяют определить круг культурных представлений крестьянства, закреплённых за лексической единицей, называющей предметы традиционной одежды. Фактический материал, демонстрирующий функционирование слова в речи, в совокупности может быть «прочитан» как своеобразный культурный текст, он может содержать информацию о возрасте носителя, о его половой принадлежности, статусе, материальном состоянии. Так, реалии разных субстанций – домашняя утварь, пища, одежда, – преодолевая конкретное значение, становятся знаками, культурными символами.

Список сокращений

Локальные пометы: Том. – Томская область; Верш. – Вершининский район; В.-Кет. – Верхне-кетский район; Зыр. – Зырянский район; Карг. – Каргасокский район; Кож. – Кожевниковский район; Колп. – Колпашевский район; Крив. – Кривошеинский район; Молч. – Молчановский район; Пар. – Парабельский район; Перв. – Первомайский район; Том. – Томский район; Туг. – Туганский район; Шег. – Шегарский район; Кем. – Кемеровская область; Ижм. – Ижморский район; Л.-Кузн. – Ленинск-Кузнецкий район; Мар. – Мариинский район; Яшк. – Яшкинский район.

Примечания

¹ См. подробнее: [2].

² См. подробнее: [3].

³ См. подробнее: [5].

⁴ Относительно термина «костюмный код» см. подробнее: [5].

- ⁵ Подробнее о том, как строится лингвокультурологический комментарий, см. [21].
- ⁶ Относительно лексической единицы «крест» см. подробнее: [23. Т. 2. С. 651].
- ⁷ Относительно лексической единицы «опоясывание» см. подробнее: [23. Т. 3. С. 552].
- ⁸ Относительно лексической единицы «пояс» см. подробнее: [23. Т. 4. С. 230].
- ⁹ Относительно наименований тканей, из которых изготавливалась одежда для будней и праздников (реализация лексических единиц «профанное» – «сакральное»), см. подробнее: [31].
- ¹⁰ МОЛОДУХА, и, ж. Молодая замужняя женщина. – *Молодуха – первый год замуж выдет. Вот её по-христианству молодухой зовут; Молодухой на другой день невесту звали. У ей расплетали косу* [34. С. 320].
- ¹¹ Относительно наименований тканей, из которых изготавливалась одежда для будней и праздников (реализация лексических единиц «профанное» – «сакральное»), см. подробнее в [31].

Список источников

1. Толстая С.М. Семантическая модель родства в славянском народном календаре // *Славяноведение*. 2002. № 1. С. 13–26.
2. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 358.
3. Калашникова Н.М. Семиотика народного костюма : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : СПбГУПТД, 2016. 321 с.
4. Телия В.Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // *Национально-культурный компонент в тексте и в языке : тез. докл. Междунар. науч. конф. : в 2 ч. Ч. 1*. Минск : Универсітэцкае, 1994. С. 14–15.
5. Ковшова М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. М. : Гнозис, 2014. 368 с.
6. Беловинский Л.В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории XVIII – начало XX века. М. : ОЛМА-Пресс, 2003. 910 с.
7. Соснина Н., Шангина И. Русский традиционный костюм. СПб. : Искусство, 1998. 399 с.
8. Шангина И.И. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. СПб. : Азбука-классика, 2003. 596 с.
9. Терешкович Т.А. Словарь моды: терминология, история, аксессуар. Минск : Хэлтон, 1999. 459 с.
10. Подюков И.И., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь : Пермское книжное издательство, 2004. 360 с.
11. Зверева Ю.В., Русинова И.И., Черных А.В. Традиционный костюм народов Пермского края. Русский. Тематический словарь лексики одежды. СПб. : Маматов, 2019. 432 с.
12. Банкова Т.Б., Манашова В.Д. Номинации русской народной одежды в лингвокультурологическом аспекте: к вопросу о потенциале источников исследования (на материале говоров Среднего Приобья) // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2022. Вып. 6 (224). С. 7–16.
13. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Язык русской культуры, 1996. 288 с.
14. Андриевич И.Л. Коннотация как способ представления культуры в лексике семейных обрядов русских старожилов Иркутской области // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2010. Вып. 10. С. 107–110.
15. Гудков Д.Б. Коннотации и символические значения единиц вербальных культурных кодов // *Русский язык: исторические судьбы и современность : сб. тез. II Междунар. конгресса исследователей рус. яз. М., 2004*. С. 2–4.
16. Медведева А.В. Символическое значение слова в когнитивной структуре знаний // *Реальность, язык и сознание : межвуз. сб. науч. тр.* Тамбов, 1999. С. 58–61.
17. Банкова Т.Б., Угрюмова М.М., Агапова Н.А. Константы русской народной культуры: языковые воплощения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 200 с.
18. Банкова Т.Б. Об особенностях толкования лексических единиц в диалектном лингвокультурологическом словаре // *Вопросы лексикографии*. 2019. № 16. С. 77–91.
19. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // *Символ в системе культуры: Труды по знаковым системам*. Тарту, 1987. Вып. 21. С.10–21.
20. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 237 с.
21. Манашова В.Д. Об источниках толкований наименований одежды традиционной культуры (на материале говоров Среднего Приобья) // *Лингвистика без границ: историческая ретроспектива и современные актуальные проблемы*. Омск, 2023. Вып. 1.
22. Томский диалектный корпус. Томск : Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. URL: <https://losl.tsu.ru/> (дата обращения: 02.12.2023).
23. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995–2014.
24. Вершининский словарь / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Том. ун-т, 2001. Т. 5. 504 с.
25. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. 280 с.
26. Вершининский словарь / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Том. ун-т, 2002. Т. 7. 526 с.
27. Полный словарь сибирского говора / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. Т. 1. 288 с.
28. Банкова Т.Б. Вещный мир традиционной сибирской свадьбы в лингвокультурологическом аспекте: от бытового к бытийному (на материале говоров Среднего Приобья) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2014. № 3 (29). С. 5–12.
29. Полный словарь сибирского говора / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Том. ун-т, 1993. Т. 3. 225 с.
30. Андрианова Н.И., Безуглая Е.С., Кошлатая С.А. и др. Оборки и воланы // *Отделки к платьям*. Минск : Гос. издательство БССР, 1961. С. 128–134.
31. Манашова В.Д. К вопросу о параметрах лингвокультурологического комментария номинаций одежды в говорах Среднего Приобья: материал изготовления // *СибСкрипт*. 2023. Т. 25, № 1. С. 85–93.
32. Славянская мифология: энциклопедический словарь: А–Я. М. : Междунар. отношения, 2011. 509 с.
33. Вершининский словарь / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Том. ун-т, 1998. Т. 1. 308 с.
34. Вершининский словарь / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Том. ун-т, 2000. Т. 3. 348 с.
35. Вершининский словарь / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Том. ун-т, 2001. Т. 4. 368 с.

References

1. Tolstaya, S.M. (2002) *Semanticheskaya model' rodstva v slavyanskom narodnom kalendare* [Semantic Model of Kinship in the Slavic Folk Calendar]. *Slavyanovedenie*. 1. pp. 13–26.
2. Bogatyrev, P.G. (1971) *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Issues in the Theory of Folk Art]. Moscow: Iskusstvo.
3. Kalashnikova, N.M. (2016) *Semiotika narodnogo kostyuma: ucheb. posobie* [Semiotics of Folk Costume: Textbook]. 2nd ed. St. Petersburg: SPbGUPTD.
4. Teliya, V.N. (1994) [Nominative Composition of Language as an Object of Linguaculturology]. *Natsional'no-kul'turnyy komponent v tekste i v yazyke* [National-Cultural Component in the Text and in the Language]. Abstracts of the International Conference. In 2 parts. Part 1. Minsk: Universitetskoe. pp. 14–15.

5. Kovshova, M.L. (2014) *Semantika golovnogo ubora v kul'ture i yazyke. Kostyumnyy kod kul'tury* [Semantics of the Headwear in Language and Culture. Costume Code of Culture]. Moscow: Gnozis.
6. Belovinskiy, L.V. (2003) *Entsiklopedicheskiy slovar' rossiyskoy zhizni i istorii XVIII – nachalo XX veka* [Encyclopedic Dictionary of Russian Life and History of the 18th – Early 20th Centuries]. Moscow: OLMA-Press.
7. Sosnina, N. & Shangina, I. (1998) *Russkiy traditsionnyy kostyum* [Russian Traditional Costume]. St. Petersburg: Iskusstvo.
8. Shangina, I.I. (2003) *Russkiy traditsionnyy byt: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Russian Life: Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
9. Tereshkovich, T.A. (1999) *Slovar' mody: terminologiya, istoriya, akssessuary* [Fashion Dictionary: Terminology, History, Accessories]. Minsk: Khelton.
10. Podyukov, I.I., Khorobrykh, S.V. & Antipov, D.A. (2004) *Etnolingvisticheskiy slovar' svadebnoy terminologii Severnogo Priam'ya* [Ethnolinguistic Dictionary of Wedding Terminology of the Northern Kama Region]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo.
11. Zvereva, Yu.V., Rusinova, I.I. & Chernykh, A.V. (2019) *Traditsionnyy kostyum narodov Permskogo kraya. Russkiy. Tematicheskiy slovar' leksiki odezhd* [Traditional Costume of the Peoples of Perm Krai. Russian. Thematic Dictionary of Clothing Vocabulary]. St. Petersburg: Mamatov.
12. Bankova, T.B. & Manashova, V.D. (2022) Nominatsii russkoy narodnoy odezhd v lingvokul'turologicheskoy aspekto: k voprosu o potentsiale istochnikov issledovaniya (na materiale govorov Srednego Priob'ya) [Nominations of Russian Folk Clothing in the Linguoculturological Aspect: On the Issue of Potential Sources of Research (Based on Dialects of the Middle Ob Region)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6 (224). pp. 7–16.
13. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya: semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic and Linguoculturological Aspects]. Moscow: Yazyk russkoy kul'tury.
14. Andrievich, I.L. (2010) Konnotatsiya kak sposob predstavleniya kul'tury v leksike semeinykh obryadov russkikh starozhilov Irkutskoy oblasti [Connotation as a Way of Representing Culture in the Vocabulary of Family Rituals of Russian Old-Timers of Irkutsk Oblast]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10. pp. 107–110.
15. Gudkov, D.B. (2004) [Connotations and Symbolic Meanings of the Units of Verbal Cultural Codes]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian Language: Historical Destinies and Modernity]. Abstracts of the International Congress. Moscow. pp. 2–4. (In Russian).
16. Medvedeva, A.V. (1999) Simvolicheskoe znachenie slova v kognitivnoy strukture znaniy [Symbolic Meaning of a Word in the Cognitive Structure of Knowledge]. In: *Real'nost', yazyk i soznanie* [Reality, Language and Consciousness]. Tambov: Tambov State University. pp. 58–61.
17. Bankova, T.B., Ugryumova, M.M. & Agapova, N.A. (2017) *Konstanty russkoy narodnoy kul'tury: yazykovye voploshcheniya* [Constants of Russian Folk Culture: Linguistic Embodiments]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Bankova, T.B. (2019) On the Peculiarities of the Interpretation of Lexical Units in a Dialectic Linguocultural Dictionary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicology*. 16. pp. 77–91. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/16/5
19. Lotman, Yu.M. (1987) Simvol v sisteme kul'tury [Symbol in the System of Culture]. In: *Simvol v sisteme kul'tury: Trudy po znakovym sistemam* [Symbol in the System of Culture: Works on Sign Systems]. Vol. 21. Tartu. pp.10–21.
20. Bayburin, A.K. (1993) *Ritual v traditsionnoy kul'ture: Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavianskikh obryadov* [Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]. St. Petersburg: Nauka.
21. Manashova, V.D. (2023) [On the Sources of Interpretations of the Names of Clothing in Traditional Culture (Based on Conversations in the Middle Ob Region)]. *Lingvistika bez granits: istoricheskaya retrospektiva i sovremennye aktual'nye problemy* [Linguistics Without Borders: Historical Retrospective and Contemporary Topical Issues]. Conference Proceedings. Vol. 1. Omsk: Omsk State University. (In Russian).
22. *Tomskiy dialektnyy korpus* [Tomsk Dialect Corpus]. [Online] Available from: <https://losl.tsu.ru/> (Accessed: 02.12.2023).
23. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995–2004) *Slavyanskoe drevnost: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Volumes]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
24. Blinova, O.I. (ed.) (2001) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky Dictionary]. Vol. 5. Tomsk: Tomsk State University.
25. Bernshtam, T.A. (1988) *Molodezh' v obryadovoy zhizni russkoy obshchiny XIX – nachala XX v. Polovozrastnoy aspekt traditsionnoy kul'tury* [Youth in the Ritual Life of Russian Community of the 19th – Early 20th Centuries. Age and Gender Aspect of Traditional Culture]. Leningrad: Nauka.
26. Blinova, O.I. (ed.) (2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky Dictionary]. Vol. 7. Tomsk: Tomsk State University.
27. Blinova, O.I. (ed.) (1991) *Polnyy slovar' sibirskogo govora* [Complete Dictionary of the Siberian Dialect]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
28. Bankova, T.B. (2014) The “Material” World of a Traditional Siberian Wedding in the Linguoculturological Aspect: From the Common to the Existential (By the Source Material of Middle-Ob Dialects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (29). pp. 5–12. (In Russian).
29. Blinova, O.I. (ed.) (1993) *Polnyy slovar' sibirskogo govora* [Complete Dictionary of the Siberian Dialect]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
30. Andrianova, N.I. et al. (1961) Oborki i volany [Ruffles and Flounces]. In: *Odelki k plat'yam* [Dress Trims]. Minsk: Gos. izdatel'stvo BSSR. pp. 128–134.
31. Manashova, V.D. (2023) K voprosu o parametrah lingvokul'turologicheskogo kommentariya nominatsiy odezhd v govorakh Srednego Priob'ya: material izgotovleniya [On the Parameters of the Linguoculturological Commentary of Clothing Nominations in the Dialects of the Middle Ob Region: Manufacturing Materials]. *SibSkript*. 25 (1). pp. 85–93.
32. Tolstaya, S.M. (ed.) (2011) *Slavyanskaya mifologiya: entsiklopedicheskiy slovar': A–Ya* [Slavic Mythology: Encyclopedic Dictionary: A–Z]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
33. Blinova, O.I. (ed.) (1998) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky Dictionary]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
34. Blinova, O.I. (ed.) (2000) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky Dictionary]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
35. Blinova, O.I. (ed.) (2001) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky Dictionary]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторе:

Манашова В.Д. – аспирант филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: valyamanashova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.D. Manashova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valyamanashova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2024;
одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 30.07.2024.

The article was submitted 26.01.2024;
approved after reviewing 22.05.2024; accepted for publication 30.07.2024.

Научная статья
УДК 82-94 (571.1/.5)
doi: 10.17223/15617793/504/4

Образ Сибири в мемуарах декабристов

Кристина Антоновна Михайленко¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, Mikhaylenko_ka@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются особенности репрезентации документально-художественного образа Сибири в мемуарных текстах декабристов и их жен. Актуализируется имагологическая специфика декабристской рецепции сибирского края как «чужой» земли, демонстрирующая трансформацию парадигмы мифа о регионе в среде прогрессивного русского дворянства начала XIX в. Впервые предлагается комплексный подход к анализу проблемы и материала в нескольких аспектах: жанровом, имагологическом, мифопоэтическом, культурно-историческом.

Ключевые слова: мемуары, декабристы, жены декабристов, образ Сибири, жанр, имагология, мифопоэтика

Для цитирования: Михайленко К.А. Образ Сибири в мемуарах декабристов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 41–52. doi: 10.17223/15617793/504/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/4

The image of Siberia in the memoirs of the Decembrists

Kristina A. Mikhaylenko¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Mikhaylenko_ka@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the documentary and artistic image of Siberia created in the memoir text. The aim of the study is to comprehend the specifics of the representations of the image of Siberia in the memoirs of exiled Decembrists and their wives, due to the individually authorial nature of its reception, and the originality of the imagological reception of the Siberian territory as a “foreign” land, developed “involuntarily”, common to all Decembrist memories. This demonstrates the transformation of the paradigm of the myth of the region among the progressive representatives of the Russian nobility of the early 19th century, striving to find ways to develop Russia. Actualizing the question of the image of Siberia, the specifics of the processes of its mythologization and demythologization, the alienation and at the same time appropriation of the “Siberian alien” characterizing the Decembrist strategies of its creation, the author of the article for the first time pose a problem in connection with the genre nature of memoir studies and its features realized in the memoirs of the “involuntary settlers” (the Decembrists and their wives) based on the material of *Notes of a Decembrist* by A.E. Rosen, *Notes of Nikolai Vasilyevich Basargin*, memoirs of M.A. Bestuzhev, *Notes of Princess Maria Nikolaevna Volkonskaya*, and *Memoirs of Polina Annenkova*. Thus, for the first time, a comprehensive approach is proposed to the analysis of the problem and the material, comprehended in several aspects: genre, imagological, mythopoeic, cultural, and historical. In the course of the research, the author comes to the following conclusions. The image of Siberia in the memoirs of the exiled Decembrists was constructed through initial knowledge (myths about the territory); new data obtained on the way to Siberia; personal observations, experiences, reflection on this matter; meaningful and revised experience, distanced from exile in the process of writing memoirs from memory. The analysis of the memoirs of the Decembrists shows how a new myth about Siberia is born in them — the “holy” land (instead of the “lost” land), introducing eternal values into the memoir narrative: nature, harmony, freedom, creation, God. The myth of Siberians as “wild foreigners and unbridled exiles” living in a “foreign lost country” is also being transformed. In the memoirs, Siberians are represented as free people who have a sense of self-worth, which is an important characteristic for the Decembrist concept of personality. Finally, the memoirs reflect the profound ideological transformation that took place in Siberia of the biographical authors themselves, their narrator heroes, who also act as authors. Foucault’s idea of the heterotopy of space, which is the basis for the analysis, allows seeing that Siberia is perceived in the Decembrist memoirs as a space in space, as a special place in Russia, where a person’s attitude to oneself and the world is changing — from a myth to an individual, personally perceived and therefore real and at the same time imaginary, and mythopoeic image.

Keywords: memoirs, Decembrists, wives of Decembrists, image of Siberia, genre, imagology, mythopoeics

For citation: Mikhaylenko, K.A. (2024) The image of Siberia in the memoirs of the Decembrists. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 41–52. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/4

Уже в начале XIX в. принципиальное разделение страны на центр и периферию привело к формированию особого образа Сибири, которая воспринималась как своего рода «зона отчуждения», место ссылки, вечных холодов и гибели. Источником такого имиджа Сибири выступали не только разрозненные рассказы побывавших здесь ученых, путешественников, государственных служащих, но и литература, отражающая индивидуально-авторский процесс осмысления действительности, создаваемая писателями Центральной России. Между тем в Сибири формировался свой арсенал представлений о территории, обусловленный спецификой населения, разнородного в социальном, национальном, этническом и других аспектах, и столь же многослойной сибирской культурой, с одной стороны, аутентичной, с другой – складывающейся под сильным влиянием Центра.

Репрезентативным материалом, показывающим процесс формирования образа региона в определенном ракурсе, в силу своей жанровой специфики, является мемуарная литература, общерусская и сибирская. В связи с этим в своей работе мы исходим из следующих теоретических посылок. Процесс создания воспоминаний, являясь, несомненно, процессом нарративным, выступает не только способом осмысления действительности и структурирования эмпирического опыта, но и конструирует образы авторского «Я» и окружающей его реальности [1]. В этом смысле создание воспоминаний о своей жизни можно считать некой феноменологической практикой [2]. Записывание воспоминаний обусловлено не только стремлением зафиксировать события, происходившие в жизни реального человека. Приоритизируя в воспоминаниях свои мысли, чувства и переживания прожитого в тот или иной отрезок времени, в том или ином пространстве, реальный человек средствами нарратива создает свои *документально-воображаемые (художественные) образы* себя и мира через новое проживание и анализ пережитого, разделенные временной дистанцией с объектом и субъектом переживания. Автор мемуаров не может быть только скриптором, выполняющим «функцию-автор» (термин М. Фуко). Это обусловлено самой природой воспоминаний, которые являются персонифицированными фрагментами реальной действительности, «искаженными» в процессе запоминания и воспроизведения по памяти, включающими, ко всему прочему, оценку и интерпретацию событий в контексте авторского дискурса.

Объект нашего исследования – воспоминания о Сибири декабристов и их жен. Написанные, как и вся мемуарная проза, на стыке документального и художественного, они совпадали с вектором развития общерусской и местной литературы, их жанрово-родовой картиной во второй половине XIX в., формируя, однако, свой документально-воображаемый образ Сибири, будучи созданными особым корпусом авторов, ссылных декабристов, в процессе их погружения в сибирскую действительность, в русле мировоззренческих сломов, происходивших с ними в сибирской ссылке и продолжавших их поиски путей развития

России. В этих воспоминаниях мы видим, что формирование образа происходило, прежде всего, как трансформация в сознании авторов парадигмы мифа о Сибири, с которой они отправлялись в ссылку и которая подтвердилась лишь частично. Это порождало, наряду с тоской по «своему», «родному» и отторжением «сибирского», открытие и присвоение последнего, результатом чего являлось обновление мировидения, возвращение на новом этапе к осознанию своей идентичности и идентичности России, русского народа, новый виток личного самоопределения, в том числе и как представителя сословия, в социальном пространстве страны, в системе взаимодействия разных социальных групп (прежде всего, дворянства и народа), что свидетельствовало о преодолении кризиса, которым закончилось поражение на Сенатской площади. Одновременно в декабристской мемуаристике создавался и особый вид мемуариста-нарратора, и своеобразные принципы мемуарного нарратива о Сибири. Отсюда актуальность исследования, связанная с интересом современного литературоведения к истории и жанровому своеобразием мемуарно-дневниковой прозы, к истории региональных литератур, в частности сибирской, к формированию образа «другого», в частности, Сибири в русской литературе.

Если говорить о степени изученности темы, то можно отметить ее разработанность в нескольких аспектах. Во-первых, сегодня широко изучается мемуарная литература, в том числе и XVIII–XIX вв. Ключевыми направлениями исследований являются: соотношение документального и художественного, жанровая специфика, фигура автора, особенности мемуарного нарратива. Проблемой границ и природы мемуарно-дневниковой художественности современные филологи занимаются, опираясь на классические в этой области труды Л.Я. Гинзбург, Ю.В. Манна, И.О. Шайтанова, А.Г. Тартаковского и др. Кроме того, в исследованиях 2010-х – начала 2020-х гг. обращается внимание на то, что дневниково-мемуарная проза находится на пересечении научно-исторического и публицистического дискурсов. Последнее особенно характерно для корпуса сибирских воспоминаний и дневников, отличающихся особой синкретичностью (см., напр., работы С.В. Мельниковой и др.).

Во-вторых, что касается истории сибирской литературы, в формировании которой воспоминания и дневники сыграли важную роль, то сегодня даже обзор написанного на эту тему может стать отдельной научной темой. Об этом написаны труды, считающиеся уже классическими (М.К. Азадовский, Е.И. Дергачева-Скоп, Н.Н. Покровский, Ю.С. Постнов, Е.К. Ромодановская, В.П. Трушкин, В.Г. Одинокоев, Л.П. Якимова и др.), их ряд пополняется исследованиями современных авторов (Б.А. Чмыхало, Ю.В. Шатин, К.В. Анисимов и мн. др.). Основы системного изучения мемуаров сибиряков заложены новосибирским исследователем, доктором исторических наук Н.П. Матхановой (ключевой для нас является ее монография «Сибирская мемуаристика XIX века»). Можно также назвать работы А.А. Григорьева о сибирской мемуаристике первой по-

ловины XIX в. как историческом источнике, И.А. Щукина о сибирском купечестве в мемуарной литературе и др.

И, наконец, третий аспект – формирование и отражение образа Сибири в русской литературе XIX в. В этом направлении создано немало работ как историками, так и филологами (В.И. Тюпа, К.В. Анисимов, А.В. Юдельсон, В.А. Ламин, М.В. Шиловский, Н.Н. Родигина, А.Ю. Горбенко и др.), при этом целостности и системности изучения данной проблемы пока проследить не удастся.

Актуализируя вопрос об образе Сибири, специфике процессов его мифологизации и демифологизации, отчуждения и одновременно присвоения «сибирского чужого», характеризующих декабристские стратегии его создания, мы впервые ставим проблему в связи с жанровой природой мемуаристики и ее особенностями, реализованными в воспоминаниях «невольных переселенцев» – декабристов и их жен, которых принято называть декабристками, на материале «Записок декабриста» А.Е. Розена, «Записок Николая Васильевича Басаргина», воспоминаний М.А. Бестужева («Мои тюрьмы», Записки М.А. Бестужева в виде ответов на вопросы М.И. Семевского 1860–1861 гг., «Дневник путешествия нашего из Читы в Петровский Завод»), «Записок княгини М.Н. Волконской» и «Воспоминаний Полины Анненковой». Выбор этих мемуарных текстов для анализа обусловлен, прежде всего, представленностью в них сибирской тематики. Женские мемуары интересны нам, так как они демонстрируют особую грань декабристского текста: эмоциональное переживание событий и отличные от мужских воспоминаний интерпретации темы и образа Сибири, тесно связанные с мотивами материнства, женского долга. Тем самым мемуары декабристок, отражая иную рецепцию событий, заполняют некоторые смысловые лакуны в мемуарах декабристов и позволяют проследить формирование многогранного образа Сибири.

Комплексный подход к изучению поставленного вопроса обусловлен тематикой и проблематикой мемуаров декабристов и их жен о Сибири, своеобразием их жанровой природы и особенностями историко-культурного контекста, в рамках которого они создавались. В работе используются базовые идеи имагологии как науки об интерпретации и создании образа «другого». Одним из основных методологических положений является идея М. Фуко о гетеротопии пространства. Кроме того, образ Сибири в названных сочинениях рассматривается с точки зрения рецептивной эстетики и его мифотворческого и мифогенного потенциала. В исследовании использованы также историко-литературный, культурно-исторический подходы и методики жанрово-стилевого нарративного анализа.

Отбирая и систематизируя материал для данной статьи, мы, кроме представленной выше мотивации, исходили из предложенного Н.П. Матхановой разграничения корпуса сибирских мемуаров на *мемуарные комплексы* [3. С. 150].

Так, интересующая нас «сибирская» часть воспоминаний декабристов, с нашей точки зрения, образует

единый комплекс. Кроме того, исследовательница в своей монографии «Сибирская мемуаристика XIX века» говорит о наличии внутри корпуса сибирских мемуаров ядра и периферии, объясняя тем самым размытость жанровых признаков мемуаров в некоторых источниках. В ядре, по мысли Н.П. Матхановой, находятся созданные уроженцами Сибири произведения, в которых большую часть занимает именно тема Сибири. На периферии же – тексты временных жителей края, в которых не преобладает сибирский компонент. Сюда исследовательница относит, например, воспоминания политических ссыльных. Однако воспоминания декабристов, кажется, требуют в этом плане уточнения. Написанные авторами, рожденными не в Сибири, они посвящены мемуарному описанию именно Сибири и их жизни в сибирской земле, начиная с ожидания ссылки после приговора, пути в ссылку и на каторгу и кончая описанием возвращения оттуда в центральную Россию. Если рассматривать декабристские мемуары в контексте их значимости для развития сибирского культурного ландшафта, литературы в частности¹, то некоторые произведения, отнесенные Н.П. Матхановой на периферию, мы бы включили в ядро и по этой причине. Создаваемые на фундаменте романтической эстетики и поэтики, особое внимание в которых обращалось на темы национального самосознания народа и самобытности культур различных народов, проблемы формирования личности, идеи самоанализа, самоконтроля и самосовершенствования, мемуары декабристов и их жен в то же время были продуктом наступающей эпохи реализма, будучи написанными спустя значительное время после изображенных событий. Вобрав в себя романтическое настроение первой четверти века, они стали примерами исторического и философского осмысления действительности. Кроме того, эти сочинения, фиксируя эффект пребывания декабристов и членов их семей в Сибири, активно формировали ее образ в общероссийском историко-литературном дискурсе.

Образ Сибири в мемуарах ссыльных декабристов конструировался посредством множества компонентов: исходные знания, главным образом, мифы о территории; новые документальные данные, полученные лично по дороге в Сибирь; личные наблюдения за происходящим в ссылке, переживания, рефлексия по этому поводу; осмысленный и переработанный опыт, дистанцированный от ссылки в процессе написания мемуаров по памяти. Так, например, изучая мемуары ссыльных, мы столкнулись с активным использованием в сочинениях практически всех авторов мифа о Сибири как о «гиблой земле», бытовавшего среди русского дворянства в начале XIX в. Все нарраторы рассказывают о пережитом страхе перед отправкой в Сибирь как в неизвестность, адское дно, поглощающее в себя всех и всё навсегда, и впадают в свой мемуарный нарратив мотив априорного знания о том, что они отправляются на верную смерть, что из Сибири им никогда не вернуться, что там нет места мечтам и надеждам, всему тому, чем они жили до сих пор.

Так, в воспоминаниях Н.В. Басаргина герой-повествователь, получивший известие о ссылке в Сибирь,

уверен, что это равно смерти: «Войдя в каземат свой с убеждением, что все мои отношения и расчеты с миром окончены и что остальная жизнь моя должна пройти в отдаленном, мрачном краю (тогда Сибирь не так была известна, как теперь, и об ней говорили с ужасом) <...> я не считал уже себя жильцом этого мира» [4. С. 54]. С таким же настроением отправляется в Сибирь вслед за своим мужем и Волконская: «...я еду в пропасть: для меня все кончено, нет больше ни песен, ни танцев» [5. С. 30].

Герой-повествователь А.Е. Розена так описывает свою отправку в Сибирь: «Услужливые жандармы встретили нас у крыльца, посадили поодиночке в сани, и мы тронулись в дальний путь, в дальние снега» [6. С. 210]. Героиня-повествовательница М.Н. Волконской, отправляясь за мужем, предчувствуя неблагоприятное будущее, готовится к борьбе с пространством и диктуемыми им обстоятельствами: «Я продолжала путь; погода была ужасная; хозяин гостиницы мне сказал, что было бы осторожнее обождать, потому что будет метель. Я подумала, что не с тем еще мне придется бороться в Сибири, велела опустить рогожу с верха кибитки и поехала» [5. С. 32].

Сибирь и в самом деле встречает декабристов, не говоря уже об отправившихся вслед за ними их женах, сильными морозами, кандалами, опасностями, множеством запретов, утрат привычного.

Так, в воспоминаниях П.Е. Анненковой видим весьма детальный, включающий описание передвижения самих каторжников, рассказ о тех испытаниях, которые героине-повествовательнице довелось преодолеть на пути в Сибирь: «Мне самой непонятно теперь, как могла я выносить такую быструю езду, при таком ужасном холоде, какой был в ту зиму. <...> однажды меня едва не убили лошади, а в другой раз я чуть-чуть не отморозила себе все лицо, и если бы на станции не помогла мне дочь смотрителя, то я наверное не была бы в состоянии продолжать путь. Эта девушка не дала мне взойти в комнату, вытолкнула на улицу, потом побежала, принесла снегу в тарелке и заставила тереть лицо. Тут я только догадалась, в чем дело. В этот день было 37° мороза, люди тоже оттирали себе лица и конечности, и мы мчались снова. <...> Вдруг лошади, почувя, что ямщик распустил вожжи, помчались с необыкновенной силой, мигом сбросив ямщика и человека с козел. Постромки у пристяжных оборвались, и осталась одна коренная, которая, спускаясь с пригорка, упала, повозка полетела вместе с нею и опрокинулась. Тогда все чемоданы, уложенные в повозке, свалились на меня. <...> Я увидела пред собой башкирца, который ни слова не говорил по-русски. Мы смотрели друг на друга с недоумением. Я второпях, не подумав о том, что делаю, движимая чувством признательности к человеку, спасшему мне жизнь, вынула свой портфель, довольно туго набитый, и подала ему 25-рублевую ассигнацию. Но оглянувшись, спохватилась, что мы были с ним одни с глазу на глаз в дремучем лесу. Воздух был так густ, что кругом ничего не было видно. Со мною была сабля, которую я достала и встала у экипажа, оперевшись на нее. Так мы простояли целый час

с моим спасителем. Он ехал с возом соломы, когда увидел меня в опасности и подоспел на помощь. Через час я услышала какой-то непонятный для меня в то время шум, но впоследствии слишком знакомый. Шум этот происходил от оков, в которых подвигалась целая партия закованных людей, иные были даже прикованы к железной палке. Вид этих несчастных был ужасен. Чтобы сохранить лица от мороза, на них висели какие-то грязные тряпки с прорезанными дырочками для глаз. <...> Недалеко от Екатеринбурга нас чуть-чуть не остановили какие-то люди, вероятно, не с добрым намерением. Из лесу выехал человек пять или шесть верхом и закричали на нас: “Стой!” Но ямщики наши не оробели, погнали лошадей с криком и свистом, отвечая, что едут не купцы, и мы ускакали» [7. С. 146–147]. Подобные дорожные происшествя были не редкостью. Так М.А. Бестужев рассказывает в своих воспоминаниях о прибытии в Тобольск: «Мы прискакали в Тобольск в 12-й день, грязные, разбитые и едва не убитые на Суксунском спуске в Томской губернии»² [8. С. 140].

По приезде в Сибирь декабристки, как известно, столкнулись с необходимостью согласиться с определенными условиями, выдвинутыми государем, согласно которым они, как и их мужья, теряли свои звания и становились женами ссыльнокаторжных со всеми связанными с этим последствиями: «Гражданский губернатор Цейдлер, старый немец, тотчас же приехал ко мне, чтобы наставлять меня и уговорить возвратиться в Россию. Это ему было приказано. Его величество не одобрял следования молодых жен за мужьями: этим возбуждалось слишком много участия к бедным сосланным. Так как последним было запрещено писать родственникам, то надеялись, что этих несчастных скоро забудут в России, между тем как нам, женам, невозможно было запретить писать и тем самым поддерживать родственные отношения. Губернатор, видя мою решимость ехать, сказал мне: “Подумайте же, какие условия вы должны будете подписать”. – “Я их подпишу, не читая”. <...> тогда мне предъявили к подписи пресловутую записку, причем они мне сказали, чтобы я сохранила с нее копию, дабы хорошенько ее запомнить. Когда они вышли, мой человек, прочитавший ее, сказал мне со слезами на глазах: “Княгиня, что вы сделали, прочтите же, что они от вас требуют!”» – читаем в «Записках» М.Н. Волконской [5. С. 36].

Таким образом, все мемуаристы отмечают в своих воспоминаниях, как они на собственном опыте утверждались в правдивости столь пугавшего их мифа о Сибири, оказавшегося страшной реальностью. Однако по мере продвижения ссыльных и их жен вглубь Сибири ее образ в их восприятии постепенно демифологизировался, отстраивался в реалистичные, документальные зарисовки, свидетельствовавшие об открытии мемуаристами реальной Сибири и о ееприятии и присвоении, что вызывало трансформации мировидения и создание новых мифов о регионе. Новый «лик» Сибири формировался на перцептуальном уровне, закладывался на основе некоторых внешних деталей, признаков, которые совпадали или не совпадали с мифом о «гиблом месте».

Например, в воспоминаниях Волконской отчетливо прослеживается трансформация представления ее героини-повествовательницы о каторжном населении Сибири, изначально основанного на слухах, домыслах, в образ, сформированный на основании личной рецепции: «В Иркутске меня предупреждали, что я рискую подвергнуться оскорблениям или даже быть убитой в рудниках и что власти не будут в состоянии меня защитить, так как эти несчастные не боятся больше наказаний. Теперь я жила среди этих людей, принадлежащих к последнему разряду человечества, а, между тем, мы видели с их стороны лишь знаки уважения; скажу больше: меня и Каташу они просто обожали и не иначе называли наших узников, как “наши князья”, “наши господа”, а когда работали вместе с ними в руднике, то предлагали исполнять за них урочную работу; они приносили им горячий картофель, испеченный в золе. Эти несчастные, по окончании срока каторжных работ, выдержав наказание за свои преступления, большею частью, исправлялись, начинали трудиться на себя, делались добрыми отцами семьи и даже брались за торговлю. Немного нашлось бы таких честных людей среди выходящих из острогов во Францию или понтон в Англию» [5. С. 48].

Героиня-повествовательница Анненковой так описывает первые перемены в ее представлении о Сибири: «Проезжая через Сибирь, я была удивлена и поражена на каждом шагу тем радушием и гостеприимством, которые встречала везде. Была я поражена и тем богатством и обилием, с которым живет народ и поныне (1861 г.), но тогда еще более было приволья всем. Особенно гостеприимство было сильно развито в Сибири. Везде нас принимали, как будто мы проезжали через родственные страны, везде кормили людей отлично» [7. С. 149]. Или, например, герой-повествователь воспоминаний Басаргина описывая свой приезд в Сибирь, подчеркивает ощущение того, будто он попал в другой, не тот, что ожидал, мир, где окружающие его люди, его здоровье и самочувствие становятся не хуже, а лучше: «Движение и воздух так благотельно подействовали на меня, что день ото дня здоровье мое становилось все лучше, так что в Тобольске я был уже совсем здоров и так же крепко ходил и стоял на ногах, как прежде. Через три недели по отъезде из Тобольска мы прибыли в Иркутск, проехав города: Тару, Ишим, Каинск, Колывань, Томск, Ачинск, Красноярск, Канск и Нижнеудинск. По дороге везде мы встречали неподдельное участие как в народе, так и должностных лицах» [4. С. 65]. В процессе пребывания в Сибири, а впоследствии в процессе создания воспоминаний об этом воспринятые объективные фрагменты действительности обрастали личностными (субъективными) характеристиками, интерпретациями, смыслами, свидетельствующими о мировоззренческих корректировках автора и позволявшими создать новый документально-художественный образ пространства и самого себя в нем – в прошлом из фокуса настоящего, устремленного в будущее.

Эта специфика в интерпретации действительности, включающая субъективные переживания авторов, наслаивавшиеся на миф о Сибири, наиболее репрезен-

тативно отразилась в описании ключевых пространственно-временных точек, представляющих собой смысловые узлы мемуарного повествования. Например, сравним, как ретранслируется образ Читы, места заточения декабристов. Герой-нарратор М. Бестужева воспринимает это пространство в большей степени как то самое «гибкое место», откуда никогда не возвращаются, влетая в эту рецепцию детали, отмеченные им лично по прибытии в Читу как подтверждение своего априорного знания: «В эпоху прибытия нашего в Читу это была маленькая деревушка заводского ведомства, состоявшая из нескольких полуразрушенных хат. Управителем был горный чиновник Смолянинов. Жители по общему обычаю всех сибиряков-старожилов были ленивы и бедны. Наше почти трехлетнее пребывание обогатило жителей, продававших дорогою ценою и свои скудные продукты, и свои тощие услуги, и вместе с тем украсило Читу десятками хороших домов как чиновничьих, так и наших дам <...> Из посланного уменьшенного плана Читы Вы можете легко составить понятие о величине и местоположении этой ничтожной деревушки. <...> По отбытии нашем жители Читы, привыкшие к легкому приобретению денег, скоро впали в бедность, еще большую прежней: лень пошла об руку с пьянством, – итак, прогрессивно упавая, они дожили до той эпохи, когда их бедная деревушка была переименована в областной город Забайкальского края; сами они переименованы в казаков и выселены в Атамановку, в 12 верстах от Читы. Поистине, должно признаться в весьма неудачном выборе места для главного пункта областного правления» [8. С. 163–165].

В сравнении с Читой Бестужева Чита в интерпретации героя-повествователя А.Е. Розена представляет собой совсем иное пространство: «В конце мая зазеленелись горы и луга. Читинский острог, бывший этап или место ночлега для проходящих партий ссыльных в каторгу, в небольшом селении – с ветхою деревянною церковью, с двадцатью дворами горнозаводских крестьян, с домом обергиттенфервалтера Смольянинова, с небольшим хлебным магазином, с амбаром для складки угля – находится между Байкальскими и Нерчинскими горами, на почтовой дороге, ведущей в Нерчинск, на возвышенной местности, окруженной с двух сторон высокими горами. Речка Чита изливается в виду селения в реку Ингоду и образует прелестную долину. С северной стороны видно озеро Онинское; на берегах его дневал Чингисхан, совершал суд и расправу на походе из Китая в Россию. <...> Потомки монголов, буряты, еще теперь кочуют в окрестностях Читы, изобилующих травами и водами: они кочуют с войлочными юртами или палатками, днем всегда на коне с ружьем, также с луком и стрелами, для сбережения пороха. Часть бурят становится оседлою, занимается успешно хлебопашеством и не хуже миланцев орошает свои поля <...> Вообще климат был самый здоровый; растительная сила была неимоверная, оттого в пять недель, от июня, когда прекращались ночные морозы, до половины июля, когда начинались осенние морозы, поспевали хлеб и овощи. <...> Долина читинская знаменита своею флорою, почему и

называется садом или цветником Сибири. Формы цветов изумительны; разнообразие лилий “арис”, вообще луковичных растений, бесчисленны; цвета так ярки и блестящи, что наши соседи китайцы, вероятно, по этим цветам составляли свои краски».

Отчасти сближаясь с описанием местных жителей в воспоминаниях Бестужева, герой-нарратор Розена также отмечает их малочисленность и бедность, но усматривает в этом общую характеристику «всех заводских крестьян: в двадцати хатах жили они хлебопашеством и рыбным промыслом из реки Ингоды и озера Онинского, изобилующего особенно жирными и большими карасями. Обязанность и заводская работа заключалась в выжигании угля и в доставке его в Нерчинские рудники» [6. С. 222–224]. Таким образом, мы видим совершенно разные интерпретации сибирского пространства и вкладываемые в их описание смыслы: «ничтожная деревушка» с ленивыми жителями в состоянии упадка и «цветник» Сибири, где когда-то «дневал Чингисхан», возделанный его жителями. Однако эти разночтения образа Сибири чаще всего говорили о «скорости» постижения края как своего. Для кого-то, как для мемуарного героя Розена, он открывался почти сразу, у кого-то этот процесс был более длительным.

Так или иначе, в устоявшийся и, кажется, общепринятый миф о «гиблой» Сибири в воспоминаниях декабристов и их жен входят весьма показательные новые акценты. Одним из ключевых является выделение на первый план описаний сибирской природы, которая представляется мемуаристами исключительно с позиции созерцателя, открывающего в сибирских пейзажах высшие общечеловеческие вечные ценности: гармонию, красоту, умиротворение, вечное движение и созидание. «В Восточной Сибири, и особенно за Байкалом, природа так великолепна, так изумительно красива, так богата флорой и приятными для глаз ландшафтами, что, бывало, невольно, с восторженным удивлением, простиешь несколько времени, глядя на окружающие предметы и окрестности. Воздух же так благотворен и так напитан ароматами душистых трав и цветов, что, дыша им, чувствуешь какое-то особенное наслаждение», – читаем у Н.В. Басаргина [4. С. 95]. В воспоминаниях Анненковой читаем: «На второй станции я переехала Яблоновый хребет. Проезжая в первый раз зимой и ночью через него, я не могла судить о той необыкновенной, поразительной картине, которая представилась теперь глазам моим. Ничего нельзя себе вообразить великолепнее и роскошнее сибирской природы» [7. С. 192].

В сибирской природе декабристам видится некое идеальное пространство, противостоящее «казематной» российской действительности. Сибирская природа ассоциируется у героев-повествователей, законченных в кандалы, с открытым безграничным пространством, с волей, свободой. Например, в воспоминаниях М. Бестужева читаем: «Прекрасные картины природы, беспрестанно сменяющие одни других, новые лица, новая природа, новые звуки языка, – тень свободы хотя для одних взоров» [8. С. 328]. Описание Байкала, величественного и прекрасного, практически

не тронутого человеком, в мемуарах Розена отражает непрерывность и независимость движений природы, отмеченное нарратором: «Я имел досуг разглядеть Байкал, или Святое море, во всех направлениях и во всех видоизменениях: берега его высокие и волнистые тянутся грядками, то скалисты, кремнисты, то покрыты зеленью, где лесом, где травой, где песком и глиною. Повсюду кругом видно вулканическое образование, и можно смело согласиться с естествоиспытателями, утверждающими, что Селенга, Байкал, Ангара составляли прежде одну реку. В некоторых местах озера не могли измерить дна; там, где Ангара вытекает из Байкала, стоят два огромнейших камня по самой середине, которые служат как бы шлюзами; возле камней, к стороне Байкала, дно неизмеримо; тут явный след вулканического действия, а к стороне речной, к Ангаре, дно не глубоко. Берега озера украшены одною только природою, нет нигде следов труда человеческого. Посольского монастыря башня, станция почтовая и несколько хижин напоминали обитаемость этой страны» [6. С. 218–219].

Байкал становится воплощением сибирской природы как символа величественной независимости и в то же время гармонии и святости в воспоминаниях многих декабристов и декабристок. Так, например, героиня П.Е. Анненковой описывает, как в первый раз увидела озеро: «...это святое море, которое наконец открылось перед нами, представляя необыкновенно величественную картину» [7. С. 156]. Образ «гибельного края» снимается здесь интерпретациями сибирского пространства как сакрального, живущего по законам Бога.

В воспоминаниях Басаргина встречаем вставную историю сосланного на поселение крестьянина Ермолая, которого герой-нарратор встретил в Нижнеудинске. История эта есть интернарратив, чужое сознание, интегрированное в мемуары посредством чужой речи. Эта история в свою очередь отражает ценностную картину мира «невольных поселенцев» Сибири, каковыми являлись декабристы и их жены. В ней смыслообразующим является божественное начало окружающего мира, прежде всего, природы и человека, живущего по ее законам, открывшееся многим мемуаристам и биографическим героям их воспоминаний именно в Сибири. Через годы пронесено воспоминание о рассказе Ермолая, который своей искренностью и глубиной напоминает исповедь: «Бог помог мне выручить порядочную сумму от охоты за козулями. <...> Мне бог позволил нажить копейку честным образом. Велика была его милость ко мне, грешному, надобно было стараться загладить прежние грехи. У меня это не выходило из головы. <...> Но мне уже было здесь так хорошо, что я и не подумал о возвращении. К тому же бог благословил меня семейством. <...> я дал обещание никому не отказывать в помощи и не спрашивать у просящего, кто он и на что ему» [4. С. 69–70]. История Ермолая, его душевного исцеления в Сибири становится для Басаргина и его героя-повествователя, с одной стороны, олицетворением идеи жертвенности и всепрощения русского народа («В Восточной Сибири существует обыкновение, которое показывает, какими

глазами сельское народонаселение смотрит на беглых, оставляющих нередко места своих работ или ссылки вследствие тяжких работ, дурного обращения местного начальства или худого содержания. В каждом селении при домах вы увидите под окнами небольшие полки, на которые кладут на ночь ржаной хлеб, пшеничные булки, творог и крынки с молоком и просто-квашею. Беглые, проходя ночью селение, берут это все с собою, как подаяние» [4. С. 71].), с другой – надеждой на возможность искупления грехов и возвращения к себе, обретения утраченной идентичности: «Мы с удовольствием смотрели на этого необыкновенного человека, удивлялись его простой, но здоровой философии и от всего сердца обняли его. Вот вам преступники, господа сочинители и исполнители уголовных законов и общественных учреждений! Вы скажете, это исключение <...>. Да, исключение; но кто вам-то дал право отнимать все будущее у подобного вам? Это дело одного бога. Вы же можете быть одними только нравственными врачами. Лечите, старайтесь лечить как можно искуснее, не вредя здоровых органов, и когда вылечите, возвратите обществу его члена, который может быть для него полезнее многих других, и в особенности своим примером, а не клеймите его вечным позором» [4. С. 70–71].

В воспоминаниях декабристов рождается новый миф о Сибири, вводящий в мемуарный нарратив вечные ценности – сам мемуарный нарратив указывает на их фундаментальность: открытые в Сибири, они «переехали» с мемуаристом в другое пространство, в другое время и были им зафиксированы через много лет в воспоминаниях о Сибири. Трансформируется и миф о сибиряках как «диких инородцах и разнужданных ссыльных», обитающих в «чужой гиблой стране» – самый распространенный в начале XIX в. У декабристов создается свой образ Сибири и сибиряков, которые воспринимаются ими как «другие», но с иными характеристиками. Рассматриваемые по сравнению с жителями Центральной России, они представлены в декабристских мемуарах прежде всего вольными людьми, имеющими чувство собственного достоинства – очень важные для декабристской концепции личности характеристики. Сибиряки – это и есть «добрый русский народ», как называет их героиня-повествовательница воспоминаний М.Н. Волконской, отмечая в них, помимо указанного выше, милосердие и толерантность. Все это в воспоминаниях декабристов противопоставляет Сибирь России.

Так, даже дикие буряты в мемуарах Анненковой предстают в описании ее героини-повествовательницы участливым и миролюбивым народом: «Бурят вообще я встречала очень много по дороге: они или перекочевывали с многочисленными табунами, состоящими из коров, лошадей и преимущественно баранов, которыми они и питаются, или, раскинув свои юрты, отдыхали. Из этих юрт постоянно показывались совершенно голые ребятишки, несмотря на сильнейший мороз; нередко показывались с куском бараньего сала в руках, который они с наслаждением сосали. Я с любопытством смотрела на этих дикарей самого кроткого, миролюбивого нрава. Местами, где по дороге не было

совершенно снегу, и лошади не в силах были стащить экипажи мои, нагруженные множеством разных вещей, буряты являлись нам на помощь со своими лошадьми и ничего не хотели брать за оказанные услуги» [7. С. 158].

Эта амбивалентность: дикий, суровый/милосердный, терпимый к иному мировоззрению, уважающий обычаи и нравы других прослеживается и в других декабристских мемуарных описаниях сибиряков (пришлых и коренных народов Сибири). Для нарраторов удивительно то участие, с которым принимает их суровая холодная Сибирь. Они находят помощь там, где совсем не ожидали ее встретить: «На станциях являлись обыкновенно этапные офицеры с подобными же предложениями, а простой народ толпился около повозок и хотя, видимо, боялся жандармов, но нередко те, которые посмелее, подходили к нам и бросали нам в повозку медные деньги. Я до сих пор храню, как драгоценность, медную денежку, которую я взял у нищей старухи. Она вошла к нам в избу и, показывая нам несколько медных монет, сказала: “Вот все, что у меня есть; возьмите это, батюшки, отцы наши родные. Вам они нужнее, чем мне”. Мы прослезились, и я, выбрав у нее одну самую старую монету, положил к себе в карман, благодаря ее от самого искреннего сердца», – рассказывает герой-повествователь Басаргина [4. С. 66]. Герой-нарратор в воспоминаниях Розена также указывает на особую черту характера сибиряка: «помочь для него то же, что угощение и бал» для дворянина из центральной России [6. С. 306]. Эта жертвенность – способность отдать последнее, сострадание, простота и ясность намерений сибиряков, соседствующие с их «дикостью» и «суровостью», формируют в декабристских мемуарах уникальный самобытный образ сибиряка, который меряет человека по законам Божиим и своим внутренним законам совести.

Конечно, в этом усматривается рождение нового мифа о сибиряках, строящийся на их идеализации, что подтверждается и такой характеристикой, как гармония жителей Сибири с сибирской природой. С этим связываются многие их личностные качества, характеризующие их и в социальном плане, в том числе с гражданской позиции: «Простой народ казался мне гораздо свободнее, смысленнее, даже и образованнее наших русских крестьян, и в особенности помещичьих. Он более понимал достоинство человека, более дорожил правами своими», – читаем у Н.В. Басаргина [4. С. 66]. Сибиряки, как видим, для мемуариста есть воплощение «простого» русского народа, в чем он явно сближается с М.Н. Волконской.

Однако, вместе с тем, в своих воспоминаниях декабристы и их жены довольно четко разделяют население Сибири на сибиряков и «племенные народы»: упомянутая выше позиция Анненковой и ее героини-повествовательницы в отношении «диких бурятов» – скорее, исключение из правила. Наиболее часто декабристы пишут именно о бурятах, что объясняется местом их ссылки. И если образ сибиряка в рецепции и памяти декабристов в основном наделен положительными коннотациями, то восприятие бурят эксплицируется в индивидуальных и субъективных точках зрения.

Их амплитуда колеблется между достаточно нейтральной, можно сказать, этнографической позицией Розена («Эти недавно дикие, кочевавшие потомки монголов, став оседлыми, занимаются успешно ремеслами; они славные столяры, плотники, кузнецы» [6. С. 291]), уничижительными оценками М. Бестужева («бедные эти мартышки в человеческом образе» – в обоих случаях представлена имперская, по сути, модель: подобно тому, как в центральной России сибиряков считали дикарями, в Сибири малые народности считают дикарями, которых, безусловно, нужно образовывать, окультуривать, прививая им русскую культуру [8. С. 328]) и безусловно положительной рецепцией Анненковой, героиня которой описывает в своих воспоминаниях случай, когда она бесстрашно встала на защиту своего «друга», «приятеля» бурята: «У меня было несколько друзей между бурятами. (Они – прекрасные охотники и стреляют чрезвычайно метко, особенно из лука: попадают в цветок, который им назначают, на всем скаку лошади). Они приходили к нам с разным товаром, и я часто у одного из них брала чай. Я уже говорила, что нам приходилось иногда переносить грубости солдат. Однажды, пока сидел у меня Иван Александрович, пришел мой приятель бурят и разложил весь свой товар на пол, и мы тихо и мирно все сидели, как вдруг, не понимаю, что сделалось с солдатом, который сопровождал Ивана Александровича: он вбежал в комнату, схватил бурята за ворот и вытолкнул на улицу. Я бросилась, желая защитить несчастного бурята, но в это время, как подбежала я к двери, у меня на руках был ребенок, часовой хлопнул дверью так внезапно и так сильно, что не понимаю, как успела я отскочить, голова ребенка оказалась только на полвершка от удара» [7. С. 189]).

Сибирь как другое, чужое пространство постепенно в целом окрашивается в декабристских воспоминаниях положительными коннотациями, в зеркало которого смотрит нарратор в своих стремлениях идентифицировать себя, Россию, Сибирь, в попытках самоопределиваться по отношению к себе лично, к своему сословию, к народу, к будущему России. Так в мемуарах декабристов в связи с образом Сибири появляется новый мотив – возрождения. Уверенные в своей скорой гибели, декабристы, отправляясь в Сибирь, совсем не ожидали того перелома, который произошел в их сознании, когда Сибирь превратилась для них из враждебного края в обитель их спасения. Эти оппозиции жизни – смерти, начала – конца, гибели – возрождения принципиально важны для мемуаристов. Они отражают семантику пограничья, инобытия, в котором, по своим предощущениям и первым ощущениям, им, ссыльно-каторжным, предстояло жить. Это коррелирует с идеей В.И. Тютю, согласно которой Сибирь, в представлении большинства ее «посетителей», – «край лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни» [9].

Мотив возрождения выстраивается мемуаристами через активное использование мифопоэтического мотива инициации: прохождения через небытие, временную смерть для возрождения к новой жизни, новому

мировидению. Это состояние пограничья между «бытием» и «небытием», в котором находились, по их воспоминаниям, декабристы, по сути, можно назвать бытийным ощущением пребывания в инореальности. В ней происходило буквальное стирание всего, что связывало повествователя с прошлой жизнью: в Сибирь он прибывал лишенный чина, прежнего социального и материального положения, «выкорчеванным» из привычного быта, что ощущалось как некий «перевернутый» мир. Мир, в котором еще недавно он *был*, уже не достигаем для него; мир, в котором он *есть*, будет для него настоящим и будущим, а возможно, и переходом в вечность. Пространственно-временные категории: здесь – там, сейчас – потом, встававшие в романтической философии в ряд с оппозицией земное – небесное, в сибирском инобытии, зафиксированном в мемуарах декабристов, приобретали новые смыслы и лишались своей строгой очерченности, сливались в единое целое. Сам путь в Сибирь выступает для мемуаристов и их героев-повествователей инобытием, в котором неожиданно происходит возвращение к себе самому, исконному, к обретению бытийных ценностей. Сибирь для многих героев-повествователей в мемуарных текстах становится чем-то вроде Чистилища, где они проходят очищение и находят себя, настоящих и целостных.

Это пространство инобытия, запечатленное декабристами в своих мемуарах, можно назвать гетеротопией (термин М. Фуко) – местом, которое «приостанавливает, нейтрализует или переворачивает всю совокупность отношений» [10. С. 195], что определяет сложность хронотопа в декабристских мемуарах. Сибирь воспринимается в них как пространство в пространстве, как особое место в России, где меняется отношение человека к себе и миру – от мифа (и даже стереотипа) к индивидуальному, лично воспринятому и потому реальному и в то же время воображаемому, тоже мифопоэтическому образу. В рассказах мемуарных героев-повествователей всплывают образы их Я периода сибирской ссылки и каторги, сибирского пространства, в котором они находились и в котором их сейчас уже нет, и пространства того тоже уже нет. Но Сибирь при этом возвращает нарратора к себе, и он, находясь *здесь сейчас*, видит себя *там и тогда*. На фоне этих пересечений и взаимодействий, возможных в мемуарном нарративе, «ценностно воспринимается вся его жизнь и жизнь общества» [11. С. 19].

Все это делает образ Сибири необычайно многогранным, живым, подвижным. В мемуарах нарратор рассказывает о том, как от него уходил миф о Сибирь-гиблом месте, «чужом» пространстве, у него уже отсутствует и бывшая склонность к идеализации Сибири как святой земле. Его память в настоящем строит образ Сибири как пространство, где впервые было пережито ощущение, что в этом мире всё по-другому видится и понимается, и именно с этим связывается мировоззренческий слом, приведший к глубинному пониманию человека и его отношений с природой, государством, обществом, знанием, Богом.

Показательно активное использование мемуаристами в описании Сибири мотива потерянности и обретенного рая как единого и целостного.

Так, образ суровой сибирской ссылки, мотив потерянного рая в записках Анненковой чуть ли не с начала повествования органически взаимодействует с мотивом обретенного рая, с образом Сибири как земли обетованной, где герои находят себя настоящих, обретают свое первоначало: «В Сибири все растёт большое, трудно себе представить, каких размеров были эти овощи <...>. В семи верстах от Читы есть деревня Кинон, и около этой деревни огромное озеро в семь или восемь верст в диаметре. Тут ловили бесподобных карасей и окуней, каждый карась весил не менее двенадцати фунтов, а окуни не менее восьми <...>. В десяти верстах от Читы были отличные сенокосы <...>. Удивительное богатство и изобилие во всем в Сибири» [7. С. 172–173].

В одном пространстве в воспоминаниях декабристов и их жен совмещается несколько несовместимых пространств: величественная природа, «святое море» Байкал и каторга, рудники, которые соотносятся с мифологемой подземного мира. В мемуарах Волконской о ее спуске в шахты читаем: «Артамон Муравьев назвал эту сцену “моим сошествием в ад”» [5. С. 50]. Герой-нарратор М. Бестужева о пространстве читинского каземата пишет следующее, совмещая мотивы прозрения и угрозы слепоты: «В Чите нам было жутко: мы жили там, как селедки в бочонке, но все-таки по-человечески; здесь нас обрекали, как скотов, жить в мрачных стойлах. <...> Наши дамы подняли в письмах такую тревогу в Петербурге, что, наконец, разрешено прорубить окна на улицу в каждом номере. Но какие это были окна! Многие из нас, в том числе и ваш покорный слуга, расстроили и чуть вовсе не потеряли зрение» [8. С. 155]. Пространство Байкала в мемуарах также представляет собой не только прекрасный природный объект, но и место испытания героя-повествователя. Так, герой Розена описывает свое перемещение из тюрьмы на поселение – через озеро: «На третий день поднялась буря. Баркас наш на якоре качался с канатом, как люлька. <...> Нас качало днем и ночью; глаза мои покраснелись от первых ясных дней на море, от отражения солнца на воде, от ветра <...> Чем больше было мое нетерпение, тем неодолимее становились препятствия; после двухдневной бури беспрестанно дул противный ветер. Уже шесть дней качались на одном месте; съестные запасы истощались <...> я провел на нем десять дней» [6. С. 274–275].

Показательна и гетерохрония как принцип изображения времени в декабристских мемуарах. Оказавшись в ином пространстве – в Сибири, ссылные оказываются и в другом времени, отличном от привычного для них. По общему ощущению мемуаристов, оно замедляется с перспективой полной остановки. Героиня воспоминаний Волконской так рассказывает об этом: «Первое время нашего изгнания я думала, что оно, наверное, кончится через 5 лет, затем я себе говорила, что будет через 10, потом через 15 лет, но после 25 лет я перестала ждать» [5. С. 84]. Герой М. Бестужева тоже описывает заточение как нечто нереальное, инобытие с иным и пространством, и временем, которые ассоциируются у него и через много лет как «бестолковый сон и кошмар»: «Я теперь, припоминая прошедшее, часто думаю, что это был какой-то бесполовый сон, кошмар...» [8. С. 150].

Характерен и прием описания Сибири в декабристских мемуарах с точки зрения ее «открытости» и «замкнутости». Сибирь, очевидно, изображается в них как земля, отгороженная от центра природой, созданным ею горным рельефом Урала, сформировавшимся мифом о ней. По мысли мемуарных героев-нарраторов, изоляция, замкнутость сибирского пространства были определены еще и государственными законами о ссылке и каторге, регламентами, жестко нормирующими жизнь декабристов в Сибири, в том числе их коммуникацию с находящимися в Центральной России родными и близкими, с культурной и общественной жизнью Москвы и Петербурга. Так, например, в воспоминаниях Волконской описывается порядок сообщения сосланных с внешним миром: «Не имея возможности писать, они были лишены известий о своих, а равно и всякой денежной помощи. Мы за них писали, и с той поры они стали получать письма и посылки» [5. С. 50]. Между тем, находясь в Сибири, декабристы имеют источники информации о том, что происходит в стране, в мире, в общественной жизни, культуре, литературе России и Европы, «во глубине сибирских руд» они обсуждают новинки изящной словесности, новейшие общественные идеи, исторические события и т.д. Границы Сибири, ее отдаленность, долженствующие обеспечить полную изоляцию декабристов от жизни общества, оказываются проницаемыми, преодолеваемыми духовными порывами человека.

Наконец, особенностью образа Сибири, создаваемого декабристами по памяти, оказалось еще и преодоление ими одной из самых значимых для них ее характеристик. Именно пребывание в Сибири трансформирует представление о ней только как месте ссылки и каторги, которое уступает место образу Сибири как нового мира, живущего по своим законам, возможно, даже более совершенным, чем пространство метрополии, мира, в руках которого будущее не только Сибири, но и всей России.

В мемуарах Розена встречаем следующее рассуждение героя-повествователя о роли Сибири в российской империи: «В царствование Екатерины II называли Сибирь золотым дном, тогда богатство весили золотом; хотя, в самом деле, горы ее, и русло рек, и дно болот доставляют много золота, но почва ее плодородная дает больше. <...> Даже если Сибирь не доставит никакой особенной выгоды для России, то страна, с увеличением населения, с посеянными в ней семенами, обещает отдельно самой себе счастливую и славную будущность» [6. С. 276–277]. Под плодородностью сибирской почвы, безусловно, имеются в виду сохраненные в Сибири религиозные, нравственные, социальные, культурные устои. Неслучайно герой-повествователь Розена сравнивает Сибирь с процветающей Америкой, в очередной раз встраивая одно пространство в другое, что легко позволяет сделать мемуарный нарратив: «По богатству и довольству поселян мне представилось, что вижу трудолюбивых русских в Америке, а не в Сибири; но в этих местах Сибирь не хуже Америки, земля также привольная, плодородная; жители управляют сами собою, сами открыли сбыт своим произведениям и будут блаженствовать, пока

люди бестолковые не станут вмешиваться в их дела, забывая, что устроенная община в продолжение века лучше всех посторонних понимает действительную выгоду свою» [6. С. 254–255].

Другими словами, время не менее продуктивная категория в анализе мемуарной прозы, чем пространство. В анализируемых произведениях можно выделить несколько временных оппозиций: время развертывания основных событий мемуаров (историческое время), соотнесенное с конкретным периодом эпохи, и время воспоминания, то, в котором находится нарратор; время обыденное и «время испытаний», кризисное; время прошедшее и время настоящее/прошедшее и будущее.

В этом смысле ссылка в мемуарах представляется неким временным разломом, соотнесенным с переходом повествователя и героев в инобытие. Категория для действующих лиц в воспоминаниях – это событие и в то же время ситуация, состояние и местоположение в пространстве, что делает необходимым рассматривать время в мемуарах не линейно, а объемно, как совокупность вариантов событий или же совокупность узлов в мемуарном дискурсе. Повествователь перемещается между множеством событий не по прямой от начала истории к ее концу, а постоянно забегаая вперед (проспекции) или оглядываясь назад (ретроспекции). Такая динамика представляет собой «возвратно-поступательное движение между прошлым и настоящим, которое, кроме того, имеет отношение к будущему, даже если это не всегда очевидно». Например, хронологическое время повествования нарушается реальным временем автора, будущим по отношению к происходящему в мемуарах событиях: «Ныне даже, когда я пишу эти строки, я получил знак душевного воспоминания и дружбы одного из прежних друзей моей молодости, с которым я расстался и не видался более тридцати лет» [4. С. 85] (из «Записок Николая Васильевича Басаргина»). Розен в своих воспоминаниях также достаточно часто «перемешивает» события, маневрируя между разными временными «измерениями»: рассказ нарратора о 1830 г. и приезде его жены прерывается рассказом о событии 1828 г., потом 1827 г. Эта свободное «транссессирование» во времени свойственно всем исследуемым в работе воспоминаниям. В этом смысле можно говорить о некой характерной для мемуаров темпоральности, обусловленной уникальностью связей внутри пространственно-временного континуума.

Обозначенная особенность отражается и на сюжетном уровне, когда статика (ситуация) сменяется динамикой (событиями). Отметим, что одной из особенностей сюжетостроения мемуаристики декабристов является преобладание событийного компонента (динамики), что, на наш взгляд, связано, в том числе, с хронотопом дороги, который является одним из основных в их мемуарах. Практически все воспоминания начинаются с описания дороги, по которой ссылки везли из Петербурга в Сибирь, далее перемещали по территории самой Сибири между местами заключения. Заканчиваются воспоминания, как правило, рассказом об обратном пути: из заточения на поселение и, в конечном счете, в Россию, в новый мир.

Вопрос пространственно-временных отношений в воспоминаниях декабристов неразрывно связан и с фигурой автора и его функциями в мемуарной прозе. В декабристских мемуарах мы видим репрезентацию образа автора-творца как сочлененную триаду: образ автора – повествователя/рассказчика – героя. Все эти роли/функции, несмотря на динамику их переключений, органично воплощаются в воспоминаниях декабристов. Образ автора-повествователя создается в разных мемуарах разными средствами. Например, Анненкова, описывая свой характер и манеры поведения в период пребывания в Сибири, подчеркивает следующее так: «я <...> была воплощенная шалость и всегда болтала без умолку» [7. С. 47–48], «мой веселый характер, несмотря ни на какие испытания и горе, беспрестанно брал верх над всем» [7. С. 134]. Что касается соотношения автора-повествователя и рассказчика, то здесь мы наблюдаем корреляцию между сменой ролей и точек зрения. Если повествователь находится на границе художественного пространства, то рассказчик полноправный участник событий. В этом смысле повествователю тождественна точка зрения «из будущего», с позиции прожитых лет, нахождение далеко за пределами ссылки. Местоположение рассказчика – во времени прошедшем, в пространстве памяти, поэтому в мемуарах его роль, как правило, отождествляется с функцией героя. Так, повествователь в своем нарративе параллельно рассказывает чужие истории, при этом часто забегает вперед, как бы разрывая время-пространство, в котором находится. Например, ведя повествование о своем пребывании в Чите, Розен рассказывает об одной из жен декабристов А.Г. Муравьевой сначала с позиции рассказчика, кратко характеризует ее, и внезапно, вступая в позицию повествователя, переносит свою точку зрения в другое место: в Петровский завод, где и заканчивается ее история.

Таким образом, наблюдается постоянная смена ролей рассказчика и автора-повествователя, соответственно, меняются и точки зрения: то перед читателем предстает созерцатель, который смотрит на красоту природу, находясь как будто над ней, он осмысляет действительность, осознает свое бытие; то это – всезнающий автор-повествователь, который как бы вненаходим по отношению к действующим лицам своих воспоминаний. Он видит события в их взаимосвязи, в разных проекциях, в разном времени. Этот сплав ролей в том числе обусловлен синкретизмом художественного и документальных компонентов мемуарного нарратива. Указанное перемещение между функциями и образами нарратора приводит к формированию некой многослойности нарратива и в каком-то смысле к многоголосию мемуарной прозы декабристов. Это обусловлено эволюцией самого образа автора как в хронотопе мемуаров (в начале и в конце перед нами разные люди), так и в реальном пространственно-временном континууме (воспоминания о себе в период ссылки и рефлексия уже спустя время), и одновременно обуславливает данную эволюцию. В конечном итоге всё это способствует формированию в декабристских мемуарах многогранного образа Сибири: не только с позиции индивидуально-авторской

рецепции, но через чужое сознание, выраженное в чужой речи, авторскую рефлексию вне мемуарного времени.

В качестве выводов выделим некоторые особенности формирования образа Сибири в воспоминаниях декабристов и их жен. Во-первых, в их мемуарах четко прослеживается трансформация образа Сибири, переосмысление традиционных представлений о сибирском крае, которое, на наш взгляд, способствовало дальнейшему становлению «сибирского текста» в русской культуре. Во-вторых, пространство, в котором оказываются автор-повествователь и герои воспоминаний, рассмотренное с использованием продуктивного понятия гетеротопии, предстает неким углом зрения, позволяющим осмыслить его как инобытие, органичный для мемуарной литературы принцип изображения мира и человека. В-третьих, сюжетная схема мемуаров разворачивается в рамках бинарных оппозиций жизни/ смерти, начала/конца, на древнейшем мотиве пути из одного пространства в другое, из одного внутреннего состояния и мировидения автора-повествователя в другое. Это путь утрат и приобретений, восхождения через инициацию к новому уровню развития своей личности. Наконец, в-четвертых, следует отметить особый вид нарратора, выраженного в сочлененной триаде: образ ав-

тора – повествователь/рассказчик – герой, что детерминирует возникновение многогранного и динамичного нарратива. Включение вставных историй (чужой речи) в ткань мемуарного документально-художественного повествования приводит к некой интернарративности, как прообраза романного многоголосия.

Мемуары декабристов и их жен об их пребывании в Сибири, созданные спустя значительное время после самой ссылки, а опубликованные еще позднее, разумеется, не могли повлиять на развитие сибирской литературы первой половины XIX в., хотя им и удалось «рельефно выразить амбивалентную знаковую природу Сибири» [12. С. 7]. Они имели, конечно, эффект отложенного действия. Однако воспоминания ссыльных, печатавшиеся на страницах русских журналов еще до оформления их в самостоятельные издания, способствовали появлению нового культурного кода Сибири, образ непознанной, устрашающей «мертвой земли» начинал приобретать новые смыслы. Между тем влияние самих декабристов, посредством их краеведческой, культурной, просветительской деятельности в Сибири, на развитие сибирского культурного ландшафта 1820–1840-х гг. отрицать не приходится. И то и другое влияние проявилось, кроме прочего, в корпусе воспоминаний о декабристах, созданных местным населением Сибири.

Примечания

¹ Мнения исследователей относительно степени влияния последних на Сибирь разнятся, однако отрицать наличие его как такового не приходится.

² М. Бестужев ошибся: Суксунский спуск находится в Пермской губернии.

Список источников

1. Brockmeier J., Harre R. Narrative: Problems and promises of an alternative paradigm // *Narrative and identity: Studies in autobiography, self and culture*. 2001. Vol. 1. P. 39–58.
2. Зайцева Ю.Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход // *Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика*. 2016. № 1. С. 118–136.
3. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.
4. Записки Николая Васильевича Басаргина. М., 1872. 171 с.
5. Волконская М.Н. Записки княгини Марии Николаевны Волконской. СПб. : Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1904. 212 с.
6. Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. 480 с.
7. Анненкова П.Е. Воспоминания Полины Анненковой. М. : Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. 356 с.
8. Воспоминания Бестужевых. Серия: Литературные памятники. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1951. 903 с.
9. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // *Сибирский филологический журнал*. 2002. № 1. С. 28–35.
10. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. Б.М. Скуратова ; под общ. ред. В.П. Большакова. М. : Праксис, 2006. Ч. 3. 320 с.
11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1986. 445 с.
12. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Томск, 2005. 48 с.

References

1. Brockmeier, J. & Harre, R. (2001) Narrative: Problems and promises of an alternative paradigm. *Narrative and identity: Studies in autobiography, self and culture*. 1. pp. 39–58.
2. Zaytseva, Yu.E. (2016) Ya-narrativ kak instrument konstruirovaniya identichnosti: ekzistentsial'no-narrativnyy podkhod [Self-narrative as a tool for constructing identity: an existential-narrative approach]. *Vestnik SPbGU. Seriya 16: Psikhologiya. Pedagogika*. 1. pp. 118–136.
3. Matkhanova, N.P. (2010) *Sibirskaya memuaristika XIX veka* [Siberian Memoirs of the 19th Century]. Novosibirsk: SB RAS.
4. Basargin, N.V. (1872) *Zapiski Nikolaya Vasil'evicha Basargina* [Notes of Nikolai Vasilyevich Basargin]. Moscow: Tip. F. Ioganson.
5. Volkonskaya, M.N. (1904) *Zapiski knyagini Marii Nikolaevny Volkonskoy* [Notes of Princess Maria Nikolaevna Volkonskaya]. Saint Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag.
6. Rosen, A.E. (1984) *Zapiski dekabrista* [Notes of a Decembrist]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
7. Annenkova, P.E. (1932) *Vospominaniya Poliny Annenkovoy* [Memoirs of Polina Annenkova]. Moscow: Izd-vo Vsesoyuznogo o-vo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev.
8. Vavilov, S.I. (ed.) (1951) *Vospominaniya Bestuzhevyykh. Seriya: Literaturnye pamyatniki* [Memories of the Bestuzhevs. Series: Literary Monuments]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
9. Tyupa, V.I. (2002) Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury [Mythologem of Siberia: on the issue of the "Siberian text" of Russian literature]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 1. pp. 28–35.

10. Foucault, M. (2006) *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yuy* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews]. Part 3. Translated from French by B.M. Skuratov. Moscow: Praxis.
11. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo.
12. Anisimov, K. V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vekov: osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the poetics of Siberian literature in the 19th – early 20th centuries: peculiarities of the formation and development of the regional literary tradition]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.

Информация об авторе:

Михайленко К.А. – аспирант филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Mikhaylenko_ka@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.A. Mikhaylenko, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Mikhaylenko_ka@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.03.2024;
одобрена после рецензирования 04.05.2024; принята к публикации 30.07.2024.*

*The article was submitted 29.03.2024;
approved after reviewing 04.05.2024; accepted for publication 30.07.2024.*

Научная статья
УДК 82-92
doi: 10.17223/15617793/504/5

Переводная художественная литература в армянских журналах Тифлиса конца XIX – начала XX в.

Давид Владимирович Петросян¹, Нагаш Наринбекович Мартиросян², Тарон Рудольфович Даниелян^{3, 4}

^{1, 2, 4} Ереванский государственный университет, Ереван, Армения

³ Ванадзорский государственный университет, Ванадзор, Армения

¹ davidpetrosyan@ysu.am

² n.martirosyan@ysu.am

^{3, 4} tarondanielyan@ysu.am / t5plus@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается динамика развития переводной литературы в тифлиско-армянских журналах. Представлена программная политика журналов, выявлены количественные и качественные характеристики переводной литературы, а также ее значимость в формировании армянской литературной критики и восточноармянского литературного языка. Делается вывод о том, что преобладание русской литературы в общем корпусе армянской переводной литературы было обусловлено авторитетом доминирующей культуры империи и идеалами ее знаменитых представителей, которые соответствовали идеологическим взглядам деятелей армянской литературы.

Ключевые слова: Российская империя, Кавказское наместничество, журнал «Мурч», журнал «Татрон», журнал «Лума», журнал «Тараз»

Для цитирования: Петросян Д.В., Мартиросян Н.Н., Даниелян Т.Р. Переводная художественная литература в армянских журналах Тифлиса конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 53–62. doi: 10.17223/15617793/504/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/5

Translated fiction in the Armenian magazines of Tiflis of the late 19th – early 20th centuries

David V. Petrosyan¹, Nagash N. Martirosyan², Taron R. Danielyan^{3, 4}

^{1, 2, 4} Yerevan State University, Yerevan, Republic of Armenia

³ Vanadzor State University, Vanadzor, Republic of Armenia

¹ davidpetrosyan@ysu.am

² n.martirosyan@ysu.am

^{3, 4} tarondanielyan@ysu.am / t5plus@yandex.ru

Abstract. The article examines the dynamics of the development of translated literature in Tiflis–Armenian magazines at the end of the 19th to the beginning of the 20th centuries. It presents the programmatic policies of publishers and editors of the magazines, identifies quantitative and qualitative characteristics of translated literature, as well as its significance in shaping Armenian literary criticism and ethics, and in refining the Eastern Armenian literary language. The conclusion is drawn that, evolving within the general framework of the pre-revolutionary press of the Russian Empire, the corpus of Armenian translated literature in magazines bore significant resemblance to the corpus of translated literature in Russian periodicals. The main feature was manifested in the selection of works from neighboring nations, driven by the tendentious aim of some publishers to demonstrate to Armenian readers the level of cultural development and the image of the “Other” with whom they shared a combination of regional, socio-political, and sociocultural realities. These same realities became factors contributing to the dominance of Russian literature in the overall corpus of Armenian translated literature. In this case, a large number of translations were also influenced by the authority of the dominant culture of the empire and the ideals of its famous representatives, which largely corresponded to the philosophical and aesthetic views of Armenian literary figures. Furthermore, translated literature reduced the degree of isolation, alienation, and distance in the system of intercultural communication. The editors of Armenian magazines, well-acquainted with the modernist trends of European literature at the end of the 19th century, nonetheless preferred world classical literature. Their aim was to cultivate the Armenian reader within the framework of corresponding aesthetic categories. They were confident that Western cultural orientation would not harm national distinctiveness and would serve as a guide to world literature and literary studies. During this period, translated literature simultaneously became one of the main factors and indicators of the development of Eastern Armenian literary language, literary critical thought, and creative ethics.

Keywords: Russian Empire, Caucasian Viceroyalty, *Murch* magazine, *Tatron* magazine, *Luma* magazine, *Taraz* magazine

For citation: Petrosyan, D.V., Martirosyan, N.N. & Danielyan T.R. (2024) Translated fiction in the Armenian magazines of Tiflis of the late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 53–62. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/5

Введение

Армянская литература и журналистика в Российской империи имели как свои особенности, так и закономерности развития, присущие также русской литературе и журналистике. Одной из закономерностей можно считать тесное взаимодействие литературы и прессы, которая объективно считалась колыбелью новой армянской литературы [1. С. 116]. Однако уже в начале XX в. литература становится основным рычагом развития периодики. Данная смена позиций литературы и журналистики происходила под влиянием многих факторов: становление новой армянской литературы, интерес публики к произведениям тех или иных авторов и т.д.

Изучение истории журналистики в контексте общей культуры «дает возможность рассмотреть как процесс творческого освоения литературных традиций, так и характер становления определенного типа печати» [2. С. 30]. Но процесс литературно-журналистского развития во всей империи происходил неравномерно и неоднородно.

Так, Н.А. Богомолов по поводу столичной прессы замечает, что «толстые» литературные журналы служили основным местом публикации художественных произведений, весьма отчетливо выражали политические, идеологические и эстетические позиции [3. С. 4–5].

В.С. Киселев отмечает, что в Томске в последней трети XIX в. специфика литературного процесса определялась популярными газетами, на страницах которых печатались художественные произведения, а на Урале ни один из институтов, включая газеты, не смог стать столь интегрирующей площадкой, что и определило сугубо локальный характер бытования словесности [4. С. 295–296].

Исследования показывают, что переводная литература была программным компонентом российских периодических изданий и выполняла идеологические и имагологические функции. Томские исследователи замечают, что идея областничества, которая являлась «стержнем всей прессы Томска и Томской губернии» [5. С. 279], реализовывалась также при помощи переводной литературы. На примере газеты «Кавказ» отмечено, что благодаря переводной литературе в прессе регионов Российской империи «осуществлялась по своей сути попытка “синтеза рас и наций” и вместе с тем попытка самоопределения региона за счет обращения к Другому/Чужому» [6. С. 245].

Переводная литература в армянских журналах Тифлиса за 1860–1880 гг. «стала одним из путей перехода от юго-восточной цивилизации к северо-западной культуре, сыграла важную роль в обновлении образа армянской культурной идентичности и презентации ее в соответствии с новыми требованиями времени» [7. С. 55].

Распространение переводной литературы также было обусловлено ужесточением цензурных правил в иноэтнических регионах: о чем запрещалось писать

национальным авторам, можно было восполнить через переводную литературу, которая выступала в качестве возможной альтернативы [1. С. 151].

Цель нашей статьи – представить динамику развития переводной литературы в армянских журналах Тифлиса конца XIX – начала XX в. Задачи исследования заключаются в выявлении количественных и качественных характеристик переводной литературы и ее роли в формировании литературной критики и совершенствовании восточноармянского литературного языка.

Актуальность работы обусловлена тем, что «без учета роли провинциальной периодики в отображении российской действительности невозможно дать правдивую характеристику всей истории российской журналистики» [8. С. 2].

Новизна исследования заключается в том, что в арменоведении до сих пор отсутствует системное изучение характеристики армянской переводной литературы в армянской прессе. Данная тема затрагивалась исследователями с точки зрения истории издания того или иного органа печати, книги или же становления армянской новой литературы и влияния некоторых переводных сочинений на данный процесс, биографии писателей и переводчиков.

Нами были рассмотрены армянские журналы, имеющие более 10 выпусков и оказавшие большое воздействие на становление и распространение армянской переводной литературы: «Мурч» («Մըրժ» = «Молот» (1889–1907 гг.)), «Тараз» («Տարազ» = «Мода» (1890–1919 гг.)), «Татрон» («Դատրոն» = «Театр» (1893–1905 гг. с перерывами)), «Лума» («Լումա» = «Лепта» (1896–1912 гг.)). Детские журналы нами не рассматривались, хотя отметим, что переводная литература там тоже имела место. Например, в журнале «Ахбюр» («Աղբյուր» = «Родник» (1883–1918 гг.)) с 1883 по 1901 г. было опубликовано около 280 переводных художественных произведений [9. С. 52–71].

Результаты

Редакционный состав армянских журналов и программная политика по опубликованию переводной литературы. Очевидно, что в общем контенте журналов публикация переводных сочинений отражала идеологические и эстетические принципы их издателей.

Редактор журнала «Мурч» А. Арасханян, получивший высшее образование в Германии (имел докторскую степень по экономике), был убежденным пропагандистом русских шестидесятников [10]. На страницах журнала «Мурч» он размещал большое количество публикаций талантливых молодых писателей, которые впоследствии стали признанными мастерами армянской литературы [11].

Следующим издателем «Мурча» был К. Красильникян – «известный в дореволюционное время переводчик, много сделавший для того, чтобы приобщить армянского читателя к русской литературе» [12. С. 148].

Издатель еженедельника «Тараз» Тигран Назарян был известным предпринимателем в области армянского издательского дела. Он разделял демократические взгляды, часто посещал европейские страны, освещал их литературную и культурную жизнь [13]. Священник Г. Аганянц, редактор журнала «Лума», был прогрессивным представителем армянского духовенства, известным просветителем и ученым. Его журнал, благодаря своей культурной тематике, стал авторитетным восточноармянским изданием [14]. Издатель журнала «Татрон» А. Тарханян был городским приходским учителем и членом программного комитета Армянского драматического кружка Тифлиса. Несмотря на короткую жизнь, он успел осуществить перевод более 10 драматических произведений, которые регулярно ставились на театральных подмостках.

Редакционная политика издателей в отношении публикации переводной литературы стимулировала многих молодых авторов пробовать свои силы именно на этом поприще. В исследуемый период также заметно увеличилось количество женщин-переводчиц, которые подписывались своими именами и фамилиями, иногда с указанием социального статуса (например: Анна Назарян, Мариам Кафян, Анаит Кишмишян, Грануш Топчян, Сатеник Артемян, девица Марник, девица Македонян, г-жа Шохакат Ф. и др.).

Редакторы осознавали, что будущее армянской литературы невозможно представить без перевода на армянский язык фундаментальных произведений мировой литературы. Литературоведческие статьи в данных журналах показывают, что редакторы и переводчики были хорошо осведомлены о новых направлениях в литературной жизни Европы (модернизм, декаданс, символизм), но литературная политика в указанных журналах имела четкую направленность: армянского читателя нужно воспитать на эстетических идеалах мировой классической литературы.

В литературоведческих статьях армянских публицистов отчетливо прослеживался взгляд на Запад как на образец общественного развития. По мнению П. Мелкумянца, армянские писатели должны быть проводниками европейской цивилизации на Кавказе. Несмотря на некоторое беспокойство, связанное с тем, что этот путь может привести к потере национальной идентичности, критик утверждал, что армяне не могут считаться самобытным и самостоятельным народом, если на пути к развитию не усвоят науку, литературу и разные общественные идеи. Для армян каждая газета и журнал «должны стать университетом, средством их продвижения за границу» [15].

Как уже отмечалось, в первый период развития армянских журналов Тифлиса вектор переводной литературы был направлен на западное искусство. Данная позиция аргументировалась тем, что армянская культура и в частности литература должны были развиваться под воздействием культур «цивилизованного запада» и «русской передовой мысли». Но в то же время армянские публицисты часто отмечали тот факт, что местные народы не имеют ни малейшего представления о литературе и общественной мысли соседних

этносов, что создает определенный барьер в межкультурной коммуникации. Именно этим обусловлено обращение к литературе соседних народов: грузинской, татарской (азербайджанской), курдской, османской. Однако следует отметить, что это обращение имело некую тенденциозность.

Например, в журнале «Тараз» в качестве положительного факта отмечалось, что периодическое издание «Мурч» впервые в армянской среде начало публиковать произведения грузинских писателей. Однако обозреватель «Тараза» высказывал недоумение, что в выборе произведений редакция не всегда критично относится к литературному тексту. По мнению критика, произведение грузинской писательницы Е. Габашвили «Орена и Куче» в армянском переводе было напечатано с одной целью – показать, что грузинская литература представлена женщинами-прозаиками. Однако такой подход является неприемлемым для новой армянской литературы, поэтому любое переводное произведение должно быть тщательно отобрано [16].

Редактор журнала «Мурч» А. Арасханян ставил перед собой более конкретные цели. По его мнению, ценность журнала должна измеряться не количеством напечатанных переводных произведений, а тем, насколько эти сочинения формировали эстетические взгляды у читателя [17].

Другой особенностью развития переводной литературы в армянских журналах исследуемого периода было обращение к литературе стран Востока. Благодаря этому армянские читатели познакомились с произведениями арабской, индийской, китайской литературы.

В годы Русско-японской войны активно освещались история и особенности развития японской литературы, в армянском переводе публиковались отрывки произведений японских писателей. Так, журнал «Тараз» отмечал, что Япония – по-европейски цивилизованное государство, но ее богатая литература в Европе стала изучаться лишь в начале XX в. Ссылаясь на европейских японистов, отмечалось, что японская литература в переводе на другие языки часто теряла свое истинное содержание. В этом плане проводились параллели с армянской и восточной литературой, которая в переводе на другие языки также теряла первоначальную идею и авторский замысел [18], так как переводчики не всегда улавливали истинную семантику слов в том или ином контексте.

Фактически как в русской региональной литературной прессе, так и в армянских журналах в годы Русско-японской войны создавался противоречивый, но в целом положительный образ Японии. Данное явление объясняется тем, что все переводы без исключения были выполнены не с японского, а с европейских языков, поэтому армянская рецепция имела опосредованный характер и транслировала «преимущественно западное представление о некоей далекой культуре» [19. С. 241].

В отличие от русской переводной литературы армянская переводная литература в тифлиско-армянских журналах часто имела двойной опосредованный характер – западное представление в русской рецепции и в армянском восприятии.

В армянских журналах также публиковались переводы литературы ориентального направления. Некоторые из них не имеют авторства, хотя в журналах отмечалось, что произведение переводное или же публикуется в вольном изложении.

Количественная характеристика переводной литературы. 1889–1912 гг. можно считать главным периодом развития тифлиско-армянской журнальной прессы. Именно в эти годы издавались журналы, которые стали своего рода литературными проводниками мировой литературы и литературной критики. Количество переводной литературы по годам в исследуемых журналах представлено на рис. 1.

За исследуемые годы в армянских журналах было опубликовано 937 переводных произведений. Стремительный

рост публикаций переводных сочинений наблюдался в 1890–1906 гг. Количественная разница обусловлена несколькими факторами: изданием журналов в тот или иной год, количеством и форматом выпусков, а также литературным видом произведений. Причины подобных расхождений в основном были связаны с финансами (малое число подписчиков), технической и технологической оснащенностью или цензурой.

В то же время количественный спад, наметившийся с 1907 г., можно объяснить напряженной социально-политической обстановкой в Кавказском наместничестве, вызванной событиями Первой русской революции, межнациональными конфликтами (в частности армяно-татарскими (азербайджанскими)), очаги которых вспыхивали в разных городах кавказского региона.

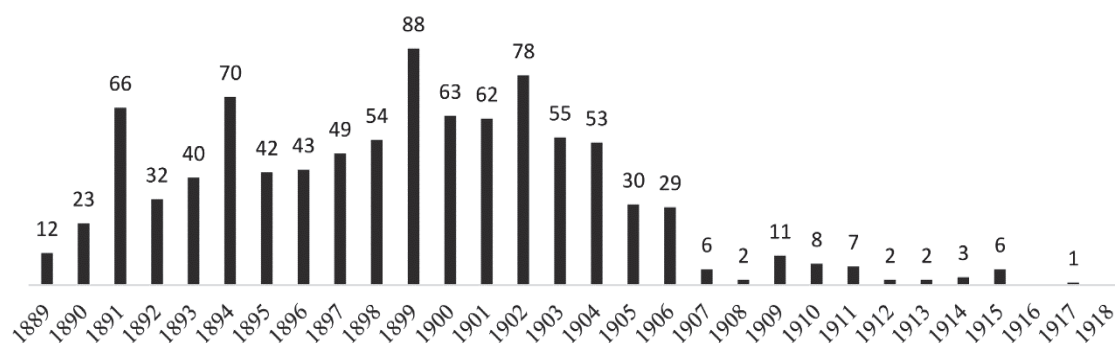

Рис. 1. Количественная характеристика переводной литературы по годам

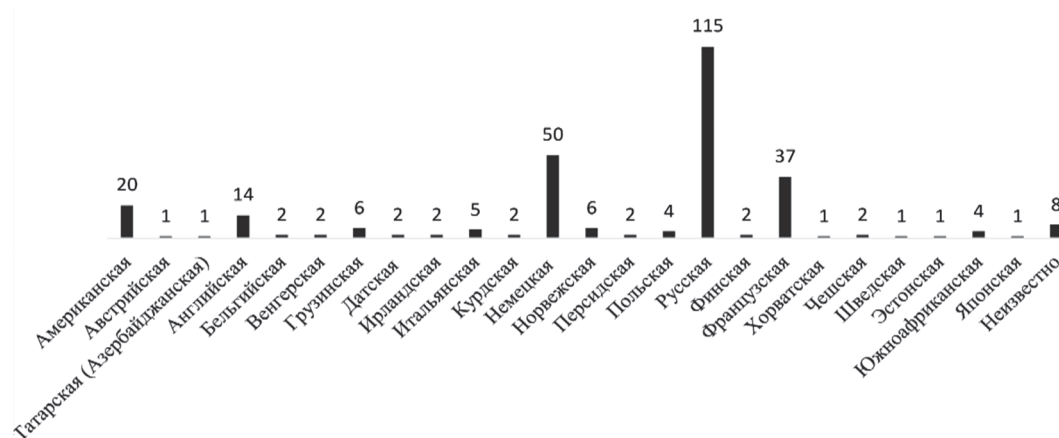

Рис. 2. Количество переводной литературы в журнале «Мурч»

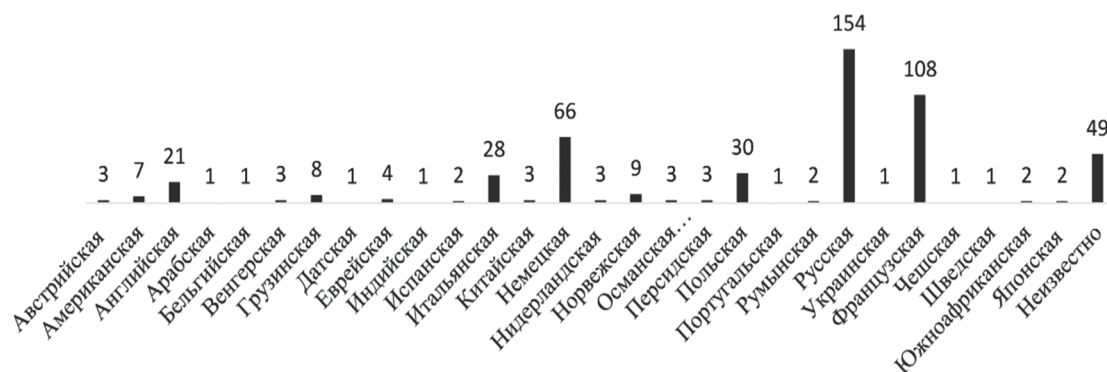

Рис. 3. Количество переводной литературы в журнале «Тараз»

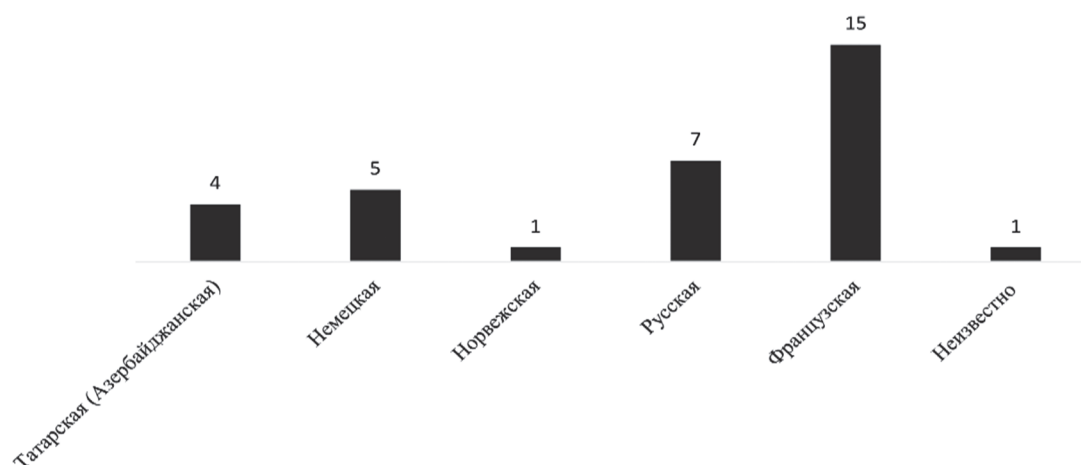

Рис. 4. Количество переводной литературы в журнале «Татрон»

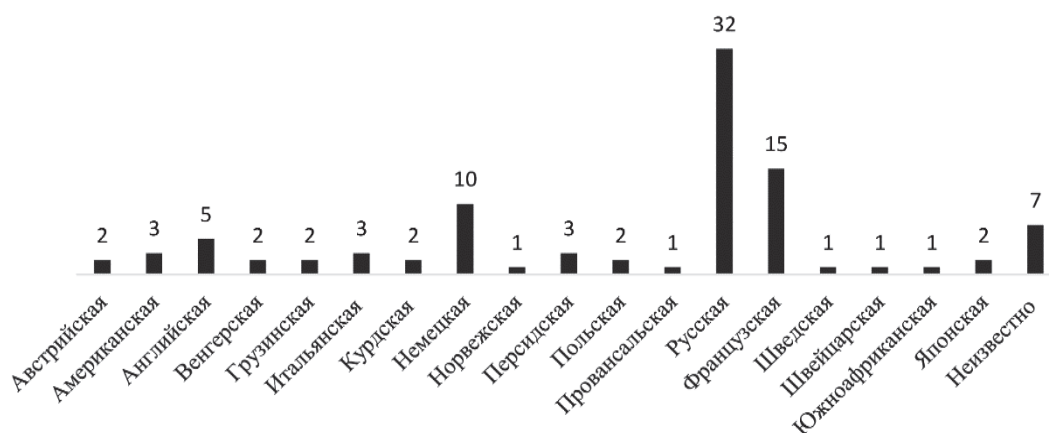

Рис. 5. Количество переводной литературы в журнале «Лума»

На существенную трансформацию книгоиздательского и газетно-журнального рынков повлияла также отмена цензуры Манифестом от 17 октября 1905 г. Дискретность выхода в свет журналов, судебные репрессии редакторов и журналистов, дефицит кадрового состава и их «скитание» по редакциям оказали отрицательное воздействие на армянскую журнальную прессу Тифлиса. В тифлиско-армянской прессе количество журналов, по сравнению с газетами, достигло минимума уже во втором десятилетии XX в.

Количественный анализ переводной литературы (см. рис. 2–5) в четырех журналах показывает, что первую тройку во всех изданиях составляют русские, французские и немецкие источники. За исключением литературно-театрального журнала «Татрон», русская литература в остальных трех журналах лидирует по всем показателям.

Русская литература наиболее часто была представлена следующими авторами: в журнале «Мурч»: А. Пушкин – 15, М. Лермонтов – 13, И. Никитин – 9; в журнале «Тараз»: С. Надсон – 25, М. Лермонтов – 20, А. Пушкин – 18; в журнале «Лума»: А. Чехов – 8, И. Потапенко – 4, М. Горький – 4. В журнале «Татрон» из 7 русских произведений 2 стихотворения принадлежат Н. Некрасову.

Французская литература в журнале «Мурч» часто представлялась сочинениями Г. де Мопассана (9 про-

изведений), Ф. Коппе (6), А. Доде (3); в журнале «Тараз»: К. Мендес (22), Г. де Мопассан (11), Э. Зибеккер, А. Доде (по 6). В журнале «Татрон» единственным автором, произведения которого печатали больше одного раза, был Мольер (5 комедий). В журнале «Лума» французская литература была представлена разными авторами по одному произведению.

Немецкая литература имеет следующую характеристику: журнал «Мурч» – Г. Гейне (39 стихотворений), Ф. Шиллер (4), Гете (3); журнал «Тараз» – Г. Гейне (28), И.В. Гёте (12), Ф. Шиллер (10); в журнале «Татрон» из 5 произведений 3 принадлежат Ф. Шиллеру; журнал «Лума» – по 2 произведения И.В. Гёте и Т. Кернера, остальные авторы – по одному произведению.

Первая тройка авторов библиографических списков журналов «Мурч» и «Тараз» показывает, что издатели и редакторы пытались сохранять баланс между произведениями романтизма и новыми литературными направлениями. В журнале «Лума» русская литература была представлена в основном современными авторами, а европейская имела более широкий диапазон – от сентиментализма (Ж. Ж. Руссо) до новых литературных направлений. Журнал «Театр» ввиду своего специализированного формата стремился представить публике более широкий спектр мировой драматургии – от Мольера до Г. Ибсена.

О малом количестве произведений русских писателей в журнале «Татрон» в архивных материалах сохранилась небольшая косвенная информация.

Редактор А. Тарханян в своем прошении в Главное управление по делам печати о возможности расширения содержания журнала и периодичности его издания в качестве побудительной причины называет стремление познакомить армянскую публику с русской литературой, созданной «корифеями пера и мысли». По его мнению, несмотря на более чем столетний период нахождения армян «под Высоким покровительством Русских Державных государей, достойнейшие и талантливые представители русской изящной литературы еще не переведены на армянский язык, тогда как для духовного сближения народов лучшим фактором везде и всегда признавалась литература [20. Л. 2 об.]. Прошение А. Тарханяна было отклонено, так как Главногоначальствующий гражданскою частью на Кавказе сообщил министру внутренних дел, что издатель с 1892 г. находится под негласным надзором полиции по делу о задержанных в Руцке разрывных снарядах [20. Л. 9].

Если А. Тарханяну, исходя из политической ситуации, не удалось расширить содержание, формат и периодичность издания, то для других армянских издателей русская литература стала главным контентом литературного раздела.

Интерес к наследию двух великих русских поэтов – А. Пушкина и М. Лермонтова – в армянском литературном пространстве формируется с 1830-х гг. Первым переводчиком А. Пушкина стал М. Эмин, который перевел на армянский язык произведения «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан». В качестве первого переводчика М. Лермонтова выступил О. Амазаспян, который перевел стихотворения «Ангел» и «Сосна» (1843 г.). Феномен отношения к двум русским поэтам предельно ясно объяснил знаменитый армянский писатель Ованес Туманян: «Тысячи людей прошли через Кавказ, все они были для Кавказа прохожими: одни явились друзьями, другие – недругами, третьи – гостями, а приемных сынов у него было мало. К числу этих немногих счастливцев принадлежат два великих русских поэта: Пушкин и Лермонтов. Заговорила ли в них горячая кровь предков, или причиной тому был поэтический дух, стремящийся ко всему возвышенному и чистому, – кто знает, быть может, и то и другое, но они любили Кавказ, а Кавказ – их, и они стали навеки великими сынами Кавказа» [21].

Имагологическая модель «Другие среди Своих» вполне помещалась в логику диахронического сравнительного аспекта между русским и армянским литературным пространством. По мнению писателя и переводчика Арутюна Туманяна, А. Пушкин вышел на арену в тот период, когда русское общество ненавидело свою родину, свой родной язык и все русское, а русская литература не имела самостоятельности и национального духа. Великий русский поэт спас свой народ от отчуждения, создал национальную и неповторимую литературу, очаровал свой народ родным языком и воздвиг себе прочный и непоколебимый памятник [22]. Данный тезис перекликался с армянскими культурными реалиями.

Интерес к поэзии И. Никитина и Н. Некрасова обусловлен социальными и идеологическими предпочтениями поэта-переводчика А. Цатуряна. Его биография напоминала трудную судьбу героев произведений русских писателей, а в его творчестве просматривалось, как и у И. Никитина, слияние фольклорного начала и традиций русской и европейской поэтической культуры [23. С. 135].

Заметное влияние на молодых армянских писателей имел также русский поэт С. Надсон. Русский писатель и арменовед Ю. Веселовский, обращаясь к поэзии известного армянского поэта и переводчика О. Ованесяна (Иоаннес Иоаннисян), отмечает, что ряд его стихотворений, несомненно, написан под непосредственным воздействием творчества С. Надсона [24]. Произведения С. Надсона переводили многие армянские литераторы: А. Цатурян, А. Красильникян, А. Дж. Балугян, А. Амирян, С. Папян, А. Исаакян и др.

Большое количество переводных произведений в процентном отношении не всегда влияло на количество произведений одного и того же автора. В некоторых случаях заметна следующая закономерность: чем меньше количество литературных произведений того или иного народа/языка/страны, тем больше сочинений одного и того же автора. В этом контексте особенно выделяется южноафриканская (О. Шрейнер), американская (М. Твен), норвежская (Б. Бьернсон), итальянская (А. Негри) литература.

Сравнение списков переводной армянской литературы с библиографией переводной литературы дореволюционной русской периодики регионов Российской империи (две части) [25, 26] показывает, что авторский состав русской и армянской переводной литературы в большей степени совпадает. Правда, можно указать и некоторые различия: например, в «русских списках» отсутствуют французский писатель Э. Зибеккер, чешский писатель Ч. Сватоплук, османская писательница Нигяр-Ханым. Полный список региональной переводной литературы в дореволюционной русской прессе даст более обширную литературно-географическую картину количественного и качественного характера.

Сравнение библиографического списка переводных произведений в армянских журналах с библиографией книг, изданных в Тифлисе, показывает, что переводная художественная литература в журналах не полностью отражала переводческий процесс в армянской литературе. Так, в исследуемых журналах нет произведений греческой, канадской литературы или же работ Ф. Достоевского и А. Дюма-сына. В то же время опубликованные в журналах многие сочинения иностранных авторов в армянском переводе так и не вышли в свет в книжном формате. Фактически журналы и книги вместе формировали систему армянской переводной литературы, взаимодополняли литературное пространство новыми произведениями мировой литературы на родном языке.

Переводная литература как инструмент оценки родной литературы и языка. К концу XIX в. армянская пресса стала главной платформой, на которой развивались литературная критика и формировалась литературоведческая мысль. Армянские литературоведы в основном

следовали европейским и русским литературоведческим направлениям и использовали соответствующие принципы и научные критерии для объяснения явлений родной литературы, но при этом исходили «из предпосылок национальной литературы и собственного мировоззрения, придавали нашедшим всеобщее признание критериям новое качество» [27. С. 279].

Переводная литература периодически попадала в поле зрения армянских литературоведов. Каждое новое переводное произведение находило свой отклик в литературно-библиографических разделах разных газет и журналов. Особое внимание было приковано к классическим произведениям, в частности к пьесам В. Шекспира.

Авторы выражали обеспокоенность качеством этих переводов. В частности, критик Л. Манвелян в своей рецензии указывает на низкое качество перевода трагедии «Макбет» (переводчик С. Малхасян). Среди отмеченных недостатков он выделяет самое главное: при переводе великих произведений переводчик должен уметь передать публике дух оригинала [1. С. 153]. По сути, речь шла о расширении возможностей восточноармянского литературного языка и способов конвертации иностранной литературы в армянские лингвистические и речевые конструкции.

Переводная литература была одним из главных средств обогащения армянского литературного языка новыми словами и выражениями. Словообразовательные модели и схемы зачастую создавались под воздействием переводной литературы – художественной, научной и публицистической. Но, как отмечали современники, язык восточноармянской переводной литературы, который охватывал регионы Российской империи, имел бедный словарный запас, фразеологию и не отвечал критериям «вкуса». Подобное стало возможным потому, что многие переводчики не владели грабаром (древнеармянским языком), диалектами разных регионов, имели слабую лингвистическую подготовку и к тому же отличались невежественностью [28].

Для осмысления армянского перевода художественного произведения армянские критики иногда прибегали к косвенным методам, используя в качестве образца русский язык. Так, уже к началу XX в. в армянском переводе было напечатано пять вариантов пьесы В. Шекспира «Гамлет». По поводу третьего перевода, который был сделан с оригинала, армянский писатель О. Туманян в своей критической статье делает замечания касательно выбора того или иного слова, сравнивает и сличает данный текст с русскими и ранее опубликованными армянскими переводами.

Например, в сцене, где Гамлет говорит актерам: «Speak the speech, I pray you, as I pronounced it to you, trippingly on the tongue» («Говорите, пожалуйста, роль, как я показывал: легко и без запинки» [29], «Произносите монолог, прошу вас, как я вам его прочел, легким языком» [30]), переводчик пятой версии¹ трагедии Г. Бабазян перевел следующим образом: «Ըսէ՛ք, կրիսնորեմ, այն հաստիւծը **տրիպտէալիւք**, ինչպէս եւ արտասանեցիք» («Прошу вас, говорите этот фрагмент **быстро**, как я произнес») [32, 33]. О. Туманян замечает, что слово **տրիպտէալիւք** (**быстро**) переводчик употребил вместо

слова **плавно**, так как в последующем Гамлет советует актерам «держаться в руках» [33]. Вместе с тем данный отрывок перевода сравнивается с русскими переводами Н. Кетчера и А. Соколовского. Первый из них употребил слово *плавно*, а второй – *легко и развязно*. В ранних армянских переводах данный фрагмент переводился в следующих формах: у С. Арцруни (перевод не с оригинала) *с легкостью и свободно* [34], у О. Хан-Масехяна – *легко и свободно* [35].

Армянские публицисты отмечали конструктивную функцию литературы, так как она обладает имагологическим инструментарием: французы, знакомясь с Шекспиром и Байроном, начинают симпатизировать англичанам, а англичане импонируют французам. Именно литература стала средством знакомства армян с норвежской и шведской культурой [36], а Шекспир являлся эталоном для познания уровня развитости того или иного народа: если его не переводят, значит, развиты не в полной мере [37].

В начале XX в. в тифлиско-армянских журналах довольно часто обсуждаются вопросы авторского права и этики. Критики отмечают, что многие известные стихотворения знаменитых армянских поэтов, таких как Гамар-Катипа, М. Налбандян, М. Пешикташлян, – это дословные переводы или же вольные переложения произведений иностранных авторов. Критики приводили примеры армянского и иноязычного вариантов и пытались доказать, что речь идет о нарушении литературной этики [38]. Так, резкой критике подверглось популярное стихотворение-песня Г. Додохяна «Ласточка».

По мнению О. Тадевосяна, песня имеет очень большое сходство с произведением русского поэта А. Кольцова «Песня». В армянском варианте юноша просит ласточку улететь на свою Родину, свить гнездо под его домом и рассказать отцу, как ему трудно и тоскливо живется на чужбине. В русском варианте парень-скиталец просит соловья улететь в родные края и рассказать любимой девушке, как он тоскует. По мнению критика, в двух вариантах есть много сходства, причем не только в содержании и подборе лексики, но и в ритме произведений.

Г. Додохян «Песня юноши на чужбине»:
«Ծիծեռնակ, ծիծեռնակ, // Դու գարնան սիրուն թռչնակ, // Դեպի ու՛ր, ինձասա՛, // Թոշում եւ այդպէս արագ: // Ա՛խ, թո՛իր, ծիծեռնակ, // Ծնած տեղս Աշտարակ // Անդ շինիր քո բույնը // Հայրենի կտուրի տակ» («Ласточка, ласточка, // Ты весенняя красивая пташка, // Куда ты, скажи мне, // Летишь так быстро. // Ах, ласточка, лети ты // В край, где я родился – в Аштарак, // Там ты будешь вить гнездо // Под отцовским кровом») [39].

А. Кольцов «Песня»: «Ты не пой, соловей, // Под моим окном; // Улети ты в леса // Моей родины! // Полюби ты окно // Души-девицы... // Прощепежь нежно ей // Про мою тоску» [39].

Подобные явления критик считал закономерностью, так как главным источником становления новой армянской литературы была иностранная литература. Армянские писатели все еще продолжали учиться создавать

собственное содержание и формы, к тому же локализация произведения и его адаптация к этническим реалиям могли бы больше влиять на читателей.

В полемику по данному вопросу вступил также армянский писатель, критик В. Папазян. По его мнению, песня «Ласточка» более похожа на произведение П.-Ж. Беранже «Ласточка», чем на песню А. Кольцова: «Captif au rivage du Maure, // Un guerrier, courbé sous sesfers, // Disait : Je vousrevois encore, // Oiseauxennemis des hivers. // Hirondelles, quel'espérance // Suit jusqu'encesbrûlantsclimats, // Sans doutevousquittez la France : // De mon pays ne me parlez-vous pas?» («В плену на берегу Мавританском, // Воин, согнувшись под кандалами, // Сказал: Я вижу Вас снова, Птицы – враги зимы. // Ласточки, только надежда // Следует за этим жгучим климатом, // Без сомнения, вы покидаете Францию: // Разве ты не говоришь со мной о моей стране?») [40].

В. Папазян доказывал, что армяне – выпускники Дерптского университета во имя просвещения и развития патриотического чувства создавали свои произведения под влиянием европейских авторов. Это были не переводы или переложения иностранных авторов, а самостоятельные сочинения, написанные под воздействием той или иной литературной школы.

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что в конце XIX – начале XX в. тифлиско-армянские журналы в новых общественно-политических условиях продолжили традиции переводной литературы, придав новое качество достижениям предшественников.

Развиваясь в общей системе дореволюционной прессы Российской империи, корпус армянской переводной литературы в журналах имел большое сходство с корпусом переводной литературы в русской перио-

дической печати. Основная особенность этого заключалась в выборе произведений соседних народов, что было обусловлено тенденциозной целью некоторых издателей – показать армянским читателям степень культурного развития и образ *Других*, с которыми их связывала совокупность региональных, социально-политических и социокультурных реалий. Те же реалии стали факторами доминирования русской литературы в общем корпусе армянской переводной литературы, но в данном случае большое количество переводов было обусловлено также авторитетом доминирующей культуры империи и идеалами ее знаменитых представителей, которые во многом соответствовали философским и эстетическим взглядам деятелей армянской литературы. К тому же переводная литература снижала степень обособленности, отчужденности и отдаленности в системе межкультурной коммуникации.

Редакторы армянских журналов, хорошо знакомые с модернистскими течениями европейской литературы конца XIX в., предпочтение все же отдавали мировой классической литературе, чтобы воспитать армянского читателя в рамках соответствующих эстетических категорий. Они были уверены, что западная культурная ориентация не только не нанесет вреда национальной самобытности, но и станет своеобразным путеводителем по мировой литературе и литературоведению.

В этот период переводная литература одновременно становится одним из главных факторов и индикатором развития восточноармянского литературного языка, литературной критической мысли и творческой этики.

Армянские литературные критики в своих статьях и рецензиях выдвигали очень важное условие: переводчик прежде всего обязан сохранить дух оригинала.

Тифлиско-армянские журналы благодаря переводам значительно расширили границы своей литературной политики, что непосредственно способствовало подъему армянской литературы в начале XX в.

Примечание

¹ В 1862 г. в Смирне в журнале «Дима» («Маска») с сокращениями был напечатан первый перевод «Гамлета» на армянском языке (переводчик Арам Тетезян). В 1886 г. Сяят Амирянц издал небольшую книгу – краткое содержание трагедии В. Шекспира, перевод которой осуществил из русской брошюры, «которая вышла в свет в Москве 1883 г.» [31]. О. Туманян в своей статье данные факты не зафиксировал.

Список источников

1. Геворгян Л. Журнал «Мурч» [«Մուրճ» ամսագիրը]. Ереван : Изд. Академии Наук РА, 1982. 313 с. (на арм. яз.).
2. Ляпина А.В. Взаимодействие русской литературы и журналистики в специализированной печати второй половины XIX века (на материале охотничьих рассказов) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 6: Журналистика. С. 29–39. doi: 10.25205/1818-7919-2023-22-6-29-39
3. Богомолов Н.А. Две лекции по истории современной литературы. М. : Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 2009. 48 с.
4. Киселев В.С. Региональная литературная история как объект и конструкт (Рецензия на книгу: История литературы Урала. XIX век : в 2 кн. / под ред. проф. Е.К. Созиной. М. : Издательский дом ЯСК, 2021. 1440 с.) // Имагология и компаративистика. 2021. № 16. С. 292–298. doi: 10.17223/24099554/16/17
5. Жиякова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания : учеб. пособие. Томск : Изд. Том ун-та, 2015. Т. 1. 292 с.
6. Никонова Н.Е., Даниелян Т.Р. Переводная художественная литература в газете «Кавказ» (1885–1918 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 234–249. doi: 10.17223/19986645/84/12
7. Петросян Д.В., Даниелян Т.Р. Переводная художественная литература в армянских журналах Тифлиса (1860–1881) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 6: Журналистика. С. 47–59. doi: 10.25205/1818-7919-2023-22-6-47-59
8. Таказов В.Д. Журналистика и литературный процесс в Осетии (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1998. 40 с.
9. Библиография журнала «Родник» [Մատենադարանի «Հրդեհ» հանդեսի] / сост. Ф.С. Хачатрян ; ред. А.Д. Даниелян. Ереван, 1986. 216 с. (на арм. яз.).
10. Овнан Г. Н.А. Добролюбов и армянская литературно-общественная мысль XIX века // Известия Академии наук Армянской ССР: Общественные науки. 1960. № 5–6. С. 95–112.

11. Ананян Г. 100-летие журнала «Мурч» [«Մուրճ» ամսագրի հարյուրամյակը] // Вестник Ереванского университета. 1989. № 1 (67). С. 232–234 (на арм. яз.).
12. Пароникян Э.М. Дореволюционные переводы драматических произведений А.С. Пушкина на армянский язык // Вестник Ереванского университета. 1982. № 1 (46). С. 147–151.
13. Назарян С. Жизнь и деятельность Тиграна Назаряна [Տիգրան Նազարյանի կյանքը և գործունեությունը] // Бюллетень Академии наук Армянской ССР. 1965. № 3. С. 35–44 (на арм. яз.).
14. Св. Арапат Погосян. Жизнь и деятельность Старшего Священника Гюта Аханынца (краткое описание) [Գյուտ ավագ քահանա Աղանյանցի կյանքն ու գործունեությունը (համառոտ ուրվագիծ)] // История и культура. 2015. С. 150–161 (на арм. яз.).
15. Мелкумянц П. Необходимость переводов и переложений [Թարգմանությունների և քաղածրերի անհրաժեշտությունը] // Тараз. 1893. 24 декабря. № 41 (на арм. яз.).
16. Искандар. Критика («Мурч». Июнь. 1894 г.) [Կրիտիկա («Մուրճ». Հունիս. 1894 թ.)] // Тараз. 31 июля. № 27–28 (на арм. яз.).
17. Арасханян Ав. «Мурч» и восточноармянская современная литература [«Մուրճը» և արևելեան հայոց արդի գրականությունը] // Мурч. 1899. Апрель–Май. № 4–5 (на арм. яз.).
18. Литература Японии [Ճապոնիայի գրականությունը] // Тараз. 1904. № 10 (на арм. яз.).
19. Никонова Н.Е., Абудуваили М. Образы Японии в периодике регионов Российской империи рубежа XIX–XX вв.: переводная литература как имагологический инструмент // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73. С. 230–246. doi: 10.17223/19986645/73/13
20. Российский государственный исторический архив. Ф. 776. Оп. 12. 1896 г. Д. 127.
21. Туманян О. Великий приемный сын Кавказа [Կովկասի մեծ որդեգիրը] // Оризон. 1914. 2 октября. № 217 (на арм. яз.).
22. Туманян А. Александр Сергеевич Пушкин [Ալեքսանդր Սերգեևիչ Պուշկին] // Лума. 1899. Книга Б. (на арм. яз.).
23. Максимова М.В., Орехова Н.Н. Поэзия И. Никитина: эстетика, традиции, перевод // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. Т. 25, вып. 2. С. 135–140.
24. Саруханян А. Надсон и Ованес Оганесян [Նադսոնը և Օովհաննես Օովհաննիսյանը] // Советская литература. Ереван. 1987. № 3. С. 136–141.
25. Никонова Н.Е., Серягина Ю.С., Масяйкина Е.В., Морозова И.В. Переводная литература в дореволюционной периодике регионов Российской Империи: научная библиография. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020621571.
26. Никонова Н.Е., Серягина Ю.С., Даниелян Т.Р., Гущина П.Е., Попова Т.А. Переводная литература в дореволюционной периодике регионов Российской Империи. Часть 2: Научная библиография. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023623876.
27. Калантарян Ж. История армянской литературно-теоретической мысли V–XIX веков. Ереван : Гитутюн, 2015. 404 с.
28. Арамаздян Г. По поводу искажения нашего языка [Մեր լեզվի աղավաղման ամիսը] // Тараз. 1904. 30 мая. № 21.
29. Шекспир В. Гамлет, принц датский (пер. Б. Пастернак). URL: <https://predanie.ru/book/218130-gamlet-per-boris-leonidovich-pasternak/#/toc11> (дата обращения: 24.02.2024).
30. Шекспир В. Гамлет, принц датский (пер. М. Лозинский). URL: <https://predanie.ru/book/218128-gamlet-per-mihail-leonidovich-lozinskiy/> (дата обращения: 24.02.2024).
31. Шекспир В. Гамлет, принц датский (пер. С. Амирянца). Баку : Изд. С. Лалаянц, 1886. 48 с. (на арм. яз.).
32. Шекспир В. Гамлет (пер. Г. Бабаяна). Вена : Типография Мхитарянов, 1899. 183 с. (на арм. яз.).
33. Туманян О. Библиография [Մատենախոսությունը] // Тараз. 1900. 12 марта. № 9 (на арм. яз.).
34. Шекспир В. Гамлет (пер. С. Арцруни). Тифлис : Тип. М.Д. Ротинянца, 1889. 125 с. (на арм. яз.).
35. Шекспир В. Гамлет, принц датский (пер. О. Хан Масехяна). Тифлис, 1894. 222 с. (на арм. яз.).
36. Литература как сила объединения [Գրականությունը իրրել միավորիչ ոյժ] // Тараз. 1895. 23 апреля. № 14 (на арм. яз.).
37. Библиография [Մատենախոսական] // Тараз. 1896. 13 октября. № 40 (на арм. яз.).
38. Incognito. Критика [Բննադատական] // Тараз. 1904. 30 мая. № 21 (на арм. яз.).
39. Тадевосян О. Песня Додохяна «Ласточка» [Դոդոխյանի «Ծիծեռնակ» երգը] (пер. Т. Даниеляна) // Тараз. 1904. 28 марта. № 13 (на арм. яз.).
40. Папазян В. О песне Додохяна «Ласточка» [Դոդոխյանի «Ծիծեռնակ» երգի մասին] // Тараз. 1904. 18 апреля. № 15.

References

1. Gevorgyan, L. (1982) *The Murch Magazine*. Yerevan: ASSR AS. (In Armenian).
2. Lyapina, A.V. (2023) Vzaimodeystvie russkoy literatury i zhurnalistiki v spetsializirovannoy pechati vtoroy poloviny XIX veka (na materiale okhotnich'ikh rasskazov) [Interaction of Russian literature and journalism in the specialized press of the second half of the 19th century (based on hunting stories)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 6 (22). pp. 29–39. doi: 10.25205/1818-7919-2023-22-6-29-39
3. Bogomolov, N.A. (2009) *Dve leksii po istorii sovremennoy literatury* [Two Lectures on the History of Modern Literature]. Moscow: Lomonosov Moscow State University.
4. Kiselev, V.S. (2021) Regional literary history as an object and construct (Book Review: Sozina, E.K. (Ed.) (2021) *IstoriyaLiteratury Urala. XIX Vek: V2 Kn. [A History of Ural Literature. 19th Century: In 2 Books]*. Moscow: Izdatelskiy Dom YaSK). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 16. pp. 292–298. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/16/17
5. Zhilyakova, N.V., Shevtsov, V.V. & Evdokimova, E.V. (2015) *Periodicheskaya pechat' Tomskoy gubernii (1857–1916): stanovlenie zhurnalistiki i formirovanie regional'noy samosoznaniya* [Periodical Press of Tomsk Province (1857–1916): Formation of journalism and formation of regional self-awareness]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
6. Nikonova, N.E. & Danielyan, T.R. (2023) Translated fiction in the newspaper Kavkaz (1885–1918). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 234–249. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/12
7. Petrosyan, D.V. & Danielyan, T.R. (2023) Perevodnaya khudozhestvennaya literatura v armyanskikh zhurnalakh Tiflisa (1860–1881) [Translated Fiction in Armenian Magazines of Tiflis (1860–1881)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 6 (22). pp. 47–59. doi: 10.25205/1818-7919-2023-22-6-47-59
8. Takazov, V.D. (1998) *Zhurnalistika i literaturnyy protsess v Osetii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Journalism and the literary process in Ossetia (second half of the 19th – beginning of the 20th centuries)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.
9. Danielyan, A.D. (ed.) (1986) *Bibliography of the Rodnik Magazine*. Yerevan: [s.n.]. (In Armenian).
10. Ovnian, G. (1960) N.A. Dobrolyubov i armyanskaya literaturno-obshchestvennaya mysl' XIX veka [Dobrolyubov and Armenian literary and social thought of the 19th century]. *Izvestiya Akademii Nauk Armyanskoy SSR: Obshchestvennye nauki*. 5–6. pp. 95–112.
11. Ananyan, G. (1989) 100th anniversary of the Murch magazine. *Vestnik Erevanskogo universiteta*. 1 (67). pp. 232–234. (In Armenian).
12. Paronikyan, E.M. (1982) Dorevolutsionnye perevody dramaticheskikh proizvedeniy A.S. Pushkina na armyanskiy yazyk [Pre-revolutionary translations of dramatic works by Alexander Pushkin into Armenian]. *Vestnik Erevanskogo universiteta*. 1 (46). pp. 147–151.
13. Nazaryan, S. (1965) Life and work of Tigran Nazaryan. *Byulleten' Akademii Nauk Arm. SSR*. 3. pp. 35–44. (In Armenian).
14. Pogosyan, A. St. (2015) Life and work of Senior Priest Gyt Akhanyants (brief description). *Istoriya i kul'tura*. pp. 150–161. (In Armenian).
15. Melkumyants, P. (1893) The need for translations and adaptations. *Taraz*. 24 December. 41. (In Armenian).
16. Iskandar. (1894) Criticism (Murch. June. 1894). *Taraz*. 31 July. 27–28. (In Armenian).

17. Araskhanyan, Av. (1899) The Murch magazine and Eastern Armenian modern literature. *Murch*. April–May. 4–5. (In Armenian).
18. Taraz. (1904) Literature of Japan. *Taraz*. 10. (In Armenian).
19. Nikonova, N.E. & Abuduvaili, M. (2021) Images of Japan in the periodicals of the Russian Empire regions at the turn of the 20th century: translated literature as an imagological tool. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 73. pp. 230–246. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/73/13
20. *Russian State Historical Archive (RGA)*. Fund 776. List 12. 1896. File 127. (In Russian).
21. Tumanyan, O. (1914) The great adopted son of the Caucasus. *Orizon*. 2 October. 217. (In Armenian).
22. Tumanyan, A. (1899) Aleksandr Sergeevich Pushkin. *Luma*. Book B. (In Armenian).
23. Maksimova, M.V. & Orekhova, N.N. (2015) Poeziya I. Nikitina: estetika, traditsii, perevod [Poetry of Ivan Nikitin: aesthetics, traditions, translation]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya"*. 2 (25). pp. 135–140.
24. Sarukhanyan, A. (1987) Nadson i Ovanes Oganessyan [Nadson and Hovhannes Hovhannisyan]. *Sovetskaya literatura. Erevan*. 3. pp. 136–141.
25. Nikonova, N.E. et al. (n.d.) *Translated literature in pre-revolutionary periodicals of the regions of the Russian Empire: scientific bibliography. Certificate of state registration of the database No. 2020621571*. (In Russian).
26. Nikonova, N.E. et al. (n.d.) *Translated literature in pre-revolutionary periodicals of the regions of the Russian Empire. Part 2: Scientific bibliography. Certificate of state registration of the database No. 2023623876*. (In Russian).
27. Kalantaryan, Zh. (2015) *Istoriya armyanskoy literaturno-teoreticheskoy mysli V–XIX vekov* [History of Armenian Literary and Theoretical Thought of the 5th–19th centuries]. Yerevan: Gitutyun.
28. Aramazdyan, G. (1904) Regarding the distortion of our language. *Taraz*. 30 May. 21. (In Armenian).
29. Shakespeare, W. (n.d.) *Gamlet, prints datskiy* [The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark]. Translated from English by B. Pasternak. [Online] Available from: <https://predanie.ru/book/218130-gamlet-per-boris-leonidovich-pasternak/#/toc11> (Accessed: 24.02.2024).
30. Shakespeare, W. (n.d.) *Gamlet, prints datskiy* [The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark]. Translated from English by M. Lozinskiy. [Online] Available from: <https://predanie.ru/book/218128-gamlet-per-mihail-leonidovich-lozinskiy/> (Accessed: 24.02.2024).
31. Shakespeare, W. (1886) *Hamlet, Prince of Denmark*. Translated from English by S. Amiryants. Baku: Izd. S. Lalayants. (In Armenian).
32. Shakespeare, W. (1899) *Hamlet*. Translated from English by G. Babazyan. Vienna: Tipografiya Mkhitaryanov. (In Armenian).
33. Tumanyan, O. (1900) Bibliography. *Taraz*. 12 March. 9 (In Armenian).
34. Shakespeare, W. (1889) *Hamlet*. Translated from English by S. Artsruni. Tiflis: Tip. M.D. Rotinyantsa. (In Armenian).
35. Shakespeare, W. (1894) *Hamlet, Prince of Denmark*. Translated from English by O. Khan Masekhyan. Tiflis: [s.n.]. (In Armenian).
36. Taraz. (1895) Literature as a unifying force. *Taraz*. 23 April. 14 (In Armenian).
37. Taraz. (1896) Bibliography. *Taraz*. 13 October. 40. (In Armenian).
38. Incognito. (1904) Criticism. *Taraz*. 30 May. 21. (In Armenian).
39. Tadevosyan, O. (1904) Dodokhyan's song "Swallow" (translated by T. Danielyan). *Taraz*. 28 March. 13. (In Armenian).
40. Papazyan, V. (1904) About Dodokhyan's song "Swallow". *Taraz*. 18 April. 15. (In Armenian).

Информация об авторах:

Петросян Д.В. – д-р филол. наук, зав. кафедрой новых медиа и коммуникаций Ереванского государственного университета (Ереван, Армения). E-mail: davidpetrosyan@ysu.am

Мартиросян Н.Н. – канд. филол. наук, декан факультета журналистики, доцент кафедры печатных и вещательных СМИ Ереванского государственного университета (Ереван, Армения). E-mail: n.martirosyan@ysu.am

Даниелян Т.Р. – канд. филол. наук, доцент кафедры армянского языка и литературы Ванадзорского государственного университета (Ванадзор, Армения); преподаватель кафедры новых медиа и коммуникаций Ереванского государственного университета (Ереван, Армения). E-mail: tarondanielyan@ysu.am / t5plus@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.V. Petrosyan, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of New Media and Communications, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia). E-mail: davidpetrosyan@ysu.am

N.N. Martirosyan, Cand. Sci. (Philology), dean of the Faculty of Journalism, associate professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia). E-mail: n.martirosyan@ysu.am

T.R. Danielyan, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Vanadzor State University (Vanadzor, Republic of Armenia); lecturer, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia). E-mail: tarondanielyan@ysu.am / t5plus@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.03.2024;
одобрена после рецензирования 02.04.2024; принята к публикации 30.07.2024.

The article was submitted 07.03.2024;
approved after reviewing 02.04.2024; accepted for publication 30.07.2024.

Научная статья
УДК 811.1/2
doi: 10.17223/15617793/504/6

Лингвокультурологические особенности фразеологических единиц с компонентом «вода» в русском, английском, немецком, испанском и татарском языках

Римма Абельхаеровна Сафина¹, Альбина Рамилевна Каюмова², Наталья Вячеславовна Коноплева³

^{1, 2, 3} Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹ Rimma.Safina@ksu.ru

² alb1980@yandex.ru

³ Natalya.Konopleva@ksu.ru

Аннотация. Представлена сопоставительная характеристика фразеологических единиц с компонентом «вода» на материале пяти разноструктурных языков. Фразеологические единицы с компонентом «вода» обнаруживаются в сопоставляемых языках большое разнообразие как с точки зрения общей семантики ФЕ, так и символики компонента вода. Наибольшее сходство обнаруживают русский и татарский языки. В то же время испанский язык лидирует по количеству уникальных фразеосемантических групп, не представленных в других сопоставляемых языках.

Ключевые слова: лингвокультурология, сопоставительная фразеология, фразеологическая единица, фразеосемантическая группа, коннотация

Для цитирования: Сафина Р.А., Каюмова А.Р., Коноплева Н.В. Лингвокультурологические особенности фразеологических единиц с компонентом «вода» в русском, английском, немецком, испанском и татарском языках // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 63–70. doi: 10.17223/15617793/504/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/6

Linguocultural peculiarities of phraseological units with the component “water” in Russian, English, German, Spanish, and Tatar

Rimma A. Safina¹, Albina R. Kayumova², Natalya V. Konopleva³

^{1, 2, 3} Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

¹ Rimma.Safina@ksu.ru

² alb1980@yandex.ru

³ Natalya.Konopleva@ksu.ru

Abstract. This study is carried out within a project aiming at a comparative study of phraseological units with the components that denote the four elements – air, water, fire, and earth – in five differently structured languages (in Russian, English, German, Spanish, and Tatar). The main aim of this research is to identify general and specific phraseosemantic groups with the component “water”. Water as a primal element has a profound and multifaceted embodiment in the phraseological fund of many languages. The study of the internal form of the phraseological units allowed us to identify, on the one hand, the universal symbolic meanings of the component “water”, and, on the other hand, to determine its national specifics. We selected 38 Russian, 45 English, 55 German, 69 Spanish, and 48 Tatar phraseological units with the component “water” from explanatory, monolingual, and bilingual phraseological dictionaries by the method of continuous sampling (total $n = 255$). Afterwards, the phraseological units were divided into phraseosemantic groups and labelled with connotational markers. Finally, common and differential phraseosemantic groups were identified for all the languages studied. The analysis revealed that phraseological units with the component “water” showcase a great variety both in terms of their general semantics and symbolism of the component itself. Hence, a fairly large number of differential phraseosemantic groups were identified in all the five languages. Quantitatively, phraseological units with a negative connotation prevail in all the languages, followed by the ones with neutral and (in the smallest number of cases) positive connotations. The exception among the compared languages is Spanish, where the number of phraseological units with neutral and positive connotations is equivalent. The positive symbolism of the component “water” is traced in all the languages because water is widely treated as a comfortable living environment, a source of strength and health, a symbol of purification, and a source of truth. All the languages also contain phraseological units that endow water with magical properties or symbolize the passage of time and changes in life. However, in phraseological units with a negative connotation water is commonly associated with risk, danger, an abyss, uncertainty, and turmoil. Ten common phraseosemantic groups could be found in all the five languages compared. These thematic series are the most numerous as they contain units which encode the universal symbolism of the component “water”. Simultaneously, 42 subgroups (out of 82 found) are present in only one language; thus, there is a fairly large

number of differential dominant semes in the internal form of the compared units. Russian and Tatar show the greatest similarity. At the same time, Spanish leads in the number of unique groups. The identified synonymous series of phraseological units can subsequently serve for a more efficient and accurate search of inter-language equivalency.

Keywords: linguaculture, comparative phraseology, phraseological unit, phraseosemantic group, connotation

For citation: Safina, R.A., Kayumova, A.R. & Konopleva, N.V. (2024) Linguocultural peculiarities of phraseological units with the component “water” in Russian, English, German, Spanish, and Tatar. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 63–70. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/6

Введение

Наименование природных стихий представляют собой наиболее древний пласт национального состава языка. Вода как природная первостихия имеет глубокое и многоплановое воплощение во фразеологическом фонде многих языков. Основной целью настоящего исследования является выявление общих и специфических фразеосемантических групп с компонентом «вода» в пяти разноструктурных языках: русском, английском, немецком, испанском и татарском. Изучение внутренней формы фразеологизмов позволяет выявить, с одной стороны, универсальные символические значения компонента «вода» в составе фразеологического значения исследуемых единиц, с другой стороны, определить национальную специфику образной основы устойчивых выражений каждого из изучаемых языков. В свою очередь выявленные синонимические ряды фразеологизмов могут послужить в дальнейшем для более эффективного и точного поиска эквивалентных фразеологических единиц в сопоставляемых языках.

Необходимо отметить, что фразеологизмы с компонентом «вода» неоднократно становились объектам сопоставительных исследований. Так, например, диссертационное исследование М. Айчи́к посвящено изучению репрезентации концепта «вода» в русских, турецких и английских фразеологизмах и его роли в формировании фразеологического образа [1]. Исследование Д.Д. Хайруллиной нацелено на выявление фразеологических эквивалентов и безэквивалентных фразеологических единиц (ФЕ) во фразеологических корпусах трех разноструктурных языков: русском, английском и татарском языках [2]. Ш.Г. Мохаммад-Заде сопоставляет фразеологизмы русского и персидского языков: основная цель данного исследования состоит также в выявлении переводческих соответствий [3]. А.К. Эркинбаева занимается исследованием фразеологизмов с компонентом-гидронимом русского и казахского языков. Исследователь подчеркивает, что лексема «вода» приобретает в составе ФЕ множество разных коннотативных оттенков [4. С. 37]. В работе О.В. Балонкиной акцент сделан на раскрытии образного потенциала воды во фразеологическом фонде английского и русского языка с лингвокультурологической точки зрения [5]. Одно из последних исследований посвящено рассмотрению межъязыковых соответствий ФЕ с лексемой «вода» в болгарском и румынском языках. Исследователи обнаружили в сопоставляемых языках значительное количество калек, что свидетельствует об общности восприятия окружающего мира [6].

Краткий обзор исследований, посвященных исследованию ФЕ с компонентом «вода», выявил достаточно широкий спектр изученных языков и в то же время позволил обнаружить языки, фразеологический состав которых еще не подвергался изучению в выбранном нами аспекте, а именно немецкий и испанский языки. Также следует заметить, что интерес к заявленной теме свидетельствует о высокой значимости стихии воды для всех лингвокультур и подтверждает ее актуальность для современных сопоставительных исследований. Согласно мифологическим и теологическим представлениям, вода является символом зарождения и истока жизни, необходимым условием существования и символом очищения. У древних славян вода считалась кровью живой Матери Сырой Земли, а также воспринималась как опора, на которой держится земля, и границей между миром живых и загробным царством. Славяне верили, что волшебная живая вода способна соединить и воскресить изрубленное тело. Многие из обычаев, сохранившихся в народных германских суевериях, также восходят к языческим временам. Вода считалась святой стихией, дающей плодородие и здоровье. У кельтов, населявших некогда территорию нынешней Великобритании, вода пользовалась особым почитанием; они видели в ней не только источник жизни, но и звено, связующее этот мир с потусторонним миром. В татарском фольклоре также имеются фразеологизмы, которые восходят к мифологическим представлениям древних людей о хозяине и хозяйке воды: почитание сил воды отражалось в жертвоприношениях. Как известно, тюркские народы бросали в воду муку, зерна, соль, чтобы умиротворить водную стихию.

Необходимо также упомянуть, что данное исследование проводится в рамках общего научного проекта по сопоставительному изучению фразеологизмов, содержащих компоненты, обозначающие природные стихии «воздух» «вода» «огонь» и «земля», в пяти обозначенных разноструктурных языках.

Методология исследования

В ходе сопоставительного исследования был использован следующий алгоритм работы:

1. Методом сплошной выборки из толковых, одноязычных и двуязычных фразеологических словарей было отобрано 38 русских, 45 английских, 55 немецких, 69 испанских и 48 татарских ФЕ с компонентом «вода» [7–24]. Общее количество исследуемого материала составляет 255 ФЕ. Ввиду узкого понимания фразеологии в данной работе не рассматривались словосочетания.

2. ФЕ были распределены на тематические группы на основе их значений. Отметим, что названия фразеосемантических подгрупп носят в известной мере условный характер. Далее все ФЕ были распределены на группы с отрицательной, положительной и нейтральной коннотацией.

3. На следующем этапе были выявлены общие и дифференциальные фразеосемантические группы для всех изучаемых языков. Компонентный и сопоставительный анализ фразеологизмов позволили, с одной стороны, выявить универсальную символику компонента «вода» в изучаемых языках, с другой стороны, определить национально-специфические образы в каждом из языков, которые уходят своими корнями в культурно-исторические традиции народов.

Результаты исследования

1. В результате проведенного анализа было выявлено, что ФЕ с компонентом «вода» обнаруживают в сопоставляемых языках большое разнообразие как с точки зрения общей семантики ФЕ, так и символики компонента «вода». В связи с этим фактом во всех сопоставляемых языках было выявлено достаточно большое количество дифференциальных фразеосемантических групп.

В количественном отношении во всех языках преобладают единицы с отрицательной коннотацией, затем следуют нейтральные ФЕ, и на последнем месте по количеству выявленных фразеологизмов находятся ФЕ с положительной окраской. Исключение среди сопоставляемых языков составляет испанский язык, где количество ФЕ с нейтральной и положительной коннотацией равнозначно (рис. 1).

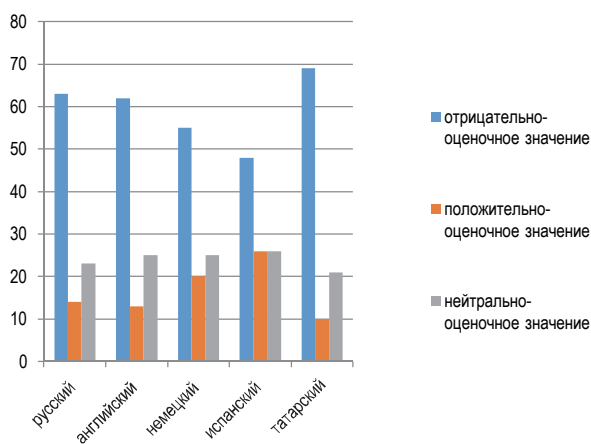

Рис. 1. Соотношение ФЕ с компонентом «вода» в пяти языках с точки зрения коннотации, %

2. В общей сложности нам удалось выделить 10 общих фразеосемантических групп, в которых представлены межъязыковые соответствия во всех пяти исследуемых языках. Данные тематические группы представлены в сопоставляемых языках синонимичными фразеологическими единицами со сходными и дифференциальными образными основами, в качестве примеров далее приводятся фразеологические единицы с наиболее близкими образными основами.

Компонент «вода» в следующих фразеосемантических группах олицетворяет собой источник опасности либо некомфортной среды обитания и получает такие дополнительные характеристики, как «холодная», «горячая», «грязная», «мутная», что влечет за собой негативные ассоциации и определяет пейоративную коннотацию данных фразеологизмов:

– **жизненные трудности:** рус. *пройти сквозь огонь и воду (и медные трубы)*, англ. *be/get into hot water*, нем. *jmdm. steht das Wasser bis zum Hals*, тат. *утны-суны кичу*;

– **подавленность, уныние:** рус. *как в воду опущенный*, англ. *a fish out of water*, нем. *wie ein Schluck Wasser in der Kurve*, исп. *estar como un pez fuera del agua*, тат. *суга төшкән тавык кебек*;

– **растерянность, шок:** рус. *облить холодной водой*, англ. *throw cold water on smb*, нем. *wie mit kaltem Wasser übergossen*, исп. *caer como un jarro de agua fría*, тат. *өстенә салкын су койгандай булу*;

– **корыстолюбие, нечистоплотность:** рус. *ловить рыбку в мутной воде*, англ. *fish in troubled waters*, нем. *im trüben Wasser fischen*, исп. *pescar en aguas turbias*, тат. *болганчык суда балык тоту*.

Негативная оценочность характерна и для следующих фразеосемантических групп, в которых компонент «вода» символизирует вещество, не имеющее особой ценности, которое имеется в большом количестве:

– **болтливость, пустословие:** рус. *лить воду*, англ. *could talk under water*, нем. *wie ein Wasserfall reden*, исп. *poner agua en cedazo*, тат. *су кушу*;

– **пустая трата времени:** рус. *толочь воду в ступе*, англ. *be treading water*, нем. *Wasser in den Rhein tragen*, исп. *echar agua en el (la) mar*, тат. *төңсез кисмәккә су тауу*;

– **жить впроголодь, бедствовать:** рус. *перебиваться с хлеба на воду*, англ. *be in low water*, нем. *bei Wasser und Brot sitzen*, исп. *pedir alguien el agua por señas*, тат. *икмәк белән суга утырту*.

И только в двух общих для всех пяти языков фразеосемантических группах, в которых компонент «вода» олицетворяет собой образ комфортной среды существования либо исцеляющей силы, у фразеологических единиц прослеживается положительная оценочность:

– **комфортное состояние:** рус. *как (словно) рыба в воде*, англ. *be in smooth water*, нем. *sich wie ein Fisch im Wasser fühlen*, исп. *como pez en el agua*, тат. *суга жи-бәргән балык кебек*;

– **исцеляющая сила:** рус. *святая вода/живая вода*, англ. *living water*, нем. *Heiliges Wasser*, исп. *agua bendita*, тат. *мәңге суы, зам-зам суы*.

Во всех языках представлена также группа фразеологизмов, в которых вода является символом времени: во внутренней форме данных устойчивых выражений на первый план выходят такие признаки, как текучесть и изменчивость воды. Непрерывный поток воды является символом постоянных изменений в жизни человека:

– **течение времени:** рус. *много воды утекло*, англ. *water over the dam*, нем. *bis dahin fließt / läuft noch viel*

Wasser den Berg hinab, исп. *ser agua pasada*, тат. күнме сулар акты.

3. В четырех языках было обнаружено пять общих групп: из них в трех группах не представлены фразеологизмы немецкого языка:

– **непостоянство, неустойчивость**: рус. *вилами на воде писано*, англ. *written in water*, исп. *scribir en el agua*, тат. *суга сабын (сәнәк) белән язган*;

– **наводить смуту**: рус. *мутить воду*, англ. *muddy the waters* (мутить воду); исп. *acer del agua lodo*, тат. *су болгату*;

– **спиртной напиток**: рус. *огненная вода/злая водица*, англ. *Fire water/water of life*, исп. *agua de fuego*, тат. *шайтан суы*.

Компонентный анализ устойчивых выражений обозначенных групп показал, что в двух группах – «непостоянство» и «смута» – образная основа фразеологизмов сопоставляемых языков и символика воды совпадает. Тогда как в группе ФЕ для обозначения спиртного напитка внутренняя форма синонимичных выражений построена на различных коннотативных признаках, которые определяются окружением ключевого компонента: ср. рус. *злая водица*, англ. *water of life* (букв. «вода жизни»), исп. *agua de fuego* (букв. «огненная вода»), тат. *шайтан суы* (букв. «вода черта»).

Группа, которая служит для обозначения скромного тихого человека, не представлена в английском языке. Интересно отметить, что образная основа данной группы является антонимичной по отношению к группе «наводить смуту» (рус. *мутить воду*):

– **скромность**: рус. *воды не замутит*, нем. *jd sieht so aus, als könnte er kein Wässerchen trüben*, исп. *parecer que no enturbia el agua*, тат. *судан сүзсез, тигәнәктән табәнәк*.

И еще одна группа, в которой на первый план выходят физические свойства воды, не представлена в испанском языке:

– **безнаказанность**: рус. *как с гуся вода, выходить сухим из воды*, англ. *like water off a duck's back*, нем. *etw. tropft (läuft) von jmdm. ab wie das Wasser von der Gans*, тат. *судан коры чыгу*.

Образность данных фразеологизмов основана на бытовых наблюдениях: вода легко стекает с водоолавающих птиц. Кроме того, известно, что выражение «как с гуся вода» происходит от старинного заговора, который использовался для лечения разных болезней, таким образом вода в данном случае выступает и как символ очищения.

4. В трех языках было обнаружено семь общих групп, из них три группы с отрицательной коннотацией, одна с положительной и три группы с нейтральной оценочностью:

– **двуличие**: англ. *carry water on both shoulders*, нем. *Wasser auf beiden Schultern tragen*, исп. *nadar entre dos aguas*;

– **неудача, провал**: англ. *be dead in the water*, нем. *ins Wasser fallen*, исп. *convertirse en (hacerse, volverse) agua de cerrajas*;

– **подлинность, высокое качество**: рус. *чистой воды*, нем. *reinstes Wassers*, англ. *of the first water*;

– **сходство**: рус. *как две капли воды*, исп. *como dos gotas de agua*; тат. *ике тамчы су кебек*;

– **большое количество**: англ. *flow like water*, исп. *coto agua*, тат. *су буе*;

– **справлять нужду**: англ. *pass water/make water*, нем. *sich das Wasser abschlagen*, исп. *cambiar el agua a las aceitunas*;

– **чрезмерное усердие**: рус. *выплеснуть с водой и ребенка*, англ. *to throw the baby out with the water*, исп. *tirar al niño con el agua sucia*.

В данных фразеосемантических группах были обнаружены следующие лакуны: две идентичные группы отсутствуют в русском и татарском языках («неудача», «справлять нужду»), две фразеосемантические группы не представлены в испанском языке («подлинность», «большое количество»), одна подгруппа не представлена в английском и в немецком языках («сходство»). Образные основы фразеологизмов данных фразеосемантических рядов также нередко обнаруживают большое сходство, поэтому мы можем говорить о частичной эквивалентности межъязыковых соответствий (как, например, в группе «сходство» или «чрезмерное усердие»).

Относительно последней группы «чрезмерное усердие» нужно отметить, что в немецком языке имеется фразеологизм со схожей образностью *das Kind mit dem Bade ausschütten*, который, согласно этимологической характеристике устойчивого выражения, и послужил основой для создания сходных фразеологизмов в других европейских языках, однако в немецкой фразеологической единице отсутствует заданный в исследовании компонент «вода».

5. Парные межъязыковые соответствия в количественном отношении распределены следующим образом: шесть общих групп выявлено в русском и татарском языках, три парные группы в русском и немецком и три группы в немецком и английском языках. Выявленная в ходе анализа статистика свидетельствует о том, что наибольшим сходством среди языковых пар характеризуются русский и татарский языки. Среди парных соответствий в данных языках можно наблюдать достаточно много калек и частичных эквивалентов, что можно объяснить наиболее тесными языковыми контактами представителей данных народов:

– **молчание**: рус. *как воды в рот набрал* – тат. *авызга су капкандай*;

– **дружба**: рус. *не разлей вода / водой не разольешь* – тат. *су белән да аера алмассың*;

– **смелость, решительность**: *в огонь и в воду (готов, пойдю)* – тат. *суга төшми, утка пешми*;

– **оскорбление**: рус. *обливать грязной водой* – тат. *йөз суын корыту*;

– **чрезмерное беспокойство**: рус. *дуть на воду* – тат. *су күрмичә чабуын күтәргән*;

– **исчезновение, укрытие фактов**: рус. *концы в воду / как в воду канул*, тат. *суга төшкәндәй (юк) булды / суга төшеп югалган кебек*.

В данных соответствиях мы наблюдаем такие отмеченные ранее символические значения компонента «вода», как источника опасности (*дуть на воду, в огонь и в воду*), нечистоплотности и обмана (*обливать грязной водой*).

В последней группе «исчезновение, укрытие фактов» мы наблюдаем, что компонент «вода» осмысливается как загадочная стихия, бездна, способная поглотить человека, либо скрыть какие-то факты. Этимология ФЕ *концы в воду* связана в русском языке с историческими событиями: по одной из версий, выражение берет свое начало со времени расправы царя Ивана Грозного над жителями Новгорода Великого, заподозренными в измене. Новгородцам привязывали на шею камни и бросали в реку Волхов, поэтому от утопленников не оставалось никаких «концов».

Этимологические данные фразеологизма *не разлей вода* свидетельствуют о том, что данное устойчивое выражение также изначально появилось в русском языке и лишь позднее было заимствовано в татарском языке: данное выражение произошло от обычая разливать водой дерущихся быков, которых нельзя было разнять другим способом. Таким образом, понятие о тесной дружбе выстраивается в ФЕ на основе представления о врагах, ненавидящих друг друга. В создании образа данного фразеологизма участвует метафора, указывающая на неспособность разорвать тесные, близкие, дружеские отношения.

Среди парных соответствий немецкого и русского, немецкого и татарского языков также имеются три группы, в которых представлены эквивалентные межъязыковые соответствия со сходной образной основой:

– **лишние волнения, неприятности:** рус. *буря в стакане воды*, нем. *ein Sturm im Wasserglas*;

– **польза, помощь:** рус. *лить воду на чью-либо мельницу*, нем. *Wasser auf jmds. Mühle sein*;

– **вкусовые ощущения:** нем. *jemandem läuft das Wasser im Munde zusammen*, тат. *авыз суы кылде*.

Кроме того, в других языковых парах было найдено еще четыре группы межъязыковых соответствий с дифференциальными образными основами:

– **противоположность:** англ. *oil and water*, нем. *wie Feuer und Wasser*;

– **очевидность, легкость:** рус. *как воды напиться*, исп. *(estar) más claro que el agua*;

– **слабость, нерешительность:** англ. *weak as water*, исп. *ser alguien agua tibia*;

– **транжирство:** англ. *spend money like water*, тат. *суга салу/суга салгандай итү*.

6. К периферии исследуемой группы фразеологизмов относятся фразеосемантические группы, представленные лишь в одном из описываемых языков. Как правило, данные группы представлены в каждом из языков единичными, реже несколькими фразеологизмами, в которых находит отражение национальная специфика, запечатлены древние обычаи и ритуалы, связанные с представлениями о воде.

В русском языке было выявлено пять уникальных фразеосемантических подгрупп, такие как «удовольствие», «прозорливость», «неведение», «разоблачение» и «внешность».

Причем интересным является тот факт, что, с одной стороны, в русском языке укоренилось представление о воде как о живой силе (ФЕ *как живой воды напился*) и как символе очищения и правдивости (ФК *вывести на чистую воду*). С другой стороны, для русского языка характерна трактовка символики воды как мистического пространства, связанного с потусторонними силами: примерами могут служить такие ФЕ как *темная вода (в облаках)* со значением «непонятно, неясно», *как в воду глядел* («предвидеть будущее»). Последнее выражение связано с языческими верованиями древних славян и относится к магии и ведовству, которые существовали в древней Руси, либо к обычным гаданиям [25. С. 63].

В английском языке были найдены также 9 фразеосемантических периферийных подгрупп, такие как «глупость», «скука», «уничтожение», «испытание», «высокий рост», «высокий статус», «сомнение» и «убедительность». Специфичным для английского языка является то, в английских фразеологизмах компонент «water» часто употребляется в значении «водоем для навигации», что может быть объяснено значимостью мореплавания в Соединенном Королевстве – островном государстве, где некогда Англия носила звание «владычицы морей». Многие морские термины постепенно приобрели переносное значение и перешли из профессиональной сферы в общеупотребительный литературный язык: *blue water* («открытое море»), *back water* («отступать, идти на попятный»), *take water* («спустить на воду»). Так, изначально морской термин *be in smooth water* (букв. *быть в спокойных водах*) приобрел переносное значение «преодолеть трудности». Также нужно отметить, что среди ФЕ с компонентом «вода» широко представлены различные виды напитков, причем чаще всего это алкогольные напитки «для поднятия настроения» (*bubble water, fire water, water of life*).

В немецком языке можно выделить девять уникальных фразеосемантических рядов: «страх», «вредительство», «застой», «преодоление испытаний», «равные условия», «пожелание удачи», «несоответствие», «начало процесса», «одеколон». Что касается национальной специфики немецких фразеологизмов, то можно отметить следующее: наиболее яркими примерами с уникальной образной основой являются такие ФЕ, как *hier/dort wird auch nur mit Wasser gekocht* со значением «всюду так, в этом нет ничего особенного» (букв. «везде варят на воде»), где акцент сделан на том, что свойства воды везде одинаковы. Другое устойчивое выражение *einen Stein ins Wasser werfen*. («положить начало чему-либо», букв. «бросить камень в воду») основано на представлении о том, что брошенный камень является причиной расходящихся по воде кругов: в образном переосмыслении это означает, что чем тяжелее камень и чем шире диаметр кругов, тем большим может быть масштаб начатого дела. Еще один уникальный немецкий фразеологизм связан с историческими реалиями: только в немецком языке имеется единица, которая служит для обозначения одеколона – *echt Kölnisch Wasser* (букв. «настоящая вода Кёльна»): этот знаменитый бренд был выпущен в Германии в начале XIX в. в городе Кёльне.

В испанском языке были обнаружены следующие периферические группы (11 групп): «радость», «зло-радство», «лесть», «волнение», «пустяки», «гигиена», «физиологические реакции», «крещение», «дождь», «новичок (в морском деле)», «гравюра».

Специфика испанских фразеологизмов состоит в том, что в испанском языке достаточно большое количество единиц связано с гигиеническими манипуляциями (*jugar alguien agua* ('принять ванну/душ'), *hacer de(l) agua* ('стирать') и т.д.). Компонентный анализ исследуемой группы позволил выявить, что в большей части ФЕ компонент «вода» используется как обозначение жидкости *encharcarse de agua* ('надуться воды') или как обозначение естественных выделений человеческого организма *estar hecho un agua* ('сильно вспотеть') и т.д. Кроме того, в испанском языке вода в составе ФЕ служит для обозначения дождя, который в свою очередь, является олицетворением благодати для засушливых районов Испании, где каждая капля воды считается бесценным сокровищем, особенно весной, перед началом сева. В связи с данными климатическими особенностями в испанском языке появляется единица *cómo agua de mayo* (букв. «как дождь в мае»), которая служит для обозначения наивысшей радости и счастья.

В татарском языке представлены следующие девять групп: «мифологическое существо», «обычай», «опасность», «спасение», «неопытность», «дешевизна», «покорность судьбе», «хорошее знание» и «ди-станция». Как и в других сопоставляемых языках, вода проявляет во фразеологизмах свои магические свойства (*тере суы* («живая вода»), *уле суы* («мертвая вода»), но особенностью татарского фразеологического фонда является наличие в нем устойчивых сочетаний для обозначения мистических обитателей воды – *су анасы*, *су иясе*, *су жене*, *су сәлегедәй*. Следующие единицы основаны на древних обычаях жертвоприношения воде: тат. *суга салган тоз кебек югалган* (букв. «исчезнуть как соль, брошенная в воду»), *он суы да юк, тоз суы да юк* (букв. «нет ни мучной, ни соленой воды»).

Одним из самых интересных с точки зрения этимологии является фразеологизм *су юлы күрсәтү* (букв. «показать дорогу к воде») или *су башы күрсәтү* (букв. «вести к источнику воды»). Данное устойчивое выражение восходит к древнему обычаю, согласно которому невесту вели к роднику, с которого ей предстояло носить воду. Показ воды проводился не только для испытания невесты и приобщения ее к своим обязанностям, но и одновременно с целью жертвоприношения духу воды и получения его благосклонности: прежде, чем набрать воды, невеста бросала в источник в дар богине воды крошки хлеба или монеты.

Специфические образные основы представлены также в таких татарских устойчивых сочетаниях как *су кебек белү (эчү)* ('знать назубок, как пять пальцев'), *су кыйммәтенә* 'за бесценно', где реализуются такие признаки внутренней формы компонента «вода», как объект повседневной жизни, обыденность, которая не имеет большой ценности. Это значение контрастирует

с образной основой в английских и испанских фразеологизмах, где вода символизирует высокую социальную значимость (ср. англ. *draw a lot of water*), либо отождествляется с большой ценностью, радостью и благодатью (*cómo agua de mayo*).

Можно также отметить тот факт, что в татарском языке имеется большее количество вариативных единиц, чем в других сопоставляемых языках, отличающихся либо по своему компонентному составу (напр., *суга сабын (сәнәк) белән язган*, «мылом (вилами) на воде писано»), либо по грамматической структуре (напр., *авызга су капкандай / су кабын йөрү*, «воды в рот набрал»).

Заключение

Семантический анализ символического значения компонента «вода» в составе ФЕ исследуемых языков позволил выявить следующие универсальные образные составляющие, которые характерны для сопоставляемых языков:

- 1) вода как жизненно необходимая среда обитания;
- 2) вода как источник силы и здоровья;
- 3) вода как символ очищения и поиска истины;
- 4) вода как таинственная магическая субстанция;
- 5) вода как стихия, источник опасности;
- 6) вода как бездна, неизвестность;
- 7) вода как символ течения времени и изменчивости.

Положительная символика компонента «вода» представлена во всех сопоставляемых языках, однако в количественном отношении во всех языках преобладают единицы с отрицательной коннотацией, за ними следуют нейтральные ФЕ, устойчивые выражения с положительной окраской стоят на третьей позиции. Исключение среди сопоставляемых языков составляет испанский язык, где количество ФЕ с нейтральной и положительной коннотацией равнозначно.

Количественный анализ ФЕ с компонентом «вода» позволил выявить в общей сложности 84 фразеосемантические группы, из них только 10 групп представлены во всех сопоставляемых языках, но именно данные общие тематические ряды являются наиболее многочисленными по количеству представленных в них ФЕ, поскольку именно в данных единицах находит отражение универсальная символика компонента «вода». Одновременно с этим более 50% фразеосемантических подгрупп относится к разряду уникальных, которые встречаются лишь в одном из сопоставляемых языков: среди таковых было выделено пять групп ФЕ в русском языке, по 9 групп ФЕ в немецком, английском и татарском языках, 11 групп ФЕ в испанском языке. Приведенная статистика свидетельствует о том, что в сопоставляемых языках имеется достаточно большое количество дифференциальных доминирующих сем во внутренней форме сопоставляемых фразеологизмов, обусловленных различиями в культурных традициях, исторических и климатических условиях развития носителей сопоставляемых языков.

Анализ семантических особенностей и количественных данных ФЕ с компонентом «вода» позволил прийти

к выводу, что наибольшее сходство обнаруживают русский и татарский языки, где ФЕ часто характеризуются сходным компонентным составом и сходной внутренней формой.

В то же время испанский язык лидирует по количеству уникальных фразеосемантических групп, не представленных в других сопоставляемых языках.

Список источников

1. Айчичек М. Репрезентация концепта вода во фразеологической картине мира. На материале русского, турецкого и английского языков : автореф. ... канд. филол. наук. Уфа, 2013. 22 с.
2. Хайруллина Д.Д. Фразеологические единицы с компонентом «вода» в английском, русском и татарском языках. // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 171–174.
3. Мохаммад-Заде Ш.Г. Фразеологические единицы с компонентом «вода» в русском языке и способы их перевода на персидский язык // Филологические науки в России и за рубежом: материалы II междунар. науч. конф. СПб. : Реноме, 2013. С. 97–99.
4. Эркинбаева А.К. К вопросу о семантике гидрокомпонента в составе русских и казахских фразеологизмов в аспекте семиотики культуры. Минск, 2016. С. 35–38.
5. Балонкина О.В. Лингвокультурная значимость имени первостихии вода в составе русских и английских фразеологизмов // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 5–14. doi: 10.17223/15617793/423/1
6. Marinov V., Todoranova A. Phrasemes with component “water” in the Bulgarian and in the Romanian language // Ezikov Svyat Orbis Linguarum. 2018. Vol. 17. P. 50–56.
7. Бирях А.К. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. М. : Фоллио-Пресс, 1998. 700 с.
8. Исанбет Н.С. Фразеологический словарь татарского языка : в 2 т. Казань : Татар. кн. изд-во, 1989. 495 с.
9. Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. СПб. : Виктория, 2009. 567 с.
10. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М. : Русский язык Медиа, 2006. 300 с.
11. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М. : Междунар. отношения, 2008. 653 с.
12. Сафиуллина Ф.С. Татарско-русский фразеологический словарь. Казань : Магариф, 2001. 338 с.
13. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. М. : АСТ-ПРЕСС, 2009. 456 с.
14. Тихонов А.Н. Фразеологический словарь современного русского литературного языка. М. : Флинта, 2012.
15. AGUA // Etimologías de Chile – Diccionario que explica el origen de las palabras. URL: <http://etimologias.dechile.net/?agua> (дата обращения: 20.10. 2023).
16. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 20.10.2023).
17. Collins Online Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 20.10.2023).
18. Das Wörterbuch der Idiome. URL: <https://idiome.de-academic.com> (дата обращения: 20.10.2023).
19. Faiella G. Spain: A Primary Source Cultural Guide. New York : PowerKids Press, 2003.
20. Jiménez B.A. Diccionario de dichos y frases hechas. Barcelona : Espasa, 2012.
21. Real Academia Española. URL: <https://www.rae.es>. (дата обращения: 20.10.2023).
22. Redewendungen, Redensarten und idiomatische Ausdrücke. Redensarten-Index. URL: <https://www.redensarten-index.de/> (дата обращения: 20.10.2023).
23. Wörterbuch der Redewendungen. URL: <http://www.phrasen.com/tag/wasser> (дата обращения: 20.10. 2023)
24. The Free Dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 20.10.2023).
25. Ковшова Л.М. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. 2008. № 67. С. 60–65.

References

1. Aychichek, M. (2013) *Reprezentatsiya kontsepta voda vo frazeologicheskoy kartine mira. Na materiale russkogo, turetskogo i angliyskogo yazykov* [Representation of the water concept in the phraseological picture of the world. Based on the Russian, Turkish and English languages]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa.
2. Khayrullina, D.D. (2011) *Frazeologicheskie edinitsey s komponentom “voda” v angliyskom, russkom i tatarskom yazykakh* [Phraseological units with the component “water” in the English, Russian and Tatar languages]. *Vestnik VGU. Ser. lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 1. pp. 171–174.
3. Mokhammad-Zade, Sh.G. (2013) [Phraseological units with the component “water” in the Russian language and methods of their translation into Persian]. *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom* [Philological Disciplines in Russia and Abroad]. Proceedings of the 2nd International Conference. Saint Petersburg. November 2013. Saint Petersburg: Renome. pp. 97–99. (In Russian).
4. Erkinbaeva, A.K. (2016) *K voprosu o semantike gidrokomponenta v sostave russkikh i kazakhskikh frazeologizmov v aspekte semiotiki kul'tury* [On the Semantics of the Hydrocomponent in Russian and Kazakh Phraseologisms in the Aspect of Cultural Semiotics]. Minsk: [s.n.]. pp. 35–38.
5. Balonkina, O.V. (2017) Linguocultural value of the element water as a component of Russian and English idioms. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 423. pp. 5–14. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/423/1
6. Marinov, V. & Todoranova, A. (2018) Phrasemes with component “water” in the Bulgarian and in the Romanian language. *Ezikov Svyat Orbis Linguarum*. 17. pp. 50–56.
7. Biriakh, A.K. (1998) *Slovar' russkoy frazeologii: Ist.-etimol. spravochnik* [Dictionary of Russian Phraseology: Historical and etiological handbook]. Moscow: Folio-Press.
8. Isanbet, N.S. (1989) *Frazeologicheskiy slovar' tatarskogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Tatar Language]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
9. Krylov, G.A. (2009) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Viktoria.
10. Kunin, A.V. (2006) *Bol'shoy anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Comprehensive English-Russian Phraseological Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk MEDIYA.
11. Pokhlebin, V.V. (2008) *Slovar' mezhdunarodnoy simboliki i emblematiki* [Dictionary of International Symbols and Emblems]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
12. Safiullina, F.S. (2001) *Tatarsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Tatar-Russian Phraseological Dictionary]. Kazan: Magarif.
13. Teliya, V.N. (2009) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Large Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: AST-PRESS.
14. Tikhonov, A.N. (2012) *Frazeologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Moscow: Flinta.
15. Etimologías de Chile – Diccionario que explica el origen de las palabras. (n.d.) *AGUA*. [Online] Available from: <http://etimologias.dechile.net/?agua> (Accessed: 20.10. 2023).
16. Cambridge Dictionary. (n.d.) [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/> (Accessed: 20.10.2023).

17. *Collins Online Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.collinsdictionary.com/> (Accessed: 20.10.2023).
18. *Das Wörterbuch der Idiome*. (n.d.) [Online] Available from: <https://idiome.de-academic.com> (Accessed: 20.10.2023).
19. Faiella, G. (2003) *Spain: A Primary Source Cultural Guide*. New York: PowerKids Press.
20. Jiménez, B.A. (2012) *Diccionario de dichos y frases hechas*. Barcelona: Espasa.
21. *Real Academia Española*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.rae.es> (Accessed: 20.10.2023).
22. *Redewendungen, Redensarten und idiomatische Ausdrücke. Redensarten-Index*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.redensarten-index.de/> (Accessed: 20.10.2023).
23. *Wörterbuch der Redewendungen*. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.phrasen.com/tag/wasser> (Accessed: 20.10.2023).
24. *The Free Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.thefreedictionary.com/> (Accessed: 20.10.2023).
25. Kovshova, L.M. (2008) Analiz frazeologizmov i kody kul'tury [Analysis of phraseological units and cultural codes]. *Izvestiya RAN*. 67. pp. 60–65.

Информация об авторах:

Сафина Р.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: Rimma.Safina@ksu.ru

Каюмова А.Р. – канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: alb1980@yandex.ru

Коноплева Н.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики преподавания иностранных языков Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: Natalya.Konopleva@ksu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

R.A. Safina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: Rimma.Safina@ksu.ru

A.R. Kayumova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: alb1980@yandex.ru

N.V. Konopleva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: Natalya.Konopleva@ksu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.12.2023;
одобрена после рецензирования 18.04.2024; принята к публикации 30.07.2024.*

*The article was submitted 27.12.2023;
approved after reviewing 18.04.2024; accepted for publication 30.07.2024.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 122/129
doi: 10.17223/15617793/504/7

Информационная концепция виртуальной реальности: определение места в современном философском знании

Елена Владимировна Грязнова¹

¹ Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, Нижний Новгород, Россия, egik37@yandex.ru

Аннотация. Проводится анализ существующих концептов виртуальной реальности, их актуальность в современном научном знании. Обосновывается возможность применения авторского подхода в понимании виртуальной реальности как информационного феномена, что дополняет и уточняет ее понимание и определение как категории философского знания.

Ключевые слова: виртуальная реальность, информационная реальность, виртуация, информация, виртуально-информационная реальность

Для цитирования: Грязнова Е.В. Информационная концепция виртуальной реальности: определение места в современном философском знании // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 71–79. doi: 10.17223/15617793/504/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/7

The information concept of virtual reality: Determining its place in modern philosophical knowledge

Elena V. Gryaznova¹

¹ Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, egik37@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is to substantiate the possibility of applying the information concept of virtual reality to study new phenomena of digital culture caused by the rapid development of high technologies. At the first stage of the research, the author conducted an analytical review of domestic and foreign publications on the relevance and results of testing various concepts of virtual reality. The second stage of the study was the comparative analysis and generalization of the results obtained. At the third stage, the possibility of applying the information concept of virtual reality as an addition to the existing concepts in philosophical knowledge in the research of virtual-information phenomena of modern digital culture based on the application of the information approach and the attributive concept of information was considered. In the course of the study, the author came to the conclusion that, for a holistic analysis of virtual information reality as a phenomenon of digital culture, the use of concepts that reveal only one of the aspects of this reality becomes clearly insufficient. Understanding virtual reality as an imaginary reality, generated, secondary, emergent, etc., into which a person's consciousness is immersed with the help of various practices and technologies, leads to distraction from the information nature of the person himself, culture and society. The development of the concept of virtual reality based on the information approach and the attributive concept of information allows defining it, first of all, as an information phenomenon that can exist outside of interaction. A person interacts with the world around him at the level of actualization of not only the material and energy component of the universe, but also necessarily the information one. It is in the information reality of various types that a person actively acts, working with information objects of different nature: abiotic, biotic, mental, technical, and social. According to the attribute concept, information is updated only in the process of interaction. Outside of interaction, it does not disappear and does not cease to exist, which means that it passes into a collapsed, encoded state, which is called potential or possible. According to the information concept of virtual reality, such a state is proposed to be called virtual, freeing the categories of "possibility" and "potentiality" for the energy and material components of the universe that exist outside of interaction. The information concept of virtual reality makes it possible to shift the emphasis on information interaction, which in the digital culture of modern society expands the boundaries of human consciousness as an information phenomenon that can use various material carriers, including the digital environment, for the implementation of information processes, which is becoming more realistic today, and is the subject of scientific and philosophical discussions.

Keywords: virtual reality, information reality, virtualization, information, virtual-information reality

For citation: Gryaznova, E.V. (2024) The information concept of virtual reality: Determining its place in modern philosophical knowledge. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 71–79. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/7

Введение

В современной философской литературе последних лет интерес к концепциям виртуальной реальности не ослабел. При этом сменились акценты и вводятся новые категории и понятия. Если на первых этапах исследования данного феномена предметом изучения были в основном онтологические, гносеологические и социологические смыслы, то сегодня все чаще философы пытаются осмыслить виртуальную реальность как бытие амбивалентной технологии. С одной стороны, с ее помощью усиливаются возможности человека, происходит построение культурного пространства, в котором он живет и развивается, а с другой – реализуются манипуляции сознанием, разрушается культурная идентичность, трансформируются родовые качества человека и т.д. [1–3].

Для поиска ответа на вопрос о том, какие и как именно концепции виртуальной реальности получили развитие, следует обратиться к существующим философским работам, посвященным разработкам концепций виртуальной реальности, определить идеи, лежащие в их основе, и выяснить работоспособность предлагаемых подходов в развитии современного научного и философского знания. Этот шаг даст возможность определить место в нем информационной концепции виртуальной реальности, разрабатываемой автором.

Обзор литературы

Первый момент, который стоит выделить в современных работах, – это тот факт, что исследователи онтологии виртуальной реальности чаще всего обращаются к виртуалистике как к научному подходу, в основе которого лежат концепции полионтологичности или множественности реальностей. Основная идея заключается в том, что виртуальная реальность может быть разной природы. Все феномены виртуальной реальности объединяет наличие ряда родовых качеств: «Виртуалистика рассматривает виртуальную реальность как особый тип взаимодействия – виртуального – между разнородными объектами (располагающимися на разных иерархических уровнях), а также специфические отношения между ними – порожденности, интерактивности, актуальности и автономности» [4. С. 10]. Наиболее ярким представителем в типологии виртуальной реальности оказывается психологическая виртуальная реальность. Именно ее свойства и стали атрибутами в виртуалистике для любого вида виртуальной реальности [5].

Философы, разрабатывая или обосновывая концепции виртуальной реальности, ищут единую основу во всех ее феноменах. Виртуалисты утверждают, что виртуальные частицы как представители абиотического мира, психологическая реальность человека и компьютерные виртуальные реальности как явление технической реальности имеют одинаковые родовые признаки, перечисленные в работах Н.А. Носова [6].

Современные последователи виртуалистики чаще всего делают акценты на интеграции двух видов вир-

туальной реальности – психологической и технической, и рассматривают новый феномен как психотехнический, изменивший современный мир. Так, например С.А. Либерман, делая попытки обосновать актуальность виртуалистики как современного философского подхода, делает вывод о том, что она заключается в методологии полионтичности, которая дает возможность исследовать современный двойственный мир естественной реальности и компьютерной виртуальной реальности, созданной человеком: «Виртуальный мир интернет-пространства, требующий от индивида самопрезентации, порождает его раздвоенность, зазор и, как следствие, противоречие между представленностью и наличностью» [7. С. 54].

Второй момент в исследованиях виртуальной реальности заключается в построении концепций на основе понятия виртуальности как потенции, скрытой силы, которое берет начало в трудах античных, средневековых философов, а в более современной науке отражено в работах А. Бергсона, Ж. Делеза и др., и развивается в публикациях зарубежных и отечественных авторов [8, 9].

Попытка обоснования единства родовых свойств у виртуальных объектов и субъектов в данном ключе отражена в работах С.С. Хоружего. В частности, он отмечает: «...“виртуальный фотон” в квантовой электродинамике – объект, наделенный всеми теми же характеристиками, что и реальный, “физический” фотон, однако не удовлетворяющий некоторым существенным условиям и ограничениям на эти характеристики: конкретно его энергия не обязательно является положительной, а его масса не обязательно является нулевой... На другом полюсе психологическая виртуальная реальность есть особого рода образ реальности, тем или другим путем формируемый в сознании: в отличие от обычных образов, продуктов сознания и воображения, он выступает как действительная среда определенной деятельности человека – иными словами, человек воспринимает себя как пребывающий в данной реальности и как таковой действует – так, что эта реальность обладает характеристиками обычной эмпирической реальности, однако, разумеется, лишена части ее основных предикатов» [10. С. 55]. Попытка найти единство столь разнородных феноменов, как виртуальные частицы и психика человека, приводит автора к пониманию виртуальной реальности как энергичного состояния «недоволатившегося» бытия. Здесь на передний план выступает полярность между реальностью, которую человек принял за таковую, и той действительностью, которая существует на самом деле. Конечно, даже самый строгий философский и научный категориальный аппарат не дает возможности описать и представить действительность максимально точно. И в этом случае подход С.С. Хоружего дополняет виртуалистику энергичной методологией, позволяющей описать явления и сущности, которые динамичны и лишь в некоторой степени адекватно отражаются человеческим сознанием, приближая его к истине [11].

Данную методологию автор применяет в своих более поздних антропологических исследованиях. Так,

С.С. Хоружий дает следующее определение виртуального человека: «Виртуальный Человек формирует свою конституцию в антропологических виртуальных практиках – практиках выхода в антропологическую виртуальную реальность. Сегодня основной вид таких практик – выходы в компьютерную реальность, такие, как обитание в киберпространствах, общение в социальных сетях, развитие “киберкультуры”, включающей в себя компьютерные виртуализации различных форм культурно-художественной деятельности, и т.п.» [12. С. 10].

В терминологии виртуалистики виртуальный человек – это состояние его на пути к постчеловеку. Речь идет о том, что современные технологии виртуальной реальности пока еще не позволяют человеческому разуму полностью перейти из действительности в виртуальную реальность. По мнению автора, человечество при дальнейшем технологическом развитии сможет достигнуть полной виртуализации, т.е. перестать возвращаться в действительность и перестать быть человеком как единичным представителем своего рода. Но здесь появляются вопросы. Если постчеловек – это предел виртуализации, как определяет С.С. Хоружий, то сам феномен виртуальности как постоянное движение на пути к оформленности, совершенству перестанет существовать. Данный вопрос требует ответов. На него пытаются ответить исследователи виртуальной реальности как основы виртуализации культуры и социума, т.е. как феномена социальной виртуальной реальности. В начале XXI в. популярными были теории социальной виртуальной реальности, авторами которых в нашей стране являются такие исследователи, как Д.В. Иванов, Д.В. Галкин и др. [13, 14].

В одной из последних работ Д.В. Иванов пишет о том, сегодня мы переживаем этап поствиртуализации, т.е. переход к новому виду реальности – дополненной: «Виртуализация – это замещение реальных объектов и реальных действий образами и коммуникациями» [15. С. 49]. Как можно видеть, автор вводит понятие виртуализации как работу с образами. Далее Д.В. Иванов отвечает на вопрос о судьбе виртуальной реальности в современном обществе следующим образом: «Одновременно возникает тенденция поствиртуализации: после виртуализации социальной реальности эта реальность не исчезает, как предполагали теоретики постсовременности, но становится более интенсивной и принимает формы, которые можно охарактеризовать как “дополненную современность”» [15. С. 44].

Идея виртуализации общества сохраняет актуальность и сегодня как феномен цифровой культуры. Авторы разрабатывают понятия виртуальных социальных сообществ, организаций, общения и других форм социальных отношений и институтов [16, 17]. Термин «виртуальная реальность» расширяется в современном научном знании за счет появления новых понятий, а точнее, в очередной раз через возвращение к категориям, разработанным в постмодернистской терминологии: симулякр, симулятивная реальность и т.п. [18–20].

Исследователи, так или иначе, обращаются к самой актуальной проблеме виртуальной реальности – воз-

действию ее на психику человека именно как технического феномена. В работах отражены многочисленные результаты исследований возникновения психических девиаций, поведенческих отклонений у современных людей, погруженных в мир искусственных реальностей [21–23].

Проведенный обзор литературы, посвященной развитию и применению существующих концепций виртуальной реальности, показал, что основным аспектом исследований виртуальной реальности сегодня стала сфера компьютерных технологий. Однако терминология и выбор той или иной концепции виртуальной реальности в работах не всегда отражены и обоснованы, что приводит к сложности разведения понятий психологической, социальной, антропологической и другой реальности с понятием самой виртуальной реальности. Существующие концепции виртуальной реальности работают в разных плоскостях научного знания, но необходима интеграция самых перспективных из них на основе информационного подхода.

Методология и методы исследования

Теоретическую основу определения места информационной концепции виртуальной реальности в системе современного философского знания определили отечественные и зарубежные научные публикации, посвященные разработкам подходов и концептов виртуальной реальности. При их изучении и систематизации использовались методы аналитического обзора, анализа, сравнения, обобщения. В построении информационной концепции виртуальной реальности автор опирался на атрибутивную концепцию информации, информационный подход, системный подход и метод диалектики.

Результаты исследования

Проведя обзор научной литературы по проблемам апробации современных концепций виртуальной реальности, мы увидели, что в целом сложилось две позиции. Согласно первой виртуальная реальность – это феномен, который имеет место во всех формах бытия и проявляется специфически на каждом уровне и видах бытия. Вторая позиция заключается в том, что виртуальная реальность – это технический феномен, оказывающий влияние на формы бытия человека и его жизненного мира. Рассмотрим возможность применения информационной концепции виртуальной реальности для уточнения и дополнения существующих теорий.

Для разъяснения основ построения информационной концепции виртуальной реальности обратимся к понятию универсума как системы. Универсум мы будем представлять как многоуровневую систему многомерных взаимоотношений универсума и человека [24]. Универсум – это единство и совокупность всех форм бытия. Человек в данной системе отношений представлен как единичный представитель человечества, как субстрат социальной системы во всей многомерности своей природы. Диалектическое единство человека и

универсума выражается во всех формах противоречивых отношений этих двух полярностей. Универсум имеет сложнейшую иерархическую структуру, выстраиваемую на основе трех основ мироздания: информации, энергии и вещества [25, 26]. Общепринятой считается трехуровневая система универсума, представленная тремя основными уровнями: абиотическим, биотическим и социальным. Для нашего исследования следует выделить в отдельные уровни такие составляющие, как психологический и технический, которые традиционно рассматриваются в составе социального. Выбор такой модели обусловлен теми аспектами исследования виртуальной реальности, которые стали наиболее актуальными сегодня в условиях развития цифровизации всех сфер общественной жизни, а следовательно, требуют особого внимания [27].

Нас в первую очередь будет интересовать информационная составляющая универсума. Ее изучение требует обращения к информационному подходу, который активно разрабатывается в трудах отечественных и зарубежных ученых [28, 29]. Данный подход позволяет исследовать формы бытия информационной реальности. Информационная реальность существует на основе информационного взаимодействия. Информация как основная составляющая информационной реальности сегодня оказывается в центре внимания всего комплекса научного знания [30, 31].

Понятие «информация» как основной концепт информационного подхода до сих пор не имеет однозначного толкования. В целом в научной литературе сложилось две основные ее концепции – атрибутивная и функциональная. С позиции атрибутивной концепции информация имеет место на всех уровнях универсума, а согласно функциональной исключение составляет неживая природа. Так, в работах А.Д. Урсула сформулировано определение информации в рамках атрибутивной концепции [32, 33]. Он выделяет два основных ее атрибута – отражение и разнообразие. Атрибутивная концепция информации строится на обосновании гипотезы о том, что информация имеет разную природу, образуя и различные информационные уровни универсума. Эта позиция на протяжении многих лет развивается и другими исследователями, которые опираются на работы известных зарубежных и отечественных ученых, разработавших фундаментальные основы теории информации и кибернетики, результаты исследований которых подтверждаются современным научным знанием. Например, К.К. Колин пишет: «Новые результаты в области изучения философии информации... показали, что все без исключения компоненты реальности обладают информационными свойствами, изучение которых необходимо как для решения практических задач, так и для формирования новой картины мира, в которой информационные компоненты являются принципиально важными» [34. С. 57–58].

Некоторые современные ученые критически относятся к атрибутивной концепции информации, считая, что приводимые доказательства существования информационного взаимодействия на абиотическом

уровне неубедительны: «Таким образом, существование информации в неживой природе продолжает оставаться недоказанным» [35. С. 253].

Сторонники атрибутивной концепции информации приходят к выводу о том, что «информация является выразителем меры материи и энергии в пространстве и времени. Взаимосвязь всех явлений в природе, являющаяся аксиомой, позволяет полагать связь между категориями MEMST объектов неживой природы и на уровне передачи и приема информации. Представляется, что информационное взаимодействие в неживой природе в будущем будет доказано и математически» [36. С. 148].

При построении информационной концепции виртуальной реальности мы берем за основу данные положения, позволяющие считать, что информация может быть абиотической, биотической и социальной. Изучение работ, посвященных разработке категории «информация», показало, что каждый вид информации обладает родовыми признаками, а также специфическими свойствами, позволяющими отличать один вид от другого.

Теория отраженного разнообразия (А.Д. Урсул) определяет такие свойства информации, как абсолютность и относительность. Относительность обозначает, что любой информационный объект актуализирует информацию только при взаимодействии. Абсолютность определяет информацию как свойство всех материально-энергетических сущностей. И.М. Гуревич раскрывает еще два основных свойства информации – статичность и динамичность: «На этот двойственный характер информации неоднократно указывал в своих работах и профессор Ю.И. Шемакин. Он подчеркивал, что основным носителем статической информации в природе является материя (вещество), которая выполняет функции запоминания информации и таким образом обеспечивает ее сохранение и трансляцию во времени. ...Что же касается динамической информации, то ее основным носителем является энергия (поле), которая и обеспечивает распространение информации в пространстве» [37. С. 196].

Концепция информации для физики неживой природы связана с развитием идеи виртуальности, которая берет начало в работах Аристотеля, Д. Скотта, Н. Кузанского, Гегеля и других мыслителей. В их работах категория «виртуальное» определялась в связке категорий потенциальное, актуальное, становление, возможное, снятие и др. Сегодня концепция виртуальных миров развивается не только физиками, но и философами. Одним из свойств виртуального объекта в физике считается отсутствие возможности его наблюдения, точнее, его фиксации вследствие сверхбыстрых скоростей смены состояний рождения/уничтожения. Появляются новые онтологические концепции в космологии, разрабатывающие различные гипотезы происхождения и бытия Вселенной, в которых состояния виртуальности, эмерджентности, мнимости не перестают быть актуальными и дискуссионными [38].

Интереснейший онтологический подход в объяснении существования объектов и субъектов в теории генезиса онтологии сознания и квантовой онтологии на

едином основании представлен субстанциально-информационной онтологией А.Н. Спасковым. В частности, он делает вывод о том, что «весь объективный физический мир или вся Вселенная, воздействующая на наши органы чувств, представляет собой объективную реальность, существующую независимо от нашего сознания. Но онтологическим основанием и субстанциальной причиной существования феноменального мира является интеллектуальная деятельность активных квантовых субъектов. Под интеллектуальной деятельностью понимается способность генерировать, передавать, воспринимать и перерабатывать информацию, и считаем, что такой способностью обладают в разной степени все без исключения элементы Вселенной» [38. С. 173].

Как организатор и участник дискуссий о проблемах квантовой механики на конференциях и страницах публикаций, А.Ю. Севальников отмечает, что, с его точки зрения, состояния квантовых объектов должно быть описано с помощью категорий «актуальное/потенциальное», где до наблюдения они образуют форму инобытия, т.е. существуют особым образом. При такой категориальной модели можно рассматривать вопрос о разделении понятий «информация» и «знание» в рамках пси-эпистемологического и пси-онтического подходов. Этот вопрос раскрывает В.Э. Терихович [39. С. 179].

Обсуждение

Таким образом, опираясь на работы атрибутивистов, можно сказать, что важнее, сущностное свойство информации есть ее способность актуализироваться только в результате взаимодействия, т.е. она и есть результат взаимодействия. Следует отметить, что актуальными становятся при этом и две другие составляющие универсума – энергия и вещество. Это значит, что вне взаимодействия каждая из них находится в ином состоянии. Если оставаться на позиции диалектики, то правильнее было бы говорить о способах состояния материи – вещественном, энергетическом и информационном. У каждого из этих трех оснований мироздания можно выделить два основных способа существования – во взаимодействии и вне взаимодействия. Обращаясь к позиции философии квантовой физики, можно говорить о том, что квантовые объекты существуют вне взаимодействия (с объектом или субъектом) виртуально (информация), потенциально (энергия) и как возможность (вещество). Интересующая нас информационно-виртуальная составляющая будет именно частью этого «бытия – инобытия». Современная наука имеет сегодня математический аппарат, позволяющий описать и количественный показатель информации абиотического, биотического и социального мира. Не вдаваясь в его подробности, можно сказать, что информационную емкость объектов неживой природы, которая в виде запаса информации, необходимой для осуществления переходов из ничто в нечто, из инобытия в бытие, логично обозначить как абиотический информационный виртуал. Аналогично можно использовать это понятие и для всех уровней универсума.

Атрибутивная концепция информации определяет закономерности отношений всех форм состояния материи. Взаимодействие может произойти только при наличии потенциала, т.е. запаса энергии. Потенция, потенциальность определяется, как свойство нечто обладать способностями для участия во взаимодействии и воздействия на другие нечто. Эта характеристика энергетического состояния материи и есть дееспособность по Аристотелю. В научной литературе для обозначения энергетического состояния материи вне взаимодействия используются и другие термины, например возможность (В. Гейзенберг) или виртуальность (С.С. Хоружий).

Понятие «возможность» применяется и к вещественному состоянию материи, и к информационному. Применительно к веществу оно более точно раскрывает спектр возможных воплощений вещества, приобретение им определенной формы и содержания. Переход от возможности к действительности свидетельствует о становлении нечто, которое не может произойти без участия двух других состояний (энергетического и информационного).

Употребление терминов «возможность» и «потенциальность» как синонимов стало достаточно традиционным. Исторически изучение вещества и энергии началось намного раньше, чем информации, что и определяет появление самой этой категории гораздо позднее. Вероятно, этим и объясняется применение понятий «возможность» и «потенциальность» для раскрытия состояния информации по аналогии с веществом и энергией. Например, Г.А. Негай пишет: «Следует различать две стороны информации: потенциальную и актуальную. Потенциальная информация – это разнообразие архитектурного объекта самого по себе, его структура, организация, сложность; отсюда другое ее название – структурная информация. Актуальная же информация, действительная, – это разнообразие, полученное человеком и отраженное его сознанием» [40. С. 141].

С нашей точки зрения, логично было бы выделить для описания состояния информации вне взаимодействия свой термин, которым и может служить производная от категории виртуальное. Действительно, если учесть, что информация проявляет себя только во взаимодействии, то вне его она существовать не перестает, не исчезает. Она существует, но виртуально. Информацию вне взаимодействия в свернутом, закодированном виде можно обозначить как виртуацию (неотраженное разнообразие).

Привязка каждого из трех близких по смыслу терминов (возможность, потенциальность, виртуальность) к соответствующему объекту (вещество, энергия, информация) позволяет выделить принципиальные отличия состояния этих объектов. Так, энергия обозначает потенцию силы, способности реализации нечто и ее результат. Вещество как носитель определяет возможность формирования нечто и также результат. Информация отвечает за наличие свойств, которыми должно обладать нечто и обладает ими при актуализации. Каждый элемент универсума принимает взаимосвязанные шесть состояний.

При всей простоте данной схемы, она позволяет теоретически представить единство трех составляю-

щих мироздания и способов их существования, описываемых с помощью общепринятых категорий в философии и физике.

Конечно, такое разделение очень условно и допустимо только для теоретического выделения и представления информационной составляющей и ее взаимосвязи с двумя другими в их неразрывном единстве.

В данной работе мы особое внимание уделили именно абиотической составляющей информационного взаимодействия в силу того, что она до сих пор является предметом научных дискуссий. Что касается биотического уровня универсума, т.е. живой природы, то понятие информационного взаимодействия здесь доказано и развивается достаточно активно [41, 42].

Согласно информационной концепции виртуальной реальности мы предлагаем обозначать способ существования биотической информации вне взаимодействия по аналогии с биотическим уровнем – виртуацией. Биологический информационный код в различных его формах представляет собой виртуальную реальность, которая разворачивается в реальность информационную в процессе взаимодействия в рамках жизнедеятельности организмов.

В ряде наших работ дается подробный анализ информационного взаимодействия на всех уровнях универсума и между ними [43–45]. На основе результатов исследования отечественных и зарубежных авторов мы приходим к выводам о том, что понятие виртуальной реальности употребляется не всегда однозначно при описании явлений психики, культуры и социума. Так, например, обозначая сновидения, измененные состояния сознания как виртуальную реальность, авторы не уточняют границы между ней и актуальными состояниями сознания. Однако если рассматривать само сознание как феномен идеального, который, в свою очередь, есть вид информации (Д.И. Дубровский), то и состояния самого сознания можно разделить на виртуальное и информационное. Информация, которая не используется при активной сознательной деятельности, может быть обозначена как виртуация, т.е. та информация, которая в данный момент не осознается человеком. Девиртуализация происходит не всегда осознанно, мы отслеживаем и фиксируем далеко не все информационные процессы собственного организма. Это и есть виртуально-информационная реальность биотического и психического уровней, между которыми существует взаимосвязь. Неразрывно взаимосвязанными являются виртуально-информационные процессы между всеми уровнями универсума. Человек как представитель социального уровня снимает в себе все виды виртуально-информационного взаимодействия. Он кодирует и декодирует информацию и как представитель абиотического, биотического, психического, технического и социального уровней осознанно и неосознанно. На каждом уровне свои законы существования информации в форме виртуальной реальности, которая переходит в реальность информационную в процессе взаимодействия.

Что касается компьютерной или шире – технической виртуальной реальности, то данное словосочетание изначально было выбрано как рекламный ход и не

совсем правильно отражает сущность программного обеспечения и технологий, работающих с определенным видом информации. Сегодня все чаще употребляются иные термины для обозначения феномена информационной реальности, создаваемой техническими устройствами: цифровая, электронная, дополненная, кибернетическая и подобные, которые не случайно, а вполне закономерно занимают свое место в научном знании.

Возьмем способ существования за основу построения диалектической тройки, где в качестве полярности информации будет выступать понятие «виртуация» как пассивная составляющая универсума, существующая в виде кода. Тогда введение понятия «виртуально-информационная реальность» даст возможность рассматривать его как единство виртуальной и информационной реальности на всех уровнях универсума, как диалектику двух способов существования информации – во взаимодействии и вне взаимодействия.

Заключение

Проведенное исследование показало, что информационная концепция виртуальной реальности позволяет уточнить и дополнить существующие подходы к определению виртуальности. Понимание виртуальной реальности только как не-до-бытия, или как состояний психики, как вида социальных отношений и др. приводит к неоднозначному пониманию ее смысла. Часто в публикациях при употреблении понятия виртуальной реальности как реальности, порожденной, вторичной, созданной и другой происходит отождествление ее с такими информационными феноменами как сознание, общественные отношения и институты, компьютерные программы и технологии и др. Если же обозначить в качестве виртуальной реальности способ существования информационной реальности вне взаимодействия, то на абиотическом уровне структурная информация как виртуал, как код, определяющий действие законов природы при взаимодействии, задает алгоритмы им следования объектов неживой природы. При этом виртуальная реальность образуется и информационными объектами, которые существуют особым способом. На биотическом уровне такие виртуалы можно обозначить как генетические коды и программы. На уровне психики можно говорить о виртуалах рефлексов, образов, инстинктов и других, которые при взаимодействии и декодировании становятся информативными для организма. При более высоких формах организации психического – это формы идеального на уровне подсознательного и бессознательного, способные переходить в информационное состояние в результате взаимодействия, т.е. деятельности сознания. Что касается технических форм виртуальной реальности, то правильнее было бы называть так все программное обеспечение, находящееся вне рабочего состояния, так как закодированная в нем информация существует, а не исчезает. Работая за компьютером, мы получаем различные виды информации и обрабатываем ее, участвуя в информационном взаимодействии. В свою очередь, социальные отношения – это тоже информационный феномен, который

становится доступным для человека только в процессе общения или деятельности, т.е. актуализации.

Однако вне целесообразной деятельности они как социальные коды существуют виртуально. Для декодирования социальной информации человек социализируется, осваивая их и получая доступ к социальному опыту и культурным феноменам. Обозначение социальных сообществ и отношений, возникающих в социальных сетях, виртуальными вне зависимости от их состояния не вполне правомерно. Правильнее было бы говорить о смене материального носителя социальных отношений. Если в реальной жизни носителями социальных отношений являются социальные формы материи, то в эпоху цифровой культуры они переносятся в информационную реальность, носитель которой есть цифровая техника, вполне материальный объект. Человек не перестает обрабатывать информацию, она только меняет форму представления, приближаясь с помощью развития технологий к своему прототипу – реальности, созданной природой.

Информационная концепция виртуальной реальности позволяет рассматривать единство разнородных явлений на основе информационно-виртуальной составляющей мироздания, что дополняет энергетические, физические, психологические, социальные, антропологические, трансцендентальные и другие подходы к ее определению. Изучение информационных взаимодействий и их взаимосвязи с виртуальным состоянием информации различного рода и вида позволит рассматривать диалектику существования информационных объектов, противоречивых отношений, полярных и переходных состояний информации-виртуации не только внутри определенного уровня развития материи, но и между ними. Особую актуальность разведение понятий «информация» и «виртуация», «информационная и виртуальная реальности» приобретает в свете дискуссий о возможности переноса человеческого сознания на иной материальный носитель [46].

Список источников

1. Опенков М.Ю., Варакин В.С. Виртуальная/дополненная реальности, гаптика и проблемы онтологии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 5. С. 114–127.
2. Сегал А.П., Савченко А.В. Виртуальная реальность – онтология, эпистемология, праксис. Постановка проблем // Искусственные общества. 2020. Т. 15, № 4. С. 14. doi: 10.18254/S207751800012841-4
3. Павлов-Пинус К.А. О формальном определении виртуальной онтологии // Гуманитарный вестник. 2019. № 3 (77). С. 7. doi: 10.18698/2306-8477-2019-3-605
4. Пронин М.А. Виртуалистика в Институте человека РАН. М.: Институт философии Российской академии наук, 2015. 179 с.
5. Наумов В.В., Сысоев К.М. Виртуалистика как часть современной философии // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2016. № 33. С. 63–68.
6. Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности. М., 1994. 195 с.
7. Либерман С.А. Виртуалистика. Историческая укорененность и методологические возможности // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 1. С. 50–54.
8. Массуми Б. Воображая виртуальное // Философский журнал. 2014. № 1 (12). С. 19–34.
9. Поликарпов В.С., Поликарпова В.А. Потенция и интенция человеческой природы и виртуальные технологии // Известия ТРТУ. 2002. № 1 (24). С. 270–272.
10. Хоружий С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 53–68.
11. Хоружий С.С. Заметки об онтических конституциях // Фонарь Диогена: человек в многообразии практик. 2015. Т. 1, № 1. С. 17–42.
12. Хоружий С.С., Фишман Л.Г., Комлева Н.А. и др. Постчеловек и постчеловечество: будущее цивилизации или ее конец? (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 3. С. 1–75.
13. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2002. 224 с.
14. Галкин Д.В. Человек в виртуальном бункере: критическая теория виртуальной культуры А. Крокера // Открытое и дистанционное образование. 2003. № 4 (12). С. 100–104.
15. Иванов Д.В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55.
16. Желнина Е.В., Медведева М.А. Особенности виртуального общения в обществе риска // Карельский научный журнал. 2020. Т. 9, № 3 (32). С. 97–104.
17. Gumerova G.I., Shaimieva E.Sh. Virtual organisation of the digital economy as an object of the study of management theory // Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration. 2018. Т. 7, № 1 (22). Р. 108–110.
18. Кафтан В.В., Рязанова Л.В. Концепции виртуальной и симулятивной реальности в условиях цифровой трансформации // Власть. 2019. Т. 27, № 3. С. 53–56.
19. Еремина К.М. Виртуальный мир, как симулякр: виды виртуальных миров с технологической и психологической точки зрения // E-Scio. 2019. № 1 (38). С. 697–701.
20. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. Т. 27, № 3 (118). С. 1–34.
21. Spiegel J. The Ethics of Virtual Reality Technology: Social Hazards and Public Policy Recommendations // Science and Engineering Ethics. 2018. № 24 (5). Р. 1537–1550.
22. Silcox M. The Transition Into Virtual Reality // Disputatio 2019. Vol. 11 (55). Р. 437–451.
23. Семенова Л.Э., Семенова В.Э., Карпушкина Н.В., Конева И.А. Возрастная специфика восприятия фаббинга // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12, № 1 (46). doi: 10.26795/2307-1281-2024-12-1-8
24. Грязнова Е.В. О взаимосвязях образования, общества и природы в работах А.Д. Урсула (1936–2020) // Биосфера. 2023. Т. 15, № 4. С. 368–373. doi: 10.24855/biosfera.v15i4.867371
25. Уайтхед А.Н. Процесс и реальность. Часть I. Глава II. Категориальная схема // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 168–179.
26. Яковлев В.А. Метафизика бытия информации // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 117–125. doi: 10.21146/0042-8744-2021-2-117-125
27. Грязнова Е.В. Субстратный подход в исследовании цифровой культуры // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 68–75. doi: 10.17223/15617793/464/8
28. Kroon F. The Philosophy of Information by Luciano Floridi // Journal of Applied Philosophy. 2012. Vol. 29 (1). Р. 86–88.
29. Лекторский В.А. Комментарий к статье Л. Гараи «Дополнительность теории информации и теории идентичности в науках о человеке» // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 124–127. doi: 10.31857/S004287440005062-3
30. Лекторский В.А., Пружинин Б.И., Бодякин В.И. и др. Информационный подход в междисциплинарной перспективе (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 84–112.

31. Moreva A.N., Skitnevskaya L.V. Research of the features and relationship of internal motivation and psychological well-being of young people who are passionate about programming // *Revista Conrado*. 2023. Vol. 19, № 90. P. 348–354.
32. Ursul A.D. The Information Nature of Culture // *Scientific and Technical Information Processing*. 2018. Vol. 45, № 2. P. 100–105. doi: 10.3103/S0147688218020107
33. Ursul A.D. Information nature of evolution and development of the world: conceptual hypothesis // *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*. 2019. T. 53, № 1.
34. Колин К.К. Наука для будущего: Цифровая реальность, философия информации и новое мировоззрение // *Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности*. 2019. № 1 (2). С. 51–63. doi: 10.20948/future-2019-5
35. Плешкевич Е.А. Существует ли информация в неживой природе? // *Знание. Понимание. Умение*. 2017. № 1. С. 253–258. doi: 10.17805/zpu.2017.1.21
36. Сейфуль-Мулюков Р.Б. Информация и информационные процессы в системах живой и неживой природы // *Системы и средства информатики*. 2006. Т. 16, № 3. С. 140–156.
37. Гуревич И.М. О необходимости и возможности единого определения информации // *Системы и средства информатики*. 2011. Т. 21, № 2. С. 194–210.
38. Эрекаев В.Д. Философия и физика: современный этап на пути к единству // *Метафизика*. 2016. № 2 (20). С. 64–93.
39. Севальников А.Ю. Обзор докладов круглого стола «Фундаментальные проблемы современной квантовой механики» // *Вox. Философский журнал*. 2019. № 26. С. 154–186. doi: 10.24411/2077-6608-2019-00010
40. Негай Г.А. Архитектурная среда и зрительная информация // *Вестник гражданских инженеров*. 2013. № 6 (41). С. 138–144.
41. Slijepcevic P. Principles of Information Processing and Natural Learning in Biological Systems // *Journal for General Philosophy of Science*. 2019. Vol. 52, Is. 2. P. 227–245.
42. Pharoah M. Causation and Information: Where Is Biological Meaning to Be Found? // *Biosemitotics*. 2020. Vol. 13 (3). P. 309–326.
43. Грязнова Е.В., Урсул А.Д. Информация и виртуальная реальность: концептуальные основания проблемы. Н. Новгород : ННГАСУ, 2012. 159 с.
44. Gryaznova E.V., Lanskaya I.A., Kozlova T.A. Virtual reality as a category of psychology within the information concept // *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*. 2020. Vol. 44 (2). P. 308–316. doi: 10.32744/pse.2020.2.24
45. Gryaznova E.V., Treushnikov I.A., Goncharuk A.G. The role of information culture in the formation of a cultural ideal // *Prospects for science and education*. 2020. № 1 (43). P. 379–388.
46. Грязнова Е.В. Информационная социализация личности // *Социология власти*. 2010. № 1. С. 18–25.

References

1. Openkov, M.Yu. & Varakin, V.S. (2020) Virtual'naya/dopolnennaya real'nosti, gaptika i problemy ontologii [Virtual/augmented reality, haptics and problems of ontology]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 5. pp. 114–127.
2. Segal, A.P. & Savchenko, A.V. (2020) Virtual'naya real'nost' – ontologiya, epistemologiya, praksis. Postanovka problem [Virtual reality – ontology, epistemology, praxis. Setting the problems]. *Iskusstvennyye obshchestva*. 4 (15). P. 14. doi: 10.18254/S207751800012841-4
3. Pavlov-Pinus, K.A. (2019) O formal'nom opredelenii virtual'noy ontologii [On the formal definition of virtual ontology]. *Gumanitarnyy vestnik*. 3 (77). P. 7. doi: 10.18698/2306-8477-2019-3-605
4. Pronin, M.A. (2015) *Virtualistika v Institute cheloveka RAN* [Virtualistics at the Institute of Man of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
5. Naumov, V.V. & Sysuev, K.M. (2016) Virtualistika kak chast' sovremennoy filosofii [Virtualistics as a part of modern philosophy]. *Intellektual'nyy potentsial XXI veka: stupeni poznaniya*. 33. pp. 63–68.
6. Nosov, N.A. (1994) *Psikhologicheskie virtual'nye real'nosti* [Psychological Virtual Realities]. Moscow: Institute of Man RAS.
7. Liberman, S.A. (2018) Virtualistika. Istoricheskaya ukorenennost' i metodologicheskie vozmozhnosti [Virtualistics. Historical rootedness and methodological possibilities]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 50–54.
8. Masumi, B. (2014) Vooobrazhayaya virtual'noe [Imagining the Virtual]. *Filosofskiy zhurnal*. 1 (12). pp. 19–34.
9. Polikarpov, V.S. & Polikarpova, V.A. (2002) Potentsiya i intentsiya chelovecheskoy prirody i virtual'nye tekhnologii [Potency and intention of human nature and virtual technologies]. *Izvestiya TRTU*. 1 (24). pp. 270–272.
10. Khoruzhiy, S.S. (1997) Rod ili nedorod? Zametki k ontologii virtual'nosti [Crop failure or famine? Notes on the ontology of virtuality]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 53–68.
11. Khoruzhiy, S.S. (2015) Zametki ob onticheskikh konstitutsiyakh [Notes on ontic constitutions]. *Fonar' Diogena: chelovek v mnogoobrazii praktik*. 1 (1). pp. 17–42.
12. Khoruzhiy, S.S. et al. (2016) Postchelovek i postchelovechestvo: budushchee tsivilizatsii ili ee konets? (kruglyy stol) [Posthuman and posthumanity: the future of civilization or its end? (round table)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta*. 3. pp. 1–75.
13. Ivanov, D.V. (2002) *Virtualizatsiya obshchestva. Versiya 2.0* [Virtualization of Society. Version 2.0]. Saint Petersburg: Tsentr “Peterburgskoe vostokovedenie”.
14. Galkin, D.V. (2003) Chelovek v virtual'nom bunkere: kriticheskaya teoriya virtual'noy kul'tury A. Krokera [Man in a virtual bunker: Arthur Kroker's critical theory of virtual culture]. *Otkrytoe i distantsionnoe obrazovanie*. 4 (12). pp. 100–104.
15. Ivanov, D.V. (2020) Dopolnennaya sovremennost': efekty postglobalizatsii i postvirtualizatsii [Augmented modernity: effects of postglobalization and post-virtualization]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 5. pp. 44–55.
16. Zhelnina, E.V. & Medvedeva, M.A. (2020) Osobennosti virtual'nogo obshcheniya v obshchestve riska [Features of Virtual Communication in a Risk Society]. *Karel'skiy nauchnyy zhurnal*. 3–9 (32). pp. 97–104.
17. Gumerova, G.I. & Shaimieva, E.Sh. (2018) Virtual organisation of the digital economy as an object of the study of management theory. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 1–7 (22). pp. 108–110.
18. Kaftan, V.V. & Ryazanova, L.V. (2019) Kontseptsii virtual'noy i simulativnoy real'nosti v usloviyakh tsifrovoy transformatsii [Concepts of virtual and simulated reality in the context of digital transformation]. *Vlast'*. 3 (27). pp. 53–56.
19. Eremina, K.M. (2019) Virtual'nyy mir, kak simuliyak: vidy virtual'nykh mirov s tekhnologicheskoy i psikhologicheskoy tochkoy zreniya [The virtual world as a simulacrum: types of virtual worlds from a technological and psychological point of view]. *E-Scio*. 11 (38). pp. 697–701.
20. Harman, G. (2017) Seti i assamblyazhi: vozrozhdenie veshchey u Latoura i Delanda [Networks and assemblages: the revival of things in Latour and DeLanda]. Translated from English. *Logos*. 3–27 (118). pp. 1–34.
21. Spiegel, J. (2018) The ethics of virtual reality technology: social hazards and public policy recommendations. *Science and Engineering Ethics*. 24 (5). pp. 1537–1550.
22. Silcox, M. (2019) The transition into virtual reality. *Disputatio*. 11 (55). pp. 437–451.
23. Semenova, L.E. et al. (2024) Vozrastnaya spetsifika vospriyatiya fabbinga [Age specificity of phubbing perception]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 1–12 (46). doi: 10.26795/2307-1281-2024-12-1-8

24. Gryaznova, E.V. (2023) O vzaimosvyazyakh obrazovaniya, obshchestva i prirody v rabotakh A.D. Ursula (1936–2020) [On the relationships between education, society, and nature in the works of Arkady Ursul (1936–2020)]. *Biosfera*. 4 (15). pp. 368–373. doi: 10.24855/biosfera.v15i4.867371
25. Whitehead, A.N. (2017) Protsess i real'nost'. Chast' I. Glava II. Kategorial'naya skhema [Process and Reality. Part 1. Chapter 2. Categorical Scheme]. Translated from English. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 168–179.
26. Yakovlev, V.A. (2021) Metafizika bytiya informatsii [Metaphysics of the being of information]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 117–125. doi: 10.21146/0042-8744-2021-2-117-125
27. Gryaznova, E.V. (2021) A substrate approach in the study of digital culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 464. pp. 68–75. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/464/8
28. Kroon, F. (2012) The philosophy of information by Luciano Floridi. *Journal of Applied Philosophy*. 29 (1). pp. 86–88.
29. Lektorskiy, V.A. (2019) Kommentariy k stat'e L. Garai "Dopolnitel'nost' teorii informatsii i teorii identichnosti v naukakh o cheloveke" [Commentary on László Garai's Article Complementarity of Information Theory and Identity Theory in the Human Sciences]. *Voprosy filosofii*. 5. pp. 124–127. doi: 10.31857/S004287440005062-3
30. Lektorskiy, V.A. et al. (2010) Informatsionnyy podkhod v mezhdistsiplinarnoy perspektive (materialy "kruglogo stola") [Information approach in an interdisciplinary perspective (proceedings of the round table)]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 84–112.
31. Moreva, A.N. & Skitnevskaya, L.V. (2023) Research of the features and relationship of internal motivation and psychological well-being of young people who are passionate about programming. *Revista Conrado*. 90–19. pp. 348–354.
32. Ursul, A.D. (2018) The information nature of culture. *Scientific and Technical Information Processing*. 2 (45). pp. 100–105. doi: 10.3103/S0147688218020107
33. Ursul, A.D. (2019) Information nature of evolution and development of the world: conceptual hypothesis. *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*. 1 (53).
34. Kolin, K.K. (2019) Nauka dlya budushchego: Tsifrovaya real'nost', filosofiya informatsii i novoe mirovozzrenie [Science for the future: digital reality, philosophy of information, and a new worldview]. *Proektirovanie budushchego. Problemy tsifrovoy real'nosti*. 1 (2). pp. 51–63. doi: 10.20948/future-2019-5
35. Pleshkevich, E.A. (2017) Sushchestvuet li informatsiya v nezhyvoy prirode? [Does information exist in inanimate nature?]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 1. pp. 253–258. doi: 10.17805/zpu.2017.1.21
36. Seyful'-Mulyukov, R.B. (2006) Informatsiya i informatsionnye protsessy v sistemakh zhivoy i nezhyvoy prirody [Information and information processes in living and inanimate nature systems]. *Sistemy i sredstva informatiki*. 3 (16). pp. 140–156.
37. Gurevich, I.M. (2011) O neobkhodimosti i vozmozhnosti edinogo opredeleniya informatsii [On the necessity and possibility of a single definition of information]. *Sistemy i sredstva informatiki*. 2 (21). pp. 194–210.
38. Erekaev, V.D. (2016) Filosofiya i fizika: sovremennyy etap na puti k edinstvu [Philosophy and physics: the current stage on the way to unity]. *Metafizika*. 2 (20). pp. 64–93.
39. Seval'nikov, A.Yu. (2019) Obzor dokladov kruglogo stola "Fundamental'nye problemy sovremennoy kvantovoy mekhaniki" [Review of the reports of the Fundamental Problems of Modern Quantum Mechanics round table]. *Vox. Filosofskiy zhurnal*. 26. pp. 154–186. doi: 10.24411/2077-6608-2019-00010
40. Negay, G.A. (2013) Arkhitekturnaya sreda i zritel'naya informatsiya [Architectural environment and visual information]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov*. 6 (41). pp. 138–144.
41. Slijepcevic, P. (2019) Principles of information processing and natural learning in biological systems. *Journal for General Philosophy of Science*. 2 (52). pp. 227–245.
42. Pharoah, M. (2020) Causation and information: where is biological meaning to be found? *Biosemitotics*. 13 (3). pp. 309–326.
43. Gryaznova, E.V. & Ursul, A.D. (2012) *Informatsiya i virtual'naya real'nost': kontseptual'nye osnovaniya problemy* [Information and Virtual Reality: Conceptual foundations of the problem]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering.
44. Gryaznova, E.V., Lanskaya, I.A. & Kozlova, T.A. (2020) Virtual reality as a category of psychology within the information concept. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*. 44 (2). pp. 308–316. doi: 10.32744/pse.2020.2.24
45. Gryaznova, E.V., Treushnikov, I.A. & Goncharuk, A.G. (2020) The role of information culture in the formation of a cultural ideal. *Prospects for Science and Education*. 1 (43). pp. 379–388.
46. Gryaznova, E.V. (2010) Informatsionnaya sotsializatsiya lichnosti [Information socialization of the individual]. *Sotsiologiya vlasti*. 1. pp. 18–25.

Информация об авторе:

Грязнова Е.В. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и теологии Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Нижний Новгород, Россия). E-mail: egik37@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-3093-2602

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Gryaznova, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: egik37@yandex.ru. ORCID: 0000-0003-3093-2602

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.08.2021;
одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 30.07.2024.

The article was submitted 11.08.2021;
approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 30.07.2024.

Научная статья
УДК 930:01, 930:02
doi: 10.17223/15617793/504/8

Имперская мифосимволика в современном политическом дискурсе постколониальных и посткоммунистических обществ

Андрей Александрович Линченко^{1, 2}, Роман Юрьевич Батищев³

¹ Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия

² Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Липецк, Россия

³ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

^{1, 2} AALinchenko@fa.ru

³ romanbatishhev@rambler.ru

Аннотация. Раскрываются особенности трансформации политических функций имперской мифосимволики в современном политическом дискурсе на примере постколониальных и посткоммунистических обществ. Проанализированы содержательный (чувство единства, образы героев и героического, образы империи и ее прошлого, актуализация имперских традиций) и формальный (язык, визуальное искусство, физическое пространство и окружение, ритуал) аспекты актуализации мифоимперской символики.

Ключевые слова: имперский миф, мифосимволика, политический миф, посткоммунизм, постколониализм, политический дискурс, символическая политика

Источник финансирования: Проект FZRW-2023-0005 реализован в ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет» по итогам отбора исследовательских проектов в сфере общественно-политических наук, проведенного ЭИСИ, Министерством высшего образования и науки Российской Федерации и Российской академией наук.

Для цитирования: Линченко А.А., Батищев Р.Ю. Имперская мифосимволика в современном политическом дискурсе постколониальных и посткоммунистических обществ // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 80–91. doi: 10.17223/15617793/504/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/8

Imperial mythological symbolism in modern political discourse of postcolonial and post-communist societies

Andrey A. Linchenko^{1, 2}, Roman Yu. Batishchev³

¹ Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation

² Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk, Russian Federation)

³ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

^{1, 2} AALinchenko@fa.ru

³ romanbatishhev@rambler.ru

Abstract. This article reveals the transformation of the political functions of imperial mythological symbols in modern political discourse using the example of postcolonial and post-communist societies. Based on the methodology of P. Bourdieu and O. Malinov, the symbols of imperial mythology were interpreted as elements of symbolic politics associated with the sociocultural conditions of its implementation. The study showed that, in modern postcolonial and post-communist societies, the imperial myth demonstrates the dominance of fragmentation processes, the convergence of its elements with other mythologies, and also depends on the strategies of actors constructing and exploiting the images of imperial mythology and its symbols within the framework of current political tasks. In this article the UK and Russia were chosen as particular examples of postcolonial and post-communist societies. The comparative analysis of the appeal to imperial mythological symbols was carried out on the basis of the methodological approach of G. Gill. In the context of his ideas, the semantic (sense of unity, images of heroes and the heroic, images of the empire and its past, actualization of imperial traditions) and formal (language, visual art, physical space and environment, ritual) aspects of the comparative analysis were highlighted. The study of the British and Russian cases showed differences that were associated with the very configuration of the actors and their strategies for using myth-imperial symbols. In the case of the UK, these actors are the Royal family, museums, and the British Armed Forces. It was revealed that the images and symbols of the British Empire turned out to be one of the auxiliary tools of political criticism in discussions between supporters and opponents of the topic of Brexit, as well as interaction with the Commonwealth states. The key function of using myth-imperial symbols in the case of postcolonial society in the UK turned out to be the function of ensuring identity politics. The images of the British Empire were used as a negative historical example for determining

new vectors of domestic and foreign policy, as well as for the development of the self-awareness of social groups. In the case of the Russian Federation, the most significant actors turned out to be the Russian Orthodox Church, the armed forces, as well as public organizations (Russian Military Historical Society, Russian Historical Society). In their case, imperial mythology and its symbols were used to a greater extent to demonstrate the continuity of Russian historical experience within the function of identity politics, as well as an instrument of creating public solidarity.

Keywords: imperial myth, mythological symbolism, political myth, post-communism, postcolonialism, political discourse, symbolic politics

Financial support: The study was conducted within the project FZRW-2023-0005 at Lipetsk State Technical University.

For citation: Linchenko, A.A. & Batishchev, R.Yu. (2024) Imperial mythological symbolism in modern political discourse of postcolonial and post-communist societies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 80–91. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/8

В современной политической философии продолжается уточнение теоретического языка описания политической жизни общества, где все большее значение наряду с традиционным исследованием сущности власти, политических аспектов взаимоотношения человека и общества, политических ценностей и идеалов приобретает изучение политического дискурса, выходящего за пределы идеологической проблематики и указывающего на важную роль коммуникации между участниками политического поля. Вместе с тем современные определения политического дискурса демонстрируют вполне обозначившийся тренд в сторону расширительной трактовки данного понятия, когда политический дискурс относится не только к коммуникативным процессам, но и указывает на «процессы порождения и восприятия текстов и экстралингвистические факторы, влияющие на их порождение и восприятие» [1. С. 23]. Хорошим примером подобной расширительной трактовки политического дискурса являются работы Е.И. Шейгал и Н.Н. Равочкина. В частности, для Е.И. Шейгал характерно рассмотрение политического дискурса как особого семиотического пространства и разновидности институционального дискурса. По ее мысли, политический дискурс есть «знаковое образование, имеющее два измерения – реальное и виртуальное, при этом в реальном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» [2. С. 30]. С особенностями функционирования политического языка связывает политический дискурс Н.Н. Равочкин, который определяет политический дискурс как «языковую составляющую политической практики, зависящую и разворачивающуюся от контекста ситуации» [3. С. 162]. Подобное расширительное толкование политического дискурса актуализирует в том числе и исследование места и роли социальной мифологии в процессе функционирования политического языка и коммуникации. Одной из форм социальной мифологии, в последние годы привлекающей все большее внимание ученых и общественных деятелей, является имперский миф и его символическая составляющая.

Показательно, что обращение к историческим аспектам имперской государственности оказывается характерным для различных политических сил в разных странах мира, намечая тем самым интересное поле

сравнительных исследований попыток реактуализации отдельных элементов имперской мифологии сегодня. Вместе с тем теоретический анализ политических функций имперского мифа и его символов вряд ли будет возможен без обращения к специфике различных обществ, где одними из наиболее заметных социальных явлений последних десятилетий являются постколониализм и формирование посткоммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы. В этой связи целью данной статьи является изучение особенностей реактуализации мифоимперской символики в современном политическом дискурсе постколониальных и посткоммунистических обществ на примере Великобритании и России. Как образцы постколониального и посткоммунистического обществ Великобритания и Россия как нельзя лучше подходят для нашего сравнительного анализа. Обе страны победили во Второй мировой войне, обе страны пережили во второй половине XX в. крупные геополитические трансформации, связанные с распадом Британской империи и формированием Британского Содружества Наций, а также распадом СССР, обе страны по-прежнему находятся в поисках вектора своей идентичности.

Со времен немецких романтиков принято трактовать миф не только и не столько как вымысел, но и, во-первых, как особую форму архаического мировоззрения и, во-вторых, как особое восприятие окружающего мира в контексте личностных переживаний и ожиданий на базе имеющегося опыта. Второе значение указывает на непреходящее значение мифологии, которая трансформируется вместе с самим обществом, выступая одной из важнейших основ картины мира в каждую эпоху. По мысли А.В. Гулыги, миф – это доформально-логическое мышление, которое отличается слиянием реального и идеального (сакрального), бессознательным характером, синкретизмом и императивностью [4. С. 215]. Миф, несмотря на процессы рационализации сознания в эпоху Нового времени, продолжает существовать сегодня в форме отдельных элементов мифотворчества и мифологизации в контексте различных видов социальных мифологий (научной, политической, религиозной, этнической и др.) [5. С. 222–223]. Общепринятой является трактовка социальной мифологии как формы общественного сознания, системы чувственно-наглядных образов и стереотипов поведения, воплощенной в мифах и мифологическом сознании.

Мифологическое сознание определяется как «специфическое отражение окружающего мира посредством объективированных в мифе мыслительных и

знаковых форм <...> миф и мифологическое сознание являются взаимосвязанными, но не тождественными явлениями. Миф как нечто объективно существующее, влияет на формирование мифологического сознания, но, вместе с тем, мифологическое сознание участвует в создании мифов» [6. С. 67–68]. В.Н. Сыров, выделяя сущностные черты современного мифа, указывает на его нарративность, архетипичность, символичность, ритуальность: «...насколько те или иные сущности приобретают нарративный облик, тяготеют к формулировке архетипов, наполняются символическим значением и воплощаются в ритуалы, настолько они и мифологизируются. Тогда мифологическое сознание будет таким сознанием, которое способно воспринимать окружающий мир и действовать в нем только сквозь призму вышеописанных черт» [7. С. 74]. Механизм развертывания современного мифа был хорошо описан в работе Р. Барта «Мифологии», которая до сих пор остается методологическим ориентиром для отечественных и зарубежных исследователей. Как известно, в своей книге Р. Барт отмечал, что «миф представляет собой коммуникативную систему, некоторое сообщение. Отсюда явствует, что это не может быть ни вещь, ни понятие или идея: это форма, способ обозначения <...> миф ничего не скрывает и ничего не демонстрирует – он деформирует; его тактика – не правда и не ложь, а отклонение» [8. С. 289]. Более того, для Ролана Барта миф – это вторичная семиотическая система, которая может быть описана как и первичная система языка через понятия означаемого, означающего и знака. Однако то, что в первичной системе было знаком (итог ассоциации понятия и образа), во вторичной системе оказывается всего лишь означающим.

Политические функции мифов и их роль в символической политике уже неоднократно привлекали внимание российских исследователей, что нашло отражение в серии сборников под редакцией О.Ю. Малиновой [9–11]. Отталкиваясь от теоретических работ П. Бурдьё, Ю.М. Лотмана, М. Эдельмана, К. Боттичи, профессор О.Ю. Малинова предлагает понимать под политическим мифом «убеждение/нарратив, который разделяется социальной группой, воспринимается ею как констатация “естественного порядка вещей”» [11. С. 13], а также указывает на целый ряд политических функций социальной мифологии в современном обществе: коммуникативная функция, когнитивная функция, миф как компонент политики идентичности, миф как источник легитимации власти и оправдания ее действий, миф как средство солидарности и инструмент консолидации, миф как «лекарство» в период кризисов. В нашей работе мы будем ориентироваться на данную классификацию политических функций мифов, которая позволит нам провести сравнительный анализ в контексте специфики постколониальных и посткоммунистических обществ.

Несмотря на то что в современных исследованиях продолжают дискуссии о месте и роли символического в общественной жизни, а также существуют диаметрально противоположные подходы к интерпретации онтологических аспектов существования и конструирования символов [10], в нашей работе мы будем

отталкиваться от теоретического подхода П. Бурдьё, который в своих работах развивал отличное от постмодернистской интерпретации понимание символа и символического. Принципиально важным является тезис П. Бурдьё о том, что «нет такого социального порядка, который не стремился бы производить символическое действие, ориентированное на свое продолжение, посредством реального наделяния агентов диспозициями, а через них – практиками и свойствами, предписываемыми принципами разделения» [12. С. 285]. Как известно, его интерпретация символической власти указывала на роль легитимации как сущности отношения господства, которое в первую очередь достигается в рамках символической борьбы и продвижении присущей соответствующей социальной группе картины мира: «...символическая власть как власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир, а значит, сам мир – это власть квазиманическая, которая благодаря эффекту мобилизации позволяет получить эквивалент того, что достигается силой (физической или экономической), но лишь при условии, что эта власть признана, то есть не воспринимается как произвол» [13. С. 95].

Принцип двойного структурирования социальной действительности П. Бурдьё позволяет найти средний путь между постмодернистской интерпретацией символов как социальных конструкторов, по сути замещающих реальность, и «онтологическим» подходом к ним, указывающим на символы как важнейший элемент реальной политики, связанный с социокультурными условиями ее реализации. Так, анализируя особенности функционирования символической власти в аспекте идеологии, он отмечал, что «структура и наиболее специфические функции идеологий связаны с социальными условиями их производства и циркуляции <...> идеологии всегда детерминированы дважды <...> своими характеристиками они обязаны не только выражаемым ими интересам классов или их фракций (функция социодидеи), но также специфическим интересам тех, кто их производит, и специфической логике поля производства (повсеместно преобразованной в идеологию “творчества” и “творца”» [13. С. 93–94]. Подобные трактовки символического созвучны исследованиям современных российских коллег, которые интерпретируют политический символ как «развернутый по содержанию знак, который вызывает сильные эмоциональные ассоциации и используется политическими субъектами при осуществлении, изменении или удержании власти в качестве медиатора – особого посредника между человеком и группой людей, социально-политической реальностью» [14. С. 22], а символическую политику – как часть реальной политики, связанную с «производством и продвижением/навязыванием определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [15. С. 63].

В нашей статье под имперской мифологией мы будем понимать форму политической мифологии, представляющую собой совокупность убеждений/нарративов, разделяемых социальной группой, и ориентированных на восприятие имперской государственности

как наиболее привлекательной формы политической организации общества. Следует согласиться с Н.С. Шкурко, которая в своих исследованиях показывает многоуровневый характер имперского мифа, связанного с такими явлениями, как имперская идеология, имперская идея, имперское сознание, специфическое пространство власти, ориентированное на взаимодействие лидера и элиты, подданныйская политическая культура [16. С. 131]. Данные явления позволяют учитывать специфику разворачивания дискурса имперской мифологии, механизм актуализации которой может быть успешно проанализирован на основе общего механизма порождения и воспроизводства современной социальной мифологии, описанной Р. Бартом и К. Боттичи.

Не будет преувеличением заметить, что для целого ряда государств, имеющих опыт имперской государственности в прошлом, политические символы периода империи продолжают играть определенную роль в конструировании новых форм идентичности и способов легитимации власти. При этом образы имперского прошлого, становящиеся объектом мифологизации и ремифологизации, вряд ли можно считать полноценной мифологией, выступающей метауровнем по отношению к политической мифологии вообще [17]. На это указывает как минимум сравнение логического объема и содержания понятий «политический миф» и «имперский миф». Более перспективным, на наш взгляд, было бы определение имперского мифа в контексте актуальных функций политического мифа как такового. Это означает, что обращение к имперской мифологии и ее элементам происходит в современном политическом дискурсе в контексте актуальных политических вопросов, и в первую очередь символической борьбы акторов политического поля, по-своему трактующих имперское прошлое и «выхватывающих» из него удобные символические образы. Косвенно на это указывал еще М. Эдельман, подчеркивая, что именно политические действия в рамках актуальных задач создают символические формы [18]. Вместе с тем тезис о зависимости имперской мифологии от социально-политических условий ее реактуализации отнюдь не означает, что она может быть создана из ничего и на пустом месте. В данном случае мифотворцы вынуждены учитывать факт наличия или отсутствия самой имперской государственности в прошлом страны, коллективная память о которой может сохраняться в представлениях населения и транслироваться через другие общественные дискурсы (искусство, право, религия).

Однако, даже опираясь на опыт имперской государственности в прошлом, современная имперская мифология демонстрирует целый ряд отличий, не позволяющих ставить ее в один ряд с вариантами имперской мифологии XIX – первой половины XX в. Первая отличительная черта современного имперского мифа связана с его фрагментацией, что отражает дискурсивный характер современной мифологии в целом. В нашем случае это означает, что современные варианты имперской мифологии не представляют собой единого и целостного комплекса идей, а скорее демонстрируют присутствие отдельных элементов, актуализируемых в

рамках конкретных этапов символической борьбы в политическом поле. Более того, усилению процесса фрагментации имперского мифа способствует то, что его актуализация не только связана с деятельностью его апологетов, но и его противников, использующих элементы имперской мифологии в качестве инструмента критики. Вторая отличительная особенность современной имперской мифологии связана с его конвергенцией с другими мифологиями. Это связано с самой коммуникативной и процессуальной природой социальной мифологии, которая, как показывает К. Боттичи, создается не только мифотворцами, но и аудиторией. В данной ситуации границы между мифологиями становятся все более прозрачными, а имперская мифология оказывается способна включать в себя современные мифологемы и элементы иных идеологических дискурсов. Третья отличительная особенность связана с тем обстоятельством, что конструирование элементов имперской мифологии или ее отдельных мифологем сегодня связано не только с деятельностью государства и властвующей элиты, но и с негосударственными акторами, использующими имперскую мифологию для целей своей символической политики. В данном случае особое место занимают не только политические партии и общественные движения, но и музеи, патриотические и религиозные организации, а также вооруженные силы.

Выявленные отличительные черты современной имперской мифологии явно указывают на необходимость учета контекста ее конструирования и реактуализации, где на первый план выходит специфика самих обществ. Как уже отмечалось выше, в целях сравнительного анализа мы решили обратиться к специфике постколониальных и посткоммунистических обществ. Оставляя за рамками нашего исследования подробный анализ специфики данных обществ, уже предпринимавшийся в литературе [19–22], обратимся к особенностям практик памяти. В этой связи актуальными представляются выводы А. Лангеволя, который показывает: несмотря на то, что и постколониализм, и посткоммунизм были ориентированы на создание новой ситуации как в институциональной, так и дискурсивной сфере, их практики памяти в большей мере демонстрируют существенные отличия. Зарубежный исследователь подчеркивает, что если постколониальная критика была в первую очередь направлена на отрицание западных моделей социальных структур и процессов, а исторический дискурс стремился трансформироваться в институциональную практику, то посткоммунистический политический дискурс находился в совершенно иных условиях: «...по сравнению с колониальным порядком, реально существующий социализм был институционально самостоятельной, а не навязанной Западом общественной конфигурацией. Это не могло не сказаться и в дискурсивной сфере, где социализм понимался как реально осуществлявшаяся, но неудавшаяся или сорванная альтернатива конкретным западным моделям модернизации» [22. С. 133]. Ключевой проблемой посткоммунистической историографии в данном случае оказывается ответ на вопросы «как мы дошли до жизни такой?» и «почему не получилось?».

Соответственно, доминирующим мотивом посткоммунистических коммемораций являлось «возвращение в Европу». А. Лангеволь также отмечает, что если постколониальная историография была ориентирована на дискурсивную интеграцию и апроприацию исторических документов в контексте социальной критики, то посткоммунистическая историография была сосредоточена на политическом использовании ранее закрытых исторических источников и материалов в контексте перестройки самой дискурсивной рамки в контексте идеи национального государства. «Постсоциалистический исторический дискурс <...> обладает иной иерархией предпочтений: для него главное – не дискурсивно очерченные отношения к фактам, а их моральная оценка» [22. С. 137].

Как Великобритания представляет собой особый случай постколониального общества, так и Россия может по праву считаться особым случаем посткоммунизма с крайне специфическим опытом современного преломления постколониального дискурса (А. Эттингер, Д. Летняков, В. Морозов). И в России, и в Великобритании наследие имперской государственности продолжает оставаться своеобразным фоном публичной политики, актуализируя обращение к отдельным элементам имперской мифологии и ее символики. Более того, как показывают социологические опросы, тема империи и ее истории, ее героев и правителей, военная история России и Великобритании продолжают оставаться важным маркером идентичности широких масс [23. Р. 114]. Так, опросы исследовательской компании YouGov в Великобритании в 2014 и 2020 гг. показали, что число тех, кто считает империю тем, чем можно гордиться, выросло с 50 до 59%. Число тех, кто стыдился имперского прошлого, наоборот, уменьшилось с 19 до 9% [24. Р. 1143; 25]. Более того, опрос 2014 г. также выявил 49% респондентов, полагающих, что бывшие колонии выиграли от того, что они были частью империи, и только 15% респондентов придерживались обратного мнения. При этом каждый третий респондент тогда заявил, что им бы все еще хотелось видеть Британию империей [24. Р. 1143]. В России тема империи отражается в массовом сознании прежде всего в контексте памяти о военной истории, где респонденты обнаруживают преемственность военных побед Российской империи и Советского Союза и где апофеозом гордости за прошлое продолжает выступать Победа в Великой Отечественной войне [26. С. 95]. Результаты многолетних исследований ВЦИОМ позволили исследователям выявить достаточно противоречивые тенденции, равно присутствующие в массовом сознании россиян: «...с одной стороны, сохраняется (хотя и в сильно трансформированном виде) “советский империализм”, сочетающий в себе ценности империи и интернациональное отношение к представителям разных народов (“Россия общий дом”), а с другой стороны – приходит “новый” русский национализм, антиимперский, но отнюдь не интернационалистический» [27. С. 186]. В этой связи решающую роль в ремифологизации или демифологизации имперского прошлого начинают играть акторы, которые в условиях присутствия «имперской ностальгии» в массовом

сознании способны использовать данную мемориальную культуру или ее элементы в различных целях. Именно поэтому далее мы сконцентрируем наше внимание на основных акторах, активно обращающихся к мифоимперской символике в современном британском и российском контекстах.

Сказанное выше об имперской мифологии с полным правом может быть отнесено и к мифоимперской символике, которая не только отражает мифологию, но и упрощает ее, повышая интенсивность циркуляции мифологических образов в обществе. При этом сами символы, как показывает исследование Г. Гилла [28], занимают особое место в социальном пространстве, что, по его мысли, делает необходимым учет как минимум четырех основных аспектов при исследовании мифосимволики: язык, визуальное искусство, физическое пространство и окружение, ритуал [28. Р. 6–15]. В нашем сравнительном исследовании мы ориентировались именно на эти аспекты присутствия мифосимволического в политическом дискурсе. Вместе с тем, аспекты изучения мифосимволики, выявленные Г. Гиллом, намечают лишь формы трансляции мифоимперской символики, которые, на наш взгляд, должны быть дополнены изучением содержания транслируемой мифосимволики. В случае обращенности нашего исследования на имперскую мифологию содержательный аспект может быть проанализирован в контексте четырех тем: чувство единства, образы героев и героического, образы империи и ее прошлого, актуализация имперских традиций. Таким образом, в результате мы получаем содержательный и формальный аспекты для нашего контент-анализа каждого актора в рамках его обращения к мифоимперской символике.

Несмотря на то что постколониальный дискурс давно уже является основой британской внутренней и внешней политики, в последние годы вышло несколько научно-популярных изданий, которые показали, что имперское прошлое и его мифология продолжают присутствовать не только в повседневной жизни, но и в политическом дискурсе Соединенного Королевства [29, 30]. Так, например, британский журналист индийского происхождения С. Сангера в своей нашумевшей книге «Empireland» показывает, что имперская мифосимволика продолжает оставаться актуальной в самых разных сферах жизни Великобритании (образование, топонимика, еда, памятники и мемориалы, названия и символика компаний). По его мысли, современное британское общество «потерпело поражение» в его попытках справиться с имперской ностальгией, что связано не столько с политиками, сколько с позицией значительной части самого общества в Великобритании [30]. Вместе с тем зарубежные и российские исследования показывают, что активное обращение к вопросам имперской мифологии и, как следствие, ее символам, в последние годы было связано преимущественно с внешнеполитическими событиями – Брекситом, а также необходимостью более тесного взаимодействия со странами Британского Содружества Наций [24, 31, 32]. Так, подводя итог многочисленным спорам лейбористов и консерваторов, противников и

сторонников Брексита, Е.М. Харитоновна отмечает: «...тема империи оказывается крайне противоречивой в современной британской политической риторике. Она одновременно притягивает и отталкивает, вызывает ожесточенные споры и используется как обвинение в отношении оппонентов. Имперское наследие переосмысливается и в качестве ресурса для будущего, и как нечто, с чем необходимо решительно порвать» [32. С. 173]. Образы империи и ее история в большей мере используются оппонентами сторонников Брексита с целью дискредитации любых попыток говорить о независимости Великобритании от Европейского союза [31–33]. Еще одним примером негативного использования мифосимволики Британской империи являются дискуссии между лейбористами и консерваторами относительно нового внешнеполитического проекта Великобритании «Глобальная Британия», целью которого является «пересборка» национальной и внешнеполитической идентичности [31. С. 178]. Показательно, что любые попытки противников правящей консервативной партии обвинить последних в ремифологизации империи (Империя 2.0) наталкиваются на последовательную позицию лидеров консерваторов, призывающих не связывать политическую идею Глобальной Британии с проектами конца XIX – начала XX в., когда вошедшая в политический обиход идея Большой Британии была призвана способствовать упрочению имперской государственности и сдерживать распад Британской империи [34]. Вместе с тем ряд британских исследователей полагают, что такие понятия, как «CANZUK», «Anglosphere», отражающие внешнеполитические новации последнего времени, глубоко укоренены в имперской традиции, связанной с проектами королевы Виктории и короля Эдуарда, известными как «Большая Британия», «Имперская Федерация» и «Англоговорящие народы» [35].

Одним из наиболее важных акторов политического поля, традиционно связанных с имперской мифологией, является королевская семья Великобритании. Анализ ежегодных обращений Елизаветы II и Карла III показывает, что тема империи давно уже не является доминирующей в политической риторике монархии, что противоречило бы современной британской политической культуре. Анализ высказываний представителей королевской семьи в газетах *The Guardian* и *The Times* также показал подчеркнутое избегание любых отсылок к колониальному и имперскому дискурсам. Вместе с тем элементы имперской мифологии продолжают оставаться значимыми на уровне физического пространства, окружающего королевскую семью, будучи запечатленными в архитектуре королевских резиденций (например, коммеморации в замке Балморал и в Кенсингтонском дворце), монументах и топонимике. В данном случае имперское прошлое в буквальном смысле оказывается вплетенным в историческое наследие. Еще одной сферой, где элементы имперского прошлого обнаруживают себя достаточно явно, является визуальная сторона монархии в Великобритании проявляющаяся не только в королевской символике, но и в коммерческом использовании данной символики в сувенирной продукции для туристов (проект

Historic Royal Palaces). Однако наиболее открытой для имперской мифологии продолжает оставаться сфера публичных ритуалов и официальных коммемораций королевской семьи, сохраняющих символические элементы, внесенные в ритуалы в Викторианскую эпоху. Ярким примером здесь может быть названа ритуальная сторона коронации, где король Великобритании по-прежнему коронуется и как король Канады [36] или используется в процессе коронации Скутский камень [37].

Еще одним значимым актором, открытым для имперской мифосимволики, являются вооруженные силы Великобритании. Как показывает исследование Н. Даниловой, ключевой тенденцией военных коммемораций в последние несколько десятилетий является плюрализация коммеморативных практик войны, где акцент все более делается не столько на солдатские жертвы, сколько на презентацию личного вклада солдат, а также важную роль гражданских лиц и вспомогательного персонала [23. Р. 83]. В этих условиях идея нации, стоящая за памятью о павших, все более уступает место теме персонального подвига в войне. Встречной тенденцией при этом оказывается «деконтекстуализация» войны, где к трагическому опыту двух мировых войн присоединяется коммеморация участия Великобритании в военных конфликтах в Ираке и Афганистане в новом тысячелетии, когда «их моральная сложность преобразуется в бескомпромиссное поле “поддержки”» [23. Р. 113]. Несмотря на данные тенденции в сфере военных коммемораций, присутствие имперских символов продолжает оставаться важным элементом истории военных побед британского оружия. Показательно, что в данном случае оказываются задействованы все четыре аспекта трансляции символов, перечисленные Г. Гиллом. В сфере языка речь идет о не только о военной истории, но и исторически названиях воинских подразделений. В сфере визуализации имперский миф активно являет себя в виде военной символики на знаках отличия и знаменах полков, отдельных элементах британской военной формы [38].

Физическое пространство актуализации имперского мифа и его символов в данном случае связано с памятниками и монументами, посвященными славе британского оружия, включающего в себя долгий период колониальной эпохи [23]. Данные коммеморации, включающие элементы имперской мифологии, не соответствуют позиции значительной части английских историков, которые стремятся рассматривать историю британского героизма в большей мере «как глобальную, чем имперскую, отделяя память о величии Британии от ресурсов, подкреплявших имперскую мощь. Они изображают Британию, управлявшую волнами мировой политики не как вооруженную империю, а как чемпиона “свободной торговли”» [24. Р. 1154]. В наибольшей степени влияние мифоимперской символики, как и в королевской семье, в среде вооруженных сил оказывается заметным в военных ритуалах, в первую очередь связанных с победами в двух мировых войнах [23], где на первый план выходит сама преемственность ритуалов и сакрализация их традиций.

Еще одним актором, обращающимся к имперской мифологии, оказываются некоторые британские музеи, характер коллекций которых указывает на сохранение целого ряда элементов традиционного имперского нарратива. Ярким примером является Имперский музей войны, находящийся в Лондоне и Манчестере, основная экспозиция которого посвящена славе британского оружия в двух мировых войнах, а также роли Британии в преодолении военных конфликтов второй половины XX в. Показательно, что помимо основной выставки в музее в Лондоне посетители могут увидеть выставку, посвященную Холокосту, и галерею лорда Эшкрафта, посвященную «выдающимся» героям британской военной истории [39]. Как и в случае других акторов, музей демонстрирует общую приверженность широкому подходу к британской военной истории, где колониализм и империализм не занимают центральной роли. Тема имперской истории XX в., равно как и распада Британской колониальной империи, остаются на периферии основных смыслов, транслируемых музеем, но при этом не исчезают из культурного пространства музея. Она являет себя в образах целого ряда солдат империи, служивших ранее в британских колониях (например, выставка, посвященная У. Уильямсу), серии агитационных плакатов, недвусмысленно намекающих на положительные возможности военной службы в колониях, а также в презентации целого ряда британских военных наград, имеющих отношение к колониальному прошлому (например, кресты Виктории и Джорджа) [39. Р. 53].

Тем не менее есть все основания согласиться с мнением Н. Даниловой, полагающей, что, несмотря на тенденцию повышения фокуса внимания британского образования на военную историю Великобритании как источник национальной идентичности, в целом современное британское общество может противостоять и противостоит националистическим и милитаристским элементам общественных коммемораций и успешно ищет альтернативные пути репрезентации памяти о войне [23. Р. 114]. В этой связи ключевой функцией использования мифоимперской символики в случае постколониального общества в Великобритании оказалась функция обеспечения политики идентичности, где образы империи оказываются негативным историческим примером для определения новых векторов внутренней и внешней политики, а также развития самосознания социальных групп современного британского общества.

Говоря об особенностях использования мифоимперской символики в символической политике современных российских акторов, необходимо отметить некоторые особенности посткоммунистического общества в России, обуславливающие и специфику функционирования социальных акторов. Обращаясь к мёртоновской типологии явных и латентных функций социальных акторов [40], отметим, что для российских акторов, действующих в пространстве политики памяти и символической политики, в большем приоритете оказываются латентные функции. Контекст посткоммунистического общества влияет на это тем, что,

во-первых, российское общество в сравнительно недавней исторической перспективе пережило довольно болезненный разрыв с длительной традицией (традицией, которая во многом определялась через имперский миф и определяла имперский миф, существовала в пространстве империи) и крушение советских идеологических нарративов; во-вторых, посткоммунистические общества, в сравнении с постколониальными, располагают, в принципе, куда более слабыми институтами. Эти два связанных между собой фактора ставят перед акторами приоритетной задачей собственную легитимацию в рамках существующей социальной реальности, т.е. акцент переключается именно на латентные функции. Так, Русская православная церковь в своей мемориальной политике для обоснования собственного места в рамках политической системы, поддержания представлений о своей истории (т.е. для реализации латентных функций) активно встраивает историю Церкви в общий контекст исторического развития российского государства [41. С. 509]. Мемориальная политика Русской православной церкви имеет особое значение для репрезентации мифоимперской символики, поскольку именно РПЦ пытается продвигать имперские образы посредством всех четырех форм, четырех пространств актуализации символов, отраженных в работе Г. Гилла: языка, визуального искусства, физического пространства и ритуала.

Через пространство языка РПЦ активно продвигает такие идеологемы, которые так или иначе отсылают современных россиян к имперскому прошлому. Так, еще в 1990-е гг. РПЦ стала продвигать концепт «канонической территории» Русской православной церкви, под которой подразумевалась территория бывшего СССР. Кроме того, именно церковь выступала основным проводником идеи «русского мира», которая активно использовалась впоследствии (хотя и периодически, с периодами всплеска и угасания интереса) государством в качестве внешнеполитической доктрины [42]. В 2023 г. тема «русского мира» вновь актуализировалась после выступлений Президента России и Патриарха на Всемирном русском народном соборе. Концепт «русского мира» демонстрирует две основные тенденции, которые можно наблюдать сегодня в понимании имперской мифосимволики: во-первых, в репрезентации имперской мифосимволики все возрастающую роль играют негосударственные акторы, у которых государство может перехватывать повестку (более того, мемориальная политика РПЦ способна даже на некоторую «экспансию» своих исторических репрезентаций через ресурсы государства); во-вторых, имперский миф способен к продуктивной конвергенции с другими мифологемами («русский мир» может пониматься и как миф имперский, и как некая (узко)национальная идея, доктрина русского ирредентизма).

На уровне физического пространства Русская Православная церковь в последние десятилетия активно занимается восстановлением и строительством новых храмов. Интересно отметить, что наиболее грандиозные проекты строительства храмов связаны как раз с политикой памяти и военными коммеморациями. Речь идет, прежде всего, о восстановлении Храма Христа

Спасителя в Москве, построенного в свое время в ознаменование победы в Отечественной войне 1812 г., и о строительстве главного храма Вооруженных сил в 2020 г. [43]. Военные коммеморации Русской православной церкви сами по себе выступают имперской традицией, поскольку в дореволюционные времена именно церковь часто выполняла функцию увековечения подвигов русского воинства [44. С. 93].

Главный храм Вооруженных сил России, представляющий собой целый мемориальный комплекс, также демонстрирует определенную лабильность имперской мифосимволики, продвигаемой церковью, – через ее способность интегрироваться с советской героической патетикой, при всем сложном отношении самой церкви к советскому периоду и частым противопоставлением имперского и советского в рамках того же православного дискурса.

В рамках визуального искусства трансляция имперской символики со стороны РПЦ имеет, на наш взгляд, две тенденции. Во-первых, тенденция «оборонительная», когда православные акторы не столько формируют какие-либо имперские образы, сколько подвергают критике те медийные продукты, которые претендуют на пересмотр некоторых аспектов «имперского канона». Ярчайший пример – кампания против фильма «Матильда» (2017), в котором император Николай II показан в более житейском, противоречивом ключе, чем фигура святого новомученика. Во-вторых, тенденция на уход в более далекое прошлое и акцент на коммеморациях Средневековья. Так, при поддержке РПЦ вышел фильм «Викинг» (2016), в котором продвигается идея о начале русской истории не с призвания варягов, а с крещения Руси. В контексте репрезентации собственно имперского мифа можно вспомнить документальный фильм митрополита Тихона (Шевкунова) «Гибель империи. Византийский урок» (2008), где проводятся явные параллели между Византией и Россией как исторически имперскими типами государства.

Ритуалосфера в деятельности Русской православной церкви занимает особую роль, поскольку в руках этого религиозного актора находится такой мощный коммеморативный инструмент, как институт канонизации [45]. Наиболее показательна с точки зрения ритуалов и воспроизведения имперского мифа канонизация семьи последнего русского императора, которая выступает едва ли не краеугольным камнем всей политики памяти РПЦ. И здесь вновь ярко иллюстрируется тенденция на усиление негосударственных акторов: структуры РПЦ смогли добиться юридического рассмотрения расстрела царской семьи как ритуального убийства [46] (трактовка сугубо религиозная, причем пришедшая из довольно маргинальных православных кругов). Канонизация царской семьи и других новомучеников породила серьезное противоречие по вопросу оценки советского прошлого. Такая ситуация иллюстрирует еще одну тенденцию в рассмотрении имперского мифа – его способность к фрагментации. Если военные коммеморации РПЦ пытаются интегрировать советский героический нарратив, продемонстрировать преемственность, то дис-

курс новомучеников с противопоставлением православного царя и большевиков-богоборцев, уничтоживших империю, эту преемственность разрывает. Из этого противоречия видно и противоречие между функциями РПЦ как актора политики памяти: с одной стороны, церковь должна отвечать на довольно мощный запрос влиятельной части паствы на коммеморацию религиозных гонений, с другой стороны – бороться за крайне ценный символический капитал памяти о Великой Отечественной войне, вдобавок пытаться встроиться в «патриотический консенсус», диктуемый уже общегосударственной необходимостью.

Другой влиятельный актор, репрезентирующий различные имперские символы – это Вооруженные силы Российской Федерации. Интересно отметить, что в деле репрезентации имперского наследия в лице Русской православной церкви военные имеют долгосрочного партнера, более того, по ряду вопросов их взаимоотношения имеют институциональный характер, т.е. в условиях общей слабости институтов в постсоветском российском обществе именно эти два актора смогли сформировать некий институциональный дизайн своей символической и мемориальной политики (институт военных священников, небесные покровители для каждого рода войск, торжественные молебны с участием военных, молебны, посвященные памятным датам военной истории России, и т.д.) [47. С. 111–112].

Специфика военного мемориального дискурса и в России, и на Западе состоит в том, что для военных критически важным становится сформировать некую преемственность воинской доблести и других добродетелей. Эта задача обусловлена сложной задачей коммеморации современных вооруженных конфликтов, крайне болезненно воспринимаемых обществом. И здесь военные акторы активно используют именно имперское наследие. Так, за последние годы в России появились памятники, установленные по инициативе Министерства обороны, в которых одновременно чтят память солдат Первой мировой и Великой Отечественной войн, в некоторых случаях пантеон расширялся, например, с включением Отечественной войны 1812 г. (Воронеж), Крымской войны (памятник сестре милосердия в Подмоскowie на территории 3-го Центрального военного госпиталя им. Вишневского), Семилетней войны (Гвардейск, Калининградская область) [48. С. 121–122]. Кроме того, военные коммеморации часто используются как инструмент поддержания общегражданской идентичности, поэтому некие визуальные имперские символы, связанные с военным прошлым, могут в актуальном политическом дискурсе использоваться не только как символы доверия своим вооруженным силам, но и как демонстрация лояльности политическому строю (в Великобритании таким символом выступает красный мак, в России – георгиевская ленточка) [36].

Общая актуализация образа Георгия Победоносца затрагивает и сферу ритуалов. Еще в 1992 г. был восстановлен Георгиевский крест как знак отличия за боевые заслуги для нижних чинов.

Первые награждения состоялись в 2008 г. после вооруженного конфликта в Южной Осетии. Популярность этого имперского символа привела к тому, что ряд общественных организаций создавали свои почти точные копии Георгиевских крестов. Свой Георгиевский крест существовал в Донецкой Народной Республике до ее включения в состав Российской Федерации.

На уровне ритуалов остается и присвоение воинским частям и соединениям, отличившимся в боях, почетного наименования гвардейских. С 2000 г. 2 сентября отмечается как День гвардии. В 2013 г. Президент России присвоил двум стрелковым полкам почетные наименования «Семёновский» и «Преображенский», что также является явной апелляцией к имперской символике двух прославленных гвардейских полков Русской императорской армии. В 2017 г. на парадной униформе российских военнослужащих появились золотые петлицы, которые носили офицеры гвардейских полков в XIX в.

Говоря о трансляции мифоимперской символики в современной России, нельзя не упомянуть о таких специфических акторах политики памяти, как Российское военно-историческое общество (РВИО) и Российское историческое общество (РИО). Данные структуры, во-первых, стремятся отражать общегосударственную позицию, во-вторых, пытаются транслировать исторические образы в различных пространствах. Так, в середине 2010-х гг. именно РВИО преимущественно занималось коммеморациями Первой мировой войны: открытием памятников, музея Первой мировой войны в Царском Селе, спонсированием фильмов («Батальон», 2015). РВИО и РИО пытались запустить некий аналог акции «Бессмертный полк», посвященный героям Первой мировой войны: сбор семейных архивов от РИО и акцию «Народный архив Первой мировой» от РВИО [48. С. 117].

Содержание современных военных коммемораций Первой мировой войны предлагает героическую рамку памяти, что, к слову, идет вразрез с господствующей на западе виктимной парадигмой памяти. Применительно к событиям Первой мировой войны действительно сложно ориентироваться исключительно на героическую стратегию памяти, совсем игнорируя темы трагедии и жертв. Наиболее художественно ценные произведения искусства, посвященные Первой мировой войне, как раз антивоенные. К примеру, массовый зритель в России довольно плохо воспринял фильмы «Батальон» (2015) и «Герой» (2016), снятые в контексте героического пафоса. Куда больший эмоциональный отклик у зрителей и критиков вызвал, к примеру, авторский фильм «Мальчик русский» (2019), где война показана с точки зрения человеческой трагедии (сравнивать российское кино с зарубежными блокбастерами типа «1917» или «На Западном фронте без перемен» не совсем корректно, однако и эти фильмы в России оказались вполне успешными).

Отдельно необходимо осветить, как отсылки к имперскому прошлому существуют в пространстве языка, и здесь репрезентации Первой мировой войны также выступают весьма показательным примером. К.А. Пахалюк приводит две основные дискурсивные

стратегии по поводу событий Первой мировой войны: стратегию «преемственности» (которая озвучивается в речах Президента РФ, а также таких федеральных спикеров, как С.Е. Нарышкин и В.И. Якунин) и стратегию «разрыва» (в своих крайних формах это героизация Белого движения, вплоть до реабилитации нацистских коллаборационистов) [48. С. 120]. И если первая стратегия скорее использует имперскую мифологию для реализации функций легитимации и формирования солидарности, то стратегия «разрыва» больше характерна либо для маргинальных православных кругов (типа «катакомбников»), либо для локальных акторов политики памяти, к примеру, для казачьих сообществ. Для этих мнемонических акторов использование имперской символики, очевидно, необходимо в целях собственной консолидации, т.е. как часть их политики идентичности.

Подводя итоги, следует отметить, что предпринятый сравнительный анализ места и роли мифоимперской символики в политическом дискурсе постколониальных и посткоммунистических обществ позволяет нам расширить теоретические знания о политических функциях современной мифологии и их роли в символической политике. Исследование показало, что интерпретации современного политического дискурса указывают на социальную мифологию и мифосимволику как на важную составляющую практик функционирования политического языка. Использование методологических идей П. Бурдьё, М. Эдельмана и О. Малиновой позволило нам трактовать символы имперской мифологии не как социальные конструкты, «замещающие» реальность, а как элементы символической политики, связанные с социокультурными условиями ее реализации. Это означает, что актуализация функций мифоимперской символики в политическом дискурсе оказывается более эффективной в тех обществах, которые имели опыт имперской государственности в прошлом. Исследование показало, что в современных постколониальных и посткоммунистических обществах имперский миф демонстрирует доминирование процессов фрагментации, конвергенции его элементов с другими мифологиями, а также зависит от стратегий акторов, конструирующих и эксплуатирующих отдельные образы имперской мифологии и ее символов в рамках актуальных политических задач. Изучение британского и российского случаев обращения к мифоимперской символике также показало различия, которые были связаны с самой конфигурацией акторов и их стратегиями использования мифоимперской символики. В случае Великобритании данными акторами являются королевская семья, музеи, а также вооруженные силы Великобритании. Было выявлено, что образы и символы Британской империи оказались одним из вспомогательных инструментов политической критики в дискуссиях сторонников и противников темы Брексита, а также взаимодействия с государствами Содружества. Ключевой функцией использования мифоимперской символики в случае постколониального общества в Великобритании оказалась функция обеспечения политики идентичности, где образы империи оказываются негативным историческим примером для определения новых векторов внутренней и внешней

политики, а также развития самосознания социальных групп. В случае Российской Федерации наиболее значимыми акторами оказались Русская православная церковь, Вооруженные силы РФ, а также общественные организации (РВИО, РИО). В их случае имперская

мифология и ее символы в большей мере использовались для демонстрации преемственности российского исторического опыта в рамках функции политики идентичности, а также как средство формирования общественной солидарности.

Список источников

- Алешина Е.Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации. М. : Прометей, 2015. 220 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград : Волгоград. гос. пед. ун-т, 2000. 440 с.
- Равочкин Н.Н. Политический дискурс: к определению понятия // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 11. С. 159–163.
- Гулыга А.В. Эстетика в свете аксиологии. Пятьдесят лет на Волхонке. СПб. : Алетей, 2000. 447 с.
- Dehli M. Mythos // Lexikon Geschichtswissenschaft. Hundert Grundbegriffe. Stuttgart, Philipp Reclam jun. GmbH & Co. K.G., 2002. S. 222–223.
- Иванов А.Г. Социально-философский анализ архаического и современного мифологического сознания. Воронеж : ВГПУ, 2010. 179 с.
- Сыров В.Н. В чем заключается специфика мифа? // Идеи и идеалы. 2011. Т. 1, № 4. С. 70–77.
- Барт Р. Мифологии. М. : Академический проект, 2014. 351 с.
- Символическая политика. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / под ред. О.Ю. Малинова. М. : ИНИОН РАН, 2012. 334 с.
- Символическая политика. Вып. 2. Споры о прошлом как проектирование будущего / под ред. О.Ю. Малинова. М. : ИНИОН РАН, 2014. 382 с.
- Символическая политика. Вып. 3. Политические функции мифов / под ред. О.Ю. Малинова. М. : ИНИОН РАН, 2015. 371 с.
- Бурдые П. Практический смысл. СПб. : Алетей, 2017. 560 с.
- Бурдые П. Социология социального пространства. СПб. : Алетей, 2017. 288 с.
- Бабайцев А.В. Подходы к определению понятия «политический символ» // Символическая политика. Вып. 2. Споры о прошлом как проектирование будущего / под ред. О.Ю. Малинова. М. : ИНИОН РАН, 2014. С. 18–25.
- Завершинский К.Ф. Политический миф в символических практиках властных коммемораций: Теоретические экспликации // Символическая политика. Вып. 3. Политические функции мифов / под ред. О.Ю. Малинова. М. : ИНИОН РАН, 2015. С. 92–108.
- Шкурко Н.С. Российский имперский миф как социокультурный феномен // Вестник ЯГУ. 2009. Т. 6, № 1. С. 127–133.
- Иванов А.Г. Имперский миф – «метауровень» политической мифологии // Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 3 (8). С. 96–103.
- Edelman M. Politics as symbolic action. Chicago: Markham Pub., 1971. 188 p.
- Бахман-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М. : Нов. лит. обозрение, 2017. 504 с.
- Political Culture and Political Change in Post-Communist Societies / ed. by V. Goutorov, A. Koryushkin, G. Meyer. Saint-Petersburg : Saint-Petersburg univ. press, 1997. 342 p.
- Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание. М. : Аквилон, 2015. 464 с.
- Лангеволь А. Общественная память после смены строя: сходства и различия между практиками памяти в посткоммунистических и постколониальных странах // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М. : Нов. изд-во, 2011. С. 115–141.
- Danilova N. The Politics of War Commemoration in the UK and Russia. London : Palgrave Macmillan, 2015. 255 p.
- Saunders R. Brexit and Empire: “Global Britain” and the Myth of Imperial Nostalgia // The Journal of Imperial and Commonwealth History. 2020. Vol. 48 (6). P. 1140–1174.
- Smith M. How unique are British attitudes to empire? // YouGov. 2020.11.03. URL: <https://yougov.co.uk/topics/international/articlesreports/2020/03/11/how-unique-are-british-attitudes-empire>
- Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М. : Нов. лит. обозрение, 2005. С. 83–104.
- От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян / С. Львов, В. Петухов, В. Федоров, Л. Бызов. М. : ВЦИОМ, 2007. 224 с.
- Gill G. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2011. 356 p.
- Mitchell P. Imperial Nostalgia. How the British conquered themselves. Manchester : Manchester Univ. Press, 2021. 255 p.
- Sanghera S. Empireland: How Imperialism has shaped modern Britain. London : Pinguin, 2021. 352 p.
- Хахалкина Е.В. От «Большой» к «Глобальной Британии»: новое и старое во внешнеполитических установках Соединенного Королевства // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. № 3. С. 160–184.
- Харитонов Е.М. Переосмысление темы империи в современной политической риторике в Великобритании // Политическая наука. 2022. № 1. С. 157–176.
- Koegler C., Kumar Malreddy P., Tronick M. The colonial remains of Brexit: Empire nostalgia and narcissistic nationalism // Journal of Postcolonial writing. 2020. Vol. 56(5). P. 585–592.
- Глеб М.В. Имперская идея в Великобритании (вторая половина XIX в.). Минск : Беларус. наука, 2007. 190 с.
- Bell D., Vucetic S. Brexit, CANZUK and the Legacy of Empire // British Journal of Politics and International Relations. 2019. No. 2 (21). P. 367–382.
- Rubiera C.L. How British imperial history shaped Charles III's coronation ceremony // The Conversation. 2023. May 5. URL: <https://theconversation.com/how-british-imperial-history-shaped-charles-iii-coronation-ceremony-204511>
- Wilkson J. The Coronation Chair and the Stone of Destiny. London : Tudbury Press, 2016. 40 p.
- The Guards: Changing the Guard, Trooping the Color, The Regiments. London : Pitkin, 2013. 28 p.
- Imperial War Museum. Guidebook. 7th Edition. London : Taylor Bloxham, 2019. 64 p.
- Мёртон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ Москва : Хранитель, 2006. 873 с.
- Аникин Д.А. Мемориализация Великой Отечественной войны в религиозном дискурсе: основные тенденции и региональная специфика // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы : материалы IV Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 80-летию освобождения Дона и Донбасса, Ростов-на-Дону, 5–8 июля 2023 г. / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д : Федерал. исслед. центр Южн. науч. центр Рос. академии наук, 2023. С. 506–510.
- Батищев Р.Ю., Иванов А.Г. Русская Православная Церковь как актор российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве // Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс : сб. науч. тр. по итогам Первой Всерос. науч.-практ. молодеж. конф., Екатеринбург, 17 октября 2018 г. Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2019. С. 179–189. doi: 10.17506/articles.mobility.2018.179189
- Батищев Р.Ю. Военные коммеморации Русской православной церкви как механизм конструирования гражданской религии в современной России // Tempus et Memoria. 2022. Т. 3, № 2. С. 56–60.

44. Жердева Ю.А. Российские военные коммеморации в поздней Османской империи (1878–1918): политическая практика и культурный миф // Конструктивные и деструктивные формы мифологизации социальной памяти в прошлом и настоящем : сб. ст. и тез. докл. Междунар. науч. конф. Тамбов, 2015. С. 92–98.
45. Батищев Р.Ю., Беляев Е.В., Линченко А.А. Русская Православная Церковь как актор современной политики памяти: дискурс канонизации // *Studia Humanitatis*. 2018. № 1. С. 23.
46. Преступление века: Материалы следствия: Документально-архивная хронология событий, связанных с гибелью Российского императора Николая II, его семьи и их приближенных : в 3 т. М. : Следственный комитет РФ, 2021. 552 с.
47. Донцев С.П. Политика памяти в контексте институциональных взаимодействий Русской православной церкви и государства в современной России // *Политическая наука*. М., 2018. № 3. С. 110–128.
48. Пахалюк К.А. Дискурсивные основания юбилейной коммеморации первой мировой войны в современной России // *PolitBook*. 2016. № 4. С. 109–131.

References

1. Aleshina, E.Yu. (2015) *Publichnyy politicheskiy diskurs konfliktnoy situatsii* [Public Political Discourse of a Conflict Situation]. Moscow: Prometei.
2. Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Philology Dr. Diss. Volgograd.
3. Ravochkin, N.N. (2018) Politicheskiy diskurs: k opredeleniyu ponyatiya [Political discourse: towards a definition of the concept]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 11. pp. 159–163.
4. Gulyga, A.V. (2000) *Estetika v svete aksiologii. Pyat' desyat let na Volkhonke* [Aesthetics in the Light of Axiology. Fifty years on Volkhonka]. Saint Petersburg: Aleteya.
5. Dehli, M. (2002) Mythos. In: *Lexikon Geschichtswissenschaft. Hundert Grundbegriffe*. Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH & Co. K.G. pp. 222–223.
6. Ivanov, A.G. (2010) *Sotsial'no-filosofskiy analiz arkhaiskogo i sovremennogo mifologicheskogo soznaniya* [Social and Philosophical Analysis of Archaic and Modern Mythological Consciousness]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
7. Syrov, V.N. (2011) V chem zaklyuchatsya spetsifika mifa? [What is the specificity of myth?]. *Idey i idealy*. 4 (1). pp. 70–77.
8. Barthes, R. (2014) *Mifologii* [Mythologies]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii proekt.
9. Malinov, O.Yu. (ed.) (2012) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Politics]. Vol. 1. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS.
10. Malinov, O.Yu. (ed.) (2014) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Politics]. Vol. 2. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS.
11. Malinov, O.Yu. (ed.) (2015) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Politics]. Vol. 3. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS.
12. Bourdieu, P. (2017) *Prakticheskiy smysl* [Practical Reason]. Translated from French. Saint Petersburg: Aleteya.
13. Bourdieu, P. (2017) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Translated from French. Saint Petersburg: Aleteya.
14. Babaytsev, A.V. (2014) Podkhody k opredeleniyu ponyatiya “politicheskiy simvol” [Approaches to defining the concept of “political symbol”]. In: Malinov, O.Yu. (ed.) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Politics]. Vol. 2. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS. pp. 18–25.
15. Zavershinskiy, K.F. (2015) Politicheskiy mif v simvolicheskikh praktikakh vlastnykh kommomoratsiy: Teoreticheskie eksplikatsii [Political myth in symbolic practices of power commemorations: Theoretical explications]. In: Malinov, O.Yu. (ed.) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Politics]. Vol. 3. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS. pp. 92–108.
16. Shkurko, N.S. (2009) Rossiyskiy imperskiy mif kak sotsiokul'turnyy fenomen [Russian imperial myth as a socio-cultural phenomenon]. *Vestnik YaGU*. 1 (6). pp. 127–133.
17. Ivanov, A.G. (2018) Imperskiy mif – “metauroven” politicheskoy mifologii [Imperial myth – “meta-level” of political mythology]. *Gumanitarnye issledovaniya Tsentral'noy Rossii*. 3 (8). pp. 96–103.
18. Edelman, M. (1971) *Politics as Symbolic Action*. Chicago: Markham Pub.
19. Bachmann-Medick, D. (2017) *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture* [Cultural Turns: New orientations in the study of culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
20. Goutorov, V., Koryushkin, A. & Meyer, G. (eds) (1997) *Political Culture and Political Change in Post-Communist Societies*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press.
21. Ionov, I.N. (2015) *Mirovaya istoriya v global'nyy vek: Novoe istoricheskoe soznanie* [World History in the Global Age: New historical consciousness]. Moscow: Akvilon.
22. Langenohl, A. (2011) Obschestvennaya pamyat' posle smeny stroya: skhodstva i razlichiya mezhdru praktikami pamyati v postkommunisticheskikh i postkolonial'nykh stranakh [Public memory after system change: similarities and differences between memory practices in post-communist and post-colonial countries]. In: Gerasimov, I., Semenov, A. & Mol'giner, M. (eds) *Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoy pamyati* [Empire and Nation in the Mirror of Historical Memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. pp. 115–141.
23. Danilova, N. (2015) *The Politics of War Commemoration in the UK and Russia*. London: Palgrave Macmillan.
24. Saunders, R. (2020) Brexit and empire: “Global Britain” and the myth of imperial nostalgia. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 48 (6). pp. 1140–1174.
25. Smith, M. (2020) How unique are British attitudes to empire? *YouGov*. [Online] Available from: <https://yougov.co.uk/topics/international/articlesreports/2020/03/11/how-unique-are-british-attitudes-empire>.
26. Gudkov, L. (2005) “Pamyat'” o voyne i massovaya identichnost' rossiyan [“Memory” of the war and the mass identity of Russians]. In: Gabovich, M. (ed.) *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [Memory of the War 60 Years Later: Russia, Germany, Europe]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 83–104.
27. L'vov, S. et al. (eds) (2007) *Ot El'tsina do Putina: tri epokhi v istoricheskoy soznanii rossiyan* [From Yeltsin to Putin: Three eras in the historical consciousness of Russians]. Moscow: VTsIOM.
28. Gill, G. (2011) *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
29. Mitchell, P. (2021) *Imperial Nostalgia. How the British conquered themselves*. Manchester: Manchester University Press.
30. Sanghera, S. (2021) *Empireland: How Imperialism has shaped modern Britain*. London: Pinguin.
31. Khakhalkina, E.V. (2023) Ot “Bol'shoi” k “Global'noy Britanii”: novoe i staroe vo vneshnepoliticheskikh ustanovkakh Soedinennogo Korolevstva [From “Big” to “Global Britain”: New and old in the foreign policy attitudes of the United Kingdom]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. 3. pp. 160–184.
32. Kharitonova, E.M. (2022) Pereosmyslenie temy imperii v sovremennoy politicheskoy ritorike v Velikobritanii [Rethinking the theme of empire in modern political rhetoric in Great Britain]. *Politicheskaya nauka*. 1. pp. 157–176.
33. Koegler, C., Kumar Malreddy, P. & Tronicke, M. (2020) The colonial remains of Brexit: Empire nostalgia and narcissistic nationalism. *Journal of Postcolonial Writing*. 56 (5). pp. 585–592.

34. Gleb, M.V. (2007) *Imperskaya ideya v Velikobritanii (vtoraya polovina XIX v.)* [The Imperial Idea in Great Britain (The second half of the 19th century)]. Minsk: Belorusskaya nauka.
35. Bell, D. & Vucetic, S. (2019) Brexit, CANZUK and the Legacy of Empire. *British Journal of Politics and International Relations*. 2 (21). pp. 367–382.
36. Rubiera, C.L. (2023) How British imperial history shaped Charles III's coronation ceremony. *The Conversation*. 5 May. [Online] Available from: <https://theconversation.com/how-british-imperial-history-shaped-charles-iiis-coronation-ceremony-204511>
37. Wilkson, J. (2016) *The Coronation Chair and the Stone of Destiny*. London: Tudbury Press.
38. Simkin, P. (ed.) (2013) *The Guards: Changing the guard, trooping the color, the regiments*. London: Pitkin.
39. Imperial War Museum. (2019) *Guidebook*. 7th ed. London: Taylor Bloxham.
40. Merton, R. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Translated from English. Moscow: AST MOSKVA: KhRANITEL'.
41. Anikin, D.A. (2023) [Memorialization of the Great Patriotic War in religious discourse: main trends and regional specifics]. *Velikaya Otechestvennaya vojna v istorii i pamyati narodov Yuga Rossii: sobytiya, uchastniki, simvoly* [The Great Patriotic War in the History and Memory of the Peoples of the South of Russia: Events, participants, symbols]. Proceedings of the 4th All-Russian Conference. Rostov-on-Don. 05–08 July 2023. Rostov-on-Don: SSC RAS. pp. 506–510. (In Russian).
42. Batishchev, R.Yu. & Ivanov, A.G. (2019) [The Russian Orthodox Church as an actor of Russian "soft power" in the post-Soviet space]. *Mobil'nost' kak izmerenie myagkoy sily: teoriya, praktika, diskurs* [Mobility as a Dimension of Soft Power: Theory, practice, discourse]. Proceedings of the 1st All-Russian Conference. Yekaterinburg. 17 October 2018. Yekaterinburg: Diskurs-Pi. pp. 179–189. (In Russian). doi: 10.17506/articles.mobility.2018.179189
43. Batishchev, R.Yu. (2022) Voennye kommemoratsii Russkoy pravoslavnoy tserkvi kak mekhanizm konstruirovaniya grazhdanskoy religii v sovremennoy Rossii [War commemorations of the Russian Orthodox Church as a mechanism for constructing civil religion in modern Russia]. *Tempus et Memoria*. 2 (3). pp. 56–60.
44. Zherdeva, Yu.A. (2015) [Russian war commemorations in the late Ottoman Empire (1878–1918): political practice and cultural myth]. *Konstruktivnye i destruktivnye formy mifologizatsii sotsial'noy pamyati v proshlom i nastoyashchem* [The Constructive and Destructive Forms of Social Memory Mythologizing in the Past and at Present]. Proceedings and Abstracts of the International Conference. Lipetsk. 24–26 September 2015. Tambov: Izdatel'stvo Pershina R.V. pp. 92–98. (In Russian).
45. Batishchev, R.Yu., Belyaev, E.V. & Linchenko, A.A. (2018) Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' kak aktor sovremennoy politiki pamyati: diskurs kanonizatsii [The Russian Orthodox Church as an actor in contemporary memory politics: the discourse of canonization]. *Studia Humanitatis*. 1. P. 23.
46. Investigative Committee of the Russian Federation. (2021) *Prestuplenie veka: Materialy sledstviya: Dokumental'no-arkhivnaya khronologiya sobytiy, svyazannykh s gibel'yu Rossiyskogo imperatora Nikolaya II, ego sem'i i ikh priblizhennykh* [Crime of the Century: Investigation materials: Documentary and archival chronology of events related to the death of the Russian Emperor Nicholas II, his family and their entourage]. Moscow: Investigative Committee of the Russian Federation.
47. Dontsev, S.P. (2018) Politika pamyati v kontekste institutsional'nykh vzaimodeystviy Russkoy pravoslavnoy tserkvi i gosudarstva v sovremennoy Rossii [Politics of memory in the context of institutional interactions between the Russian Orthodox church and the state in modern Russia]. *Politicheskaya nauka*. 3. pp. 110–128.
48. Pakhalyuk, K.A. (2016) Diskursivnye osnovaniya yubileynoy kommemoratsii pervoy mirovoy voyny v sovremennoy Rossii [Discursive foundations of the jubilee commemoration of the First World War in modern Russia]. *PolitBook*. 4. pp. 109–131.

Информация об авторах:

Линченко А.А. – канд. филос. наук, доцент Липецкого государственного технического университета (Липецк, Россия); научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецк, Россия). E-mail: AALinchenko@fa.ru

Батищев Р.Ю. – канд. полит. наук, доцент Московского государственного университета им М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: romanbatishhev@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.A. Linchenko, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation); research fellow, Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: AALinchenko@fa.ru

R.Yu. Batishchev, Cand. Sci. (Political Science), associate professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dandee@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.03.2024;
одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 30.07.2024.

The article was submitted 13.03.2024;
approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 30.07.2024.

Научная статья
УДК 101.1
doi: 10.17223/15617793/504/9

О соотношении религиозного опыта и философии в проекте И.А. Ильина

Александр Владимирович Усачев¹

¹ Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия, a.usachev@mail.ru

Аннотация. Приведена интерпретация религиозного опыта, который играет определенную роль при актуализации философского знания. Рассматривается тезис о том, что религиозный опыт является существенным на том основании, что философия представляет собой духовное творчество. Используются работы представителей русской религиозно-философской мысли, предметом которых является соотношение религиозного опыта и философии.

Ключевые слова: русская философия, метафизика, опыт, наука, религиозный опыт, бытие, строгая наука, религия, откровение

Для цитирования: Усачев А.В. О соотношении религиозного опыта и философии в проекте И.А. Ильина // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 92–99. doi: 10.17223/15617793/504/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/9

On the correlation of religious experience and philosophy in the project of Ivan Ilyin

Aleksandr V. Usachev¹

¹ Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation, a.usachev@mail.ru

Abstract. In modern research, increased attention is paid to Russian philosophy. The main ideas of Russian thought are being developed as the main strategies of thinking about reality. A special place is occupied by the philosophy of Ivan Ilyin (1883–1954), who expressed the position of the consistency of religion and religious experience in the cognitive process. The article is devoted to the interpretation of religious experience, which plays a certain role in the actualization of philosophical knowledge. In particular, the thesis is considered that religious experience is essential on the basis that philosophy is spiritual creativity. This indicates that religion is not divorced from philosophy, but highlights its main research and features. The article uses the works of representatives of Russian religious and philosophical thought, the subject of which is the correlation of religious experience and its elements, and philosophy. To evaluate the discussion of this topic, articles by G.V. Bolotnov, I.I. Evlampiev, as well as books by such authors as N.A. Berdyaev, S.N. Trubetskoy, P.A. Florensky, I.A. Ilyin, V.V. Bibikhin, were used. The ideas that were presented in the periodical press correlated with fundamental works on this topic. The authorial analysis of the constructive correlation of religious experience and philosophy revealed general and special features. As a result of the research work, the programmatic judgment was clarified that religion does not hinder philosophical work, but contributes to it; religion has spirituality as a universal basis for setting topics and tasks of philosophy, each of which is a kind of step in generalizations. A characteristic thesis is that religious experience is the universal included as entity into its own singular, i.e., into philosophy. The study found that religion is one of the leading qualities of philosophical thought in Russia: it affects the formulation of topics, the specifics of the formation of problems, the way to solve the main issues. It is religion that contributes to the fact that philosophical questioning has the quality of thoughtful experience, attentive attitude to what is most relevant at the current moment of history.

Keywords: Russian philosophy, metaphysics, experience, science, religious experience, being, strict science, religion, revelation

For citation: Usachev, A.V. (2024) On the correlation of religious experience and philosophy in the project of Ivan Ilyin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 92–99. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/9

Общая характеристика проблемы осмысления религиозного опыта

Человечество издревле ставит вопрос о соотношении веры и знания в интеллектуальной деятельности человека. С разной степенью глубины и основательности ученые рассуждали о том, чему нужно отдать приоритет в фундаментальном отношении к миру.

В неклассической философии данная тема приобрела несколько иной вид. Теоретики заговорили о религиозном опыте в статусе веры и о философии в статусе знания. Ее особенность заключается в том, что радикальное различие исчезло, так как религиозный опыт очень часто становится частью философского знания, а философия уверенно становится религиозной и включает религиозный опыт как свою системную и

диалектическую часть. Не все философы готовы были поставить проблему радикально, поскольку в ней обнаруживается очень много синкретических компонентов. Но вот философский проект И.А. Ильина (1883–1954) ставит перед собой цель использовать определенное толкование сущности религиозного опыта с точки зрения признаков философии, сформированных в классической и неклассической метафизике.

Роль И.А. Ильина в определении религиозного смысла философии является выдающейся. Русский философ занимается тем, что кропотливо, страница за страницей осуществляет попытку совмещения религиозного опыта с научно-философской картиной мира. Можно говорить о попытке скомпоновать научно-философское знание с учетом религиозной природы собственных личностных оснований. Надо отметить, что он очень талантливо удерживает свое научное повествование от исключительно религиозного жанра и тем более от формы аскетической литературы. Произведения русского философа можно определить как своего рода стилизацию под святоотеческую литературу. Это означает, что в понятийную работу включается религиозный опыт, который сочетается с базовыми категориями философского знания. В недрах религиозного опыта и философского знания происходит осмысление личного опыта с научной точки зрения [1. С. 144]. Получается такой вид размышлений, который согласуется с философским знанием и религиозным опытом в равной мере.

И.А. Ильин – мыслитель прошлого века, будучи субъектом философского знания эпохи неклассической философии, писал: «Философствование <...> есть творческая жизнь души» [2. С. 13]. Собственно философский опыт составляет основу для осуществления знания в контекстах экзистенциализма и персонализма. Душа выступает основой и для философской работы, и для религиозного опыта. Эта философская позиция стала состоятельной после выхода в свет диссертации «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» [3]. В ней звучит контекст философии Нового времени, и он не противопоставляется религиозному опыту, а прокладывает путь для того, чтобы взглянуть на достижения философии и установления религиозного знания. Работая над темой религиозного мировоззрения Гегеля, русский мыслитель приходит к мнению о том, что религия может быть полностью учтена подлинно философским мышлением, которое открывает различные сочетания картезианских видов знания с религиозным видом осмысления окружающего мира. Мыслитель создает предпосылку для того, чтобы предложить философский подход в вопросах осмысления религиозного опыта [3. С. 227], а также в обсуждении философских позиций и установок. Русский философ останавливался на идее таких соотношений религиозного опыта и философии:

- религиозный опыт – это существенная составная мышления;
- религиозный опыт связан с философией;
- религиозный опыт организует целостность философской рефлексии;

– религиозный опыт является основой для создания философской картины мира.

Такие суждения дают основание для экскурса к философским концепциям. И.А. Ильин не был единственным, кто размышлял над темой соотношения религиозного опыта и философии. В России таких мыслителей было много. Среди них особо обращают на себя внимание такие ученые, как Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, В.В. Зеньковский и С.Н. Трубецкой.

Н.А. Бердяев, приводя характеристики, которые касаются современной ему эпохи, склоняется к мысли о том, что любое творчество в свободе должно носить религиозное содержание. Он пишет: «Древнее питание философии было питание религиозное. Философия, да и всякое познание, была функцией жизни, а жизнь была органически религиозна. На религиозном питании, на органической связи с народной жизнью была основана философская мудрость Гераклита и Пифагора. Вот почему в досократовской философии было так много здорового реализма, был хороший примитивизм, чувствовался запах земли» [4. С. 59]. Русский философ прямо определяет недостатки современной философии, замечая, что религиозный опыт вышел из объекта рассмотрения и больше не может играть позитивную роль в познании. Однако стремление должно оставаться и усиливаться исходя из интереса к философским вопросам. «Человек имеет не право, а обязанность быть глашатаем высшей полноты истины, т.е. говорить он должен прежде всего *что-то*, а не только о *чем-то*» [5. С. 117]. Н.А. Бердяев замечает, что религиозный опыт должен стать основной целью познания философа и представлять собой *что-то*, т.е. осуществлять подлинное мышление, в то время как у Ильина он – фундамент и основа познавательной практики, и наличие его не зависит от времен. Где есть подлинное познание, там есть религиозный опыт. Особо много стрел выпустил Бердяев в сторону И. Ильина в связи с его книгой «О сопротивлении злу насилиям». Он «наградил» эту работу такими эпитетами, как «кошмарная», «мучительная» и т.д. Н.А. Бердяев пишет: «Книга И. Ильина громко свидетельствует о том, что автор не выдержал духовного испытания нашей страшной эпохи, что он потерпел в ней нравственное поражение» [6. С. 43]. Общий тон критики по отношению к Ильину отразился на воззрении на религиозный опыт.

Обратимся к мнению П.А. Флоренского, который говорил о том, что религиозный опыт обладает объективностью потому, что сама Истина присутствует в нем и через него участвует в познавательном процессе. Соотношение религиозного опыта и религиозной традиции никогда не было второстепенным для П.А. Флоренского (некоторые замечания на тему религиозного опыта в наследии П. Флоренского см. в [7. С. 54]). Религиозный опыт – это предельное основание, которое обуславливает все аспекты познавательного процесса, и, следовательно, там, где есть существенное познание, присутствует религиозный опыт. В сравнении с точкой зрения И.А. Ильина, у П.А. Флоренского религиозный опыт – это более универсальное познание, которое не ранжируется согласно дихотомии выше/ниже. И если у И.А. Ильина религиозный опыт – основание

познания, то у Флоренского – это цель и содержание [8. С. 57]. Это определяет различие при рассмотрении религиозного опыта у данных авторов. Ильин никогда не отождествлял его с догматикой. Религиозный опыт близок к экзистенциальному состоянию познавательной способности человека, а догмат может играть роль критерия качества религиозного мировосприятия.

В.В. Зеньковский в «Истории русской философии», в свою очередь, утверждает, что «некоторые положения Ильина спорны», в частности в том пункте, где он рассматривает существенные стороны религиозного опыта. Зеньковский отмечает, что Ильин не отличает «умозрения» от опыта, «ибо, по его убеждению, во всякой подлинной глубокой философии “спекуляция” покоится на систематическом созерцании предмета, она питается этим опытным восприятием» [9. С. 112]. Умозрение предполагает широкий взгляд на мир, в котором содержатся мирские и религиозные сущности, иногда не пересекаясь, иногда совпадая в содержательном смысле.

В творчестве С.Н. Трубецкого также есть суждения, которые раскрывают понятие религиозного опыта. Так, он пишет: «И наряду с сокровищницей религиозного опыта, религиозной жизни, сохранившейся в подлинном христианстве, существует и собирательная работа научной мысли, которая служит коррективом субъективных мнений» [10. С. 532]. Трубецкой относится к религиозному опыту как к безраздельно религиозной реальности и совершенно не рассматривает вопрос, может ли он присутствовать в других видах теоретического и практического знания. Религиозный опыт является основанием для существенного суждения человека о своей ограниченности.

Современная рефлексия религиозного опыта

Современные исследователи много внимания уделяют в своих работах как собственно философии И.А. Ильина, так и его интерпретации религиозного опыта как одного из оснований философского творчества. В текстах И.А. Ильина проявляется точка зрения, согласно которой религиозный опыт обнаруживает себя в границах жизненного мира. Он замечает: «Философствование обязывает. Сознание этого должно непрестанно гореть в душах тех, кто говорит от лица философии. Оно обязывает уже потому, что философия есть знание; а всякое знание дает духовные права и возлагает духовные обязанности» [2. С. 19]. Таким образом, русский мыслитель позиционирует философию как безусловно духовный вид деятельности личности, которая имеет среди обязанностей честное искреннее философствование, предполагающее самоотдачу. Продолжая мысль И.А. Ильина, исследователь Е.Н. Симонович отмечает: «Рассматривая “духовность” как определяющее начало в человеке, Ильин обращается к понятию “душа” как связующей духа и тела его сущности, как неотъемлемой жизнеутверждающей составляющей внутреннего мира человека» [11. С. 370]. Духовные особенности познания становятся главными аспектами освоения действительности. В них содержатся элементы религиозного опыта, познавательной

активности философского мышления. Поскольку философствует человек, а не абстрактный субъект, постольку вопрос о духовности и душе является определяющим в вопросе о том, какими свойствами будет обладать философия, насколько глубоко она проникнет в смысл существующей действительности и насколько ее выводы будут сочетаться с многосторонним пониманием философии, ее задачи и предмета.

Б.Н. Бессонов в своей статье «И.А. Ильин: путь философа – быть, действовать, философствовать» отмечает, что основной целью философского поиска является духовный мир человека, который полностью раскрывается в религиозном опыте. Значение философии рождается на пересечении жизненного мира и религиозного опыта. Более того, «философский опыт – особый духовно-религиозный опыт» [12. С. 17]. В этом контексте можно сказать, что русский философ решился на мыслительную деятельность, оставаясь в реальности религии и религиозной картины мира. Мысль при таком положении дел приходит к необходимости подчинения дискурсивно-понятийным средствам. Особенность философствования И.А. Ильина заключается в личностной основе любых суждений о научности, которые раскрываются в текстах и свидетельствуют о том, что религиозный опыт может стать темой научно-философского анализа. Важно разделить образ мысли, при котором рациональность не колеблет основ религиозного опыта, а напротив, раскрывает его общеприятные основания.

Л.Н. Сорочник придерживается точки зрения о том, что исчезновение феномена личности из истории России связано с непониманием сущности человека в рамках религиозного опыта. Перед философией в этой связи стоит задача выявить все качества личности на пересечении религиозного опыта и философского вопрошания. Философия является одним из презентантов религиозного опыта и должна заняться подробным анализом конкретно-исторической реальности и ее отражения в философском дискурсе. Субъект и дух соотносятся друг с другом, обнаруживают предметность в методическом подходе и склоняются к мысли о том, что религиозный опыт является первичным по отношению к любой философской деятельности [13. С. 48]. Рациональность и религиозный опыт сохраняют известную автономию по отношению друг к другу. В текстах И.А. Ильина заявляет о себе форма аналитики, которая становится основой для взаимного обогащения идеями и конструкциями мысли метафизики и религиозного опыта.

Философия преодолевает замкнутость на себя всех своих практик, автономия религиозного опыта и метафизики терпит изменения и открывает эти сферы друг для друга. По мере того как знание продвигается к истине, обнаруживается личностный компонент, который играет роль основания для актуализации всех видов опыта, в том числе и религиозного.

М.А. Дубинина в своей статье особо отмечает, что И.А. Ильин придерживался точки зрения абсолютной уникальности государственного опыта России, который может быть раскрыт исключительно посредством

анализа религиозного опыта, который содержит элементы истории и культуры страны. В этом смысле советская власть не может быть использована в качестве опыта, потому что она несет только негативные черты и не может стать несущей конструкцией нового общества в российской реальности [14. С. 47].

Е.Н. Родионова в статье «Основы системы ценностей Ивана Ильина» отмечает, что религиозный опыт определяет цель и сущность философии, поскольку она стремится «исследовать прекрасный и гармоничный мир как вне нас, так и в самих себе, в способности исследовать самое главное – “начало духа”, воплощения Божественного замысла» [15. С. 32]. Люди различны, но их объединяет религиозный опыт, который раскрывает индивидуальный способ бытия.

И.И. Евлампиев в своем фундаментальном исследовании обращает внимание на то, что религиозный опыт можно отчасти заменить предметной рефлексией [16. С. 326]. Это делает мысль И.А. Ильина более понятной и реферированной очевидными фактами из философской деятельности. В этой связи надо заметить, что в религиозном опыте остается ссылка на уникальный и неповторимый личностный опыт, который раскрывается в процессе философствования. В мышлении, которое имеет своим предметом религиозный опыт, важно преодолеть репрессивную логику, т.е. надо оставить в стороне вопрос о подчинении одной сферы другой. В этой связи можно говорить о том, что философия и религия находятся в отношении координации по отношению друг к другу. Открывается простор для того, чтобы в равной степени актуально религиозный и философский опыт были органическими составляющими для продвижения человека по пути к истине. Развитие исторического времени свидетельствует о том, что религиозный опыт и интеллектуальная составляющая были в отношении взаимосвязи и сообщали друг другу различные идеи, которые становились путем продвижения к истине бытия. Даже в современную эпоху приходится констатировать, что религия не ослабляет своего влияния на мышление, и исторические катаклизмы только усиливают позиции религии в интеллектуальной палитре Европы.

Раскрытие религиозного опыта как основания философии и науки

И.А. Ильин выбрал религиозный опыт универсальным началом познавательного процесса, который стал своеобразной новой онтологией в философии. Дискурсы об онтологичности познания в то время захватили самосознание русской мысли, что проявилось во множестве талантливых произведений. Несмотря на глубину позиции И.А. Ильина, неправильно основания философии и рефлексии видеть только в религиозном опыте. В частности, можно сослаться на тот факт, что многие русские мыслители, как показано выше, учитывали в своих работах религиозный опыт как существенную составляющую определенного строя рефлексии, которая определялась в рамках познания.

Например, Н.А. Бердяев основывал бытие и философию на понятии Я. Бёме *Ungrund*, что не помешало ему конструктивно использовать религиозный опыт и даже настаивать на его эвристичности. Фактически в структуре трактатов русских философов находим недвусмысленную отсылку к религиозному опыту. Но о данном понятии можно сказать, что оно является своего рода консервативным препятствием, например, для возобновления дискурса И.А. Ильина в силу того, что сегодня религиозный опыт производит впечатление экзотического и очень специфического начала, обоснованного в особой реальности. Нет сомнений в том, что приходится признать за православием идентификационную силу, в которой так нуждались рассеянные по всему миру русские люди. Но чтобы религиозный опыт стал основой, нужна совершенно другая социальная онтология. В этой связи можно отметить, что произведения И.А. Ильина могут служить парадигмой для написания текста о столь значимой реальности, как религиозный опыт.

В отечественной философии принято положение о том, что религия и метафизика во многом совпадают по своим устремлениям. Эту точку зрения разделяют многие философы, среди которых С.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, В.В. Библихин, С.С. Хоружий, А. Валицкий, Т. Шпидлик, Е.Н. Симоновичи и др. Вот что пишет С.Н. Трубецкой о сходстве задач религиозного опыта и философии: «В древности метафизика первая восстала против языческого многобожия и проповедовала единого духовного Бога свободною разумною проповедью. Она приготовила все просвещенное человечество древнего мира к разумному усвоению начал христианства и, вдохновленная духом Христовым, создала православную догму, христианский гнозис св. отец» [17. С. 34–35]. Продолжая мысль русского мыслителя, можно сказать, что речь идет о метафизике, выполняющей функцию организации разумом и творчеством цельной картины мира путем дополнения натурфилософии и логического знания определенными истинами религиозного откровения. Взаимосвязь религии и метафизики может быть выражена словами известного историка русской философии В.В. Зеньковского, который высказывал суждение о том, что субъекты метафизического мышления «вдохновляются религиозными переживаниями» с целью создать метафизические концепции, характерные для данной эпохи [9. С. 182]. Религия фокусирует внимание мыслящего для того, чтобы он мог создать целостную мировоззренческую систему. История философского знания изобилует примерами на эту тему. Есть школы мысли, которые разделяли такое положение дел. В метафизике можно констатировать, что религиозная вера входит в ее структуру, подчеркивает бытийный строй мысли, стремящейся к высоким сущностям. В процессе интеграции религии в метафизику происходит определенное оправдание перед лицом разума, который устремлен использовать веру в абсолютное для своих глубоких построений. Сущности метафизики могут быть соотношены с культом в такой мере, которая раскрывает возможности метафизики и религии в их тесном переплетении. А философия исторически конкретное лицо философии.

Абсолют не выводится из утверждений метафизики о самых различных предметах. Религия при такой постановке вопроса образует данность, которая реализуется при разъяснении человеку и миру, его окружающему, такие признаки религиозной философии, как вера и убеждения, являющиеся следствием включения в метафизику религиозных сущностей. Комментарий по этому поводу можно найти в размышлениях В.В. Бибикина, который склоняется к мысли о том, что связь религии и метафизики очевидна. Эта связь характеризует такое состояние, при котором метафизика и религия сохраняют определенную автономию мысли и практики. Вопросы метафизики словно в отблеске сравниваются со своими основаниями в религиозном знании, и можно говорить о том, что метафизика и религия взаимодействуют [18. С. 28]. Происходит выдвижение предпосылок, свидетельствующих о постоянном взаимном общении метафизики и религии, которые распространяются далеко за пределы границ каждого из видов знания. Соотношение философии и религии позволяет говорить о том, что данная система является постоянной и взаимообусловленной. Сходные по значению виды знания должны были совмещать свои познавательные возможности с тем, чтобы не ограничивать влияние одного на другое. Н.О. Лосский занимается онтологической гносеологией, С.Л. Франк разрабатывает идею философской психологии, а Н.А. Бердяев обращает свое внимание на парадоксальные выводы этики.

Философия входит в религиозный опыт в качестве части, если следовать мысли И.А. Ильина. Наиболее значительные открытия философии происходили не в столкновении с религией, а в определенных сочетаниях с религиозным опытом. И.А. Ильин своей философией выражает мысль о том, что религия является всеобщей, исходя из личностного склада философской деятельности. Именно в таком качестве она входит в философию в качестве сущности, что приводит к выводу о том, что философия является частью религиозного опыта. В истории философии И. Кант формулирует положение о новой науке, которая может осмыслить метафизические вопросы без участия религии, и называет эту науку «критика чистого разума». В свою очередь И.А. Ильин продолжает мысль, утверждая, что вопросы соотношения философии и религии находятся в русле использования в осмыслении спекулятивных категорий. Появляется возможность, согласно которой раскрытие религиозного опыта становится существенным состоянием философского мышления, и можно вести речь о научности религиозного среза рационального знания. И.А. Ильин учитывает, что в анализе определенных вопросов разум демонстрирует некоторые слабости. Для русского философа нет ничего катастрофического в таком положении дел.

Роль религиозного опыта в осмыслении философии Гегеля

Парадигма Нового времени стремится выразить смысл строгости знания, отождествляемой с математическим освоением действительности. Проект

И.А. Ильина на постоянной основе имеет тенденцию к выражению мысли в умозрительной форме, которая подтверждает основательность термина «философия». Русский философ использует понятие философии в гегелевском смысле. Согласно его точке зрения, философия – это конкретный вид духовности, а не безусловное следование методу и цели. И религиозный опыт не может быть отделен от философии. «Философия всегда имела общее с религией: с религиозным созерцанием подлинного бытия и подлинного совершенства» [3. С. 123]

И.А. Ильин выдвигает на первый план проект, который расходится с основными течениями современной ему философии. Он обходит стороной такие качества, как, например, использование языка экзистенциалов и мифологем вместо основных категорий и понятий классической философии. Объективные формы знания были вытеснены описаниями, выражающими индивидуальный опыт, который не прошел верификацию и конкретизацию в соответствии с традицией. Личный опыт делался всемирно-историческим событием, что берет свое начало в философии С. Кьеркегора, который отрицал существенность диалектического мышления. Экзистенциализм и персонализм захватили интеллектуальный мир, и рефлексивная работа начала продвигаться в соответствии с вектором индивидуализации. Это был период между Первой и Второй мировыми войнами. Философы старательно обходили стороной гегелевскую систему философии, не пытаясь ее снять и включить в свой философский обиход из-за приверженности немецкого философа теологической тематике и христологизму, который был проявлен с особой силой в «Энциклопедии философских наук». Философия Гегеля выражала тяготение к Абсолюту, под которым подразумевался Бог. На этом основании философскую систему Гегеля хотели поставить на музейную полку, не вдаваясь в основную тематику его произведений. В этой связи можно заметить, что метафизика действительно одерживала победу над диалектикой. Например, Ф. Ницше в рубрике мышления «по ту сторону» преодолел диалектику, назвав ее основы злопамятностью, в которой каждое «да» обретает «нет» и восстанавливается баланс позитивного и негативного [19. С. 713]. И.А. Ильин в своей диссертации комментирует такое положение дел. В частности, он пишет: «Утрачено непосредственное чувствование Гегелевской мысли, живое видение с ним вместе его спекулятивных категорий и терминов» [3. С. 16].

И.А. Ильин относится к религиозному опыту с точки зрения его существенности для определения качества философского познания. «Проблемы метафизической онтологии и метафизического познания имеют для философии религиозное значение» [20. С. 123], – писал русский мыслитель. Открывается та особенность, которая говорит о связи религиозного опыта с восточно-христианскими духовными практиками. Можно сказать, что обыденная сторона религиозной концепции проявляется в философии, которая придерживается строгости и методичности. Философия представляет собой последовательное развитие основных аргументов о мире и человеке в целом.

Гегель осмысляет природное целое с помощью методов, которые позволяют квалифицировать его подход как «панэпистемизм». Это в том числе означает, что религия по необходимости попадает в круг внимания в процессе философской работы. Это выражает позицию, согласно которой философия вполне может предложить философское толкование религиозного опыта. Экзистенция может быть полностью выражена в недрах сугубо философского подхода к наличной действительности и при этом учитывать религиозный опыт каждого человека, в том числе и мыслителя научного склада.

Перед русским философом стоит задача соотношения религиозного опыта и философии. Она имеет два плана. Первый план заключается в том, что познавательный процесс не может не учитывать религиозный опыт и понимание не игнорирует его. Далее, если довериться мысли И.А. Ильина, то можно остановиться на точке зрения, согласно которой Понятие-Бог Гегеля является всеобщим и входит в религиозный опыт в качестве сущности, а собственно религиозный опыт становится его частью. И.А. Ильин уверен, что Гегель своей системой отвечает на вопрос о том, как наиболее адекватно должен быть познан религиозный опыт. Можно говорить в таком случае об определенной диалектической логике. Мышление автора самой полноценной философской системы сопряжено с такими видами бытия, как личностное и духовное, что создает основу для создания научно-философской трактовки религиозного опыта. Опыт религиозного познания становится полноправным элементом философского и научного дискурса в философских произведениях авторов Нового времени в целом. Не секрет, что самые крупные и эпохальные трактаты Нового времени в авторстве Декарта, Гоббса, Локка и других философов всегда включали в виде существенной части свои размышления о религии. Но некоторое сомнение характерно для такого положения дел. Несмотря на религиозное качество, подходы к реальности просто отдавали должное христианству. Это были отдельные главы их произведений, а не органическая часть основного текста. И выразить сколько-нибудь строго и научно религиозный опыт они не стремились. Прежде чем стать полноправным философским предметом исследования, религиозный опыт должен пройти через познавательные структуры картины мира, метод, сущность, логос и т.д. И.А. Ильин предпринимает усилия для того, чтобы сделать философскую работу универсальной экспликацией религиозного опыта в философской форме. «В поздний, эмигрантский, период Ильин радикально пересматривает свою прежнюю позицию, постепенно отходит от нее и приходит к онтологическим, гносеологическим, антропологическим, духовно-нравственным ценностям Православия, с которыми и пытается согласовать свой накопленный философский опыт» [21. С. 53].

Русский философ поставил вопросы глубоко и категорично, чем сделал свой труд классическим, и он подтверждает заявленную структуру конструктивности соотношений религиозного опыта и философии. В его концепции можно найти несколько параметров проблемы человека, которые выявлены и изложены

языком гегелевской диалектики. Характерной особенностью является то, что вся концепция Гегеля не представляет собой противоречия с религиозным опытом и религиозной картиной мира несмотря на то, что она является панлогичной. Проблема самосознания личности также раскрывается в системе немецкого диалектика особо ярко. Гегель вырабатывает понятия и категории, которые позволяют анализировать все важнейшие проблемы современности. Но главным можно считать то, что его мыслительный арсенал становится определяющим в вопросах диалектического анализа смысла, истины и веры, которые актуальны в любое историческое время. Данные темы особенно интересуют И.А. Ильина в связи с тем, что осуществляется попытка продумать религиозный опыт с научно-философской точки зрения. В этой связи можно отметить, что Гегель является гиперрационалистом, и он, как показывают его работы, верит в разум. Хотя это утверждение больше и похоже на метафору, оно отражает действительное положение дел. А дело заключается в том, что Гегель придает разумной деятельности диалектические основания для того, чтобы вопрос о философии как строгой науке реализовался в действительности. Итогом этой деятельности явился парадокс. Можно говорить о стремлении преподнести тему человека в тесной связи с темой Абсолюта помимо характеристик человеческого бытия. В данном анализе действительности заявляет о себе развитие мышления, при котором становятся возможными определенные суждения о религии и личности в свечении Абсолюта. Именно в недрах такой философской позиции можно говорить о религиозном опыте как форме научного бытия и философии как строгой науки.

Итак, из вышесказанного можно заключить, что творчество И.А. Ильина занимает одно из лидирующих мест в современных исследованиях, что определяется его емкой позицией по всем вопросам развития философского знания. Одной из главных тем И.А. Ильина стал религиозный компонент философского и научного знания, который во многом определяет качество исследований и придает им целеустремленность и последовательное продвижение по пути истины. В вопросе первичности знания И.А. Ильин отдает приоритет религиозному опыту, который был характерен для философского и научного поиска на ранних стадиях развития общества и в современности. Духовная составляющая обязательно входит в структуру опыта и становится специфической темой философского анализа. Был сделан вывод о том, что религиозный опыт становится во главу угла российской философии. Это возможно, только признав первичность религиозного мировоззрения по отношению к другим видам знания. Из этого можно сделать вывод о том, что религиозный опыт представляет собой духовную основу философского творчества, чем сообщает качество цельности и целеустремленности всей философии в целом. Данная мысль расширяет возможности философии в трактовке действительности, в верификации подходов в изучении наличного бытия. Религиозный опыт не может быть проигнорирован в проблемной постановке вопроса, а следовательно, он играет основополагающую

роль в экспликации основ существующей картины мира.

Чтобы обосновать свою теорию философского познания посредством религиозного опыта, И.А. Ильин пользуется идеей Гегеля о том, что всеобщее в качестве сущности входит в единичное, а единичное является частью всеобщего. На этом основании он делает вывод о том, что всеобщее – это религиозный опыт, а единичное – это метафизика со всей совокупностью

смыслов, с которыми она работает. Таким образом, религиозный опыт служит основанием для подлинной философии. В этой связи он отмечает, что главное в философии – это не метод и цель исследования, а ее духовность и стремление к истине, что рождает установку на исследование бытия религиозной по своей сущности мысли. Религиозный смысл философии связан с таким важным качеством, как ответственность мыслителя, исследующего действительность.

Список источников

1. Kita M. Ecumene of the Logos: Theoretical Affinities Between Italian and Russian Ontologism // *Studies in East European Thought*. 2021. Vol. 73, № 2. P. 141–154.
2. Ильин И.А. Религиозный смысл философии. М.: АСТ, 2003. 694 с.
3. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб.: Наука, 1994. 448 с.
4. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность // *Духовный кризис интеллигенции*. М., 1998. С. 212–243.
5. Бердяев Н.А. Кошмар злого добра // *Путь. Орган русской религиозной мысли*. Кн. I (I–VI). М., 1992.
6. Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. Москва: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2000. 735 с.
7. Коренева Н.А. Понятие религиозного опыта в философии о. Павла Флоренского // *Точки*. 2012. № 1–4 (11). С. 120–121.
8. Павлюченков Н.Н. Флоренский о религиозном опыте и религиозной догматике // *Вестник ПСТГУ*. 2014. № 5. С. 35–44.
9. Зеньковский В.В. История русской философии. Харьков: ФОЛИО; Москва: ЭКСМО-Пресс, 2001. 712 с.
10. Трубецкой С.Н. Метафизика в Древней Греции. М.: Мысль, 2003. 635 с.
11. Симонишвили Е.Н. Проблема духовной сущности человека в философии И.А. Ильина // *Вестник Мурманского государственного технического университета*. 2010. № 7(58). С. 364–373.
12. Бессонов Б.Н. И.А. Ильин: путь философа – быть, действовать, философствовать // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2015. № 7. С. 15–24.
13. Сорочник Л.Н. Концепция личности в трудах И.А. Ильина // *Гуманитарный вектор*. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 5. С. 44–55.
14. Дубинина М.А. Представление И.А. Ильина о будущем государственном устройстве России // *Социология власти*. 2010. № 8. С. 46–55.
15. Родионова Е.Н. Основы системы ценностей Ивана Ильина // *Ценности и смыслы*. 2012. № 4. С. 26–34.
16. Евлампиев И.И. Божественное и человеческое в философии И.А. Ильина. СПб.: Наука, 1998. 512 с.
17. Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории. СПб.: Издательство Олега Абышко; Университетская книга – СПб., 2009. 608 с.
18. Библихин В.В. Философия и религия // *Вопросы философии*. 1992. № 7. С. 14–25.
19. Ницше Ф. *Esse Homo* // *Сочинения: в 2 т.* М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 693–762.
20. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М.: АСТ, 2002. 586 с.
21. Болотнов Г.В. Концепция религиозного опыта И.А. Ильина // *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*. 2009. № 4. С. 48–57.

References

1. Kita, M. (2021) Ecumene of the logos: Theoretical affinities between Italian and Russian ontologism. *Studies in East European Thought*. 2 (73). pp. 141–154.
2. Il'in, I.A. (2003) *Religioznyy smysl filosofii* [The Religious Meaning of Philosophy]. Moscow: AST.
3. Il'in, I.A. (1994) *Filosofiya Gegelya kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka* [Hegel's Philosophy as a Teaching on the Concreteness of God and Man]. Saint Petersburg: Nauka.
4. Berdyayev, N.A. (1998) *Dukhovnyy krizis intelligentsii* [The Spiritual Crisis of the Intelligentsia]. Moscow: Kanon+. pp. 212–243.
5. Berdyayev, N.A. (1992) *Koshmar zlogo dobra* [The Horror of Evil Good]. *Put'. Organ russkoy religioznoy mysli*. Book 1 (I–VI).
6. Berdyayev, N.A. (2000) *Sud'ba Rossii: Sochineniya* [The Fate of Russia: Works]. Moscow: EKSMO-Press; Khar'kov: Folio.
7. Koreneva, N.A. (2012) *Ponyatie religioznogo opyta v filosofii o. Pavla Florenskogo* [The Concept of Religious Experience in the Philosophy of Pavel Florensky]. *Tochki*. 1–4 (11). pp. 120–121.
8. Pavlyuchenkov, N.N. (2014) *Florenskiy o religioznom opyte i religioznoy dogmatike* [Florensky on religious experience and religious dogmatics]. *Vestnik PSTGU*. 5. pp. 35–44.
9. Zen'kovskiy, V.V. (2001) *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Kharkov: FOLIO; Moscow: EKSMO-Press.
10. Trubetskoy, S.N. (2003) *Metafizika v Drevney Gretsii* [Metaphysics in Ancient Greece]. Moscow: Mysl'.
11. Simonishvili, E.N. (2010) *Problema dukhovnoy sushchnosti cheloveka v filosofii I.A. Il'ina* [The problem of the spiritual essence of man in the philosophy of Ivan Ilyin]. *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 7 (58). pp. 364–373.
12. Bessonov, B.N. (2015) *I.A. Il'in: put' filosofa – byt', deystvovat', filosofstvovat'* [Ivan Ilyin: The path of a philosopher is to be, to act, to philosophize]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. 7. pp. 15–24.
13. Sorochnik, L.N. (2011) *Kontseptsiya lichnosti v trudakh I.A. Il'ina* [The Concept of Personality in the Works of Ivan Ilyin]. *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*. 5. pp. 44–55.
14. Dubinina, M.A. (2010) *Predstavlenie I.A. Il'ina o budushchem gosudarstvennom ustroystve Rossii* [The presentation of Ivan Ilyin on the future state structure of Russia]. *Sotsiologiya vlasti*. 8. pp. 46–55.
15. Rodionova, E.N. (2012) *Osnovy sistemy tsennostey Ivana Il'ina* [Foundations of Ivan Ilyin's value system]. *Tsennosti i smysly*. 4. pp. 26–34.
16. Evlampiev, I.I. (1998) *Bozhestvennoe i chelovecheskoe v filosofii I.A. Il'ina* [Divine and Human in Ivan Ilyin's Philosophy]. Saint Petersburg: Nauka.
17. Trubetskoy, S.N. (2009) *Uchenie o Logose v ego istorii* [The Doctrine of Logos in Its History]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko; Universitetskaya kniga – SPb.
18. Bibikhin, V.V. (1992) *Filosofiya i religiya* [Philosophy and Religion]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 14–25.
19. Nietzsche, F. (1990) *Sochineniya* [Works]. Translated from German. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 693–762.
20. Il'in, I.A. (2002) *Aksiomy religioznogo opyta* [Axioms of Religious Experience]. Moscow: AST.
21. Bolotnov, G.V. (2009) *Kontseptsiya religioznogo opyta I.A. Il'ina* [Ivan Ilyin's Concept of Religious Experience]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 4. pp. 48–57.

Информация об авторе:

Усачев А.В. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия). E-mail: a.usacev@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6150-2050

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Usachev, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Bunin Yelets State University (Yelets, Russian Federation). E-mail: a.usacev@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6150-2050

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.10.2023;
одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 30.07.2024.*

*The article was submitted 10.10.2023;
approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 30.07.2024.*

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 327.8
doi: 10.17223/15617793/504/10

Растущая роль Ирана в евразийских транспортно-коммуникационных проектах

Елена Геннадьевна Гарбузарова¹

¹ Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия, play_elenag@mail.ru

Аннотация. Исследована активная транспортно-коммуникационная политика Ирана в Евразии как растущего регионального центра геополитического влияния. Проанализировано современное состояние сотрудничества Ирана с Россией, Китаем и странами Центральной Азии в сфере реализации транспортно-логистических проектов. Сделан вывод, что политическое руководство Ирана, опираясь на свой транспортно-транзитный потенциал, стремится играть более значительную роль в региональных экономических и политических процессах, позиционируя себя ведущим транспортно-логистическим хабом в Евразии.

Ключевые слова: Иран, транзитный потенциал, транспорт, Россия, Китай, проект «Один пояс–Один путь», Центральная Азия, международный транспортный коридор «Север–Юг», геополитика

Для цитирования: Гарбузарова Е.Г. Растущая роль Ирана в евразийских транспортно-коммуникационных проектах // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 100–106. doi: 10.17223/15617793/504/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/10

Iran's growing role in Eurasian transport and communication projects

Elena G. Garbuzarova¹

¹ Kyrgyz Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyz Republic, play_elenag@mail.ru

Abstract. Iran, belonging to the “middle powers” type in terms of its military and economic capabilities, is one of the influential and energetic states in Eurasia with great ambitions. In the emerging new geopolitical reality, accompanied by an imbalance of the existing international system and a change in the configuration of forces, Iran positions itself as an important regional player. The aim of this study is to analyze the growing role of Iran in the emerging Eurasian transport and communication systems. The emerging transport and communication systems in Eurasia with the participation of two major regional centers of power – Russia and China – became a challenge for Iran. The respond of the Iranian administration is increasing the activity of its Eurasian diplomacy. In turn, Russia and China, recognizing Iran's unique geopolitical location, show interest in building strategic and mutually beneficial cooperation in the field of joint implementation of transport and communication projects. Iran's transit potential is one of the factors contributing to the strengthening of cooperation with the countries of Central Asia. At the same time, there is mutual interest when the countries of Central Asia that do not have access to the open sea respond positively to Iran's proposal to strengthen transport and communication cooperation. The Chinese BRI project, where Central Asian countries play a key role, opened a new chapter in bilateral cooperation between Iran and China. In Iran, China is perceived as an ally in the fight against American hegemony, which allows us to talk about the Sino-Iranian model of cooperation that developed in the conditions of the formation of a new world order. The author concludes that Iran has good opportunities for wider involvement in regional processes due to its geostrategic position. Iran's transit advantages allow it to play a significant role in the emerging Eurasian transport and logistics systems and position itself as the leading transport and logistics hub of Eurasia. In view of the global geopolitical competition that changed international trade flows, the importance of countries that have significant transit potential and can offer attractive alternative routes is increasing. In this regard, Iran is a rather interesting partner, acting as a bridge between North and South, East and West. Given the geopolitical and geo-economic potential, Iran's role in regional and global processes will increase.

Keywords: Iran, transit potential, transport, logistics, Russia, China, The Belt and Road Initiative (BRI), Central Asia, international North–South transport corridor

For citation: Garbuzarova, E.G. (2024) Iran's growing role in Eurasian transport and communication projects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 100–106. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/10

Введение

В современной историографии международных отношений вопрос о внешней политике Ирана и ее

евразийском измерении нашел отражение в работах российских и иранских ученых (А.М. Вартамян, В. Са- жин, И.В. Федулов, В. Юртаев, Mehdi Sanaie, Jahangir Karami, Arash Reisinezhad, Hassan Noorali, Seyyed

Abbas Ahmadi и др.). Однако в нынешних международно-политических реалиях, характеризующихся существенными трансформациями, данная проблема актуализировалась и заслуживает внимание исследователей.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью исследования растущей роли Ирана в новых политических и экономических условиях, которые возникли в результате трансформации мирового порядка. Иран, относящийся к типу «средних держав» по своим военно-экономическим возможностям, представляет собой одно из влиятельных и энергичных государств в Евразии с большими амбициями. Учитывая геополитический и геоэкономический потенциал, роль Ирана в региональных и глобальных процессах будет нарастать. Современная система международных отношений претерпевает глубокие изменения, сопровождающиеся подъемом «средних держав» и усилением их регионального и глобального влияния. Характеризуя мировой порядок, справедливо отмечает американский ученый Р. Хаас, что «влияние одних стран падает, а других поднимается в результате изменения потенциала, ослабления воли и растущих амбиций» [1. Р. 22].

Иран, расположенный на стыке Ближнего и Среднего Востока, имеет выгодное географическое положение в Евразии, благодаря которому создаются условия для развития транзитного потенциала страны. Выход Ирана к морям и проливам усиливает его стратегическое значение в регионе и позволяет использовать это преимущество как средство достижения внешнеполитических целей. Приоритетом Ирана во внешней политике является преодоление международной изоляции посредством налаживания более тесных торгово-экономических связей с региональными государствами, а также интеграции в существующие международные транспортно-коммуникационные проекты. Решение этой стратегической задачи требует от иранского руководства уделять пристальное внимание развитию транспортной инфраструктуры страны, которая позволит нарастить транзитные перевозки грузов. В принципе в последние годы руководство Ирана прилагает немало усилий с целью усовершенствовать свой транспортно-коммуникационный потенциал и превратить свои крупные транзитные порты Бендер-Аббас и Чабахар в региональные хабы. Желание усилить свою региональную роль и заручиться поддержкой евразийских государств сподвигло Иран принять судьбоносные решения для страны: во-первых, пролоббировать вопрос о своем полноценном членстве в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), во-вторых, подписать со странами евразийской интеграции меморандум о свободной торговле в январе 2023 г.

Целью данной статьи является анализ растущей роли Ирана в евразийских геоэкономических и геополитических процессах. Геополитический подход лег в основу методологической базы исследования. На фоне напряженных отношений между странами Запада и Россией большое значение приобретают транзитные возможности Ирана и его конкурентные преимущества в рамках общей евразийской транспортно-коммуникационной системы, позволяющие иранскому истеблишменту реализовывать планы по интеграции в глобальные инициативы.

Центральная Евразия в фокусе иранской геополитики

В настоящее время термин «Евразия» можно по-разному трактовать, используя сложившиеся теоретические подходы [2]. Однако в данном исследовании за основу берется геополитический подход, в соответствии с которым под «Евразией» понимают большое географическое пространство, в границах которого некогда существовала Советская держава, а после ее распада в 1991 г. появились постсоветские государства. Этот великий регион, известный британский геополитик Хэлфорд Дж. Маккиндер, назвал сердцем континента, или Хартлендом [3. С. 151].

Некогда в Евразии сформировался «Большой Иран», в который входили страны Среднего Востока, Центральной Азии и Ближнего Востока [4]. В то время это огромное геополитическое пространство от р. Нил на западе до р. Инд на востоке именовалось Древней Персией, носившей статус сверхдержавы [5]. Могущественная Персидская империя распространила свое влияние далеко за географические границы современного Ирана и интегрировала в свою сферу влияния огромные территории Евразии. Так, Древнюю Персию формировали такие государства, как Месопотамия, Сирия, Египет, Малая Азия, города и острова Греции, часть Индии, Мавераннахр и Средняя Азия вплоть до Сырдарьи и Памира, Кавказ и район Персидского залива [6. С. 23]. Однако нужно понимать, что концепция «Большой Иран» носит сугубо историко-культурный характер и не является политическим термином. Между тем, с геополитической точки зрения, понятие «Большой Иран» объединяет только те государства, которые имеют не только общее культурное наследие, но и единые этнолингвистические корни. Речь идет собственно о самом Иране, Таджикистане и Афганистане [7].

На современном этапе сотрудничество с евразийскими государствами (в данном исследовании речь пойдет преимущественно о России, Китае и странах Центральной Азии) представляет внешнеполитический интерес для Ирана. Стремление к развитию взаимовыгодного сотрудничества с этими странами, особенно в сфере экономики и транспортных коммуникаций, стало одним из факторов появления стратегии «поворота на Восток» [8. Р. 27]. Сотрудничество с евразийскими странами все больше актуализируется для иранской дипломатии, особенно на фоне неблагоприятных международных реалий, сопровождающихся усилением конфронтации между коллективным Западом и Россией.

Особое место в евразийской внешнеполитической стратегии Ирана отводится взаимоотношениям со странами Центральной Азии как части «Большого Ирана». Это доказывают заявления президента Ирана Ибрагима Раиси, который подчеркнул, что «в Центральной Азии есть страны, обладающие очень значительным потенциалом, и развитие связей Ирана с этими странами находится сейчас на повестке дня правительства» [9]. Иран и страны региона связывает не только общее историко-культурное наследие, но и

большие возможности для сотрудничества в ключевых сферах. Из всех стран Центральной Азии (в данном исследовании под регионом понимается пять суверенных республик – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), Иран имеет общую географическую границу только с Туркменистаном. На протяжении 30 лет Иран демонстрировал повышенный интерес к региону, усиливая сначала идеологический, а впоследствии прагматичный аспект вектора своей дипломатии на этом внешнеполитическом направлении. Региональная геополитическая активность ведущих центров силы побуждала иранскую администрацию к проведению активной политики в странах Центральной Азии, которая проявлялась в стремлении интенсифицировать сотрудничество в двустороннем и многостороннем форматах на долгосрочную перспективу. Однако сотрудничество между Ираном и странами Центральной Азии не отличалось особым динамизмом и развивалось по инерции. Благодаря железной дороге, открытой в 2014 г., связавшей Иран с Центральной Азией через территорию Туркменистана, двусторонние отношения получили новый импульс развития, при этом отличались разной степенью интенсивности.

В формирующейся новой геополитической реальности, сопровождающейся разбалансировкой существующей международной системы и изменением конфигурации сил, Иран, опираясь на свой транзитный потенциал, позиционирует себя важным региональным игроком. Складывающиеся транспортно-коммуникационные системы в Евразии с участием двух крупных региональных центров силы – России и Китая – стали для Ирана своеобразным вызовом, отвечая на который иранская администрация усиливает активность своей евразийской дипломатии. В свою очередь, Россия и Китай, признавая уникальное геополитическое расположение Ирана, проявляют интерес к выстраиванию стратегического и взаимовыгодного сотрудничества в сфере совместной реализации транспортно-коммуникационных проектов.

Транзитный потенциал Ирана и его значимость в условиях глобальной геополитической конкуренции

Геополитическая напряженность между странами Запада и Россией запустила процесс переоценки транспортно-коммуникационных коридоров и смещение фокуса в юго-восточном направлении Евразии, где постепенно создаются благоприятные условия для углубления торговых и транзитных связей. Разворачивается конкуренция между несколькими крупными евразийскими инфраструктурными проектами, продвигаемыми ведущими региональными игроками – Россией и Китаем. Формирующаяся новая геополитическая реальность стимулирует Иран активизировать свои усилия по укреплению и расширению своих региональных позиций посредством продвижения транспортно-транзитных инициатив.

Несмотря на сложную геополитическую ситуацию в мире и выход США из Совместного Всеобъемлющего плана действий (СВПД), руководство Ирана

смогло сохранить умеренный рост своей экономики. По данным МВФ, в 2023 г. Иран занял 21-е место среди крупнейших экономик мира. Индекс Ирана по ППС составил 1,616 трлн долл., продемонстрировав рост на 161 млрд долл. по сравнению с 2022 г. [10]. Интересно, что такие показатели Иран демонстрирует даже на фоне внутренних социальных потрясений, с которыми правящий режим пока что справляется. При этом социальные потрясения в Иране во многом обусловлены несправедливым распределением национальных доходов. Удачная внешняя политика, сопровождающаяся усилением региональных позиций Ирана за счет его выгодного геостратегического положения и удобных геополитических обстоятельств, позволит продлить жизнеспособность исламского политического режима.

Главным преимуществом Ирана в борьбе за усиление его роли в евразийских политических и экономических процессах является выгодное географическое положение, которое заключается в выходе к морям и океанам. Справедливо отмечает иранский ученый Араш Рейсинижад, что геополитическую стратегию Ирана формирует не столько его революционная идеология, сколько его география и история [11]. Иран имеет доступ к Каспийскому морю, а через Персидский и Оманский заливы выходит к Индийскому океану. Благодаря такому стратегическому положению Иран стремится развивать собственный транзитный потенциал, позиционируя себя важным звеном евразийских транспортно-коммуникационных проектов. Так, иранские ученые Хасан Нурали и Сейед Аббас Ахмади отмечают, что Иран исторически выполнял роль важного транзитного узла [12]. На современном этапе эта роль существенно возросла, и Иран превратился в важнейший хаб, связывающим Восток и Запад через китайский проект «Один пояс–Один путь» (ОПОП), а также Север и Юг посредством международного транспортного коридора (МТКСЮ) [12]. Так как эти транспортные проекты проходят через иранскую территорию, Хасан Нурали и Сейед Аббас Ахмади приходят к выводу, что Иран является «сердцем» мировых транспортных маршрутов [12].

С одной стороны, руководство Ирана уделяет пристальное внимание развитию и расширению внутренней транспортной инфраструктуры. Так, в соответствии с долгосрочной стратегией развития Ирана до 2025 г. протяженность железных дорог в стране должна составлять 25 тыс. км [13]. Иранский парламент единогласно принял решение о том, что 1% годовых доходов от продажи нефти Ирана будет выделяться на развитие железных дорог [14]. Однако власти страны не только делают акцент на расширении железных дорог, но и прилагают немалые усилия для создания широких возможностей в морских портах. Параллельно с развитием железнодорожной инфраструктуры Иран стремится активно развивать систему торговых портов в Персидском заливе и на побережье Каспийского моря [15].

С другой стороны, проводится целенаправленная политика по расширению сотрудничества с соседними государствами в транспортной сфере и интеграция в продвигаемые ими транспортные проекты. Наиболее

перспективным для Ирана является МТКСЮ, соглашение о реализации которого было подписано в сентябре 2000 г. МТКСЮ соединяет в единую транспортную систему Индию, Иран и Россию и имеет существенный потенциал для того, чтобы стать важным звеном евразийских транспортных коммуникаций. В этом транспортном проекте Иран намерен реализовать две стратегические задачи: во-первых, стать связующим звеном между двумя гигантскими евразийскими экономиками – Россией и Индией, во-вторых, стать посредником между Индией и странами евразийской интеграции [16]. Если данный маршрут заработает на полную мощь, то это позволит странам Евразии получить хорошие торговые и инвестиционные выгоды [17]. До недавнего времени потенциал МТКСЮ использовался не в полной мере, о чем свидетельствовал незначительный поток товаров, перевозимых по этому транспортному коридору. Во многом развитию МТКСЮ не уделялось должного внимания по причине отсутствия политической воли. В условиях геополитической конфронтации между странами Запада и Россией и изменения торговых потоков роль МТКСЮ значительно возросла. Именно поэтому Россия и Иран договорились достроить важное звено МТКСЮ – железную дорогу Решт–Астара в иранской провинции Гилян в январе 2022 г. Россия согласилась выделить кредит в размере 1,3 млрд евро из необходимых 1,6 млрд евро на финансирование данного проекта [18]. В случае достройки этого участка дороги, МТКСЮ заработает в полную силу и увеличит объемы торговли между Россией, Ираном, Прикаспийскими государствами и Индией.

Транзитный потенциал Ирана является одним из факторов, содействующих укреплению сотрудничества со странами Центральной Азии. При этом речь идет о взаимном интересе, когда страны Центральной Азии, не имеющие выхода к открытому морю, позитивно реагируют на предложение Ирана укреплять транспортно-коммуникационное сотрудничество. Так, в октябре 2022 г. в Тегеране состоялась встреча министров транспорта Ирана и пяти стран Центральной Азии, на которой участники обсуждали вопросы скоординированной транспортной политики [19]. На встрече страны-участницы договорились оцифровать транзитные процессы, облегчить работу посольств и выдачу виз, особенно для транзитных водителей. Освещая данное событие, иранские СМИ подчеркнули, что подобные договоренности являются беспроигрышными для всех сторон [20]. Также было отмечено, что «государствам Центральной Азии, не имеющим выхода к морю, не придется беспокоиться о доступе к международным транспортным коридорам, а Иран, в свою очередь, превратится в транзитный узел, увеличив годовой объем перевозок до более чем 20 млн тонн» [20].

Благодаря железной дороге, запущенной в 2014 г. по маршруту Иран–Туркменистан–Казахстан, резко увеличился грузопоток между этими странами. В настоящее время заметно активизировалось транспортно-логистическое сотрудничество Ирана и Узбе-

кистана. Желание диверсифицировать свои внешнеэкономические связи подталкивает узбекское руководство к реализации совместных с Ираном транспортных проектов, которые открывают Узбекистану доступ к странам Южной Азии. В этой связи интерес для Узбекистана представляют иранские порты, которые позволяют увеличить объемы внешней торговли. Узбекские бизнесмены планируют построить свои склады и терминалы в Бендер-Аббасе и Чабахаре. Налажен экспорт узбекских товаров через Туркменистан в порт Бендер-Аббас, отличающийся своей развитой инфраструктурой. В сентябре 2022 г. Иран и Узбекистан договорились об организации пилотных грузовых автомобильных перевозок через Чабахар [21]. Постепенно иранский порт Чабахар становится крупным торгово-транзитным хабом в Евразии. Именно поэтому политическое руководство Ирана увеличило пропускную способность Чабахара с нынешних 2,5 до 8,5 млн т в год, а в перспективе планирует довести эти показатели до 33 млн т [22]. Реализации этой амбициозной задачи будет содействовать железная дорога Чабахар–Захедан, строительство которой планируют завершить в 2024 г.

Стремление к диверсификации внешнеторговых партнеров заметно и у остальных стран Центральной Азии, которые на фоне антироссийских санкций рассматриваются как альтернативным транспортным маршрутам, ведущих в страны Южной Азии и Европу. В приоритетах у Таджикистана развивать сотрудничество со странами региона в сфере транспорта и логистики. В активной стадии обсуждения находится проект строительства мультимодального коридора из Китая в Турцию через Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан и Иран, который придаст импульс развития региональной торговли и увеличит грузовые перевозки [23].

В новых геополитических реалиях Иран и Кыргызстан стремятся укрепить двустороннее сотрудничество. Можно отчетливо наблюдать, как стороны наращивают объемы взаимной торговли во многом благодаря запуску в 2022 г. железной дороги по маршруту Кыргызстан–Узбекистан–Туркменистан–Бендер–Аббас.

Иран как перспективный партнер китайского инфраструктурного проекта «Один пояс–Один путь»

Политическое руководство Китая отводит Ирану особое место в своих внешнеполитических планах в Евразии. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, интерес Китая к Ирану связан с его выгодным геополитическим положением. «Являясь главной силой в регионе Персидского залива и авторитетной державой на Ближнем Востоке, Иран связывает эти точки с Южной Азией, Центральной Азией и Кавказом» [8. Р. 30]. Во-вторых, транзитный потенциал Ирана представляет интерес для реализации геоэкономических планов Китая, направленных на интеграцию в единую транспортно-инфраструктурную систему стран, расположенных вдоль Шелкового пути. В-третьих, Китай заинтересован в углеводородных ресурсах Ирана для удовлетворения своих растущих энергетических по-

требностей. В свою очередь, руководство Ирана нуждается в китайских инвестициях для развития экономики. За последние несколько лет Китай заменил Европу в качестве основного торгового партнера Ирана. Так, в соответствии с «Всеобъемлющей программой сотрудничества между Исламской Республикой Иран и Китайской Народной Республикой», подписанной между двумя сторонами в марте 2021 г. руководство Китая намерено вложить 120 млрд долл. в модернизацию транспортной, производственной и социальной инфраструктуры Ирана [24]. Стремительными темпами растет товарооборот между двумя странами. По итогам 2022 г. он достиг 15,7 млрд долл. Вступление Ирана в ШОС стало для Китая стимулирующим фактором для увеличения инвестиций в иранскую экономику и важным этапом реализации сухопутной части проекта «Один пояс—Один путь» [25. С. 142].

С момента анонсирования проекта ОПОП Иран стал проявлять интерес к участию в нем в надежде возродить свою особую роль связующего звена между странами Востока и Запада [26. С. 19]. По сути, китайский проект ОПОП открыл новую главу в двустороннем сотрудничестве Ирана и Китая. В Иране воспринимают Китай как соратника в борьбе против американского гегемонизма [27], что позволяет говорить о сино-иранской модели сотрудничества, которая сложилась в условиях формирования нового мирового порядка.

Через территорию Ирана проходит несколько маршрутов в рамках китайского глобального трансконтинентального проекта ОПОП. Один из таких железнодорожных маршрутов Китай—Казахстан—Туркменистан—Иран является наименее быстрым по сравнению с морским из Шанхая в Бендер-Аббас [28] и занимает 15 дней в пути. Второй не менее значимый маршрут — это Иран—Афганистан—Узбекистан, который соединяет Китай с Европой через Ближний Восток. Однако международные санкции, наложенные на Иран, не позволяют в полной мере воспользоваться широкими экономическими возможностями, которые открывает участие в китайском проекте. Тем не менее подобные ограничения не влияют на внешнеполитический курс иранского истеблишмента, направленного на активизацию взаимодействия с евразийскими государствами.

Благодаря ОПОП Иран стал ближе к странам Центральной Азии и получил возможность стать активным игроком в регионе. Однако в процессе реализации своих интересов Ирану, по мнению иранских исследователей, следует опираться на общее историко-культурное наследие со странами региона и использовать

геокультурные инструменты влияния [29. Р. 235]. Думается, что иранские ученые правы и геокультурная модель поведения Ирана усилит его геополитическую конкурентоспособность и послужит хорошей основой для продвижения его стратегических интересов в странах Центральной Азии. В этом случае Иран продемонстрирует уважение к традиционному геополитическому влиянию России в Центральной Азии и укреплению регионального геоэкономического присутствия Китая.

Заключение

Таким образом, во внешнеполитической стратегии Ирана евразийскому направлению отводится особое место, что обусловлено, во-первых, общим историко-культурным наследием с государствами этого географического пространства, во-вторых, прагматичным расчетом с акцентом на укреплении сотрудничества в сфере экономики и транспортных коммуникаций. Прозвучание Ирана во многом зависит от характера и интенсивности сотрудничества с евразийскими государствами.

Благодаря своему геостратегическому положению Иран имеет хорошие возможности для более широкого вовлечения в региональные процессы. Транзитные преимущества Ирана позволяют ему играть значительную роль в формирующихся евразийских транспортно-логистических системах и позиционировать себя ведущим транспортно-логистическим хабом Евразии. Ввиду глобальной геополитической конкуренции, которая изменила международные торговые потоки, повышается значение тех стран, которые имеют существенный транзитный потенциал и могут предложить привлекательные альтернативные маршруты. В этом отношении Иран является довольно интересным партнером, выступающим в качестве моста между Севером и Югом, Востоком и Западом. При этом даже в условиях санкционного давления со стороны стран Запада у Ирана имеются хорошие возможности укрепить сотрудничество с евразийскими государствами и усилить свою роль не только в евразийских транспортно-коммуникационных проектах, но и в мировой политике в целом. Нарастив сотрудничество с такими региональными игроками, как Россия и Китай, руководство Ирана не только расширяет круг своих стратегических партнеров и геополитических единомышленников, выступающих против американской гегемонии, но и поддерживает баланс сил в Евразии.

Список источников

1. Haas R. How a World Order Ends. And What Comes in Its Wake // *Foreign Affairs*. 2019. Vol. 98. P. 22–30.
2. Лагутина М.Л., Темнышев И.А. Эволюция понятия «Евразия» в современном гуманитарном знании // *Современные евразийские исследования*. 2016. № 1. С. 17–25.
3. Маккиндер Х. Географическая ось истории. М. : АСТ, 2021. 288 с.
4. Юртаев В. Иран в Евразии: вызовы «исламского пробуждения» // *Интерлос*. URL: <http://intelros.ru/readroom/razvitie-i-ekonomika/r5-2013/19962-iran-v-evrazii-vyzovy-islamskogo-probuzhdeniya.html> (дата обращения: 27.09.2023).
5. Комлева Н.А. Иран: геополитический портрет // *Электронное научное издание Альманах пространство и время*. 2016. Т. 13, № 1. С. 5.
6. Риза Ша'бани. Краткая история Ирана. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2008. 384 с.
7. Геополитика Ирана. URL: <https://katehon.com/ru/article/geopolitika-irana> (дата обращения: 17.10.2023).
8. Sanaie M., Karami J. Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19. P. 25–49.

9. Раиси И. Общение с соседними, мусульманскими и союзными странами является приоритетом внешней политики Ирана. URL: <https://parstoday.ir/ru/news/iran-i192218> (дата обращения: 17.10.2023).
10. Иран поднялся на одно место в рейтинге МВФ по размеру ВВП. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/5ee9bbd9> (дата обращения: 17.10.2023).
11. Arash Reisinezhad. Iran's Geopolitical Strategy in the West Asia: Containment of 'Geography' and 'History' // *Iranian Review of Foreign Affairs*. 2021. Vol. 11, № 1. P. 59–88.
12. Noorali H., Ahmadi S.A. Iran's new geopolitics: heartland of the world's corridor // *GeoJournal*. August 2022. URL: https://www.researchgate.net/publication/362535883_Iran's_new_geopolitics_heartland_of_the_world's_corridors (дата обращения: 17.10.2023).
13. Вартанян А.М. Транспортная стратегия Ирана как внешнеполитический инструмент // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=11305&ysclid=lniqlp9e9995248626> (дата обращения: 14.09.2023).
14. Федулов И.В. Проекты модернизации транспортной инфраструктуры Ирана // Восточная аналитика. 2016. № 4. С. 38–46.
15. Задонский С.М. Общая характеристика инфраструктуры морского транспорта ИРИ // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=9804&ysclid=lnl9ycbzx932684216> (дата обращения: 10.09.2023).
16. Саркисян И.В. Проблемы и перспективы взаимодействия Ирана и ЕАЭС // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=52342&ysclid=ln0h149ohx992433356> (дата обращения: 06.10.2023).
17. Винокуров Е. «Север–Юг»: строительство транспортного каркаса Евразии // Клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sever-yug-stroitelstvo-transportnogo-karkasa-evrazii/?ysclid=lnl82h9tlk749553288> (дата обращения: 16.10.2023).
18. Россия даст в кредит €1,3 млрд на строительство железной дороги в Иране // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/05/2023/6464d6bd9a794744d3582605?ysclid=lnj3919chd380768647> (дата обращения: 12.10.2023).
19. Иран и страны Центральной Азии приняли совместное заявление по транспортному сотрудничеству // *News Central Asia*. URL: <https://www.newscentralasia.net/2022/10/10/iran-i-strany-tsentralnoy-azii-prinyali-sovmestnoye-zayavleniye-po-transportnomu-sotrudnichestvu/> (дата обращения: 12.10.2023).
20. Iran initiates transit cooperation with Central Asian countries. URL: <https://www.presstv.ir/Detail/2022/10/09/690674/Iran-initiates-transit-cooperation-with-Central-Asian-countries> (дата обращения: 12.10.2023).
21. Узбекистан выходит к открытому океану через Туркменистан и Иран // *News Central Asia*. URL: <https://www.newscentralasia.net/2022/09/15/uzbekistan-vykhodit-k-otkryтому-okeanu-cherez-turkmenistan-i-iran/> (дата обращения: 18.10.2023).
22. Каледжи В. Транзитный проект порта Чахбехар: восточное крыло международного транспортного коридора «Север – Юг» // Клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tranzitnyy-proekt-porta-chakhbekhar/?ysclid=lnifxj3n7a844069043> (дата обращения: 23.10.2023).
23. Глава Таджикистана призвал к скорейшему вводу транспортного коридора от Турции до КНР // Рамблер. URL: https://finance.rambler.ru/economics/51741608/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 14.09.2023).
24. Сажин В. Иран–Китай: стратегический союз? // Журнал Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29749?ysclid=lnlmpdl71176116845> (дата обращения: 05.09.2023).
25. Мамедова Н.М. Иран в 2022 г. Итоги первого года работы правительства Э. Раиси // *Свободная мысль*. 2023. № 2 (1698). С. 139–150.
26. Белоглазов А.В., Хафизова Э.И. Политика России и Ирана в Каспийском регионе в контексте китайского проекта «Один пояс–Один путь» // *Общество: политика, экономика, право*. 2017. № 3. С. 10–18.
27. Сажин В. Иран и Китай – взаимные интересы // Журнал Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/35068?ysclid=lnlwsa0tax197929414> (дата обращения: 14.11.2023).
28. Варданян А.С. О политике Ирана по развитию железнодорожного транспорта // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=45610&ysclid=lnk9rs8i6x386825341> (дата обращения: 12.10.2023).
29. Majidi M.R., Farashah M.H.D. Elements and Obstacles of Iran's Geocultural Approach to China's Belt and Road Initiative in Central Asia // *Journal of Central Eurasia Studies*. 2020. Vol. 13, № 1. P. 233–252.

References

1. Haas, R. (2019) How a world order ends, and what comes in its wake. *Foreign Affairs*. 98. pp. 22–30.
2. Lagutina, M.L. & Temnyshev, I.A. (2016) Evolyutsiya ponyatiya "Evraziya" v sovremennom gumanitarnom znanii [Evolution of the concept of Eurasia in modern humanitarian knowledge]. *Sovremennye evraziyskie issledovaniya*. 1. pp. 17–25.
3. Mackinder, H. (2021) *Geograficheskaya os' istorii* [The Geographical Pivot of History]. Translated from English. Moscow: AST.
4. Yurtaev, V. (2013) Iran v Evrazii: vyzovy "islamskogo probuzhdeniya" [Iran in Eurasia: challenges of the Islamic revival]. *Razvitie i ekonomika*. 5. [Online] Available from: <http://intelros.ru/readroom/razvitie-i-ekonomika/r5-2013/19962-iran-v-evrazii-vyzovy-islamskogo-probuzhdeniya.html> (Accessed: 27.09.2023).
5. Komleva, N.A. (2016) Iran: geopoliticheskiy portret [Iran: a geopolitical portrait]. *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh prostranstvo i vremya*. 1 (13). P. 5.
6. Sha'bani, R. (2008) *Kratkaya istoriya Irana* [A Selected History of Iran]. Translated from Farsi. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
7. Katehon. (2016) Geopolitika Irana [Geopolitics of Iran]. *Katehon*. 22 February. [Online] Available from: <https://katehon.com/ru/article/geopolitika-irana> (Accessed: 17.10.2023).
8. Sanaie, M. & Karami, J. (2021) Iran's Eastern policy: potential and challenges. *Russia in Global Affairs*. 19. pp. 25–49.
9. ParsToday. (2023) Raisi: Obshchenie s sosednimi, musul'manskimi i soyuznymi stranami yavlyatsya prioritetom vneshney politiki Irana [Raisi: Communication with neighboring, Muslim and allied countries is a priority of Iran's foreign policy]. *ParsToday*. 08 November. [Online] Available from: <https://parstoday.ir/ru/news/iran-i192218> (Accessed: 17.10.2023).
10. Krasnaya vesna. (2023) Iran podnyalsya na odno mesto v reytinge MVF po razmeru VVP [Iran moved up one place in the IMF GDP ranking]. *Krasnaya vesna*. 14 October. [Online] Available from: <https://rossaprimavera.ru/news/5ee9bbd9> (Accessed: 17.10.2023).
11. Iranian Review of Foreign Affairs. (2021) Arash Reisinezhad. Iran's Geopolitical Strategy in the West Asia: Containment of 'Geography' and 'History'. *Iranian Review of Foreign Affairs*. 1 (11). pp. 59–88.
12. Noorali, H. & Ahmadi, S.A. (2022) Iran's new geopolitics: heartland of the world's corridor. *GeoJournal*. August. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/362535883_Iran's_new_geopolitics_heartland_of_the_world's_corridors (Accessed: 17.10.2023).
13. Vartanyan, A.M. (2010) Transportnaya strategiya Irana kak vneshnepoliticheskiy instrument [Iran's transport strategy as a foreign policy instrument]. *Institut Blizhnego Vostoka*. 12 September. [Online] Available from: <http://www.iimes.ru/?p=11305&ysclid=lniqlp9e9995248626> (Accessed: 14.09.2023).
14. Fedulov, I.V. (2016) Proekty modernizatsii transportnoy infrastruktury Irana [Projects for the modernization of Iran's transport infrastructure]. *Vostochnaya Analitika*. 4. pp. 38–46.
15. Zadonskiy, S.M. (2009) Obshchaya kharakteristika infrastruktury morskogo transporta IRI [General characteristics of the maritime transport infrastructure of the IRI]. *Institut Blizhnego Vostoka*. 9 December. [Online] Available from: <http://www.iimes.ru/?p=9804&ysclid=lnl9ycbzx932684216> (Accessed: 10.09.2023).

16. Sarkisyan, I.V. (2019) Problemy i perspektivy vzaimodeystviya Irana i EAES [Problems and prospects of interaction between Iran and the EAEU]. *Institut Blizhnego Vostoka*. 16 January. [Online] Available from: <http://www.iimes.ru/?p=52342&ysclid=ln0h149ohx992433356> (Accessed: 06.10.2023).
17. Vinokurov, E. (2022) “Sever-Yug”: stroitel'stvo transportnogo karkasa Evrazii [“North-South”: construction of the transport framework of Eurasia]. *Valday*. 21 February. [Online] Available from: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sever-yug-stroitelstvo-transportnogo-karkasa-evrazii/?ysclid=lnl82h9tlk749553288> (Accessed: 16.10.2023).
18. RBK. (2023) Rossiya dast v kredit €1,3 mlrd na stroitel'stvo zheleznoy dorogi v Irane [Russia will provide a loan of €1.3 billion for the construction of a railway in Iran]. *RBK*. 17 May. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/economics/17/05/2023/6464d6bd9a794744d3582605?ysclid=lnj3919chd380768647> (Accessed: 12.10.2023).
19. News Central Asia. (2022) Iran i strany Tsentral'noy Azii prinyali sovместное zayavlenie po transportnomu sotrudnichestvu [Iran and Central Asian countries adopt joint statement on transport cooperation]. *News Central Asia*. 10 October. [Online] Available from: <https://www.newscentralasia.net/2022/10/10/iran-i-strany-tsentralnoy-azii-prinyali-sovmestnoye-zayavleniye-po-transportnomu-sotrudnichestvu/> (Accessed: 12.10.2023).
20. PressTV. (2022) Iran initiates transit cooperation with Central Asian countries. *PressTV*. 10 October. [Online] Available from: <https://www.presstv.ir/Detail/2022/10/09/690674/Iran-initiates-transit-cooperation-with-Central-Asian-countries> (Accessed: 12.10.2023).
21. News Central Asia. (2022) Uzbekistan vykhodit k otkrytomu okeanu cherez Turkmenistan i Iran [Uzbekistan accesses the open ocean via Turkmenistan and Iran]. *News Central Asia*. 15 September. [Online] Available from: <https://www.newscentralasia.net/2022/09/15/uzbekistan-vykhodit-k-otkrytomu-okeanu-cherez-turkmenistan-i-iran/> (Accessed: 18.10.2023).
22. Kaleji, V. (2023) Tranzitnyy proekt porta Chakhbekhar: vostochnoe krylo mezhdunarodnogo transportnogo koridora “Sever – Yug” [Transit project of the port of Chabahar: the eastern wing of the international transport corridor “North – South”]. *Valday*. 19 May. [Online] Available from: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tranzitnyy-proekt-porta-chakhbekhar/?ysclid=lnifxj3n7a844069043> (Accessed: 23.10.2023).
23. Rambler. (2023) Glava Tadjikistana prizval k skoreyshemu vvodu transportnogo koridora ot Tursii do KNR [The head of Tajikistan called for the earliest possible launch of a transport corridor from Turkey to China]. *Rambler*. 9 November. [Online] Available from: https://finance.rambler.ru/economics/51741608/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Accessed: 14.09.2023).
24. Sazhin, V. (2021) Iran-Kitay: strategicheskiy soyuz? [Iran-China: a strategic alliance?]. *Zhurnal Mezhdunarodnaya zhizn'*. 14 April. [Online] Available from: <https://interaffairs.ru/news/show/29749?ysclid=lnlmppld71176116845> (Accessed: 05.09.2023).
25. Mamedova, N.M. (2023) Iran v 2022 g. Itogi pervogo goda raboty pravitel'stva E. Raisi [Iran in 2022. Results of the first year of work of the E. Raisi government]. *Svobodnaya mysl'*. 2 (1698). pp. 139–150.
26. Beloglazov, A.V. & Khafizova, E.I. (2017) Politika Rossii i Irana v Kaspiyskom regione v kontekste kitayskogo proekta “Odin poyas-Odin put” [The policy of Russia and Iran in the Caspian region in the context of the Chinese project “One Belt – One Road”]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 3. pp. 10–18.
27. Sazhin, V. (2022) Iran i Kitay – vzaimnye interesy [Iran and China – mutual interests]. *Zhurnal Mezhdunarodnaya zhizn'*. 6 May. [Online] Available from: <https://interaffairs.ru/news/show/35068?ysclid=lnlwsa0tax197929414> (Accessed: 14.11.2023).
28. Vardanyan, A.S. (2018) O politike Irana po razvitiyu zheleznodorozhnogo transporta [On Iran's policy on the development of railway transport]. *Institut Blizhnego Vostoka*. 1 July. [Online] Available from: <http://www.iimes.ru/?p=45610&ysclid=lnk9rs8i6x386825341> (Accessed: 12.10.2023).
29. Majidi, M.R. & Farashah, M.H.D. (2020) Elements and obstacles of Iran's geocultural approach to China's Belt and Road Initiative in Central Asia. *Journal of Central Eurasia Studies*. 1 (13). pp. 233–252.

Информация об авторе:

Гарбузарова Е.Г. – д-р полит. наук, доцент кафедры международных отношений и политологии Кыргызско-Российского Славянского университета (Бишкек, Киргизия). E-mail: play_elenag@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.G. Garbuzarova, Dr. Sci. (Political Science), associate professor, Kyrgyz Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyz Republic). E-mail: play_elenag@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.11.2023;
одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 30.07.2024.

The article was submitted 12.11.2023;
approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 30.07.2024.

Научная статья
УДК 327.5
doi: 10.17223/15617793/504/11

Конфликт Чили и Аргентины в проливе Бигль: исторические предпосылки и способы урегулирования

Анна Владимировна Макарычева¹, Елена Владимировна Крюкова²

^{1, 2} Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия

¹ makarycheva.a.v@my.mgimo.ru

² e.kryukova@my.mgimo.ru

Аннотация. Анализируется территориальный спор между Чили и Аргентиной в проливе Бигль, возникший из-за разногласий по поводу толкования Договора о границах 1881 г. Рассматриваются пути разрешения данного конфликта, оказавшего значительное влияние на отношения между странами. В свете теории кризисов и событий, связанных с переговорами, авторы приходят к выводу, что противоречия между государствами могут быть успешно преодолены и разрешены только при условии точного определения источника конфликта, понимания перспектив каждой из сторон, а также признания внутренних и внешних последствий для вовлеченных государств.

Ключевые слова: региональные конфликты, территориальные споры, конфликт Чили и Аргентины, пролив Бигль

Для цитирования: Макарычева А.В., Крюкова Е.В. Конфликт Чили и Аргентины в проливе Бигль: исторические предпосылки и способы урегулирования // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 107–113. doi: 10.17223/15617793/504/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/11

Conflict between Chile and Argentina in the Beagle Channel: Historical background and methods of resolution

Anna V. Makarycheva¹, Elena V. Kryukova²

^{1, 2} MGIMO University, Moscow, Russian Federation

¹ makarycheva.a.v@my.mgimo.ru

² e.kryukova@my.mgimo.ru

Abstract. The authors of the article analyze the history of the territorial dispute between Chile and Argentina in the Beagle Channel and assess the ways of resolving the conflict which has had a significant impact on relations between the countries. The aim of the study is to examine the main sources of conflict and its resolution. The article also outlines the main periods of the conflict and subsequent restoration of relations between the two countries. The topic is brought to the limelight because disputes over borders have marked international relations in Latin America for many years. With each of them having specific traits, their resolution requires a comprehensive approach that takes into account many factors. The border conflict between Chile and Argentina was chosen for a number of reasons. Firstly, this dispute is an important example of successful conflict resolution. Secondly, the conflict over the Beagle Channel is still scarcely researched in Russian historiography. The works focused on the issue either focus mainly on the legal aspects of the territorial dispute settlement, or the conflict is analyzed in a broader context, without a detailed analysis of the stages and methods of its settlement. The authors relied not only on primary sources (documents, treaties and agreements between the countries), but also on Latin American and Spanish authors in Portuguese and Spanish. Such a broad base of material allows them to analyze and comprehensively cover all the features of the course and resolution of the territorial dispute between the two countries. The article singles out three stages of the conflict. The first stage is the longest in terms of time and covers the period from 1904 to 1977. The second stage of the conflict, although very short, is one of the most dramatic ones. It begins in 1978, when Argentina, not satisfied with the 1977 court ruling, after unsuccessful attempts to change the situation in its favor, started preparations for a military operation dubbed “Sovereignty” (Soberanía). The third phase began in 1979 with the Montevideo Act. Under this agreement, both countries accepted Vatican mediation, and as a result of the negotiations the parties signed the 1984 Treaty of Peace and Friendship. The authors prove that the historic compromise reached by Chile and Argentina through Vatican diplomacy not only resolved the crisis of 1978, but also helped to set aside the main controversies arising from the different interpretations of the 1881 Treaty. The authors conclude that contradictions between states can only be successfully managed and resolved if the source of the conflict is accurately identified, the perspectives of each party are understood, and the internal and external consequences for the states involved are recognized.

Keywords: regional conflicts, territorial disputes, conflict between Chile and Argentina, Beagle Channel

For citation: Makarycheva, A.V. & Kryukova, E.V. (2024) Conflict between Chile and Argentina in the Beagle Channel: Historical background and methods of resolution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 107–113. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/11

Введение

Пограничные или территориальные споры между государствами являются традиционной проблемой для региона Латинской Америки. Споры из-за территории возникли в основном в связи с произвольным проведением границы между государствами еще в колониальную эпоху и ведутся на протяжении длительного времени. Как правило, они происходят между двумя государствами, хотя это не аксиома: например, спор Боливия – Чили – Колумбия (так называемый «андский треугольник») относится к одному из самых трудноразрешимых споров в регионе [1]. Возникающие территориальные споры косвенно затрагивают и другие региональные государства, а также гражданское население. А если территориальный конфликт приводит к закрытию границы, то нарушается торговля и транспортное сообщение между странами. Такая тактика может быть особенно разрушительной в условиях тесной экономической и торговой взаимосвязи. Так, во время «Футбольной войны»¹ между Сальвадором и Гондурасом была перекрыта Панамериканская скоростная трасса, что привело к вышеописанным последствиям. Помимо этого, страны не имеют возможности устанавливать и развивать совместный приграничный контроль, отслеживать перемещение беженцев, и в целом территориальные споры не способствуют региональному развитию, напротив, повышая уровень насилия, массовые нарушения прав человека, разрыв экономических и дипломатических связей.

На сегодняшний день по-прежнему существует ряд споров между странами региона. Одним из ярких примеров могут служить продолжающиеся противоречия между Венесуэлой и Гайаной по поводу провинции Эссекибо, которые существенно обострились в последние годы в связи с обнаружением богатых запасов нефти в данной области [2]. Причины подобных конфликтов могут быть разные, и разрешить некоторые из них достаточно сложно – страны исторически занимают довольно принципиальную позицию в отношении своей территории: только один раз Мексике из-за поражения в войне с США пришлось пойти на уступку и отказаться от претензий на Техас в обмен на денежную компенсацию [3; 4. С. 17, 28, 101–112].

В то же время за последние десятилетия прошлого века было разрешено восемь территориальных споров, что привело к улучшению ситуации на границах между государствами. Например, в 1998 г. Перу и Эквадор подписали финальное соглашение об урегулировании территориального спора на своих границах [5]. Этот территориальный конфликт считается самым продолжительным во всем Западном полушарии и берет свое начало в 1828 г., поэтому его урегулирование – это огромное достижение конфликтующих сторон и посредников в лице Аргентины, США, Чили и Бразилии, которые взяли на себя эту миссию во время последнего витка конфликта в 1995 г. [6]. Также Международным судом ООН, к которому обращались обе стороны конфликта, был успешно урегулирован спор между Никарагуа и Коста-Рикой по поводу приграничной территории – островом Калеро, находящимся возле устья реки

Сан-Хуан [7]. Данный спор продолжался на протяжении двух столетий и разрешился только в 2015 г. [8]. В 1998 г. было подписано мирное соглашение между Перу и Эквадором по поводу спорной приграничной территории [9].

Пограничный конфликт между Чили и Аргентиной является еще одним важным примером успешного урегулирования, который имеет ряд отличительных особенностей. В этой связи основной целью данной работы является выявление основных причин и предпосылок конфликта между государствами, а также путей его разрешения. Актуальность исследования состоит в том, что конфликты, которые существуют между значительным количеством латиноамериканских государств, представляют собой одну из наиболее сложных задач в контексте решения вопросов региональной безопасности, то есть, были и остаются ключевой проблемой. Кроме того, конфликт по поводу пролива Бигль является по-прежнему мало изученным в российской историографии. В работах, посвященных данной проблематике, акцент делается в основном либо на правовых аспектах урегулирования территориального спора [10, 11], либо конфликт рассматривается в более широком контексте, без детализированного анализа этапов, предпосылок и способов его урегулирования [12, 13]. Значительное число исследований посвящено изучению геополитических аспектов внутренней и внешней политики Аргентины [14, 15].

Чили и Аргентина – две страны на краю земли, соседствующие одной из самых протяженных наземных границ в мире; и это одни из самых влиятельных и экономически развитых стран региона. Культурное и историческое наследие Чили и Аргентины столь же разнообразно, как ландшафты и сложная география, которые определяют самобытность народов этих стран. Исторически сложилось так, что традиции коренных народов, с севера на юг, слились с энергией новых поколений и, конечно, иммигрантов, прибывших из разных частей света в эти невероятно красивые страны, обогатив их культурный капитал. Чили и Аргентина имеют обширные торговые и экономические отношения, а также сотрудничают в области энергетики и туризма. Они также работают вместе в рамках различных региональных и международных организаций, особенно таких как Организация американских государств и Меркосур.

Отношения этих стран начинаются со времен борьбы за независимость от Испанской империи. Территория современного Чили была завоевана испанцами в начале XVI в., а затем стала частью Королевства Чили, одной из колониальных территорий Испанской империи. Аргентина также была частью Испанской империи и включала в себя различные колониальные провинции, такие как Вице-королевство Рио-де-ла-Плата, в состав которого входила современная Аргентина. В то время Чили и Аргентина не существовали как современные нации, и их территории были частью одной или нескольких колониальных административных единиц испанского государства.

В течение колониального периода обе территории имели собственные особенности и интересы и были

подвержены воздействию различных географических, экономических и культурных факторов. В те времена между странами не существовало дипломатических отношений, так как обе страны являлись частью одной империи. Однако в XIX в. с началом формирования национальных движений ситуация меняется. Испанская корона теряет свое влияние в Южной Америке, и Аргентина и Чили вместе борются и обретают независимость: Аргентина – 9 июля 1816 г., Чили – 12 февраля 1818 г.

Двусторонние отношения Чили и Аргентины с момента обретения обеими государствами независимости сложно назвать простыми: оба государства сталкиваются с различными вызовами, в том числе и с территориальными спорами, возникшими из-за неточно определенных государственных границ и разночтений территориальных договоров во времена колониального правления. Речь идет не только о принадлежности самого пролива Бигль, но и о демаркации границ – как на суше, так и на море, которая изначально проводилась довольно условно, о спорной области Патагония, включающей в себя и Анды, и плато, которая до 1881 г. не принадлежала ни одному государству, и, наконец, о претензиях обоих государств на Антарктический сектор. Весь спектр перечисленных проблем решался обеими странами на протяжении многих лет и часто зависел как от внутривнутриполитических факторов, например, смены режима или политического курса, так и от региональной и международной конъюнктуры в целом. При этом основным источником противоречий между Чили и Аргентиной на протяжении многих десятилетий оставался конфликт по поводу пролива Бигль, что, в свою очередь, очень влияло на решение многих других вопросов и на ограничение межгосударственного сотрудничества во многих сферах, которое при других обстоятельствах могло бы быть очень плодотворным.

Ярким примером удачного сотрудничества Аргентины и Чили на определенном этапе может служить трехсторонний договор, подписанный в 1915 г. обеими странами совместно с Бразилией – «Соглашение о Консультации, Ненападении и Арбитраже» (Pacto de No Agresión, Consulta y Arbitraje), или «Пакт ABC» (El Pacto ABC). Изначально так называемые страны «ABC» (Аргентина, Бразилия, Чили) встретились в Канаде, в городе Ниагара-Фолс, для проведения дипломатической конференции, основной целью которой было предотвращение войны между США и Мексикой во время Мексиканской революции [16. С. 83]. Эти же три латиноамериканские страны выступили инициаторами подобного рода конференции, по итогам которой мир хоть и не был заключен, но американо-мексиканские отношения на какое-то время стабилизировались [17]. Спустя несколько месяцев, в 1915 г. был подписан «Пакт ABC», нацеленный на развитие сотрудничества между государствами, на создание своего рода противовеса США, а также на мирное разрешение всех возникающих споров и конфликтов. Несмотря на то, что договор был ратифицирован только Бразилией, он послужил хорошей основой для взаимодействия государств как между собой, так и на внешнеполитической арене в последующие несколько лет, когда страны регу-

лярно проводили консультации и выступали с различного рода инициативами. Ряд исследователей считает, что пакт был жизнеспособным с 1915 по 1930 г. [18], однако, по мнению других, уже в 1917 г. произошло охлаждение в отношениях между странами и о единстве во мнениях и позициях речи уже не шло [19. С. 24–26, 42–43]. Таким образом, создать долгосрочный и крепкий союз, который бы проводил единую внешнеполитическую линию и выступал бы с единых позиций, так и не удалось. Отчасти это связано с самим договором, на который возлагали слишком много надежд, но который носил весьма ограниченный характер, отчасти проблема заключалась в отсутствии официальной ратификации соглашения всеми сторонами, и конечно же соперничество между тремя крупнейшими региональными державами, несмотря на все добрые намерения, никуда не ушло. И территориальный спор между Аргентиной и Чили сыграл в этом не последнюю роль.

Рис. 1. Карта пролива Бигль и спорных островов (2, 3, 4). (Giacone T.V. As divisões do Papa como a Santa Sé conseguiu evitar uma guerra no Cone Sul (1978–1984). 2013)

Если детально рассматривать спор между двумя странами в проливе Бигль, то стоит отметить, что он касается ряда островов – Леннокс, Пиктон и Исла-Нуэва (Lennox, Picton, Isla Nueva), которые расположены в этом проливе, южнее архипелага Огненной земли, а также разделения области морской юрисдикции, которая связана с этими островами (см. рис. 1). Сам пролив, протяженность которого составляет, по разным оценкам, порядка 240–280 км, разделяет главный остров Огненной земли и находящиеся южнее более мелкие острова. Пролив был назван в честь корабля британского флота «Бигль», на котором в 30-е гг. XIX в. осуществлялась исследовательская экспедиция к берегам Южной Америки. Примечательно, что в данной экспедиции принял участие Чарльз Дарвин [20. С. 87–91].

Предпосылки и этапы конфликта между Чили и Аргентиной

Для того чтобы иметь представление об историческом развитии конфликта между двумя странами, обозначим три основных этапа данного спора.

В качестве предыстории конфликта стоит отметить, что еще в 1855 г. был подписан один из первых договоров между Чили и Аргентиной по поводу определения границ – договор о мире, дружбе, торговле и навигации [21]. Однако в соответствии с данным договором границы были установлены лишь частично. В 1881 г. произошло подписание Договора о границах, который предусматривал более четкое их разделение, касающееся в том числе и пролива Бигль. Например, впервые был введен принцип разделения водного пространства, был решен вопрос о принадлежности Магелланова пролива, который перешел под юрисдикцию Чили, а также Огненной земли, которую разделили на две части по 68-му меридиану западной долготы: восточная часть переходила Аргентине, а западная – Чили [22]. Также к Чили перешел остров архипелага Огненная Земля Наварино площадью почти 2,5 тыс. км². Вместе с тем наиболее существенные трудности возникли по поводу определения принадлежности территории и территориальных вод южнее 52-й параллели южной широты, особенно это касалось островов и каналов. В договоре было прописано о том, что остров Эстадос (Isla de los Estados), находящийся к востоку от Огненной Земли, а также близлежащие к нему малые острова отныне принадлежат Республике Аргентина. А все острова к югу от пролива Бигль до крайней южной точки архипелага Огненная Земля – мыса Горн, включая и спорные острова Леннокс, Пиктон и Исла-Нуэва, а также территории к западу от Огненной Земли, должны принадлежать Чили. Вместе с тем в данном договоре не были четко определены границы пролива Бигль, что послужило поводом для разночтений. Так, участок между Огненной землей и островом Наварино был четко прописан в договоре и относился к проливу, с восточной его частью возникают сложности – либо пролив и далее течет параллельно Огненной земле и в таком случае острова принадлежат Чили, либо пролив течет в южном направлении, огибая остров Наварино. Во втором случае спорные острова уже не находятся к югу от пролива Бигль, следовательно, Аргентина имеет право претендовать на спорные территории. В связи с этим можно говорить о том, что подписанные договоры, с одной стороны, были крайне необходимы для того, чтобы провести границу между странами, с другой стороны, давали повод для новых дискуссий и конфликтов, потому что демаркация проводилась достаточно условно.

В целом важно отметить, что территории Патагонии – область в южной части Южной Америки – на тот момент оставались недостаточно исследованными, в связи с чем для предотвращения нового обострения в отношениях двух стран в 1902 г. было подписано еще одно соглашение – так называемые Майские пакты (исп. Pactos de Mayo) [23].

В соответствии с этим договором оба государства обязались отказаться от территориальной экспансии и прибегать к помощи международных посредников при возникновении спорных ситуаций и невозможности разрешить их путем прямых переговоров. К таким международным арбитрам относились правительства Великобритании и Швейцарской конфедерации [24].

Однако и этот договор трактовался в Аргентине и Чили по-разному, в связи с чем территориальный спор между государствами так и не был окончательно разрешен.

Переходя к трем основным этапам конфликта, отметим, что первый этап является самым протяженным по времени и охватывает период с 1904 по 1977 г. Ряд исследователей разделяет первый этап конфликта на три периода [25]: с 1904 по 1960 г. шел процесс кристаллизации конфликта, предпосылки для разгорания которого возникли задолго до начала XX в.

Немаловажную роль в разрядке отношений между странами сыграла смешанная двусторонняя комиссия по вопросу границ (la Comisión Mixta de Límites Chile-Argentina), созданная в 1941 г. Приграничная зона была условно разделена на 16 секторов, по каждому из которых отдельно велась работа. Так, например, к первому сектору относился архипелаг Огненная Земля, через который и проходит пролив Бигль; ко второму сектору – 52-я параллель, а также территория до Пунта Дангенесс, мыса у восточного входа в Магелланов пролив [26. С. 6]. Однако на фоне противоречий по поводу пролива Бигль обозначились и новые проблемы: интересы обеих стран частично пересеклись в Антарктике. Аргентина в 1943 г. выпустила декрет о создании «аргентинского сектора» Антарктики, в то время как Чили в 1940 г. также выступила с подобными заявлениями, не говоря уже о претензиях других внерегиональных государств [27]. Благодаря договору об Антарктике, подписанному в 1959 г., удалось закрепить установившийся статус-кво, что в значительной мере способствовало нивелированию данной проблемы в двусторонних отношениях между государствами [28. С. 53–55]. Таким образом, конфликт по поводу принадлежности островов Пиктон, Леннокс и Нуэва в проливе Бигль по-прежнему оставался ключевым и наиболее существенным препятствием на пути выстраивания конструктивных и обоюдовыгодных двусторонних отношений между двумя государствами.

Второй условный период первого этапа конфликта продолжается с 1960 по 1970 г., в течение которых не намечилось существенных сдвигов на пути урегулирования спора. И, наконец, третий условный период длится с 1971 по 1977 г., когда эскалация только возрастает. Именно в 1971 г. Аргентина и Чили предприняли еще одну попытку урегулировать спор о морских правах в проливе и суверенитете нескольких островов, обратившись к правительству Великобритании, которое еще с договора 1902 г. являлось формальным арбитром в спорах между этими странами. По итогам рассмотрения дела в 1977 г. наконец было вынесено решение о передаче Нуэва, Пиктон и Леннокс Республике Чили [29].

Второй этап конфликта является хотя и очень коротким по продолжительности, но одним из самых драматичных и кульминационных. Этот этап начинается с 1978 г., т.е. с того момента, когда Аргентина, которую не удовлетворило решение суда 1977 г., сначала попыталась решить вопрос о принадлежности островов путем переговоров, однако после неудачных попыток изменить ситуацию в свою пользу, запланировала

подготовку к военной операции «Суверенитет» («Soberanía»), мобилизуя в основном регулярные войска и разрабатывая план операции. Отношения между странами достигли максимально низкого уровня: военный метод урегулирования конфликта был на тот момент наиболее вероятен, так как Чили, в свою очередь, привела войска в состояние боевой готовности. Вторжение аргентинских войска на спорные острова было запланировано на 21 декабря 1978 г., однако из-за шторма корабли, на которых переправлялись войска, не достигли поставленной задачи, и операция была отложена на несколько дней [30]. Операция была отменена в последний момент, после того как аргентинская военная хунта приняла предложение папы римского о посредничестве в переговорах [31].

Таким образом, последний этап, который мы называем трансформацией конфликта, начался в 1979 г. с «Акта Монтевидео». В соответствии с этим соглашением обе страны приняли посредничество Ватикана, результатом переговоров стало подписание Договора о мире и дружбе 1984 г., который положил начало процессу трансформации конфликта и его мирному разрешению [32]. Важно отметить, что папа римский еще в 1980 г. предложил решение для урегулирования конфликта, однако оно было отклонено Аргентиной [33]. Во время начавшейся в 1982 г. Фолклендской войны правительство Чили, несмотря на существующее иберо-американское соглашение о взаимной помощи, отказалось поддерживать Аргентину, сославшись на то, что ее действия носят не оборонительный, а наступательный характер. Напряжение в отношениях между государствами стало постепенно спадать после прихода к власти в Аргентине правительства Рауля Альфонсина, которое взяло на себя обязательство урегулировать конфликты со всеми соседними странами [34]. В этой связи в ноябре 1984 г. был проведен референдум, касающийся спорных территорий с Чили, а также посредничества папы римского на пути урегулирования сложившихся противоречий. Подавляющее большинство принявших участие в голосовании (82,6%) высказались за подписание мирного договора при посредничестве Ватикана [35].

В результате 29 ноября 1984 г. представители Чили и Аргентины подписали соглашение, в соответствии с которым граница между странами проходит по фарватеру канала Бигль, спорные острова Пиктон, Нуэва и Леннокс, а также небольшие острова к югу от них отныне принадлежат Чилийской народной республике, а северная часть канала – Аргентине. Навигационные права в спорном районе получили обе стороны. В соответствии с данным соглашением Чили и Аргентина обязались укреплять узы дружбы, сохранять мир, отказаться от применения силы и в спорных вопросах прибегать к арбитражу, признавая его решение окончательным.

Заключение

Аргентина и Чили имеют тесные культурные, экономические, политические связи, народы этих стран связаны братскими узами, но отношения между государствами стали налаживаться и расширяться с относительно недавней поры. Продолжительный территориальный спор по поводу островов в проливе Бигль едва ли не закончился вооруженным конфликтом, который удалось предотвратить в последний момент благодаря усилиям обеих сторон и посредничеству Ватикана. Вступление в силу Договора о мире и дружбе 2 мая 1985 г. имело огромное политическое значение для Аргентины и Чили, поскольку благодаря этому соглашению спор был окончательно урегулирован. С этого момента двусторонние отношения вышли из плоскости конфликта, длящегося на протяжении почти столетия, и начался период более тесного сотрудничества и интеграции. Политические и стратегические последствия подписания соглашения являются значимыми для региона, поскольку геостратегические расстановки, преобладавшие в XIX в. и в течение остальной части XX в., кардинально изменились. Остается надеяться, что с приходом к власти Хавьера Милея, пообещавшего стране смену курса и большие перемены, отношения между Чили и Аргентиной продолжат развиваться в дружеском ключе.

Примечания

¹ Так называемая «Футбольная война» между Сальвадором и Гондурасом стала кульминацией длившегося на протяжении нескольких столетий спора о приграничных территориях; эта война длилась всего несколько дней, однако оказалась очень кровавой: во время конфликта погибло около 2 тыс. человек. Несмотря на то, что война быстро завершилась, мирное соглашение было подписано только спустя 10 лет после окончания боевых действий.

Список источников

1. Сударев В.П. Геополитика в Западном полушарии в начале XXI века. М. : МГИМО-Университет, 2012. 128 с.
2. Las claves de la disputa entre Venezuela y Guyana por el territorio fronterizo de Esequibo. URL: <https://www.france24.com/es/am%C3%A9rica-latina/20210225-venezuela-guyana-explicacion-esquibo-corte-internacional-justicia> (дата обращения: 12.12.2023).
3. Потокова Н.В. Захват Техаса и война с Мексикой // Американский экспансионизм. Новое время. М., 1985. 102 с.
4. История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877 : сб. науч. тр. / под ред. Н.Н. Болховитинова. М., 1994.
5. Участие в международных организациях, основные внешнеполитические контрагенты и партнеры, отношения с Россией // Политический атлас современности. URL: <http://www.hyno.ru/tom3/1297.html> (дата обращения: 17.12.2023).
6. Hace 20 años fue el conflicto del Alto Cenepa // El Universo. URL: <http://www.eluniverso.com/noticias/2015/01/26/nota/4483886/lecciones-guerra-unidad-preparacion-fueron-claves> (дата обращения: 17.12.2023).
7. La Haya falla a favor de Costa Rica en su disputa territorial con Nicaragua. URL: <https://actualidad.rt.com/actualidad/194383-corte-haya-falla-favor-costa-rica-nicaragua> (дата обращения: 17.12.2023).
8. Ferro J. E. El río San Juan: Dos siglos de conflictos entre Costa Rica y Nicaragua // REIB: Revista Electrónica Iberoamericana. 2018. Vol. 12 (1). P. 83–114.
9. Suárez A. Defensa de la integridad soberana y territorial: La paz con el Perú Una visión desde la perspectiva constructivista // Revista AFESE. 2019. № 64.

10. Зайцева Л.И. Медиация как альтернативный способ разрешения споров в международном публичном праве // Известия Байкальского государственного университета. 2013. № 5. С. 89–96.
11. Зайцева Л.И. Медиация как альтернативный способ разрешения споров в международном публичном праве // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 3-2 (10). С. 36–38.
12. Войтенко И.А., Мурадян Л.О., Пабло Л. Аргентина в контексте региональной и мировой геополитики // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10, № 2. С. 87–90.
13. Чернова Ю.И. Проблемы и перспективы аргентино-чилийского партнерства // Россия и страны Латинской Америки и Карибского бассейна: экономика, культура, образование. 2018. С. 88–91.
14. Щербакова А.Д. Территория в геополитическом коде Аргентины: Пространственное и дискурсивное измерения // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2019. № 3. С. 34–48.
15. Щербакова А.Д. К вопросу о развитии геополитической мысли в Аргентине // Латинская Америка. 2018. № 4. С. 13–22.
16. Small M. The Forgotten Peace: Mediation at Niagara Falls. University of Ottawa Press/Les Presses de l'Université d'Ottawa, 2010.
17. Pilar Otero D. Panamericanismo y bloques regionales. La mediación ABC en el conflicto mexicano-estadounidense // Anos 90. 1998. Vol. 6 (10). P. 59–75.
18. Valdés J.J.F. El pacto del ABC // Boletín de la Academia Chilena de la Historia. 2003. Vol. 69 (112). P. 67–96.
19. Cortés M. Auge y decadencia del ABC. Las Relaciones chileno-brasileñas entre 1914 y 1918 // Bicentenario. 2013. Vol. 12 (1). P. 23–44.
20. Ursino Y.R. et al. Los viajes de Charles Darwin // Fronteras en Medicina X. 2016. Vol. 1. P. 87–91.
21. Tratado de Paz, Amistad, Comercio y Navegación entre la República de Chile y la Confederación de Argentina 1856. URL: <https://www.dipublico.org/3629/tratado-de-paz-amistad-comercio-y-navegacion-entre-la-republica-de-chile-y-la-confederacion-de-argentina-1856-celebrado-el-30081855/#:~:text=%C2%B0%E2%80%94Los%20argentinos%20en%20Chile,estuvieron%20abiertos%20al%20comercio%20extranjero> (дата обращения: 15.12.2023).
22. Lacoste P. La disputa por el Beagle y el papel de los actores no estatales argentinos // Universum (Talca). 2004. Vol. 19 (1). P. 86–109.
23. Cisneros A., Escudé C. Historia general de las relaciones exteriores de la República Argentina: Desde la incorporación de Buenos Aires a la unión hasta el tratado de límites con Chile, TOMO VI. Buenos Aires : Centro de Estudios de Política Exterior, 1998.
24. Los Pactos D.E.M. Conmemoraciones, notas, reflexiones, entrevistas // Autoridades de la Facultad de Filosofía y Letras: Decano: Dr. Adolfo O. Cueto Vicedecano: Prof. Gloria Galli de Ortega Secretaria Académica: Lic. Adriana García de Yaciófano. 2002. 169 p.
25. Orso J.A., Capeletti D.E. La cuestión del Canal de Beagle y la Transformación de conflictos // Desarrollo, economía y sociedad. 2015. Vol. 4 (1). P. 131–163.
26. Soza D.Á. Campos de hielo sur. Una controversia pendiente de límites entre Argentina y Chile // Revista Universitaria Ruta. 2021. Vol. 23 (2).
27. Пономарев Е.А., Галицына А.Э. Аргентина на пути расширения территории в XXI веке. Вопрос Антарктики // Латинская Америка. 2021. № 2. С. 17–28.
28. Novoa J.P.T. ANTÁRTICA DE CHILE // Revista de Marina. 2019. Vol. 968. P. 48–55.
29. Infante M.T. Controversia chileno-argentina en la región del Canal Beagle: laudo arbitral de 18 de abril de 1977 // Revista Chilena de Derecho. 1979. P. 423–447.
30. Mendoza Pinto J.E. El Tratado de Paz y Amistad de 1984, la cooperación militar y los problemas limítrofes entre Chile y Argentina // Universum (Talca). 2004. Vol. 19 (1). P. 110–121.
31. Soprano Manzo G.F. Conflicto de límites con Chile y operaciones militares de las Fuerzas Armadas argentinas en 1978: Experiencias de la artillería de campaña en el "Operativo Soberanía". 2021.
32. Жуковская Н.Ю., Калинина Е.В. Посреднические миссии как способ разрешения противоречий в международном публичном праве // Международное право и современный мир. 2016. С. 27–38.
33. Laudy M. The Vatican mediation of the Beagle Channel dispute: Crisis intervention and forum building // Words over War: mediation and arbitration to prevent deadly conflict. 2000. P. 293–320.
34. Church J.M. Argentine–Chilean Relations in the Shadow of the Debt Crisis // Bulletin of Latin American Research. 2011. Vol. 30 (2). P. 148–162.
35. Los argentinos refrendan con mayoría holgada el acuerdo con Chile sobre Beagle. URL: https://elpais.com/diario/1984/11/26/internacional/470271606_850215.html (дата обращения: 06.01.2024).

References

1. Sudarev, V.P. (2012) *Geopolitika v Zapadnom polusharii v nachale XXI veka* [Geopolitics in the Western Hemisphere at the Beginning of the 21st Century]. Moscow: MGIMO-Universitet.
2. Sedano, R. (2021) Las claves de la disputa entre Venezuela y Guyana por el territorio fronterizo de Esequibo. *France 24*. 25 February. [Online] Available from: <https://www.france24.com/es/am/%C3%A9rica-latina/20210225-venezuela-guyana-explicacion-essequibo-corte-internacional-justicia> (Accessed: 12.12.2023).
3. Potokova, N.V. (1985) Zakhvat Tekhasa i vojna s Meksikoy [The Capture of Texas and the War with Mexico]. In: Sevost'yanov, G.N. (ed.) *Amerikanskiy ekspansionizm. Novoe vremya* [American Expansionism. Modern Period]. Moscow: Nauka.
4. Bolkhovitinov, N.N. (ed.) (1994) *Istoriya vneshney politiki i diplomatii SShA. 1775–1877* [History of US Foreign Policy and Diplomacy. 1775–1877]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
5. Politicheskiy atlas sovremennosti [Political Atlas of Our Time]. (n.d.) *Uchastie v mezhdunarodnykh organizatsiyakh, osnovnyye vneshnepoliticheskie kontragenty i partnery, otnosheniya s Rossiei* [Participation in international organizations, main foreign policy counterparties and partners, relations with Russia]. [Online] Available from: <http://www.hyno.ru/tom3/1297.html> (Accessed: 17.12.2023).
6. El Universo. (2015) Hace 20 años fue el conflicto del Alto Cenepa. *El Universo*. 26 January. [Online] Available from: <http://www.eluniverso.com/noticias/2015/01/26/nota/4483886/lecciones-guerra-unidad-preparacion-fueron-claves> (Accessed: 17.12.2023).
7. RT. (2015) La Haya falla a favor de Costa Rica en su disputa territorial con Nicaragua. *RT*. 16 December. [Online] Available from: <https://actualidad.rt.com/actualidad/194383-corte-haya-falla-favor-costa-rica-nicaragua> (Accessed: 17.12.2023).
8. Ferro, J.E. (2018) El río San Juan: Dos siglos de conflictos entre Costa Rica y Nicaragua. *REIB: Revista Electrónica Iberoamericana*. 12 (1). pp. 83–114.
9. Suárez, A. (2019) Defensa de la integridad soberana y territorial: La paz con el Perú Una visión desde la perspectiva constructivista. *Revista AFESE*. 64.
10. Zaytseva, L.I. (2013) Mediatsiya kak al'ternativnyy sposob razresheniya sporov v mezhdunarodnom publichnom prave [Mediation as an alternative method of dispute resolution in public international law]. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 5. pp. 89–96.
11. Zaytseva, L.I. (2013) Mediatsiya kak al'ternativnyy sposob razresheniya sporov v mezhdunarodnom publichnom prave [Mediation as an alternative method of dispute resolution in public international law]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 3–2 (10). pp. 36–38.
12. Voytenko, I.A., Muradyan, L.O. & Pablo, L. (2020) Argentina v kontekste regional'noy i mirovoy geopolitiki [Argentina in the context of regional and global geopolitics]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2 (10). pp. 87–90.

13. Chernova, Yu.I. (2018) [Problems and Prospects of the Argentina-Chile Partnership]. *Rossiya i strany Latinskoy Ameriki i Karibskogo basseyina: ekonomika, kul'tura, obrazovanie* [Russia and the Countries of Latin America and the Caribbean: Economy, culture, education]. Proceedings of the Conference. Saint Petersburg. 14 November 2017. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics. pp. 88–91. (In Russian).
14. Shcherbakova, A.D. (2019) Territoriya v geopoliticheskom kode Argentiny: Prostranstvennoe i diskursivnoe izmereniya [Territory in the geopolitical code of Argentina: Spatial and discursive dimensions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika*. 3. pp. 34–48.
15. Shcherbakova, A.D. (2018) K voprosu o razvitiy geopoliticheskoy mysli v Argentine [On the development of geopolitical thought in Argentina]. *Latinskaya Amerika*. 4. pp. 13–22.
16. Small, M. (2010) *The Forgotten Peace: Mediation at Niagara Falls*. University of Ottawa Press/Les Presses de l'Université d'Ottawa.
17. Pilar Otero, D. (1998) Panamericanismo y bloques regionales. La mediación ABC en el conflicto mexicano-estadounidense. *Anos* 90. 6 (10). pp. 59–75.
18. Valdés, J.J.F. (2003) El pacto del ABC. *Boletín de la Academia Chilena de la Historia*. 69 (112). pp. 67–96.
19. Cortés, M. (2013) Auge y decadencia del ABC. Las Relaciones chileno-brasileñas entre 1914 y 1918. *Bicentenario*. 12 (1). pp. 23–44.
20. Ursino, Y.R. et al. (2016) Los viajes de Charles Darwin. *Fronteras en Medicina X*. 1. pp. 87–91.
21. Dipublico.org. Derecho Internacional. (2011) *Tratado de Paz, Amistad, Comercio y Navegación entre la República de Chile y la Confederación de Argentina 1856*. [Online] Available from: <https://www.dipublico.org/3629/tratado-de-paz-amistad-comercio-y-navegacion-entre-la-republica-de-chile-y-la-confederacion-de-argentina-1856-celebrado-el-30081855/#:~:text=%C2%B0%E2%80%94Los%20argentinos%20en%20Chile,estuvieron%20abiertos%20al%20comercio%20extranjero> (Accessed: 15.12.2023).
22. Lacoste, P. (2004) La disputa por el Beagle y el papel de los actores no estatales argentinos. *Universum (Talca)*. 19 (1). pp. 86–109.
23. Cisneros, A. & Escudé, C. (1998) *Historia general de las relaciones exteriores de la República Argentina: Desde la incorporación de Buenos Aires a la unión hasta el tratado de límites con Chile*. Vol. 6. Buenos Aires: Centro de Estudios de Política Exterior.
24. Cueto, A.O., Galli de Ortega, G. & García de Yaciófano, A. (2002) *Los Pactos D.E.M. Conmemoraciones, notas, reflexiones, entrevistas*. [S.l.]: [s.n.].
25. Orso, J.A. & Capeletti, D.E. (2015) La cuestión del Canal de Beagle y la Transformación de conflictos. *Desarrollo, economía y sociedad*. 4 (1). pp. 131–163.
26. Soza, D.Á. (2021) Campos de hielo sur. Una controversia pendiente de límites entre Argentina y Chile. *Revista Universitaria Ruta*. 23 (2).
27. Ponomarev, E.A. & Galitsyna, A.E. (2021) Argentina na puti rasshireniya territorii v XXI veke. Voprosy Antarkтики [Argentina on the path of territorial expanding in the 21st century. The Antarctic question]. *Latinskaya Amerika*. 2. pp. 17–28.
28. Novoa, J.P.T. (2019) ANTÁRTICA DE CHILE. *Revista de Marina*. 968. pp. 48–55.
29. Infante, M.T. (1979) Controversia chileno-argentina en la región del Canal Beagle: laudo arbitral de 18 de abril de 1977. *Revista Chilena de Derecho*. pp. 423–447.
30. Mendoza Pinto, J.E. (2004) El Tratado de Paz y Amistad de 1984, la cooperación militar y los problemas limítrofes entre Chile y Argentina. *Universum (Talca)*. 19 (1). pp. 110–121.
31. Soprano Manzo, G.F. (2021) *Conflicto de límites con Chile y operaciones militares de las Fuerzas Armadas argentinas en 1978: Experiencias de la artillería de campaña en el "Operativo Soberanía"*. Buenos Aires: Universidad Nacional de La Plata. Facultad de Humanidades y Ciencias de la Educación.
32. Zhukovskaya, N.Yu. & Kalinina, E.V. (2016) Posrednicheskie missii kak sposoby razresheniya protivorechii v mezhdunarodnom publicnom prave [Mediation missions as a way to resolve contradictions in international public law]. *Mezhdunarodnoye pravo i sovremennyy mir*. pp. 27–38.
33. Laudy, M. (2000) The Vatican mediation of the Beagle Channel dispute: Crisis intervention and forum building. In: Greenberg, M.C., Barton, J.H. & McGuinness, M.E. (eds) *Words over War: Mediation and arbitration to prevent deadly conflict*. Lanham: Rowman & Littlefield. pp. 293–320.
34. Church, J.M. (2011) Argentine–Chilean Relations in the Shadow of the Debt Crisis. *Bulletin of Latin American Research*. 30 (2). pp. 148–162.
35. Ares, C. (1984) Los argentinos refrendan con mayoría holgada el acuerdo con Chile sobre Beagle. *El País*. 26 November. [Online] Available from: https://elpais.com/diario/1984/11/26/internacional/470271606_850215.html (Accessed: 06.01.2024).

Информация об авторах:

Макарычева А.В. – канд. полит. наук, старший преподаватель кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (Москва, Россия). E-mail: makarycheva.a.v@my.mgimo.ru
Крюкова Е.В. – канд. полит. наук, доцент кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (Москва, Россия). E-mail: e.kryukova@my.mgimo.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Makarycheva, Cand. Sci. (Political Science), senior lecturer, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: makarycheva.a.v@my.mgimo.ru
E.V. Kryukova, Cand. Sci. (Political Science), associate professor, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: e.kryukova@my.mgimo.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.01.2024;
 одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 30.07.2024.

The article was submitted 24.01.2024;
 approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 30.07.2024.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94(57)
doi: 10.17223/15617793/504/12

Местное государственное управление и местное самоуправление в Акмолинской области во второй половине XIX – начале XX в.

Игорь Анатольевич Коновалов¹

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, konov77@mail.ru

Аннотация. Выявлены особенности местного государственного управления и местного самоуправления в Акмолинской области во второй половине XIX – начале XX в. Делается вывод, что коронная власть осуществила переход от системы основанного на обычаях управления к современному администрированию. Административные преобразования и управление в Акмолинской области имели прогрессивный характер и способствовали укреплению дружественных отношений между казахским и русским народами.

Ключевые слова: Акмолинская область, казаки, администрация, казахи, управление, военный губернатор

Для цитирования: Коновалов И.А. Местное государственное управление и местное самоуправление в Акмолинской области во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 114–119. doi: 10.17223/15617793/504/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/12

Local government and local self-government in the Akmola region in the second half of the 19th – early 20th centuries

Igor A. Konovalov¹

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, konov77@mail.ru

Abstract. Based on pre-revolutionary legislation and archival materials, the article identifies the features of the administrative-territorial structure and local government in the cross-border territories of southern Western Siberia and Northern Kazakhstan in the second half of the 19th – early 20th centuries, and analyzes these features. The increased interest in the history of local government is connected not only with the desire of historians to look more deeply into the past, but also with purely practical needs. Returning to the forgotten traditions of local government, it is important to take into account more fully the historical experience that has been accumulated over the centuries. It is also necessary, taking into account modern realities, to take a fresh look at already known facts and events in order to overcome old myths and misconceptions and prevent the birth of new ones. The aim of the study is to explore the features of the administrative-territorial structure and local government of the Akmola region in the second half of the 19th – early 20th centuries. The theoretical and methodological basis of the research is the principles of historical cognition – objectivity, historicism, social approach and alternativeness, suggesting an unbiased approach to the analysis of the studied problems, as well as a critical attitude to sources. The historical trends in the development of the system of local government and self-government in relation to the general processes of the development of Russian statehood are revealed. The author concludes that the powers of the administrative and police authorities in the region had their own specifics and were much broader than in the central provinces of the Russian Empire. A characteristic feature of the administration in the Akmola region in the second half of the 19th – early 20th centuries was its paramilitary organization. Therefore, the powers of the authorities had their own specifics from the powers in the European provinces of Russia. Administrative and territorial transformations in the Akmola region in the second half of the 19th – early 20th centuries did not cause protest among the local population. Russian culture was promoted in cross-border territories; the regulation and legal consolidation of self-governing principles among the indigenous population of Northern Kazakhstan and the inclusion of representatives of the Kazakh population in the local administrative apparatus had a progressive character and contributed to the strengthening of good-neighborly relations between the Russian and Kazakh peoples. Carrying out the political rapprochement of the region with other regions of the country, the imperial government wanted to make the transition from a system of custom-based management to modern, bureaucratic administration, extending departmental management and new legislation to Northern Kazakhstan.

Keywords: Akmola region, Cossacks, administration, Kazakhs, management, military governor

For citation: Konovalov, I.A. (2024) Local government and local self-government in the Akmola region in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 114–119. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/12

Актуальность избранной автором темы объясняется ее слабой изученностью в историографии. Местное администрирование в Акмолинской области во второй половине XIX – начале XX в. только начинает привлекать внимания исследователей. Так, А.В. Ремнев и Н.Г. Суворова [1] в своей монографии касались вопросов колонизации края, казахский исследователь Б.М. Абдрахманова рассматривала социально-политическое развитие Казахстана [2], в монографии Л.М. Дамешка и И.Н. Мамкиной затронут ряд аспектов регионального законодательства [3].

Актуальность изучения местного государственного управления и местного самоуправления в Акмолинской области во второй половине XIX – начале XX в. объясняется также наличием схожих проблем, которые и сегодня стоят при определении вектора национальной и трансграничной политики. Международная и межнациональная интеграция имеют глубокие исторические корни. Поэтому вопросы, связанные с организацией местного управления в Северном Казахстане и на юге Западной Сибири, должны вызывать интерес современных историков.

Российское проникновение в Северный Казахстан началось с 1716 г. после основания Омской крепости, строительства Семипалатинска и Усть-Каменогорска и создания Иртышской пограничной линии. Присоединенные территории в конце XVIII в. стали управляться на основании «Учреждений для управления губерний Российской империи» 1775 г. [4. С. 7]. Затем, после сибирской реформы М.М. Сперанского, на юге Западной Сибири и в Северном Казахстане было создано особое административно-территориальное образование – Омская область [5. С. 371].

В 1838 г. соответствии с «Положением об отдельном управлении Сибирскими киргизами» Омская область была упразднена. Для местного администрирования создавалось Пограничное управление сибирских киргизов. Во главе с пограничным начальником, подчинявшимся генерал-губернатору Западной Сибири [6. С. 272]. В 1854 г. Пограничное управление было упразднено и были созданы Семипалатинская область и область Сибирских Киргизов [7. С. 492].

В 1864–1865 гг. российскими войсками под командованием полковников М. Черняева и Н. Верёвкина были взяты под контроль города-крепости Чимкент, Туркестан, Аулие-ата и Ташкент. Территории старшего, среднего и младшего казахских жузов были инкорпорированы в виде шести областей в состав России [8. С. 162].

Область Сибирских киргизов в 1868 г. была ликвидирована и из бывших областей Оренбургской, Сибирских Киргизов и Семипалатинской, а также территорий Уральского и Сибирского и казахских войск образовывались четыре новые области: Уральская, Акмолинская, Тургайская и Семипалатинская [9. С. 364].

Акмолинская область создавалась на территории упраздненной области Сибирских Киргизов: из Кокчетавского, Атбасарского и Акмолинского округов, а также земель, принадлежащих Сибирскому казачьему войску [9. С. 364]. В 1878 г. области присвоен герб. В состав Акмолинской области вошло пять округов –

Сарысуиский (был переименован в Атбасарский в 1878 г.), Кокчетавский, Акмолинский, Петропавловский и Омский [10. С. 19].

Областным центром, до создания соответствующей инфраструктуры в Акмолинске, стал главный центр западносибирского генерал-губернаторства – Омск. В область был назначен военный губернатор – генерал-майор Н.А. Окольников, вице-губернатором и председателем областного правления стал полковник К.К. Гутковский. Военный губернатор находился в двойном подчинении – Военному министерству и западносибирскому генерал-губернатору. В области местного государственного управления на него возлагались такие же полномочия, как и на других губернаторов империи, однако Акмолинский военный губернатор были наделен еще и военными полномочиями. Центральным звеном местного управления, наряду с военным губернатором, стало областное правление, поскольку целого ряда государственных учреждений в Акмолинской области не предусматривалось.

В 60-е гг. XIX в. на окружном уровне управления дублирующие друг друга должности окружных начальников, земских исправников и городничих были объединены в одну – окружных исправников. В состав округов наряду с окружными городами входили также казачьи станичные управления, киргиз-кайсацкие и крестьянские (главным образом в Омском и Петропавловском округах) и киргиз-кайсацкие волости.

Отмена крепостного права в Российской империи в 1861 г. почти никак не сказалась на Акмолинской области, поскольку она не знала крепостного права и на ее территории не было помещичьих имений, лишь небольшое количество крепостных использовалось местной верхушкой чиновничества и офицерства в качестве домашней прислуги. Область не затронули также земская и судебные реформы 1864 г. Судебные преобразования на основании «Судебных уставов» 1864 г. будут осуществлены в регионе только в 1896 г., а земское самоуправление появится лишь после Февральской революции – 17 июня 1917 г.

Почти сразу же после образования области в 70-е гг. XIX в. на генерал-губернаторство Западной Сибири и входившую в его состав Акмолинскую область было распространено «Городовое положение» 1870 г., предоставлявшее широкие полномочия муниципальным органам власти. В областном и уездных центрах после проведения выборов были созданы органы городского общественного управления. В основе городской реформы лежали демократические принципы разделения властей и выборности на бессословной основе органов муниципального управления. «Городовое положение» 1870 г. устанавливало избирательное право для мужчин на основе имущественного избирательного ценза. Представительные органы муниципального управления – городские думы избирали подотчетные им исполнительные органы самоуправления – городских голов и городские управы. Впрочем, городские управы были организованы только в Омске и Петропавловске, в Акмолинске муниципальная исполнительная власть была представлена одним городским головой [10. С. 20].

Реформы 60–70-х гг. XIX в. внесли также некоторые изменения в сословные киргиз-кайсацкое и казачье общественные управления. В 1870 г. было принято «Положение об общественном управлении в казачьих войсках». Оно регламентировало в Акмолинской области станичное управление, в которое входили станичный атаман с помощником, казначей, писарь и «доведенные от станичных обществ» [9. С. 587].

В киргиз-кайсацком общественном управлении, установленном реформой М.М. Сперанского, упразднился принцип наследственности при назначении на должности султанов. Вместо султанов вводилась должность избираемых на волостных съездах волостных правителей. Увеличилось также количество кибиток в аулах и волостях [11. С. 364]. Органы волостного управления организовались по типу крестьянских волостных учреждений, что свидетельствовало об упадке кровнородственных отношений в жизни казахского народа, а также о стремлении коронной власти приблизить управление регионом к общероссийскому, перейти от основанного на обычаях управления к бюрократическому администрированию.

В 1898 г. был принят закон «О видах на жительство для инородцев», по которому казахское население стало получать паспорта Российской империи [12. С. 231]. Казахское население Акмолинской области стало полноправными российскими подданными. Верховная власть империи стремилась осуществить переход от системы традиционного управления, основанного на обычаях, к современному администрированию.

Акмолинская область изначально была многонациональной по своему составу. По итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Акмолинском округе преобладало казахское население, в Омском и Петропавловском округах – русские и украинцы. Многонациональный и многоконфессиональный состав населения области, во многом благодаря сбалансированной системе управления, заложенной еще М.М. Сперанским, способствовал развитию добрососедских отношений между русским и казахским народами.

В 1882 г. генерал-губернаторство Западной Сибири упразднилось и на территории края было учреждено, с центром в Омске, Степное генерал-губернаторство, которое первоначально включило в себя Семиреченскую, Акмолинскую и Семипалатинскую области. Семиреченская область впоследствии была включена в Туркестанское генерал-губернаторство. Степной генерал-губернатор стал ключевым звеном в управленческой системе генерал-губернаторства. Генерал-губернатор, кроме исполнения административных полномочий, был командиром размещенных на территории края войсковых подразделений. На должность генерал-губернатора назначались только военные [13. С. 135]. По количеству властных полномочий он стоял выше губернаторов. На генерал-губернатора был возложен контроль за законностью и правильностью действий местных органов власти. Ему подчинялись практически все должностные лица местного управления.

Органы местного государственного управления Акмолинской области были представлены военным губернатором, областным правлением, полицмейстером в Омске и окружными исправниками. Они были в двойном и даже в тройном подчинении: у Министерства внутренних дел, Военного министерства и генерал-губернатора. Областное правление являлось ключевым органом власти военных губернаторов, закрепленная за ним компетенция превышала полномочия других областных органов власти.

За областным правлением Акмолинской области было закреплено 43 полномочия, которые делились по сферам их применения на восемь видов: 1) по областному управлению; 2) по охране общественного порядка; 3) по хозяйственному управлению; 4) по здравоохранению; 5) по строительству; 6) по управлению казенными имуществами; 7) по межеванию территорий; 8) по судебному управлению. В соответствии возложенными полномочиями областное правление могло быть сопоставлено в регионе только с институтом военного губернатора. Оно отличалось сложным устройством и состояло из канцелярии и общего присутствия. Канцелярия делилась на отделения, каждое из отделений находилось под началом одного из членов общего присутствия, а в совокупности она подчинялась председателю областного правления [14. С. 195].

Наряду с местным государственным управлением в Акмолинской области продолжали действовать бессловное городское и сословные крестьянское, казахское и казачье общественные самоуправления. При этом их цели понимались как выполнение функций местного самоуправления, делегированных государством [15. С. 18]. В зауральской части империи правительство использовало общины горожан, крестьян, казаков и коренного населения с их самоуправленческими институтами, как инструмент низового звена местного управления, наделяя органы самоуправления властными полномочиями и сохраняя их базовые принципы формирования (коллегальность, выборность, отчетность), а также определенную самостоятельность в решении вопросов муниципального управления [16. С. 195].

В конце XIX – начале XX в. произошли серьезные изменения в социально-экономическом развитии области, что было связано со строительством транссибирской магистрали. Одновременно со строительством железной дороги в область началась крестьянская колонизация из европейских губерний империи, получившая широкий размах во время реформы П.А. Столыпина. Так, только за 1908 г. в область переселилось свыше 140 тыс. крестьян. Для прибывавших в регион крестьян организовалось, существовавшее еще прежде, главным образом в Омском и Петропавловском округах, волостное крестьянское самоуправление [17. С. 8].

Государственная регламентация общинного самоуправления государственных крестьян зауральской России была произведена во второй половине XVIII в., оно стало называться волостным. Затем волостное самоуправление было преобразовано на основании «Учреждения для управления Сибирских губерний» 1822 г. М.М. Сперанского и «Положения» 1861 г. Оно

было сословным и осуществлялось выборными волостными старшинами и волостными правлениями, волостными крестьянскими судами, писарями, старостами, а также сотскими и десятскими.

Члены волостных правлений и судов после избрания утверждались военным губернатором Акмолинской области, а старосты, десятские и сотские – окружными исправниками. На волостное управление возлагался достаточно широкий круг административно-полицейских, хозяйственных и судебных полномочий [18. С. 18].

В 1898 г. в области для осуществления контроля за волостным самоуправлением были учреждены должности крестьянских начальников. Крестьянский начальник утверждал решения крестьянских сходов и выбранных должностных лиц волостного управления. На него были возложены полномочия о расселении переселенцев, он также имел судебные и управленческие полномочия по отношению к казахскому населению региона [19. С. 174]. После революции 1905–1907 гг. в волостном правлении Акмолинской области были упразднены должности сотских и десятских, которые выполняли свои полномочия по охране общественного порядка в волостях на общественных началах. Вместо них был введен институт профессиональной полицейской стражи [20. С. 53].

Административная иерархия в Акмолинской области напоминала пирамиду, в основе были урядники, полицейские стражники и городовые, над которыми был слой чиновников, имевших классные чины, а вверху пирамиды был военный губернатор, обладавший почти всей полнотой власти в крае. Областная бюрократия была очень пестрой по происхождению, знанию службы, образовательному уровню и возрасту массой: от бывших армейских и казачьих офицеров до чиновников, всю жизнь проводивших в канцеляриях [21. С. 47].

Во многом благодаря строительству Транссибирской магистрали центр Акмолинской области и Степного генерал-губернаторства Омск из военно-административного города превратился в самый крупный торгово-промышленный центр зауральской России. Городское население области к 1914 г. насчитывало 204 346 человек, из них в Омске – 137 245 человек, во втором по численности Петропавловске – 42 340, в Акмолинске – 16 581, в Кокчетаве – 5 038 и 42 в Атбасаре [17. С. 8].

В правление императора Александра III новым «Городовым положением» 1892 г. были внесены некоторые изменения в организацию местного самоуправления, был усилен контроль за его деятельностью со стороны местных административно-полицейских органов. Военный губернатор Акмолинской области, который раньше следил лишь за законностью деятельности органов городского общественного управления, получил право отстранять от должности членов управ и делать им предписания. Постановления городских дум теперь стали получать законную силу только после губернаторского утверждения [22. С. 18].

Новое «Городовое положение» 1892 г. увеличило имущественный ценз, предоставив избирательное право исключительно состоятельным горожанам.

Исполнительные органы городского общественного – городские управы и городские головы были поставлены в более независимое положение от представительных городских дум [23. С. 2040].

В 1891 г. было принято новое «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск», которое распространилось на Сибирское войско [24. С. 329]. Новое «Положение» усилило контроль за станичным управлением со стороны командования Сибирского войска и окружных исправников, а также увеличило полномочия станичных атаманов, которые получили дополнительные права в отношении станичных сборов и станичных судов. Так, станичные атаманы получили право принимать решения по вопросам, которые входили в компетенцию станичных сборов и по своей инициативе могли собирать станичные сборы [25. С. 588].

Для институтов общественного управления в Акмолинской области была характерна бюрократическая субординация и административная опека со стороны государственных органов власти. Которые, впрочем, порой рационализировали систему хозяйствования на местах, повышали уровень образования и совершенствовали систему муниципального управления. К 1914 г. в области было 119 крестьянских волостей, 31 самостоятельное сельское управление, 104 киргизских волости и 30 казачьих станиц. Население региона составило 1 525 543 человека [17. С. 8].

В конце XIX – начале XX в. в Акмолинской области произошел ряд серьезных преобразований в области административно-судебного управления. В 1898 г. административно-территориальные единицы региона – округа были переименованы в уезды, а их руководители окружные исправники – в уездных исправников. В 1897–1899 гг. в урезанном виде на Акмолинскую область были распространены основные положения судебной реформы 1864 г. В 1906 г. управление областью стало почти таким же, как и в других губерниях Сибири. Должность военного губернатора области была переименована в должность гражданского губернатора на основании императорского повеления «О переименовании военных губернаторов Акмолинской и Семипалатинской областей в должности акмолинского и семипалатинского губернаторов». Первым губернатором, впрочем ненадолго, стал генерал-майор Н.М. Литвинов, в декабре 1906 г. на фоне революционных выступлений он был убит неизвестным [26. С. 45].

В целом система местного управления в Акмолинской области, в основе которой лежала власть губернатора, не решала всех проблем администрирования региона, однако ее гибкая реализация, при противоречиях и трудностях в административной практике и политике Российского государства во второй половине XIX – начале XX в., была шагом вперед в правовом и государственном развитии юга Западной Сибири и Северного Казахстана.

Она способствовала укреплению добрососедских и дружественных отношений между казахским и русским народами. Подход верховной власти к вопросам управления Акмолинской областью может быть рассмотрен в качестве региональной компоненты административной политики в дореволюционной России.

Список источников

1. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация азиатской России: имперский и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX вв. Омск : Наука, 2013. 248 с.
2. Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Караганды, 2010. 242 с.
3. Дамешек Л.М., Мамкина И.Н. Сибирь в системе имперского законодательства XVIII – начала XX века: закон и практика. Чита : ЗабГУ, 2021. 278 с.
4. Толочко А.П., Коновалов И.А. Местное управление Российской империи по «Учреждениям для управления губерний» 1775 г. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 4 (20). С. 93–99.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. 38. СПб., 1830. № 29125. 1355 с.
6. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1839. № 11122. 1067 с.
7. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 29. Ч. 1. СПб., 1855. № 28255. 910 с.
8. Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. М. : ОГИЗ, 1941. 367 с.
9. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 43. Ч. 2. СПб., 1873. № 46380. 572 с.
10. Памятная книжка Акимолинской области на 1887 год / сост. И.А. Козлов. Омск, 1887. 66 с.
11. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 2. СПб., 1886. № 886. 501 с.
12. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX-начало XX в.). Иркутск, 1986. 235 с.
13. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX вв. Омск : Изд-во ОмГУ, 2015. 580 с.
14. Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892 – 1914 гг.). Самара ; Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2007. 750 с.
15. Бирюков С.В., Евстратов А.Э. Идея социального государства в аспекте государственно-правового монизма и плюрализма // Правоприменение. 2023. Т. 7. № 3. С. 15–24.
16. Нардова В.А. Городское самоуправление в России во второй половине XIX – начале XX вв.: власть и общество. СПб. : Лики России, 2014. 568 с.
17. Памятная книжка Акимолинской области на 1915 год / отв. ред. М.Н. Соболев. Омск, 1915. 76 с.
18. Коновалов И.А. Крестьянская община как предмет государственно-правового и муниципально-правового регулирования в Сибири в до-революционный период // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 3 (40). С. 13–19.
19. Никулин В.Н. Крестьянские начальники в Сибири // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 170–175.
20. Сибирь и Министерство внутренних дел // Сибирские вопросы. 1908. № 33–34.
21. Коновалов И.А. Городская полиция Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 3 (12). С. 44–48.
22. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 12. СПб., 1895. № 8708. 734 с.
23. Храмов А.Б. Электоральная активность избирателей и практика формирования представительных собраний в городах Сибири в городах Сибири (1900-е годы) // Былые годы. 2023. № 18 (4). С. 2036–2044.
24. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 11. СПб., 1894. № 7782. 685 с.
25. Коновалов И.А. Особенности местного самоуправления у казаков Западной Сибири и Северного Казахстана в XIX– начале XX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. Вып. 19, № 3. С. 578–590.
26. Гермизеева В.В. Гражданские губернаторы Акимолинской области: основные направления деятельности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 44–48.

References

1. Remnev, A.V. & Suvorova, N.G. (2013) *Kolonizatsiya aziatskoy Rossii: imperskiy i natsional'nye stsennariy vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [Colonization of Asian Russia: Imperial and national scenarios of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Nauka.
2. Abdrakhmanova, B.M. (2010) *Istoriya Kazakhstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noye ustroystvo v XIX veke* [History of Kazakhstan: Power, governance system, territorial structure in the 19th century]. Karagandy: Glasir.
3. Dameshek, L.M. & Mamkina, I.N. (2021) *Sibir' v sisteme imperskogo zakonodatel'stva XVIII – nachala XX veka: zakon i praktika* [Siberia in the System of Imperial Legislation of the 18th – early 20th Centuries: Law and practice]. Chita: Transbaikalian State University.
4. Tolochko, A.P. & Kononov, I.A. (2018) *Mestnoye upravleniye Rossiyskoy imperii po "Uchrezhdeniyam dlya upravleniya guberniy" 1775 g.* [Local government of the Russian Empire according to the "Institutions for the management of the provinces" of 1775]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki.* 4 (20). pp. 93–99.
5. Russian Empire. (1830) *Polnoye sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 38. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. No. 29125.
6. Russian Empire. (1839) *Polnoye sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 13. Part 1. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. No. 11122.
7. Russian Empire. (1855) *Polnoye sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 29. Part 1. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. No. 28255.
8. Vyatkin, M.P. (1941) *Ocherki po istorii Kazakhskoy SSR* [Essays on the History of the Kazakh SSR]. Moscow: OGIZ.
9. Russian Empire. (1873) *Polnoye sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 43. Part 2. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. No. 46380.
10. Kozlov, I.A. (ed.) (1887) *Pamyatnaya knizhka Akimolinskoy oblasti na 1887 god* [Commemorative Book of Akimola Region for 1887]. Omsk: Izdatel'stvo Akimolinskoy oblastnoy statisticheskoy komissii.
11. Russian Empire. (1886) *Polnoye sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 2. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. No. 886.
12. Dameshek, L.M. (1986) *Vnutrennyaya politika tsarizma i narody Sibiri (XIX-nachalo XX v.)* [Domestic Policy of Tsarism and the Peoples of Siberia (19th – early 20th centuries)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
13. Remnev, A.V. (2015) *Sibir' v imperskoy geografii vlasti XIX – nachala XX vv.* [Siberia in the imperial geography of power of the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State University.
14. Lyubichankovskiy, S.V. (2007) *Gubernskaya administratsiya i problema krizisa vlasti v pozднеimperskoy Rossii (na materialakh Urals, 1892 – 1914 gg.)* [Provincial Administration and the Problem of the Crisis of Power in Late Imperial Russia (Based on Materials from the Urals, 1892–1914)]. Samara; Orenburg: Orenburg State University.
15. Biryukov, S.V. & Evstratov, A.E. (2023) *Ideya sotsial'nogo gosudarstva v aspekte gosudarstvenno-pravovogo monizma i plyuralizma* [The Idea of a Social State in the Aspect of State-Legal Monism and Pluralism]. *Pravoprimeneniye.* 3 (7). pp. 15–24.
16. Nardova, V.A. (2014) *Gorodskoye samoupravleniye v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: vlast' i obshchestvo* [Municipal Self-Government in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Power and Society]. Saint Petersburg: Likey Russia.

17. Sobolev, M.N. (ed.) (1915) *Pamyatnaya knizhka Akmolinskoy oblasti na 1915 god* [Commemorative Book of the Akmola Region for 1915]. Omsk: Izdatel'stvo Akmolinskoy oblastnoy statisticheskoy komissii.
18. Kononov, I.A. (2014) Krest'yanskaya obshchina kak predmet gosudarstvenno-pravovogo i munitsipal'no-pravovogo regulirovaniya v Sibiri v dorevolutsionnyy period [Peasant community as an object of state-legal and municipal-legal regulation in Siberia in the pre-revolutionary period]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"*. 3 (40). pp. 13–19.
19. Nikulin, V.N. (1987) Krest'yanskies nachal'niki v Sibiri [Peasant chiefs in Siberia]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 170–175.
20. Sibirskie voprosy. (1908) Sibir' i Ministerstvo vnutrennikh del [Siberia and the Ministry of Internal Affairs]. *Sibirskie voprosy*. 33–34.
21. Kononov, I.A. (2007) Gorodskaya politiya Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [City police of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"*. 3 (12). pp. 44–48.
22. Russian Empire. (1895) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 12. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. No. 8708.
23. Khramtsov, A.B. (2023) Elektoral'naya aktivnost' izbirateley i praktika formirovaniya predstavitel'nykh sobраний v gorodakh Sibiri v gorodakh Sibiri (1900-e gody) [Electoral activity of voters and the practice of forming representative assemblies in the cities of Siberia in the cities of Siberia (1900s)]. *Bylye gody*. 18 (4). pp. 2036–2044.
24. Russian Empire. (1894) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 11. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. No. 7782.
25. Kononov, I.A. (2020) Osobennosti mestnogo samoupravleniya u kazakov Zapadnoy Sibiri i Severnogo Kazakhstana v XIX – nachale XX v. [Features of local self-government among the Cossacks of Western Siberia and Northern Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. 3 (19). pp. 578–590.
26. Germizeeva, V.V. (2018) Grazhdanskies gubernatory Akmolinskoy oblasti: osnovnye napravleniya deyatel'nosti [Civil governors of the Akmola region: main areas of activity]. *Uchenye zapiski Petrazavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (171). pp. 44–48.

Информация об авторе:

Коновалов И.А. – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: konov77@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Kononov, Dr. Sci. (History), professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: konov77@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.03.2024;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 30.07.2024.*

*The article was submitted 05.03.2024;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 30.07.2024.*

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/15617793/504/13

Погребения «старших» Мономашичей как система выражения властных претензий рода

Наталья Дмитриевна Николаева¹

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, natp@sfedu.ru

Аннотация. Рассмотрена система княжеских погребений сыновей Владимира Мономаха. Показано, что княжеские погребения входили в число эффективных способов демонстрации властных претензий для современников и потомков. Сделан вывод, что эффективность состояла в приспособлении правящей элиты к меняющимся условиям на фоне острой борьбы за земельные наделы. Эта борьба была связана с долгосрочными процессами трансформации системы взаимоотношений властных элит на Руси.

Ключевые слова: Владимир Мономах, Мономашичи, погребения, вотчины, XII в., полицентризм

Для цитирования: Николаева Н.Д. Погребения «старших» Мономашичей как система выражения властных претензий рода // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 120–128. doi: 10.17223/15617793/504/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/13

Burials of “senior” Monomakhovichi as a system of expressing the power claims of the family

Natalya D. Nikolaeva¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, natp@sfedu.ru

Abstract. The author of the article examines the system of princely burials of Vladimir Monomakh's sons. The aim of the article is to analyze the logic of burials of Vladimir Monomakh's sons, considering the political and ideological realities of the 12th century. The analysis is based on the Ipatiev and Laurentian chronicles. In the introduction to the article, the author explains the importance of studying the system of princely burials: they are a symbolic expression of ideas about the power strategies and claims of the ruling elites of the Middle Ages. The author suggests that polycentrism, which was finally established in Russia in the 12th century, had to influence the forms of legitimization of power, including the burial system of the Rurik dynasty. Also it is stated that the example of the burial system of the sons of Monomakh is most indicative of the history of the 12th century. After all, it was the sons of Vladimir Monomakh who continuously held power in Kiev until 1139. Yuri and Vyacheslav Vladimirovich were significant political figures during the strife for the Kievan throne in the middle of the 12th century. Finally, the historiography has repeatedly suggested that it was Prince Vladimir and his sons who had a strategy to establish the hegemony of their family in medieval Russia. The main part of the article is divided into two parts. The first part is about the burials of Vladimir's sons in Kiev and its surroundings. The second is about the burial of princes outside Kiev. The author examines the Kiev burials, starting with Vladimir Monomakh. Further, the burials of Mstislav the Great, Yaropolk Vladimirovich, Vyacheslav Vladimirovich, and Yuri Dolgoruky are analyzed chronologically. Based on a detailed analysis of the circumstances of the death and funeral of the princes, the author comes to several conclusions. The high importance of burials from the standpoint of identification of power elites is explained by the mechanism of the feudal society functioning. In the process of decentralization of medieval Russia, the system of princely burials became more situational. The burial of each son of Vladimir Monomakh was associated with a number of conditions: the political agenda that the prince followed during his lifetime, the presence or absence of his direct heirs, the mutual relations of the prince and the urban community. Situationality was due to the adaptation of the ruling elite to changing conditions against the background of an acute struggle for land plots. This struggle was based on a long process of transformation of the system of relations between representatives of the princely dynasty, as well as between princes and the emerging nobility.

Keywords: Vladimir Monomakh, Monomakhovichi, burials, inheritance of power, 12th century, polycentrism

For citation: Nikolaeva, N.D. (2024) Burials of “senior” Monomakhovichi as a system of expressing the power claims of the family. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 120–128. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/13

В исторической науке уже не раз был озвучен и вполне доказан тезис о чрезвычайной значимости мест погребений представителей правящих династий эпохи Средневековья [1–3].

Захоронения служили символическим выражением идей о властных стратегиях, «связанных с идентификацией (самоидентификацией) отдельных князей как представителей правящего рода» [2. С. 16].

Исследователи ставят практику погребений представителей властной элиты в один ряд с интронизацией, дарообменом и общественными пирами, указывая на их очевидную взаимную связь. Каждая из этих практик есть проявление роли и значения правителя в жизни древнерусского социума [2. С. 16].

При этом следует отметить, что средневековое общество не лишено динамики развития. Так, в истории домонгольской Руси важнейшей вехой стал XII в., когда в полной мере проявил себя полицентризм. В это время возникают альтернативные Киеву и конкурирующие друг с другом политические центры, где наиболее сильные и амбициозные представители ветви Рюриковичей формировали собственные поля притязаний не только во внутренней, но и во внешней политике. Это время серьезной конкуренции между Ольговичами и Всеволодовичами-Мономашичами, клан которых в 30-е гг. XII в. распался на «старших» (сыновей Мономаха) и «младших» (внуков Мономаха) представителей династии. Очевидно, что в подобных условиях практики легитимации власти и самоидентификации князей должны были претерпеть серьезные изменения, отвечая на вызовы времени. Как минимум, именно в XII столетии система великокняжеских погребений усложняется. Об этом свидетельствует летописная традиция. Со времен Крещения Руси практически все великие князья находили свое последнее пристанище в двух церквях – Десятинной и св. Софии Киевской. При этом обе являлись знаковыми для истории страны. Десятинная церковь была первой каменной сакральной постройкой на ее территории, возведенной самим князем-крестителем Владимиром Святославичем. Святая София входила в комплекс сакральных построек Ярослава Мудрого и изначально была заложена как главная, митрополичья [4. Стб. 139]. До XII столетия только два князя, скончавшись в статусе киевских правителей, были погребены в иных местах. Это печально известный Святополк Окаянный, который, как свидетельствует летописная традиция, погиб и похоронен «межи Чахы и Лахы»¹ [4. Стб. 132], а также один из князей-триумвиров Святослав Ярославич, который умер в 1076 г. «и положень Черниговъ оу ста^г Сѣса» [5. Стб. 199]. При этом нельзя не заметить, что оба князя запятнали себя с точки зрения современной им политико-идеологической ситуации: Святополк, согласно Повести временных лет, был повинен в грехе братоубийства, а Святослав сел в Киеве вне очереди, при жизни старшего брата Изяслава, тем самым нарушив порядок старшинства при наследовании великокняжеского престола. Иными словами, эти князья не нашли своего последнего пристанища в наиболее значимых для того времени церквях ввиду своих прижизненных деяний, не отвечавших политическим порядком и моральным ценностям того времени.

В XII столетии мы насчитываем уже порядка девяти мест погребений киевских правителей (таблица). Учитывая тот факт, что захоронения встраивались в систему самопрезентации и самоидентификации княжеской власти, довольно сложно связывать увеличение количества мест погребений только с неоспори-

мым фактом разрастания самой династии Рюриковичей. Вполне вероятно, что представители каждой ветви этой династии в условиях нарастающих процессов децентрализации Руси формировали собственную систему погребений, которая служила своеобразным высказыванием для их политических соперников и союзников.

Места погребения представителей династии Рюриковичей, скончавшихся в статусе князя киевского (XII в.)

Князь киевский	Год смерти	Место захоронения
Святополк Изяславич	1113	Михайловский Златоверхий монастырь
Владимир Мономах	1125	Святая София Киевская
Мстислав Великий	1132	Церковь св. Федора
Ярополк Владимирович	1139	Андреевский монастырь
Всеволод Ольгович	1146	Церковь свв. Мучеников Бориса и Глеба в Вышгороде
Игорь Ольгович	1147	Симеоновский монастырь ²
Изяслав Мстиславич	1154	Церковь св. Федора
Вячеслав Владимирович	1154	Святая София Киевская
Юрий Владимирович Долгорукий	1157	Церковь св. Спаса в селе Берестово
Изяслав Давыдович	1161	Церковь св. Бориса и Глеба, Чернигов
Ростислав Мстиславич	1167	Собор св. Федора
Глеб Юрьевич	1171	Церковь св. Спаса в селе Берестово
Владимир Мстиславич	1171	Собор св. Федора
Святослав Всеволодович	1194	Монастырь св. Кирилла ³

В данной статье мы остановимся на системе погребений князей, представителей ветви Рюриковичей – Мономашичей, осуществив попытку отследить и обосновать логику их захоронений. Именно сыновья Владимира значительное количество времени удерживали власть в Киеве: Мстислав Владимирович перенял престол от отца, затем передав его брату Ярополку. Именно два Мономашича – Юрий и Вячеслав – были значимыми (пусть и в немного разном смысле этого слова) политическими фигурами в ходе усобиц за киевский престол в середине века. Наконец, в историографии не единожды возникал тезис о наличии именно у князя Владимира и его сыновей стратегии по установлению гегемонии их ветви на Руси [6, 7]. Иными словами, пример системы погребений Мономашичей наиболее показателен для истории XII в. как с точки зрения их очевидной вовлеченности в политическую повестку, так и с точки зрения самопозиционирования этих представителей Рюриковичей.

Киевские захоронения Мономашичей

Прежде чем начать рассмотрение вопроса о захоронениях детей Владимира Мономаха, следует обозначить место и обстоятельства погребения самого великого князя. Владимир нашел свое последнее пристанище в святой Софии Киевской, где также были похоронены его дед Ярослав и его отец Всеволод. Летописец, говоря о месте захоронения Владимира, подчеркивает преемственность князя в этом вопросе с отцом: «положиша оу сѣби Софѣ въ тыца Всеволода» [4. Стб. 289] («и положень бы^с в сѣби Софѣ оу ѿца

своего» [5. Стб. 295]). Представляется, что такое акцентирование внимания на отце Мономаха не является случайным. Владимир, подобно предшественникам своего рода, выступал как ярый противник межкняжеских распри в целях консолидированной борьбы с половцами и еще при жизни великого князя Святополка Изяславича (ум. в 1113 г.) занял в ней лидирующие позиции (в историографии уже не единожды указывалось на наличие у этого князя собственной стратегии, основанной на борьбе со степняками [9, 10]). После смерти Святополка Момах занял киевский престол вне очереди, благодаря своему авторитету. Сам же Владимир Всеволодович скончался как «х^олюбивый великий кн^з всея Руси», и, что самое важное, перед смертью Момах, подобно своему деду Ярославу, распределил своих сыновей по волостям: «разидошася кождо въ свою волость с плачемъ великомъ идеже баше ко муждо ихъ раздаять волости» [4. Стб. 289]. При этом Мстислав как старший сын Мономаха сел в Киеве. По сути, передача власти от Владимира Всеволодовича, великого князя киевского, его старшему сыну Мстиславу и была символически выражена в захоронении тела Мономаха в Святой Софии. Равно как этим же действием было закреплено и распределение остальных сыновей по волостям. Внеочередное занятие Момахом киевского престола делало чрезвычайно важным любое средство дополнительной легитимации власти и для самого Владимира, и для его прямого наследника Мстислава. Отнюдь не случайно исследователи видят в политике Мономаха попытку реализации «династического проекта» [11. С. 153], цель которого состояла в восстановлении политического единства Русской земли путем династических рокировок.

Собственно, сын Владимира Всеволодовича Мстислав, перенявший киевский стол у отца, скончался в 1132 г. в статусе великого князя и был похоронен в церкви святого Федора. Место захоронения очевидным образом связано с небесным патроном Мстислава⁴, в честь которого им и была заложена упомянутая церковь [4. Стб. 293; 5. Стб. 299]⁵. При этом Мстислав был похоронен по той же логике, что и некогда его дядя, соперник отца за политическое лидерство Святополк Изяславич – в той сакральной постройке, которую он «самъ создалъ». К слову, такая объяснительная схема (князь был похоронен «въ цркви сгго Михаила юже бѣ самъ создалъ» [4. Стб. 275]) применительно к киевским правителям до Изяслава в летописи ранее не встречается. Данное обстоятельство, на первый взгляд, вызывает некоторое недоумение: возникает вопрос, почему тело великого князя киевского, продолжателя дела отца, не было захоронено рядом с самим Владимиром в Софии Киевской? Ведь Мстислав не был замечен в каких-то политических действиях, противоречивших средневековой морали и иным принципам. На престоле его сменял родной брат, который не пытался затмить деяния Мстислава либо очернить его политику.

В первую очередь следует отметить, что св. Федор был почитаем среди князей ветви, к которой принадлежал Мстислав Великий. Еще при деде Мстислава Всеволоде Ярославиче в Переяславле была воздвигнута церковь св. Федора [4. Стб. 200]. Знаменитый

прадед князя Ярослав Мудрый скончался в день св. Федора [5. Стб. 150]. Однако почитание св. Федора в роду Всеволодовичей-Мономашичей не дает исчерпывающего ответа на вопрос о причинах похорон Мстислава в церкви, возведенной в честь его патронального святого. Вероятно, объяснение следует искать в политических деяниях князя.

Важнейшим пунктом политической повестки времен великого княжения Мстислава было удержание единства Руси в условиях нарастающего полицентризма. Пожалуй, особенно эти цели видны на примере отношений этого Мономашича с Полоцким княжеством. Установление над ним контроля далось князю весьма не просто. Первые шаги в данном направлении Мстислав предпринял в 1127 г., проведя военную операцию, в результате которой на полоцкий престол вместо непокорного Давыда Всеславича взошел лояльный киевскому князю Рогволод. После смерти последнего в 1129 г. Мстислав Владимирович совершил второй поход на Полоцкое княжество, результатом которого стало взятие в плен братьев-Всеславичей (Давыда, Святослава и Ростислава). В том же году Мстислав выслал трех опальных полоцких князей в Константинополь [5. Стб. 301]. На полоцком престоле утвердился сын Мстислава Изяслав.

Симптоматично, что в разгар событий, связанных с полоцкими князьями, в Киеве и появляется церковь св. Федора. В Лаврентьевской летописи данное событие датировано 1128 г., а в Ипатьевской – 1129 г. В Лаврентьевской летописи за сообщением о закладке церкви св. Федора следует еще и экскурс в историю конфликта между Киевом и Полоцком – здесь появляется сюжет о Владимире и Рогнеде, причем с такими подробностями, которые отсутствовали в летописном рассказе 980 г. Так, мы узнаем, что, прожив с князем как минимум несколько лет (такой вывод мы делаем, исходя из вполне вменяемого возраста их сына Изяслава), Рогнеда решила убить мужа. Она привлекла к этому злодеянию и сына Изяслава Владимировича [4. Стб. 300]. Однако старания Рогнеды не увенчались успехом. Владимир обо всем узнал и собрал своих бояр с целью решения судьбы непокорной жены и сына. Бояре дали совет: «...въздвѣгнѣи ѡтчину єя и даи єи с сыно^м своимъ» [4. Стб. 300]. Так, согласно летописи, и появился город Изяславль [5. Стб. 301].

Эти дополнения А.В. Рукавишников метко назвал «манипуляцией семейной памятью» [13. С. 45]. Действительно, если под 980 г. в список детей Владимира и Рогнеды входит четыре сына, в числе которых Ярослав Мудрый («ѡ неже роди дѣсныи Изяслава Мстислава Ярослава Всеволода а вѣтчири» [5. Стб. 80]), то под 1128 г. речь идет только об Изяславе. По сути, летописец разводит линию полоцких Рюриковичей-Изяславичей и потомков Ярослава, подчеркивая эту идею финальной фразой рассказа под 1128 г.: «ѡтолѣ мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославли^м внуко^м» [5. Стб. 301]. И эти манипуляции крайне симптоматичны в условиях нарастающего полицентризма первой трети XII столетия. Актуализация истории о Владимире и Рогнеде связана с необходимостью показать, что противостояние между полоцкими князьями

и князьями из других ветвей Рюриковичей – явление изначальное, берущее свое начало в ранней истории Руси. Это было крайне важно для политики Мстислава, направленной на подчинение Полоцкого княжества.

Обращает внимание и подчеркивание темы дарования Владимиром вотчины жене и сыну (ведь согласно летописному рассказу 980 г. Рогнеда жила на Лыбеди, а отнюдь не в Изяславле [4. Стб. 67]). Следует вспомнить о том, что в исторической науке не единожды был высказан тезис о коренных трансформациях, происходивших в среде властной элиты Руси на изломе XI–XII вв. Так, П.С. Стефанович относит к этому периоду кризис государства трибутарного типа, в ходе которого коренным образом трансформировалась система взаимоотношений властной элиты: основой ее консолидации теперь становились не военные походы и богатая добыча, а договорные механизмы, обеспечивавшие взаимную лояльность. Залогом последней были земельные наделы [14]. При этом становление системы земельных наделов как основы взаимных отношений между князьями – представителями династии Рюриковичей – было довольно трудным процессом. В качестве проявления кризиса государства трибутарного типа можно выделить несколько тенденций, охарактеризованных Л.В. Мининковой. Исследователь отмечает: последняя четверть XI – конец первой трети XII вв. – это период в истории Руси, который характеризуется тем, что отношения среди князей по-прежнему основывались на ряде Ярослава, и в его русле осуществлялись попытки укрепления политического единства Руси. Однако нормы Ярославова ряда предполагали существование неформального статуса князей-изгоев, к которым относились полоцкие князья, потомки Владимира Ярославича и его сына Ростислава, а также черниговский князь Олег Святославич. И как раз в этот период благодаря князьям-изгоям проявилась несостоятельность ряда Ярослава: именно изгои, выпадавшие из системы княжеского наследования, вносили нестабильность в политический порядок Руси. Трансформация отношений между Рюриковичами происходила в сторону закрепления суверенного положения каждого князя в своей вотчине [15. С. 164].

Подтверждение проявившегося кризиса и постепенной трансформации отношений Рюриковичей в сторону системы закрепления в собственных вотчинах можно обнаружить и в предсмертных делах Мстислава. Он оставил киевское княжение своему брату Ярополку, что отражено в Ипатьевской летописи следующим образом: «...оставивъ кнѣжение брату своему Ярополку ему же и дѣти свои съ бѣмъ на руцѣхъ предасть» [4. Стб. 294]. Лаврентьевская летопись говорит о том, что «Ярополкъ приведе Всеволода Мстиславича из Новагорода и да ему Переяславль по хрѣному цѣлованью аже сѧ баше оуради^т с братомъ^м своимъ^м Мстиславомъ по вѣтню повелѣнью аже баше има даль Переяславль съ Мстиславомъ^м» [5. Стб. 301]. На основании этих сообщений исследователи неоднократно делали логичный вывод о том, что Ярополк и Мстислав заключили договор, по которому первый обязался заботиться о судьбе племянников-Мстиславичей. По выражению Д.А. Боровкова, это была «попытка десигнации потомства

Мстислава через передачу им наследственной “отчины”» [16. С. 180].

Под наследственной вотчиной понимался Переяславль. К слову, Ярополк попытался выполнить условия договора: сын Мстислава Всеволод был переведен в Переяславль. Однако Всеволод не прокняжил там и дня – его выгнал собственный дядя Юрий Долгорукий. Вторая попытка Ярополка закрепить за Мстиславичами Переяславль состояла в переводе из Полоцка брата Всеволода Изяслава Мстиславича. И крайне симптоматично, что предпринятые изменения в отношении Полоцкого княжества стали фатальными для системы, установленной Мстиславом. Святослав Мстиславич был изгнан полочанами, а на освободившемся престоле утвердился Василько Святославич, внук Всеслава Полоцкого.

Итак, Мстислав Великий реагировал на изменения в системе взаимных отношений между князьями подобно отцу: осуществлял попытку удержания единства Руси, проявляя особое внимание в отношении полоцких князей, давно выпавших из системы княжеской иерархии и являвшихся дестабилизирующим фактором для политической системы. При этом прогрессирующий полицентризм еще более настойчиво, чем при Мономахе, диктовал свои правила, в первую очередь выраженные в системе княжеских наследуемых земельных владений – вотчин. Игнорировать происходившие изменения великий князь не мог. Он попытался закрепить за детьми свою родовую вотчину – Переяславль, что выражено в заключении ряда с Ярополком. При этом Киев был фактически передан Ярополку [4. Стб. 294], тем самым закрепляясь за потомками Мономаха. И погребение Мстислава в церкви святого Федора, возведенной самим князем и при этом связанной с семейной традицией Всеволодовичей-Мономашичей, служило тем же целям.

Собственно, сам Ярополк Владимирович, скончавшийся в 1139 г., был похоронен в Андреевском монастыре. Этот монастырь к тому времени имел довольно долгую историю, непосредственным образом связанную с родом Всеволодовичей-Мономашичей. Его основателем был сам Всеволод Ярославич. Уже в 1115 г., когда состоялось торжественное перенесение мощей свв. Бориса и Глеба, среди упомянутых по имени (в отличие от «прочии игумены») епископов и игуменов есть и Григорий Андреевского монастыря. В статье 1128 г. указано, что тот же Григорий, «любимъ бо бѣ прежде Володимеромъ чтенъ же ѿ Мъстислава и ѿ всихъ людеи» [4. Стб. 291], не дал Мстиславу развязать очередную княжескую междоусобицу. Ко времени смерти Ярополка Владимировича Андреевский монастырь уже служил усыпальницей представителей правящей элиты. В 1112 г. здесь была похоронена Янка Всеволодовна, которая при жизни внесла значительный вклад в развитие этого монастыря. За год до этого здесь же обрела свой покой вдова Всеволода. Иными словами, Андреевский монастырь очевидным образом подходил под место погребения князя, ведь он заботился о душах умерших, к ветви которых принадлежал преставившийся правитель (что также предполагало

материальное участие в жизни организации живых представителей рода [1. С. 369]).

Собственно, нельзя не отметить, что ко времени смерти Ярополка вопрос о закреплении за его потомками Киева как княжеской вотчины уже не стоял. Поэтому подчеркивание связи с родовой традицией было resultирующим фактором для определения места погребения князя. Сыновей к этому времени у Ярополка, вероятно, не было [11. С. 76], а его брат Вячеслав имел весьма малые шансы на закрепление в Киеве по той же причине. Еще под 1130 г. в летописи мы встречаем единственные сведения о его детях – это запись о смерти сына: «В се же лѣто престависѧ Вячеславичъ Михаилъ внукъ Володимеръ июла въ кѣ» [4. Стб. 293]. Оставшиеся после смерти Михаила внуки были малолетними и не могли стать полноценными наследниками престола [16. С. 27].

При этом сам Вячеслав, скончавшийся в 1154 г., был похоронен в Софии Киевской, став единственным сыном Владимира Мономаха, нашедшим вечный покой в том же месте, что и отец. Весьма вероятно, что такая ситуация могла сложиться ввиду тех реалий, в которых формировалась политическая «карьера» князя. После кончины Ярополка Вячеслав Владимирович являлся самым старшим среди представителей ветви Мономашичей и, согласно уже сложившейся традиции передачи киевского стола среди их представителей, впервые получил великое княжение. Однако в том же 1139 г. Вячеслав был свергнут с киевского престола представителем черниговской ветви Рюриковичей Всеволодом Ольговичем. Следующее появление Вячеслава на киевском столе будет связано с именем его племянника Изяслава Мстиславича. После смерти Всеволода Ольговича в 1146 г. на киевском престоле утвердился «младший» Мономашич Изяслав. Такое положение не устроило «старшего» Мономашича – сына Владимира Юрия Долгорукого. Между князьями началось противостояние, и парадокс ситуации заключался в том, что права и Юрия, и Изяслава на Киев были, мягко говоря, условными. Этот стол должен был перейти к Вячеславу. Сложившееся положение метко охарактеризовали А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский: Юрий Владимирович и Изяслав Мстиславич «твердо знают, что по родовому счету из всей их родни именно Вячеславу должен принадлежать Киев, и в то же время это долженствование с успехом обходят» [17. С. 24]. Особенно в этом преуспел Изяслав, сделавший Вячеслава Владимировича своим соправителем в 1151 г. Приблизив Вячеслава как самого старшего из ветви Мономашичей к киевскому трону, Изяслав Мстиславич обеспечил себе защиту от претензий Юрия на великокняжеский престол. После смерти Изяслава в 1154 г. Вячеслав правил вместе с другим «младшим» Мономашичем, Ростиславом Мстиславичем, по тому же принципу. Подобная княжеская несостоятельность Вячеслава обусловила и его захоронение в Софии Киевской. По сути, похороны Вячеслава встраивались в логику властных стратегий «младших» Мономашичей, в тандеме с которыми находился почивший князь, – они подчеркивали старшинство сына Мономаха и тем самым легитимизировали власть его соправителя.

Еще один сын Владимира Юрий умер 15 мая 1157 г., его похоронили в церкви св. Спаса в селе Берестово под Киевом. Причем в этот же день в городе начался мятеж: «...и много зла створисѧ въ тѣ днѣ розграбиша дворъ его красныи и другыи дворъ его за Днѣпромъ <...> избивахуть Суждалци по городомъ и по селомъ а товаръ ихъ грабаче» [4. Стб. 489]. Для объяснения причин похорон Юрия в церкви св. Спаса в Берестово, которая ранее не встречалась в качестве великокняжеской усыпальницы⁶, равно как и причин восстания, следует обратиться к политике князя.

Как известно, Юрий утверждался в Киеве не единожды. Особенно долгим и серьезным было соперничество с представителем «младших» Мономашичей Изяславом Мстиславичем, лишь после смерти которого Долгорукому удалось окончательно закрепиться в Киеве. Изяслав пользовался успехом среди киевлян, и в 1146 г. они сами его пригласили княжить, воспротивившись утверждению на престоле представителя черниговской ветви Рюриковичей Игоря Ольговича [5. Стб. 313]. Правда, и Юрий вступал в Киев при поддержке киевлян. Так, в 1149 г. киевские бояре предпочли Юрия Вячеславу Владимировичу: «Гюрги князь поваби Вячеслава на стольъ Кыеву пришедши же кему Кыеву боларе розмолвиша Гюрга и рѣша брату твоєму Кыева не оудержати да не буде⁷ его тобѣ ни тому» [4. Стб. 394]. В Киеве князя встречало множество народа: «с радостью великою» [5. Стб. 383–384]. Такая же встреча состоялась и в 1155 г., когда Юрий окончательно утвердился в Киеве [4. Стб. 478]. Более того, к этому времени Юрий Владимирович был старшим в роду Мономашичей-Рюриковичей и имел обоснование своих прав на великое княжение. Однако этого для успешного правления уже было недостаточно. Даже на примере соперничества Изяслава Мстиславича и Юрия, где «младший» Мономашич одерживал верх, это было понятно.

Исследователями неоднократно было озвучен тезис о том, что XII столетие стало временем активного поиска новых форм легитимации власти князей [18. С. 101]. Эти тенденции связаны с трансформациями в системе взаимоотношений властной элиты, речь о которых шла выше [15]. Обратной стороной процесса формирования новых договорных механизмов, основанных на системе земельных пожалований, являлось то, что бывшие «дружинники» превращались в землевладельческую знать, постепенно приобретающую серьезный политический вес. Собственно, Киев в этом случае не стал исключением – середина XII столетия отмечена особой активизацией здесь веча⁷ [19. С. 229]. Эти тенденции связаны с усилением крупного боярства: укрепление его экономических позиций в течение второй половины XI–XII вв. должно было сопровождаться стремлением к участию в управлении городом и землей. И активное участие киевского боярства в усобицах середины XII в. – яркое тому подтверждение.

В связи с этим следует отметить, что Юрий и Вячеслав Владимировичи – два представителя ветви Мономашичей, которых киевляне не звали на престол и которым власть не передавали их предшественники. Так,

Владимир Мономах приходит в разгар киевских беспорядков по приглашению киевлян [4. Стб. 276]. Мстислав получает власть от отца-героя [4. Стб. 289]. За Ярополком Владимировичем «люды бо Кыяне послаша по нь» [5. Стб. 301]. «Младший» Мономашич Изяслав Мстиславич в 1146 г. также пришел к власти по настоятельной просьбе киевлян [5. Стб. 313], в то время как Юрия и Вячеслава киевляне лишь встречают во время вступления в город. И только когда встает вопрос выбора между Юрием и Вячеславом, киевляне предпочитают первого второму (вероятно, по причинам, рассмотренным выше). Такое отношение к Долгорукому в моменты его утверждения в Киеве, как минимум, объяснимы личными качествами Юрия, которые метко охарактеризовал князь Изяслав, обращаясь к Ростиславу Юрьевичу: «вси^х на^с старѣи вѣѣ твои но с нами не оумѣть жити» [4. Стб. 367].

Собственно, политика Юрия после его окончательного утверждения в Киеве стала подтверждением этих слов, применимых не только к князьям рода Рюриковичей, но и к киевлянам. Первое, что следует вспомнить, это приглашение Юрием на Русь нового митрополита – Константина, который сразу же признал недействительной «Климову службу»⁸, отстранил церковных служителей, назначенных его предшественником [4. Стб. 485], и, что самое важное, осудил проклятием любимого киевлянами покойного князя Изяслава Мстиславича⁹. Еще одна история связана с князем-изгоем Иваном Берладником, который в 1156 г. сидел в темнице Юрия в Суздале. Иван представлял серьезную угрозу союзнику Юрия Ярославу Осмомыслу, претендуя на Галич. Осмомысл потребовал выдать Берладника ему, что, очевидно, сулило Ивану погибель. Юрий поспешил выполнить требование Ярослава. И лишь после того, как за Ивана вступились киевский митрополит и игумены [4. Стб. 488], князь принял решение вернуть Берладника в Суздаль (правда, по пути на процессию напал Изяслав Давыдович Черниговский и освободил пленника).

Небезосновательны также выводы А.Ю. Карпова о весьма жесткой политике Юрия Владимировича после его окончательного утверждения в Киеве. По мнению исследователя, волнения, происходившие в день смерти Юрия, были вызваны княжескими сборами торговых пошлин. Князь нуждался в крупных суммах для того, чтобы сохранить за собой киевский стол и нейтрализовать агрессивные намерения своих противников. Собственно, такие очевидно не популярные меры Юрия Долгорукого, которые реализовывались с помощью суздальцев, пришедших вместе с ним в Киев, послужили причиной применения жестокой практики посмертного разграбления имущества князя и его припешников [21. С. 359–364].

Учитывая означенные выше позиции, представляется, что посмертное разграбление имущества Юрия и его сподвижников и похороны князя в селе Берестово являются звеньями одной цепи, которые соединяют эту ситуацию с социально-экономическими и политическими процессами, происходившими на Руси во второй половине XI–XII вв. Итак, к моменту собственной

смерти Юрий значительно ухудшает свое и без того неидеальное реноме. Его смерть вызывает бурю негодования, приведшую к погромам. Хоронить этого князя с почестями в одной из святынь Киева в подобных условиях было бы крайне странно. К тому же представитель династии Рюриковичей, лояльных Юрию, в Киеве не было¹⁰.

В сложившихся условиях Берестово как место похорон Юрия было оптимальным вариантом. В период политической активности отца Юрия Владимира Всеволодовича Мономаха мы видим, как это село преобразуется в княжескую загородную резиденцию Мономашичей. Именно в Берестове в 1113 г. Владимир принимает свой устав в разгар киевских беспорядков, и только после этого вступает непосредственно в столицу. Ко времени политической активности Владимира относится и возведение церкви св. Спаса [22. С. 46], в которой впоследствии будет похоронен Юрий Владимирович. Я.Н. Щапов не без оснований видел в возведении новой церкви символический смысл: этим Владимир сделал Спасский монастырь своим родовым [23. С. 141]. Собственно, внимание Мономаха к селу Берестово можно объяснить процессами, описанными выше. В условиях повышения роли боярской знати в политическом процессе, на фоне набравшей обороты децентрализации Русского государства князья не только нуждались в дополнительных средствах легитимации власти, но и в хорошо укрепленных загородных резиденциях, в которых можно было укрыться в случае опасности либо же найти последнее пристанище, если князь был нелюбим народом той земли, в которой правил при жизни.

Подводя черту под рассуждением о местах киевских погребений Мономашичей, отметим, что высокая значимость захоронений с позиций идентификации властных элит объяснима механизмом функционирования феодального общества. По меткому выражению А.Я. Гуревича, «феодальное общество представляло собой иерархию наследуемых социально-юридических статусов» [24. С. 720]. То есть значимость некрополей состояла в том, что они очевидным образом встраивались и в религиозную, и в сословно-корпоративную составляющую традиционного мировоззрения. В первом случае речь идет о связи с миром иным. Во втором – о месте встречи с предками, чье наследие легитимировало статус того, кто этот некрополь создавал и/или оберегал. Очевидно, распад Древнерусского государства, напрямую связанный с оседанием дружины на землю, требовал от князей еще большего внимания к средствам легитимации власти, причем не только собственной, но и прав их потомков. В число эффективных способов демонстрации властных претензий для современников и потомков вошли и места захоронений представителей правящих элит. Об этом свидетельствует вотчинная тема, которая присутствует практически во всех случаях, связанных с предсмертными политическими акциями князей либо же обстоятельствами возведения храмов и монастырей, в которых впоследствии и будут похоронены представители княжеской элиты.

Погребения сыновей Владимира Мономаха вне Киева

Следует отметить, что не все сыновья Мономаха нашли свое последнее пристанище в Киеве и его окрестностях. Еще при жизни Владимир потерял нескольких наследников. В 1096 г. погиб его сын Изяслав в битве за Муром против Олега Черниговского. Как известно, последний был давним противником самого Владимира, и очередной виток усобицы между князьями пришелся на 1095 г. Именно в ходе этого противостояния сидевший на княжении в Курске Изяслав покинул город и занял принадлежавший Олегу Муром. По сути, Мономахич не имел на подобное действие никаких прав, на что и указывает, согласно летописи, Олег Святославич в своей речи, адресованной этому Владимировичу: «...иди оу волость ѡѡа своего Ростову а то естъ волость ѡѡа моего да хочю ту сѣѣда порады положить сѣ ѡѡемъ твоимъ се бо ма выгнать из города ѡѡа моего или ты ми здѣ не хочещи хлѣба своего же вдати» [4. Стб. 226–227]. Более того, даже сам летописец вне прямой речи подчеркивает права Олега на Муром: «...и не послуша Изяславъ словесъ сихъ надѣяся на множество вои Олѣгъ же надѣяся на правду свою яко правъ бѣ всѣмъ и поиде к городу с вои» [4. Стб. 227]. Погибший в ходе этого противостояния Изяслав был сначала похоронен в Муроме, а потом перезахоронен в Софии Новгородской. Перезахоронение князя в Новгороде аргументированно объяснил Ю.Н. Кежа, исходя из обстоятельств, описанных выше. По сути, на момент своей смерти в 1096 г. Изяслав уже не был князем курским, так как самовольно оттуда ушел, и при этом занимал незаконно Муром. Отсутствием у Изяслава Владимировича легитимного княжеского стола и было обусловлено перенесение его останков в Новгородскую Софию и их погребение отдельно, в специально сделанном аркосоллии [2. С. 28–29].

В этом контексте нельзя также не обратить внимание на отношение самого Владимира Мономаха к сложившейся ситуации, что во многом объясняет, почему перезахоронением Изяслава озабочился не отец, а брат князя Мстислав. В «Поучении» сам Владимир пишет о захвате Мурома как самовольном решении Изяслава, принятом под воздействием его окружения [5. Стб. 254]. Далее Владимир порицает сына за посягательство на чужую волость, равно как и адресату его письма – князю Олегу – ставит в укор занятие им Ростова: «...аще бы тогда свою волю створилъ и Муромъ налѣзъ а Ростова бы не занималъ а послалъ ко мнѣ ѡсюда сѣ быхо^м оуладили» [5. Стб. 254]. Иными словами, тема княжеских волостей становится центральной в объяснительных схемах Мономаха, которые он использует для описания конфликта между своим сыном и представителем черниговской ветви Рюриковичей. И тот факт, что на момент своей смерти Изяслав законно не занимал ни одно княжение, действительно стал решающим в погребении тела князя.

Еще одним Владимировичем, скончавшимся при жизни отца, был Святослав (ум. в 1114 г.). Он был тем сыном Владимира, который непосредственно наследовал отцу его вотчину – переяславский престол, после того как Мономах в 1113 г. стал князем киевским. Погребен Святослав был в Переяславле, в соборе святого

Архангела Михаила. Очевидно, это объяснимо тем, что он скончался в родовом имении Мономашичей и на момент своей смерти являлся действующим князем переяславским. Сам летописец подчеркивает это обстоятельство так: «Престависѣ Сѣославъ сѣнъ Володимѣрь мѣца марта ѣи днѣи и положень бы^е во Переяславлѣ оу цркѣи сѣго Михаила тусбо оцѣи ему даль столь выведы и Смоленска» [4. Стб. 277].

В родовой вотчине Мономаха, в соборе святого Архангела Михаила также нашел пристанище еще один сын Мономаха, правда, переживший своего отца, князь Андрей (ум. в 1141 г.). Политическая активность, равно как и смерть, князя Андрея приходится на период очередного витка противостояния Мономашичей и Ольговичей за власть на Руси. В 1135 г. Андрей Владимирович стал князем переяславским, а в 1139 г. в Киеве сменилась правящая династия – пришли Ольговичи. Всеволод Ольгович хотел передать Переяславль своему родному брату Святославу, однако Андрей Владимирович силой сумел отстоять вотчину своего отца. Причем описание этой усобицы весьма примечательно. Всеволод не просто пытается выгнать Андрея из Переяславля, а предлагает ему взамен Курск: «Андрѣви рекоуче Коурьскоу изволи ити» [4. Стб. 305]. Ответ Андрея очень красноречив: «...ѡѡѣ мои Коурьскѣ не сѣдѣлъ но въ Переяславли хочю на своей ѡчинѣ смѣрть прияти» [4. Стб. 305]. Князь хочет умереть в родовой вотчине, при этом используя в качестве обоснования своего желания сюжет о Святополке Окаянном: «Сѣополкъ *про волость* чи не оуби Бориса и Глѣба а самъ чи долго поживе но и здѣ живота лишень а внамо моучимъ естъ вѣчно» [4. Стб. 305]. На первый взгляд, объяснительная схема весьма странная – ведь ни Борис, ни Глеб не приняли смерть в своей родовой вотчине. Тем паче, согласно летописному тексту, они стали жертвой Святополка, желавшего укрепиться в Киеве, а не пытавшегося отнять земли, переданные братьям их отцом Владимиром Святославичем. По сути, в устах Святослава Владимировича на рубеже 30–40-х гг. XII в. история с Борисом и Глебом звучит в новом контексте, который соответствует реалиям этого времени: «...хочещи сея волости а оубивъ мене а тобѣ волость а живъ не идоу изъ своей волости вбаче не дивно нашему роду тако же и переже было» [4. Стб. 305]. Это очень напоминает описанный выше сюжет о Владимире и Рогнеде.

Подводя черту под рассуждением о местах погребений Мономашичей, следует отметить, что в теме захоронений детей Владимира за пределами Киева в качестве результирующего фактора выступает та же вотчинная тема.

Это подтверждает выводы, сделанные на основании исследования системы княжеских погребений в Киеве и его окрестностях. Чем глубже были процессы децентрализации Руси, тем более ситуативной становилась система княжеских захоронений. Ситуативность была обусловлена приспособлением правящей элиты к меняющимся условиям на фоне острой борьбы за земельные наделы. Эта борьба имела в своей основе протяженные во времени процессы трансформации системы взаимоотношений как между самими представителями княжеской династии, так и между князьями и формирующейся знатью.

Примечания

¹ То есть неизвестно где [8. С. 62–72].

² Тело Игоря Ольговича в 1150 г. было перенесено в Спасский собор в Чернигове: «В то же верема (лѣтъ) Сѣславъ Сѣловичъ перенесе мощи брата своего Игоря ѿ сѣго Семена ис Копырева конца в Черниговъ и положиша оу сѣго Сѣла в теремѣ» [4. Стб. 408].

³ Перед смертью принял постриг.

⁴ Какой именно св. Федор являлся покровителем Мстислава Великого – вопрос дискуссионный. Как справедливо заметили А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский, наиболее вероятными «кандидатами» являются Федор Тирон и Федор Стратилат, так как сохранившиеся печати князя демонстрируют святого-воина. При этом чашу весов можно склонить в сторону св. Федора Тирона, опираясь на ряд косвенных доказательств. К примеру, в Новгородской первой летописи указано, что 28 апреля 1115 г. была заложена церковь св. Федора Тирона. А это известие соседствует с другим сюжетом – о «конском море» в дружине Мстислава Великого. Вполне вероятно, что эти события имеют взаимную связь [12. С. 405].

⁵ В Лаврентьевской летописи сообщение о церкви помещено под 1128 г., а в Ипатьевской – под 1129 г.

⁶ В Берестово в 1138 г. была похоронена дочь Владимира Мономаха Евфимия [5. Стб. 305].

⁷ Вопрос о составе веча – всенародный это орган или аристократический – остается дискуссионным в науке. Однако даже сторонники концепции веча как всенародного собрания не отрицают того факта, что системообразующую роль в нем играли бояре. К примеру, И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко, анализируя приход Владимира Мономаха к власти в Киеве и определяя «княин» как «социально-нерасчлененную массу жителей Киева и прилегающей к нему области», приходят к выводу о том, «вечевая община направила (приглашая Владимира на великое княжение в 1113 г. – *Прим. Н.Н.*) депутацию, составленную из “больших” и “нарочитых” мужей – боярства» [20. С. 59].

⁸ Службу митрополита Климента Смолятича, которого в 1147 г. самовольно, без согласования с Константинополем назначил князь Изяслав Мстиславич.

⁹ Об этом мы позднее узнаем из речей сына Изяслава Мстислава: «не будетъ Костантинь въ митропольи зане клал ми ѿца» [4. Стб. 503].

¹⁰ К слову, старший сын Юрия Андрей, посаженный отцом в Вышгороде, ушел оттуда во Владимир-на-Клязьме еще в 1156 г., прихватив с собой чудотворную икону Божьей Матери.

Список источников

- Бойцов М.А. Погребения государей // Словарь средневековой культуры. М. : РОССПЭН, 2003. С. 369–372.
- Кежа Ю.Н. Места княжеских погребений в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2022. № 1 (87). С. 16–35.
- Федонников Н. Места погребений франков из династии Меровингов // Vox medii aevi. 2017. Вып. 1. С. 90–105.
- Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. М. : Языки русской культуры, 1998. 648 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. I: Лаврентьевская летопись. Л. : Академия наук СССР, 1926–1928. 379 с.
- Кузнецов А.А. К вопросу об объединительных тенденциях в политике Владимира Мономаха // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: История. 2003. № 2. С. 92–100.
- Назаренко А.В. К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси (Замечания и размышления по поводу книги: Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев: Наукова думка, 1992. 224 с.) // Средневековая Русь. 1999. № 2. С. 164–193.
- Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М. : Аспект-Пресс, 2004. С. 62–72.
- Мильков В.В. Этико-политическая программа Владимира Мономаха // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13, № 4. С. 134–147.
- Кореневский А.В. Политическая мысль Византии и Руси // История политических учений : учебник / под общ. ред. С.П. Поцелуева. Ростов н/Д ; Таганрог : Изд-во Южн. федерал. ун-та, 2017. С. 106–144.
- Котышев Д.М. От Русской земли к земле Киевской. Становление государственности в Среднем Поднепровье в IX–XII вв. М. : Центрполиграф, 2019. 254 с.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имен у русских князей в X–XVI вв. Династическая история через призму антропоники. М. : Индрик, 2006. 740 с.
- Рукавишников А.В. Почему полоцкие князья были сосланы в Византию: свидетельства источников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). С. 99–111.
- Стефанович П.С. «Большая дружина» в Древней Руси // Российская история. 2011. № 5. С. 78–90.
- Мининкова Л.В. Князь и дружина в Древней Руси: исследование форм общественно-политических отношений раннего русского Средневековья. М. : СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. 496 с.
- Боровков Д.А. Владимир Мономах. Между историей и легендой. М. : Центрполиграф, 2021. 254 с.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Династический мир домонгольской Руси. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2020. 304 с.
- Соловьев К.А. Властители и судьи. Легитимация государственной власти в Древней и Средневековой Руси. IX – первая половина. XV в. М. : Университ. гуманит. лицей, 1999. 250 с.
- Толочко П.П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев : Наукова думка, 1987. 246 с.
- Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л. : ЛГУ, 1988. 272 с.
- Карпов А.Ю. Юрий Долгорукий. М. : Молодая Гвардия, 2006. 429 с.
- Раппопорт П.А. Древнерусская архитектура. СПб. : Строй-издат., 1993. 287 с.
- Щапов Я.Н. Государство и Церковь в Древней Руси, X–XIII вв. М. : Наука, 1989. 232 с.
- Гуревич А.Я. Феодализм // Философский энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1983. С. 720–722.

References

- Boytsov, M.A. (2003) Pogrebeniya gosudarey [Burials of Sovereigns]. In: Gurevich, A.Ya. (ed.) *Slovar' srednevekovoy kul'tury* [Dictionary of Medieval Culture]. Moscow: ROSSPEN. pp. 369–372.
- Kezha, Yu.N. (2022) Mesta knyazheskikh pogrebeniy v domongol'skoy Rusi [Princely burial sites in pre-Mongol Rus]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 1 (87). pp. 16–35.
- Fedonnikov, N. (2017) Mesta pogrebeniy frankov iz dinastii Merovingov [Burial sites of the Franks from the Merovingian Dynasty]. *Vox medii aevi*. 1. pp. 90–105.
- Shakhmatov, A.A. (ed.) (1998) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- Tikhomirov, M.N. (ed.) (1926–1928) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Leningrad: USSR AS.
- Kuznetsov, A.A. (2003) K voprosu ob ob'edinitel'nykh tendentsiyakh v politike Vladimira Monomakha [On the issue of unifying tendencies in the policy of Vladimir Monomakh]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Istoriya*. 2. pp. 92–100.

7. Nazarenko, A.V. (1999) K probleme knyazheskoy vlasti i politicheskogo stroya Drevney Rusi (Zamechaniya i razmyshleniya po povodu knigi: Tolochko A. P. Knyaz' v Drevney Rusi: vlast', sobstvennost', ideologiya. Kiev: Naukova dumka, 1992. 224 s.) [On the problem of princely power and the political system of Ancient Rus' (remarks and reflections on the book: Tolochko, A.P. (1992) Knyaz' v Drevney Rusi: vlast', sobstvennost', ideologiya [Prince in Ancient Rus': Power, Property, Ideology]. Kyiv: Naukova Dumka.)]. *Srednevekovaya Rus'*. 2. pp. 164–193.
8. Danilevskiy, I.N. (2004) *Povest' vremennykh let: germeneyticheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnykh tekstov* [The Tale of Bygone Years: Hermeneutic foundations of source studies of chronicle texts]. Moscow: Aspekt-Press. pp. 62–72.
9. Mil'kov, V.V. (2020) Etiko-politicheskaya programma Vladimira Monomakha [Ethical and political program of Vladimir Monomakh]. *Filosofskiy zhurnal – Philosophy Journal*. 4 (13). pp. 134–147.
10. Korenevskiy A.V. (2017) Politicheskaya mysl' i Rusi [Political thought and Rus']. In: Potseluev, S.P. (ed.) *Istoriya politicheskikh ucheniy* [History of Political Doctrines]. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University. pp. 106–144.
11. Kotyshev, D.M. (2019) *Ot Russkoy zemli k zemle Kievskoy. Stanovlenie gosudarstvennosti v Srednem Podneprov'e v IX–XII vv.* [From the Russian Land to the Kyiv Land. Formation of statehood in the Middle Dnieper region in the 9th – 12th Centuries]. Moscow: Tsentrpoligraf.
12. Litvina, A.F. & Uspenskiy, F.B. (2006) *Vybor imen u russkikh knyazey v X–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya cherez prizmu antroponomiki* [The Choice of Names among Russian Princes in the 10th–16th Centuries. Dynastic history through the prism of anthroponymy]. Moscow: Indrik.
13. Rukavishnikov, A.V. (2003) Pochemu polotskie knyaz'ya byli poslany v Vizantiyu: svidetel'stva istochnikov [Why the Polotsk princes were exiled to Byzantium: evidence from sources]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2 (12). pp. 99–111.
14. Stefanovich, P.S. (2011) "Bol'shaya družina" v Drevney Rusi ["The Big Družina" in Ancient Rus]. *Rossiyskaya istoriya*. 5. pp. 78–90.
15. Mininkova, L.V. (2018) *Knyaz' i družina v Drevney Rusi: issledovanie form obshchestvenno-politicheskikh otnosheniy rannego russkogo Srednevekov'ya* [Prince and Družina in Ancient Rus: A study of the forms of socio-political relations of the early Russian Middle Ages]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
16. Borovkov, D.A. (2021) *Vladimir Monomakh. Mezdu istoriei i legendoy* [Vladimir Monomakh. Between history and legend]. Moscow: Tsentrpoligraf.
17. Litvina, A.F. & Uspenskiy, F.B. (2020) *Dinasticheskii mir domongol'skoy Rusi* [The Dynastic World of Pre-Mongol Rus]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko.
18. Solov'ev, K.A. (1999) *Vlastiteli i sud'i. Legitimatsiya gosudarstvennoy vlasti v Drevney i Srednevekovoy Rusi. IX – pervaya polovina. XV vv.* [Rulers and Judges. Legitimation of state power in Ancient and Medieval Rus. 9th – first half of the 15th centuries]. Moscow: Universitetskii gumanitarnyy litsey.
19. Tolochko, P.P. (1987) *Drevnyaya Rus': Ocherki sotsial'no-politicheskoy istorii* [Ancient Rus: Essays on Socio-Political History]. Kiev: Naukova dumka.
20. Froyanov, I.Ya. & Dvornichenko, A.Yu. (1988) *Goroda-gosudarstva Drevney Rusi* [City-states of Ancient Rus]. Leningrad: Leningrad State University.
21. Karpov, A.Yu. (2006) *Yuriy Dolgorukiy*. Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russian).
22. Rappoport, P.A. (1993) *Drevnerusskaya arkhitektura* [Ancient Russian Architecture]. Saint Petersburg: Stroy-izdat.
23. Shchapov, Ya.N. (1989) *Gosudarstvo i Tserkov' v Drevney Rusi, X–XIII vv.* [State and Church in Ancient Rus, 10th–13th centuries]. Moscow: Nauka.
24. Gurevich, A.Ya. (1983) Feodalizm [Feudalism]. In: *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 720–722.

Информация об авторе:

Николаева Н.Д. – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории средних веков и нового времени Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: natp@sfedu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.D. Nikolaeva, Cand. Sci. (History), senior lecturer, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: natp@sfedu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.02.2024;
одобрена после рецензирования 19.03.2024; принята к публикации 30.07.2024.

The article was submitted 19.02.2024;
approved after reviewing 19.03.2024; accepted for publication 30.07.2024.

Научная статья
УДК 930
doi: 10.17223/15617793/504/14

Исследование производственной деятельности малолетних детей и подростков Урала во второй половине XIX – начале XX в.

Артём Евгеньевич Перебейнос¹, Татьяна Геннадьевна Пташко²

^{1, 2} Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

¹ nos75@mail.ru

² ptashkotg@cspu.ru

Аннотация. Представлен анализ деятельности малолетних детей и подростков на производствах Уральского региона во второй половине XIX – начале XX в. Раскрыты вопросы количественного и возрастного состава детей, работающих на металлургических и металлообрабатывающих заводах, горнодобывающей, кустарной (пимокатной, гончарной, камнерезной, сапожной и др.) промышленности. Приводятся примеры занятости детей на производствах Вятской, Оренбургской, Уфимской, Пермской губерний. Проанализированы тяжелые условия труда малолетних, связанные с продолжительностью рабочего дня и уровнем заработной платы. Выявлено, что широкое использование труда работников этой возрастной группы связано с тяжелым материальным положением подавляющего большинства уральских рабочих семей.

Ключевые слова: подростки, рабочие, производственная деятельность малолетних детей, условия труда

Для цитирования: Перебейнос А.Е., Пташко Т.Г. Исследование производственной деятельности малолетних детей и подростков Урала во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 129–137. doi: 10.17223/15617793/504/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/14

Research of the production activities of young children and adolescents of the Ural region in the second half of the 19th – early 20th centuries

Artyom E. Perebeynos¹, Tatyana G. Ptashko²

^{1, 2} South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

¹ nos75@mail.ru

² ptashkotg@cspu.ru

Abstract. In the 1880s in Russia the paradigms of socioeconomic and cultural development began to change, and changes occurred in the sphere of production. The quantitative increase in the number of workers was accompanied by qualitative changes in their composition. In the last quarter of the 19th century, largely thanks to the development of machine production, the active involvement of young people of different age groups in industry increased. The share of children's participation in various industries was uneven. Thus, the specifics of the mining industry did not allow the widespread use of the labor of children and adolescents directly in the extraction of minerals. The situation with the involvement of child and teenage labor in the factory and handicraft industries was somewhat different. The most common were pimy-making, pottery, stone-cutting, shoemaking, cooperage, etc. The peculiarity of these industries was primarily their family nature, as a result of which there was an even earlier and wider involvement of children and adolescents in labor than in other industries of the Urals. The length of the working day is a special issue in the study of working conditions for young people. Minors began to work on an equal basis with adults, i.e. 9 hours a day. The average working day varied depending on the type of production and the number of work shifts per day. In most large and small mines in Russia, where child labor was often used illegally, the working day reached 12 hours a day. In the carriage and blacksmith trades, the working day of a minor lasted more than 11 hours, and for young lapidaries, tanners and leather workers it ranged from 13 to 18 hours a day. The wages of the working youth of the country and the Urals also fluctuated depending on the nature of the work performed. Various types of deductions, which were not always legal, had a significant impact on the earnings of working youth. In some cases they amounted to more than a half of what they earned. A negative role in this phenomenon was played by foremen and overseers, who were the closest superiors for young workers, capable of execution and mercy. Taking advantage of their position, they often cheated workers and extorted food and money. This situation led to the fact that the state was forced to take measures to limit the cruel exploitation of children and adolescents in industry. This is proven by the adoption of a number of legislative acts (1882, 1884, and 1885). At the same time, the work of minors saved them from a half-starved existence; the child had the role of the family breadwinner. How urgent the need was to get the child to work early was determined by the ratio of working and non-working children in the family. But the insecurity of working families meant that even small earnings of children and adolescents significantly improved the financial situation of all its members.

Keywords: teenagers, workers, production activities of young children, working conditions

For citation: Perebeynos, A.E. & Ptashko, T.G. (2024) Research of the production activities of young children and adolescents of the Ural region in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 129–137. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/14

Со второй половины XIX в. постепенно начинает меняться парадигма социально-экономического и культурного развития страны. Начавшиеся после отмены крепостного права и других реформ изменения затронули все стороны жизни россиян. Заметно трансформируется структура населения. С одной стороны, в его составе ощутимо вырос удельный вес горожан до 14,3% в 1914 г. В действительности же удельный вес горожан был еще выше. Многие заводские поселки, имевшие значительное количество жителей, не имели статуса городов. С другой стороны, с 1870-х гг. наблюдается тенденция к омоложению состава горожан. Так, за 70-е годы в Оренбурге, Троицке, Орске, Вятке и Екатеринбурге удельный вес несовершеннолетних (до 21 года) вырос на 4,3% и составил к 1897 г. 44,9% [1. С. 175].

Наличие в крае значительного числа молодых людей, помимо общих демографических факторов (высокой рождаемости и смертности), во многом связано и с началом строительства уральского участка транссибирской магистрали и Туркестанской железной дороги Оренбург–Ташкент. Эти крупнейшие стройки привлекли наиболее мобильную и физически крепкую часть населения, которая постепенно оседала в регионе, нарушая вековую замкнутость и неизменность состава горнозаводского населения Урала.

Кардинальные изменения происходят и в сфере производства. Хотя считается общепризнанным, что в 80-е гг. XIX в. в России завершился промышленный переворот, но он не принес заметного облегчения труда рабочим уральских предприятий. Жестокая эксплуатация рабочей молодежи вынудила царское правительство именно в эти годы принять ряд законов, которые запрещали труд малолетних и несколько облегчали условия труда подростков. На положении рабочих, в том числе молодых, сказывалось и циклическое развитие российской промышленности. В 80–90-е гг., как в России, так и на Урале наблюдался промышленный подъем. А в начале 90-х гг. на смену ему пришел кризис и застой. И лишь в начале второго десятилетия начался новый промышленный подъем, который продолжался до начала Первой мировой войны.

Несмотря на скачкообразный характер развития, высокие темпы формирования индустриального общества, этот процесс неразрывно связан с возникновением новых промышленных предприятий и ростом числа работающих на них. За период с 1866 по 1898 г. количество фабрик в стране удвоилось. Только в горной промышленности империи за 1878–1887 гг. рабочих стало на 40,6% больше.

Эта тенденция наблюдалась и в последующие десятилетия во всех отраслях экономики. Численность всего рабочего класса в России с 1897 по 1913 г. выросла в 1,9 раза [2. С. 683]. Уральский регион не был исключением, число работников, занятых в наиболее

крупных отраслях экономики края, увеличилось с 133 258 человек в 1865 г. до 465 209 в 1912 г., т.е. более чем в 3 раза [3. С. 55].

Анализ показывает, что количественный рост числа рабочих сопровождался качественными изменениями в их составе. В последней четверти XIX в., во многом благодаря развитию машинного производства, усиливается вовлечение в промышленность молодежи разных возрастных групп. Если в первой половине 60-х гг. из-за кризиса на Урале и в большинстве других промышленных регионов труд детей, подростков и молодежи не находил широкого применения, то в последующие годы он использовался весьма активно.

Так, в 1874 г. на металлургических и металлообрабатывающих заводах Вятской губернии работники в возрасте 10–16 лет составляли 16,1% всех трудящихся, причем 20% из них были дети 10–11 лет [4. С. 34–35, 45, 82]. Раннее начало трудовой деятельности было характерно и для центральных губерний, где в возрасте 7–9 лет на работу поступали 1,84%, 10 лет – 5,25%, 12–14 лет – 17,62%. А всего в этом районе от 7 до 14 лет работали 24,71% [5. С. 34].

Государство даже вынуждено было принимать меры к ограничению жестокой эксплуатации детей и подростков в промышленности. Вот что писал по этому поводу известный русский историк А.А. Корнилов: «...с 1882 года впервые русское правительство стало на путь защиты, если не всех рабочих, то, по крайней мере, малолетних и женщин, – от произвола фабрикантов» [6. С. 401].

Речь шла о законе от 1 июня 1882 г. и связанных с ним законодательных актов от 5 июня, 14 июля 1884 г. и 3 июня 1885 г. Этими законами запрещался труд малолетних до 12 лет и работа женщин и подростков в ночные смены на вредных и изнурительных для здоровья производствах. Пребывание в рабочем помещении малолетнего незаконного возраста в недозволенное время считалось фактом нарушения закона. Представители учрежденного института фабричных инспекторов имели право удалять эту категорию работников, если они по болезни или физическому состоянию не способны к порученной им работе [7].

Значимость этих законов высоко оценивалась правительственными чиновниками и в последующие годы. Министр финансов В.Н. Коковцев в своем докладе от 19 января 1905 г. называл эти законы «первыми шагами на пути урегулирования отношений фабрикантов и рабочих» [8. С. 1–2].

Вместе с тем Министерство финансов отложило вступление в силу закона от 1 июня 1882 г. почти на год, чтобы дать возможность промышленникам подготовиться к издержкам, связанным с ограничением использования труда малолетних работников. А позже, с приходом на должность министра финансов в 1888 г. И.А. Вышнеградского в решении этой проблемы

наблюдается, по нашему мнению, даже откат назад. Законом 1890 г. сохранялось «пользование труда 10–11-летних, так как дети допускались фабриантами не из-за выгод, доставляемых трудом таких рабочих, а единственно из человеколюбия» [9. С. 9–10].

Об этом же свидетельствовали высказывания хозяев фабрик и заводов, которые утверждали, что работа малолетних спасает их от полуголодного существования. Вот характерные заявления заводладельцев того времени. Принимая на работу малолеток, они руководствовались «единственно сожалением к участи этих детей и скорее были готовы подчиниться взысканиям за нарушения закона, нежели не призреть детей, работающих в них» [10. С. 365–366].

Отчасти это действительно было так. Подтверждение тому мы находим в уральской либеральной прессе. «Екатеринбургская неделя» в 1880 г. писала: «Не всегда возможно не допускать 10-летних до работы, а ...подростков лет 14 до ночных работ. Очень нередки случаи, когда на долю 10-летнего малыша выпадает роль кормильца семьи. Отказом ему от работы вы не подвергаете его, правда, опасности повредить здоровье, зато предоставляете голодать в волю ему и его семье» [8. С. 1–2].

Труд малолетних широко использовался и в начале XX в. Насколько распространенными были такие нарушения, говорят следующие сведения. С 1900 по 1902 г. в России из общего числа нарушений, зарегистрированных фабричной инспекцией, 14,7% приходилось на допущение к работе малолетних до 12 лет и 8,8% – на привлечение подростков к запрещенным работам [9. С. 7]. Большая доля нарушений данного типа (23,5%) свидетельствует, по нашему мнению, о выгоде использования таких работников.

Положение и роль малолетних, подростков и молодежи в производственном процессе рассматривается в горной, фабрично-заводской и кустарной промышленности. Эти три отрасли занимали ведущее место в экономике Урала. Полученные данные по использованию в горной промышленности детского труда свидетельствуют о том, что его доля в различных производствах горного дела была неодинаковой.

Специфика горнодобывающей промышленности (вредность, частые несчастные случаи, работы, связанные с тяжелым физическим трудом, и т.) не позволяла широко использовать труд детей и подростков непосредственно при добыче ископаемых. Об этом свидетельствуют данные табл. 1 [11. С. 175].

Таблица 1
Число подростков, занятых на золотых приисках Пермской губернии в 1881 г.

Округ	Занято при добыче		
	Всего рабочих, абс.	Из них подростки	
		абс.	%
Верхне-Кунгурский	2 485	143	5,7
Чердынский	241	5	2,0
Екатеринбургский	1 381	21	1,5
Итого	4 107	169	4,1

Из табл. 1 видно, что на золотых приисках в трех крупнейших округах Пермской губернии использование детского труда было весьма небольшим.

От общего числа золотоискателей подростки составляли чуть более 4%. И в этом отношении Уральский регион вполне укладывался в общероссийские показатели, о которых В.И. Ленин писал: «В горной промышленности по стране в целом женщин и детей очень немного» [12. С. 582].

Анализ использования детского и подросткового труда в горнодобывающей промышленности Пермского горного округа показывает, что в течение 80-х гг. наблюдалось снижение удельного веса численности малолетних подростков. Если в 1881 г. они составляли 3,3%, то в 1885 г. – уже 5%, в 1889 г. – лишь 0,69% от общего числа работающих в этой отрасли [13].

Это связано в первую очередь с началом создания системы рабочего законодательства, которая была направлена на ограничение детского труда. Значительно шире в начале 1880-х гг. труд уральских молодых рабочих использовался на горных заводах. Так, на Сысертских заводах мальчики 12–14 лет составляли 10% рабочих, занятых в производстве. Еще больше (15,3%) их было на Белорецком железоделательном заводе [11. С. 75–76, 94].

В уральской горнообрабатывающей промышленности дети и подростки в 80–90-е гг. составляли около 10–12%, в то время как в целом по России в данной отрасли этот показатель в тот период составлял 6,4% [14. С. 160].

В начале второго десятилетия XX в. в уральской горнозаводской отрасли использование детского и подросткового труда сократилось до 6,9% [3. С. 55]. Но на отдельных предприятиях Урала труд этой категории рабочих играл весьма существенную роль. Например, в 1911 г. удельный вес малолетних и подростков на отдельных предприятиях Оренбургской и Уфимской губерний колебался от 8,3 до 30,2% от общего числа работающих (табл. 2).

Таблица 2
Удельный вес малолетних и подростков на предприятиях горнозаводской промышленности Оренбургской губернии в 1911 г.

Предприятие	Всего раб.	Из них подростков и малолетних	
		абс.	%
Балашовский сталелитейный завод	562	59	10,5
Симский чугуноплавильный завод	363	54	14,9
Терпянский железоделательный завод	1020	85	8,3
Лапыштинский чугуноплавильный завод	196	54	27,6
Андреевский чугуноплавильный завод	267	75	28,1
Миньярский железоделательный завод	925	130	14,1
Белорецкий железоделательный завод	4 269	431	10,1
Рудники Узьянского завода	364	57	15,7
Известковые рудники Белорецкого завода	367	111	30,2
Железные рудники Симских заводов Балашова	353	89	25,2
Итого	8 686	1145	13,2

Вместе с тем, как показывают наши исследования, дети и подростки не являлись единственной группой работающей молодежи. Анализ возрастного состава, сделанный нами на основе первой всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной в 1897 г., показывает, что во второй половине

90-х гг. значительная доля рабочей молодежи приходилась на 15–19-летних. В Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской губерниях в рудодобыче и выплавке металла было занято соответственно 15,4 и 14,5% молодых рабочих этой возрастной категории (табл. 3).

Таблица 3
Возрастной состав рабочих Урала, занятых в добыче руд и выплавке металлов в 1887 г.

Губерния	Выплавка металлов			Добыча руд		
	Всего раб.	Из них 15–19 лет		Всего раб.	Из них 15–19 лет	
	Абс.	Абс.	%	Абс.	Абс.	%
Вятская	5 355	818	15,3	1 858	227	12,2
Оренбургская	3 453	539	15,6	11 973	1 500	12,5
Пермская	24 024	3437	14,3	39 489	7 011	17,8
Уфимская	4 467	610	13,7	4 467	139	3,1
Итого	37 299	5404	14,5	57 787	8 877	15,4

Этот уральский показатель находился на уровне общероссийского, который составил в те годы 14,4% [15. С. 95]. Если же сравнивать эти показатели с Петербургской губернией, то там молодежь 16–20 лет составляла 1/5 от всех рабочих металлообрабатывающей промышленности [16. С. 50].

Несколько иным было положение с привлечением детского и подросткового труда в другой отрасли уральской экономики – фабрично-заводской промышленности (в фабрично-заводскую промышленность статистика тех лет включала предприятия по обработке волокнистых веществ и животных веществ, химической промышленности, изготовлению одежды и т.д.).

Здесь труд малолетних подростков и молодежи использовался гораздо активнее, чем в рассмотренных нами ранее горнодобывающей и перерабатывающей отраслях промышленности. Это было связано с тем, что труд в фабрично-заводской отрасли был относительно менее тяжелым, более привлекательным, разнообразным. Здесь быстрее, чем в других отраслях, обновлялось оборудование, внедрялась новая технология.

Много подростков и детей работали на оборонных заводах Урала, а на Мотовилихинском и Ижевском оружейных заводах работники от 10 до 11 лет составляли соответственно 4,8 и 6,8%; от 15 до 20 лет – 28 и 24,1% [4. С. 87].

Нами подсчитано, что в 1901 г. в фабрично-заводской промышленности Урала доля работников до 16 лет составила 13,1%. Это чуть выше, чем в одном из крупнейших регионов страны – Поволжском округе (12,8%). И это значительно больше, чем в целом по России (9,6%). А на предприятиях Пермской губернии 21,6% работавших составляли малолетние и подростки. Это был самый высокий показатель на Урале в начале XX в. (табл. 4).

Анализ отчетов фабричных инспекторов показывает, что если в целом в течение первого и второго десятилетий XX в. наблюдается некоторое сокращение числа работающих малолетних, то удельный вес подростков, работавших на предприятиях фабрично-заводской промышленности Урала, оставался довольно

высоким. Так, накануне Первой мировой войны их численность составляла более 13%.

А в целом по России в фабрично-заводской промышленности в 1914 г. на долю работников до 17 лет приходилось 10,9% от всех работающих [17. С. 36].

Таблица 4
Численность и удельный вес малолетних и подростков, занятых в фабрично-заводской промышленности Урала, Поволжья и России в 1901 г.

Губерния	Всего пред-приятый	Всего рабочих	Из них			
			малолетние		подростки	
			Абс.	%	Абс.	%
Вятская	215	14 139	415	2,9	1872	13,2
Оренбургская	148	7 520	–	–	200	13,2
Пермская	286	18 913	570	3,0	3 520	18,6
Уфимская	104	3 823	76	2,0	49	1,2
Урал	753	51 097	1 061	2,1	5 641	11,0
Поволжский округ	2 332	152 082	4 440	2,9	15 035	9,9
Россия	18 279	1 817 593	32 417	1,8	142 244	7,8

Еще одной отраслью народного хозяйства, где широко применялся труд молодых рабочих, была кустарная промышленность. Внеземледельские занятия вообще и кустарные промыслы в частности, в силу исторически сложившихся условий, имели важное значение в экономической жизни населения. Малоземелье горнозаводского населения, избыток рабочих рук в горнозаводских районах всегда создавали значительный контингент лиц, стремящихся трудиться в кустарной промышленности. В рассматриваемый нами период на Урале насчитывалось более 40 видов ремесленного производства. Наиболее распространенными были пимокатное, гончарное, камнерезное, сапожное, бондарное и др. О распространенности этих ремесел на Урале свидетельствует тот факт, что переписью 1913 г. только в Пермской губернии было зарегистрировано более 15 тысяч кустарных заведений [18. С. 3].

Особенностью данных производств был по преимуществу их семейный характер, в результате чего здесь наблюдалось еще более раннее и более широкое, чем в других отраслях промышленности Урала, привлечение детей и подростков к труду. Например, по данным земского врача Р.А. Егоровской, из общего числа пимокатов Ольховской волости Пермской губернии в 9–12 лет начали трудиться 39,3%, в 13–15 лет – 32,5%, т.е. более 2/3 рабочих [19. С. 28]. Такое положение наблюдалось во многих волостях и уездах этой губернии. В последнем предвоенном году довольно высоким был процент привлечения рабочих молодых возрастов в кустарные заведения Шадринского уезда. Об этом свидетельствуют данные табл. 5 (составлена на основе данных очерков кустарных промыслов Шадринского уезда Пермской губернии).

Из таблицы видно, что, во-первых, детей, подростков и молодежи – работников из числа членов семьи – значительно больше (на 6%) в кустарном производстве, чем их сверстников из числа наемных рабочих. Во-вторых, подростков и молодежи в возрасте от 15 до 20 лет значительно больше, чем

малолетних. Это характерно как для работников из числа членов семьи, так и для наемных рабочих.

В-третьих, довольно высокой была доля (26,6%) молодых работников в возрасте 10–20 лет, трудившихся в кустарной промышленности.

Таблица 5

Возрастной состав рабочих кустарной промышленности Шадринского уезда Пермской губернии в 1913 г.

Категории рабочих	Количество рабочих	% от общего числа
Работников из членов семьи:		
– до 10–14 лет	541	28
– 15–20 лет	2 205	
Всех возрастов	9 761	100
Наемные работники:		
– до 10–14 лет	62	22,3
– 15–20 лет	564	
Всех возрастов	2870	100
Итого семейных и наемных работников:		
– до 10–14 лет	603	26
– 15–20 лет	2 769	
Всех возрастов	12 631	100

Подобная картина наблюдалась в уездах других губерний Урала. Так, в Екатеринбургском уезде в 1889 г. работники кустарных промыслов до 16 лет составляли 19,4% [20. С. 14; 21. С. 10, 14, 20, 24, 26–27, 34, 112, 138, 152, 164, 168, 173, 178].

В целом по Уфимской губернии в начале второго десятилетия XX в. на долю молодых кустарей в возрасте от 10 до 18 лет приходилось более 17% всех трудящихся в кустарной промышленности.

Данные показывают, что самый высокий процент привлечения малолетних, подростков, юношей и девушек был именно в кустарной промышленности. Их доля в общей численности рабочих была выше, чем в горнодобывающей и даже фабрично-заводской промышленности.

В целом же во всех трех рассмотренных нами отраслях уральской экономики удельный вес молодых рабочих всех возрастов составлял около половины от общего числа трудящихся. Полученные результаты подтверждают выводы таких исследователей, как Д.В. Гаврилов, В.Я. Рушанин, которые считают, что молодежь составляла около 20–25% от всех работающих на предприятиях Уральского региона [22. С. 12, 27–28].

Изучение роли и места молодежи в уральской промышленности невозможно без выяснения занятости этой категории работников на различных стадиях и видах производственных процессов. Особенности горно-заводской промышленности Урала приводили к тому, что большая часть рабочих была занята во вспомогательном производстве. В 1885 г. златоустовские рабочие, привлеченные для вспомогательных операций, составили половину всех работников [23. С. 118].

Самую многочисленную группу рабочих составляли заготовители топлива. Например, в железнодорожной промышленности Урала их было 63,2% [24. С. 70]. Взрослые рабочие тяжело и низкооплачиваемому труду в лесу предпочитали работу непосредственно на произ-

водстве и транспорте. Поэтому в артелях лесных рабочих преобладали наиболее крепкие физически молодые люди.

Так, на заготовке дров и угля в Нижне-Тагильском горном округе в 1891 г. работало 79% малолетних, занятых в производстве. Это составило 5,2% от всех вспомогательных рабочих. Если учитывать полный комплекс вспомогательных работ, то эти цифры будут значительно больше. На основном же производстве данный показатель был вдвое меньше [25. С. 517]. На Белорецком железоделательном заводе в 1912 г. только 40 (или 9,3%) подростков и малолетних были заняты в основном производстве, где они составляли 2,4% от всех рабочих. Вне заводского производства трудился 381 человек, или 90,7% этой группы работников, составивших 14,8% трудящихся [26].

Несколько иная ситуация складывалась на предприятиях фабрично-заводской промышленности, где не требовалось такое количество вспомогательных рабочих. Поэтому молодежь более активно привлекалась к заводским работам. На пермских пушечных заводах в 1890 г. 92% всех летних было занято непосредственно на производстве [27].

Специфика кустарного производства (слабое разделение труда, узкая специализация, в большинстве случаев семейный характер ремесла и незначительное число наемных работников) приводила к тому, что удельный вес молодежи сильно колебался как между группами производств, так и внутри таковых. Особенно хорошо это видно на примере Уфимской губернии. Здесь в начале XX в. рабочие до 18 лет в ремеслах по обработке животных продуктов составляли 6,9%, а в производствах по обработке смешанных материалов – 18,5%. В промыслах, связанных с растительными продуктами, этот показатель колебался от 4,3% в веревочно-канатном до 41,5% в рогожно-кулеткацком ремеслах [28. С. 154, 159, 160, 162, 166, 168, 170, 172].

Особое место при изучении условий труда молодежи занимает вопрос о продолжительности рабочего дня. Еще законом от 8 марта 1861 г. на казенных заводах запрещалось занимать малолетних более 8 часов в сутки, а также использовать их на ночных работах. Эти положения были подтверждены в законах 1882–1885 гг. Однако закон от 3 июля 1890 г. вновь разрешил ночную работу подростков и детей, хотя и под присмотром главы семьи. С вступлением в силу закона от 2 июня 1897 г. малолетние уже начали работать наравне со взрослыми, т.е. по 9 часов. Таким образом, закон, принесший облегчение взрослым, добавил один час работ малолетним [5. С. 48; 29. С. 228].

Эти законодательные акты очень часто нарушались. С 1900 по 1902 г. в России случаи, связанные с незаконным удлинением рабочего дня, ставили 70,8% всех нарушений, зарегистрированных фабричными инспекторами [9. С. 10].

Средняя продолжительность рабочего дня колебалась в зависимости от вида производств и количества рабочих смен в сутки. По России в начале XX в. в фабрично-заводской и горнозаводской промышленности 98,6% подростков работали при одно-, двухсменной

системе труда от 10 до 11,5 часов в сутки. У малолетних этот показатель составлял 94,6% при 6,9–8 рабочих часах в день [30. С. 26–27, 50–51, 56–57, 62–63].

Несмотря на закон 1890 г., устанавливавший для малолетних и подростков 9-часовой рабочий день, эта категория работников продолжала трудиться сверх нормы. На большинстве крупных и мелких рудников России, где часто труд малолетних использовался нелегально, продолжительность рабочего дня доходила до 12 часов в сутки. Аналогичная картина складывалась и на Урале, где, по нашим данным, подростки трудились около 10,5 часов в день. Если к этому времени прибавить полчаса на завтрак и один час на обед, которые, как правило, съедались прямо на месте работы, то мы получим 12-часовой рабочий день. Особенно продолжительным для молодых уральцев был рабочий день в кустарной промышленности. На наш взгляд, это объясняется невозможностью должного надзора со стороны государственных органов за исполнением законов в кустарном производстве. Так, в экипажном и кузнечном промыслах рабочий день малолетнего длился более 11 часов, а у юных гранильщиков, кожевников и пимокатов он составлял от 13 до 18 часов в день [31. С. 25; 32. С. 117; 33. С. 1000].

За такой продолжительный труд пимокаты даже получили прозвище «терпелка». Тема длинного рабочего дня нашла свое отражение в производственном фольклоре: «Там шутить не любят шутки, там работаем мы в сутки двадцать два часа» [34. С. 55].

Заработная плата трудящейся молодежи страны и Урала, так же как и продолжительность рабочего дня, колебалась в зависимости от характера выполняемых работ. Необеспеченность рабочих семей приводила к тому, то даже небольшие заработки детей и подростков существенно улучшали материальное положение всех ее членов. Насколько острой была необходимость пораньше устроить ребенка на работу, определялось соотношением работающих и неработающих едоков в семье.

По нашим подсчетам, в Красноуфимском уезде в 1890–1892 гг. на 12 заводах неработающие на предприятиях члены семьи составляли 88,1%. То есть в среднестатистической семье из шести человек не работало на заводе пятеро. Средний заработок рабочего составлял 103 р. 79 коп. в год. При средней цене на муку 1 р. 34 коп. за пуд и 15-пудовой норме на человека необходимо было тратить около 120 р. 60 коп. ежегодно только на хлеб. Наделы не могли полностью восполнить недостаток заработка, так как составляли на каждого в среднем 1,7 дес., т.е. 10,2 дес. на семью. Тогда как прожиточный минимум на шестерых человек составлял от 15 до 25 дес. Таким образом, только при двух работающих, взрослом и подростке, семья могла свести концы с концами. Такое положение было характерно и для других районов Урала [35. С. 913; 36. С. 52–53].

В большинстве случаев зарплата у работающей молодежи была значительно ниже, чем у взрослых работников. Об этом свидетельствуют данные табл. 6 [37].

Анализ данных таблицы показывает, что ежедневная зарплата на горных заводах колебалась от

10 до 30 коп. Верхний предел «вилки» ежедневной зарплаты малолетнего рабочего и подростка на Кушвинском и Воткинском горных заводах был таким же, как нижний предел «вилки» зарплаты взрослого рабочего (соответственно 25 и 30 коп.). На Верхнетуринском и Кушвинском заводах самый высокий ежедневный заработок подростков и малолетних работников был на 10 коп. меньше нижнего предела «вилки» зарплаты взрослого рабочего. На Верхнетуринском и Кусинском заводах зарплата взрослых рабочих по сравнению с подростками и малолетними работниками была выше в 1,6 раза. На Кушвинском и Воткинском предприятиях этот разрыв был еще больше – в 2,5 раза. И это при том, что продолжительность рабочего дня этой категории молодых работников незначительно, а порой и вовсе не уступала взрослым рабочим. Подобный разрыв в размерах зарплаты был и на других предприятиях горно-заводской промышленности Урала [36. С. 232–246; 39; 39. С. 64; 40. С. 148].

Таблица 6
Ежедневная заработная плата рабочих на четырех горных заводах Пермской губернии в 1888 г.

Завод	Зарплата в день, коп.	
	взрослого рабочего	малолетнего рабочего и подростка
Вехнетуринский	40–50	20–30
Кушвинский	40–80	15–30
Кусинский	25–40	15–25
Воткинский	30–75	10–30

В 80–90-е гг. разница в уровне заработков имела место и в фабрично-заводской промышленности. По нашим данным, в Оренбургской губернии взрослый получал в день 20–60 коп., редко – 80 коп. Подросток зарабатывал 15–30 коп., редко – 50 коп., малолетний – 7–20 коп. [41].

Аналогичная картина наблюдалась и в центральных губерниях России. Например, на фабричных предприятиях Московской губернии в 1881 г. за час работы взрослый получал в среднем 5,07 коп., подросток – 2,61 коп., малолетний – 1,82 коп. В Харьковском округе по 50 производствам они зарабатывали в месяц соответственно 12 р. 25 коп., 7 р. 50 коп., 4 р. 20 коп. [29. С. 76–77]. Молодые уральские рабочие, занятые во всех видах кустарного производства, находились в том же положении, что и их сверстники на фабриках и заводах. В металлических промыслах Екатеринбургского уезда малолетние и подростки, которые уже не уступали в мастерстве взрослым, получали и от 10 до 30 коп. за поденщину, тогда как последние – от 50 до 60 коп. [42. С. 86, 141, 216].

Данное положение с зарплатой не претерпело существенных изменений во втором десятилетии XX в. Особенно хорошо это прослеживается на предприятиях оборонной промышленности. Если на пермских пушечных заводах в 1888 г. взрослый зарабатывал в день 70–90 коп., а подросток (15–17 лет) – 20–45 коп., малолетний (12–15 лет) – 20 коп., то через 15 лет, т.е. к 1914 г., их заработки соответственно составляли 90, 50 и 30 коп. [43, 44].

Существенное влияние на размеры заработка трудящейся молодежи оказывали различного рода вычеты, не всегда правомерные. В ряде случаев они составляли более половины заработанного [45].

Негативную роль в этом явлении играли мастера и надзиратели, которые были для молодых рабочих ближайшим начальством, способным казнить и миловать. Пользуясь своим положением, они часто обесчистывали рабочих, вымогали продукты и деньги [46–48].

Особенно от вымогательства страдали молодые работницы. Довольно распространенным явлением были задержки зарплаты, выдача ее талонами, при обмене которых на деньги рабочий терял до 40–58%. Продукты, выдаваемые в долг, также обходились молодым рабочим втридорога [49]. Размер заработной платы нередко зависел от уровня грамотности. Так, на Мотовилихинском заводе в начале 1880-х гг. взрослый неграмотный получал в день 45 коп., подросток – 25 коп.

Но тому и другому прибавляли за знание грамоты 10 коп., арифметики – 10 коп., черчения и рисования – 10 коп. [4. С. 126].

Таким образом, в изучаемый период удельный вес уральских рабочих молодых возрастов был значительным. Примерно каждый четвертый-пятый работник в горнодобывающей и обрабатывающей отраслях, фабрично-заводском и кустарном производстве был в возрасте 10–20 лет. Труд молодых рабочих всех возрастов по степени тяжести и продолжительности рабочего дня мало чем отличался от труда взрослых рабочих. При этом уровень зарплаты во всех отраслях был значительно ниже, чем у рабочих старших возрастов. Раннее начало трудовой деятельности, жестокая эксплуатация, отсутствие полноценной охраны труда, низкая санитарно-гигиеническая культура обуславливали быстрый физический и моральный износ уральской молодежи, ее короткую продолжительность жизни.

Список источников

1. Алферова Е.Ю. Социально-экономическое развитие городов Урала в 60–90-е гг. XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1991.
2. Екатеринбургская неделя. 1890. № 31.
3. Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1911 году. СПб., 1918.
4. Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период монополистического капитализма. 1861–1900. М. : Наука, 1985.
5. Гвоздев С. Записки фабричного инспектора (из наблюдений и практики в период 1894–1908 гг.). М. : В. Рихтер, 1911.
6. Корнилов А.А. Курс лекций истории России XIX века. М. : Высшая школа, 1993.
7. Полное собрание законов Российской империи. III. Т. 2, № 931; Т. 4, № 2286, 2316.
8. Рабочий вопрос в комиссии В.Н. Коковцева. Нижний Новгород : Вопросы труда, 1926.
9. Прокопович С. Длина рабочего дня по русскому законодательству. Ростов н/Д : Тип. Донская речь, 1905.
10. Вестник Европы. 1890. Кн. V.
11. Горный журнал. 1883. Т. 1.
12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 3.
13. ЦГИА РФ. Ф. 37. Оп. 74. Д. 200. Л. 75.
14. Андреев Е. Работа малолетних в России и Западной Европе. СПб., 1884. Вып. I.
15. Кадомцев Б.П. Профессиональный состав населения Европейской России по данным переписи 1897. СПб., 1909.
16. Богучарский А.В. Рабочая молодежь Петербурга в последней четверти XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Л. : ЛГПИ, 1978.
17. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1914 год. СПб. : Тип. Кришбаума, 1915.
18. Очерки кустарных промыслов Шадринского уезда Пермской губернии. Пермь : Тип. губ. земства, 1915.
19. Егоровская Р.А. Пимокатный промысел в Шадринском уезде Пермской губернии. СПб. : Тип. МВД, 1913.
20. Гранильный и каменорезный кустарные промыслы в Екатеринбургском уезде. Екатеринбург : Тип. газ. «Уральская жизнь», 1909.
21. Зверев П.Н. Промыслы Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Екатеринбург : Изд. Екатеринбург. уездного земства, 1889.
22. Рушанин В.Я. Молодежное движение в России: региональный аспект (1861–1904 гг.). Челябинск : Факел, 1998.
23. Лаптевская И.В. Социально-экономическое развитие казенной горнозаводской промышленности Южного Урала в период капитализма : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1995.
24. Дмитриев А.В. Рабочие заготовители топлива для горнозаводской промышленности Урала (1901–1914). Рабочий класс Урала в период капитализма : [сб. статей]. Свердловск : Ур.О.АН СССР, 1988.
25. Положение рабочих Урала во второй половине XIX – начале XX века (1861–1904) : сб. документов. АН СССР. 1960.
26. ЦГИА РФ. Ф. 163. Оп. 1. Д. 146. Л. 4, 4об., 5.
27. ГАСО. Ф. 24. Оп. 17. Д. 1595. Л. 54.
28. Кустарные промыслы в Уфимской губернии. Уфа : Печать, 1912.
29. Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. СПб. : Новый мир, 1906.
30. Данные о продолжительности рабочего времени за 1904–1905 год. СПб. : Тип В. Кришбаума, 1906.
31. Зверев П.Н. Гранильный промысел на Урале. Екатеринбург : Тип. Екатеринбургского уезд. земства, 1887.
32. Обзор кустарных промыслов Екатеринбургского уезда. Екатеринбург : Тип. «А.Р. Вельц», 1909.
33. Екатеринбургская неделя. 1890. № 45.
34. Полищук Н.С. Шахтерские и принсковые бытовые песни как материал для изучения положения и быта рабочих // Советская этнография. 1960. № 4.
35. Екатеринбургская неделя. 1890. № 39. С. 683; № 41.
36. Материалы к выяснению вопроса об обеспечении горнозаводского населения Пермской губернии в продовольственном отношении. Пермь : Перм. зем. управа, 1900.
37. ГАСО. Ф. 24. Оп. 17. Д. 268. Л. 23, 50, 151 об., 168 об., 169.
38. ГАСО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 202. Л. 3об.
39. Бурдаков В.Я., Гендриков И.М. Описание платинопромышленного дела в Горо-Благодатском руге. Екатеринбург, 1898.
40. Горный журнал. 1883. № 1. С. 167; 1892. № 7.
41. РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 1182а. Л. 131–143.
42. Металлические кустарные промыслы Екатеринбургского уезда. Екатеринбург : Тип. «В. Чекан», 1907.
43. ГАСО. Ф. 24. Оп. 17. Д. 268. Л. 95 об.
44. ГАСО. Ф. 24. Оп. 7. Д. 63. Л. 32 об.
45. ГАПО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 300. Л. 20 об.–21.
46. ГАПО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 160. Л. 4, 5, 14, 16, 24.

47. ГАПО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 154. Л. 1–28.
48. ГАПО. Ф. 276. Оп. 2. Д. 10. Л. 74 об., 84.
49. РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 206. Л. 16–16 об., 17–17 об.

References

1. Alferova, E.Yu. (1991) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye gorodov Urala v 60–90-e g. XIX v.* [Socio-economic development of the cities of the Urals in the 1860–1890s]. History Cand. Diss. Sverdlovsk.
2. *Ekaterinburgskaya nedelya*. (1890) 31.
3. Anon. (1918) *Sbornik statisticheskikh svedeniy o gornozavodskoy promyshlennosti Rossii v 1911 godu* [Collection of Statistical Data on the Mining Industry of Russia in 1911]. Saint Petersburg: Tip. G. A. Bernshteyna.
4. Gavrilov, D.V. (1985) *Rabochie Urala v period domonopolisticheskogo kapitalizma. 1861–1900* [Workers of the Urals in the Period of Pre-Monopoly Capitalism. 1861–1900]. Moscow: Nauka.
5. Gvozdev, S. (1911) *Zapiski fabrichnogo inspektora (iz nablyudeniye i praktiki v period 1894–1908 g.)* [Notes of a Factory Inspector (From observations and practice in the period 1894–1908)]. Moscow: V. Rikhter.
6. Kornilov, A.A. (1993) *Kurs lektsiy istorii Rossii XIX veka* [Course of Lectures on the History of Russia in the 19th century]. Moscow: Vysshaya shkola.
7. Russian Empire. (1882–1884) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vols 2–4. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. No. 931; No. 2286, 2316.
8. Anon. (1926) *Rabochiy vopros v komissii V.N. Kokovtseva* [Labor issue in the commission of V.N. Kokovtsev]. Nizhny Novgorod: Voprosy truda.
9. Prokopovich, S. (1905) *Dlina rabochego dnya po russkomu zakonodatel'stvu* [Length of the Working Day According to Russian Legislation]. Rostov-on-Don: Tip. Donskaya rech'.
10. *Vestnik Evropy*. (1890) Book 5.
11. *Gornyy zhurnal*. (1883) 1.
12. Lenin, V.I. (1971) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
13. *Central State Historical Archive of the Russian Federation (TsGIA RF)*. Fund 37. List 74. File 200. Page 75. (In Russian).
14. Andreev, E. (1884) *Rabota maloletnikh v Rossii i Zapadnoy Evrope* [Work of Minors in Russia and Western Europe]. Vol. 1. Saint Petersburg: [s.n.].
15. Kadomtsev, B.P. (1909) *Professional'nyy sostav naseleniya Evropeyskoy Rossii po dannym perepisi 1897* [Professional Composition of the Population of European Russia According to the 1897 Census]. Saint Petersburg: Tipografiya Shredera.
16. Bogucharskiy, A.V. (1978) *Rabochaya molodezh' Peterburga v posledney chetverti XIX veka* [Working youth of Saint Petersburg in the last quarter of the 19th century]. History Cand. Diss. Leningrad.
17. Ministry of Industry and Trade of the Russian Empire. (1915) *Svod otchetov fabriчныkh inspektorov za 1914 god* [Collection of Reports of Factory Inspectors for 1914]. Saint Petersburg: Tip. Krishbauma.
18. Perm Provincial Zemstvo. (1915) *Ocherki kustarnykh promyslov Shadrinskogo uезда Permskoy gubernii* [Essays on Handicrafts of the Shadrinsk District of the Perm Province]. Perm: Tipografiya gubernskogo zemstva.
19. Egorovskaya, R.A. (1913) *Pimokatnyy promysel v Shadrinskom uезде Permskoy gubernii* [Felt-Rolling Industry in the Shadrinsk District of the Perm Province]. Saint Petersburg: Tip. MVD.
20. Ural'skaya zhizn'. (1909) *Granil'nyy i kamenoreznyy kustarnyye promysly v Ekaterinburgskom uезде* [Granite and Stone-Cutting Handicraft Industries in the Yekaterinburg District]. Yekaterinburg: Tipografiya gazety Ural'skaya zhizn'.
21. Zverev, P.N. (1889) *Promysly Ekaterinburgskogo uезда Permskoy gubernii* [Industries of the Yekaterinburg District of the Perm Province]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ekaterinburgskogo uездного zemstva.
22. Rushanin, V.Ya. (1998) *Molodezhnoye dvizheniye v Rossii: regional'nyy aspekt (1861–1904gg.)* [Youth Movement in Russia: Regional aspect (1861–1904)]. Chelyabinsk: Fakel.
23. Laptevskaya, I.V. (1995) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye kazennoy gornozavodskoy promyshlennosti Yuzhogo Urala v period kapitalizma* [Socio-economic development of the state-owned mining industry of the South Urals during the period of capitalism]. History Cand. Diss. Chelyabinsk.
24. Dmitriev, A.V. (1988) *Rabochie zagotoviteli topliva dlya gornozavodskoy promyshlennosti Urala (1901–1914). Rabochiy klass Urala v period kapitalizma* [Workers Procuring Fuel for the Mining Industry of the Urals (1901–1914). The working class of the Urals during the period of capitalism]. Sverdlovsk: UB USSR AS.
25. Baklanova, I.A., Serbina, K.N. & Shaskol'skiy, I.P. (eds) (1960) *Polozheniye rabochikh Urala vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (1861–1904)* [The Situation of the Workers of the Urals in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (1861–1904)]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
26. *Central State Historical Archive of the Republic of Bashkortostan (TsGIA RB)*. Fund 163. List 1. File 146. Page 4, 4 reverse, 5.
27. *State Archive of Sverdlovsk Region (GASO)*. Fund 24. List 17. File 1595. Page 54.
28. Ufimsкая управа [Ufa Uprava]. (1912) *Kustarnyye promysly v Ufimskoy gubernii* [Handicrafts in the Ufa Province]. Ufa: Pechat'.
29. Pazhitnov, K.A. (1906) *Polozheniye rabochego klassa v Rossii* [The Situation of the Working Class in Russia]. Saint Petersburg: Novyy mir.
30. Anon. (1906) *Dannye o prodolzhitel'nosti rabochego vremeni za 1904–1905 god* [Data on the Duration of Working Hours for 1904–1905]. Saint Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma.
31. Zverev, P.N. (1887) *Granil'nyy promysel na Urale* [The Cutting Industry in the Urals]. Yekaterinburg: Tipografiya Ekaterinburgskogo uездного zemstva.
32. Otsenочно-statisticheskoye byuro Permskogo gubernskogo zemstva [Evaluation and Statistical Bureau of the Perm Provincial Zemstvo]. (1909) *Obzor kustarnykh promyslov Ekaterinburgskogo uезда* [Review of Handicrafts in the Ekaterinburg District]. Yekaterinburg: Tipografiya A.R. Vel'ts.
33. *Ekaterinburgskaya nedelya*. (1890) 45.
34. Polishchuk, N.S. (1960) *Shakhterskie i priiskovyye bytovyye pesni kak material dlya izucheniya polozheniya i byta rabochikh* [Miners' and mines' everyday songs as material for studying the situation and life of workers]. *Sovetskaya etnografiya*. 4.
35. *Ekaterinburgskaya nedelya*. (1890) 39. P. 683. 41.
36. Statisticheskoye otdeleniye Permskoy gubernskoy zemskoy upravly [Statistical Department of the Perm Provincial Zemstvo Council]. (1900) *Materialy k vyasneniyu voprosa ob obespechenii gornozavodskogo naseleniya Permskoy gubernii v prodovol'stvennom otnoshenii* [Materials for Clarifying the Issue of Providing the Mining Population of Perm Province with Food]. Perm: Permskaya zemskaya uprava.
37. *State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO)*. Fund 24. List 17. File 268. Pages 23, 50, 151 rev., 168 rev., 169.
38. *State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO)*. Fund 621. List 1. File 202. Page 3 rev.
39. Burdakov, V.Ya. & Gendrikov, I.M. (1898) *Opisaniye platinopromyshlennogo dela v Goro-Blagodatskom ruge* [Description of the platinum mining business in Goro-Blagodatsky rug]. Yekaterinburg.
40. *Gornyy zhurnal*. (1883) 1. pp. 167; (1892) 7.

41. *Russian State Historical Archive (RGIA)*. Fund 20. List Z. File 1182a. Pages 131–143.
42. Anon. (1907) *Metallicheskie kustarnye promysly Ekaterinburgskogo uезда* [Metal handicrafts of Yekaterinburg uezd]. Yekaterinburg: Tip. “V. Chekan”.
43. *State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO)*. Fund 24. List 17. File 268. Page 95 rev.
44. *State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO)*. Fund 24. List 7. File 63. Page 32 rev.
45. *GAPO*. Fund 276. List 1. File 300. Pages 20 rev.–21.
46. *GAPO*. Fund 276. List 1. File 160. Pages 4, 5, 14, 16, 24;
47. *GAPO*. Fund 276. List 1. File 154. Pages 1–28.
48. *GAPO*. Fund 276. List 2. File 10. Pages 74 rev., 84.
49. *Russian State Historical Archive (RGIA)*. Fund 1282. List 3. File 206. Pages 16–16 rev., 17–17 rev.

Информация об авторах:

Перебейнос А.Е. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: nos75@mail.ru

Пташко Т.Г. – канд. пед. наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск, Россия). E-mail: ptashkotg@cspu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.E. Perebeynos, Cand. Sci. (History), associate professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: nos75@mail.ru

T.G. Ptashko, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: ptashkotg@cspu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.02.2024;
одобрена после рецензирования 18.04.2024; принята к публикации 30.07.2024.*

*The article was submitted 02.02.2024;
approved after reviewing 18.04.2024; accepted for publication 30.07.2024.*

Научная статья
УДК 574:338.43(09)
doi: 10.17223/15617793/504/15

Письмо гуманитария М.Н. Маркова к Н.С. Хрущеву о «новой теории развития природы» (1954 г.)

Александр Васильевич Рычков¹

¹ Омский государственный технический университет, Омск, Россия, alex-rychkov@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы идеологизации биологической науки в СССР. Введение в научный оборот нового материала позволило установить, что идеологизация биологии не ограничивалась только сторонниками академика Т.Д. Лысенко, а являлась составной частью мировоззрения социалистически мыслящих людей, часто профессионально не связанных с биологической наукой. По мысли автора, идеологизированные подходы к биологии вели к дезорганизации как научной, так и внедренческой деятельности в Советском Союзе.

Ключевые слова: аграрная наука, биологическая наука, «новая теория развития природы», «письма во власть», Т.Д. Лысенко, М.Н. Марков, СССР

Для цитирования: Рычков А.В. Письмо гуманитария М.Н. Маркова к Н.С. Хрущеву о «новой теории развития природы» (1954 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 138–143. doi: 10.17223/15617793/504/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/15

Letter from the humanist Mikhail Markov to Nikita Khrushchev on the “new theory of the development of nature” (1954)

Aleksandr V. Rychkov¹

¹ Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation, alex-rychkov@mail.ru

Abstract. The article considers the problems of the ideologization of biological and agricultural science through the prism of studying the social consciousness of the era, which was determined by ideas about the relationship of social and biological processes. In the research literature, the ideologization of science is traditionally associated with the activities of academician T.D. Lysenko, whose research, scientific implementation and practical work were “adapted” to the Soviet principles of organizing society. The theory of natural selection was transformed into the concept of “re-education” of varieties in crop production and breeds in livestock production by “environmental conditions”. The recognition of the external environment as the “primary source of changes in the heredity of organisms”, transferred to the social soil, meant the possibility of educating a new, Soviet, person, a bearer of collectivist values. The Marxist postulate about the masses as the driving force of the historical process in relation to the organizational and scientific sphere was “supplemented” by ideas about mass collective farm experimentation as an important structural element of the scientific and experimental network, and in relation to scientific implementation by ideas about “mass production experiment”. However, the introduction of new documents into scientific discourse made it possible to establish that the ideologization of biology was not limited only to supporters of academician T.D. Lysenko, but was an integral part of the worldview of socialist-minded citizens, often not professionally associated with biological science. In a letter from the humanist M.N. Markov to N.S. Khrushchev, sent to the Soviet leader in 1954, outlined a “new theory of the development of nature”, more appropriate for Soviet collectivist realities in comparison with Lysenko’s constructions, according to the author of the letter. As the basis for the development of nature, Markov defined a species, not an individual, as a tribal community, which, in his opinion, was more consistent with the Marxist position that the creator of the history of human society was peoples, collectives, and not individuals. Markov sharply criticized Lysenko for only “modernizing” Darwinism, while it was necessary to decisively divorce from it as a reactionary bourgeois theory that transferred the relations of domination and competition in society to the life of nature. The author comes to the conclusion that biological “theories”, attractive from a political point of view, but scientifically untenable, resulted in the disorganization of both scientific and implementation activities, and “programmed” many errors and misconceptions.

Keywords: agricultural science, biological science, “new theory of the development of nature”, “letters to power”, T.D. Lysenko, M.N. Markov, USSR

For citation: Rychkov, A.V. (2024) Letter from the humanist Mikhail Markov to Nikita Khrushchev on the “new theory of the development of nature” (1954). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 138–143. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/15

История лысенковщины по-прежнему не теряет своей научной актуальности. Длительное время этот феномен истории науки рассматривался как чисто советский, а его появление объяснялось «особенностями сложившегося в СССР тоталитарного строя, заложенного при самом его основании коммунистическими вождями» [1. С. 608]. В то же время интернациональный характер лысенковщины исследователями во внимание не принимался. Исходящая от сторонников академика Т.Д. Лысенко информация о существовании единомышленников за рубежом, не только в странах социалистического блока, но и в Англии, Франции, Швеции, Японии [2. С. 87, 153, 176, 318] воспринималась своеобразно: наличие этих единомышленников объяснялось их финансированием из СССР, рассматривалось как красивая самореклама [1. С. 519]. Однако лысенковщина перешла в XXI в. и сохранила свой интернациональный характер, причем область ее географического распространения расширилась, включив, кроме указанных выше стран, Бельгию, Голландию, Италию, США, ФРГ, что со всей очевидностью показало ограниченность прежних тоталитаристских подходов к ее оценке. Поэтому в последние годы, изучая лысенковщину, исследователи стали акцентировать внимание на рассмотрении «социально-культурного контекста» эпохи, оказывающего влияние на организацию и содержание развития науки [3. С. 638]. При этом очевидно, что «социально-культурный контекст» в разных странах и в разные эпохи различался. В частности, возрождение интереса к этому явлению в современной литературе объясняется как складывающимися внешнеполитическими условиями, так и стремительным насыщением массового рынка продовольствия дешевыми генетическими суррогатами, причем именно Т.Д. Лысенко нередко рассматривается как сторонник «производства качественных продуктов питания для всего народа» [4. С. 42].

В предвоенные годы и первые послевоенные десятилетия «течение мыслей» в нашей стране по отношению к биологической науке главным образом определялось процессами социалистической трансформации общества. Любопытно здесь мнение Ю.А. Жданова, который в силу семейного положения (сын А.А. Жданова, зять И.В. Сталина), образования (естественно-научное) и должности (на рубеже 1940–1950-х гг. курировал науку в ЦК коммунистической партии) был знаком с взглядами на проблемы развития биологии в руководящих структурах СССР, а также был в курсе настроений как в научной среде, так и в обществе целом. Он отмечал, что «в предреволюционную и революционную эпоху сторонники преобразования общества естественно ищут себе поддержку и в природных закономерностях» [5. С. 246–247]. Построение нового общества, основанного на принципах взаимопомощи, а не конкуренции, было делом доселе невиданным, при этом отсутствовала возможность шаблонных и трафаретных действий. Известно, что наиболее точно, в образной и незабываемой форме, отражают эпоху, свидетелями которой они являлись, мастера слова – писатели и поэты. В. Маяковский действия по изменению всей системы общественных отношений назвал «работой адавой» [6. С. 576].

П. Коган (автор слов легендарной и популярной у советских людей песни «Бригантина») поколение создателей нового общества охарактеризовал как «флибустьеров и авантюристов», отринувших устоявшие порядки и традиции во имя нового мира [7. С. 35]. Понятно, что в сложившейся ситуации поиск биологических закономерностей, объясняющих и оправдывающих социальную практику, укрепляющих веру в правильность избранного пути, приобретал важное идеологическое звучание.

«Преуспела» в этом деле группа ученых во главе с академиком Т.Д. Лысенко, которая пыталась «приспособить» эволюционную теорию Дарвина к советским реалиям: теория естественного отбора была трансформирована в концепцию «перевоспитания» сортов в растениеводстве и пород в животноводстве («условиями внешней среды»). «Условия жизни являются первоисточником изменения наследственности организмов», – заявлял Т.Д. Лысенко [8. С. 11]. Признание внешней среды «первоисточником изменения наследственности организмов», перенесенное на социальную почву, означало возможность воспитания «нового человека», не индивидуалиста, а носителя коллективистских ценностей. В дополнение к этому марксистский постулат о народных массах как движущей силе исторического процесса применительно к организационно-научной сфере был «дополнен» идеями о массовом колхозном опытническом как важном структурном элементе научно-опытной сети, а применительно к научно-внедренческой – представлениями о «массовом производственном эксперименте». Подобные мероприятия стали именоваться «советским творческим дарвинизмом». В многочисленных письмах к советским лидерам Т.Д. Лысенко и его сторонники акцентировали внимание именно на политическом значении своих подходов, указывали на идеологические задачи биологической науки, а борьбу мнений в науке рассматривали как классовую борьбу между идеалистами и материалистами, между реакционерами и революционерами [9]. На практике опытническое движение в качестве составной части организации исследовательской деятельности не состоялось (сказалось слабое знакомство сельских тружеников с методикой опытного дела, кампанейский характер развития опытнического движения вообще), а «массовый производственный эксперимент» служил удобной ширмой для насаждения в производстве ряда сомнительных рекомендаций. В случае неудачи, что случалось чаще всего, вину легко можно было переложить на производственников, «нарушающих» рекомендуемые технологии.

В то же время следует признать, что мнение даже такого информированного человека, как Ю.А. Жданов, о роли биологии в советском обществе остается только его личным мнением, а «социалистические» взгляды Т.Д. Лысенко и его соратников на биологическую науку являлись взглядами только одной группы ученых. Поэтому без поиска и изучения новых документальных источников, отражающих общественные представления о роли биологии в становлении советского общества, «социально-культурный контекст» эпохи понять невозможно.

Поэтому несомненный интерес представляет поступившее в августе 1954 г. на имя Н.С. Хрущева в ЦК КПСС письмо с изложением «новой теории развития природы». Данный документ хранится в материалах Сельскохозяйственного отдела Аппарата ЦК КПСС Российского государственного архива новейшей истории [10].

Важно отметить, что после смерти И.В. Сталина письма ученых «во власть» стали достаточно распространенным явлением. Наибольшую эпистолярную активность проявляли генетики, которые, доказывая научную несостоятельность Т.Д. Лысенко, надеялись убедить руководство страны «сверху» исправить ситуацию, сложившуюся в биологической и аграрной науке после августа 1948 г. В ответ на активные действия своих оппонентов, в Кремль писали и сторонники «народного академика» [11]. Однако письмо о «новой теории развития природы», о котором пойдет речь далее, совершенно иного содержания, выходящего за рамки традиционного противостояния генетиков и лысенковцев, формирующего иной, авторский, отличный от предшественников, взгляд на советскую биологию. Именно поэтому обращение к данному историческому источнику позволит дополнить общую картину развития советской науки вообще, а также биологии и аграрной науки в частности, новыми важными штрихами, полнее представить, как общественное сознание послереволюционной эпохи влияло на содержание развития науки.

Автором письма был некто М.Н. Марков. В письме, кроме фамилии и инициалов, указывается только место проживания автора – город Ленинград. Благодаря тому, что М.Н. Марков назвал себя коммунистом, проработавшим в партии более тридцати четырех лет, при помощи сотрудников Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга удалось «идентифицировать» автора письма. Им оказался Марков Михаил Назарович, 1898 года рождения, по социальному происхождению – выходец из семьи вологодских крестьян. В 1906–1913 гг. он обучался в 2-классном училище, а затем в Торговой школе в г. Белозерске постигал профессию бухгалтера. В начале 1917 г. был призван в армию и проходил службу в Кронштадте. В годы Гражданской войны находился в Красной армии, где в начале 1920 г. вступил в ВКП (б). Свои дальнейшие многочисленные «университеты» М.Н. Марков проходил в 1920–1930-е гг. в Петрограде–Ленинграде: в 1921–1922 гг. он курсант Военно-инженерной школы, в 1922–1923 гг. и в 1927–1928 гг. являлся слушателем Высшей военно-педагогической школы, в 1934–1935 гг. проходил обучение на историческом отделении Военно-политической академии РККА. «Работа в партии», о которой М.Н. Марков указал в письме к Н.С. Хрущеву, заключалась прежде всего в преподавании гуманитарных дисциплин в учебных заведениях: в 1923–1930 гг. – истории и основ ленинизма в Военно-артиллерийской школе в Одессе, в 1930–1933 гг. – истории ВКП(б) в Военно-морском училище имени Ф.Э. Дзержинского (Ленинград), в 1935–1938 гг. – истории в Военно-политическом училище имени Ф. Энгельса (Ленинград), в

1940–1941 гг. – основ марксизма-ленинизма во 2-м Ленинградском медицинском институте [12. Л. 3–4]. М.Н. Марков участвовал в Великой Отечественной войне в качестве офицера-политработника в составе Ленинградского фронта, за ратный труд был награжден боевыми орденами.

Таким образом, М.Н. Марков получил гуманитарное образование, занимался преподаванием преимущественно гуманитарно-политических дисциплин в различных учебных заведениях. Состоял в коммунистической партии, но аппаратным партийным работником не был. В годы Гражданской и Великой Отечественной войн находился в рядах Красной армии, что характеризует его как советского по взглядам человека и патриота своей страны. Его обращение к проблемам биологической науки указывает на ту важную мировоззренческую роль, которую играла биология в общественной жизни СССР. Письмо гуманитария М.Н. Маркова к советскому лидеру свидетельствует также о том, что биологическая наука являлась не только ареной острого противоборства в среде ученых-биологов, но по причине ее идеологической нагруженности привлекала внимание далеких от биологии по своей профессиональной принадлежности людей.

Важно указать, что обращение М.Н. Маркова к Н.С. Хрущеву имело свою предысторию. В начале 1950-х гг. в связи с решением практических задач в сельском хозяйстве острая дискуссия по проблеме вида и видообразования развернулась в «Ботаническом журнале», куда и направил М.Н. Марков свою статью «О новом учении о биологическом виде и видообразовании». В представленном в редакцию «Ботанического журнала» материале М.Н. Марков изложил свою позицию на то, какой должна быть биология в социалистическом обществе. Однако статья была опубликована в общем обзоре в изложении, в сжатом виде [13. С. 84–85], что и мотивировало М.Н. Маркова на обращение к первому лицу в СССР.

Какие же мысли хотел донести автор письма до Н.С. Хрущева? Прежде всего М.Н. Марков указал на то, что ориентация советской биологии на учение Ч. Дарвина, хотя и в обложке «советского творческого дарвинизма», ошибочна, поскольку дарвиновская теория естественного отбора – субъективистская буржуазная теория, которая «принцип силы возвела в закон развития, бизнес в цель жизни, а борьбу или войну в средство для достижения своих целей индивидуумов, источник развития» [10. С. 65].

К тому же эпохе революционных перемен, по мысли автора, не соответствовали утверждения Дарвина о том, что изменчивость видов происходит через тысячелетия. Это означало, что и в человеческом обществе революционные изменения не могут происходить быстро. Из этого автор послания к советскому лидеру сделал вывод, что теория Дарвина объективно стоит страже интересов «буржуазной аристократии», стремящейся идеологически обосновать сохранение власти за собой. Стихийный и случайный характер изменчивости во взглядах Ч. Дарвина, в свою очередь, не соответствовал плановым началам в советском обществе.

Опираясь на изложенную выше аргументацию, М.Н. Марков пришел к заключению, что теория естественного отбора превратилась в препятствие для развития науки и селекционной практики, поскольку не является руководством для практической деятельности и не нацеливает на «переделку» природы. «Движение и развитие биологической науки будет зависеть сейчас во многом от того, насколько скоро ученые-биологи поймут ошибочность теории естественного отбора, откажутся от нее путем ее преодоления», – эти первоочередные задачи, стоящие перед советской биологией, были сформулированы в письме к советскому лидеру [10. С. 62].

Нужно сказать, что критика взглядов Ч. Дарвина со стороны М.Н. Маркова не была явлением уникальным и исключительным. Любопытно, что изначально к эволюционной теории Дарвина отнеслись весьма настороженно еще в дореволюционной России. Оппоненты Ч. Дарвина, сторонники отечественной системно-кооперативной концепции, считали, что «в биологическом мире не все можно объяснить из законов борьбы за существование» [14. С. 81–82]. В конце XIX в. идеолог анархо-коммунизма П.А. Кропоткин в соответствии со своей политической концепцией сформулировал закон взаимной помощи и солидарности, который, по его мысли, выступает в качестве всеобщего биосоциологического закона [15. С. 464, 466, 470]. Левые европейские интеллектуалы также полагали, что Дарвин, опираясь на идеи Мальтуса, перенес условия конкуренции, существующие в экономической жизни человеческого общества, в мир животных [16. С. 360].

Но неожиданным оказалось содержащееся в письме к Н.С. Хрущеву осуждение взглядов лидера «советского творческого дарвинизма» академика Т.Д. Лысенко, вина которого состояла в том, что его критика теории естественного отбора Дарвина «далеко недостаточна и весьма ограничена». Более того, считал М.Н. Марков, теорию отбора Т.Д. Лысенко лишь «модернизировал», дополнив факторами изменчивости, наследственности и выживания, не изменив в целом буржуазной природы этой теории. Поэтому взгляды «народного академика» Т.Д. Лысенко характеризовались автором письма как не вполне марксистские: «Несмотря на то, что Т.Д. Лысенко считает себя марксистом, но он часто игнорирует проверенные жизнью марксистские положения и по существу ревизует их» [10. С. 64]. По этой причине у Т.Д. Лысенко, по мысли автора письма, много скороспелых, эмпирических выводов, методологически недостаточно обоснованных, а значит и ошибочных. В частности, М.Н. Марков указал на неверное понимание со стороны Т.Д. Лысенко вопросов об изменчивости и наследственности, о единстве организма и среды, о внутривидовых отношениях.

Поэтому М.Н. Марков в письме к Н.С. Хрущеву изложил «новую теорию развития природы». Предваряя послание, он, указав на отличие своей «теории» от представлений «ревизиониста» Т.Д. Лысенко: «Методологической основой ее является марксизм-ленинизм, а научным методом – диалектический метод. Новая теория развития природы является итогом критического пересмотра с позиции марксизма эволюционных взглядов и обобщения фактического материала на основе диалектического метода» [10. С. 60].

В основу развития природы М.Н. Марков поставил вид как «совокупность близкородственных организмов, их племенную общность». Хотя внутривидовые отношения, по мысли М.Н. Маркова, включают в себя противоречия и сотрудничество, взаимопомощь, но противоречие не является синонимом борьбы за существование, «это принципиально различные понятия». Таким образом, во внутривидовых отношениях превалировали отношения сотрудничества и взаимопомощи. Именно постановка в основу развития природы вида, а не индивидуума, вполне согласовалась с марксистским положением, что творцом истории человеческого общества были народные массы, а не отдельные личности. Завершая письмо, М.Н. Марков сформулировал его основную мысль так: «Новая теория развития природы поднимает с особой силой идеи коллективизма (подчеркнуто автором письма. – А.Р.) и кладет конец чисто буржуазному, субъективистскому и неверному представлению, будто бы в природе господствует индивидуализм» [10. С. 65]. Именно принятие на вооружение «новой теории развития природы», по мысли автора письма, положит конец временному «симбиозу» марксизма как идеологии освобождения трудящихся, с дарвинизмом, защищающим социальное угнетение.

Кроме того, М.Н. Марков предлагал через выступление в Академии наук СССР и публикацию своих материалов организовать, под «наблюдением» партии, дискуссию вокруг «новой теории развития природы».

Вместе с тем, критикуя академика Т.Д. Лысенко, М.Н. Марков вслед за ним повторял, что изменчивость направляется человеком, который путем создания определенных условий существования для домашних животных и культурных растений создает желаемые для него формы, и что в дальнейшем значение данного направления изменчивости будет все более возрастать.

Очевидно, что обращение к биологии как к некоему барометру для социальной практики было явлением распространенным в рассматриваемый период. Весьма показательны в этом плане материалы дискуссии о проблемах видообразования в «Ботаническом журнале», которые мы уже упоминали выше. Одни участники дискуссии предлагали понятие «борьба» как заимствованное из отношений внутри капиталистического общества применительно к биологической науке заменить понятием «существование», другие объясняли представления о внутривидовой конкуренции в животном мире экономическими отношениями в обществе [13. С. 79–80]. Любопытно и то, что авторы обзора об указанной дискуссии особо отметили, что «некоторые присланные статьи стояли на слишком низком научном уровне, они возвращены авторам и в обзоре не приняты во внимание» [13. С. 76]. Очевидно, что эти материалы были подготовлены не профессиональными биологами, а лицами, вовлеченными в биологическую проблематику в силу ее политического звучания.

Никакой реакции со стороны Хрущева на письмо М.Н. Маркова не последовало. Хотя советский лидер и продолжал поддерживать Т.Д. Лысенко, но эта поддержка объяснялась не столько идеологическими факторами, сколько многочисленным фейерверком обещаний со стороны Т.Д. Лысенко обеспечить аграрное

изобилие в стране. Одновременно подобное «нейтральное» отношение Н.С. Хрущева к письму М.Н. Маркова (как и ко многим другим письмам ученых, посвященных содержательным аспектам развития науки) было свидетельством того, что в партийном руководстве страны оформилось более прагматичное, менее идеологизированное отношение к науке, и преодоление разногласий в научной среде становилось делом самих ученых, а не результатом внеучебных политических воздействий.

Формулируемые биологические «теории» были привлекательны с политической точки зрения, но совершенно несостоятельны в научном и производственном планах. «Перевоспитание» сортов условиями внешней среды призвано было, например, Сибирь превратить в новую житницу страны, «вторую Украину», а в результате полностью дезорганизовало селекционный процесс. Вот как сибирские ученые-аграрники оценивают состояние селекционных работ в регионе в это время: «Это был самый печальный этап в селекции. Более 25 лет почти бесплодной работы» [17. С. 211]. Большинство выведенных и районированных в регионе сортов впоследствии были сняты с районирования как недоработанные и не отвечающие условиям интенсивного земледелия, из них на конец 1970-х гг. в районировании остались только два сорта [18. С. 25]. Одновременно «массовый производственный эксперимент» привел к кризису в области внедренческой деятельности: административным путем в производство насаждались недоработанные сорта и «директивные технологии». Итогом сложившейся в научно-производственной сфере ситуации стал масштабный производственный кризис начала 1960-х гг., в результате которого советское правительство вынуждено было приступить впервые после окончания Великой Отечественной войны к закупкам зерна за рубежом.

Именно кризис в сельскохозяйственном производстве, а не указания «свыше», заставили научное сообщество «провести ревизию» в своем научном «хозяйстве». Организованные в первой половине 1960-х гг. проверки аграрных научно-исследовательских институтов, особенно отметившихся своими «новаторскими» подходами, показали плачевную картину организации научной деятельности: методика опытного дела не соблюдалась, научная документация велась небрежно или не велась вообще, имели место приписки под заранее определенный результат. Аналогичная ситуация сложилась и в оценке производственных показателей, полученных в результате внедрения научных рекомендаций. Весной 1965 г. вопросы повышения уровня научно-исследовательской работы стали основными в работе созданного министерством сельского хозяйства СССР всесоюзного совещания научно-исследовательских учреждений и вузов. С этого вре-

мени началось активное исправление ошибок, допущенных в ходе «аграрного волонтаризма». В стране создается сеть современных селекционных центров, организуются региональные отделения ВАСХНИЛ, должное внимание стало уделяться методологическим и методическим аспектам научной деятельности. В организационно-внедренческой деятельности внимание стало фокусироваться на создании «демонстрационных центров»: опытно-показательных и базовых хозяйств, научно-производственных объединений и научно-производственных систем. Все это позволило приступить к реализации крупных научно-производственных программ: внедрению почвозащитной системы земледелия в районах освоения целинных и залежных земель, разработке и освоению интенсивных технологий производства яровой пшеницы. К сожалению, позитивные перемены в научно-производственной сфере по времени совпали с общим кризисным сценарием развития страны. А в новых, рыночных, условиях стало доминировать мнение, что «сельское хозяйство без всяких научных схем само себя поднимет». Это привело к невостребованности отечественной аграрной науки со стороны производства, ее длительному стагнирующему состоянию, разрушению научно-производственных структур.

«Письмо во власть» М.Н. Маркова является ярким свидетельством того, как послереволюционная эпоха вторгалась в биологическую и сельскохозяйственную науку, формировала научные ориентиры, напрямую обусловленные мировоззренческими установками, «программировала» многие ошибки и заблуждения. Трезвый анализ ситуации в науке и аграрном производстве позволил научному сообществу их преодолеть. Однако инерция подобных подходов продолжала еще долго осложнять развитие науки в нашей стране. В середине 1980-х гг. президент Академии наук СССР академик А.П. Александров отмечал: «Мы еще не очухались полностью от периода Лысенко, когда у нас на фундаментальные науки не было обращено внимания и ведь только сейчас наши вузы начинают выпускать студентов... уже достаточно подготовленных в фундаментальных науках в области сельского хозяйства» [19].

Введение данного письма в научный оборот будет полезно для исследователей советского общества, позволит более полно осмыслить этот этап истории нашей страны. В предложенном читателю материале дается далеко не исчерпывающаяся характеристика содержания документа, хотя обращено внимание на главный мировоззренческий посыл автора письма: предложить в качестве основополагающей для биологической науки «новую теорию развития природы», более соответствующую, по его мнению, советским реалиям, нежели теоретические, «не вполне марксистские», построения академика Т.Д. Лысенко.

Список источников

1. Сойфер В.Н. Власть и наука (История разгрома коммунистами генетики в СССР). М. : ЧеРо, 2002. 691 с.
2. Глуценко И.Е. Страны, встречи, ученые. Записки биолога. М. : АН СССР, 1963. 443 с.
3. Конашев М.Б. Лысенко вблизи, но издали, или взгляд на лысенкоизм из XXI века // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 6. С. 637–645.

4. Конанков П.Ф. Два мира – две идеологии. О положении в биологической и сельскохозяйственной науках в России в советский и постсоветский период. М. : Луч, 2014. 288 с.
5. Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д : Феникс, 2004. 448 с.
6. Маяковский В.В. Сочинения в двух томах. Т. 1. М. : Правда, 1987. 768 с.
7. Коган П.Д. Стихи. Воспоминания о поэте. Письма. М. : Молодая гвардия, 1966. 142 с.
8. Лысенко Т.Д. Итоги работы Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина и задачи сельскохозяйственной науки (Доклад, прочитанный 28 октября 1949 г. на юбилейной сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина, посвященной 20-летию со дня ее основания). М. : Сельхозиздат, 1949. 32 с.
9. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35. Д. 33. Л. 100.
10. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 34. Л. 60-66.
11. Рычков А.В. «К вам одному я обращаюсь со своей болью»: борьба в биологической и сельскохозяйственной науке в СССР в письмах ученых к советским лидерам в 1950-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 1 (52). С. 181–192.
12. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 205974.
13. Обзор статей и писем, полученных редакцией «Ботанического журнала» в связи с дискуссией по проблеме вида и видообразования // Ботанический журнал. 1954. № 1. С. 76–89.
14. Шепелева В.Б. Россия 1917–1920 гг.: проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии). Омск : ОмГУ, 2009. 704 с.
15. Кропоткин П.А. Записки революционера. М. : Мысль, 1990. 528 с.
16. Бернал Дж. Наука в истории общества. М. : Иностранная литература, 1956. 735 с.
17. Храмов И.Ф. Развитие сельскохозяйственной науки в Омском регионе. Омск : ЛИТЕРА, 2015. 588 с.
18. Зыкин В.А., Сусликов В.С., Михеев Л.А. История развития селекции пшеницы в Западной Сибири // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 1978. № 3. С. 24–27.
19. РГАНИ. Ф. 9. Оп. 5. Д. 18. Л. 17.

References

1. Soyfer, V.N. (2002) *Vlast' i nauka (Istoriya razgroma kommunistami genetiki v SSSR)* [Power and Science (The history of the defeat of genetics in the USSR by communists)]. Moscow: CheRo.
2. Glushchenko, I.E. (1963) *Strany, vstrechi, uchenye. Zapiski biologa* [Countries, Meetings, Scientists. Notes of a Biologist]. Moscow: USSR AS.
3. Konashev, M.B. (2019) Lysenko vblizi, no izdali, ili vzglyad na lysenkoizm iz XXI veka [Lysenko up close but from a distance, or a view of Lysenkoism from the 21st century]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 6 (89). pp. 637–645.
4. Konanov, P.F. (2014) *Dva mira – dve ideologii. O polozhenii v biologicheskoy i sel'skokhozyaystvennoy naukakh v Rossii v sovetskiy i postsovetskiy period* [Two Worlds – Two Ideologies. On the situation in biological and agricultural sciences in Russia in the Soviet and Post-Soviet periods]. Moscow: Luch.
5. Zhdanov, Yu.A. (2004) *Vzglyad v proshloe: vospominaniya ochevidtsa* [A Look into the Past: Eyewitness memories]. Rostov-on-Don: Feniks.
6. Mayakovskiy, V.V. (1987) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Collected Works in Two Volumes]. Vol. 1. Moscow: Pravda.
7. Kogan, P.D. (1966) *Stikhi. Vospominaniya o poete. Pis'ma* [Poems. Memories of the poet. Letters]. Moscow: Molodaya gvardiya.
8. Lysenko, T.D. (1949) *Itogi raboty Vsesoyuznoy akademii sel'skokhozyaystvennykh nauk imeni V.I. Lenina i zadachi sel'skokhozyaystvennoy nauki (Doklad, pročitannyy 28 oktyabrya 1949 g. na yubileynoy sessii Vsesoyuznoy akademii sel'skokhozyaystvennykh nauk imeni V.I. Lenina, posvyashchennoy 20-letiyu so dnya ee osnovaniya)* [Results of the Work of the All-Union Academy of Agricultural Sciences named after V.I. Lenin and the tasks of agricultural science (Report read on October 28, 1949 at the jubilee session of the All-Union Academy of Agricultural Sciences named after V.I. Lenin, dedicated to the 20th anniversary of its foundation)]. Moscow: Sel'khozizdat.
9. *Russian State Archive of Contemporary History (RGANI)*. Fund 5. List 35. File 33. Page 100. (In Russian).
10. *Russian State Archive of Contemporary History (RGANI)*. Fund 5. List 45. File 34. Pages 60–66. (In Russian).
11. Ryckov, A.V. (2021) “K vam odnomu ya obrashchayus' so svoey bol'yu”: bor'ba v biologicheskoy i sel'skokhozyaystvennoy nauke v SSSR v pis'makh uchenykh k sovetskim lideram v 1950-e gody [“I turn to you alone with my pain”: the struggle in biological and agricultural science in the USSR in letters from scientists to Soviet leaders in the 1950s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 1 (52). pp. 181–192.
12. *Central State Archive of Historical and Political Documents of Saint Petersburg (TsGAIPD SPb)*. Fund R-1728. List 1. File 205974. (In Russian).
13. *Botanicheskiy zhurnal*. (1954) *Obzor statey i pisem, poluchennykh redaktsiei “Botanicheskogo zhurnala” v svyazi s diskussiei po probleme vida i vidoobrazovaniya* [Review of articles and letters received by the editors of the Botanical Journal in connection with the discussion on the problem of species and speciation]. *Botanicheskiy zhurnal*. 1. pp. 76–89.
14. Shepeleva, V.B. (2009) *Rossiya 1917–1920 gg.: problema revolyutsionno-demokraticeskoy al'ternativy (voprosy teorii, metodologii, istoriografii)* [Russia 1917–1920: the problem of a revolutionary democratic alternative (issues of theory, methodology, historiography)]. Омск: Омск State University.
15. Kropotkin, P.A. (1990) *Zapiski revolyutsionera* [Notes of a Revolutionary]. Moscow: Mysl'.
16. Bernal, J.D. (1956) *Nauka v istorii obshchestva* [Science in History]. Translated from English. Moscow: Inostrannaya literatura.
17. Khramtsov, I.F. (2015) *Razvitie sel'skokhozyaystvennoy nauki v Omskom regione* [Development of Agricultural Science in the Omsk Region]. Омск: ЛИТЕРА.
18. Zysin, V.A., Suslyakov, V.S. & Mikheev, L.A. (1978) *Istoriya razvitiya selektsii pshenitsy v Zapadnoy Sibiri* [History of wheat breeding development in Western Siberia]. *Sibirskiy vestnik sel'skokhozyaystvennoy nauki*. 3. pp. 24–27.
19. *Russian State Archive of Contemporary History (RGANI)*. Fund 9. List 5. File 18. Page 17. (In Russian).

Информация об авторе:

Рычков А.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: alex-ryckov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Ryckov, Cand. Sci. (History), associate professor, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: alex-ryckov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.04.2024;
одобрена после рецензирования 05.06.2024; принята к публикации 30.07.2024.

The article was submitted 25.04.2024;
approved after reviewing 05.06.2024; accepted for publication 30.07.2024.

Научная статья
УДК 94(37).03; 930.2
doi: 10.17223/15617793/504/16

Первоисточники Диодора Сицилийского в описании Самнитских войн: новый подход к старой проблеме

Артём Игоревич Черкасов¹

¹ Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия, arteomcherckasov@mail.ru

Аннотация. Рассматривается историография двухвековой проблемы определения первоисточников Диодора, установлены сильные и слабые стороны существующих подходов, исходя из чего предложен собственный «новый дифференцированный подход», нацеленный на выявление исторических традиций в рамках повествовательных блоков. На основе внутреннего и сравнительного анализа 14 повествовательных блоков сделан вывод, что Диодор в описании Самнитских войн попеременно использовал четыре традиции: раннеанналистическую, среднеанналистическую, позднеанналистическую и греческую.

Ключевые слова: Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека», Самнитские войны, первоисточники, римские анналисты, греческие историки, Рим, самниты

Для цитирования: Черкасов А.И. Первоисточники Диодора Сицилийского в описании Самнитских войн: новый подход к старой проблеме // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 144–155. doi: 10.17223/15617793/504/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/16

The primary sources of Diodorus Siculus in the description of the Samnite Wars: A new approach to the old problem

Artyom I. Cherkasov¹

¹ North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation, arteomcherckasov@mail.ru

Abstract. The issue of the primary sources of Diodorus Siculus in the description of the Samnite Wars and Roman events in general is the essence of a two-century problem in historiography. In the course of long searches, experts put forward more than a dozen different hypotheses based on the “single source theory”, its modernized version, “multiple sources theory”, differentiated approach, but consensus was not reached. That is why, in order to overcome the emerging methodological crisis in the issue of primary sources, the article proposes a “new differentiated approach” aimed at identifying historical traditions within the framework of narrative blocks. Based on the proposed approach, using internal and comparative analysis, the article examines 14 narrative blocks related with the least studied events of the Samnite Wars. It is concluded that Diodorus in narrative blocks relied on the early annalistic tradition under 354, 318, 310 BC and indirectly under 313 BC, the middle annalistic tradition under 306 BC, the middle or late annalistic traditions under 316, 314 and 308 BC, the late annalistic tradition under 315, 311, 305 BC and indirectly under 304 BC, the early Greek tradition under 295 BC. Limiting the range of sources to one tradition in each narrative block also allowed in some cases identifying the potential author: Duris (under 295 BC), Fabius Pictor (under 310 BC), Claudius Quadrigarius (under 315 BC), Valerius Antias (under 311 BC), Licinius Macer or Aelius Tubero (under 305 BC), Terentius Varro or Pomponius Atticus (under 304 BC). In only one case of 312 BC, it was not possible to determine the tradition, but in other episodes, the new approach allowed establishing the degree of reliability of Diodorus’ information. One way or another, the precariousness of identifying the exact source within the framework of narrative blocks is overcome by determining wider historical traditions, which allow establishing the degree of reliability of the information in individual parts of Diodorus’ work without identifying a specific author. The only narrative block in which it was not possible to determine the tradition due to the brevity of the note and the lack of specific ethnonyms refers to the events of 312 BC; however, in all other cases, the new approach gave positive results. Diodorus, constantly changing sources throughout the entire narrative of the Samnite Wars, sought to use as many authors as possible, based on his concept of the “Historical Library”, i.e., collections of not only diverse information about the past, but also various historical works.

Keywords: Diodorus Siculus, Historical Library, Samnite Wars, primary sources, Roman annalists, Greek historians, Rome, Samnites

For citation: Cherkasov, A.I. (2024) The primary sources of Diodorus Siculus in the description of the Samnite Wars: A new approach to the old problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 144–155. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/16

«Историческая библиотека» Диодора Сицилийского является ценным источником информации для современных исследователей, благодаря выбранному жанру универсальной истории, охватившей греческие и римские события от Троянской войны до первого консульства Цезаря в 60/59 г. до н. э. Произведение, завершённое ок. 30 г. до н. э., состояло из 40 книг, из которых полностью сохранились книги I–V и XI–XX, остальные – только во фрагментах [1. S. 316–318]. Краткий, но содержательный обзор событий без риторических вставок является отличительной чертой «Исторической библиотеки» на фоне произведений I в. до н.э. [2. S. 142–143]. Осознанный выбор Диодора создать компиляцию из работ предшественников без притязаний на оригинальность своего труда обусловил использование им большого числа источников, включая 87 работ античных авторов, о которых он прямо сообщает в «Исторической библиотеке» [3. С. 178]. Однако все они упоминаются только эпизодически, в то время как для большей части повествования вопрос о степени достоверности и ценности информации по-прежнему остается открытым, а определение первоисточников составляет суть двухвековой проблемы в историографии. Именно поэтому, прежде чем переходить к непосредственному анализу первоисточников Самнитских войн, необходимо остановиться на рассмотрении историографических подходов и методологических проблем в изучении «Исторической библиотеки».

В ходе продолжительного исследования труда греческого автора среди историков оформились две основные историографические школы со своими характерными подходами и оценками. «Старая школа критиков», доминировавшая в XIX в. и первой половине XX в., акцентировала внимание только на отрицательных сторонах произведения Диодора, особенно осуждая его за невнимательность, которая породила множество противоречий, повторений и хронологических ошибок [4. S. 102–109; 5. S. 4–5; 6. S. 210]. Критиковалась и методика работы с источниками, поскольку Диодор нередко переносил событие одного года на другой с целью сохранить стройность повествования при синхронистической системе [6. S. 213; 7. S. 90]. Сама же «Историческая библиотека» оценивалась как простая компиляция [4. S. 115; 5. S. 3; 8. S. 256; 9. P. 43], составленная из дословно переписанных текстов источников [10. P. 73]. Исходя из сформированных представлений, исследователи надеялись в работе Диодора выявить фрагменты утраченных трудов античных авторов, в связи с чем все внимание было сосредоточено на проблеме первоисточников. В качестве основного подхода была избрана доминировавшая в XIX в. и частично в первой половине XX в. «теория единого источника» (Einquellentheorie), предполагавшая использование Диодором только одного автора для римской истории. Уже в последней трети XIX в. специалисты определили, что Диодор в своей работе использовал два разных источника: хронографа для хронологии и анналиста для нарратива [11. P. 20], что в итоге прочно закрепилось в историографии [6. S. 209; 12. S. 110, 120; 13. S. 271]. Однако среди исследователей наметились

серьезные расхождения в идентификации абстрактного «анналиста».

Вплоть до середины XX в. доминирующие позиции занимала гипотеза с ранним анналистом Фабием Пиктором, поскольку Диодор давал только краткие заметки по римской истории и акцентировал внимание на роде Фабиев [14. S. 330; 15. S. 697; 16. S. 117]. Однако параллельно появилось множество других кандидатов на роль первоисточника. Одни исследователи выдвигали гипотезы о раннем анналисте [17. S. 627], называя имя Цинция Алимента [18. S. 288], либо Ацилия [13. S. 278]. Другие писали о среднем анналисте [6. S. 224; 9. P. 43], иногда отдельно выделяя Кальпурния Пизона [19. S. 838–839]. Третьи отдавали предпочтение поздним анналистам, из которых Диодор мог использовать Клавдия Квадригария или Лициния Макра [12. S. 131–132]. В качестве источника для римской истории предлагались и более неординарные версии, такие как Иероним Кардийский или Тимей Тавроменийский [20. S. 44], плебейская летопись Гнея Флавия конца IV в. до н.э. [21. S. 233–234], «Великие анналы» [10. P. 75–77]. К середине XX в. исследователи перечислили всех возможных авторов в качестве потенциального источника Диодора (см.: [22. S. 163–164]), однако консенсус так и не был достигнут, что показало полную несостоятельность «теории единого источника». Отсутствие прогресса в конечном итоге привело специалистов к пессимистичному выводу о невозможности решить проблему первоисточников Диодора, в связи с чем все внимание было переключено на другие аспекты изучения «Исторической библиотеки».

На фундаменте отчаяния и поисков альтернативных путей исследования в середине XX в. оформилась «Новая школа защитников», которая сосредоточила все внимание на изучении жизни Диодора, его взглядов и способов работы вместо выявления первоисточников [23. P. 9; 24. S. 36]. Историки новой школы не отрицают компилятивный характер «Исторической библиотеки» [25. P. 374], а также соглашаются с ранее выявленными недостатками [26. С. 19–20; 27. P. 137], однако вместо критики они выдвигают на первый план положительные стороны произведения, высоко оценивая Диодора как «честного и трудолюбивого ученого» [28. P. 252]. В новом восприятии отмечается, что «Историческая библиотека» обладает некоторым интеллектуальным единством и исторической концепцией, в рамках которых Диодор последовательно излагал свои философские и политические взгляды [29. P. 231; 30. S. 671], а также делал морализаторские и поясняющие вставки в тексте [31. P. 770–771], не искажая содержания источников. Относительно методики работы с источниками исследователи пришли к выводу, что он сокращал тексты античных авторов [32. P. 204; 33. P. XXVII; 34. S. 185], унифицируя язык и стиль во всем повествовании [1. S. 314; 30. S. 670; 35. S. 14; 36. P. 434; 37. P. 177].

Сторонники «Новой школы защитников» также иногда обращаются к вопросу о первоисточниках, однако не настолько последовательно, как в предшествующий период. Одни историки продолжают придерживаться традиционной Einquellentheorie, возрождая старые гипотезы о «Великих анналах» [38. P. 105–106],

раннем анналисте [34. S. 194–195], иногда отдельно выделяя Фабия Пиктора [39. S. 86; 40. С. 34], либо Ацилия [41. S. 962. п. 86], а также позднем анналисте Клавдии Квадригари [42. Р. 146]. Другие предлагают модернизированный вариант «теории единого источника», считая, что в основе «римского» повествования лежит один ключевой автор, дополненный несколькими второстепенными [30. S. 670; 43. Р. 25; 44. С. 14]. Третьи придерживаются «теории множественных источников», отмечая, что Диодор использовал нескольких средних и поздних анналистов [45. Р. 11; 46. Р. 170]. Принципиально новый подход был предложен Ф. Кассолой, который разделил нарратив о раннереспубликанской истории Рима на три хронологических блока, выделив для каждого из них один абстрактный источник с несколькими характерными чертами [31. Р. 747–757].

В результате двухвекового исследования истории достигли консенсуса только в следующих вопросах: «Историческая библиотека» является компиляцией, которая составлена из переработанных и стилистически унифицированных текстов античных авторов, однако из-за невнимательности Диодора она содержит противоречия, повторения и хронологические ошибки. Также все согласны, что греческий историк самостоятельно писал оглавления и введения к книгам, иногда вставлял свои краткие комментарии в повествование и в некоторых случаях переносил событие с одного года на другой с целью сохранить стройность и целостность изложения. Однако в вопросе первоисточников единственный тезис, который не оспаривается, заключается в использовании Диодором различных источников для хронологии и повествования, но в их определении до сих пор не достигнуто значимого прогресса. Еще в середине XX в. Г. Перл справедливо отметил, что «если, несмотря на одну и ту же основу, удалось достичь столь разных результатов, то либо метод в корне неверен, либо доступного материала недостаточно для того, чтобы сделать однозначные выводы» [22. S. 167]. По своей сути, немецкий историк обозначил методологическую развилку: первый путь предполагал поиски нового метода в выявлении первоисточников, второй – изучение доступного материала в ином ракурсе. Большинство исследователей предпочли второй путь, в то время как лишь небольшая группа историков продолжила работать в русле выявления первоисточников. Однако появившиеся новые методы в рамках «теории множественных источников» и дифференцированного подхода Ф. Кассолы также не принесли практических результатов, поскольку выводы на их основе оказались слишком абстрактными. Вследствие этого в историографии продолжает укрепляться пессимистичный взгляд, ярко выраженный в недавней работе К. Рубинкам: «...продолжающееся изучение вопросов, сосредоточенных исключительно на критике источников, не приводит, я бы сказала, ни к какому плодотворному результату... возможно, мы никогда не сможем определить источник каждой части информации в Библиотеке» [47. Р. 33].

Все предложенные методологические подходы к выявлению первоисточников действительно не принесли ожидаемых результатов, поскольку содержали ряд упущений.

Классическая «теория единого источника» и ее модернизированный вариант не учитывали очевидную возможность постоянной смены авторов со стороны Диодора в различных частях повествования. В свою очередь, «теория множественных источников», хотя и учла предшествующие упущения, продолжала использовать старый метод, который предполагал экстраполяцию выводов из отдельных отрывков на работу в целом. Однако использование Диодором одного источника в конкретном эпизоде не означает, что он системно опирался на него во всех остальных частях повествования. Кроме того, чрезмерно абстрактные выводы в рамках новой теории принесли не больше пользы, чем узконаправленные гипотезы сторонников классической теории. Аналогичные проблемы связаны и с дифференцированным подходом, несмотря на выделение хронологических блоков, Ф. Кассола все также полагался на старый метод, выявляя только один абстрактный источник для целого периода на основе отдельно взятых отрывков.

На современном этапе исследований с целью преодоления методологического кризиса в вопросе выявления первоисточников необходимо: 1) признать возможность использования Диодором нескольких источников в римском нарративе; 2) отказаться от экстраполяции выводов из отдельных отрывков на другие части повествования, признавая возможность постоянной смены источников Диодором; 3) взять за единицу анализа повествовательные блоки вместо всего римского нарратива Диодора или его отдельных периодов; 4) сосредоточиться на выявлении исторических традиций в рамках повествовательных блоков вместо определения конкретных или абстрактных источников. Исходя из обозначенных принципов, мы можем выдвинуть «новый дифференцированный подход», основанный на выявлении исторических традиций в рамках повествовательных блоков. Под исторической традицией подразумевается общий взгляд нескольких источников на одно или множество событий прошлого, которые могут отличаться в деталях и дополнениях, но всегда одинаково отражают ключевые факты. В свою очередь, под «повествовательным блоком» подразумевается единый логически неразрывный сегмент текста различных размеров. Повествовательным блоком может являться глава или абзац, описание событий одного года или военной кампании, отступление от основного нарратива и т.д. Определение границ повествовательного блока должно проводиться индивидуально в каждом отдельно взятом случае в зависимости от литературной, логической и исторической целостности излагаемого текста. Предложенный подход не предполагает полного отказа от всех предшествующих теорий, методов и гипотез, напротив, он является их дальнейшим развитием: за основу берется ключевой тезис «теории множества источников» об использовании Диодором нескольких авторов, методологической опорой является углубленный дифференцированный подход Ф. Кассолы о разделении нарратива на несколько блоков, а в конкретно-содержательной части учитываются критические и аналитические заметки сторонников «теории единого источника».

С целью показать возможности и результаты практического применения «нового дифференцированного подхода» мы рассмотрим 14 повествовательных блоков в описании Диодора о наименее изученных событиях, связанных с Самнитскими войнами.

В первый повествовательный блок можно выделить краткую заметку о римских событиях 354 г. до н.э., находящуюся между описанием истории Ионии и Великой Греции. В небольшом отрывке сообщается о заключении перемирия с пренестинцами, подписании договора с савнитами и казни на Форуме 260 тарквинийских мужчин (Diod.XVI.45.8). Особого внимания заслуживает применение Диодором этнонима «самниты» в греческой форме Σαυνίται. На первый взгляд, можно было бы предположить, что Диодор унифицировал язык источников и, как все греческие авторы, привел привычную форму Σαυνίται вместо римской Σαμνίται, однако стоит обратить внимание на дальнейшую практику применения. Диодор в первых двух упоминаниях о самнитах под 354 и 318 гг. до н.э. использует греческую форму (XVI.45.8; XIX.10.1), затем под 316–313 и 311 гг. до н.э. переходит к латинской (XIX.65.7; 72.3–7; 76.1–4; 101.1; XX.26.3), однако под 310 г. до н.э. он вновь пишет Σαυνίται (XX.35.2), после чего под 308, 306–304 гг. до н.э. снова использует римский этноним Σαμνίται (XX.44.8; 80.1–3; 90.3–4; 101.5). Четырехкратная перемена формы этнонима в данном случае может указывать на заимствование языка источников, поскольку сложно представить, чтобы Диодор после двукратного правильного написания Σαυνίται пять раз подряд совершил ошибку, затем единжды исправил ее, но потом вновь забыл название самнитов на родном греческом языке. Вероятно, римская заметка под 354 г. до н.э. взята у автора, писавшего на греческом языке. К.Ю. Белох, обратив внимание на краткость описания, предположил, что Диодор перенял сведения у хронографа, которого он использовал в качестве источника для хронологии [12. S. 120]. Однако если сравнить повествование Диодора с описанием у Ливия, то можно заметить, что оба автора предельно кратко сообщают о событиях 354 г. до н.э., вследствие чего гипотеза с хронографом представляется шаткой. Расхождения же в числе тарквинийских заложников свидетельствуют лишь об использовании разных источников, однако они оба находятся в рамках одной традиции, поскольку Диодор и Ливий одинаково описывают события 354 г. до н.э. Потенциально в приведенном отрывке могла быть использована либо греческая, либо раннеанналистическая традиция, поскольку в рамках последней римские историки также писали на греческом языке (см.: [48. С. 99]). Однако стоит обратить внимание на детали, прежде всего ни один ранний греческий автор или хронограф не излагал подробно римскую историю от основания Города до своего времени, поэтому сомнительно, что в их работах могли появиться сведения о конкретной цифре заложников и уточнение о месте казни. Подобная информация могла быть получена только из римской историографии, в пользу чего также свидетельствует изложение аналогичных деталей у Ливия, который во

второй пентаде опирался исключительно на работы анналистов. Тем самым применение греческого этнонима при наличии «римских» деталей указывает на использование Диодором под 354 г. до н.э. раннеанналистической традиции.

Второй повествовательный блок представляет собой отступление на римские события 318 г. до н.э. между историей Сицилии и Греции. В отрывке сообщается, что римляне в предшествующие восемь лет войны хотя и нападали многочисленными войсками на крепости савнитов и разоряли их округу, но значительных успехов не добились. Только на девятом году войны в Апулии они разграбили всю Давнию и захватили Канузий, взяв заложников, а также создали две новые трибы – фалернскую и уфентинскую (Diod.XIX.10.1–2). Приведенные сведения подразумевают начало Второй Самнитской войны либо в 326 г. до н.э., либо в 327 г. до н.э., если учитывать «диктаторский» 324 г. до н.э. Однако в отношении времени начала второго римско-самнитского конфликта античные авторы расходятся не только между собой, но и внутри собственного повествования (Liv.VIII.23.3–13, ср.: 25.2; Dion.Hal.XV.8–9, ср.: 10), сообщая обе даты, поэтому достаточно сложно определить, учитывал ли Диодор или его источник «диктаторский год». Однако пропуск первых восьми лет войны не обязательно означает, что Диодор использовал греческий источник, как это предполагает К. Пфлуг [49. S. 2], поскольку он мог самостоятельно сократить многолетнее повествование до одного года, что в целом было свойственно его методике (см. выше). Ф. Альтхейм справедливо замечает, что на протяжении 327–319 гг. до н.э. центральное место в повествовании занимали деяния Александра Македонского и борьба диадохов за его наследие, остальные же события на их фоне, вероятно, показались Диодору незначительными, в связи с чем он исключил историю Рима и Великой Греции из своего нарратива в обозначенный период [13. S. 286].

Тем не менее следы используемой традиции можно вновь выявить на основе специфики применения этнонимов, а также этнотопонимов и ряда других деталей. Применение греческой формы Σαυνίται указывает на грекоязычный источник, однако некоторые сложности вызывает употребление двойного этнотопонима по отношению к одному региону. Под 318 г. до н.э. Диодор впервые в повествовании использует римское название Ἀπουλία, но здесь же он применяет греческое наименование Δαυνία (см.: Strab.V.4.2; VI.3.1; 3.8). Оба этнотопонима однозначно заимствованы из источника, поскольку Диодор в оглавлении к книгам, которые он писал самостоятельно, в случае 318 г. до н.э. употребляет греческое наименование Ἰαλυρία (Япигия) по отношению к юго-востоку Италии, но в самом повествовании использует название Ἀπουλία (Prol.XIX ср.: XIX.72.8). Вероятно, Диодор самостоятельно не проводил различий между этнотопонимами Апулии, используя название Ἰαλυρία по отношению ко всей юго-восточной области Италии и sporadически перенимая другие наименования из источников. В свое время Г. Зигварт

предположил, что названия *Ἀπουλία* и *Δαυνία* были заимствованы у латинского автора, который смешал оба наименования [50. S. 55], однако данная гипотеза требует уточнения. Сведения Диодора о событиях 318 г. до н.э., по всей видимости, действительно основывались на работах анналистов, поскольку упоминание о создании триб с точными названиями было важно только для римлян, но не имело никакого значения для греческих авторов. Однако в латинских работах никогда не использовались греческие этнопонимы, если они только не были заимствованы из грекоязычного источника. Исходя из этого, первоисточником сведений 318 г. до н.э. прямо или опосредованно должен был являться римский историк, написавший свой труд на греческом языке, что предполагает использование Диодором раннеанналистической традиции, на которую также опирался Ливий, но через другой источник, который сообщил некоторые дополнительные детали и факты (Liv.IX.20.1–6, ср.: Diod.XIX.10.1–2).

Третий повествовательный блок связан с краткой заметкой Диодора о событиях 316 г. до н.э., расположенных между историей Сицилии и Греции. В отрывке сообщается о захвате римлянами Ферента (Форента) в Апулии и переходе Нуцерии Альфатерна на сторону самнитов (Diod.XIX.65.7). Приведенные римские наименования *Ἀπουλία* и *Σαμνίται* явно указывают на заимствования из латинского источника, что предполагает использование Диодором средней или поздней анналистической традиции. Однако его датировка взятия Ферента расходится с Ливием, который пишет о 317 г. до н.э. и умалчивает об отступлении Нуцерии от римлян в 316 г. до н.э. (IX.20.9). Расхождения в отдельных деталях не обязательно свидетельствуют о разных традициях, по всей видимости, Диодор, пропустив малопримечательные события 317 г. до н.э., перенес взятие Ферента на 316 г. до н.э., чтобы в рамках одного отступления на римскую историю также сообщить о переходе Нуцерии на сторону самнитов, что позиционировалось им как ключевое событие в рамках данного года (см.: Prol.XIX.). В свою очередь, Ливий или его источник осознанно предпочел умолчать о неблагоприятном событии для Рима, поскольку в дальнейшем он отмечает враждебность Нуцерии под 310 г. до н.э. (IX.38.2). Тем самым оба автора опирались на общую среднюю или позднюю анналистическую традицию, но использовали два разных источника, из которых автор Диодора заслуживает большего доверия, учитывая его упоминание о неблагоприятном для Рима событии.

Четвертый повествовательный блок является отступлением между историей Сицилии и Боспора на римские события под 315 г. до н.э., где Диодор пишет о ряде успехов самнитов. В отрывке сообщается, что самниты захватили Пластице (Пластики) и склонили Сору перейти на их сторону, но потерпели поражение в битве под Сатикулой, которая была захвачена римлянами. Тем не менее самниты, мобилизовав все силы, разбили войско диктатора Фабия в битве при Лавстолах (Лавтулах), в ней же погиб начальник конницы Авлий, который отказался бежать вслед за воинами и командующим. В силу этого римляне, опасаясь потерять контроль над всей Апулией, вывели колонию в

Луцерину, которая, по словам Диодора, продолжала использоваться как опорный пункт в войнах против близлежащих народов «вплоть до наших времен» (Diod.XIX.72.3–9). Последнее уточнение является ключевым моментом для выявления первоисточника, поскольку в период от появления работ первых анналистов и до времени Диодора в Италии велось только три войны, в которых могла быть задействована Луцерия, – это Вторая Пуническая война 218–201 гг. до н.э., Союзническая война 91–88 гг. до н.э. и Гражданская война Цезаря и Помпея 49–45 гг. до н.э. Следовательно, фраза *ἕως τῶν καθ' ἡμᾶς χρόνων* («вплоть до наших времен»), в соответствии с гипотезами исследователей, могла быть заимствована Диодором в первом случае у раннего анналиста [13. S. 278; 39. S. 81–82], во втором – у позднего [12. S. 126–127], в третьем – написана самостоятельно [31. P. 754]. Однако использование в отрывке римских этнических названий *Σαμνίται* и *Ἀπουλία* явно указывает на латинский источник, что исключает гипотезу с ранним анналистом. Такой же сомнительной представляется версия с авторским комментарием Диодора, поскольку здесь же приводится уточнение об использовании Луцерии как опорного пункта *κατὰ τῶν πλησίον ἐθνῶν* («против близлежащих народов»). В период же Гражданской войны Цезаря и Помпея в Италии не велось никакой борьбы с другими народами. Тем самым, несмотря на отсутствие упоминания о Луцерии в годы Союзнической войны, наиболее убедительной остается гипотеза с позднеанналистической традицией.

Однако можно также попытаться определить конкретный источник посредством сравнения версий Диодора и Ливия. Между двумя авторами заметны отдельные расхождения в датировках, однако они, вероятно, возникли в результате очередного объединения Диодором событий нескольких лет в рамках одного года, в частности он не упоминает о начале продолжительных осад Пластики и Сатикулы в 316 г. до н.э., но сразу сообщает об их завершении в 315 г. до н.э., перенося в этот же повествовательный блок основание колонии в Луцерии с 314 г. до н.э. (Diod.XIX.72.3–8, ср.: Liv.IX.21–26). Наиболее же существенные расхождения касаются содержательной сути излагаемых событий, прежде всего Ливий относит смерть Авлия Церретана не к битве при Лавтулах, а к более раннему сражению под Сатикулой, где начальник конницы одержал победу в стычке с самнитами, но сам погиб в бою (IX.22.4–10). Аналогичным образом Ливий, несмотря на объективные факты, приписывает победу диктатору Фабию Руллиану при Лавтулах сразу после его поражения, которое было представлено как ничья (IX.23), а также крайне противоречиво излагает последовательность событий на протяжении всех 316–315 гг. до н.э. (IX.21–23). Наличие существенных расхождений между Диодором и Ливием показывает, что они опирались не просто на отличающиеся источники, но в целом на разные традиции. В своем повествовании Ливий, вероятно, объединил сведения нескольких анналистов, что и объясняет крайне противоречивое изложение событий, однако в своей первооснове все они, вероятно, восходят к родовой традиции Фабиев [51. P. 274], которая проникла в

анналистическую историографию через работу Фабия Пиктора [52. Р. 291]. Версия же Диодора находится вне основной ветви анналистической историографии, исходящей от Фабия Пиктора, что может указывать на Клавдия Квадригария, который, в отличие от других поздних анналистов, не замалчивал о поражениях и неблагоприятных для римлян деталях. Сам же Клавдий Квадригарий в своем повествовании опирался на раннего анналиста Ацилия, представлявшего альтернативную ветвь анналистической историографии, которую в древности почти никто не использовал (см.: [53. Р. 226]). Тем самым первоисточником повествовательного блока под 315 г. до н.э., вероятно, являлась альтернативная ветвь анналистической историографии, исходящая от Ацилия, но сохранившаяся только в изложении позднего анналиста Клавдия Квадригария, которого напрямую и использовал Диодор.

Пятый повествовательный блок представляет собой отступление от греческой истории на римские события под 314 г. до н.э. В отрывке сообщается, что вторжение самнитов в Кампанию спровоцировало восстание Капуи, однако римляне своевременно назначили диктатора Мания (Мения) для его подавления, а также отправили войско консулов против сил противника. В битве при Цинне (Κίννα) на кампанском поле консулы разбили войско самнитов, перебив более 10 тыс. человек, Капуя же, потеряв надежду на помощь извне, добровольно капитулировала перед диктатором, получив в итоге помилование и восстановление прежнего договора с Римом (Diod.XIX.76.1–5). При сравнении отрывка Диодора с повествованием Ливия под 314 г. до н.э. можно заметить, что оба автора описывают одно и то же сражение, поскольку упоминают о битве в кампанском поле, где римской армией командовали два консула (Diod.XIX.76.1–2 ср.: Liv.IX.27.3–4). В связи с этим произвольное исправление оригинального названия неизвестного кампанского города Κίννα на известную вольскую Таракίνна является неуместным [54. Р. 43–44], поскольку прямо противоречит сведениям как Диодора, так и Ливия, которые сообщают о сражении именно на кампанском поле, а не в Лации. Однако Диодор использовал более достоверный источник, поскольку Ливий в три раза завысил цифры потерь самнитов и смягчил форму недовольства Капуи, сообщив лишь о тайном заговоре вместо открытого восстания (Diod.XIX.76.2–5, ср.: Liv.IX.26–27). В дополнение стоит упомянуть и об использовании Диодором римской формы Σαμνίται, которая указывает на латиноязычный источник и в совокупности позволяет связать его сведения со средней или поздней анналистической традицией.

Шестой повествовательный блок о римских событиях 313 г. до н.э. расположен между деяниями Деметрия и Агафокла. В отрывке сообщается, что пока консулы защищали союзные города от самнитов, диктатор Фабий захватил Фрегеллы и лично казнил более 200 их предводителей на Форуме, после чего он взял Калатию и Нолу. В результате успешной кампании Фабий продал большое количество добычи и выделил много земли для своих воинов, а римляне вывели колонию в Понтию (Diod.XIX.101.1–3). В приведенном описании

событий Диодор подозрительно акцентирует внимание на личности диктатора Фабия Руллиана и его военных успехах. Так, например, он единственный раз во всей своей работе не упоминает о начальнике конницы при назначении диктатора, а также сообщает ряд несвойственных для его краткого повествования деталей, таких как продажа добычи и выделение земли для воинов полководцем. Но самое главное, что все остальные источники под 313 г. до н.э. не упоминают ни Фабия Руллиана, ни его диктатуру, приписывая все военные успехи другим полководцам. В данном случае Диодор опирался не просто на другой источник, а на иную традицию, что заметно при сравнении с остальными авторами. В одной традиции, за которой следует Ливий и Консульские фасты, захват Фрегелл и Нолы связывается также с диктатором, но не Фабием Руллианом, а Петелием Визолом, однако про взятие Калатии умалчивается (Liv.IX.28.2–5; Con.Fasti ad.an.313). В другой традиции основной акцент смещается на консула Юния Брута, которому приписывается захват Нолы и Калатии вместе с Атиной, но без упоминания о Фрегеллах, в отношении же диктатора сообщается, что Петелий Визол был назначен только «для вбивания гвоздя», а не «для ведения дел» (Liv.IX.28.5–6). Возникновение трех традиций в описании военных событий 313 г. до н.э., возможно, являлось следствием проникновения в анналистическую историографию конфликтующих между собой родовых материалов. Примечательно, что во всех версиях ни один из полководцев, несмотря на выдающиеся успехи, не получил триумфа, что также укрепляет гипотезу о родовых традициях, которые преувеличили успехи своих представителей. Однако во всех версиях в той или иной степени отражены достоверные события, которые лишь подверглись искажению посредством выдвижения на первый план отдельных представителей знатных родов. В отношении же сведений Диодора можно предположить, что они в своей первооснове исходили из родовой традиции Фабиев, которая была отражена в работе Фабия Пиктора [14. S. 312; 31. Р. 755]. Однако сам Диодор перенял «фабиеву» традицию не напрямую, а только опосредовано, через среднего или позднего анналиста, поскольку в его тексте используется заимствованный из источника римский этноним Σαμνίται.

В седьмом повествовательном блоке, представляющем собой отступление между историей эллинистического мира и Сицилии, Диодор под 312 г. до н.э. предельно кратко сообщает о походе римлян против марруцинского города Поллитий и выведении колонии в Интерамну (XIX.105.5). Учитывая краткость заметки, К.Ю. Белох предположил, что она основывалась на хронографе, которого Диодор использовал для хронологии [12. S. 120]. Однако краткость сведений не может являться аргументом для определения источника, поскольку Диодор нередко сокращал имеющийся у него материал, к тому же и Ливий приводит крайне скудную сводку о военных событиях 312 г. до н.э. Можно только отметить, что Диодор использовал источник, отличающийся от Ливия, поскольку последний ничего не сообщает о походе на марруцинов, но определить традицию в данном случае не представляется возможным.

Восьмой повествовательный блок, расположенный между историей Боспора и эллинистического мира, содержит сведения о череде военных успехов римлян в 311 г. до н.э. В отрывке сообщается, что римляне одержали победу над самнитами в двух сражениях под Талием и «Священным холмом», захватив в последней битве более 2200 пленных, после этого консулы взяли Катаракту и Керавнилию, а также убеждением склонили на свою сторону ряд других городов (Diod.XX.26.3–4). Версия Диодора разительно отличается от других известных источников, представляя собой отдельную традицию, однако среди остальных авторов также отсутствует единство взглядов. В одной традиции, переданной Ливием, вероятно, с опорой на Клавдия Квадригария [55. Р. 15], отмечается, что консул Юний Брут захватил поселения Клувий и Бовиан, но в погоне за добычей с войском оказался в засаде, однако его воины, сумев занять вершину в горном ущелье, одержали победу, перебив около 20 тыс. самнитов (Liv.IX.31, ср.: FRHist Quadrigarius 24 F.17). Второй консул Эмилий Барбула попытался снять этрусскую осаду Сутрия, но битва окончилась ничейным исходом с большими потерями с обеих сторон (Liv.IX.32). В другой традиции, зафиксированной в Триумфальных фастах, оба консула имели триумф: Юний Брут за победу над самнитами, а Эмилий Барбула – над этрусками (Tr.Fasti ad.an.311). Однако в четвертой традиции, сохраненной в работе Зонары, прямо сообщается о поражении консула Юния Брута во время самнитской засады (VIII.1).

Из имеющихся традиций с относительной уверенностью можно сказать, что умеренно патриотическая версия Ливия основывалась на альтернативной ветви анналистической историографии, восходящей к Ацилию опосредованно через Клавдия Квадригария. В свою очередь, крайне патриотическая версия Триумфальных фаст, по всей видимости, исходит из позднеанналистической традиции, находящейся в рамках основной ветви анналистической историографии. Сложно сказать, к какой ветви относилась версия Зонары, но она однозначна восходила в раннеанналистической традиции, учитывая сообщение о поражении римской армии. Тем самым, версия, переданная Диодором, находилась в стороне от основной ветви анналистической историографии [56. Р. 77], поскольку в ней не сообщается о самнитской засаде и не проводится разделение консулов по военным провинциям, как во всех остальных источниках. Однако применение римского этнонима Σαυνίται указывает на использование латинского источника, т.е. средней или поздней анналистической традиции. В свое время К.Ю. Белох, акцентировав внимание на точной цифре пленных, выдвинул гипотезу о позднем анналисте Валерии Анциате как источнике Диодора в описании событий 311 г. до н.э. [12. S. 126]. Действительно, точные цифры в военном контексте вплоть до сотен и десятков приводили только Валерий Анциат, а также Клавдий Квадригарий (см.: FRHist Quadrigarius 24 F. 58; 63; Antias 25 F. 27; 36), однако последний сообщил отличающуюся от Диодора версию, поэтому остается только первый вариант. В отношении Валерия Анциата известно, что он

зачастую искажал, переписывал или даже придумал целые эпизоды [40. С. 50; 57. Р. 149], в связи с чем римские историки нередко отмечали, что его версии различных событий кардинально отличаются от сведений, изложенных предшественниками [48. С. 144; 58. Р. 299]. Тем самым, латинский источник, «неортодоксальная» версия событий, преувеличение римских успехов и точные военные цифры позволяют связать сведения Диодора с поздним анналистом Валерием Анциатом.

Девятый повествовательный блок о войне римлян с самнитами и этрусками в 310 г. до н.э. расположен между деяниями Агафокла и Аппия Клавдия. В отрывке сообщается, что консулы разбили войско этрусков, осадивших римскую колонию Сутрий, после чего разделили свои силы: Марций с целью отвлечь савнитов от грабежа союзных римлянам япигов осадил, а затем и захватил Аллифы. В это время Фабий вместо сражения с новым этрусским войском под Сутрием решил втайне от врага вторгнуться в верхнюю Этрурию, в которую никогда ранее не проникали римляне с войском. Дерзкий план консула увенчался успехом, Фабий разбил наспех собранные силы крестьян, а затем и войско врага под Перузией, которая вместе с Арретием и Кортоной заключила перемирие с Римом, последующий же захват Кастолы вынудил этрусков снять осаду Сутрия (Diod.XX.35.1–5). Наличие детальных подробностей в описании военной кампании с акцентом на успехи Фабия позволяет связать сведения Диодора с раннеанналистической традицией, и в частности с работой Фабия Пиктора. Сравнение с Ливием, который дублирует в своем повествовании версии как минимум двух источников об одной и той же военной кампании (IX.35–36 ср.: 37; 39.4–11; 40.18–20) (см.: [59. Р. 454]), также показывает, что все имеющиеся сведения о событиях 310 г. до н.э. находились в рамках одной традиции, исходящей от Фабия Пиктора, отличаясь только в деталях и дополнениях. В пользу приведенной гипотезы можно также упомянуть про использование Диодором греческого этнонима Σαυνίται, который указывает на раннеанналистическую традицию.

В десятом повествовательном блоке, находящемся между историей Сицилии и Греции, сообщается о римских событиях 308 г. до н.э. Диодор пишет, что консулы сначала, придя на помощь марсам, разбили войско самнитов, которое на них напало, а затем, пройдя через земли умбров, захватили крепость Цэри, тем самым вынудив заключить перемирие Тарквинии на 40 лет и всех остальных этрусков на год (XX.44.8–9). Определить традицию Диодора можно посредством сравнения с Ливием. Несмотря на общее сходство сведений двух авторов в отношении этрусской кампании, Ливий акцентирует основное внимание на успехах Фабия Руллиана, а также сообщает, что марсы вместе с пелигнами сражались против римлян, а не самнитов (IX.41). Можно предположить, что сведения Ливия прямо или опосредованно восходили к Фабию Пиктору, в то время как версия Диодора основывалась на альтернативной ветви анналистической историографии, в которой все военные успехи были отнесены к совместным действиям консулов, а не только Фабия.

Упоминание же в тексте римской формы *Σαμνίται* дополнительно указывает на среднюю или позднюю анналистическую традицию, на которую опирался Диодор в данном отрывке.

Одиннадцатый повествовательный блок, расположенный между деяниями Агафокла и Антигона, представляет собой отступление на римские события под 306 г. до н.э. В отрывке сообщается, что самниты захватили союзные римлянам Сору и Калатию, консулы же в это время, вторгшись в Япигию, взяли Сильвий вместе с самнитским гарнизоном в городе, пленив более 5 тыс. человек. После этого римляне пять месяцев опустошали Самний, а затем объявили войну Анагнии и разделили земли захваченного Фрузино (Diod.XX.80.1–4). При сравнении Диодора с Ливием можно заметить, что римский историк не пишет об опустошении Самнии, однако сообщает о двух победах над самнитами с акцентом на действия Марция Тремула, войско которого в первом сражении перебило более 30 тыс. врагов (IX.43.8–21). Первоисточником дополнительных сведений Ливия, вероятно, являлась родовая традиция Марциев, отраженная на постаменте статуи Марция Тремула (Plin.NH.XXXIV.11.23), однако сам римский историк, по всей видимости, использовал ее опосредованно через работу позднего анналиста, учитывая чрезмерно завышенные цифры потерь врага, которые приводили только Валерий Анциат и Клавдий Квадригарий (см.: FRHist Quadrigarius 24 F. 58; 63; 67; Antias 25 F. 27; 36; 45; 48). В источнике же Диодора родовые материалы Марциев еще не нашли свое отражение, в связи с чем в его версии отсутствуют сведения о двух победах над самнитами. Более высокая достоверность сообщения Диодора подтверждается и археологическими данными, в частности в совр. Ботроманьо (древний Сильвий) в ходе раскопок была зафиксирована фаза укрепления стен в спешке в конце IV в. до н.э., а также следы запустения пригородов в этот же период [60. Р. 37–38]. Можно предположить, что укрепление стен было связано с прибытием в поселение самнитского гарнизона, а запустение пригородов – с пленением 5 тыс. жителей римлянами, что полностью подтверждает сведения Диодора, о которых не упоминают другие известные источники. Тем самым в описании событий 306 г. до н.э. Диодор опирался на более раннюю традицию по сравнению с Ливием, однако использование римского этнонима *Σαμνίται* в данном случае ограничивает спектр источников среднеанналистической традицией, в рамках которой можно уверенно исключить Кальпурния Пизона, поскольку он в своем повествовании пропустил события 307–306 гг. до н.э. (см.: FRHist Piso 9 F. 28).

Двенадцатый повествовательный блок, состоящий из римских событий 305 г. до н.э., расположен между деяниями Агафокла и Деметрия. Диодор пишет, что римляне покорили пелигнов, отняли у них землю, но предоставили гражданство тем, кто был лоялен. Самниты в это время разграбили Фалернит, но консулы выступили против них и одержали победу в сражении, захватив 20 *σημεῖα* (знаков-штандартов отдельных воинских подразделений) и более 2 тыс. пленных. Затем консулы взяли Болу и разбили шеститысячное

войско самнитов, пленив их полководца Геллия Гая, после чего они вернули под контроль Рима ранее захваченные города Сора, Арпин и Серенния (XX.90.3–4). При сравнении с другими авторами можно также заметить, что Диодор и Ливий находились в рамках единой традиции, сообщая о разграблении кампанских земель (Фалернит / Стеллатское поле), сражениях с самнитами, пленении их военачальника Геллия, взятии Бовиана (Болы), а также возвращении Соры, Арпина и Сереннии (Цезеннии), но опирались на разные источники, учитывая различия в деталях и дополнениях (Diod.XX.90.3–4 ср.: Liv.IX.44). Третий источник в рамках этой же традиции сообщает о крайне завышенных цифрах, в частности о пленении 20 тыс. самнитов в результате победы Постумия Мегелла в первой битве под Тиферном (Liv.IX.44.7). Однако существовала и другая традиция, в которой сообщалось о поражении консула Постумия Мегелла в этом же сражении (Liv.IX.44.8; FRHist Quadrigarius 24.F.37), а также о смерти от ранения второго консула Минуция Авгурина в последующей битве и назначении на его место консула-суффекта Фульвия Петина (Liv.IX.44.15; Con.Fasti ad.an.305; Tr.Fasti ad.an. 305).

Наличие ряда неблагоприятных деталей для римлян позволяет предположить, что вторая традиция содержала в себе сведения средних или даже ранних анналистов. В то время как первая традиция, в рамках которой находился источник Диодора, относилась к поздним анналистам, на что указывают точные военные цифры, упоминание *σημεῖα*, замалчивание о поражении римлян, а также использование римской формы *Σαμνίται*. Исходя из этого, К.Ю. Белох предположил, что Диодор использовал работу Валерия Анциата [12. S. 126], Ф. Альтхейм, напротив, отметив реалистичность приведенных цифр, связал его источник с ранней традицией [13. S. 273]. Тем не менее, несмотря на невысокие военные цифры, Диодор также сообщает о захвате «военных знаков-штандартов», которые упоминались только поздними анналистами, причем преимущественно Валерием Анциатом [57. Р. 148]. Однако не только он приводил подобные сведения, поскольку они одновременно упоминаются у Диодора и Ливия, которые опирались на двух разных анналистов. Кроме того, с Валерием Анциатом, скорее, связан источник, в котором упоминается победа Постумия Мегелла вместо поражения и крайне завышенные цифры пленных самнитов, что также являлось характерной чертой данного автора (см.: [40. С. 50; 44. С. 20; 48. С. 143; 58. Р. 299; 61. Р. 121]). Версия же Клавдия Квадригария находилась в рамках традиции, отличающейся от Диодора (см.: FRHist Quadrigarius 24.F.37 ср.: Liv.IX.44.8). В контексте позднеанналистической традиции период Самнитских войн, помимо Клавдия Квадригария и Валерия Анциата, затрагивали только Лициний Макр и Элий Туберон (см.: [48. С. 135, 139]), с одним из которых и можно было бы осторожно связать источник Диодора в данном отрывке.

Тринадцатый повествовательный блок представляет собой отступление на римские события под 304 г. до н.э. между историей Сицилии и Греции.

Диодор сообщает, что римляне и самниты, обменявшись посольствами, заключили мир после 22 лет и 6 месяцев войны, после чего консул Семпроний подчинил эквов, захватив 40 городов за 50 дней, и справил триумф за победу над ними. Римляне также заключили союз с марсами, пелигнами и марруцинами (XX.101.5). Римский этноним Σαμνῖται указывает на использование латиноязычного автора, но в данном случае Диодор опирался на очень поздний источник, поскольку в приведенной хронологии Второй Самнитской войны учитываются «диктаторские годы» (324 и 309 гг. до н.э.) [15. S. 701], которые отсутствовали в работах анналистов. Можно было бы предположить, что Диодор самостоятельно провел хронологический расчет, однако в своей системе датирования по эпонимам, отдельной от повествования, он не учитывает «диктаторские годы», никогда не приводит уточнение месяцев и даже не упоминает о начале Второй Самнитской войны. Вследствие этого цифра в 22 года и 6 месяцев, как и весь повествовательный блок, вероятно, были заимствованы у позднего хронографа [12. S. 120], но отличного от источника для хронологии, поскольку в последнем не учитывались «диктаторские годы». Данная хронологическая фикция, созданная для построения стройной системы датирования римской истории, появилась предположительно в 40-е гг. до н.э. в «Анналах» Теренция Варрона [44. С. 23] либо в «Анналисе» Помпония Аттика [62. Р. 349] как минимум уже в последней трети I в. до н.э. «диктаторские годы» были включены в Капитолийские фасты [44. С. 32]. Тем самым сведения Диодора под 304 г. до н.э. основывались на источнике, написанном в хронологическом диапазоне между изобретением «диктаторских лет» и завершением работы над «Исторической библиотекой», т.е. в период 40–30-х гг. до н.э. Возможно, неизвестным источником являлся сам Теренций Варрон или Помпоний Атик, однако любой автор, писавший о римской истории от основания Города, так или иначе должен был привлекать работы анналистов, поэтому важнее определить, к какой традиции восходили сведения Диодора.

Сравнение с другими известными источниками показывает, что сведения Диодора находятся в рамках единой традиции с Триумфальными фастами, сообщающими о триумфе Семпрония над эквами (Tr.Fasti ad.an.304), а также данными Ливия, который пишет о мире с самнитами, войне с эквами и договорах с марсами, пелигнами и марруцинами (IX.45). Все они расходятся только в вопросе о действиях второго консула Сульпиция и некоторых других деталях, что свидетельствует об использовании трех разных источников. Однако все они прямо или опосредованно опираются на позднеанналистическую традицию, поскольку приводят ряд подозрительно точных деталей и преувеличивают успехи римлян. Так, например, Диодор и Ливий указывают точный срок в 50 дней, за которые были покорены эквы (Diod.XX.101.5; Liv.IX.45.17), а последний также, умалчивая об ответном посольстве римлян, сообщает о походе в Самний консула Сульпиция с войском (Liv.IX.45.2–4), которому Триумфальные фасты даже приписывают победу над самнитами

(Tr.Fasti ad.an.304). Из всех приведенных выше версий сведения Диодора представляются наиболее достоверными, но они все же опосредованно восходят к позднеанналистической традиции через источник 40–30-х гг. до н.э.

Последний четырнадцатый повествовательный блок сохранился только в двух отдельных фрагментах вне нарративного контекста, в них сообщается, что в битве при Сентине в 295 г. до н.э. римляне разбили объединенное войско этрусков, галатов, самнитов и других, убив, согласно Дурису, 100 тыс. врагов, но консул Деций также погиб в сражении, принеся себя в жертву (Diod.XXI.1–2). В приведенном отрывке Диодор прямо ссылается на Дуриса, хотя некоторое противоречие вызывает использование римского этнонима Σαμνῖται. Однако стоит учитывать, что, в отличие от предшествующих повествовательных блоков, сведения Диодора о битве при Сентине сохранились только в более поздних выдержках из «Мириобиблиона», представлявшего собой обзор прочитанных книг Фотием I (810–893 гг.), и комментариев Исаака Цецеса (первая половина XII в.) к «Александру» Ликофрона. В обоих случаях форма этнонима могла быть изменена любым из упомянутых выше авторов, которые писали комментарии или обзоры в соответствии со своим языком и стилем, поэтому в данном случае римская форма Σαμνῖται не противоречит ссылке на греческого автора Дуриса.

Однако выбор Диодора в пользу греческого источника при описании римской истории представляется несколько странным, поскольку битва при Сентине, являясь одним из ключевых событий ранней Республики, вероятно, была зафиксирована во всех произведениях анналистов, в том числе грекоязычных. Нельзя сказать, что Диодор следовал принципу древности источника, поскольку он зачастую опирался на работы поздних анналистов, но он также не придерживался и критерия достоверности, учитывая, что Дурис приводит в три раза завышенные цифры потерь по сравнению с источником Ливия (см.: Liv.X.29.17). Остается только согласиться с тезисом М. Ратманна, что Диодор действительно подбирал источники на основе своих субъективных предпочтений [2. S. 267]. Развивая данную мысль, можно также предположить, что Диодор, постоянно меняя источники на протяжении всего повествования о Самнитских войнах, стремился использовать как можно больше авторов, исходя из своей концепции «Исторической библиотеки», т.е. собрания не только разносторонней информации о прошлом, но и различных исторических трудов.

Таким образом, предложенный «новый дифференцированный подход», основанный на выявлении исторических традиций в рамках повествовательных блоков, позволяет преодолеть обозначившийся историографический пессимизм в проблеме выявления первоисточников Диодора, а также пересмотреть ряд предшествующих исследовательских выводов. Внутренний и сравнительный анализ 14 повествовательных блоков, связанных с событиями Самнитских войн, показывает, что Диодор использовал множество ранних и поздних источников, исходящих из четырех различных исторических традиций. Единственный повествовательный

блок, в котором не удалось определить традицию из-за краткости заметки и отсутствия специфичных этнонимов, относится к сведениям под 312 г. до н.э., однако во всех остальных случаях новый подход дал положительные результаты. В трех повествовательных блоках под 354, 318 и 310 гг. до н.э. Диодор напрямую опирался на раннеанналистическую традицию, а один случай под 310 г. до н.э. можно даже связать с Фабием Пиктором и в целом с родовой традицией Фабиев, к которой также восходили сведения под 313 г. до н.э., но только опосредованно через среднего или позднего анналиста. Со среднеанналистической традицией связан повествовательный блок под 306 г. до н.э. и, возможно, под 316, 314 и 308 гг. до н.э., однако последние три заметки могли также исходить из работ поздних анналистов. К позднеанналистической традиции напрямую относятся повествовательные блоки под 315, 311,

305 гг. до н.э. и опосредовано под 304 г. до н.э. через источник 40–30-х гг. до н.э., которым, возможно, являлся Теренций Варрон или Помпоний Атик. В первых же трех случаях сведения Диодора можно осторожно связать с Клавдием Квадригарием под 315 г. до н.э., Валерием Анциатом под 311 г. до н.э. и, возможно, с Лицинием Макром или Элием Тубероном под 305 г. до н.э. Ранняя греческая традиция с прямой ссылкой на Дуриса представлена в заметке Диодора под 295 г. до н.э. Так или иначе шаткость определения точного источника в рамках повествовательных блоков нивелируется выявлением более широких исторических традиций, которые позволяют установить степень достоверности информации в отдельных частях работы Диодора без идентификации конкретного автора, что в конечном итоге может способствовать выходу из методологического кризиса в вопросе первоисточников.

Список источников

1. Spoerri W. Diodorea // *Museum Helveticum: schweizerische Zeitschrift für klassische Altertumswissenschaft*. 1991. Bd. 48, H. 4. S. 310–319.
2. Rathmann M. Diodor und seine «Bibliothek»: Weltgeschichte aus der Provinz. Berlin : de Gruyter, 2016. 431 s.
3. Строгеецкий В.М. Диодор Сицилийский и его «Историческая библиотека» в оценке историографии // *Вестник древней истории*. 1983. № 4. С. 176–186.
4. Peter C. Zur Kritik der Quellen der älteren römischen Geschichte. Halle : Buchhandlung des Waisenhauses, 1879. 166 s.
5. Wachsmuth C. Über das Geschichtswerk des Sikelioten Diodoros. Bd. II. Leipzig : Alex. Edelmann, 1892. 12 s.
6. Klotz A. Diodors römische Annalen // *Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*. 1937. Bd. 86. S. 206–224.
7. Wachsmuth C. Einleitung in das studium der alten Geschichte. Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1895. 717 s.
8. Mess A. Untersuchungen über die Arbeitsweise Diodors // *Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*. 1906. Bd. 61. S. 244–266.
9. De Sanctis G. *Storia dei Romani*. Vol. 1. Milano ; Torino ; Roma : Fratelli Bocca, 1907. 458 p.
10. Pais E. *Storia di Roma*. Vol. I, Parte I. Torino : Carlo Glauzen, 1898. 629 p.
11. Bader J. De Diodori rerum Romanarum auctoribus. Lipsiae : Typis M. Hoffmanni, 1890. 77 p.
12. Beloch K.J. Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege. Leipzig : De Cirenther & Co, 1926. 664 s.
13. Altheim F. Diodors römische Annalen // *Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*. 1950. Bd. 93. S. 267–286.
14. Mommsen Th. Fabius und Diodor // *Hermes*. 1878. Bd. 13. S. 305–330.
15. Schwartz E. Diodoros 38 // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 1903. Bd. V, H. 1. S. 663–704.
16. Rosenberg A. Einleitung und quellenkunde zur römischen geschichte. Berlin : Weidmann, 1921. 304 s.
17. Meyer E. Untersuchungen über Diodor's römische Geschichte // *Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*. 1882. Bd. 37. S. 610–627.
18. Matzat H. Römische chronologie. Bd. I. Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1883. 354 s.
19. Clason O. Die römische Quelle Diodors von Sicilien // *Heidelberger Jahrbücher der Literatur*. 1872. Bd. 2. S.835–841.
20. Bröcker L.O. Untersuchungen über Diodor. Gütersloh : Drud und Verlag von C. Bertelsmaun, 1879. 68 s.
21. Nitzsch K.W. Die römische Annalistik von ihren ersten Anfängen bis auf Valerius Antias: kritische Untersuchungen zur Geschichte der älteren Republik. Berlin : Gebruder Borntraeger, 1873. 355 s.
22. Perl G. Kritische Untersuchungen zu Diodors römischer Jahrählung. Berlin : Akademie Verlag, 1957. 174 s.
23. Ambaglio D. La Biblioteca storica di Diodoro Siculo. Problemi e metodo. Como : New Press, 1995. 176 p.
24. Dudziński A. Współczesne Studia Nad Diodorem Sycylijskim // *In Gremium. Studia nad Historią, Kulturą i Polityką*. 2021. Vol. 15. S. 27–43.
25. Bizière F. Comment travaillait Diodore de Sicile // *Revue des Études Grecques*. 1974. T. 87. P. 369–374.
26. Трофимов М.П. Система хронологии Диодора Сицилийского // *Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика*. 2007. № 4. С. 14–22.
27. Ambaglio D., Landucci F., Bravi L. Diodoro Siculo. Biblioteca storica: commento storico. Introduzione generale. Milano : Vita e Pensiero, 2008. 145 p.
28. Chamoux F. Un historien mal-aimé: Diodore de Sicile // *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*. 1990. № 3. P. 243–252.
29. Sacks K. Diodorus and his Sources: Conformity and Creativity // *Greek Historiography*. Oxford : Clarendon press, 1994. P. 213–232.
30. Scardino C. Historiographie // *Handbuch der griechischen Literatur der Antike*. Bd. 2. München : C.H. Beck, 2014. S. 617–677.
31. Cassola F. Diodoro e la storia romana // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1982. Vol. II, 30.1. P. 724–773.
32. Sacks K. Diodorus Siculus and the First Century. Princeton : Princeton University Press, 1990. 230 p.
33. Chamoux F. Introduction générale. Diodore: l'homme et l'œuvre // *Diodore de Sicile Bibliothèque Historique*. Livre I. Paris : Les Belles Lettres, 1993. P. VII–LXXVI.
34. Ruschenbusch E. Die Sprache der Vorlagen Diodors für die römische Geschichte // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1997. Bd. 46, H. 2. S. 185–195.
35. Palm J. Über Sprache und Stil des Diodoros von Sizilien. Lund : Gleerup, 1955. 212 s.
36. Sacks K. The lesser prooemia of Diodorus Siculus // *Hermes*. 1982. Bd. 110. P. 434–443.
37. Marincola J. Universal History from Ephorus to Diodorus // *A companion to Greek and Roman Historiography*. Vol. I. Malden ; Oxford ; Carlton : Blackwell, 2007. P. 171–179.
38. Rusconi M. Le notizie romane di Diodoro e gli Annales Maximi // *Storiografia e propaganda. Contributi del Istituto di Storia Antica*. Milan : Università Cattolica del Sacro Cuore, 1975. P. 105–110.
39. Schwartz E. Griechische Geschichtsschreiber. Leipzig : Koehler & Amelang, 1959. 603 s.
40. Бокшанин А.Г. Источниковедение Древнего Рима. М. : МГУ, 1981. 160 с.
41. Timpe D. Fabius Pictor und die Anfänge der römischen Historiographie // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1972. Bd. 1, № 2. S. 928–969.
42. Zecchini G. Storia della storiografia romana. Bari : Gius. Laterza & Figli, 2016. 269 p.
43. Giannelli G. Trattato di storia romana. 5 ed. Bologna : Patron, 1976. 523 p.

44. Огилви Р.-М., Драммонд Э. Источники по ранней истории Рима // Кембриджская история Древнего мира. Т. 7, Ч. 2. М.: Ладомир, 2015. С. 11–46.
45. Salmon E.T. *Il Sannio e i Sanniti*. Torino: G. Einaudi, 1995. 462 p.
46. Engerbeaud M. *Rome devant la défaite (753–264 avant J.-C.)*. Paris: Les Belles lettres, 2017. 590 p.
47. Rubincam C. New and Old Approaches to Diodoros: Can They Be Reconciled? // *Diodoros of Sicily: Historiographical Theory and Practice in the «Bibliothèque»*. Leuven; Paris; Bristol: Peeters, 2018. P. 13–39.
48. Сидорович О.В. *Анналисты и антиквары: римская историография конца III–I вв. до н.э.* М.: ПГТУ, 2005. 289 с.
49. Pflug K. *Diodor und Livius als Quellen für den zweiten Samniterkrieg*. Waldenburg: Paul Schmidt, 1889. 16 s.
50. Sigwart G. *Römische Fasten und Annalen bei Diodor: Ein Beitrag zur Kritik der älteren republikanischen verfassungsgeichte*. Greifswald: Druck von Julius Abel, 1906. 56 s.
51. Briquel D., Brizzi G. *La marche vers le sud // Histoire romaine*. Paris: Fayard, 2000. Vol. 1. P. 245–292.
52. Mazzarino S. *Il pensiero storico classico*. Roma; Bari: Laterza, 1973. Vol. II.1. 542 p.
53. Bispham E., Northwood S. C. *Acilius // The Fragments of the Roman Historians*. Vol. 1: Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 224–226.
54. Diodorus Siculus. *Library of History*. Vol. X: books 19.66–20 / tran. by R.M. Geer. 1954. 480 p.
55. Ambrosetti M.Q. *Claudio Quadrigario Annali: Introduzione, edizione critica e comment*. Roma: Accademia Nazionale dei Lincei, 2009. 425 p.
56. Libourel J.M. A Battle of Uncertain Outcome in the Second Samnite War // *The American Journal of Philology*. 1973. Vol. 94, № 1. P. 71–78.
57. Rich J. Valerius Antias and the construction of the Roman past // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 2005. Vol. 48. P. 137–161.
58. Rich J. Valerius Antias // *The Fragments of the Roman Historians*. Vol. 1: Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 293–304.
59. Oakley S. *A Commentary on Livy books VI–X*. Vol. 3: Book IX. Oxford: Clarendon Press, 2005. 758 p.
60. Small A. Changes in the pattern of settlement and land use around Gravina and Monte Irsi (4th century BC – 6th century AD) // *Modalità insediative e strutture agrarie nell'Italia meridionale in età romana*. Bari: Edipuglia, 2001. P. 36–53.
61. Walsh P.G. *Livy: His Historical Aims and Methods*. Cambridge: Cambridge University Press, 1961. 301 p.
62. Drummond A.T. *Pomponius Atticus // The Fragments of the Roman Historians*. Vol. 1: Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 344–353.

References

1. Spoerri, W. (1991) *Diodorea. Museum Helveticum: schweizerische Zeitschrift für klassische Altertumswissenschaft*. Bd. 48, H. 4. S. 310–319.
2. Rathmann, M. (2016) *Diodor und seine «Bibliothek»: Weltgeschichte aus der Provinz*. Berlin: de Gruyter.
3. Strogetskiy, V.M. (1983) Diodor Sitsiliyskiy i ego «Istoricheskaya biblioteka» v otsenke istoriografii [Diodorus Siculus and his «Historical Library» in the assessment of historiography]. *Vestnik drevney istorii*. 4. pp. 176–186.
4. Peter, C. (1879) *Zur Kritik der Quellen der älteren römischen Geschichte*. Halle: Buchhandlung des Waisenhauses.
5. Wachsmuth, C. (1892) *Über das Geschichtswerk des Sikelioten Diodoros*. Bd. II. Leipzig: Alex. Edelmann.
6. Klotz, A. (1937) *Diodors römische Annalen. Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*. Bd. 86. S. 206–224.
7. Wachsmuth, S. (1895) *Einleitung in das studium der alten Geschichte*. Leipzig: Verlag von S. Hirzel.
8. Mess, A. (1906) *Untersuchungen über die Arbeitsweise Diodors. Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*. Bd. 61. S. 244–266.
9. De Sanctis, G. (1907) *Storia dei Romani*. Vol. 1. Milano; Torino; Roma: Fratelli Bocca.
10. Pais, E. (1898) *Storia di Roma*. Vol. I, Parte I. Torino: Carlo Glauzen.
11. Bader, J. (1890) *De Diodori rerum Romanarum auctoribus*. Lipsiae: Typis M. Hoffmanni.
12. Beloch, K.J. (1926) *Römische Geschichte bis zum Beginn der punischen Kriege*. Leipzig: De Czirnyer & Co.
13. Altheim, F. (1950) *Diodors römische Annalen. Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*. Bd. 93. S. 267–286.
14. Mommsen, Th. (1878) *Fabius und Diodor. Hermes*. Bd. 13. S. 305–330.
15. Schwartz, E. (1903) *Diodoros 38. Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. V, H. 1. S. 663–704.
16. Rosenberg, A. (1921) *Einleitung und quellenkunde zur römischen geschichte*. Berlin: Weidmann.
17. Meyer, E. (1882) *Untersuchungen über Diodor's römische Geschichte. Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*. Bd. 37. S. 610–627.
18. Matzat, H. (1883) *Römische chronologie*. Bd. I. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.
19. Clason, O. (1872) *Die römische Quelle Diodors von Sicilien. Heidelberger Jahrbücher der Literatur*. Bd. 2. S. 835–841.
20. Bröcker, L.O. (1879) *Untersuchungen über Diodor*. Gütersloh: Drud und Verlag von C. Bertelsmaun.
21. Nitzsch, K.W. (1873) *Die römische Annalistik von ihren ersten Anfängen bis auf Valerius Antias: kritische Untersuchungen zur Geschichte der älteren Republik*. Berlin: Gebrüder Borntraeger.
22. Perl, G. (1957) *Kritische Untersuchungen zu Diodors römischer Jahrzahlung*. Berlin: Akademie Verlag.
23. Ambaglio, D. (1995) *La Biblioteca storica di Diodoro Siculo. Problemi e metodo*. Como: New Press.
24. Dudziński, A. (2021) Współczesne Studia Nad Diodorem Sycylijskim. In *Gremium. Studia nad Historią, Kulturą i Polityką*. 15. pp. 27–43.
25. Bizière, F. (1974) Comment travaillait Diodore de Sicile. *Revue des Études Grecques*. 87. pp. 369–374.
26. Trofimov, M.P. (2007) Sistema khronologii Diodora Sitsiliyskogo [The chronology system of Diodorus Siculus]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika*. 4. pp. 14–22.
27. Ambaglio, D., Landucci, F. & Bravi, L. (2008) *Diodoro Siculo. Biblioteca storica: commento storico. Introduzione generale*. Milano: Vita e Pensiero.
28. Chamoux, F. (1990) Un historien mal-aimé: Diodore de Sicile. *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*. 3. pp. 243–252.
29. Sacks, K. (1994) Diodorus and his Sources: Conformity and Creativity. In: *Greek Historiography*. Oxford: Clarendon Press. pp. 213–232.
30. Scardino, C. (2014) *Historiographie*. In: *Handbuch der griechischen Literatur der Antike*. Bd. 2. München: C.H. Beck. S. 617–677.
31. Cassola, F. (1982) Diodoro e la storia romana. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. II (30.1). pp. 724–773.
32. Sacks, K. (1990) *Diodorus Siculus and the First Century*. Princeton: Princeton University Press.
33. Chamoux, F. (1993) Introduction générale. Diodore: l'homme et l'œuvre. In: *Diodore de Sicile Bibliothèque Historique*. Livre I. Paris: Les Belles Lettres. pp. VII–LXXVI.
34. Ruschenbusch, E. (1997) Die Sprache der Vorlagen Diodors für die römische Geschichte. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. Bd. 46, H. 2. S. 185–195.
35. Palm, J. (1955) *Über Sprache und Stil des Diodoros von Sizilien*. Lund: Gleerup.
36. Sacks, K. (1982) The lesser prooemia of Diodorus Siculus. *Hermes*. Bd. 110. P. 434–443.
37. Marincola, J. (2007) Universal History from Ephorus to Diodorus. In: *A companion to Greek and Roman Historiography*. Vol. I. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell. pp. 171–179.
38. Rusconi, M. (1975) Le notizie romane di Diodoro e gli Annales Maximi. In: *Storiografia e propaganda. Contributi del Istituto di Storia Antica*. Milan: Università Cattolica del Sacro Cuore. pp. 105–110.
39. Schwartz, E. (1959) *Griechische Geschichtsschreiber*. Leipzig: Koehler & Amelang.
40. Bokshchanin, A.G. (1981) *Istochnikovedenie Drevnego Rima* [Source studies of Ancient Rome]. Moscow: Moscow State University.

41. Timpe, D. (1972) Fabius Pictor und die Anfänge der römischen Historiographie. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Bd. 1, No. 2. S. 928–969.
42. Zecchini, G. (2016) *Storia della storiografia romana*. Bari: Gius. Laterza & Figli.
43. Giannelli, G. (1976) *Trattato di storia romana*. 5 ed. Bologna: Patron.
44. Ogilvie, R.-M. & Drummond, A. (2015) Istochniki po ranney istorii Rima [Sources for the Early History of Rome]. In: *Kembridzhskaya istoriya Drevnego mira* [The Cambridge Ancient History]. Vol. 7, Part 2. Moscow: Ladomir. pp. 11–46.
45. Salmon, E.T. (1995) *Il Sannio e i Sanniti*. Torino: G. Einaudi.
46. Engerbeaud, M. (2017) *Rome devant la défaite (753–264 avant J.-C.)*. Paris: Les Belles lettres.
47. Rubincam, C. (2018) New and Old Approaches to Diodoros: Can They Be Reconciled? In: *Diodoros of Sicily: Historiographical Theory and Practice in the "Bibliothèque"*. Leuven; Paris; Bristol: Peeters. pp. 13–39.
48. Sidorovich, O.V. (2005) *Annalists i antikvary: rimskaya istoriografiya kontsa III–I vv. do n.e.* [Annalists and Antiquarians: Roman Historiography of the Late 11th–12th Centuries BC]. Moscow: RSUH.
49. Pflug, K. (1889) *Diodor und Livius als Quellen für den zweiten Samniterkrieg*. Waldenburg: Paul Schmidt.
50. Sigwart, G. (1906) *Römische Fasten und Annalen bei Diodor: Ein Beitrag zur Kritik der älteren republikanischen verfassungsgechichte*. Greifswald: Druck von Julius Abel.
51. Briquel, D. & Brizzi, G. (2000) La marche vers le sud. In: *Histoire romaine*. Vol. 1. Paris: Fayard. pp. 245–292.
52. Mazzarino, S. (1973) *Il pensiero storico classico*. Vol. II.1. Roma; Bari: Laterza.
53. Bispham, E. & Northwood, S.C. (2013) Acilius. In: *The Fragments of the Roman Historians*. Vol. 1: Introduction. Oxford: Oxford University Press. pp. 224–226.
54. Diodorus Siculus. (1954) *Library of History*. Vol. X: books 19.66–20. Tran. by R.M. Geer.
55. Ambrosetti, M.Q. (2009) *Claudio Quadrigario Annali: Introduzione, edizione critica e comment*. Roma: Accademia Nazionale dei Lincei.
56. Libourel, J.M. (1973) A Battle of Uncertain Outcome in the Second Samnite War. *The American Journal of Philology*. 94 (1). pp. 71–78.
57. Rich, J. (2005) Valerius Antias and the construction of the Roman past. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 48. pp. 137–161.
58. Rich, J. (2013) Valerius Antias. In: *The Fragments of the Roman Historians*. Vol. 1: Introduction. Oxford: Oxford University Press. pp. 293–304.
59. Oakley, S. (2005) A Commentary on Livy books VI–X. Vol. 3: Book IX. Oxford: Clarendon Press.
60. Small, A. (2001) Changes in the pattern of settlement and land use around Gravina and Monte Irsi (4th century BC – 6th century AD). In: *Modalità insediative e strutture agrarie nell'Italia meridionale in età romana*. Bari: Edipuglia. pp. 36–53.
61. Walsh, P.G. (1961) *Livy: His Historical Aims and Methods*. Cambridge: Cambridge University Press.
62. Drummond, A.T. (2013) Pomponius Atticus. In: *The Fragments of the Roman Historians*. Vol. 1: Introduction. Oxford: Oxford University Press. pp. 344–353.

Информация об авторе:

Черкасов А.И. – аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Россия). E-mail: arteomcherckasov@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1030-197X

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.I. Cherkasov, postgraduate student, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: arteomcherckasov@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1030-197X

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024;
одобрена после рецензирования 14.06.2024; принята к публикации 30.07.2024.

The article was submitted 19.04.2024;
approved after reviewing 14.06.2024; accepted for publication 30.07.2024.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 372.881.1
doi: 10.17223/15617793/504/17

Иноязычный мультимодальный текст как основа разработки учебных материалов для цифровой образовательной среды вуза

Нора Григорьевна Кац¹, Анна Владимировна Рубцова², Валерий Факильевич Аитов³

^{1,2} Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

³ Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Уфа, Россия

¹ kats_ng@spbstu.ru

² rubtsova_av@spbstu.ru

³ valerie.aitov@mail.ru

Аннотация. Анализируется понятие мультимодального текста с позиций лингвистики и лингводидактики. Определяются научные подходы к изучению мультимодальных текстов в современных лингводидактических исследованиях. Предлагаются критерии отбора мультимодальных текстов для образовательных целей. Анализируется методический потенциал информационно-коммуникационных технологий, используемых для проектирования и интеграции иноязычных мультимодальных текстов в практику обучения иностранному языку в вузе.

Ключевые слова: мультимодальный текст, поликодовый текст, мультимодальная грамотность, мультимодальное обучение, социальная семиотика, цифровая образовательная среда

Для цитирования: Кац Н.Г., Рубцова А.В., Аитов В.Ф. Иноязычный мультимодальный текст как основа разработки учебных материалов для цифровой образовательной среды вуза // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 156–163. doi: 10.17223/15617793/504/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/17

Multimodal text as the basis of instructional material design in an academic digital environment

Nora G. Kats¹, Anna V. Rubtsova², Valeriy F. Aitov³

^{1,2} Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

³ Akmuulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russian Federation

¹ kats_ng@spbstu.ru

² rubtsova_av@spbstu.ru

³ valerie.aitov@mail.ru

Abstract. With the active development of information and communication technologies, multimodality has become a distinctive feature of modern human communication. Multimodality can be considered as the use of various semiotic resources and communication channels in the process of human interaction within traditional and digital environments. Multimodality is approached from various theoretical perspectives. Thus, linguists focus on the communicative features and structure of multimodal or polycode texts, sociologists analyze the specifics of communication flow in a multimodal discourse, and educators investigate the instructional potential of multimodal texts for learning and teaching purposes. Being unique in its nature, a polycode text as a product of multimodal discourse is gaining particular attention in language pedagogy and instructional design for digital environments. The aim of this study is to analyze the instructional potential of multimodal texts in teaching foreign languages, namely, to consider the methodological and technological aspects of their design and effective use in the process of language training at the university. The research is based on the analysis of psychological and pedagogical literature and language coursebooks, as well as on the experience gained with the use of various technologies in a language classroom. This analysis allows for consideration of a multimodal text as an interdisciplinary scientific concept that lays the theoretical foundation for multimodal literacy and multimodal learning theories. The results of the study include an instructional analysis of modern digital tools used for creating educational multimodal content for traditional and digital environments. These tools include such digital apps as PlayPosit, LearningApps.org, Picktochart.com, and Visme.co. The authors identify the instructional design objectives, analyze the technological potential of these digital tools, propose criteria for the selection of multimodal texts for educational purposes, and identify the key advantages of integrating multimodal texts into a learning environment. Despite the extensive scientific interest in this topic, some issues require further research. First of all, there is a need for the design of a multimodal text typology for educational purposes. Besides that, the technological model for

the development of multimodal content requires further consideration. Additionally, considering the evolving scientific interest in learners' communicative multimodal competence in language education and its practical value for interaction in the modern blended communicative space, the instructional framework and strategies for its development might constitute a new strand of research.

Keywords: multimodal text, polycode text, multimodal literacy, multimodal learning, social semiotic, digital learning environment

For citation: Kats, N.G., Rubtsova, A.V. & Aitov, V.F. (2024) Multimodal text as the basis of instructional material design in an academic digital environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 156–163. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/17

Введение

С активным развитием информационно-коммуникационных технологий отличительной чертой социальной коммуникации становится мультимодальность. С точки зрения коммуникативистики мультимодальность подразумевает использование различных каналов коммуникации и знаковых систем для создания и передачи смыслов и значений, обусловленных различными контекстами взаимодействия (социальным, культурным, бытовым и др.) и информационно-коммуникационной средой [1]. Примерами мультимодальных объектов могут служить видео с субтитрами, переписка между людьми с гифками и эмоджи в цифровой среде, объекты изобразительного и исполнительского искусства, или тексты с иллюстрациями, которые в совокупности создают единое коммуникативно-смысловое пространство. На современном этапе в коммуникативной лингвистике мультимодальность как ключевое свойство текстов и коммуникации в целом активно исследуется учеными, в частности применительно к медиадискурсу (рекламному, политическому, новостному) [2–8]. Определяется функциональная специфика мультимодальных текстов, исследуются их жанровые особенности и семиотическая структура. В лингводидактике мультимодальность представляется когнитивно-коммуникативной характеристикой современного образовательного процесса, исследование которой подразумевает анализ не только лингвистических и коммуникативных характеристик текстов как продуктов дискурса, но и когнитивных механизмов, задействованных в их восприятии и интерпретации, а также дидактических основ разработки и использования мультимодальных текстов как единиц и средств обучения [9, 10]. Цель настоящего исследования заключается в анализе дидактического потенциала мультимодальных текстов в обучении иностранному языку, в частности в рассмотрении методических и технологических аспектов их разработки и эффективного использования в процессе языковой подготовки в вузе.

Методы и материалы

Исследование опирается на анализ психолого-педагогической литературы и учебно-методических комплексов, а также опыт практического использования различных информационно-коммуникационных ресурсов в практике обучения иностранному языку. Теоретический анализ и обобщение научного и практического опыта позволяют сделать выводы относительно методического потенциала иноязычных мультимодальных текстов для образовательных целей.

Результаты и обсуждение

Мультимодальность как объект лингвистического исследования. С точки зрения коммуникативной лингвистики мультимодальность – свойство текста, в структуре которого присутствуют как вербальные, так и невербальные компоненты. Такой текст включает в себя информацию, передаваемую различными знаковыми системами и каналами коммуникации, к примеру, звуком, иллюстрациями, музыкой или жестами [11, 12]. В работах Г. Кресса мультимодальность понимается как взаимодействие нескольких семиотических модусов (система значений – речь, жесты, шрифты, цвет, интонация и др), используемых для создания объекта коммуникации. В отечественных исследованиях мультимодальный текст трактуется как текст, состоящий из неомогенных частей, в частности вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам) [1, 13]. Функциональная специфика мультимодальных текстов заключается в создании и реконструкции целостного коммуникативного пространства посредством передаваемых социально значимых и контекстно обусловленных смыслов.

В работах по теории коммуникации мультимодальность рассматривается как ее атрибутивное свойство. Мультимодальным является как устный, так и письменный дискурс, поскольку включает в себя различные системы кодов для передачи значимой информации и конструирования смыслов [1, 8, 11]. Интересная точка зрения обосновывается в работах зарубежных исследователей, которые, оставаясь в рамках социально-семиотической методологии исследования, рассматривают мультимодальность как (1) коммуникативную компетенцию, которая подразумевает различение смысла посредством «транскрибирования» – комментирования, объяснения или перефразирования сообщений из одной знаковой системы в другую; (2) семиотико-когнитивную деятельность, подразумевающую формирование и следование правилам при создании и интерпретации текстов [14, 15].

Анализ мультимодальных текстов предполагает рассмотрение его визуальной и лингвистической составляющих. Методика анализа мультимодальных текстов в рамках коммуникативистики опирается на подходы в области социальной семиотики и дискурс-анализа и подразумевает выявление целей, мотивации и причин создания сообщения, а также обнаружение и определение взаимосвязи имплицитного и эксплицитного содержания текста на основании принципа целостного рассмотрения и учета различных семиотических систем и модальностей [1, 11, 13, 16, 17].

При анализе визуального компонента особое внимание уделяется графическому оформлению, в частности используемым цветам, шрифтам и их размеру, композиционно-пространственной организации текста и иллюстраций, а также визуальным метафорам, отражающим скрытые или косвенные послания текста [18]. Лингвистический анализ мультимодальных текстов обусловлен исследовательским интересом к его дискурсивно-прагматическим характеристикам и имплицатуре, а также к когнитивным особенностям восприятия подобных текстов. Так, в исследованиях отмечается, что современный образ мышления подразумевает активное использование поликодовых (мультимодальных) комбинаций в процессе коммуникации [19]. В этой связи особый интерес представляет разработка алгоритма когнитивной обработки (декодирования) сообщения, который предположительно включает в себя первичную структурную обработку текста, декодирование визуальной составляющей сообщения, и последующие этапы лексической и семантической обработки текста [20].

Мультимодальность как объект лингводидактического исследования. В лингводидактических исследованиях мультимодальные тексты зачастую рассматриваются в качестве средств и единиц обучения [21, 22]. Использование подобных текстов в обучающем процессе обеспечивает возможность формирования и развития определенных коммуникативных умений посредством варьирования или целесообразного сочетания различных семиотических ресурсов и каналов коммуникации. Однако само понятие мультимодальности в лингводидактике имеет достаточно широкую трактовку. Мультимодальность выступает в качестве концептообразующей категории мультимодального обучения, теоретико-методологическую основу которого составляют положения теорий медиа и мультимодальной грамотности, теории учебных (познавательных) стилей, а также технологии обучения, в том числе для цифровой образовательной среды. В рамках указанных теоретических направлений исследуются процессы и явления педагогической действительности, к примеру, наиболее эффективные способы предъявления учебной информации с учетом различных коммуникационных каналов и познавательных стилей обучающихся, методические характеристики информационно-коммуникационных технологий для создания образовательного (медиа)контента, стратегии одновременного представления учебной информации с использованием различных знаковых систем, умения обучающихся и преподавателей создавать и интерпретировать мультимодальные тексты (мультимодальная грамотность).

В исследованиях, посвященных использованию мультимодальных текстов в практике языковой подготовки, возможно обозначить два основных вектора: (1) разработка методики формирования коммуникативной мультимодальной компетенции обучающихся, в частности формирование умений создания и интерпретации смыслов, передаваемых средствами различных знаковых систем, с учетом жанровых, прагматических и дискурсивных особенностей коммуникации [23, 24];

(2) систематизация принципов разработки мультимодальных текстов для образовательных целей, анализ методического потенциала современных информационно-коммуникационных технологий, используемых для создания и трансляции мультимодальных текстов в образовательном процессе [25].

Учитывая технологичность и поликодовость образовательного процесса и коммуникации на современном этапе, мультимодальный текст в обучении иноязычному общению может выступать в качестве универсальной дидактической единицы, позволяющей интегрировать в образовательный процесс различные информационно-коммуникационные технологии с целью удержания внимания и мотивации обучающихся, обеспечивающей возможность формирования и развития не только коммуникативных умений обучающихся, но и умений более сложного когнитивного порядка, задействованных в создании и интерпретации смыслов, передаваемых различными знаковыми системами и каналами коммуникации.

В зависимости от преобладающего модуса коммуникации представляется возможным выделить виды мультимодальных текстов: (1) печатные тексты (printed multimodal texts), включающие письменно зафиксированный текст и иллюстрации; примерами таких текстов могут служить комиксы, книги, учебная литература, постеры и т.д.; (2) цифровые тексты (digital multimodal texts), объединяющие как вербальный, так и визуальный или аудиовизуальный ряд, создаваемые и транслируемые посредством информационно-коммуникационных технологий; примерами таких текстов выступают интерактивные видео, инфографика и т.д.; (3) синхронные аудиовизуальные тексты (live multimodal texts), содержащие в себе семиотически гетерогенные сообщения, предназначенные для зрительно-слухового восприятия; примерами таких текстов могут быть театральные постановки. В настоящий момент отсутствует единая типология мультимодальных текстов для образовательных целей, однако в диссертационном исследовании О.Ф. Кривенко, посвященном использованию цифровых мультимодальных текстов в обучении РКИ, обосновываются методические принципы работы с семиотически неоднородными текстами в процессе языковой подготовки обучающихся, в частности, с инфографикой, лонгридом и видеоскрайбингом [26].

Основываясь на социально-семиотическом подходе к анализу коммуникации и текстов как продуктов дискурса, K. Danielsson и S. Selander разработали методическую модель, ориентированную на формирование умений мультимодальной грамотности, которая может быть интегрирована в учебный процесс при изучении различных дисциплин (таблица) [25]. Следует отметить, что этапы работы с мультимодальными текстами перекликаются с идеями других исследователей относительно алгоритмов когнитивной обработки и декодирования сообщений поликодового текста.

Данная модель может быть интегрирована в практику обучения иностранному языку, в частности, при формировании и развитии рецептивных умений обучающихся, однако представляется необходимым ее доработка с учетом целей и продуктивной направленности современного иноязычного образования.

Методическая модель формирования умений мультимодальной грамотности

Этап	Элементы мультимодального текста (Multimodal text focus)	Стратегия совместной работы в классе (Classroom focus)
1. Анализ организационно-композиционной структуры текста: визуальные элементы текста, структура и композиция текста, взаимодействие вербальных и невербальных элементов текста	Тематическая направленность и последовательность предъявления информации (сообщений): о чем текст и какова его структура? Что выражает каждый из его структурных элементов? (изображения, схемы, заголовки, вводный абзац и т.д.)	Изучение различных частей текста, их структуры и содержания
	Расстояние / близость и связность между вербальным элементом и другими знаковыми системами. Конгруэнтность и связность понятий, описаний и объяснений	Анализ взаимодействия вербального и невербального элементов текста, определение ключевых аспектов (смысловых доминант) содержания текста
2. Лингвистический анализ текста: риторические и стилистические приемы, используемые в вербальном элементе текста	Какие используются аналогии и метафоры?	Деконструкция образного языка: каков прагматический эффект использования риторических и стилистических приемов? Способствует ли их использование осмыслению содержания текста?
3. Эксплицитный и имплицитный смысл текста: фрейминг, культурные ценности и нормы, стереотипы, позиция автора и т.д.	Эксплицитный и имплицитный смысл текста	Анализ фреймов, оппозиций, имплицитности текста

Примечание: перевод и дополнение авторов.

Несмотря на широкий исследовательский интерес к проблеме использования мультимодальных текстов в обучении иноязычной коммуникации, остаются дискуссионными ряд методических вопросов относительно критериев отбора мультимодальных текстов для образовательных целей, технологической модели разработки мультимодального контента, а также методического потенциала существующих информационно-коммуникационных технологий, которые могут быть использованы в цифровой образовательной среде.

Основываясь на анализе современных методических пособий, а также научно-практическом опыте отечественных и зарубежных исследователей, обозначим ключевые критерии отбора мультимодальных текстов для образовательных целей в контексте языковой подготовки обучающихся:

- лингвистическая и информационная ценность текста;
- наличие коммуникативного и когнитивного стиля в содержании текста;
- соответствие текста уровню языковой и общекультурной подготовки обучающихся;
- соответствие текста интересам обучающихся;
- наличие в тексте различных семиотических ресурсов;
- целесообразность использования текста с учетом требований учебной программы.

Обозначенные критерии позволят методически целесообразно осуществить отбор или адаптацию мультимодального текста для его последующего использования в практике обучения иностранному языку.

Информационно-коммуникационные технологии в разработке иноязычных мультимодальных текстов для образовательных целей. Исследователи и методисты, интегрирующие информационно-коммуникационные технологии в учебный процесс, обращаются к различным ресурсам, позволяющим разрабатывать и адаптировать учебный материал к специфике цифровой образовательной среды.

В работах, касающихся анализа методического потенциала современных сервисов, рассматриваются различные технологии, которые могут быть эффективно использованы преподавателем: (1) для планирования познавательной и творческой деятельности обучающихся; (2) работы с текстами различных жанров (извлечение информации, комментирование, сжатие информации текста и т.д.); (3) систематизации и обобщения учебной информации; (4) разработки учебных материалов; (5) обеспечения обратной связи; (6) создания условий в цифровой образовательной среде для обучения монологической и диалогической речи на иностранном языке; (7) оценивания и контроля приобретенных знаний и умений [27, 28].

Рассмотрим подробнее несколько сервисов, которые могут быть использованы для разработки учебных материалов, в частности для создания иноязычных мультимодальных текстов. Разработанные материалы могут быть интегрированы в учебный процесс на базе системы управления обучением «Moodle» в цифровой образовательной среде.

А. Бесплатный конструктор интерактивного видео PlayPosit (<https://go.playposit.com/>). Данный конструктор позволяет создавать интерактивные видео для обучающихся, используя самостоятельно записанные видео или видео со сторонних сервисов (YouTube, Vimeo и др.). Принцип работы платформы достаточно прост. Необходимо зарегистрироваться на сайте платформы, выбрав роль преподавателя (Instructor) и ответив на обязательные вопросы от разработчиков сервиса. После регистрации аккаунта возможно приступить к созданию учебного мультимодального контента. Рис. 1 демонстрирует способ добавления видео с сервиса YouTube при помощи ссылки.

После загрузки ссылки сервис позволяет создавать различные интерактивные задания к видеоматериалу. К примеру, функция «дискуссия» позволяет обучающимся добавлять собственные комментарии и комментировать идеи других обучающихся во время просмотра видео. При этом сервис предлагает минимальные требования к участию обучающихся в групповом обсуждении содержания видео (рис. 2).

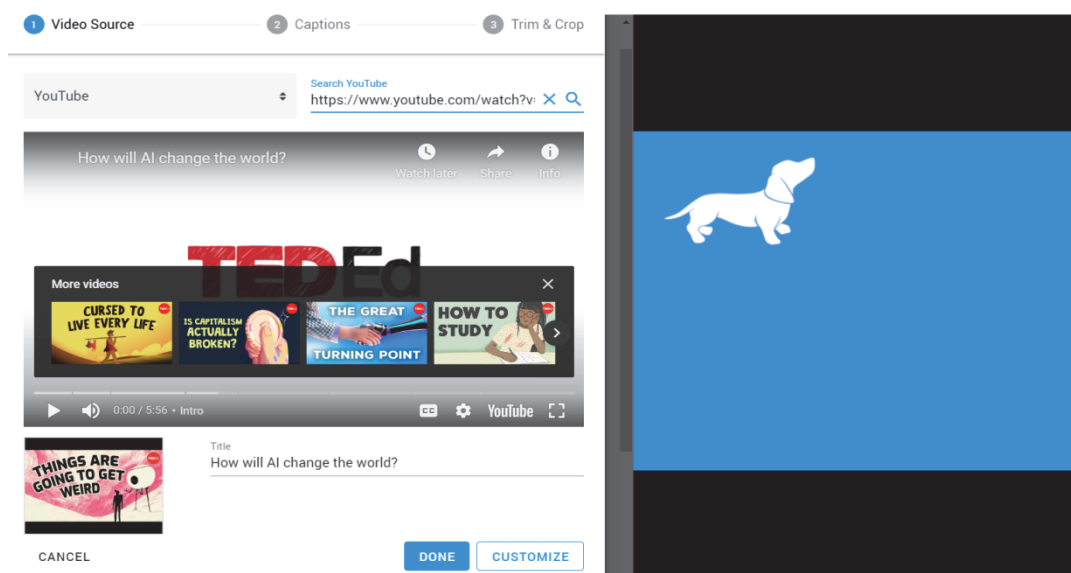

Рис. 1. Сервис PlayPosit

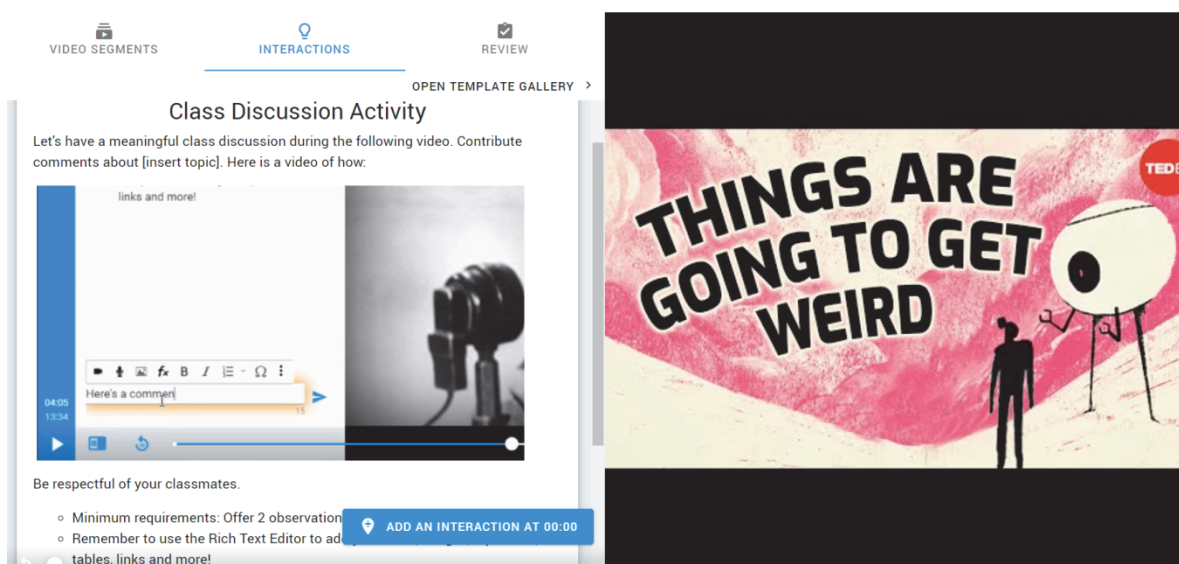

Рис. 2. Создание учебного мультимодального контента на платформе PlayPosit

Рис. 3. Учебный мультимодальный контент на платформе LearningApps.org

Б. Бесплатный сервис для создания интерактивных учебных материалов LearningApps.org. Этот сервис позволяет создавать учебный мультимодальный контент, используя визуальный материал, аудио- и письменный текст. Платформа предлагает различные форматы интерактивных упражнений, к примеру викторины, пазлы, таблицы соответствий и др. (рис. 3). После регистрации на платформе преподавателю доступен возможность создания собственных упражнений или использования банка уже разработанных заданий по различным тематическим направлениям и с учетом уровня подготовки обучающихся.

В. Бесплатные сервисы создания инфографики. В современном образовательном процессе используются различные виды инфографики, к примеру статистическая, сопоставительная, хронологическая, иерархическая, конспектная и др. Инфографика является наиболее востребованным способом предъявления учебного

материала, а следовательно, наиболее распространенным видом учебного мультимодального текста. К наиболее удобным сервисам создания инфографики можно отнести Picktochart.com и Visme.co. Эти сервисы позволяют создавать разнообразную инфографику как самостоятельно, так и на основе уже готовых шаблонов. Конструктор содержит различные виджеты и изображения, использование которых обеспечивает системную презентацию визуальных элементов мультимодального текста, что, в свою очередь, облегчает восприятие содержания учебного материала. Функциональные возможности этих сервисов достаточно разнообразны; преподаватель имеет возможность подбирать цвет, шрифт и размер графических элементов, варьируя структуру и композицию мультимодального текста. Кроме этого, сервисы содержат рекомендации, помогающие пользователю конструировать инфографику с учетом его целей и потребностей (рис. 4).

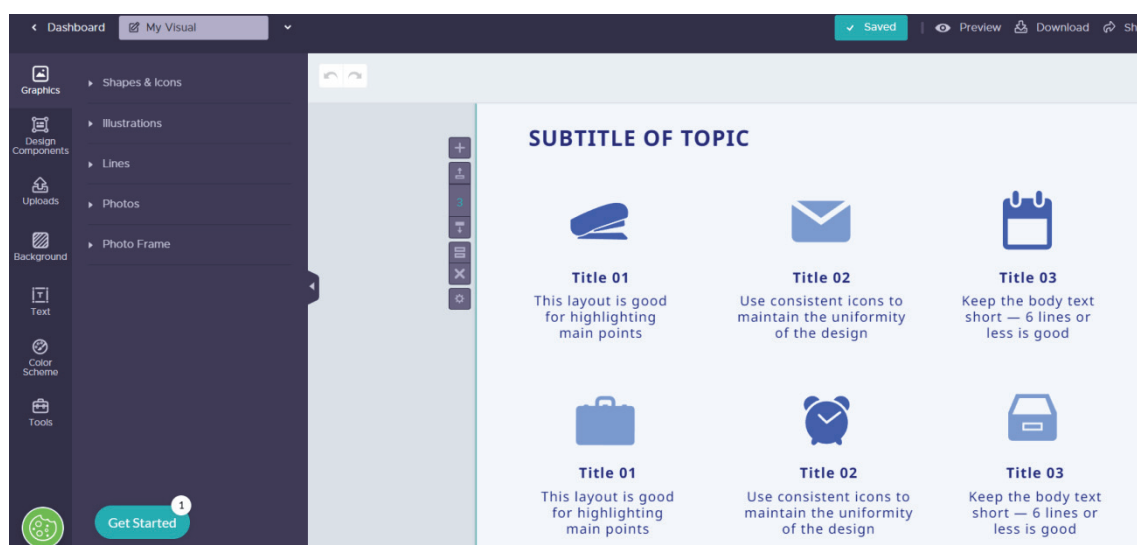

Рис. 4. Функциональные возможности конструктора Piktochart.com

Рассмотренные сервисы позволяют создавать разнообразные иноязычные мультимодальные тексты, отвечающие целям и задачам языковой подготовки обучающихся, для цифровой образовательной среды вуза.

Использование мультимодальных текстов в процессе обучения иностранному языку обогащает учебный процесс и создает ряд преимуществ при проектировании обучающих курсов в цифровой образовательной среде:

- упрощает процесс восприятия и переработки учебной информации обучающимися;
- способствует развитию универсальных и надпрофессиональных умений обучающихся;
- позволяет варьировать и адаптировать содержание обучения за счет включения в образовательный процесс различных семиотических ресурсов и каналов коммуникации;
- обеспечивает возможность проектирования учебного процесса на интерактивной основе;
- позволяет внедрять различные информационно-коммуникационные технологии в учебный процесс, учитывая цели и задачи обучения.

Заключение

Мультимодальность как ключевое свойство современной коммуникации привлекает все большее внимание лингвистов и методистов.

Анализ работ по проблеме разработки и использования мультимодальных текстов в практике обучения иноязычному общению позволяет заключить, что данные тексты являются неотъемлемой частью учебного процесса, проектируемого в цифровой образовательной среде, выступая в качестве единиц и средств обучения.

Несмотря на то, что использование мультимодальных текстов в учебно-познавательном процессе имеет ряд существенных преимуществ, некоторые методические вопросы все же требуют дальнейшего осмысления.

Это касается создания типологии мультимодальных текстов для образовательных целей, технологической модели разработки мультимодального контента, методики формирования коммуникативной мультимодальной компетенции обучающихся.

Теоретическое и практическое рассмотрение обозначенных вопросов позволит в дальнейшем создавать эффективные системы мультимодального обуче-

ния, способствующие развитию компетенций, востребованных в различных сферах профессиональной деятельности.

Список источников

- Kress G. *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. L.; N. Y. : Routledge. 2010. 236 p. doi: 10.1080/10572252.2011.551502
- Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования IV. М., 2010. С. 134–152.
- Козловский Д.В. Особенности синергии мультимодальных эвиденциальных смыслов в пространстве массмедийного новостного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 5 (860). С. 37–45. doi: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_37
- Клушина Н.И. Мультимедиа-код языка и его роль в политической лингвистике // Политическая лингвистика. 2020. № 6 (84). С. 19–25. doi: 10.26170/pl20-06-02
- Сорокина Ю.В. Понятие мультимодальности и вопросы анализа мультимодального лекционного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (76), ч. 1. С. 168–170.
- Дубовицкая М.А. Американский графический роман: мультимодальность и идентичность // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 3. С. 228–246. doi: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-228-246
- Блинова О.А. Обложка журнала как мультимодальный текст // Научный диалог. 2019. № 5. С. 9–24. doi: 10.24224/2227-1295-2019-5-9-24
- Махова В.В., Занина О.Н. Мультимодальность как объект в зарубежных лингвистических исследованиях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11, № 3. С. 38–53.
- Danielsson K., Selander S. *Multimodal Texts in Disciplinary Education: A Comprehensive Framework*. Switzerland : Springer, 2021. 138 p. doi: 10.1007/978-3-030-63960-0
- Mayer R.E. *Cognitive theory of multimedia learning* // Mayer R.E. (Ed.) *The Cambridge handbook of multimedia learning*. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. P. 31–48.
- Leeuwen T. van. *Introducing Social Semiotics*. L. : Routledge, 2005. 320 p.
- Омельяненко В.А., Ремчукова Е.Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности // Коммуникативные исследования. 2018. № 3 (17). С. 66–78. doi: 10.25513/2413-6182.2018.3.66-78
- Kress G., Selander S. Multimodal design, learning and cultures of recognition // *The Internet and Higher Education*. 2012. Vol. 15 (4). P. 265–268.
- Куницына О.М. Мультимодальность и основы визуальной лингвистики в работах Х. Штекля // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 9. С. 2838–2842.
- Stöckl H. Linguistic multimodality – multimodal linguistics: A state of-the-art sketch // *Multimodality: Disciplinary Thoughts and the Challenge of Diversity* / ed. by J. Wildfeuer, J. Pflaeging, J. Bateman, O. Seizov, C. Tseng. Berlin : De Gruyter, 2019. P. 41–68.
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М. : Высшая школа, 1990. С. 180–186.
- Royce T.D., Bowcher W. *New Directions in the Analysis of Multimodal Discourse* (1st ed.). Routledge, 2006. 416 p.
- Глебова Л.Н., Платонова Ю.А. Мультимодальный образовательный текст массовых открытых онлайн-курсов (МООК): рекомендации по визуализации контента // Научный диалог. 2016. № 10 (58). С. 338–350.
- Ариас А.-М. Поликодовый текст как семиотико-семантическое и эстетическое знаковое единство (на примере немецкой карикатуры) // Известия СПбГЭУ. 2011. № 6. С. 4–5.
- Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М. : Ин-т языкознания РАН, 2005. 219 с.
- Kitson L. Reconceptualising Understandings of Texts, Readers and Contexts: One English Teacher's Response to Using Multimodal Texts and Interactive Whiteboards // *English in Australia*. 2011. Vol. 46 (3). P. 76–86.
- Fenglin Liu, Shen Ge, Xian Wu. Competence-based Multimodal Curriculum Learning for Medical Report Generation // *Proceedings of the 59th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 11th International Joint Conference on Natural Language Processing (Volume 1: Long Papers)*. 2021. P. 3001–3012.
- Хачатрян Г.С. Мультимодальный текст: дидактический потенциал в обучении иноязычному общению в деловой среде // Преподаватель XXI век. 2021. № 3, ч. 1. С. 113–121. doi: 10.31862/2073-9613-2021-3-113-121
- Cocetta F. Developing university students' multimodal communicative competence: Field research into multimodal text studies in English // *System*. 2018. Vol. 77. P. 19–27. doi: 10.1016/j.system.2018.01.004
- Danielsson K., Selander S. *Reading Multimodal Texts for Learning – a Model for Cultivating Multimodal Literacy* // *Designs for Learning*. 2016. Vol. 8 (1). P. 25–36. doi: 10.16993/dfl.72
- Кривенко О.Ф. Методический потенциал цифровых мультимодальных текстов в обучении РКИ : автореф. ... дис. канд. пед. наук. М., 2023. 23 с.
- Козловцева Н.А. Искусственный интеллект в обучении русскому языку как иностранному: опыт финансового университета // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 6 (103). С. 28–31.
- Семенова Д.А., Шпак А.Е. Технологии искусственного интеллекта в управлении обучением в цифровой образовательной среде // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2023) : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. 16–17 ноября 2023 г. / под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. М. : Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. С. 207–215.

References

- Kress, G. (2010) *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. London; New York: Routledge. doi: 10.1080/10572252.2011.551502
- Kibrik, A.A. (2010) Mul'timodal'naya lingvistika [Multimodal linguistics]. In: *Kognitivnye issledovaniya IV* [Cognitive Studies IV]. Moscow: Institute of Psychology RAS. pp. 134–152.
- Kozlovskiy, D.V. (2022) Osobennosti sinergii mul'timodal'nykh evidentsial'nykh smyslov v prostranstve massmediynogo novostnogo diskursa [Features of the synergy of multimodal evidential meanings in the space of mass media news discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 5 (860). pp. 37–45. doi: 10.52070/2542-2197_2022_5_860_37
- Klushina, N.I. (2020) Mul'timedial'nyy kod yazyka i ego rol' v politicheskoy lingvistike [Multimedia code of language and its role in political linguistics]. *Politicheskaya lingvistika*. 6 (84). pp. 19–25. doi: 10.26170/pl20-06-02
- Sorokina, Yu.V. (2017) Ponyatie mul'timodal'nosti i voprosy analiza mul'timodal'nogo lektzionnogo diskursa [The concept of multimodality and issues of analysis of multimodal lecture discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 10 (76). Part 1. pp. 168–170.
- Dubovitskaya, M.A. (2022) Amerikanskiy graficheskiy roman: mul'timodal'nost' i identichnost' [American graphic novel: multimodality and identity]. *Nauchnyy dialog*. 3 (11). pp. 228–246. doi: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-228-246

7. Blinova, O.A. (2019) Oblozhka zhurnala kak mul'timodal'nyy tekst [Magazine cover as a multimodal text]. *Nauchnyy dialog*. 5. pp. 9–24. doi: 10.24224/2227-1295-2019-5-9-24
8. Makhova, V.V. & Zanina, O.N. (2021) Mul'timodal'nost' kak ob'ekt v zarubezhnykh lingvisticheskikh issledovaniyakh [Multimodality as an object in foreign linguistic research]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*. 3 (11). pp. 38–53.
9. Danielsson, K. & Selander, S. (2021) *Multimodal Texts in Disciplinary Education: A comprehensive framework*. Switzerland: Springer. doi: 10.1007/978-3-030-63960-0
10. Mayer, R.E. (2005) Cognitive theory of multimedia learning. In: Mayer, R.E. (ed.) *The Cambridge Handbook of Multimedia Learning*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 31–48.
11. Leeuwen, T. van. (2005) *Introducing Social Semiotics*. London: Routledge.
12. Omel'yanenko, V.A. & Remchukova, E.N. (2018) Polikodovye teksty v aspekte teorii mul'timodal'nosti [Polycode texts in the aspect of multimodality theory]. *Kommunikativnye issledovaniya*. 3 (17). pp. 66–78. doi: 10.25513/2413-6182.2018.3.66-78
13. Kress, G. & Selander, S. (2012) Multimodal design, learning and cultures of recognition. *The Internet and Higher Education*. 15 (4). pp. 265–268.
14. Kunitsyna, O.M. (2021) Mul'timodal'nost' i osnovy vizual'noy lingvistiki v rabotakh Kh. Shtekla [Multimodality and the foundations of visual linguistics in the works of H. Stöckl]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 9 (14). pp. 2838–2842.
15. Stöckl, H. (2019) Linguistic multimodality – multimodal linguistics: a state of-the-art sketch. In: Wildfeuer, J. et al. (eds) *Multimodality: Disciplinary thoughts and the challenge of diversity*. Berlin: De Gruyter. pp. 41–68.
16. Sorokin, Yu.A. & Tarasov, E.F. (1990) Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function]. In: Kotov, R.G. (ed.) *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Optimization of Speech Impact]. Moscow: Vysshaya shkola. pp. 180–186.
17. Royce, T.D. & Bowcher, W. (2006) *New Directions in the Analysis of Multimodal Discourse*. Routledge.
18. Glebova, L.N. & Platonova, Yu.A. (2016) Mul'timodal'nyy obrazovatel'nyy tekst massovykh otkrytykh onlayn-kursov (MOOK): rekomendatsii po vizualizatsii kontenta [A. Multimodal educational text of massive open online courses (MOOC): recommendations for content visualization]. *Nauchnyy dialog*. 10 (58). pp. 338–350.
19. Arias, A.-M. (2011) Polikodovyy tekst kak semiotiko-semanticheskoe i esteticheskoe znakovoe edinstvo (na primere nemetskoj karikatury) [Polycode Text as a Semiotic-Semantic and Aesthetic Sign Unity (Based on a German Caricature)]. *Izvestiya SPbGEU*. 6. pp. 4–5.
20. Sonin, A.G. (2005) *Ponimanie polikodovykh tekstov: kognitivnyy aspekt* [Understanding Polycode Texts: The cognitive aspect]. Moscow: Institute of Linguistics RAS.
21. Kitson, L. (2011) Reconceptualising understandings of texts, readers and contexts: one English teacher's response to using multimodal texts and interactive whiteboards. *English in Australia*. 46 (3). pp. 76–86.
22. Fenglin, L., Shen, G. & Xian, W. (2021) [Competence-based multimodal curriculum learning for medical report generation]. *Proceedings of the 59th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 11th International Joint Conference on Natural Language Processing*. Vol. 1. Online. 1–6 August 2021. ACL; IJCNLP. pp. 3001–3012.
23. Khachatryan, G.S. (2021) Mul'timodal'nyy tekst: didakticheskyy potentsial v obuchenii inoyazychnomu obscheniyu v delovoy srede [Multimodal text: didactic potential in teaching foreign language communication in a business environment]. *Prepodavatel' XXI vek*. 3. Part 1. pp. 113–121. doi: 10.31862/2073-9613-2021-3-113-121
24. Cocchetta, F. (2018) Developing university students' multimodal communicative competence: Field research into multimodal text studies in English. *System*. 77. pp. 19–27. doi: 10.1016/j.system.2018.01.004
25. Danielsson, K. & Selander, S. (2016) Reading multimodal texts for learning – a model for cultivating multimodal literacy. *Designs for Learning*. 8 (1). pp. 25–36. doi: 10.16993/dfl.72
26. Krivenko, O.F. (2023) *Metodicheskyy potentsial tsifrovyykh mul'timodal'nykh tekstov v obuchenii RKI* [Methodological potential of digital multimodal texts in teaching Russian as a Foreign Language]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
27. Kozlovseva, N.A. (2023) *Iskusstvennyy intellekt v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu: opyt finansovogo universiteta* [Artificial intelligence in teaching Russian as a foreign language: experience of the financial university]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 6 (103). pp. 28–31.
28. Semenova, D.A. & Shpak, A.E. (2023) [Artificial intelligence technologies in learning management in a digital educational environment]. *Tsifrovaya gumanitaristika i tekhnologii v obrazovanii (DHTE 2023)* [Digital Humanities and Technologies in Education (DHTE 2023)]. Proceedings of the 4th International Conference. Moscow. 16–17 November 2023. Moscow: MSUPE. pp. 207–215. (In Russian).

Информация об авторах:

Кац Н.Г. – канд. пед. наук, старший преподаватель Высшей школы лингвистики и педагогики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kats_ng@spbstu.ru

Рубцова А.В. – д-р пед. наук, директор Высшей школы лингвистики и педагогики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: rubtsova_av@spbstu.ru

Аитов В.Ф. – д-р пед. наук, профессор кафедры романо-германской филологии и методики обучения иностранному языку Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа, Россия). E-mail: valerie.aitov@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.G. Kats, Cand. Sci. (Pedagogics), senior lecturer, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: kats_ng@spbstu.ru

A.V. Rubtsova, Dr. Sci. (Pedagogics), director, Higher School of Linguistics and Pedagogy, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: rubtsova_av@spbstu.ru

V.F. Aitov, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Akmuulla Bashkir State Pedagogical University (Ufa, Russian Federation). E-mail: valerie.aitov@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.04.2024;
одобрена после рецензирования 05.06.2024; принята к публикации 30.07.2024.

The article was submitted 17.04.2024;
approved after reviewing 05.06.2024; accepted for publication 30.07.2024.

Научная статья
УДК 378.09
doi: 10.17223/15617793/504/18

Цифровая компетенция будущего учителя иностранного языка в области использования технологий искусственного интеллекта: содержательный аспект

Светлана Витальевна Колядко¹, Лилия Геннадьевна Мартыненко², Юлия Николаевна Глухова³

^{1, 2, 3} Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

¹ svkol012@yandex.ru

² liliyamartynenko@yandex.ru

³ ygloukhova@yandex.ru

Аннотация. Обоснована необходимость формирования цифровой компетенции будущего учителя иностранного языка в области использования технологий искусственного интеллекта. Выявлено смысловое наполнение понятия «цифровая компетенция будущего учителя иностранного языка в области использования технологий искусственного интеллекта». Предложенная типология моделей искусственного интеллекта позволила обосновать их лингводидактический потенциал в рамках развития цифровой компетенции. Представлены основные виды знаний в корреляции с объектами контроля с целью конкретизации компонентного состава цифровой компетенции будущего учителя иностранного языка.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация образования, цифровая компетенция учителя в области использования технологий искусственного интеллекта, технологии искусственного интеллекта

Для цитирования: Колядко С.В., Мартыненко Л.Г., Глухова Ю.Н. Цифровая компетенция будущего учителя иностранного языка в области использования технологий искусственного интеллекта: содержательный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 164–174. doi: 10.17223/15617793/504/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/18

Digital competence of a future foreign language teacher in using artificial intelligence technologies: A content and technological aspect

Svetlana V. Kolyadko¹, Liliya G. Martynenko², Yuliya N. Glukhova³

^{1, 2, 3} Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ svkol012@yandex.ru

² liliyamartynenko@yandex.ru

³ ygloukhova@yandex.ru

Abstract. The relevance this article is defined by the processes of transformation of foreign language pedagogical education, involving the problems of formation and development of digital competence of future foreign language teachers. The aim of this article is the analysis, summary of foreign and local experience on the integration of artificial intelligence technologies into the structure of digital competence of a future foreign language teacher and the development of content and structure of this competence. To reach the aim of the study, the authors solved the following tasks: identified the linguodidactic potential of artificial intelligence technologies, outlined typological features and models of artificial intelligence, defined the concepts “artificial intelligence technologies” and “digital competence of a future foreign language teacher in using artificial intelligence technologies”, reviewed the component composition of digital competence of a future foreign language teacher, as well as types of knowledge in correlation with the objects of control. Drawing on the analysis of scientific literature, the authors note the ambiguity of approaches, which revealed numerous contradictions among the academic community regarding the prospects of integrating artificial intelligence technologies into the process of teacher training. The authors characterize in detail three artificial intelligence technologies that are traditionally recognized in the scientific literature, namely: technology of perception, processing and generation of natural language; technology of computer vision; technology of processing large data sets, pointing out their advantages and disadvantages. Special attention is paid to the technology of perception, processing and generation of natural language, viewed through the prism of the selected models and their functional features. The authors also described the limitations associated with the integration of artificial intelligence: psychological, pedagogical, sociocultural, technical-technological, ethical, legal, linguodidactic. The article presents the results of a survey carried out to identify students’ attitude to artificial intelligence and the prospects of its use in the professional sphere. Thus, it can be concluded that while maintaining a balance between traditional digital tools used in foreign language teaching and innovative ones, as well as taking into account the main advantages and limitations associated with the use of artificial intelligence technologies, the development of digital competence in the use of AI technologies is a necessary condition for future foreign language teachers for effective professional functioning in the existing information and educational environment. The

obtained data correlate with the results of foreign and Russian researchers and confirm the general comprehension of the component composition of a foreign language teacher's digital competence.

Keywords: digitalization of education, digital competence of teachers, linguistic and didactic potential, artificial intelligence technologies, natural language generation model, virtual assistants

For citation: Kolyadko, S.V., Martynenko, L.G. & Glukhova, Yu.N. (2024) Digital competence of a future foreign language teacher in using artificial intelligence technologies: A content and technological aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 164–174. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/18

Введение

В современной научно-образовательной парадигме рассмотрение процессов трансформации иноязычного образования в педагогических вузах не может происходить изолированно от вопросов формирования цифровой компетенции. За последние годы было принято большое количество нормативно-правовых актов, среди которых наиболее значимыми являются указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства РФ, национальные проекты, регулирующие в том числе процессуальную сторону вопросов интеграции цифровых технологий в образовательную деятельность. Так, Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы» и Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» предусматривают внесение изменений в национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации», а также разработку и утверждение федерального проекта «Искусственный интеллект». Указ Президента РФ «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» определяет в том числе основные направления государственной политики в области образования.

Особый интерес для целей педагогического образования представляют выделенные в Стратегии такие пути интеграции технологий искусственного интеллекта, как адаптация образовательного процесса к потребностям учащихся и потребностям рынка труда, системный анализ показателей эффективности обучения для оптимизации профессиональной ориентации и раннего выявления детей с выдающимися способностями, автоматизация оценки качества знаний и анализ информации о результатах обучения [1].

В данном контексте важно отметить, что основные направления цифровой трансформации образования нашли воплощение в «Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года», в которой подчеркивается необходимость обеспечения опережающих темпов изменений системы подготовки педагогических кадров посредством включения системы подготовки педагогических кадров в решение проблем цифровой трансформации, внедрения образовательных цифровых сервисов для формирования у студентов, обучающихся по программам подготовки педагогических кадров, опыта проектирования и освоения цифровых образовательных ресурсов, включения в программы подготовки педагоги-

ческих кадров цифрового контента, средовых решений, инструментов использования в профессиональной деятельности технологии анализа больших данных [2].

Таким образом, изменения, происходящие в сфере образования, явились системообразующим фактором возникновения цифровой трансформации, под которой будем (вслед за И.В. Роберт) понимать совокупность существенных и системных изменений, произошедших в сфере образования в результате реализации возможностей цифровых технологий при их активном и систематическом использовании в образовательных целях [3]. В данном контексте важно отметить, что интенсивное развитие цифровых технологий вообще и технологий искусственного интеллекта в частности задает новый вектор рассмотрения требований к уровню сформированности цифровой компетенции будущих учителей иностранного языка. Таким образом, целью данной статьи является разработка собственного содержания и структуры цифровой компетенции будущего учителя иностранного языка в области использования технологий искусственного интеллекта.

Технологии искусственного интеллекта в логике формирования цифровой компетенции

Исследование вопросов интеграции технологий искусственного интеллекта (ТИИ) в структуру цифровой компетенции студентов покрывает большое пространство – от определения сущностных характеристик данного понятия, и особенно типологических моделей искусственного интеллекта (ИИ) в области подготовки педагогических кадров, до компонентного состава цифровой компетентности будущих учителей иностранного языка, через призму специальных умений как цели овладения.

Отметим, что за последние несколько лет появилось внушительное количество исследований, в которых рассматриваются проблемы интеграции технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс. При этом в работах подчеркивается необходимость разграничения, с одной стороны, слабого искусственного интеллекта, использующего продвинутые алгоритмы в рамках ограниченного, заранее определенного набора функций для решения задач и сильного искусственного интеллекта, с другой стороны. Именно возможности последнего вызывают особые риски и опасения, связанные с нарастающей экзистенциальной угрозой автономного существования систем ИИ, наделенных когнитивными способностями, которые ведут к возможностям самостоятельного програм-

мирования. Как справедливо отмечает Т.В. Черниговская, надежда на то, что когнитивные характеристики искусственных систем приблизятся к уровню человеческих или даже превзойдут их, неоправданно растет... и вызывает ряд вопросов, не только научных, но и экзистенциальных и этических [4]. Применительно к системе высшего образования мы говорим о слабом искусственном интеллекте в совокупности перспектив и ограничений его использования при подготовке педагогических кадров.

Анализ научной литературы свидетельствует о неоднозначности авторских подходов, выявивших многочисленные противоречия среди академического сообщества в отношении перспектив интеграции технологий слабого искусственного интеллекта в процесс подготовки педагогических кадров. При этом многогранность проблемы определила многоплановый характер исследований. Анализ публикаций позволяет выделить несколько основных теоретических и практически значимых направлений, в которых осуществляется научный поиск:

1) потенциальные возможности использования ТИИ в образовательном процессе и связанные с этим возможные негативные последствия [5–9];

2) лингводидактический потенциал ТИИ в процессе обучения и овладения иностранным языком [10–14];

3) эмпирические исследования, затрагивающие различные аспекты интеграции ТИИ в образование. В этой связи научный интерес представляет исследование, посвященное роли эмоциональных стимулов при генерировании запросов [15]. На основе анализа эмпирических данных авторы показывают, что языковые модели обладают эмоциональным интеллектом, и их производительность может быть улучшена с помощью аффективных подсказок, сочетающих оригинальную подсказку с эмоциональными стимулами;

4) возможности интеграции ТИИ в дистанционное обучение.

Как следует из приведенного анализа, интерес исследователей к проблеме только увеличивается, при этом можно уверенно заключить, что среди технопессимистов, технооптимистов и технореалистов преобладают последние. Вслед за Е.Н. Ивахненко и В.С. Никольским мы убеждены, что широкое распространение ТИИ неизбежно, и запреты здесь не только не способны что-то изменить, но, возможно, вредны [16].

Согласимся с авторами статьи «ChatGPT и искусственный интеллект в университетах: какое будущее нам ожидать?», что в первую очередь следует понять и зафиксировать, каким образом данные алгоритмические технологии трансформируют устоявшиеся цели, задачи и механизмы образовательных процессов и структур [17]. Оценивая векторы, по которым движется та часть методической науки, которая основные акценты делает на изучении возможностей и негативных последствий ТИИ, мы полагаем, что такое понимание является не данью моде, а необходимым условием подготовки педагогических кадров, способных решать многочисленные задачи в области обучения иностранным языкам в логике цифровых трансформаций системы высшего образования.

В любом случае, как уже было подчеркнуто выше, не замечать, запрещать использование ТИИ в учебном процессе не имеет никакого смысла, что подтверждают результаты проведенного анкетирования среди студентов 3-го и 4-го курсов Института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена, обучающихся по направлениях 45.03.02 Лингвистика, в рамках профиля «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» и 44.03.01 Педагогическое образование по профилю «Образование в области иностранного языка». В анкетировании приняли участие 126 студентов.

Обратимся к результатам анкетирования, целью которого было оценивание уровня мотивации обучающихся к овладению цифровой компетенцией в области использования технологии искусственного интеллекта, а также их готовности к использованию ТИИ в учебно-познавательной и дальнейшей профессиональной деятельности, для чего респондентам было предложено ответить на несколько вопросов. В частности, студентов просили составить мнение об уровне своей цифровой компетенции, в том числе выбрав используемые технологии, применяемые для выполнения профессиональных и учебных задач (например, для подготовки письменных работ, аннотирования, реферирования, написания тезисов). Ряд вопросов анкетирования был направлен на прогнозирование потенциала применения ТИИ в будущей профессиональной деятельности, например, при решении методических кейсов. Респондентам было необходимо указать степень своего согласия с каждым из девяти вопросов по шкале от «1 – совсем не отмечаю / совершенно не важно / совершенно не характерно / совершенно не нравится / совершенно не готов / совершенно не использую» до «10 – однозначно отмечаю / однозначно важно / однозначно характерно / однозначно нравится / однозначно готов / однозначно использую».

Из результатов анкетирования следует, что при выполнении письменных работ подавляющее большинство респондентов (83%) пользовалось технологиями ИИ, а количество тех, кто прибегал к таким инструментам для решения методических кейсов по методике обучения иностранным языкам, превысило две трети (69%). При этом 87% респондентов отмечают необходимость изучения лингводидактического потенциала технологий искусственного интеллекта в рамках дисциплин «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» и «Образование в области иностранного языка» соответственно.

Отметим, что в большей части исследований рассматриваются возможности использования или запрета чат-ботов, между тем ТИИ не ограничиваются только диалоговыми системами и включают многообразие других моделей, предоставляющих, по нашему мнению, значительный интерес в логике формирования цифровой компетенции у будущих учителей иностранного языка. В этой связи представляется целесообразным проанализировать ТИИ через призму их лингводидактического потенциала и представить собственное понимание понятия *технологии искусственного интеллекта* в условиях подготовки педагогических кадров на современном этапе развития высшего образования.

В контексте эволюционных процессов, влияющих на интерпретацию научного знания, понятие «искусственный интеллект» оказывается крайне востребованным в целом ряде различных научных направлений, каждое из которых обращается к определению феномена, фокусируясь на решении специфичных для данной дисциплины задач. Проведенный анализ работ позволил прийти к выводу, что само понятие «искусственный интеллект» в области образования допускает множественность трактовок, которые претерпели существенные изменения в последние десятилетия.

Так, И.В. Роберт определяет «искусственный интеллект в образовании» как направление современных научно-педагогических исследований, сопровождающих и обуславливающих создание информационных систем, разработанных на базе информационных и коммуникационных технологий (как аналоговой, так и цифровой формы реализации) и предназначенных для восприятия, обработки, хранения больших объемов информации, а также формирования решений по целесообразному поведению в ситуациях, моделирующих состояния различных систем (например, природы, общества, образования) [3].

Применительно к проблемному полю иноязычного педагогического образования П.В. Сысоев под термином «искусственный интеллект» предлагает понимать ряд современных технологий, позволяющих компьютеру на основе сбора и анализа больших объемов данных и алгоритмов выстраивания паттернов речевого поведения разрабатывать и реализовывать методики обучения языку по индивидуальной траектории, имитировать иноязычную речемыслительную деятельность человека для решения коммуникативных задач, осуществлять автоматизированный контроль иноязычных умений и навыков обучающихся, предоставлять им обратную связь и осуществлять аналитическую работу [11].

В рамках нашего исследования под искусственным интеллектом будем понимать совокупность гибких алгоритмов машинного обучения и искусственных нейронных сетей, обеспечивающих информационно-содержательную, аналитическую, симуляционно-интерактивную, компенсаторную и процессуально-деятельностную поддержку при проектировании будущим учителем иностранных языков вербального, иконического и мультимодального учебно-методического материала, а также при решении им исследовательских задач в области иноязычного образования с последующей обязательной верификацией и критическим оцениванием качества сгенерированной учебной информации.

Обратимся к классификации технологий искусственного интеллекта с целью выявления их лингводидактического потенциала для формирования цифровой компетенции обучающихся.

Отметим, что ТИИ строятся на системах машинного и глубинного обучения, под которыми понимаются технологии, обеспечивающие способности компьютера с системой ИИ принимать решения по результатам обработки данных благодаря возможности осуществления поиска закономерностей в слож-

ных для человека задачах с большим числом параметров, к обнаружению точных ответов и верному прогнозированию [18]. Например, технологии машинного обучения составляют основу машинных фондов естественных языков, основанных на моделях автоматической обработки текстовой информации и идентификации дискурсивных маркеров, позволяющих выявить уровень сложности (читабельности) текста с корреляцией по годам обучения и/или возрасту обучаемого.

На основании проведенного анализа отечественных и зарубежных исследований в области ТИИ нами предлагается их классификация, в основу которой положена направленность такого типа инструментов на организацию разных видов учебно-познавательных действий обучающихся.

Перейдем к рассмотрению основных ТИИ и составляющих их моделей. Традиционно в научной литературе выделяются следующие технологии:

1. Технология восприятия, обработки и генерации естественного языка.
2. Технологии компьютерного зрения.
3. Технологии обработки больших массивов данных.

Начнем с краткой характеристики вышеперечисленных технологий. Наибольший лингводидактический потенциал, на наш взгляд, имеет *технология восприятия, обработки и генерации естественного языка* (ТВОГ), использующая алгоритмы машинного обучения и нейросетевые модели для распознавания, понимания, обобщения, прогнозирования и генерирования естественного языка на основе анализа текстовой информации. Отметим, что, с нашей точки зрения, данную технологию можно представить как модельный конструкт, включающий несколько моделей, решающих различные задачи.

Технология компьютерного зрения представляет собой технологию, направленную на распознавание визуальных образов посредством нейронных сетей с целью дальнейшего их анализа и интерпретации. Одним из примеров использования данной технологии является синтезирование нового изображения посредством переноса стиля с одного изображения на другое. Данная технология применяется в приложениях, использующих виртуальную и дополненную реальность.

Отметим, что наибольшее распространение в процессе обучения иностранным языкам получают цифровые инструменты, посредством которых осуществляется проектирование зеркальной виртуальной реальности, при которой виртуальная обстановка создается не вокруг участника взаимодействия, а перед ним [19].

Технологии анализа больших данных (ТАБД). Для рассматриваемых условий обучения технология анализа больших данных имеет неоспоримый лингводидактический потенциал, обусловленный в первую очередь возможностями корпусных технологий [20].

Между тем опрос студентов 3-го и 4-го курсов направления «Педагогическое образование» показывает,

что корпусные технологии предстают для них некой *tabula rasa*, что, безусловно, отражается на понимании их лингводидактических возможностей при обучении иностранным языкам. Выделение моделей ИИ позволило

нам конкретизировать их лингводидактический потенциал для формирования цифровой компетенции будущего учителя иностранного языка. В таблице предпринята попытка обобщить представленный выше материал.

Таблица 1

Типология моделей ИИ в рамках технологии восприятия, обработки и генерации естественного языка

Название	Краткое описание	Примеры
1. Модель распознавания текста в устной или письменной форме, трансформации и синтеза речи с целью генерации вербального или мультимодального учебного материала	Модель реализуется в первую очередь в нейросетевом машинном переводе, предполагающем, как и в традиционных системах машинного перевода, во-первых, распознавание текста с целью его преобразования на одном естественном языке в эквивалентный по содержанию текст на другом языке. При этом использование рекуррентных нейронных сетей позволяет улучшить результат перевода, который становится более точным	machinetranslation.com/ deepl.com/translator
	Модель позволяет преобразовывать письменный текст в устный текст посредством голосов, созданных искусственным интеллектом. При этом, помимо традиционного устного текста, технологии искусственного интеллекта позволяют генерировать автоматического анимированного суфлера (аватара), озвучивающего текст. Данная модель широко представлена в приложениях, посредством которых можно создавать мультимедийные презентации с автоматическим суфлером (аватаром)	d-id.com; heygen.com; studio.spiritme.tech; app.artflow.ai; murf.ai; voicemaker.in; zvukogram.com; naturalreaders.com; uberduck.com
	Модель позволяет преобразовывать мультимодальный текст (видео) в письменный текст – письменный (устный текст)	app.captions.ai; kapwing.com; veed.io; movavi.com; cloud.fastreel.com
	Модель позволяет преобразовать письменный текста в мультимедийный текст с динамическим визуальным рядом	simpleshows.com
2. Модель распознавания устной речи	Модель осуществляет преобразование устного текста в письменный текст	dictation.io
3. Модель распознавания иконического текста	Модель трансформирует иконический текст, целью является удаление объектов	photoeditor.ai; remover.zmo.ai
4. Модели анализа запроса с целью генерации вербального, иконического и мультимодального учебного материала и осуществления речевого взаимодействия: полифункциональная и монофункциональная	Полифункциональная модель: генерирует учебный материал как без участия диалоговых систем, так и посредством диалоговых систем, основу которых составляют языковые модели с пользовательским интерфейсом, имитирующим речевое взаимодействие	typeset.io/paraphraser; writesonic.com; app.humata.ai; www.phind.com; perplexity.ai; you.com; www.magicschool.ai; twee.com; roshi.ai; to-teach.ai; teacher-tools.ai/sample-tools; cephadex.com/extract; tools.teacher-matic.com
	Монофункциональная модель: позволяет: 1. Генерировать статические знаково-символические средства наглядности в формате 2D и 3D	leonardo.ai; dreamlike.art/create; dream.ai; fusionbrain; kandinsky; шедеврм
	2. Создавать динамические знаково-символические средства наглядности: – 3D видео, мультимедийные презентации, интерактивные презентации для управления процессом обучения ИЯ, интерактивное видео	gamma.app; app.runwayml.com; app.unislide.io; buildalesson.org; eduaide.ai
	3. Генерировать вторичные тексты. В данном случае результатом аналитико-синтетической деятельности может быть: аннотация, реферат, конспектирование, тезисы. Цифровые инструменты позволяют находить релевантные статьи без идеального подбора ключевых слов, обобщать выводы из статей, относящиеся к вопросу, и извлекать из них ключевую информацию	elicit.org; app.wordtune.com; paraphrasingtool.ai; quillbot.com/
	4. Осуществлять диагностику и автоматическое оценивание письменного текста, проверку на несакционированные заимствования. При загрузке текстового файла или размещении фрагмента текста система самостоятельно автоматически определяет процент авторского текста	writerightai.com/app
	5. Осуществлять речевое взаимодействия в письменной или устной форме	app.smalltalk2.me; gliglish.com/ speechanalyzer.elsaspeak.com/ speakfit.club/

Таблица 2

Лингводидактический потенциал технологий искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам

Цель обучения	Лингводидактический потенциал
Формирование и совершенствование языковых и речевых навыков	Генерирование статического иллюстративного материала для семантизации лексического материала (ТВОГ); генерирование динамического иллюстративного материала для семантизации лексического материала (ТВОГ); генерирование языкового материала по теме с дальнейшим отбором (ТВОГ); поиск лексически и грамматически правильно оформленных сочетаний иностранных слов – коллокаций (ТАБД); создание индивидуального учебного словаря, целью использования которого является расширение активного и пассивного запаса учащихся (ТАБД); выявление частотности употребления лексических единиц (ТАБД); генерирование контекста при семантизации лексического материала, или объяснении употребления грамматического материала (ТВОГ); генерирование учебно-речевых ситуаций для раскрытия значений новых слов и их употребления (ТВОГ); генерация языковых и условно-речевых лексико-грамматических языковых ситуаций для организации тренировки, применения новых лексических единиц (упражнения на выбор, трансформацию, дополнение, дифференциацию, соотнесение, имитацию, классификацию и др.) (ТВОГ); генерирование интерактивных упражнений с мгновенной обратной связью (ТВОГ); выявление особенностей словоупотребления лексических единиц (ТАБД)
Формирование и совершенствование умений в различных видах речевой деятельности	Генерирование вербальных и мультимедийных текстов разных стилей и жанров с учетом целей и задач обучения (ТВОГ); лингвистическая адаптация текстов через их усложнение или упрощение (ТВОГ); генерирование вторичных текстов; извлечение из текста ключевых слов и визуализация отобранного языкового материала с помощью, например, облака слов или схем (ТАБД); генерирование плана текста; генерирование речевых упражнений, направленных на контроль понимания текстового материала (ТВОГ); генерирование интерактивных упражнений: совместный мозговой штурм с нейросетью, прогнозирование запроса, сформулированного для ИИ, прогнозирование ответа, сформулированного ИИ (ТВОГ); генерирование ролевых и деловых игр (ТВОГ), в том числе посредством ролевых чат-ботов; генерирование ситуаций устно-речевого и письменно-речевого общения (ТВОГ); автоматизированное оценивание письменных текстов (ТВОГ); генерирование упражнений с учетом уровня обученности учащихся и уровня их обучаемости (внутренняя и внешняя дифференциация) (ТВОГ); генерирование персонализированных методических материалов или рекомендаций для конкретного обучающегося на основе анализа «больших данных» (ТАБД)
Планирование уроков ИЯ	Разработка планов уроков с заданными параметрами и ограничениями; разработка индивидуальных планов обучения с учетом сильных и слабых сторон учащихся
Организация самостоятельной работы учащихся	Коррекция ошибок с последующим комментированием; запрос дополнительного материала; генерирование статистического и динамического материала с целью дальнейшего обсуждения на уроке иностранного языка; осуществление квазиречевого взаимодействия в устной и письменной форме

Несмотря на свои достоинства, ТИИ имеют определенные ограничения и недостатки. Рассмотрим их ниже более подробно, начав с ограничений, лежащих в лингводидактической плоскости. Как известно, при изучении иностранного языка студенты часто используют электронные переводчики, прибегая, таким образом, к помощи машины при переводе слов, предложений и текстов, вместо того чтобы работать со словарем, в том числе электронным. В результате не вырабатывается навык выполнения пошаговых действий, необходимых для работы с лексическими единицами по определению нужного контекстного значения, не анализируются грамматические структуры. Безусловно, электронный переводчик представляет определенный интерес, однако, во-первых, анализ полученного результата требует критического осмысления, а во-вторых, широкое использование этого инструмента не отменяет необходимости формирования и развития навыка работы со словарем на электронном и бумажном носителях.

Следует также отметить наличие ограничений, связанных с обучением иноязычному говорению и письменной речи, главным из которых является отсутствие эмоциональной составляющей. В диалоге с машиной нет спонтанности, свойственной человеку, эмоций, юмора, недостаточно передается интонация, сразу становится понятно, что это искусственное общение, что может быть существенным недостатком, так как межличностное общение и эмоциональная поддержка

имеют немаловажное значение в процессе обучения языку. Технологии ИИ обладают определенным потенциалом в части формулирования упражнений по заданной теме, что может использоваться учителем при разработке их комплекса, однако необходимо критически осмыслить материал, поскольку одним из главных недостатков является несоответствие предложенного содержания требуемому уровню владения иностранным языком, а также его обобщенный, не конкретизированный характер. Зачастую текст изобилует штампами, а использованные конструкции не отличаются оригинальностью.

В психолого-педагогической области недостатки, связанные с применением ИИ, относятся в первую очередь к чрезмерному их использованию учащимися, что негативно сказывается на уровне развития когнитивных способностей. Другими словами, если при выполнении заданий учащиеся будут на постоянной основе прибегать к помощи ИИ, то это может привести к упрощению процесса получения ответов или информации, что может отрицательно сказаться на мотивации студентов к самостоятельному поиску и выработке собственных выводов или решений. Однако многое зависит от преподавателя, который должен разработать четкие инструкции по использованию обучающимися ТИИ, разъяснив правила работы, дав советы и обеспечив необходимое сопровождение.

В части правовых и этических ограничений выделим тот факт, что алгоритмы работы нейронных сетей

крайне сложны для интерпретации, а следовательно, результаты их работы могут быть подвергнуты сомнению и отменены человеком. Недостаток понимания того, как ИИ достигает результатов, является одной из причин низкого уровня доверия к таким технологиям. Отсутствие ссылок на источники, использованные при подготовке ответа, а также невозможность проверить информацию не являются сильной стороной такой системы. Таким образом, неточности и возможная необъективность данных, использующихся для обучения нейронных сетей, являются важнейшей этической проблемой. К тому же вопросы, относящиеся к сферам конфиденциальности, безопасности данных и интеллектуальной собственности, также подлежат отдельному рассмотрению. В настоящий момент ведется создание комплексной системы правового регулирования в сфере ИИ в рамках федерального проекта «Искусственный интеллект», задачей которого является создание условий для использования продуктов, основанных на преимущественно отечественных технологиях искусственного интеллекта.

Существуют также некоторые технико-технологические ограничения применения ТИИ, среди которых выделим некоторую ограниченность языковых моделей в способности генерировать тексты, обладающие достаточной формой для раскрытия содержания в соответствии с коммуникативной целью пользователя, а также отсутствие у существующих интеллектуальных систем критического, креативного и рефлексивного мышления. Для использования ТИИ в обучении иностранным языкам требуется надежная техническая инфраструктура, включая доступ к высокоскоростному интернету и компьютерам, т.е. наблюдается сильная зависимость от развития материальной базы, что может негативно повлиять на включение использования таких платформ в обучение.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно сказать, что использование ТИИ ставит серьезные проблемы перед преподавателем, поскольку вопрос степени задействования таких инструментов в образовании остается дискуссионным. Тем не менее представляется необходимым найти баланс между уже ставшими традиционными цифровыми инструментами, применяемыми при обучении иностранным языкам, и инновационными, к которым относятся ТИИ, изучив их лингводидактический потенциал.

Цифровая компетенция будущего учителя иностранного языка в области использования ТИИ как цель обучения в педагогическом вузе

Существуют различные трактовки понятия «профессиональная компетентность». Несмотря на то, что различные исследователи по-разному определяют сущность профессиональной компетентности, все они сходятся в том, что профессиональная компетентность представляет собой многогранное явление со сложной внутренней структурой.

При этом большинство исследователей ориентируются на модель профессиональной компетентности

будущего учителя иностранного языка как гибкую систему взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов. Так, С.В. Титова, проведя аналитический анализ нормативно-правовых актов, предложила карту компетенций преподавателя иностранного языка вуза, включающую следующие группы компетенций: информационно-коммуникационную; профессионально-коммуникативную иноязычную; методико-педагогическую; универсальную [21].

Принимая данную точку зрения на компонентный состав профессиональной компетентности, мы будем оперировать понятием «цифровая компетенция», в наибольшей степени соответствующим сегодняшним реалиям, отраженным в нормативно-правовых документах. Подчеркнем, что целью цифровой трансформации образования признается создание гибкой и адаптивной образовательной системы, отвечающей запросам цифровой экономики и обеспечивающей максимально полное использование образовательного потенциала цифровых технологий [22]. В исследовании Т.Н. Носковой подчеркивается, что переход к цифровизации связан с широким использованием цифровых технологий в образовательных практиках, цифровых образовательных платформ, с особой ролью интеллектуальных технологий как сквозных технологий цифровизации [23]. В этом контексте вполне объяснима происходящая сегодня переоценка целеполагания в рамках формирования цифровой компетенции студентов. Сказанное подтверждает методологическую правомерность использования терминов «цифровая компетенция» и «цифровая компетенция в области использования искусственного интеллекта» как ее составляющего компонента для обоснования методологической базы данного исследования.

На настоящий момент существуют различные классификационные основания для структурированного описания компонентного состава цифровой компетенции учителя иностранного языка. При этом анализ научных дефиниций этого понятия позволяет констатировать определенные точки конвергенции общего понимания данного термина большинством исследователей, заключающиеся в объединении личностного и функционального аспектов профессиональной деятельности.

Опираясь на определение искомой компетенции, представленное в исследовании С.В. Колядко [24], определим цифровую компетенцию будущего учителя иностранного языка в области использования ТИИ как интегральную, многоуровневую и целостную профессионально-личностную характеристику, отражающую, с одной стороны, его готовность и способность к проектированию учебного процесса с использованием технологий искусственного интеллекта, с учетом их адаптации к различным профессиональным ситуациям в процессе реализации целей обучения иностранному языку, а с другой стороны, к систематизации теоретических и практических знаний для постановки и решения исследовательских задач в области иноязычного образования с использованием цифровых технологий. В такой трактовке готовность соотносится с профессионально-личностной характеристикой, включающей в

себя аффективный и рефлексивно-оценочный компонент, а способность – с гностическим и процессуально-деятельностным компонентами.

При этом считаем целесообразным раскрыть содержание компонентного состава цифровой компетенции (ЦК) будущего учителя иностранного языка в области использования ТИИ, опираясь не только на лингводидактический потенциал технологий ИИ, представленный выше, но и на основные положения компетентностного подхода, рассматривающего знания не как застывшие постулаты, аксиомы, а как динамические приращения жизненного опыта человека [25].

В этой связи представляется целесообразным обратиться к работам М.А. Холодной с соавт., в которых представлена наиболее развернутая таксономия знаний, включающая: декларативные фактологические и

декларативные концептуальные знания, инструментальные и процессуальные процедурные знания, а также прагматические (ценностно-смысловые) знания [26].

Представляется возможным, вслед за Е.В. Аликиной и Д.В. Мальцевым, перечисленные виды знаний соотнести с результатами обучения согласно положениям компетентностного подхода: знать (декларативные знания), уметь (процедурные знания), владеть (прагматические знания) с целью определения объектов контроля и элементов, которые их раскрывают (табл. 3) [27].

Учет вышеизложенного позволил нам обосновать номенклатуру знаний, умений, владений и личностных характеристик, отражающих специфические особенности рассматриваемой компетенции (табл. 3).

Таблица 3

Соотнесение видов знаний и объектов контроля

Вид знаний	Объект контроля	Примеры формулировки
Декларативные фактологические знания	Факты, сведения, терминология, требования, нормативы, законы, персоналии и т.п.	<i>Выберите правильный ответ Ответьте на вопросы Изучите... и заполните таблицу Подготовьте терминологический кроссворд</i>
Декларативные концептуальные знания	Определение, классификация, принципы, модели, структуры, функции, характеристики и т.п.	<i>Дайте определение Перечислите не менее... Назовите не менее...</i>
Процедурные инструментальные знания	Методы, алгоритмы, средства, инструменты, критерии оценки и т.п.	<i>Восстановите последовательность обучающих действий учителя... Сформулируйте критерии оценивания... Составьте алгоритм формулирования запроса...</i>
Процедурные процессуальные знания	Последовательности, этапы, связь между элементами или этапами и т.п.	<i>Опишите последовательность Обоснуйте связь между...</i>
Прагматические знания	Анализ ситуаций, решение типовых методических задач, обобщение информации, интерпретация данных, проектирование собственных учебных материалов с учетом условий обучения	<i>Проанализируйте и выявите достоинства и недостатки... Обоснуйте правомерность использования... Обсудите лингвометодический потенциал цифровых инструментов... Подготовьте фрагмент урока</i>

Таблица 4

Компонентный состав ЦК будущего учителя иностранного языка в области использования ТИИ

Компонент ЦК в русле интеграции ТИИ	Номенклатура специализированных знаний, умений, владений и личностных характеристик	
Гностический компонент	Знать	Содержание основных нормативно-правовых документов, регламентирующих использование ТИИ в образовании; тенденции развития, перспективы, принципы и возможные пути интеграции ТИИ в учебный процесс; специфика ТИИ и их отличия от других информационно-коммуникационных технологий; типологические особенности моделей ИИ; негативные последствия влияния на обучающегося применения в условиях иноязычного образования; алгоритм составления запроса для генерации учебного материала
	Уметь	Подбирать научную литературу и работать с ней, обобщать теоретические знания по проблемам использования ТИИ в рамках иноязычного образования
	Владеть	Приемами использования ТИИ для сбора, анализа и обобщения большого массива данных; способами различения моделей ИИ в рамках специальности
Аффективный компонент	Регуляторная, поведенческая, мотивационная (внешняя и внутренняя) когнитивная вовлеченность [28]	
Процессуально-деятельностный компонент	Уметь	Отбирать модели ИИ в зависимости от целей и задач обучения; формулировать запрос для генерации учебного материала в соответствии с условиями обучения; использовать эмоциональные подсказки при формулировании запроса; производить методическую адаптацию сгенерированных учебных материалов с учетом возрастных особенностей и интересов учащихся с последующим их распределением по этапам обучения; редактировать сгенерированный учебный материал в соответствии с языковыми и речевыми нормами иностранного языка; планировать и организовывать самостоятельную работу учащихся с использованием ТИИ; создавать и редактировать вербальный, иконический, мультимодальный учебный материал с учетом знаний об авторском праве, этических норм и ответственности; осуществлять диагностику и оценивание с использованием ТИИ; использовать интеллектуальные цифровые инструменты для автоматизированного определения несанкционированных заимствований; разрабатывать учебный материал с использованием корпоративных технологий; планировать и организовывать свою научно-исследовательскую работу на основе ТИИ с учетом знаний об авторском праве, этических норм и ответственности

Компонент ЦК в русле интеграции ТИИ	Номенклатура специализированных знаний, умений, владений и личностных характеристик	
	Владеть	Приемами решения типовых методических задач с использованием ТИИ; способами проектирования собственных учебных материалов с привлечением ТИИ, учитывая условия обучения; методами планирования и организации самостоятельной работы с использованием ТИИ
Рефлексивно-оценочный компонент	Уметь	Критически анализировать полученные результаты и затраты времени на их достижение по установленным критериям оптимальности и в соотношении затраты–результат; критически анализировать учебный процесс и учебные материалы, планируемые результаты обучения, цели и задачи учебного процесса с целью отбора наиболее оптимальных ТИИ для конкретных условий обучения; критически анализировать содержание и дискурсивный формат сгенерированного текста в зависимости от его целевого назначения социокультурных и коммуникативных характеристик адресата; критически анализировать содержание сгенерированного средствами ИИ текстовый материал на предмет валидности представленной в нем информации; критически анализировать сгенерированный языковой и речевой материал на предмет его соответствия языковым и речевым нормам иностранного языка; демонстрировать автономность и критическое мышление при использовании ТИИ; грамотно, логично, аргументированно формулировать собственные суждения при оценивании сгенерированного текста
	Владеть	Приемами верификации и критического анализа информации, сгенерированной ТИИ; способами критического оценивания потенциала используемых моделей ИИ; методами оценки эффективности использования ТИИ в конкретной ситуации обучения

Заключение

В заключении отметим, что трансформация иноязычного образования в педагогических вузах, проходящая на современном этапе, неразрывно связана с подготовкой будущих учителей в русле формирования у них цифровой компетенции, в том числе соответствующих умений в области применения ТИИ.

Целью нашего исследования была разработка собственного содержания и структуры указанной компетенции. Выделенные в исследовании модели ИИ позволили представить собственное понимание таких понятий, как «технологии искусственного интеллекта» и «цифровая компетенция будущего учителя иностранного языка в области использования технологий искусственного интеллекта», а также конкретизировать их лингводидактический потенциал для формирования цифровой компетенции будущего учителя иностранного языка.

На основе проведенного исследования мы также сформулировали основные преимущества и ограничения психолого-педагогического, социально-культурного, технико-технологического, этического, правового, лингводидактического характера, связанные с использованием ТИИ, возникающие в рамках развития цифровой компетенции у студентов – будущих учителей иностранного языка.

Результаты исследования позволили раскрыть содержание компонентного состава цифровой компетенции будущего учителя иностранного языка в области использования ТИИ, опираясь не только на лингводидактический потенциал технологий ИИ, но и на основные положения компетентностного подхода.

В связи с тем, что одним из важных направлений трансформирующейся в цифровых координатах педа-

гогической деятельности является обоснование номенклатуры, нами был разработан компонентный состав цифровой компетенции будущего учителя иностранного языка в области использования ТИИ, отражающих ее специфические особенности.

Представленный в статье лингводидактический потенциал технологий искусственного интеллекта, а также выделенные виды знаний в корреляции с объектами контроля обусловили аргументацию выбора компонентного состава цифровой компетенции будущего учителя иностранного языка в области использования ТИИ.

Полученные выводы коррелируют с результатами эмпирических исследований зарубежных и отечественных исследователей (С.В. Титова, В.П. Сысоев, М.Н. Евстигнеев, G. D'Angelo, T.N. Fitria и др.), которые показывают, что при структурированном описании компонентного состава цифровой компетенции учителя иностранного языка наблюдается общее понимание данного термина, заключающееся в объединении личностного и функционального аспектов профессиональной деятельности.

Все вышеизложенное позволяет сделать важный методологический вывод о том, что развитие/формирование цифровой компетенции в области использования технологий искусственного интеллекта у будущих учителей иностранного языка является необходимым условием эффективного профессионального функционирования в существующей информационно-образовательной среде.

Перспективы исследования видятся в дальнейшей разработке вопросов интеграции ТИИ в процесс развития цифровой компетенции студентов – будущих учителей иностранного языка с учетом диагностических данных, получение которых предполагает опытно-экспериментальную верификацию.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/page/2> (дата обращения: 29.01.2024).
2. Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/5hVUIZXA2JMcPrHoJqfohMeoToZAwA5.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

3. Роберт И.В. Развитие терминологического аппарата педагогической науки в связи с цифровой трансформацией образования // Актуальные проблемы цифровой трансформации экономики, образования и государственного управления / авт.-сост.: Н.О. Омарова, М.П. Фархадов, Ю.В. Таратухина. Махачкала : АЛЕФ, 2022. С. 10–25.
4. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М., 2017. 448 с.
5. Chan C.K.Y., Tsi L.H.Y. The AI Revolution in Education: Will AI Replace or Assist Teachers in Higher Education? URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/2305/2305.01185.pdf> (дата обращения: 18.01.2024).
6. Alghamdy R.Z. Pedagogical and Ethical Implications of Artificial Intelligence in EFL Context: A Review Study // *English Language Teaching*. 2023. Vol. 16, № 10. doi: 10.5539/elt.v16n10p87
7. Baidoo-Anu D., Ansah L.O. Education in the Era of Generative Artificial Intelligence (AI): Understanding the Potential Benefits of ChatGPT in Promoting Teaching and Learning. 11 p. // SSRN. 2023. doi: 10.2139/ssrn.4337484
8. Huang W., Hew K.F., Fryer L.K. Chatbots for language learning—are they really useful? A systematic review of chatbot-supported language learning // *Journal of Computer Assisted Learning*. 2022. Vol. 38. P. 237–257. doi: 10.1111/jcal.12610
9. Сысоев П.В., Поляков О.Г., Евстигнеев М.Н., Евстигнеева И.А., Прохоров А.В., Клочихин В.В., Филатов Е.М., Сорокин Д.О. Обучение иностранному языку на основе технологий искусственного интеллекта. Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2023. 132 с.
10. Marzuki, Widiati U., Rusdin D., Darwin, Indrawati I. The impact of AI writing tools on the content and organization of students' writing: EFL teachers' perspective // *Cogent Education*. 2023. Vol. 10, is. 2. Art. No. 2236469. doi: 10.1080/2331186X.2023.2236469
11. Сысоев П.В., Филатов Е.М., Сорокин Д.О. Искусственный интеллект в обучении иностранному языку: чат-боты в развитии умений иноязычного речевого взаимодействия обучающихся // *Иностранные языки в школе*. 2023. № 3. С. 45–54.
12. Харламенко И.В. Чат-боты в обучении английскому языку // *Иностранные языки в школе*. 2023. № 3. С. 55–59.
13. Авраменко А.П., Тарасов А.А. Технология распознавания речи искусственным интеллектом для развития устно-речевых умений при подготовке к ЕГЭ // *Иностранные языки в школе*. 2023. № 3. С. 60–67.
14. Dogan M.E., Goru Dogan T., Bozkurt A. The Use of Artificial Intelligence (AI) in Online Learning and Distance Education Processes: A Systematic Review of Empirical Studies // *Applied Sciences*. 2023. Vol. 13, № 5. Art. No. 3056. doi: 10.3390/app13053056
15. Li C., Wang J., Zhu K., Zhang Y., Hou W., Lian J., Xie X. Large Language Models Understand and Can be Enhanced by Emotional Stimuli. 2023. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Large-Language-Models-Understand-and-Can-be-by-Li-Wang/01286de359fa9dd3d8f78c48157a3e929533d94e> (дата обращения: 04.02.2024).
16. Ивахненко Е.Н., Никольский В.С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32, № 4. С. 9–22. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22
17. Резаев А.В., Третьубова Н.Д. ChatGPT и искусственный интеллект в университетах: какое будущее нам ожидать? // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32, № 6. С. 19–37. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-19-37
18. Технологии искусственного интеллекта и машинного обучения // Высшая школа экономики. 05.03.2021. URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/tekhnologii-iskusstvennogo-intellekta-i-mashinnogo-obucheniya> (дата обращения: 30.01.2024).
19. Колядко С.В., Мартыненко Л.Г. Развитие умений иноязычного устно-речевого общения средствами мультимедийных технологий // *Письма в Эмиссия.Оффлайн (The Emissia.Offline Letters) : электронный научный журнал*. 2022. № 11 (ноябрь). Art. No. 3157. URL: <http://emissia.org/offline/2022/3157.htm>
20. Колядко С.В., Мартыненко Л.Г., Двоеглазова И.А. Использование лингвистических корпусов в методике обучения иностранным языкам // *Иностранные языки в школе*. 2022. № 4. С. 53–59.
21. Титова С.В. Карта компетенций преподавателя иностранных языков в условиях цифровизации образования // *Высшее образование в России*. 2022. Т. 31, № 5. С. 133–149. doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-5-133-149
22. Цифровое образование в терминах : учебно-методическое пособие / под ред. Е.В. Барановой. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. 52 с.
23. Методика преподавания в современной школе: проблемы и инновационные решения : материалы Российско-узбекского образовательного форума по проблемам общего образования (Ташкент, 23–24 ноября 2022 г.) / под науч. ред. С.В. Тарасова. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. 448 с.
24. Колядко С.В. Подготовка педагогических кадров в условиях информатизации языкового образования: проблемы и перспективы // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 393. С. 196–203.
25. Крылова О.Н. Развитие знаковой традиции в современном содержании отечественного школьного образования. СПб. : Лема, 2010. 355 с.
26. Холодная М.А., Гельфман Э.Г. Развивающие учебные тексты как средство интеллектуального воспитания учащихся. М. : Ин-т психологии РАН, 2016. 200 с.
27. Аликина Е.В., Мальцев Д.В. Лингвопедагогический дизайн тестовых заданий открытого типа в условиях цифровизации // *Высшее образование в России*. 2024. Т. 33, № 1. С. 128–148. doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-128-148
28. Pekrun R., Linnenbrink-Garcia L. Academic emotions and student engagement // Chris-Tenson S., Reschly A., Wylie C. (Eds) *Handbook of research on student engagement*. New York : Springer, 2012. P. 259–282. doi: 10.1007/978-1-4614-2018-7_12

References

1. Official Internet Resources of the President of Russia. (2019) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 10.10.2019 g. № 490 “O razvitiі iskusstvennogo intellekta v Rossiyskoy Federatsii”* [On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10, 2019]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/page/2> (Accessed: 29.01.2024).
2. The Russian Government. (2022) *Kontsepsiya podgotovki pedagogicheskikh kadrov dlya sistemy obrazovaniya na period do 2030 goda* [The concept of training teaching staff for the education system for the period up to 2030]. [Online] Available from: <http://static.government.ru/media/files/5hVUIZXA2JMcPrHoJqfOhMeoToZAwA5.pdf> (Accessed: 27.01.2024).
3. Robert, I.V. (2022) *Razvitie terminologicheskogo apparata pedagogicheskoy nauki v svyazi s tsifrovoy transformatsiei obrazovaniya* [Development of the terminological apparatus of pedagogical science in connection with the digital transformation of education]. In: Omarova, N.O., Farkhadov, M.P. & Taratukhina, Yu.V. (eds) *Aktual'nye problemy tsifrovoy transformatsii ekonomiki, obrazovaniya i gosudarstvennogo upravleniya* [Actual Problems of Digital Transformation of the Economy, Education and Public Administration]. Makhachkala: ALEF. pp. 10–25.
4. Chernigovskaya, T.V. (2017) *Cheshirskaya улыбка kota Shredingera: yazyk i soznanie* [The Cheshire Smile of Schrödinger's Cat: Language and consciousness]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
5. Chan, C.K.Y. & Tsi, L.H.Y. (2023) *The AI Revolution in Education: Will AI Replace or Assist Teachers in Higher Education?* [Online] Available from: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/2305/2305.01185.pdf> (Accessed: 18.01.2024).
6. Alghamdy, R.Z. (2023) Pedagogical and ethical implications of artificial intelligence in EFL context: a review study. *English Language Teaching*. 10 (16). doi: 10.5539/elt.v16n10p87
7. Baidoo-Anu, D. & Ansah, L.O. (2023) Education in the Era of Generative Artificial Intelligence (AI): Understanding the Potential Benefits of ChatGPT in Promoting Teaching and Learning. 11 p. *SSRN*. doi: 10.2139/ssrn.4337484
8. Huang, W., Hew, K.F. & Fryer, L.K. (2022) Chatbots for language learning—are they really useful? A systematic review of chatbot-supported language learning. *Journal of Computer Assisted Learning*. 38. pp. 237–257. doi: 10.1111/jcal.12610

9. Sysoev, P.V. et al. (2023) *Obuchenie inostrannomu yazyku na osnove tekhnologiy iskusstvennogo intellekta* [Teaching a Foreign Language Based on Artificial Intelligence Technologies]. Tambov: Izdatel'skiy dom "Derzhavinskiy".
10. Marzuki et al. (2023) The impact of AI writing tools on the content and organization of students' writing: EFL teachers' perspective. *Cogent Education*. 10:2. Art. 2236469. doi: 10.1080/2331186X.2023.2236469
11. Sysoev, P.V., Filatov, E.M. & Sorokin, D.O. (2023) Iskusstvennyy intellekt v obuchenii inostrannomu yazyku: chat-boty v razvitiy umeniy inoyazychnogo rechevogo vzaimodeystviya obuchayushchikhsya [Artificial Intelligence in Teaching a Foreign Language: Chatbots in developing students' foreign language speech interaction skills]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 3. pp. 45–54.
12. Kharlamenko, I.V. (2023) Chat-boty v obuchenii angliyskomu yazyku [Chatbots in teaching English]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 3. pp. 55–59.
13. Avramenko, A.P. & Tarasov, A.A. (2023) Tekhnologiya raspoznavaniya rechi iskusstvennym intellektom dlya razvitiya ustno-rechevykh umeniy pri podgotovke k EGE [Speech recognition technology by artificial intelligence for developing oral and speech skills in preparation for the Unified State exam]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 3. pp. 60–67.
14. Dogan, M.E., Goru Dogan, T. & Bozkurt, A. (2023) The use of artificial intelligence (AI) in online learning and distance education processes: a systematic review of empirical studies. *Applied Sciences*. 5 (13). Art. 3056. doi: 10.3390/app13053056
15. Li, C. et al. (2023) Large language models understand and can be enhanced by emotional stimuli. *Semantic Scholar*. [Online] Available from: <https://www.semanticscholar.org/paper/Large-Language-Models-Understand-and-Can-be-by-Li-Wang/01286de359fa9dd3d8f78c48157a3e929533d94e> (Accessed: 04.02.2024).
16. Ivakhnenko, E.N. & Nikol'skiy, V.S. (2023) ChatGPT v vysshem obrazovanii i nauke: ugroza ili tsennyy resurs? [ChatGPT in higher education and science: threat or valuable resource?]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 4 (32). pp. 9–22. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22
17. Rezaev, A.V. & Tregubova, N.D. (2023) ChatGPT i iskusstvennyy intellekt v universitetakh: kakoe budushchee nam ozhdat'? [ChatGPT and artificial intelligence in universities: what future can we expect?]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 6 (32). pp. 19–37. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-19-37
18. Vysshaya shkola ekonomiki. (2021) Tekhnologii iskusstvennogo intellekta i mashinnogo obucheniya [Artificial intelligence and machine learning technologies]. *Vysshaya shkola ekonomiki*. 05 March. [Online] Available from: <https://hsbi.hse.ru/articles/tekhnologii-iskusstvennogo-intellekta-i-mashinnogo-obucheniya> (Accessed: 30.01.2024).
19. Kolyadko, S.V. & Martynenko, L.G. (2022) Razvitiye umeniy inoyazychnogo ustno-rechevogo obshcheniya sredstvami mul'timediynykh tekhnologiy [Development of foreign language oral communication skills by means of multimedia technologies]. *Pis'ma v Emissiya. Offlayn (The Emissia. Offline Letters)*. 11. Art. 3157. [Online] Available from: <http://emissia.org/offline/2022/3157.htm>
20. Kolyadko, S.V., Martynenko, L.G. & Dvoeglazova, I.A. (2022) Ispol'zovanie lingvisticheskikh korpusov v metodike obucheniya inostrannym yazykam [Using linguistic corpora in foreign language teaching methods]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 4. pp. 53–59.
21. Titova, S.V. (2022) Karta kompetentsiy prepodavatelya inostrannykh yazykov v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya [Competency map of a foreign language teacher in the context of digitalization of education]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 5 (31). pp. 133–149. doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-5-133-149
22. Baranova, E.V. (ed.) (2020) *Tsifrovoe obrazovanie v terminakh* [Digital Education in Terms]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University.
23. Tarasov, S.V. (ed.) (2022) *Metodika prepodavaniya v sovremennoy shkole: problemy i innovatsionnye resheniya* [Teaching Methods in a Modern School: Problems and innovative solutions]. Proceedings of the Russian-Uzbek Educational Forum on Problems of General Education. Tashkent. 23–24 November 2022. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University.
24. Kolyadko, S.V. (2015) Teacher training in conditions of linguistic education informatization: problems and prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 393. pp. 196–203. (In Russian).
25. Krylova, O.N. (2010) *Razvitiye znaniy i traditsii v sovremennoy otechestvennoy shkol'noy obrazovaniya* [Development of the knowledge tradition in the modern content of domestic school education]. Saint Petersburg: Lema.
26. Kholodnaya, M.A. & Gel'man, E.G. (2016) *Razvivayushchie uchebnye teksty kak sredstvo intellektual'nogo vospitaniya uchashchikhsya* [Developing Educational Texts as a Means of Intellectual Education of Students]. Moscow: Institute of Psychology RAS.
27. Alikina, E.V. & Mal'tsev, D.V. (2024) Lingvopedagogicheskiy dizayn testovykh zadaniy otkrytogo tipa v usloviyakh tsifrovizatsii [Lingvopedagogical design of open-ended test tasks in the context of digitalization]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 1 (33). pp. 128–148. doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-128-148
28. Pekrun, R. & Linnenbrink-Garcia, L. (2012) Academic emotions and student engagement. In: Chris-Tenson, S., Reschly, A. & Wylie, C. (eds) *Handbook of Research on Student Engagement*. New York: Springer. pp. 259–282. doi: 10.1007/978-1-4614-2018-7_12

Информация об авторах:

Колядко С.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры методики обучения иностранным языкам Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: svkol012@yandex.ru

Мартыненко Л.Г. – канд. пед. наук, доцент кафедры методики обучения иностранным языкам Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: liliyamartynenko@yandex.ru

Глухова Ю.Н. – канд. филол. наук, доцент кафедры романской филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ygloukhova@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.V. Kolyadko, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: svkol012@yandex.ru

L.G. Martynenko, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: liliyamartynenko@yandex.ru

Yu.N. Glukhova, Cand. Sci. (Philology) associate professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ygloukhova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.02.2024;
одобрена после рецензирования 05.06.2024; принята к публикации 30.07.2024.*

*The article was submitted 28.02.2024;
approved after reviewing 05.06.2024; accepted for publication 30.07.2024.*

Научная статья
УДК 373+374+37.03
doi: 10.17223/15617793/504/19

Технология «Портфолио» как механизм повышения воспитательного потенциала этнокультурного образования

Кулжанат Нурымжановна Булатбаева¹, Гузалия Жевдятовна Фахрутдинова²,
Ботагоз Саликовна Ахметова³, Анар Шынбулатовна Танибергенова⁴

^{1, 3, 4} Национальная академия образования имени И. Алтынсарина, Астана, Казахстан

² Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹ kulzhanat.bulatbayeva@mail.ru

² gdautova@mail.ru

³ akhmetovabotagoz@mail.ru

⁴ anar-tanibergenova@mail.ru

Аннотация. Актуализированы проблемы бесконтрольного времяпрепровождения детей, отсутствия эффективного сотрудничества педагогов и родителей в усилении воспитательного потенциала образовательного процесса. Предложен новый механизм оценивания полезной занятости детей, реализованный в технологии «Портфолио». Приведены результаты опытно-экспериментальной работы и сравнительного анализа в направлении этнокультурного воспитания на двух площадках – г. Астана (Казахстан) и г. Казань (Республика Татарстан). Сделаны выводы, что портфолио личных достижений школьников с накопительными баллами мотивирует всех стейкхолдеров к планированию внеурочного времени школьников, формирует их ценностное мировоззрение.

Ключевые слова: механизм оценивания, личные достижения, портфолио, занятость обучающихся, воспитательный потенциал, этнокультурное образование

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках НТП № BR21882300 «Концептуальные основы национальной интегрированной системы оценивания (НИСО)» (НАО им И. Алтынсарина, 2023–2025 гг.).

Для цитирования: Булатбаева К.Н., Фахрутдинова Г.Ж., Ахметова Б.С., Танибергенова А.Ш. Технология «Портфолио» как механизм повышения воспитательного потенциала этнокультурного образования // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 175–182. doi: 10.17223/15617793/504/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/19

“Portfolio” technology as a mechanism for increasing the educational potential of ethnocultural education

Kulzhanat N. Bulatbayeva¹, Guzaliya Zh. Fahrutdinova², Botagoz S. Akhmetova³, Anar Sh. Tanibergenova⁴

^{1, 3, 4} National Academy of Education named after Ybyrai Altynsarin, Astana, Republic of Kazakhstan

² Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

¹ kulzhanat.bulatbayeva@mail.ru

² gdautova@mail.ru

³ akhmetovabotagoz@mail.ru

⁴ anar-tanibergenova@mail.ru

Abstract. The authors of the article propose a new mechanism for assessing the useful employment of children, which solves modern social problems of children’s uncontrolled pastime when parents are busy, the lack of effective cooperation between teachers and parents in strengthening the educational potential of the educational process. The proposed mechanism motivates all stakeholders to plan schoolchildren’s development for the entire academic year, the most useful use of extracurricular time, and forms children’s value worldview. This article describes the experience of working with a certain number of students, presents the results in the direction of ethnocultural education. This mechanism can be used both locally in a certain class and in the whole school, including in a rural one. For this purpose, schools and administrative bodies should provide for the presence of certain pedagogical conditions for students to score a certain number of points (the work of circles, clubs, sports sections, cooperation with organizations of additional education, the involvement of representatives of the older generation who are not engaged in work – councils of grandparents, schools of excellence, etc.); an increase in the number of individual creative tasks in academic subjects that require research and implementation of project work in extracurricular time. The results of the experiment clearly demonstrated the effectiveness of the proposed mechanism for assessing the level of formation of ethnocultural education of schoolchildren through portfolios. The integration of the activities of children, parents, teachers in the value-oriented development of children in the ethnocultural aspect has been achieved. The stimulation of the activity of schoolchildren and

their parents by the point system of the portfolio should be considered an effective way for the comprehensive development of the younger generation. The authors of the work are interested in scaling up the proposed project in schools that will show interest in the idea of portfolio assessment, and, moreover, in the future, the integration of portfolio assessment into the content of the competitive score for admission to universities. The use of a portfolio of personal achievements serves as a means of motivating the schoolchild in the formation of morality and universal, national, intercultural values.

Keywords: assessment mechanism, personal achievements, portfolio, student employment, educational potential, ethnocultural education

Financial support: The study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, NTP No. BR21882300.

For citation: Bulatbayeva, K.N., Fahrutdinova, G.Zh., Akhmetova, B.S. & Tanibergenova, A.Sh. (2024) "Portfolio" technology as a mechanism for increasing the educational potential of ethnocultural education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp.175–182. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/19

Введение

На современном этапе социально-экономического и политического развития к качеству образования предъявляются новые требования, порождающие необходимость модернизации учебно-воспитательного процесса. Школе принадлежит ведущая роль в решении задачи формирования компетентной личности, обладающей навыками адаптации и самореализации в обществе.

В условиях модернизации образования процесс воспитания учащихся ориентирован на новые социально-психологические эталоны поведения граждан с сохранением и высокой значимостью национальной идентичности и культурного развития, модели саморазвития успешной творческой личности и профессионализма.

На практике недостаточная ценностная ориентированность подрастающего поколения проявляется в инфантилизме, неумении адаптироваться в обществе, асоциальных явлениях, отсутствии патриотизма и недостаточном духовно-нравственном развитии.

К наиболее значимым проблемам системы воспитания относятся формализм, отсутствие механизмов стимулирования обучающихся к личностному саморазвитию и формированию собственного ценностного мировоззрения. Вопрос воспитания обучающихся вне школы остается без внимания педагогического сообщества и других заинтересованных сторон, кроме родителей, которые проявляют разную степень участия в плановой организации деятельности детей.

В этой связи возникает необходимость качественного повышения воспитательного потенциала образовательного процесса и массовое включение родителей в процесс целенаправленного и планомерного развития детей.

Важным направлением воспитательной работы является этнокультурное образование как средство формирования ценностного мировоззрения на базе духовных и педагогических достижений различных этносов. Оно способствует развитию национального самосознания посредством привития ценностных установок своего народа, а также поликультурного мышления путем познания обучающимися культуры других этносов.

Этнокультурная компетентность охватывает комплекс личностных качеств: осознание своей принадлежности к определенному этносу, уважительное отношение к своей культуре, языку, традициям, обычаям, истории; уважительное отношение к культуре, языку, традициям, обычаям, истории других этносов; проявление толерантности, эмпатии, критического мышления; знание и соблюдение социальных и нравственных норм, готовность к поликультурному взаимодействию.

Первые сведения о культуре своего этноса и страны закладываются в семье – главном институте воспитания ребенка, в котором с детских лет формируется жизненная позиция человека. Являясь традиционной универсальной ценностью для всех этносов, семья закладывает в человеке жизненно важные навыки, компетенции, духовно-нравственные установки для формирования личности, способной к успешной социализации в обществе.

Сегодня во многих семьях утрачены этнокультурные основы воспитания, возрождение их возлагается на совместные усилия семьи и школы. Школа призвана оказать поддержку в сохранении и развитии традиционных духовных ценностей и норм семейного образа жизни народов и этносов. Поэтому важно органичное взаимодействие педагогов, родителей и учащихся для формирования личности, сознающей свою этническую уникальность на основе знаний и понимания культуры, языка, корней своего народа и проявляющей межкультурную толерантность.

Педагог должен тесно взаимодействовать с родителями в формировании социально ответственного поведения обучающихся, предполагающего гуманное отношение к разным народам и их культурам.

Важным аспектом воспитания является создание условий для реализации природной способности ребенка к саморазвитию. Присущая человеческой природе способность к саморазвитию, к осмыслению окружающей среды, адаптации к ней и изменению внешних условий способствует формированию личности, органично взаимодействующей с окружающей действительностью. Стремление к саморазвитию дает возможность человеку самостоятельно определить стратегию своего пути, жизненные приоритеты, развить свою индивидуальность, свой взгляд на окружающую

щий мир. При этом он должен понимать, что для достижения чувства удовлетворенности от достижений необходима планомерная, последовательная работа над собой.

Процесс саморазвития реализуется через самопознание, самомотивацию, самоконтроль, самооценку.

Базовым компонентом любой деятельности обучающихся является мотивация: побуждающая, направляющая, придающая смысл тем или иным действиям. Система мотивов охватывает социальные, познавательные и мотивы достижений (Ш.А. Амонашвили, Д.Б. Эльконин и др.). Изучение внутренней и внешней мотивации, их взаимодействия и влияния на человеческое поведение является предметом длительного внимания исследователей, особенно в контексте образования и учебной успеваемости [1–4]. Работы казахстанских ученых (Г.С. Абилдаевой, Ж. Адельбаевой, К. Мусиной, Н.Б. Жиенбаевой, А.А. Рысбаевой и др.) подтверждают важность мотивации для творческой активности, успеха, личностного развития и самоактуализации учащихся [5–10]. Однако анализ отечественного и международного опыта показал, что все исследования в области мотивации обучающихся касаются только учебного процесса. Существует потребность в расширении исследований на внеучебную деятельность, социальное взаимодействие и систему дополнительного образования, основанную на ценностно ориентированном воспитании. Наблюдается недостаток в исследованиях, посвященных влиянию взаимодействия школы, родителей и социума на мотивацию учащихся в контексте дополнительного образования.

Самоконтроль, самооценка являются инструментом определения оценивания результатов деятельности и определения дальнейших ориентиров развития, следования траектории достижения личных целей. Одним из таких средств может послужить портфолио личных достижений ученика, которое уже успешно рекомендовало себя в качестве оценочного инструмента учебной деятельности обучающихся.

Использование портфолио является одной из широко распространенных практик развитых стран. Международный опыт по оценке портфолио как стратегии для самоуправления в обучении описан в отчете и руководстве [11], J.E. Jones [12], S. Schurr [13], модели портфолио аккредитованы и зарегистрированы Европейским комитетом по валидации языкового портфеля [14]. Использование портфолио учащегося предложено также Т.Г. Новиковой и др. [15], Н.П. Тряпицыной и др. [16], Г.Б. Голуб и др. [17], М.А. Пинской [18]. Тем не менее в указанных работах не отражено оценивание воспитания обучающихся с помощью портфолио, не разработаны критерии оценивания воспитания обучающихся.

Между тем использование портфолио может служить также средством мотивации ученика в формировании в нем нравственности, общечеловеческих, национальных, межкультурных ценностей. Деятельность школьника в учебном и внеучебном процессе, в системе дополнительного образования, внешкольном сообществе может сопровождаться самооценкой, оцениванием со стороны школьного сообщества и педагогического коллектива, родительской общественности с

целью стимулирования обучающегося к достижению поставленных целей, постановке дальнейших задач по саморазвитию и самореализации.

Если будут приняты ключевые ценности, распределены необходимые умения школьника и отслеживаемые измерители, то каждый школьник будет заинтересован в достижении поставленных целей по развитию своей личности. Для этого необходимо обеспечить школьников 100-процентной занятостью полезной деятельностью при взаимодействии школы, социума, системы дополнительного образования.

Мониторинг саморазвития обучающегося проводится по следующим показателям: занятость в общешкольных мероприятиях, конкурсах, фестивалях, соревнованиях, степень активности (грамоты, сертификаты, дипломы и т.д.); участие в коллективных творческих проектах и программах (грамоты, сертификаты, дипломы и т.д.); занятость в кружках, секциях системы дополнительного образования (грамоты, сертификаты, дипломы и т.д.); участие в ученическом самоуправлении; личностный рост обучающегося: успеваемость, воспитанность (дисциплинированность, самооценивание, характеристика окружающих); ценностные установки (результаты анкетирования, самооценивание).

В 2013 г. в Национальной академии образования имени Ибрая Алтынсарина была разработана методика оценивания личного портфолио детей начальной, основной и старшей школы (д-р пед. наук К.Н. Булатбаева) [19, 20]. Накопительная балльная система за четверть, полугодие и год является инструментом для совместной деятельности родителей и педагогов по организации целенаправленной, плановой работы по воспитанию и развитию детей, обеспечению их содержательной и полезной занятостью. При этом рекомендуется трехстороннее планирование занятости детей: учащиеся, педагоги школы, родители совместно решают, какие существуют возможности посещения дополнительных занятий с учетом желания детей и их потенциала в том или ином направлении развития. Это и решение задачи ранней профилизации.

Разработанная методика оценивания предполагает создание условий для дополнительного развития детей: насколько школа может содействовать тому, чтобы обучающийся смог набрать необходимое количество баллов в портфолио; насколько семьи могут обеспечить занятость детей через организации дополнительного образования; как вовлечь органы местной власти в процесс планового обеспечения полезной занятости школьников. Основным инструментом для интеграции деятельности всех стейкхолдеров является балльно-накопительная система оценивания портфолио детей школьного возраста.

Цель исследования – апробация механизма оценивания занятости детей в этнокультурном направлении.

Методы исследования

Этнокультурное развитие учащихся, уровень их национального самосознания, их толерантность, уровень подготовленности к поликультурному взаимодействию проверяются через портфолио (табл. 1).

Родители и учащиеся были оповещены о том, что внеурочная деятельность в направлении этнокультурного воспитания будет отмечена характеристиками, разными формами поощрения (грамоты, дипломы), рекомендациями в профильные классы. Внеурочная деятельность по этнокультурному воспитанию оценивалась по механизму, разработанному в Национальной академии (К.Н. Булатбаева). Критерии оценивания по этнокультурному воспитанию стали стимулом планирования внеучебного развития воспитанников выбранного возраста. Баллы проставлялись за четверть, полугодие и год. Такой контроль стимулирует посещение детьми центров национальной культуры, центров дополнительного образования, развития творческих способностей, спортивных секций, участие в конкурсах.

При оценивании внеурочной полезной деятельности обучающихся основной школы (5–9-х классов) запланировано накопление баллов за весь учебный год – 300 баллов. Исходя из этого количества по 25 и менее баллов каждую четверть школьник может набрать за счет устного собеседования, анкетирования, тестирования, при диалоге, которые проводятся комплексно социальным педагогом, психологом, заместителями директора по учебной, воспитательной и научно-исследовательской работе, профориентатором, медицинским работником (от обучающегося ожидается максимум 100 баллов за год). Школьники, постоянно посещающие организации дополнительного образования и получающие музыкальное, спортивное, эстетическое, языковое развитие, каждую четверть получают 10 баллов (итого от обучающихся ожидается максимум 40 баллов за год). Мотивация детей к развитию публикационных навыков обеспечивается разовым количеством баллов – 10 баллов за каждую публикацию (10 баллов за одну статью, 20 баллов за две статьи и т.д.). Также в содержании портфолио личных достижений предусмотрено оценивание за подготовку докладов, рефератов, за участие в общественных мероприятиях (по 5 баллов за каждый продукт или за одно участие в мероприятии). Демонстрация собственных поделок, рисунков и других объектов оценивается по статусу мероприятия (внутришкольный – 10 баллов, городской/районный – 20 баллов, областной – 30 баллов, республиканский –

40 баллов, международный – 50 баллов). При получении призовых мест к этим баллам соответственно уровням прибавляется 5, 10, 15, 20 или 30 баллов. Такое же количество баллов предусмотрено по уровням за участие в других видах конкурсов и соревнований. Особое внимание уделено научным проектам школьников, защита которых оценивается без призового места и с призовым местом соответственно по уровням, начиная от 25 + 5 до 70 + 30. Если за год школьник набирает 300 и более баллов, то за личные достижения учащийся получает сертификат с отметкой «отлично», от 299 до 200 баллов – сертификат с отметкой «хорошо».

Для эксперимента были отобраны 30 учащихся 7–8-х классов г. Астана (Казахстан) и 30 учащихся 7–8-х классов г. Казани (Татарстан). Организация занятости по этнокультурному воспитанию началась с начала учебного года.

Задачей эксперимента было провести ознакомительные заочные и очные экскурсии в имеющиеся центры (Корейский культурный центр, Дворец мира и согласия, Русский дом, Индийский культурный центр, Общество немцев «Возрождение», Дом дружбы и т.д.). Кроме того, в школах было рекомендовано учителям истории, казахского/татарского языка и литературы, географии, художественного труда увеличить количество индивидуальных заданий по написанию рефератов на изучаемые программные темы, дать способным детям по этим предметам школьные научные проекты, вести подготовку к конкурсам этнокультурного направления. Большое внимание уделялось занятости детей во внеурочное время в системе дополнительного образования, а также их активному вовлечению в мероприятия этнокультурной направленности.

Выявление уровня сформированности этнокультурного воспитания школьников осуществляется путем проведения анкетирования, оценивания их участия в мероприятиях с этнокультурной направленностью, занятости в кружках, секциях системы дополнительного образования (табл. 1).

В целях выяснения роли родителей в учебно-воспитательном процессе было проведено анкетирование (табл. 2).

Таблица 1

Выявление уровня сформированности этнокультурного воспитания школьников

№	Критерий сформированности этнокультурной воспитанности	Механизм определения степени вовлеченности в этнокружки, общественные объединения, этномастерские, мероприятия школы и местности	Оценивание в баллах
1	Осознание своей принадлежности к определенному этносу, уважительное отношение к своей культуре, языку, традициям, обычаям, истории	Анкетирование по национальной идентификации личности. Эссе. Стремление совершенствовать речь на родном языке (стили речи, публичная речь, выразительность речи). Совместные мероприятия с представителями старшего поколения по овладению каким-либо ремеслом. Проекты по родному языку (в том числе в сопоставлении), по истории (в том числе истории взаимодействия с другими странами). Конкурсы на знание родной литературы. Исследования края. Исследование жизни и творчества великих людей Казахстана	Занятость в общешкольных мероприятиях, конкурсах, фестивалях, соревнованиях, степень активности (грамоты, сертификаты, дипломы и т.д.); участие в коллективных творческих проектах и программах (грамоты, сертификаты, дипломы и т.д.); занятость в кружках, секциях системы дополнительного образования (грамоты, сертификаты, дипломы и т.д.); участие в ученическом самоуправлении; личностный рост
2	Уважительное отношение к культуре, языку, традициям, обычаям, истории других этносов	Анкетирование по выявлению толерантности. Исследования в выявлении достоинств разных народов (в рамках программ по истории, языкам, литературе, экономических реформ, политических событий).	

№	Критерий сформированности этнокультурной воспитанности	Механизм определения степени вовлеченности в этнокружки, общественные объединения, этномастерские, мероприятия школы и местности	Оценивание в баллах
		Участие в мероприятиях по изучению культуры, традиций, истории других народов. Исследование разных этапов истории, соприкасающейся с историей Казахстана	обучающегося: успеваемость, воспитанность (дисциплинированность, самооценивание, характеристика окружающих); ценностные установки (результаты анкетирования, самооценивание)
3	Проявление толерантности, эмпатии, критического мышления	Эссе. Подготовка мероприятий: телемост, членство в международном клубе интернациональной дружбы, поддержка сверстников в трудных ситуациях	
4	Знание и соблюдение социальных и нравственных норм	Нравственные ценности: общечеловеческие и национально-специфические (исследования фольклорного и литературного материала; исследования исторических фактов)	
5	Готовность к поликультурному взаимодействию	Взаимосвязь со сверстниками из других стран. Участие в общественных движениях	

Таблица 2

Анкета для родителей

№	Вопрос	Ответ
1	Ваш возраст	
2	Род трудовой деятельности	
3	Сколько детей-школьников в Вашей семье?	
4	Укажите возраст Ваших детей и класс	
5	Сколько Ваших детей посещают дополнительные секции, кружки, клубы по интересам?	1/2/3/4
6	Сколько кружков/секций/клубов посещают Ваши дети (ребенок)?	0/1/2/3/4
7	Посещение Вашими детьми (ребенком) дополнительных занятий по интересам является	А. Платным +/- Б. Бесплатным +/-
8	Если занятия платные, то какой процент семейного бюджета в месяц Вы тратите на дополнительное развитие детей (ребенка)?	
9	Если Ваши дети (ребенок) не посещают дополнительные занятия по интересам, то каковы причины?	А. Не интересовался/-лась, занят(-а/-ы) на работе +/- Б. Не позволяет семейный бюджет +/- В. Нет в микрорайоне соответствующих кружков/секций/клубов, возить в другие микрорайоны нет времени и возможности +/- Г. В школе мало кружков/секций/клубов, действующие заполнены, больше не могут принять
10	Планировали ли Вы с классным руководителем или другим педагогом Вашего ребенка / классными руководителями или другими педагогами Ваших детей дополнительное развитие Ваших детей во внеурочное время?	+/-
11	Использовали ли онлайн-возможности для дополнительного развития Ваших детей во внеурочное время?	+/-
13	Оказываете ли Вы помощь Вашим детям (ребенку) в участии в школьных мероприятиях?	+/-
14	Как Вы оцениваете Ваше взаимодействие со школой в вопросе воспитания Вашего ребенка?	Плохо/удовлетворительно/хорошо

Результаты и обсуждение

Предлагаемый педагогический механизм оценивания апробируется на примере этнокультурного воспитания учащихся Татарстана и Казахстана. Выбор этнокультурного направления обосновывается близостью культур казахского и татарского народов, схожестью национальных традиций и ценностей в семейном воспитании. Реализации предлагаемой научной идеи способствуют организованные в Татарстане и Казахстане специальные педагогические условия (педагогические классы, педагогические отряды, педагогические мастерские, клубы дедов, отцов, бабушек, матерей и т.д.) [21].

Так, в Астане действует около 20 национально-культурных центров, дворцов, обществ, домов дружбы. Кроме того, имеется более пяти спортивных сооружений для занятий национальными видами спорта (тоғыз құмалақ, қазақша күрес, асық ату), множество танцевальных кружков в школах (обучают танцам народов мира), почти в каждом микрорайоне имеются центры изучения языков. Достаточно солидной базой для обучения подростков народному промыслу

является Национально-культурный комплекс «Этноаул», где они знакомятся с богатой историей, культурой, искусством и традициями казахского народа. В «Этноауле» обычно организовываются фестивали казахского музыкального и театрального искусства, мастер-классы декоративно-прикладного искусства, ремесленные и художественные выставки, фестивали этнической музыки, конноспортивные мероприятия, соревнования по национальным видам спорта и другие мероприятия.

Этнокультурному развитию в Татарстане способствует расположенная в центре г. Казани татарская деревня «Туган Авылым». Она представляет собой этнографический музей под открытым небом и одновременно развлекательный центр, в котором, находясь в пределах мегаполиса, можно ощутить сельскую атмосферу, ознакомиться с бытом, историей, культурой и народными промыслами татарского народа. Домом Дружбы народов Татарстана реализуется также проект «Этнокультурная Казань», в основе которого лежит туристический маршрут, охватывающий Культурный центр им. А.С. Пушкина, Немецкий Дом РТ,

Еврейский центр «Хэсэд Моше», Культурный центр им. Я.Е. Емельянова и Дом дружбы народов Татарстана, а также этнографические музеи и выставки, посвященные истории и культуре различных народов.

Нами были выбраны школьники разных национальностей, которые проявляют интерес к родной культуре и культуре других народов, занимаются исследованиями по изучению исторических памятников, ходят в кружки народных ремесел, изучают историю народов, устное народное творчество разных народов, собирают фольклорные материалы, исследуют сходства и различия языков, посещают мастерские, поют в народном хоре, танцуют в народных ансамблях, находят интересные занятия в национальных центрах, создают музейные экспонаты, организывают и посещают выставки национальной культуры разных народов, пробуют себя в качестве гидов в национальных музеях или ораторов перед публикой, изучают биографию известных исторических лиц, сыгравших весомую роль в истории того или иного народа. Для этого были задействованы педагогические отряды в школах г. Казани, педагоги школ и родители, которые, по желанию детей, выбирали занятие по интересам в рамках предложенного списка.

Анкетирование родителей испытуемых школьников проводилось на начальном этапе эксперимента и по его завершении. При этом были вовлечены и другие родители одноклассников испытуемых учащихся. В анкетировании приняли участие 83 родителя. Возрастной состав: от 35 до 55 лет. Многодетных семей: 13%.

В городах действует множество кружков и секций во Дворце школьников, много частных центров развития. Однако анкетирование на начальном этапе показало, что только 8 родителей из 87 (9%) выбор занятий по интересам делали совместно с детьми. Некоторые родители особого интереса не проявляют к внеурочной деятельности детей. Кроме того, 9 родителей (10%) даже не знали, что их дети посещают кружки или дополнительные занятия (это минус родителям, плюс детям, которые проявляют самостоятельность в своих действиях). Многим родителям не под силу оплачивать кружки по интересам. Иногда на выбранные дополнительные занятия по интересам необходимо отвозить детей в другой микрорайон города, это требует дополнительных расходов, времени родителей.

На вопрос «Планировали ли Вы с классным руководителем или другим педагогом Вашего ребенка / классными руководителями или другими педагогами Ваших детей дополнительное развитие Ваших детей во внеурочное время?» положительно ответили лишь 6 родителей из 87 (6,9%), на вопрос «Использовали ли онлайн-возможности для дополнительного развития Ваших детей во внеурочное время?» ответили «Да» только четверо родителей ((4,6%), на вопрос «Оказываете ли Вы помощь Вашим детям в участии в школьных мероприятиях?» положительно ответили 20 родителей (23%), на вопрос «Как Вы оцениваете Ваше взаимодействие со школой в вопросе воспитания Вашего ребенка?» ответы распределились следующим образом: плохо – 32 родителя (36,8%),

удовлетворительно – 30 (34%), хорошо – 10 (11,5%), 15 человек затруднились ответить.

Этнокультурное воспитание остается прерогативой плановых уроков; в некоторых школах действуют музеи, руководителем которых является учитель казахского языка и литературы, который привлекает школьников к мероприятиям этнокультурного направления.

Анкетирование по завершению эксперимента показало резкий рост занятости испытуемых школьников в системе дополнительного образования, их участия в мероприятиях, а также активности их родителей в организации внеурочного развития детей и взаимодействия родителей со школой. Уже 42 родителя из 87 (48%) делали выбор занятий по интересам совместно с детьми. Кроме того, на вопрос «Планировали ли Вы с классным руководителем или другим педагогом Вашего ребенка / классными руководителями или другими педагогами Ваших детей дополнительное развитие Ваших детей во внеурочное время?» положительно ответили уже 26 родителей из 87 (30%), на вопрос «Использовали ли онлайн-возможности для дополнительного развития Ваших детей во внеурочное время?» ответили «Да» 10 родителей ((11,5%), на вопрос «Оказываете ли Вы помощь Вашим детям в участии в школьных мероприятиях?» положительно ответили 28 родителей (36%), на вопрос «Как Вы оцениваете Ваше взаимодействие со школой в вопросе воспитания Вашего ребенка?» ответы распределились следующим образом: плохо – 15 родителей (17%), удовлетворительно – 40 (46%), хорошо – 20 (23%), 12 человек затруднились ответить.

Исходя из анализа анкетирования, родители удовлетворены работой кружков и секций. Большинство родителей отметили, что дети, посещая дополнительные занятия, реализовывают свои познавательные интересы, потребность в общении со сверстниками, с интересом и пользой проводят свое время, участвуют в мероприятиях, организуемых на уровне школы. Посещаемость школьниками кружков, секций системы дополнительного образования выросла на 30%.

Анкетирование обучающихся на предмет сформированности этнокультурной грамотности показало в целом рост национальной идентификации личности на 32%, толерантности – на 28%, эмпатии – на 25%. По завершении эксперимента испытуемые продемонстрировали осознание своей этнической уникальности на основе знаний и понимания культуры, языка, корней своего народа, а также уважение к культуре, традициям, истории других народов.

Таким образом, результаты анкетирования родителей наглядно продемонстрировали действенность предложенного механизма оценивания уровня сформированности этнокультурного воспитания школьников посредством портфолио. Налицо интеграция деятельности детей, родителей, учителей, стимулирование балльной системой портфолио активности обучающихся и их родителей, ценностно ориентированное развитие обучающихся в этнокультурном аспекте.

Пример этнокультурного образования показывает возможности охвата всех направлений воспитания и формирования функциональной грамотности обучающихся.

В настоящее время проведение экспериментальных работ продолжается. Авторы работы заинтересованы в масштабировании предлагаемого проекта в тех школах, которые проявят интерес к идее оценивания портфолио и, более того, в перспективе – к интеграции оценки портфолио в содержание конкурсного балла при поступлении в вузы. Воспитание – основа качественного обучения. Эта аксиома сегодня не учитывается, следовательно, оценка

за прилежание, старание, самоуправление и саморазвитие школьников, представленная в виде накопительных баллов, должна стать движущей силой к качеству образовательного процесса в целом.

Портфолио личных достижений обучающихся объединяет также усилия педагогов, родителей в обеспечении полезной занятости подрастающего поколения.

Список источников

1. Martela F., Ryan R.M. Distinguishing between basic psychological needs and basic wellness enhancers: The case of beneficence as a candidate psychological need // *Motivation and Emotion*. 2019. Vol. 44. P. 116–133. doi: 10.1007/s11031-019-09800-x
2. Ryan R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory // *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Springer, Cham, 2022. doi: 10.1007/978-3-319-69909-7_2630-2
3. Roth G., Vansteenkiste M., Ryan R.M. Integrative emotion regulation: Process and development from a self-determination theory perspective // *Development and Psychopathology*. 2019. № 31 (3). P. 945–956.
4. Ryan R.M., Deci E.L. Brick by brick: The origins, development, and future of self-determination theory // A.J. Elliot (Ed.) *Advances in motivation science*. 2019. Vol. 6. P. 111–156.
5. Абилдаева Г.С. Развитие мотивации достижения у современных школьников в процессе обновленного содержания обучения : дис. ... д-ра филос. (PhD). Алматы, 2023. 190 с. URL: https://www.kaznpu.kz/docs/docs/14.7.2023_dis.pdf
6. Абилдаева Г.С., Жиенбаева Н.Б., Тапалова О.Б. Взаимосвязь мотивации достижения и самоактуализационного потенциала школьников // *Вестник КазНПУ им. Абая*. Серия: Психология. 2021. № 4 (69). С. 7–14.
7. Адельбаева Н., Мусина Ж., Кажимова К. Социально-эмоциональное благополучие школьников. Пример Казахстана. В PISA-2018 // *Хабаршы. Педагогическая серия*. 2022. № 46. С. 14–20.
8. Жиенбаева Н.Б., Абилдаева Г.С. Развитие мотивации достижения школьников в рамках обновленного содержания обучения // *Тенденции развития науки и образования*. 2019. № 54, ч. 1. С. 59–64.
9. Рысбаева А.А. Методология развития успешности деятельности как категории педагогики : дис. ... д-ра пед. наук. Алматы, 2004. 332 с.
10. Абилдаева Г.С., Жиенбаева Н.Б., Тапалова О.Б. Психолого-педагогическая диагностика мотивации достижения современных школьников. Шымкент : Элем, 2021. 100 с.
11. Learning for the 21st Century – A Report and Mite Guide for 21st Century Skills. Partnership for 21st Century Skills. Washington, DC, 2002. P. 36.
12. Jones J.E. Portfolio Assessment as a Strategy for Self Direction in Learning // *New Directions for Adult and Continuing Education*. 1994. Vol. 64. P. 23–29.
13. Schurr S. Authentic Assessment from A to Z: Using Product, Performance, and Portfolio Measures. Columbus, Ohio : National Middle Sc, 1999. 112 p.
14. European Language Portfolio accredited model. URL: <https://www.coe.int/en/web/portfolio/concevoir-un-modele-pel>
15. Новикова Т.Г., Пинская М.А., Прутченков А.С., Федотова Е.Е. Использование портфолио учащегося в предпрофильной подготовке и профильном обучении. М. : Сентябрь, 2009. 176 с.
16. Авферинок Л.С., Акулова О.В., Бахмутский А.Е. и др. Модернизация общего образования: оценка образовательных результатов. СПб. : Береста, 2002. 112 с.
17. Голуб Г.Б., Чуракова О.В. Портфолио в системе педагогической диагностики // *Педагогическая диагностика*. 2005. № 3. С. 56–81.
18. Пинская М.А. Портфолио: возможности и актуальные задачи // *Управление образованием: теория и практика*. 2011. № 2. С. 79–92.
19. Булатбаева К.Н. и др. Пути организации государственного контроля по завершении общего среднего образования с учетом портфолио личных достижений учащегося // *12-летнее образование*. 2013. № 3. С. 15–22.
20. Булатбаева К.Н. Отражение компонента функциональной грамотности в содержании 12-летнего образования // *12-летнее образование*. 2013. № 3. С. 43–50.
21. Фахрутдинова Г.Ж., Ибраева З.Р., Булатбаева К.Н. Развитие поликультурного образования в Татарстане и Казахстане // *Образование и саморазвитие*. 2023. Т. 18 (3). С. 184–201. doi: 10.26907/esd.18.3.12

References

1. Martela, F. & Ryan, R.M. (2019) Distinguishing between basic psychological needs and basic wellness enhancers: The case of beneficence as a candidate psychological need. *Motivation and Emotion*. 44. pp. 116–133. doi: 10.1007/s11031-019-09800-x
2. Ryan, R.M. & Deci, E.L. (2022) Self-Determination Theory. In: *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Cham: Springer. doi: 10.1007/978-3-319-69909-7_2630-2
3. Roth, G., Vansteenkiste, M. & Ryan, R.M. (2019) Integrative emotion regulation: Process and development from a self-determination theory perspective. *Development and Psychopathology*. 31 (3). pp. 945–956.
4. Ryan, R.M. & Deci, E.L. (2019) Brick by brick: The origins, development, and future of self-determination theory. *Advances in Motivation Science*. 6. pp. 111–156.
5. Abildaeva, G.S. (2023) *Razvitie motivatsii dostizheniya u sovremennykh shkol'nikov v protsesse obnovlennogo soderzhaniya obucheniya* [Development of achievement motivation in modern schoolchildren in the process of updated educational content]. PhD Thesis. Almaty. [Online] Available from: https://www.kaznpu.kz/docs/docs/14.7.2023_dis.pdf
6. Abildaeva, G.S., Zhienbaeva, N.B. & Tapalova, O.B. (2021) Vzaимosvyaz' motivatsii dostizheniya i samoaktualizatsionnogo potentsiala shkol'nikov [The relationship between achievement motivation and self-actualization potential of schoolchildren]. *Vestnik KazNPU im. Abaya. Seriya Psikhologiya*. 4 (69). pp. 7–14.
7. Adel'baeva, N., Musina, Zh. & Kazhimova, K. (2022) Sotsial'no-emotsional'noe blagopoluchie shkol'nikov. Primer Kazakhstana. V PISA-2018 [Social and emotional well-being of schoolchildren. Example of Kazakhstan. In PISA-2018]. *Khabarshy. Pedagogicheskaya seriya*. 46. pp. 14–20.
8. Zhienbaeva, N.B. & Abildaeva, G.S. (2019) Razvitie motivatsii dostizheniya shkol'nikov v ramkakh obnovlennogo soderzhaniya obucheniya [Development of motivation for achievement of schoolchildren within the framework of the updated content of education]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 54. Part 1. pp. 59–64.
9. Rysbaeva, A.A. (2004) *Metodologiya razvitiya uspekhnosti deyatel'nosti kak kategorii pedagogiki* [Methodology of development of success of activity as a category of pedagogy]. Pedagogy Dr. Diss. Almaty.

10. Abildaeva, G.S., Zhiyenbaeva, N.B. & Tapalova, O.B. (2021) *Psikhologo-pedagogicheskaya diagnostika motivatsii dostizheniya sovremennykh shkol'nikov* [Psychological and Pedagogical Diagnostics of Achievement Motivation of Modern Schoolchildren]. Shymkent: Ælem.
11. P21. (2002) *Learning for the 21st Century – A Report and Mite Guide for 21st Century Skills*. Washington, DC: Partnership for 21st Century Skills. P. 36.
12. Jones, J.E. (1994) Portfolio Assessment as a Strategy for Self Direction in Learning. *New Directions for Adult and Continuing Education*. 64. pp. 23–29.
13. Schurr, S. (1999) *Authentic Assessment from A to Z: Using Product, Performance, and Portfolio Measures*. Columbus, Ohio: National Middle Sc.
14. European Language Portfolio. (n.d.) *Accredited Model*. [Online] Available from: <https://www.coe.int/en/web/portfolio/concevoir-un-modele-pel>
15. Novikova, T.G. et al. (2009) *Ispol'zovanie portfolio uchashchegosya v predprofil'noy podgotovke i profil'nom obuchenii* [Using a Student's Portfolio in Pre-Profile Training and Profile Education]. Moscow: Sentyabr'.
16. Avferonok, L.S. et al. (2002) *Modernizatsiya obshchego obrazovaniya: otsenka obrazovatel'nykh rezul'tatov* [Modernization of General Education: Assessment of educational results]. Saint Petersburg: Beresta.
17. Golub, G.B. & Churakova, O.V. (2005) Portfolio v sisteme pedagogicheskoy diagnostiki [Portfolio in the system of pedagogical diagnostics]. *Pedagogicheskaya diagnostika*. 3. pp. 56–81.
18. Pinskaya, M.A. (2011) Portfolio: vozmozhnosti i aktual'nye zadachi [Portfolio: possibilities and current tasks]. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika*. 2. pp. 79–92.
19. Bulatbaeva, K.N. et al. (2013) Puti organizatsii gosudarstvennogo kontrolya po zavershenii obshchego srednego obrazovaniya s uchetom portfolio lichnykh dostizheniy uchashchegosya [Ways of organizing state control upon completion of general secondary education taking into account the portfolio of personal achievements of the student]. *Zhurnal "12-letnee obrazovanie"*. 3. pp. 15–22.
20. Bulatbaeva, K.N. (2013) Otrazhenie komponenta funktsional'noy gramotnosti v sodержanii 12-letnego obrazovaniya [Reflection of the functional literacy component in the content of 12-year education]. *12-letnee obrazovanie*. 3. pp. 43–50.
21. Fakhrutdinova, G.Zh., Ibraeva, Z.R. & Bulatbaeva, K.N. (2023) Razvitie polikul'turnogo obrazovaniya v Tatarstane i Kazakhstane [Development of multicultural education in Tatarstan and Kazakhstan]. *Obrazovanie i samorazvitie*. 18 (3). pp. 184–201. doi: 10.26907/esd.18.3.12

Информация об авторах:

Булатбаева К.Н. – д-р пед. наук, главный научный сотрудник лаборатории общественно-гуманитарных наук Национальной академии образования имени И. Алтынсарина (Астана, Казахстан). E-mail: kulzhanat.bulatbayeva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7288-8120

Фахрутдинова Г.Ж. – д-р пед. наук, профессор кафедры методологии обучения и воспитания Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: gdautova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3416-5300

Ахметова Б.С. – канд. биол. наук, ведущий научный сотрудник Центра теории и методики воспитания Национальной академии образования имени И. Алтынсарина (Астана, Казахстан). E-mail: akhmetovabotagoz@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1350-1248

Танибергенова А.Ш. – канд. пед. наук, директор Центра теории и методики воспитания Национальной академии образования имени И. Алтынсарина (Астана, Казахстан). E-mail: anar-tanibergenova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8002-7910

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.N. Bulatbayeva, Dr. Sci. (Pedagogics), chief research fellow, National Academy of Education named after Ybyrai Altynsarin (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: kulzhanat.bulatbayeva@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7288-8120

G.Zh. Fakhrutdinova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: gdautova@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3416-5300

B.S. Akhmetova, Cand. Sci. (Biology), leading research fellow, National Academy of Education named after Ybyrai Altynsarin (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: akhmetovabotagoz@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1350-1248

A.Sh. Tanibergenova, Cand. Sci. (Pedagogics), director of the Psychology, Education and Personal Development Center, National Academy of Education named after Ybyrai Altynsarin (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: anar-tanibergenova@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8002-7910

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.06.2024;
одобрена после рецензирования 09.07.2024; принята к публикации 30.07.2024.*

*The article was submitted 28.06.2024;
approved after reviewing 09.07.2024; accepted for publication 30.07.2024.*

Научная статья
УДК 796.431
doi: 10.17223/15617793/504/20

Использование древнегреческой методики прыжка в длину с хальтересами в учебном процессе студентов вуза

Александр Сергеевич Сидоренко¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия, thesis@internet.ru

Аннотация. Представлена проверка эффективности использования утяжелителей разного веса при выполнении прыжка в длину с места. В результате эксперимента с участием студентов Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения зафиксировано незначительное улучшение результатов в прыжке в длину с места с удерживаемыми в руках утяжелителями весом 1–1,5 кг у юношей и весом 0,5 кг у девушек, достигнутыми при грамотном техническом исполнении прыжка после предварительной подготовки.
Ключевые слова: история античного спорта, прыжок в длину с места, хальдересы, студенты вуза

Для цитирования: Сидоренко А.С. Использование древнегреческой методики прыжка в длину с хальтересами в учебном процессе студентов вуза // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 183–189. doi: 10.17223/15617793/504/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/20

The use of the ancient Greek long jump technique with halteres in the educational process of university students

Aleksandr S. Sidorenko¹

¹ Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation, thesis@internet.ru

Abstract. Ancient Greece was a highly developed civilization that gave the world many useful discoveries and inventions. According to ancient Greek historians and artifacts that have survived to this day, Greeks were able to achieve a lot in the field of sports. Ancient athletes performed the long jump with special stone or metal dumbbells in their hands, called halteres, weighing from 1.5 to 4.6 kg each. Accurate information about the jumping technique and the effectiveness of halteres has not been preserved; however, a number of experts, based on research, believe that the use of weights can increase the range of a standing long jump to 15–20 cm. In order to test the effectiveness of using different weights when performing a standing long jump, the authors conducted a small pedagogical experiment, the participants of which were 27 male and 12 female first-year students of Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. The participants in the experiment performed three standing jumps without dumbbells, then after a little preliminary technical training they made alternate jumps with dumbbells weighing 0.5 kg, 1 kg, 1.5 kg, and 2 kg in each hand, three jumps with each weight. Among young men, the average result of a jump with dumbbells weighing 0.5 kg practically did not change compared to a regular jump; when using dumbbells of 1 kg and 1.5 kg, an average improvement in the result was observed, respectively, by 1.63 cm and 3.04 cm; heavier dumbbells of 2 kg reduced the result by 5.11 cm relative to 1.5 kg dumbbells and by 2.07 cm relative to a no-load jump. Among girls, an improvement in the average result relative to a jump without weights was noted only when using dumbbells weighing 0.5 kg by 1.83 cm. However, further, with an increase in the weight of dumbbells, a slight decrease in results was found below the level of a regular jump without weights, with a weight of 1 kg by 0.28 cm, with a weight of 1.5 kg by 1.92 cm. But then, when performing a jump with dumbbells of 2 kg, the result slightly increased compared to a jump with a weight of 1.5 kg by 1.04 cm. At the same time, some male students were able to improve the result of the jump by 17 cm with dumbbells of 1.5 kg, and girls 10 cm with dumbbells of 1 kg. The halteres used by ancient athletes during a jump, according to the laws of biomechanics, contribute to increasing the distance of the jump only if an accurate and competent technique is observed in combination with a sufficient basic level of general physical fitness. The use of light-weight dumbbells during training sessions for university students will help students more effectively master the correct standing long jump technique because weights will allow the jumper to make more competent directed movements of the upper shoulder girdle to move the center of the body mass in all phases of the jump.

Keywords: history of ancient sports, standing long jump, halteres, university students

For citation: Sidorenko, A.S. (2024) The use of the ancient Greek long jump technique with halteres in the educational process of university students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 183–189. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/20

Техника выполнения упражнений древними греками на античных Олимпийских играх, запечатленная на сохранившихся экспонатах живописи, демонстрирует, что античные атлеты и их наставники обладали достаточно высоким уровнем знаний в вопросах кинематики и динамики движений. Атмосфера состязательности античного греческого общества, как известно, сформировала высокую культуру, которая позволяла грекам ощущать свое духовное превосходство над «варварами», т.е. над всеми остальными народами, которым это было не свойственно [1]. При этом из всех видов соревнований одним из самых необычных и непонятных для современного восприятия был древнегреческий прыжок в длину, который входил в состав пентатлона, древнегреческого пятиборья. Дело в том, что атлеты выполняли его со специальными каменными или металлическими гантелями в руках, называемыми хальтересами, вес которых на разных соревнованиях, судя по найденным артефактам, колебался от 1,48 до 4,63 кг, а длина варьировалась от 18 до 26 см [2. С. 47]. При этом известно, что тяжелые хальтересы использовались античными атлетами не только для прыжков, но и в качестве обычной силовой подготовки, поэтому невозможно точно сказать, какого именно веса камни применялись на состязаниях в прыжках. Более того, прыжок каждого атлета сопровождался игрой на флейте [3. С. 39]. Имеющиеся в распоряжении ученых античные экспонаты дают возможность оценить конструкцию хальтереса, которая представляла собой особым образом обточенный камень для лучшего обтекания воздуха с отверстием для хвата (рис. 1). Древнегреческий историк Павсаний так описывал хальтересы: «Эти гири имеют такой вид: посередине они представляют несколько удлиненный, не совсем правильный диск; он сделан так, что через него можно пропустить пальцы рук таким же образом, как через ручку щита» [4].

Рис. 1. Хальтересы.
Национальный Археологический музей, Афины

Почему именно прыжок на дальность был таким важным элементом подготовки и состязаний в античной Греции? Очевидно, что одной из главных задач проведения античных соревнований была военная подготовка, которая предполагала через занятия спортом создание более боеспособной армии, вследствие чего в программу античных Олимпиад входили состязания, схожие по своей структуре с действиями воинов на

поле боя. А преодоление естественных препятствий, в том числе оврагов и ям, да еще и с грузом в руках, является неотъемлемой частью движений пехотинца.

По мнению древних греков, хальтересы должны были усиливать отталкивание и точнее направлять размах рук, облегчая прыжок и увеличивая его длину. В данном случае они точно представляли себе такие понятия, как общий центр масс тела, действие на атлета силы реакции опоры, векторы приложения сил тяжести и инерции.

Точных описаний того, каким образом греки выполняли прыжок, не сохранилось. Технику прыжка можно оценить только по рисункам на немногочисленных сохранившихся древнегреческих вазах, да и то на некоторых из них позы атлетов разительно различаются (рис. 2). Расцвет древнегреческой чернофигурной, а затем и краснофигурной вазописи как раз и приходится на VII–IV в. до н. э., время активного развития античного олимпизма, поэтому многие сюжеты того времени на амфорах, кратерах и ликифах отражали сцены состязаний из Олимпийских игр древности и стали впоследствии главным источником информации о физических упражнениях древних греков [5].

Однако в задачи античных художников не входила точная передача техники движений атлета для их последующей интерпретации потомками. Они старались приукрасить то или иное событие и представить своего героя в лучшем свете в самый яркий момент его действия. Поэтому очевидно, что многие из изображений имеют статичный характер и не могут отобразить все нюансы возможного движения спортсмена, а специалистам в области спорта приходится пытаться воспродуцировать технику движений атлетов по ее отдельным фрагментам [6].

На разных вазах по-разному изображены и формы самих хальтересов. Можно выделить три основных типа. Первый тип аналогичен экземплярам, отображенным на рис. 1, и скорее всего предназначался для проведения официальных соревнований. Второй тип чем-то напоминает утюг (рис. 2, а). Третий, наиболее часто встречающийся тип хальтересов, очень похож на телефонную трубку конца XX в. (рис. 2, б). Второй и третий типы, по мнению большинства специалистов, представляли собой мешочки с песком, которые, скорее всего, использовались в тренировочном процессе, учитывая что античные прыгуны перед состязаниями проходили длительную серьезную подготовку. И именно тренировки атлетов служили почвой для творчества античных художников.

Вопрос относительно техники выполнения прыжка окончательно запутали древнегреческие литературные источники, согласно которым античный олимпийский чемпион Фаилл из Кротона в 500 г. до н. э. на 70-й Олимпиаде прыгнул на 55 дельфийских стоп. Имя Фаилла из Кротона упоминают многие греческие писатели, в том числе Павсаний и Геродот. Фаилл прыгал, в пересчете на сегодняшние единицы измерения, в районе 16,20–16,40 м, что соответствует результату современного тройного прыжка [7. Р. 130]. Ученые, занимающиеся данным вопросом, с учетом современных знаний о кинематике и биомеханике прыжков, имеют на этот счет разные мнения.

а

б

Рис. 2. Прыжок в длину с использованием хальтересов. Изображения на древнегреческих вазах

Учитывая длину прыжка, по мнению одних специалистов, он выполнялся с разбега с небольшого возвышения, расположенного примерно в 8–10 м от ямы с песком и результат измерялся от начала разбега. В пользу этой версии говорит игра на флейте во время прыжка, так флейтист мог задавать прыгуну ритм разбега [7, 8]. Позиция атлета на одной из ваз соответствует фазе разбега (рис. 2, б). Прыгали греки в яму с песком, называемую скаммой, которая достигала в длину около 6 м. Если по отпечаткам ног, оставшихся на песке, устанавливали, что одна нога ступила впереди другой, прыжок не засчитывался, так как греки чрезвычайное значение придавали стилю. Длину прыжка отмечали чертой на песке, иногда сбоку втыкали в песок специальные палочки. Длину прыжка судья измерял ступнями от места начала разбега (возвышения) до следов ступней, оставленных в яме с песком. Поэтому результат порядка 16 м складывался из длины разбега и длины «чистого» прыжка. В журнале «Легкая атлетика» Уткин воспроизводит кинематическую схему данного прыжка с разбега с хальтересами в руках (рис. 3).

Косвенным подтверждением этой версии являются слова древнегреческого учёного-энциклопедиста Феофраста, так описавшего прыжок Фаилла: «Сей муж пролетел над скаммой от начала до конца и, опустившись на твердую, каменистую землю, сломал левую ногу» [8].

Рис. 3. Кинематическая схема прыжка в длину с разбега с хальтересами [8]

Многие исследователи считают, что имело место выполнение пяти прыжков в длину с места подряд, учитывая, что число пять символично для древнегреческих соревнований. При этом атлет гантели из рук не выпускал [10–13]. Согласно Минетти схема античного прыжка выглядела так, как отображено на рис. 4 [14].

Рис. 4. Кинематическая схема прыжка в длину с места с хальтересами [14]

По предположениям других специалистов атлет мог совершать тройной прыжок аналогичный современному [9, 10]. Теория тройного прыжка была очень популярна среди исследователей в конце XIX – начале XX в., в тот период, когда и зародился современный тройной прыжок. Причем высказывались варианты как в пользу обычного тройного прыжка с ноги на ногу, так и в пользу классического прыжка «скачок–шаг–прыжок». Сторонники версий тройного прыжка ссылались на изображения на вазах, когда одна нога прыгуна отстоит от другой, в то время как обе руки с хальтересами одновременно направлены вверх–вперед. Противники данной версии полагают: античные художники специально искажали структуру прыжка, чтобы равномерно заполнить имеющееся круглое пространство на вазе и придать изображению лучший художественный эффект, а это часто приводило к довольно неестественным позам атлетов. Однако в дальнейшем гипотеза о тройном прыжке была отвергнута после практических попыток ее исполнения хорошо подготовленными спортсменами, которые испытывали проблемы с координацией во время каждой фазы прыжка [9].

Вполне вероятно, что на играх, которые проходили в разных городах античной Греции – Олимпии, Дельфах, Коринфе, Немее, правила могли несколько отличаться, и те и другие специалисты могут быть правы.

Вне зависимости от стиля прыжка с хальтересами увеличение его длины можно объяснить изменениями положения центра масс при взлете и приземлении и увеличением скорости центра масс при взлете. Согласно исследованиям Ашби и Хигарда, движение рук с гантелями вперед при взлете увеличивает горизонтальное расстояние между ступнями и центром масс прыгуна [15].

Минетти и Ардиго считают, что центр масс тела преодолеет большее расстояние по вертикали, поскольку движение гантелей направлено вверх при взлете и вниз непосредственно перед приземлением,

что удлиняет траекторию полета и приводит к дополнительному увеличению расстояния прыжка [14].

Замах рук с утяжелителями во время фазы разгибания нижних конечностей может привести к увеличению накопления механической энергии в сухожилиях и связках, способствуя более мощному взлету (Андерсон и Панди) [16]. А дополнительный импульс, передаваемый центру масс путем раскачивания гантелей, может способствовать увеличению его скорости (Ли и Бартон) [10]. Без активного замаха руками прыгун не использует всю доступную мышечную силу при отрыве от поверхности, а применение гантелей должно усиливать этот эффект, позволяя задействовать все доступные мышечные группы.

Проватидис считает, что максимальная длина прыжка возможна при достижении наибольшей угловой скорости рук по перемещению хальтересов, вне зависимости от начального положения гантелей [17]. При определенной угловой скорости чем больше вес каждого хальтереса, тем дольше прыгун остается в воздухе и длиннее прыжок. Истинная причина увеличения длины прыжка заключается в том, что вращение рук приводит к увеличению скорости отрыва центра масс всего тела прыгуна. При выполнении взлета обе руки поднимаются на высоту бедер и создается большой вертикальный импульс.

Насколько эффективно хальтересы помогали атлету во время прыжка, долгое время было предметом дискуссий. Основываясь на своих практических экспериментах, Эберт установил, что гантели весом по 2,5 кг в каждой руке обеспечивают преимущество в 15–20 см в прыжке в длину с места, по сравнению с прыжком без нагрузки [9]. Минетти и Ардиги подсчитали, что прыжок с места с гантелями весом по 3 кг улучшает результат на 17 см [14].

Ленуар, Клерк и Лапорте провели эксперимент, в котором приняли участие 4 спортсмена, 3 подготовленных легкоатлета и велосипедист. Они совершали прыжки с места со специальными гантелями в руках весом 2,63 кг, что соответствует среднему весу всех найденных в Греции хальтересов. Средний результат без утяжелителей у них получился 2,59 м, с утяжелителями – 2,77 м, т.е. на 18 см больше [18]. Кроме того, 4 легкоатлета принимали участие в эксперименте Фридмана и Миллера: они выполняли прыжки с гантелями разного веса, однако у них произошло небольшое снижение результата при прыжках с отягощениями [19].

Для того чтобы самостоятельно проверить эффективность использования утяжелителей разного веса при выполнении прыжка в длину с места, автором был проведен небольшой педагогический эксперимент, участниками которого стали 27 студентов – юношей и 12 девушек 1-го курса Санкт-Петербургского университета аэрокосмического приборостроения. Уникальность работы заключалась в том, что данную тему поднимали сами студенты в процессе изучения лекционного курса дисциплины «Физическая культура», которые и предложили в процессе практических занятий экспериментально проверить, как вес снаряда влияет на дальность прыжка.

Испытуемые юноши представляли собой обычных студентов из трех учебных групп, в то время как все участницы группы девушек имели спортивную подготовку и являлись членами сборных команд вуза по разным видам спорта.

После разминки участники эксперимента выполняли 3 прыжка с места на результат без утяжелителей, затем испытуемые проводили небольшую предварительную техническую подготовку с гантелями, которая включала в себя теоретическое освоение техники прыжка и несколько пробных прыжков с гантелями. После этого участники эксперимента совершали очередные прыжки с гантелями весом 0,5 кг, 1 кг, 1,5 кг и 2 кг в каждой руке, по 3 прыжка с каждым весом, и в конце снова совершали 3 прыжка без нагрузки. Использовать гантели весом более 2 кг было нецелесообразно, во-первых, по соображениям техники безопасности, во-вторых, тестовые прыжки показали, что для студентов они неудобны и значительно искажают структуру прыжка.

При выполнении прыжков с гантелями, согласно технике античных атлетов, реализовывалась установка на вынос рук с утяжелителями вверх–вперед в первой части полетной фазы и резкий замах рук назад перед приземлением (рис. 2, а). Кроме непосредственного измерения длины прыжка, визуально оценивалась его техника: наклон туловища, удержание равновесия, размах конечностей.

Графические результаты проведенного исследования отображены на рис. 5. Данные эксперимента показали, что динамика результатов юношей и девушек в прыжке в длину с места различается.

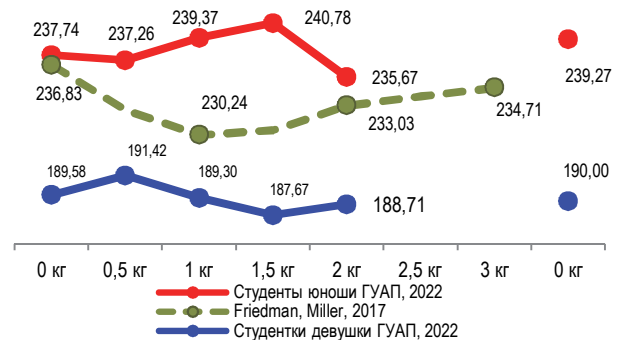

Рис. 5. Средний результат в прыжке в длину с места с утяжелителями разного веса

Так, средний результат прыжка с гантелями весом 0,5 кг у юношей по сравнению с обычным прыжком практически не изменился, а при использовании гантелей 1 и 1,5 кг наблюдается среднее улучшение результата соответственно на 1,63 и 3,04 см, более тяжелые гантели 2 кг снизили результат на 5,11 см относительно гантелей 1,5 кг и на 2,07 см относительно безнагрузочного прыжка.

При этом у полученных автором результатов по сравнению с похожим экспериментом Миллера–Фридмана наблюдается разная динамика. У иностранных специалистов результаты прыжка с гантелями в 1 кг существенно снизились, затем стали повышаться, но

так и не достигли величины прыжка без утяжелителей [16]. В нашем же эксперименте повышение средних результатов наблюдается при использовании веса 1–1,5 кг, а более тяжелый вес гантелей средний результат снижает.

У девушек улучшение среднего результата относительно прыжка без нагрузки отмечено только при использовании гантелей весом 0,5 кг на 1,83 см. Однако далее при повышении веса гантелей обнаруживается незначительное снижение результатов – ниже уровня обычного прыжка без утяжелителей: при весе 1 кг на 0,28 см, при весе 1,5 кг на 1,92 см. Но далее при выполнении прыжка с гантелями 2 кг результат чуть повысился относительно прыжка с весом 1,5 кг на 1,04 см.

В процессе проведения эксперимента среди испытуемых (как юношей, так и девушек) отчетливо выделились 3 группы: первая включала 7 юношей и 3 девушки, у которых при повышении веса гантелей результаты улучшались; вторая состояла из 9 юношей и 5 девушек, результаты которых при использовании утяжелителей заметно снижались; третья – 11 юношей и 4 девушки, их результаты относительно прыжка без нагрузки колебались как в сторону увеличения, так и уменьшения.

На рис. 6 представлены максимальные изменения результата относительно своего прыжка без нагрузки среди всех испытуемых. Как видно из графика, некоторые студенты юноши смогли улучшить результат прыжка на величину 17 см с гантелями в 1,5 кг, а девушки – на 10 см с гантелями в 1 кг. Таким образом, наблюдается очень значительный разброс значений, который у юношей оказывается больше, чем у девушек.

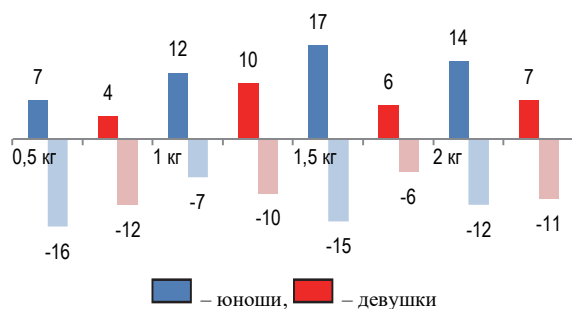

Рис. 6. Максимальные положительные и отрицательные изменения результата при использовании гантелей разного веса относительно своего безнагрузочного прыжка, см

Наблюдение показало, что определяющее значение для успешности прыжка имеет его правильная кинематика и возможность испытуемого «поймать» технику. У многих юношей и девушек были зафиксированы большие отрицательные значения в прыжках с весом 0,5 кг, так как на тот момент у них не хватало практического опыта техники прыжка с гантелями в руках, а в дальнейшем при повышении веса гантелей результаты стали лучше. Улучшение результатов прыжка с большими весами продемонстрировали в основном более подготовленные студенты, имеющие более дальние прыжки без нагрузки. По этой же причине у девушек, имеющих спортивную подготовку,

общий разброс значений при прыжках с гантелями разного веса оказался ниже, чем у юношей. У тех же студентов, чьи результаты прыжка с гантелями стали хуже, очевидно прослеживалось ухудшение техники прыжка (излишний наклон туловища вперед, приземление на носки, нарушение координации, недостаточная активная работа рук). При этом какой-либо зависимости между результатами прыжка с гантелями разного веса и роста-весовыми данными непосредственно внутри групп студентов визуально обнаружено не было, хотя очевидно, что для девушек гантели весом 1,5 и 2 кг оказывали более существенное влияние на технику прыжка, чем у юношей.

Выполнение прыжков с использованием гантелей позволило улучшить технику обычного прыжка в длину с места без нагрузки, что практически было доказано результатами эксперимента. В конце эксперимента испытуемые повторно выполнили обычный прыжок в длину с места, в результате которого 16 юношей из 27 (59%) и 6 девушек их 12 (50%) сумели улучшить свои первоначальные результаты при средней величине в 1,53 см по группе юношей (239,27 см) и 0,42 см по группе девушек (190 см).

Оценивая результаты данного эксперимента, нельзя не обратить внимание на мнение некоторых специалистов, которые полагают, что сравнивать современные прыжки с обычными гантелями и древнегреческие прыжки с хальтересами не совсем правильно, так как античные приспособления имели совершенно другую обтекаемую цилиндрическую форму и отличались от современных по балансировке и аэродинамике [20]. Тем не менее очевидно, что утяжелители любой формы изменяют технику прыжка и вносят свой вклад в итоговый результат.

По результатам проведенной работы можно сделать следующие выводы:

1. Прыжок в длину с места является нормативом комплекса ГТО и одним из обязательных контрольных нормативов, оценивающих уровень физической подготовленности студентов вуза, поэтому технике его выполнения следует уделять внимание на учебных занятиях по физической культуре. По мнению автора, использование гантелей небольшого веса на учебных занятиях как раз и будет способствовать более эффективному овладению студентами правильной техникой прыжка в длину с места, так как утяжелители позволят прыгуну совершать более грамотные направленные движения верхнего плечевого пояса по перемещению центра масс тела во всех фазах прыжка.

2. Используемые античными атлетами во время прыжка хальтересы, согласно законам биомеханики, способствуют повышению дальности прыжка только при соблюдении точной и грамотной техники его выполнения в сочетании с достаточным базовым уровнем общефизической подготовленности.

3. Научная новизна работы состоит в том, что впервые прыжок в длину с места с гантелями выполняли девушки. До этого во всех известных научных исследованиях в данном эксперименте принимали участие исключительно юноши. И еще одним положительным

моментом работы является большая выборка испытуемых, многие из которых не имели опыта специальной спортивной подготовки. Как правило, в экспериментах зарубежных авторов принимали участие всего несколько человек, обычно действующих спортсменов. Поэтому результаты, приводимые разными специалистами из разных стран, имеют высокий разброс значений.

4. Проведенная автором работа имела практическое воспитательное значение с точки зрения понимания занимающимися важности совершенствования техники движений, которой необходимо уделять особое внимание в процессе спортивной тренировки. Студенты вуза на своем собственном примере убедились,

что на итоговый результат любого двигательного действия оказывает влияние не только степень развития физических качеств, но прежде всего эффективная техника выполнения упражнения и умение занимающегося чувствовать и соблюдать оптимальные пространственно-временные характеристики движения.

Проведенный эксперимент имел важное образовательное значение, он сумел объединить практическую двигательную активность, науку и искусство и заинтересовал молодых людей историей античного спорта, позволил практически к ней прикоснуться, чем способствовал росту у студентов интереса к занятиям физической культурой и повышению в целом интеллектуального уровня.

Список источников

1. Богданова М.А. Культурное содержание олимпизма: От античности к современности // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 336. С. 55–59.
2. Томилин К. Прыгнуть за 16 метров. К вопросу возрождения техники прыжков в длину древних греков // Легкая атлетика. 2020. № 3–4. С. 47–52.
3. Петров Е.Н. Очерки по истории физической культуры. М. : Физкультура и спорт, 1938. 178 с.
4. Павсаний. Описание Эллады. Ч. 2 / под ред. Е.В. Никитюк. СПб. : Алетейя, 1996. 563 с.
5. Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1953. 302 с.
6. Сидоренко А.С. Репрезентация техники движений античных атлетов по изображениям древнегреческой вазопиcи // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 44–51. doi: 10.17223/15617793/496/5
7. Golden M. Sport in the Ancient World from A to Z. Routledge Taylor; Francis eBooks, 2008. 208 p.
8. Уткин Ю. Прыжки в длину в Древней Греции // Легкая атлетика. 1985. № 1. С. 33.
9. Ebert J. Der Pentathlonsprung // Abh. Söchs. Akad. Wiss. Philo-Hisot. Klasse. 1963. Vol. 56. P. 35–65.
10. Papadopoulos C., Noussios G., Manopoulos E., Kiritsi O., Ntong G., Gantiraga E., Gissis I. Standing long jump and handheld halters; is jumping performance improved? // Journal of Human Sport & Exercise. 2011. Vol. 6, № 2. P. 436–443.
11. Голощапов Б.Р. История физической культуры и спорта : учеб. пособие. М. : Академия, 2001. 312 с.
12. Lees A., Barton G. The interpretation of relative momentum data to assess the contribution of the free limbs to the generation of vertical velocity in sports activities // Journal of Sports Sciences. 1996. Vol. 14. P. 503–511.
13. Lees A., Vanrenterghem J., De Clercq D. Understanding how the arm swing enhances performance in the vertical jump // Journal of Biomechanics. 2004. Vol. 37. P. 1929–1940.
14. Minetti A.E., Ardigo L.P. Halteres used in ancient Olympic long jump // Nature. 2002. Vol. 420. P. 141–142.
15. Ashby B.M., Heegaard J.H. Role of arm motion in the standing long jump // Journal of Biomechanics. 2002. Vol. 35. P. 1631–1637.
16. Anderson F.C., Pandy M.G. Storage and utilization of elastic strain energy during jumping // Journal of Biomechanics. 1993. Vol. 26. P. 1413–1427.
17. Provatidis C. Simplified Biomechanics for a Possible Explanation of the Ancient Greek Long Jump Using Halteres // Universal Journal of Engineering Science. 2013. Vol. 1 (1). P. 5–16.
18. Lenoir M., Clercq D., Laporte W. The «how» and «why» of the ancient Greek long jump with weights: A five-fold symmetric jump in a row? // Journal of Sports Sciences. 2005. Vol. 23 (10). P. 1033–1043.
19. Friedman H., Miller P.J. Reconstruction of the Ancient Greek Long Jump – an Opportunity for Multidisciplinary Collaboration // EXARC Journal. 30.08.2017. URL: <https://exarc.net/ark:/88735/10300>
20. Filush A. Effect of Using Hand-Weights on Performance in the Standing Long Jump // M.S.E. Grand Valley State University. 2012. URL: <https://scholarworks.gvsu.edu/theses/2>

References

1. Bogdanova, M.A. (2010) Cultural content of olympism: from antiquity to the present. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 336. pp. 55–59. (In Russian).
2. Tomilin, K. (2020) Prygnut' za 16 metrov. K voprosu vozrozhdeniya tekhniki pryzhkov v dlinu drevnikh grekov [Jump over 16 meters. On the issue of reviving the long jump technique of the ancient Greeks]. *Legkaya atletika*. 3–4. pp. 47–52.
3. Petrov, E.N. (1938) *Ocherki po istorii fizicheskoy kul'tury* [Essays on the History of Physical Culture]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
4. Pausanias. (1996) *Opisanie Ellady* [Description of Greece]. Part 2. Translated from Ancient Greek. Saint Petersburg: Aleteyya.
5. Blavatskiy, V.D. (1953) *Istoriya antichnoy raspisnoy keramiki* [History of Ancient Painted Ceramics]. Moscow: Moscow State University.
6. Sidorenko, A.S. (2023) Representation of the technique of ancient athletes' movements based on images of ancient Greek vase painting. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 44–51. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/5
7. Golden, M. (2008) *Sport in the Ancient World from A to Z*. M. Routledge Taylor & Francis eBooks.
8. Utkin, Yu. (1985) Pryzhki v dlinu v Drevney Gretsii [Long jump in ancient Greece]. *Legkaya atletika*. 1. P. 33.
9. Ebert, J. (1963) Der Pentathlonsprung. *Abh. Söchs. Akad. Wiss. Philo-Hisot. Klasse*. 56. pp. 35–65.
10. Papadopoulos, C. et al. (2011) Standing long jump and handheld halters; is jumping performance improved? *Journal of Human Sport & Exercise*. 2 (6). pp. 436–443.
11. Goloshchapov, B.R. (2001) *Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta* [History of Physical Education and Sports]. Moscow: Akademiya.
12. Lees, A. & Barton, G. (1996) The interpretation of relative momentum data to assess the contribution of the free limbs to the generation of vertical velocity in sports activities. *Journal of Sports Sciences*. 14. pp. 503–511.
13. Lees, A., Vanrenterghem, J. & De Clercq, D. (2004) Understanding how the arm swing enhances performance in the vertical jump. *Journal of Biomechanics*. 37. pp. 1929–1940.
14. Minetti, A.E. & Ardigo, L.P. (2002) Halteres used in ancient Olympic long jump. *Nature*. 420. pp. 141–142.
15. Ashby, B.M. & Heegaard, J.H. (2002) Role of arm motion in the standing long jump. *Journal of Biomechanics*. 35. pp. 1631–1637.

16. Anderson, F.C. & Pandy, M.G. (1993) Storage and utilization of elastic strain energy during jumping. *Journal of Biomechanics*. 26. pp. 1413–1427.
17. Provatidis, S. (2013) Simplified biomechanics for a possible explanation of the Ancient Greek long jump using halteres. *Universal Journal of Engineering Science*. 1 (1). pp. 5–16.
18. Lenoir, M., Clercq, D. & Laporte, W. (2005) The “how” and “why” of the ancient Greek long jump with weights: A five-fold symmetric jump in a row? *Journal of Sports Sciences*. 23 (10). pp. 1033–1043.
19. Friedman, H. & Miller, P.J. (2017) Reconstruction of the Ancient Greek long jump – an opportunity for multidisciplinary collaboration. *EXARC Journal*. 30 August. [Online] Available from: <https://exarc.net/ark:/88735/10300>
20. Filush, A. (2012) *Effect of Using Hand-Weights on Performance in the Standing Long Jump*. Master’s Thesis. Allendale, Michigan. [Online] Available from: <https://scholarworks.gvsu.edu/theses/2>

Информация об авторе:

Сидоренко А.С. – канд. пед. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: thesis@internet.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Sidorenko, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (Saint Petersburg, Russian Federation) E-mail: thesis@internet.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.03.2024;
одобрена после рецензирования 10.05.2024; принята к публикации 30.07.2024.*

*The article was submitted 30.03.2024;
approved after reviewing 10.05.2024; accepted for publication 30.07.2024.*

Научная статья
УДК 37.06
doi: 10.17223/15617793/504/21

Профессиональные коммуникации педагога: конфликтологическая и правовая безопасность

Марина Михайловна Шубович¹, Инна Владимировна Захарова²

^{1, 2} Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, Ульяновск, Россия

¹ shubmm@mail.ru

² inna73reg@yandex.ru

Аннотация. Проблема конфликтов в образовательной организации рассматривается в контексте правовой защищенности педагогов. На основе данных социологического опроса педагогов и родителей анализируются институциональные и психолого-педагогические условия их конфликтов. Отмечается усиление конфликтности в образовательной среде, детерминированное цифровизацией. Обосновывается необходимость развития правовой культуры и конфликтологической культуры педагогов.

Ключевые слова: образовательная среда, отношения, конфликтологическая безопасность, родительская вовлеченность, правовая защищенность педагога, конфликтологическая культура, ненасильственный педагогический подход

Источник финансирования: статья выполнена при финансовой поддержке конкурса грантов УлГПУ им. И.Н. Ульянова по направлению «а» – научные исследования фундаментального и прикладного характера, осуществляемые научными коллективами или отдельными учеными (Приказ № 69 от 21.03.2024), проект «Концептуальные основы правовой защиты педагога в системе профессиональных коммуникаций».

Для цитирования: Шубович М.М., Захарова И.В. Профессиональные коммуникации педагога: конфликтологическая и правовая безопасность // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 190–198. doi: 10.17223/15617793/504/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/21

Teacher's professional communication: Conflict security and legal security

Marina M. Shubovich¹, Inna V. Zakharova²

^{1, 2} Ulyanovsk State University of Education, Ulyanovsk, Russian Federation

¹ shubmm@mail.ru

² inna73reg@yandex.ru

Abstract. The problem of conflicts in an educational organization is considered in the context of the legal protection of teachers. The aim of the study is to identify ways to reduce conflict in the system of professional communication of teachers and means of ensuring the conflictological and legal security of subjects of educational relations. The object of the study is the institutional and psychological-pedagogical conditions for the occurrence of conflicts in the process of a teacher's professional communication. The methodological basis of the research is the model of educational legal relations by V.V. Spasskaya, the concept of legal culture by D.A. Pashentsev, the principles of analysis of the educational environment and teachers as a professional community substantiated by M.A. Golovchin, the concept of psychological safety of a teacher by I.A. Baeva, the concept of the development of the conflict management culture of the teacher by N.U. Yarychev. The article uses theoretical methods – logical analysis, systematic and comparative methods, which allow us to consider the problems of pedagogical communication in the context of interdisciplinary connections. The methods of sociological survey, content analysis, methods of statistical analysis are applied at the stage of empirical research. Based on the data of an online-survey of teachers and parents (n=286), the causes and factors of conflicts in the educational environment are analyzed. The survey was conducted on the basis of educational organizations in Ulyanovsk in the spring of 2024. The anonymity of the survey allowed us to obtain fairly frank opinions of respondents with examples of conflicts, their causes and results. The scientific novelty of the study lies in the identification of structural elements of the conflictological culture of the teacher (axiological, cognitive, communicative) and their interrelationships, in the substantiation of the fact that conflictological security and legal security of the educational environment have many points of intersection, as well as in the identification and ranking by importance of the main claims of subjects of educational relations that lead to conflicts. The authors' proposals on improving conflict-related security in educational organizations are of practical importance. The main conclusions of the article are the following. There is an increase in conflict relations in education determined by the processes of digitalization. In accordance with the principles of humanistic pedagogy, a nonviolent approach should be the basis for conflict management in the edu-

cational environment. Institutionalization of ethical principles of interaction between subjects of the educational environment and pedagogical mediation are effective means of conflict management. The legal culture and conflict management culture of a teacher are significant elements of their professional culture; the development of appropriate competencies is required during the professional training and advanced training of teaching staff.

Keywords: educational environment, relations, conflict security, parental involvement, legal protection of teacher, conflict-management culture, nonviolent pedagogical approach

Financial support: The article was supported by the grant competition of Ulyanovsk State University of Education, Direction "a", Order No. 69 of 21 March 2024.

For citation: Shubovich, M.M. & Zakharova, I.V. (2024) Teacher's professional communication: conflict security and legal security. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 190–198. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/21

Введение

Вопросы эффективного педагогического общения достаточно подробно изучались отечественной педагогической наукой и сегодня являются обязательным элементом программ подготовки педагогических кадров разного уровня. Однако сложность отношений в современной образовательной среде, возникновение новых форм взаимодействия ее субъектов, связанных с цифровизацией, актуализируют проблему построения профессиональных коммуникаций педагога. При этом защите прав детей и их родителей традиционно уделяется много внимания, а правовая защищенность педагога рассматривается редко.

Профессиональные коммуникации педагога являются и средством, и фактором реализации задач обучения и воспитания. Их решение во многом зависит от способности педагога к выстраиванию бесконфликтных отношений и к конструктивному преодолению конфликтов. Идеи гуманистической педагогики сформировали в общественном сознании убежденность в необходимости защиты прав детей и родителей, и в ситуации возникновения их конфликтов с педагогом последний все чаще оказывается в слабой позиции. В условиях цифровизации в образовании растет уровень конфликтности. Это можно объяснить тем, что участникам виртуального общения сложнее понять друг друга ввиду фрагментарности восприятия партнера, неполноты информации, трудностей ее понимания и запоминания.

Новые технологии способствуют быстрому распространению как объективной, так и недостоверной информации, слухов. Ситуация анонимности контактов в цифровой среде повышает риски вербальной агрессии и безнаказанности за нее. Поведение педагога при этом должно соответствовать нормам этики, вне зависимости от служебной или бытовой ситуации, а его частная жизнь все чаще становится незащищенной.

Цель данного исследования – выявить пути снижения конфликтности в системе профессиональных коммуникаций педагогов и средства обеспечения конфликтологической и правовой безопасности субъектов образовательных отношений.

Методы исследования: системный анализ, логический анализ, социологический опрос, контент-анализ, методы математической статистики.

Объектом исследования выступают институциональные и психолого-педагогические условия возникновения конфликтов в профессиональной коммуникации педагогов.

В этой связи его методологическая основа объединяет два ракурса анализа: во-первых, необходимо понимание отношений в образовательной среде в контексте психолого-педагогических закономерностей; во-вторых, требуется уточнение правового статуса педагога и его правовой защищенности в профессиональных коммуникациях.

Предупреждение и конструктивное преодоление конфликтов между педагогом и учащимися, педагогом и родителями возможно, если сформированы соответствующие профессиональные компетенции. Правовая культура и конфликтологическая культура педагога являются значимыми элементами его профессиональной культуры. Их формирование и развитие требуется при профессиональной подготовке и повышении квалификации педагогических кадров.

Проблема правовой и конфликтологической защищенности педагога в современных исследованиях

Проблема конфликтов в образовательной среде рассматривается отечественными исследователями в двух основных ракурсах: в психологическом и правовом. Определение границ прав и ответственности субъектов образовательных отношений обусловлено их правовым статусом. Международные основы правового статуса педагога заложены Рекомендацией ЮНЕСКО и МОТ 1966 г. «О положении учителей» [1], где акцентируется, что этот статус должен быть адекватен общественной значимости педагогического труда. В данном документе обозначены профессиональные свободы и права педагога, в том числе право на ограждение от необоснованного вмешательства родителей в сферу его профессиональных обязанностей. Это отвечает принципам общественного образовательного права, которое как самостоятельная отрасль права сформировалась в России уже в первой половине XIX в., выделившись из административного права [2. С. 295].

Специалисты отмечают, что правовая культура российского общества характеризуется такими чертами, как традиционность и низкая динамика, основана на специфическом соотношении правовых и моральных регуляторов, при которых «правда» ставится выше, чем право, что определяет важное значение принципа справедливости, который, в свою очередь, является ситуативным и контекстуальным [3]. При этом формальные правила и неформальные традиции

имеют примерно одинаковое воздействие на функционирование образовательных организаций [4. С. 130]. Данные особенности отечественной правовой культуры несут в себе потенциал конфликтов, в том числе конфликтов в образовательной среде.

В широком смысле конфликты в образовании можно рассматривать как диалектику между структурой системы образования, общей политикой, ориентированной на нее, и процессами управления, которые преобладают в каждой школе [5]. Объективной основой конфликтов в образовательных организациях являются административные проблемы: избыточная или неравномерная нагрузка педагогов, ошибки планирования и контроля, несправедливость материального стимулирования. Данные проблемы отражаются на образовательном процессе и на обучающихся, а претензии детей и родителей принимают на себя педагоги.

Неравное положение педагога как стороны конфликта в образовании связано с его формальным правовым положением: потребители образовательных услуг – это *управомоченная* сторона, а *правообязанная* сторона – это образовательная организация, которая может быть представлена несколькими лицами, отдельным участником образовательного правоотношения на этой стороне является педагог [6]. Приравнивание образования к сфере потребительских услуг привело к тому, что в общественном сознании педагог воспринимается исключительно как правообязанная сторона, а понятие «обязанности обучающихся» вытеснено.

Государственно-общественный характер управления в отечественном образовании активизировал родительские инициативы. Родительская вовлеченность значима для эффективности воспитания и обучения детей, однако иногда она может принимать агрессивные формы и приводит к конфликтам. Педагоги сталкиваются с давлением со стороны родителей, с их необоснованными претензиями, завышенными ожиданиями успехов своих детей [7]. Эти тенденции характерны для многих стран [8–11].

К конфликтам приводят и различные нарушения этических норм в образовательных организациях, чему посвящено значительное число отечественных и зарубежных исследований [12–15]. Помимо непосредственных нарушений закона (коррупция, физическая агрессия, ущемление чести и достоинства ребенка), действия педагога могут подпадать под категорию «аморальное поведение», которая является оценочной и трудно верифицированной. Объектом публичного внимания все чаще становятся внешний вид педагогов, их бытовые привычки. В этой связи нельзя не согласиться, что необходим поиск оптимального соотношения личных и общественных интересов в сфере защиты права педагога на частную жизнь [16]. В родительских группах в социальных сетях темы для обсуждений – личность, бытовое поведение педагогов, неформальные отношения, и эти подробности обрастают различного рода недостоверной информацией. Из этих групп педагоги оказываются исключены, при этом центр информационного контроля смещается с эксперта-учителя на потребителя-родителя [17. С. 12]. В

результате по случайным субъективным причинам разрушается не только авторитет конкретного педагога, но и деловая репутация образовательной организации.

Анализ практики профессиональных коммуникаций в образовании показывает недостаточную готовность педагогов к ситуации конфликта или их неконструктивное поведение (агрессивность, атрибуция ответственности за конфликт внешним сторонам) [18]. Специалисты указывают на неэффективность *конфликтотерпимых* действий (репрессивных и агрессивных) и *конфликтотерпимых* действий (отложить решение конфликта, пристыдить его участников) [19]. Заметной тенденцией в разрешении противоречий является обращение к администрации образовательных организаций или к органам власти с целью урегулирования спора [20]. Но, как показывает практика, обращения в вышестоящую инстанцию, использование сервисов подачи электронных жалоб не являются эффективным инструментом устранения конфликтов, а реакция официальных лиц учреждения на конфликтную ситуацию зачастую не приводит к полному ее разрешению, а скорее к замалчиванию или формальному примирению сторон [21. С. 227]. Рассматривая проблему недостаточной конфликтологической компетентности педагогических кадров, исследователи отмечают, что она особенно значима для молодых специалистов, которые чаще сталкиваются с конфликтными ситуациями ввиду недостатка опыта [22]. Кроме того, начинающие учителя испытывают противоречия собственных идеалов, ценностей и норм, касающихся того, как быть хорошим учителем, противоречия своих ожиданий и реальных условий труда [23]. В итоге подвергается риску *психологическая безопасность* педагога – его способность сохранять устойчивость в среде с психотравмирующими воздействиями, сопротивляемость деструктивным внутренним и внешним воздействиям в конкретной жизненной ситуации [24. С. 19].

Исследования взаимодействия образовательной организации и семей учащихся показывают: для предупреждения конфликтов и их конструктивного преодоления необходимо взаимопонимание и доверие сторон, а также определенный уровень *конфликтологической культуры* – интегративного личностного образования, включающего систему конфликтологических знаний, умений и способов деятельности, которые необходимы для осмысленного осуществления педагогических функций в конфликтной образовательной среде и разрешения противоречий, возникающих между различными субъектами педагогического взаимодействия [25]. На основе данного концептуального определения можно предположить, что *конфликтологическая безопасность* педагога является производной от его профессиональных компетенций, личностных качеств, ценностей как проявлений конфликтологической культуры.

Правовая безопасность педагога в условиях конфликта, напротив, в большей мере детерминирована внешними факторами: его институциональным положением, организационно-административными отношениями в образовательном учреждении, наличием регламентов различных процессов профессиональной деятельности. При этом значима и правовая

культура педагога как элемент его профессиональной культуры.

Специалисты рассматривают правовую культуру человека в педагогическом контексте, исходя из необходимости осуществления им социально безопасной деятельности в образовательном пространстве [26]. В этой связи в ходе профессиональной подготовки педагогов требуется формировать их правовую культуру, включая такие ее элементы, как правосознание, системность правовых знаний, правовая ответственность, умение пользоваться правовыми нормами в конкретных жизненных ситуациях, давать оценку правовым и неправовым ситуациям [27]. Данные компетенции позволят педагогу если не предотвратить конфликты в профессиональных коммуникациях, то, во всяком случае, выбирать наиболее эффективные и этически приемлемые модели поведения в конфликте.

Анализ восприятия конфликтов педагогами и родителями

С целью выявления причин и последствий конфликтов в образовательных организациях в апреле–июне 2024 г. проведен электронный опрос родителей и педагогов г. Ульяновска ($n = 286$). Как показывает педагогический опыт, в конце учебного года взаимоотношения между педагогами и учащимися, педагогами и родителями чаще приобретают конфликтный характер, что связано с контрольными и аттестационными мероприятиями. После проведения просветительских мероприятий УлГПУ имени И.Н. Ульянова для родителей им предлагалось заполнить онлайн-анкету. Учителям также была предоставлена возможность участвовать в опросе. Добровольность и анонимность участия в исследовании имели следствием то, что респондентами стали лица, заинтересованные в его проблеме и в откровенном высказывании своего мнения.

Исходя из формы опроса, выборка формировалась как простая случайная. Возраст респондентов – от 19 до 67 лет ($m = 36,3$; $Me = 37$); 88,8% – женщины, 11,2% – мужчины. По гендерному признаку выборка не соответствует генеральной совокупности, однако ее структура отражает реальную вовлеченность отцов в

проблемы взаимодействия семьи и педагогов. Расчет коэффициента контингенции Пирсона показывает отсутствие корреляции между полом респондентов и их восприятием конфликтности образовательной среды.

57,4% опрошенных – родители, 22% – педагоги, которые являются родителями, 20,6% – педагоги, не имеющие детей. Текст анкеты не дифференцировался для разных категорий респондентов. Она включала два блока вопросов: о конфликтах в образовательной среде и о правовом урегулировании возникших противоречий.

По данным опроса, 27% родителей и 33,9% педагогов считают, что права детей в образовательных организациях защищены недостаточно. О недостаточной правовой защите педагогов высказались 68,3% родителей и 86,4% респондентов, работающих с детьми. Связи ответов с принадлежностью к той или другой группе не выявлено: коэффициент ассоциации $K_a = 0,495$, коэффициент контингенции $K_k = 0,203$.

76,9% опрошенных считают, что существует проблема отношений педагогов и родителей, 23,1% с этим не согласны (в том числе 29,9% родителей и 9,2% педагогов).

32,6% были участниками или свидетелями конфликта в образовательной среде. Закономерно, что чаще с такой ситуацией сталкивались респонденты-педагоги (43,2%), среди родителей такой опыт указали только 25,1%.

Типичные претензии, вызывающие конфликты, оценивались через вопросы закрытого типа (рис. 1, 2).

Ответы на открытые вопросы анкеты классифицированы посредством контент-анализа и проранжированы по частотности. Педагоги видят причинами конфликтов в основном отклонения поведения детей от принятых норм (табл. 1).

15,6% претензий педагогов обращены непосредственно к родителям:

- они не уделяют внимания ребенку, его учебе, воспитанию;
- не посещают родительские собрания, не поддерживают связи с педагогом, со школой;
- высказывают завышенные требования к педагогу, игнорируют его требования;
- в общении с педагогом ведут себя некорректно, грубо.

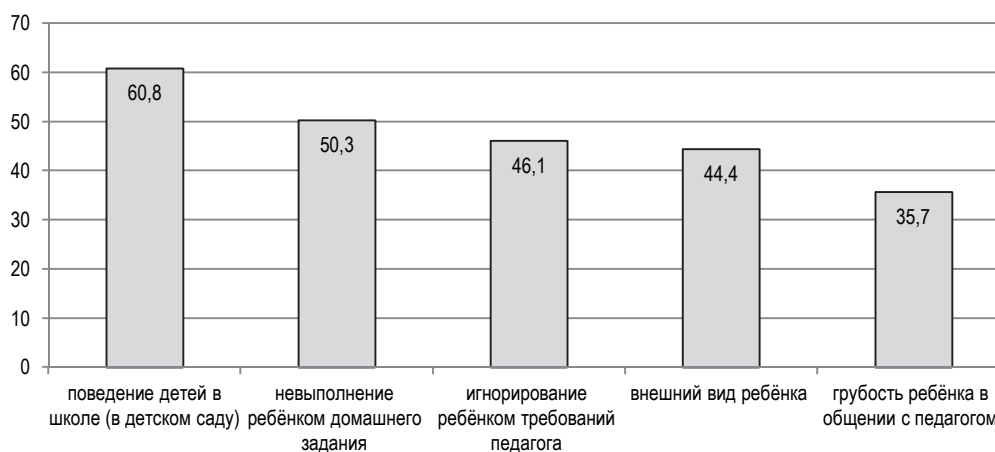

Рис. 1. Типичные претензии педагогов к учащимся, %

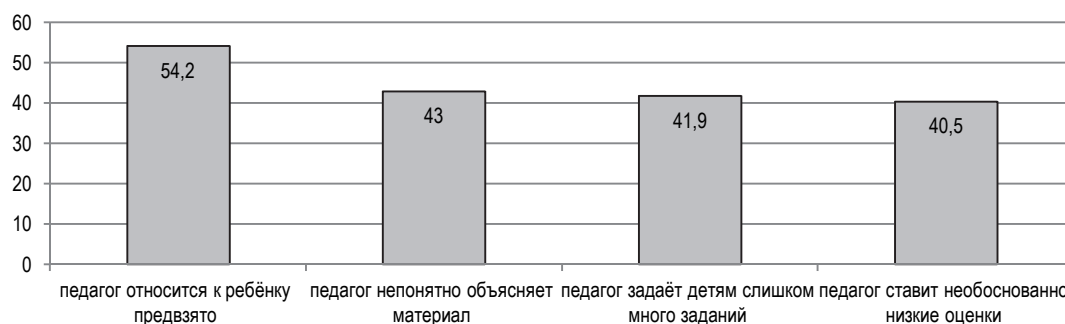

Рис. 2. Типичные претензии родителей к педагогам, %

Таблица 1

Причины конфликтов с точки зрения педагогов

Группы единиц контент-анализа	Частотность, %
1. Дисциплина, вызывающее поведение учащихся	16,7
2. Регулярные опоздания учащихся на урок	11,4
3. Плохая успеваемость учащихся, невыполнение домашнего задания	10,4
4. Увлеченность учащихся гаджетами, фото- и видеосъемками	6,2
5. Пропулы, пропуски занятий	5,2
6. Грубость в общении с одноклассниками, оскорбления, буллинг	5,2
7. Конфликты детей в классе, драки, ненормативная лексика	3,1

Таблица 2

Причины конфликтов с точки зрения родителей

Группы единиц контент-анализа	Частотность, %
1. Грубость в отношении детей, эмоциональное давление, оскорбления, крик	19,3
2. Нежелание понять ребенка, помочь, найти индивидуальный подход	6,2
3. Наличие «любимчиков» в классе, разное отношение к разным детям	6,2
4. Неумение найти с детьми общий язык, слышать их, дружить с ними	5,2
5. Формальное, незаинтересованное отношение к работе, отсутствие ответственности	3,1

Критичные высказывания о педагогах составили пять групп (табл. 2), в рейтинге частотности значимо выделяются нарушения этического характера. Но указывались и «внешний вид педагога, его личная жизнь в социальных сетях».

Часть критичных высказываний родителей (с равным уровнем частотности) противоположны по смыслу: «педагог пугает детей ОГЭ и ЕГЭ» и «слабые требования и контроль знаний учеников»; «педагог не желает общаться с родителями» и «желание знать личную информацию о семье, вмешательство в семейный уклад».

Помимо оценок общего характера (некомпетентность, непрофессионализм), родители высказывают претензии к качеству и методам работы учителя («не вовремя заполняет электронный дневник», «дает дополнительные задания на сайтах», «занижает оценки из-за поведения», «не дает возможности исправить оценки»). Большинство таких претензий, хоть и несут в себе риск конфронтации, могут быть урегулированы в административном порядке.

Наиболее распространенным путем урегулирования разногласий опрошенные назвали диалог, беседу (35,5%), в том числе обсуждение проблемы на родительском собрании (2,1%).

Если противоречия не устраняются через диалог сторон или через административные действия, итогом становится уход ребенка из школы (4,2% ответов). Приведенные примеры конфликтов, в результате кото-

рых школу покинул учитель, связаны с его индивидуальными чертами или низким профессионализмом (3,2%).

16,5% опрошенных ответили, что им известны случаи обращения родителей в суд из-за конфликта с педагогом. Респонденты, которые были свидетелями или участниками конфликтов, завершившихся судебным разбирательством, указывали, что их сопровождали и нарушения профессиональной этики (оскорбления ученика, физическое насилие). Однако не всегда суд оценивает претензии родителей как обоснованные: каждый четвертый такой спор разрешился в пользу учителя.

Контент-анализ выявил выраженную тенденцию *незавершенных конфликтов* (24,7%), когда стороны и не изменили своего поведения, и не пришли к согласию («конфликт заморожен», «пришлось подчиниться», «все только усугубилось»). Такие незавершившиеся конфликты детерминированы тремя типами причин:

- предвзятое, несправедливое отношение к ученику – 9,7%;
- методы преподавания педагога и его профессионализм («непонятно объясняет», «много задает») – 5,4%;
- внешний вид ученика – 3,2%.

В конфликтах данной категории нет криминологической составляющей, однако они представляют серьезную опасность для психоэмоционального благополучия педагогов, учеников, родителей и свидетельствуют не только об отсутствии взаимопонимания, но и о рас-

хождении ценностей. В итоге не выполняется ключевая функция образовательной организации – воспитательное влияние на учащихся.

Результаты и обсуждение

Исследование показало, что профессиональные коммуникации педагогов несут в себе риски конфликтов, а значительная доля претензий конфликтующих обусловлена их поведением, противоречащим представлениям сторон о должном. Конфликтологическая безопасность и правовая безопасность образовательной среды имеют немало точек пересечения, связанных с этическими нарушениями. Считаем, что для их нивелирования требуются усилия в двух направлениях:

а) на уровне образовательных организаций необходимо документально закрепить этические требования к участникам образовательной деятельности и их взаимные обязательства (в уставе, этическом кодексе, правилах внутреннего распорядка и др.);

б) на уровне системы образования в целом требуется уделять внимание правовой и конфликтологической культуре педагогических кадров в процесс в профессиональной подготовки и повышения квалификации.

Задача профессиональной подготовки педагогов – формирование личностных приоритетов, соответствующих ценностям гуманистической педагогики, данная аксиологическая доминанта личности педагога способствует партнерским взаимоотношениям [28. С. 161]. Нарушения профессиональной этики говорят об отсутствии такой личностной доминанты.

Формирование конфликтологической культуры педагога, на наш взгляд, не может сводиться только к развитию его профессиональных компетенций, связанных со знаниями и навыками в области конфликтологии. В структуре конфликтологической культуры присутствуют три элемента: *аксиологический, когнитивный и коммуникативный*. Аксиологический элемент следует рассматривать как базовый, поскольку выбор индивидом модели поведения детерминирован именно его ценностями, установками, мировоззрением. Когнитивный и коммуникативный элементы конфликтологической культуры педагога являются соподчиненными аксиологическому, в них отражаются теоретические и практические составляющие профессиональных компетенций.

Эффективность обучения педагогов приемам ненасильственного разрешения конфликтов обоснована практикой [29]. Идеология гуманистической педагогики предполагает, что, выбирая средства управления конфликтом, педагог ориентируется на ненасильственный подход. В этом случае преодоление противоречий происходит с минимальным психоэмоциональным ущербом для сторон, конфликт принимает конструктивный характер, а его разрешение приводит к улучшению взаимопонимания и укреплению отношений в образовательной среде.

Своевременное урегулирование противоречий в образовательной среде не позволит им перерасти в судебное разбирательство. Часто претензии сторон друг к другу не имеют достаточных оснований, что лучше

выяснить в досудебном порядке. Для этого в образовательных организациях необходимо принять соответствующие регламентирующие документы, что обеспечит конфликтологическую и правовую безопасность взаимодействия субъектов образовательных отношений. Так, с принятием школами «Правил для учащихся» регламентированы требования к их внешнему виду, дисциплинарные требования, что сокращает число конфликтов.

Для предупреждения конфликтов требуется разработка этического кодекса образовательной организации, нормы которого распространяются на всех участников образовательных отношений. Принятие этического кодекса имеет и регулятивное значение, и воспитательное, поскольку закрепляет представления о должном.

Разработка такого документа предполагает коллективное обсуждение, согласование мнений. Привлечение всех субъектов образовательных отношений к принятию этического кодекса, как и в целом к управлению образовательной организацией, позволяет превентивно учитывать их интересы и обеспечивать защиту прав в случае конфликтов [30, 31]. Важно, чтобы определение и соблюдение профессиональных норм, применяемых к учителям, осуществлялись при участии учительских организаций [32. С. 36]. Профсоюзные организации работников образования и их первичные организации в школах, дошкольных и профессиональных образовательных учреждениях сегодня не всегда эффективно обеспечивают правовую защиту педагогов, хотя в некоторых организациях есть опыт медиации конфликтов, работают примирительные комиссии.

Деятельность профсоюзов и других общественных организаций по обеспечению конфликтологической и правовой безопасности педагогов осталась за рамками данного исследования. Его ограничения связаны также с выбором методов исследования, не позволивших получить достаточно сведений о респондентах и сделать анализ их мнений относительно демографических характеристик и типа образовательных организаций.

Заключение

Исследование показало, что основными факторами конфликтов в образовательной среде являются пренебрежение установленными правилами образовательной организации со стороны детей и родителей и нарушения профессиональной этики со стороны педагогов. Выявлены как объективные, так и субъективные причины конфликтов, урегулирование которых возможно без судебных процедур через диалог сторон или административные решения. Основанием этого может стать разработанный в образовательной организации этический кодекс.

Конфликтологическая безопасность в образовании во многом зависит от профессиональной культуры педагогических кадров. В этой связи в процессе профессиональной подготовки и повышения квалификации педагогов требуется уделять внимание не только их знаниям и навыкам в сфере управления конфликтами, но и мировоззренческим ориентирам, соответствующим принципам гуманистической педагогики.

Перспективы изучения проблемы конфликтологической и правовой безопасности в образовании лежат в различных областях науки и практики: требуется осмысление вопросов морали, нравственности, профессиональной этики и культуры в рамках философии образования; в контексте социологии необходим анализ возможностей управления конфликтами в образовательной среде с при-

влечением общественных организаций педагогов, родителей, учащихся; с точки зрения педагогики профессионального образования значимо развитие конфликтологической культуры педагогов как элемента профессиональной культуры, для чего требуется обоснование путей совершенствования соответствующих компетенций, методов, форм обучения, элементов его содержания.

Список источников

1. Канаев Н.М. О международно-правовой защите прав учителей // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2015. № 1 (6). С. 43–56.
2. Хаминов Д.В. Система общего и высшего образования в Российской Империи: принципы и направления государственной политики, нормативное регулирование и органы управления (историко-правовой аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 285–299. doi: 10.17223/15617793/474/31
3. Певцова Е.А., Пашенцев Д.А. Правовая культура постиндустриального общества: методологические основы исследования // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 8–16. doi: 10.18384/2949-513X-2023-3-8-16
4. Головчин М.А. Моделирование формальной институционализации образовательных отношений // Экономика. Социология. Право. 2020. № 2 (18). С. 128–142.
5. Valente S., Lourenço A., Németh, Z., School Conflicts: Causes and Management Strategies in Classroom Relationships // Interpersonal Relationships / ed. M.P. Levine. London : IntechOpen, 2020. 294 p. doi: 10.5772/intechopen.95395
6. Спасская В.В. Правовое регулирование образовательных отношений: проблемы теории и практики. 2-е изд. М. : Поматур, 2012. 608 с.
7. Фролова Е.В., Рябова Т.М., Рогач О.В., Зуйкина А.В. Конфликты в системе школьного образования: ключевые проблемы, специфика и факторы развития // Перспективы науки и образования. 2019. № 3 (39). С. 227–239. doi: 10.32744/pse.2019.3.17
8. Adi-Racer A., Arxiv-Elyashiv R. Parent Empowerment and Teacher professionalism. Teacher's Perspective // Urban Education. 2008. Vol. 43, № 3. P. 394–415. doi: 10.1177/0042085907305037
9. Hagage Baikovich H., Yemini M. International schools in Cyprus as an arena of teacher-parent struggles: Teachers' perspectives // Teaching and Teacher Education. 2023. Vol. 134 (2). doi: 10.1016/j.tate.2023.104308
10. Brinkworth M.E., McIntyre J., Juraschek A.D., Gehlbach H. Teacher-student relationships: The positives and negatives of assessing both perspectives // Journal of Applied Developmental Psychology. 2018. Vol. 55. P. 24–38. doi: 10.1016/j.appdev.2017.09.002
11. Erdener M.A., Knoepfel R.C. Parents' perceptions of their involvement in schooling // International Journal of Research in Education and Science. 2018. Vol. 4 (1). P. 1–13. doi: 10.21890/ijres.369197
12. Маленина М.Н. Аморальный проступок преподавателя: правовая оценка понятия и последствий в сфере трудового и гражданского права // Журнал российского права. 2018. № 10 (262). С. 61–72. doi: 10.12737/art_2018_10_6
13. Шакирова Д.М. Конфликт в диаде «ученик–учитель»: характер и степень распространенности в современных школах // Социология и право. 2019. № 1 (43). С. 30–37.
14. Analysis of Legal Basis in Education: Study of Law, Policy and Deviance in Education / N.S. Chaniago, R. Syahputra, M.A. Nasution [et al.] // Al-Ishlah: Jurnal Pendidikan. 2023. Vol. 15, № 2. P. 2103–2113. doi: 10.35445/alishlah.v15i2.2673
15. Saekan M. Problems of The Teacher Profession In Indonesia (Review From The Perspective of Law № 14 of 2005) // Eduvest. 2023. Vol. 3, № 2. P. 395–403. doi: 10.59188/eduvest.v3i2.758
16. Борисова Л.В. Защита права педагога на частную жизнь: поиск оптимального соотношения личных и общественных интересов // Государство и право. 2022. № 12. С. 158–163. doi: 10.31857/S102694520023463-0
17. Papakonstantinou A.A. Teachers' Perceptions Regarding School Parents' Online Groups // Education Sciences. 2023. Vol. 13, № 1. Art. No. 60. doi: 10.3390/educsci13010060
18. Селиванова Е.А. Психологическое обоснование роли учителя в управлении педагогическими конфликтами // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 46. URL: <https://elibrary.ru/sbksvv>
19. Гридчин А.А., Цыганкова Е.Н. Актуальные проблемы управления конфликтными ситуациями в школьном социуме // Теория и практика общественного развития. 2018. № 3 (121). С. 19–23. doi: 10.24158/tpor.2018.3.3
20. Chereji Ch.R., Sandu C. Conflict Management in Romanian School Communities: an Examination of Practices in Cluj-Napoca High Schools // Transylvanian Review of Administrative Sciences. 2023. № SI. P. 44–65. doi: 10.24193/tras.si2023.3
21. Голынич Е.О., Елеференко Д.П., Липатов С.А., Несмеянова Р.К. Восприятие учениками и учителями конфликтных ситуаций, возникающих между ними в образовательной среде // Человеческий капитал. 2020. № 12(144). С. 223–236. doi: 10.25629/HC.2020.12.22
22. Харланова Е.М., Соколова Н.А., Рослякова С.В. Научно-методическое обеспечение конфликтологической подготовки будущих педагогов: проактивное моделирование // Перспективы науки и образования. 2020. № 5 (47). С. 102–121. doi: 10.32744/pse.2020.5.7
23. Lindqvist H., Weurlander M., Wernerson A., Thornberg R. Conflicts viewed through the micro-political lens: beginning teachers' coping strategies for emotionally challenging situations // Research Papers in Education. 2019. Vol. 35, Is. 6. P. 746–765. doi: 10.1080/02671522.2019.1633559
24. Баева И.А., Лактионова Е.Б., Гаязова Л.А., Кондакова И.В. Детерминанты психологической защищенности педагога в образовательной среде // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2020. № 197. С. 18–30. doi: 10.33910/1992-6464-2020-197-18-30
25. Ярычев Н.У. Конфликтологическая культура учителя: сущность, внутреннее строение и особенности развития. М. : ALMA MATER, 2010. 180 с.
26. Курбатова С.М., Айснер Л.Ю. К вопросу о правовой культуре преподавателя // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2019. № 3 (13). С. 36–48.
27. Асадуллин Р.М., Фролов О.В. Педагогический контекст формирования правовой культуры современного учителя // Педагогика. 2021. Т. 85, № 6. С. 5–17.
28. Кокин В.А., Захарова И.В., Петрищева Н.Н. Взаимодействие образовательной организации и семьи: современный контекст и профессиональная подготовка педагогов // Педагогическое образование в России. 2023. № 5. С. 157–166.
29. Lamb S., Snodgrass L. A Nonviolent Pedagogical Approach for Life Orientation Teacher Development: The Alternatives to Violence Project // Educational research for social change. 2017. № 2 (6). P. 1–15.
30. Grmuša A. Партиципација родитеља у превенцији и сузбијању школског и вршњачког насиља – међународна искуства и стање у Србији // Serbian Political Thought. 2020. Vol. 27. № 69. С. 215–242. doi: 10.22182/spm.6932020.9
31. Ожиганова М.В. О трансформации правового статуса педагогических работников // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2021. Т. 16, № 21. С. 19–38.
32. Рябов Г.П. Международная защита прав учителей // Нижегородское образование. 2013. № 2. С. 34–38.

References

1. Kanaev, N.M. (2015) O Mezhdunarodno-pravovoy zashchite prav uchiteley [On the international legal protection of teachers' rights]. *Vestnik Diplomatichekskoy akademii MID Rossii. Mezhdunarodnoe pravo*. 1 (6). pp. 43–56.
2. Khaminov, D.V. (2022) The system of general and higher education in the Russian Empire: Principles and directions of public policy, regulation, and governing bodies (a historical and legal aspect). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 285–299. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/31
3. Pevtsova, E.A. & Pashentsev, D.A. (2023) Pravovaya kul'tura postindustrial'nogo obshchestva: metodologicheskie osnovy issledovaniya [Legal culture of post-industrial society: methodological foundations of research]. *Moskovskiy yuridicheskij zhurnal*. 3. pp. 8–16. doi: 10.18384/2949-513X-2023-3-8-16.
4. Golovchin, M.A. (2020) Modelirovanie formal'noy institutsionalizatsii obrazovatel'nykh otnosheniy [Modeling the formal institutionalization of educational relations]. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo*. 2 (18). pp. 128–142.
5. Valente, S., Lourenço, A. & Németh, Z. (2020) School conflicts: causes and management strategies in classroom relationships. In: Levine, M.P. (ed.) *Interpersonal Relationships*. London: IntechOpen. [Online] Available from: <https://www.intechopen.com/chapters/74550>. doi: 10.5772/intechopen.95395
6. Spasskaya, V.V. (2012) *Pravovoe regulirovanie obrazovatel'nykh otnosheniy: problemy teorii i praktiki* [Legal Regulation of Educational Relations: Problems of theory and practice]. 2nd ed. Moscow: Pomatur.
7. Frolova, E.V. et al. (2019) Konflikty v sisteme shkol'nogo obrazovaniya: klyuchevye problemy, spetsifika i faktory razvitiya [Conflicts in the school education system: key problems, specifics and development factors]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 3 (39). pp. 227–239. doi: 10.32744/pse.2019.3.17
8. Adi-Racer, A. & Arxiv-Elyashiv, R. (2008) Parent empowerment and teacher professionalism. Teacher's perspective. *Urban Education*. 3 (43). pp. 394–415. doi: 10.1177/0042085907305037
9. Hagage Baikovich, H. & Yemini, M. (2023) International schools in Cyprus as an arena of teacher-parent struggles: Teachers' perspectives. *Teaching and Teacher Education*. 134 (2). doi: 10.1016/j.tate.2023.104308
10. Brinkworth, M.E. et al. (2018) Teacher-student relationships: The positives and negatives of assessing both perspectives. *Journal of Applied Developmental Psychology*. 55. pp. 24–38. doi: 10.1016/j.appdev.2017.09.002
11. Erdener, M.A. & Knoepfel, R.C. (2018) Parents' perceptions of their involvement in schooling. *International Journal of Research in Education and Science*. 4 (1). pp. 1–13. doi: 10.21890/ijres.369197
12. Maleina, M.N. (2018) Amoral'nyy prostupok prepodavatelya: pravovaya otsenka ponyatiya i posledstviy v sfere trudovogo i grazhdanskogo prava [Immoral misconduct of a teacher: legal assessment of the concept and consequences in the field of labor and civil law]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 10 (262). pp. 61–72. doi: 10.12737/art_2018_10_6
13. Shakirova, D.M. (2019) Konflikt v diade uchenik-uchitel': kharakter i stepen' rasprostranennosti v sovremennykh shkolakh [Conflict in the student-teacher dyad: nature and prevalence in modern schools]. *Sotsiologiya i pravo*. 1 (43). pp. 30–37.
14. Chaniago, N.S. et al. (2023) Analysis of legal basis in education: study of law, policy and deviance in education. *Al-Ishlah: Jurnal Pendidikan*. 2 (15). pp. 2103–2113. doi: 10.35445/alishlah.v15i2.2673
15. Saekan, M. (2023) Problems of the teacher profession in Indonesia (review from the Perspective of Law № 14 of 2005). *Eduvest*. 2 (3). pp. 395–403. doi: 10.59188/eduvest.v3i2.758
16. Borisova, L.V. (2022) Zashchita prava pedagoga na chastnuyu zhizn': poisk optimal'nogo sootnosheniya lichnykh i obshchestvennykh interesov [Protecting a teacher's right to privacy: finding the optimal balance between personal and public interests]. *Gosudarstvo i pravo*. 12. pp. 158–163. doi: 10.31857/S102694520023463-0
17. Papakonstantinou, A.A. (2023) Teachers' perceptions regarding school parents' online groups. *Education Sciences*. 1 (13). Art. 60. doi: 10.3390/educsci13010060
18. Selivanova, E.A. (2014) Psikhologicheskoe obosnovanie roli uchitelya v upravlenii pedagogicheskimi konfliktami [Psychological substantiation of the role of a teacher in managing pedagogical conflicts]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 1. P. 46. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/sbksvv>
19. Gridchin, A.A. & Tsygankova, E.N. (2018) Aktual'nye problemy upravleniya konfliktnymi situatsiyami v shkol'nom sotsiume [Actual problems of conflict management in school society]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 3 (121). pp. 19–23. doi: 10.24158/tipor.2018.3.3
20. Chereji, Ch.R. & Sandu, C. (2023) Conflict management in Romanian school communities: an examination of practices in Cluj-Napoca high schools. *Transylvanian Review of Administrative Sciences*. SI. pp. 44–65. doi: 10.24193/tras.si2023.3
21. Golynchik, E.O. et al. (2020) Vospriyatie uchениkami i uchitelyami konfliktnykh situatsiy, voznikayushchikh mezhdu nimi v obrazovatel'noy srede [Students' and teachers' perception of conflict situations arising between them in the educational environment]. *Chelovecheskiy kapital*. 12 (144). pp. 223–236. doi: 10.25629/HC.2020.12.22
22. Kharlanova, E.M., Sokolova, N.A. & Roslyakova, S.V. (2020) Nauchno-metodicheskoe obespechenie konfliktologicheskoy podgotovki budushchikh pedagogov: proaktivnoe modelirovanie [Scientific and methodological support for conflictological training of future teachers: proactive modeling]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 5 (47). pp. 102–121. doi: 10.32744/pse.2020.5.7
23. Lindqvist, H. et al. (2019) Conflicts viewed through the micro-political lens: beginning teachers' coping strategies for emotionally challenging situations. *Research Papers in Education*. 6 (35). pp. 746–765. doi: 10.1080/02671522.2019.1633559
24. Baeva, I.A. et al. (2020) Determinanty psikhologicheskoy zashchishchennosti pedagoga v obrazovatel'noy srede [Determinants of psychological security of a teacher in the educational environment]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 197. pp. 18–30. doi: 10.33910/1992-6464-2020-197-18-30
25. Yarychev, N.U. (2010) *Konfliktologicheskaya kul'tura uchitelya: sushchnost', vnutrennee stroenie i osobennosti razvitiya* [Conflictological Culture of the Teacher: Essence, internal structure and features of development]. Moscow: ALMA MATER.
26. Kurbatova, S.M. & Aysner, L.Yu. (2019) K voprosu o pravovoy kul'ture prepodavatelya [On the issue of the legal culture of the teacher]. *Sotsial'no-ekonomicheskij i gumanitarnyy zhurnal*. 3 (13). pp. 36–48.
27. Asadullin, R.M. & Frolov, O.V. (2021) Pedagogicheskij kontekst formirovaniya pravovoy kul'tury sovremennogo uchitelya [Pedagogical context of the formation of the legal culture of a modern teacher]. *Pedagogika*. 6 (85). pp. 5–17.
28. Kokin, V.A., Zakharova, I.V. & Petrishcheva, N.N. (2023) Vzaimodeystvie obrazovatel'noy organizatsii i sem'i: sovremennyy kontekst i professional'naya podgotovka pedagogov [Interaction between educational organization and family: modern context and professional training of teachers]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 5. pp. 157–166.
29. Lamb, S. & Snodgrass, L. (2017) A nonviolent pedagogical approach for life orientation teacher development: the alternatives to violence project. *Educational Research for Social Change*. 2 (6). pp. 1–15.
30. Grmuša, A. (2020) Parental participation in prevention and intervention of school violence and bullying – international experience and situation in Serbia. *Serbian Political Thought*. 69 (27). pp. 215–242. (In Serbian). doi: 10.22182/spm.6932020.9
31. Ozhiganova, M.V. (2021) O transformatsii pravovogo statusa pedagogicheskikh rabotnikov [On the transformation of the legal status of teaching staff]. *Ezhegodnik rossiyskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva*. 21 (16). pp. 19–38.

32. Ryabov, G.P. (2013) Mezhdunarodnaya zashchita prav uchiteley [International protection of teachers' rights]. *Nizhegorodskoe obrazovanie*. 2. pp. 34–38.

Информация об авторах:

Шубович М.М. – д-р пед. наук, зав. кафедрой педагогики и социальной работы Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова (Ульяновск, Россия). E-mail: shubmm@mail.ru

Захарова И.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики и социальной работы Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова (Ульяновск, Россия). E-mail: inna73reg@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.M. Shubovich, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Pedagogics and Social Work, Ulyanovsk State University of Education (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: shubmm@mail.ru

I.V. Zakharova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Ulyanovsk State University of Education (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: inna73reg@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.06.2024;
одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 30.07.2024.*

*The article was submitted 24.06.2024;
approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 30.07.2024.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 340.158
doi: 10.17223/15617793/504/22

Товарищеские суды в СССР и европейских странах «народной демократии»

Анжелика Васильевна Гаврилова¹

¹ Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, Anzhik77@mail.ru

Аннотация. Товарищеские суды и подобные ему формы общественного правосудия, характерные для социалистических правовых систем, представляли собой квазисудебные органы общественно-государственной власти, органически вписанные в концепцию социалистического общенародного государства. При общем сходстве целей, задач, подсудности товарищеских судов официально, на законодательном уровне, они не включались в судебную систему, вершившую правосудие. Исключением являлись местные народные суды ЧССР и общественные суды (конфликтные комиссии) ГДР, которые законом определялись как часть судебной системы.

Ключевые слова: товарищеский суд, общественный суд, примирительные комиссии, общественное правосудие, меры общественного воздействия

Для цитирования: Гаврилова А.В. Товарищеские суды в СССР и европейских странах «народной демократии» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 199–207. doi: 10.17223/15617793/504/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/22

Comrades' courts in the USSR and European countries of "people's democracy"

Anzhelika V. Gavrilova¹

¹ Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation, Anzhik77@mail.ru

Abstract. Comrades' courts were a special form of public justice during the Soviet period of Russian statehood, which was adopted by almost all European countries of "people's democracy" at the turn of the 1960s. The aim of the present research is to form a scientific understanding of the phenomenon of comradesly justice, characteristic of socialist legal systems. The stated scientific problem involves understanding the essence of the system of comrades' courts, the internal periodization of its development at the stage of Soviet statehood, and understanding the mechanism of its perception by European states of "people's democracy". The conducted research is based on normative legal acts that define comradesly justice. These include constitutions, civil procedural and criminal procedural codes, criminal codes, regulations and laws on comradesly and public courts. The study uses a corpus of scientific publications by domestic and foreign authors that have not received proper understanding in Russian historical and legal science. The logical and functional methods were used as general scientific methods in the study, where the former made it possible to highlight the analogy and identity of comradesly justice, and the latter promoted the study of the functions of comradesly courts. The applied special scientific methods (historical and axiological) determined the understanding of the essence of comrades' courts as a specific form of justice in people's democracies. Comparative legal and formal legal techniques became the reference special research methods, which made it possible to compare comrades' courts in various people's democracies. In the course of the research, a comprehensive understanding of the essence of comrades' courts, the specific forms of their organization, and the peculiarities of their functioning in the USSR and the countries of "people's democracy" was developed. Comrades' courts are quasi-judicial agency of public and state power, organically integrated into the concept of a socialist nation-wide state. Despite the general similarity of goals, objectives, and jurisdiction of comrades' courts, officially, at the legislative level, in most cases they were not included in the judicial system that administered justice. The exceptions were the local people's courts of the Czechoslovak Socialist Republic and the public courts (conflict commissions) of the German Democratic Republic, which, in accordance with the constitutional legislation of these states, were part of the judicial system and administered justice within the framework of the tasks assigned to them by law. The phenomenon of Czechoslovak Socialist Republic and the German Democratic Republic gives us every reason to use the term "public justice". The comrades' courts that operated in the Hungarian People's Republic can also be considered as part of the judicial system. However, both the Soviet comrades' courts and the Polish public court also cannot be considered in isolation from the judicial system: they de-facto carried out public justice delegated by the state.

Keywords: comrades' court, public court, conciliation commissions, public justice, measures of social influence

For citation: Gavrilova, A.V. (2024) Comrades' courts in the USSR and European countries of "people's democracy". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 199–207. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/22

Советская модель правосудия зарождалась в рамках ленинской концепции «поголовного участия трудящихся в суде и в управлении государством» [1. С. 53]. Данная парадигма способствовала формированию феномена народного суда и обусловила участие в нем народных заседателей, общественных обвинителей и общественных защитников, а также содействовала появлению товарищеских и иных общественных судов. В настоящее время неоднократно отмечается «проблема участия граждан в деятельности судов как демократической основы модернизации организации правосудия и гуманизации уголовного судопроизводства. Широкое привлечение населения к осуществлению правосудия рассматривается как гуманизация правосудия, способствующее повышению доверия граждан к суду и приближение правосудия к гражданам» [2. С. 111]. В связи с чем изучение практики товарищеского и общественного правосудия обуславливает актуальность исследования.

Появление первых товарищеских судов было обусловлено как принятием Конституции РСФСР 1918 г., закрепившей базовый конституционный принцип «Не трудящийся, да не ест» и установившей всеобщую трудовую повинность, так и необходимостью решения насущных проблем политического и экономического характера, детерминированных политикой «военного коммунизма». Именно они определили целевую практическую направленность товарищеского правосудия – «преодоление кризиса военно-продовольственного и топливного положения путем поднятия и укрепления производственной и тарифной дисциплины» [3].

Дисциплинарный характер производства новых общественных судов был прямо определен их официальным названием в соответствии с положениями 1919 г. [3] и 1921 г. [4] – дисциплинарные товарищеские суды. Их создание предполагалось при местных отделениях профессиональных союзов, а компетенция распространялась на все предприятия и учреждения РСФСР. При этом если Положение 1919 г. не конкретизировало дела, подлежащие рассмотрению, обозначив их абстрактно нарушениями положений о тарифах, правил внутреннего распорядка и постановлений о трудовой и союзной дисциплине, то Положение 1921 г. установило детальный перечень проступков – хулиганство, мелкие присвоения, злоупотребления и др., совершение которых негативно сказывалось на качественных и количественных показателях труда и на трудовой дисциплине.

Дисциплинарные суды создавались по принципу выборности и общественного представительства от заводоуправления (местного или центрального) / профсоюза / общего собрания членов союза предприятий. Подобный механизм формирования, на наш взгляд, полностью подтверждает вывод о том, что данные учреждения представляли собой непрофессиональные общественные суды.

Принятие ими дел к рассмотрению осуществлялось, по сути, в рамках публичного обвинения, исходящего непосредственно от органов профсоюзов, заводоуправлений / учреждений, либо опосредовано через них, но исходящих от отдельных членов профсоюза.

Публичный характер обвинения, наряду с целеполаганием товарищеского судопроизводства, обозначил специфику наказаний, ими назначаемых, от дисциплинарных (замечание, выговор, лишение премии и др.) до специфических – «запрещение занимать выборные должности или лишение избирательного права на определенный срок, перевод на тяжелые принудительные работы, передача в концентрационный лагерь на срок до 6 месяцев» [5. С. 38].

Система товарищеского правосудия представляла собой своего рода индикатор противоречивых процессов послереволюционного периода. Так, новая экономическая политика, унификация и профессионализация судебной системы 1920-х гг. предопределили отказ от чрезвычайных и дисциплинарных товарищеских судов [6. С. 25]. Последующее свертывание нэпа, окончательная ликвидация частнокапиталистической экономики, быстрый трансфер в направлении укрепления и развития социалистической системы хозяйствования и государственной собственности на орудия и средства производства – вновь актуализировали практику товарищеских судов.

В годы 1-й и 2-й пятилеток товарищеское правосудие получает новый импульс, охватывая новые области социально-экономической сферы. В этот период создавались и функционировали производственные товарищеские суды, сельские общественные и колхозные общественные суды, жилищные товарищеские суды [7. С. 230–256].

Деятельность производственных товарищеских судов, начавшись с рассмотрения дел об обидах и оскорблениях, а чуть позднее – о клевете и малозначительных кражах, постепенно включила в свою юрисдикцию дисциплинарные проступки и незначительные имущественные споры. По сути, теми же самыми делами занимались сельские и жилищные общественные суды, призванные обеспечить максимальное приближение населения к суду, а также разгрузку народных судов от рассмотрения малозначительных гражданских, трудовых, уголовных дел. Жилищные суды рассматривали подобные споры от необходимости участия нарсудов в урегулировании жилищных конфликтов.

Воспитательная функция товарищеского правосудия, реализовавшаяся посредством формирования у трудящихся определенных мировоззренческих качеств (охрана общенародной собственности, соблюдение законов и т.д.), способствовала модернизации системы наказаний, налагаемых товарищескими судами: последняя утратила черты запугивания и принуждения и была представлена в основном мерами общественного порицания, незначительными денежными штрафами, наложением обязательства загладить причиненный имущественный ущерб.

Очевидно, что подобная «гуманизация» не могла быть продолжена в период ужесточения «генеральной линии». Достигнув пика своего развития в 1933 г., уже с 1934 г. активность товарищеского судопроизводства заметно снижается. Ужесточение уголовного законодательства и усиление уголовной репрессии, в том числе за действия, ранее преступлениями не считавшиеся, вторжение норм уголовного права в семейные и

имущественные правоотношения, милитаризация труда в годы 3-й пятилетки – привели к бездействию товарищеских и иных общественных судов [8. Р. 852–853]. Политические репрессии 2-й пол. 1930-х гг. и объективные обстоятельства, связанные с Великой Отечественной войной, способствовали фактическому прекращению их деятельности.

Восстановление практики товарищеского правосудия происходит уже на этапе хрущевской оттепели. Решения XXI (1959 г.) и XXII (1961 г.) съездов КПСС обозначили курс на укрепление социалистической демократии путем привлечения широкого круга трудящихся к управлению государственными делами. Применительно к интересующей нас проблеме это означало намерение партийно-советского аппарата, не ослабляя роли социалистического государства, делегировать часть функций по обеспечению правопорядка и норм социалистического общежития общественным организациям. По мнению Н.С. Хрущева, «настало время, когда больше внимания следует уделять товарищеским судам, которые должны, в первую очередь, добиваться предупреждения разного рода правонарушений, что вовсе не умаляет значение советского суда, но формы и методы работы суда должны быть в корне изменены» [9. С. 24].

Данный период ознаменован унификацией законодательства о товарищеских судах, продемонстрированной содержанием соответствующих положений 1961 г. [10] и 1977 г. [11], предшественником этих положений было «типовое положение 1959 г. об учреждении товарищеских судов на предприятиях, в учреждениях, организациях, высших и средних специальных учебных заведениях, в колхозах, многоквартирных домах, а также в сельской местности» [12. С. 245]. Кроме того, на протяжении периода 1959–1991 г. принимались разного рода указы и постановления, регламентирующие отдельные направления их деятельности – в области борьбы с мелкими хищениями, пьянством, хулиганством, самогоноварением и т.п.

Юрисдикция товарищеских судов включала: дела, связанные с аморальными действиями (пьянство, грубость, недостойное отношение к жене, детям, родителям и т.п.) [13. С. 71]; дела, связанные с нарушениями трудовой дисциплины, противоречащие базовым принципам советского труда «добросовестности, ответственности, безопасности, рентабельности производства»; административные правонарушения; малозначительные преступления; имущественные споры на сумму не более 50 рублей, незначительные споры, связанные с жилищными правоотношениями.

Административные и уголовные дела, подлежащие рассмотрению товарищескими судами, очерчивались как правонарушениями, по которым в законе установлена альтернативность санкции и возможность применения к виновному мер общественного воздействия, так и делами, рассматриваемыми в порядке делегирования от органов дознания, следствия, прокуратуры, суда с учетом малозначительности преступления и причиненного вреда, а также личности виновного.

Отметим, что такая подсудность полностью совпала с заявленной КПСС концепцией воспитательной

функции товарищеских судов, реализуемой с целью предупреждения совершения виновным в будущем более опасных правонарушений.

В отличие от административных правонарушений и уголовных дел, которые подлежали рассмотрению товарищескими судами в порядке частного или публичного обвинения, либо в порядке делегирования, гражданские дела рассматривались лишь в случае согласия на то обеих спорящих сторон и в отношении имущественных споров.

Система наказаний, применяемая товарищескими судами, полностью соотносилась с их целеполаганием – «...развитием у советских людей чувства коллективизма и товарищеской взаимопомощи, уважения достоинства и чести граждан» [14. С. 31], основанном на соответствующих принципах коммунистической морали. К таковым, в частности, относились «возложение обязанности принести публичное извинение потерпевшему или коллективу, товарищеское предупреждение, общественное порицание, общественный выговор, который мог быть опубликован в районной/городской печати или стенгазете. В части административных и уголовных правонарушений допускалось наказание в виде денежного штрафа. По определенным категориям дел допускалось возложение обязанности возмещения ущерба на сумму до 50 рублей (данное наказание могло быть как основным, так и дополнительным). Если речь шла об определенных делах, связанных с систематическим нарушением трудовой дисциплины, то товарищеские суды, не ограничиваясь общественным порицанием или выговором, могли поставить вопрос о понижении в должности либо увольнении, но учитывая специфику трудового законодательства, такие меры общественного воздействия обретали юридическую силу только по решению администрации или руководителя предприятия/учреждения» [10, 11].

Появление товарищеских судов в европейских странах «народной демократии» совпадает с периодом «хрущевского ренессанса» товарищеского правосудия в СССР. Страны Восточной и Центральной Европы (ГДР, Чехословакия, Польша, Румыния, Венгрия и др.) оценивали рубеж 1950–1960-х гг. как переход в стадию развернутого строительства социализма, о чем, подобно СССР, заявлялось в решениях съездов национальных компартий. Они полны утверждений о том, что жесткая карательная уголовная политика была обусловлена стремлением к подавлению сопротивления социалистическому строительству на его начальном этапе, а успешное решение задач переходного периода влечет за собой необходимость послабления карательной функции и усиления функций воспитательной и превентивной. Смягчение карательной функции, по мнению руководства стран «народной демократии», означает автоматическое послабление системы наказания – более широкому использованию условного осуждения, общественного порицания. Другим следствием либерализации уголовной политики является создание общественных органов, рассматривающих в порядке делегирования от государства дела, связанные с деяниями, не представляющими большой общественной опасности.

Цель наказания в новых уголовных кодексах стран «народной демократии» определялась, как «охрана общества от лиц, совершающих преступления, воспрепятствование дальнейшему занятию преступной деятельностью и воспитание этих лиц, чтобы они вели честную жизнь трудящегося человека, и этим оказывали воспитательное воздействие и на остальных членов общества» (§ 23 УК ЧССР 1961 г.; §34 УК Венгрии 1961 г. [16]).

Последнее утверждение стало основой принятия решений о создании в европейских социалистических странах общественных судов. Так, товарищеские суды были созданы в Народной Республике Болгария, Венгерской Народной Республике (ВНР), Польской Народной Республике (ПНР), Социалистической Республике Румыния, подобно им – новые конфликтные комиссии в Германской Демократической Республике и местные народные суды в Чехословацкой Социалистической Республике (ЧССР) [17].

В Чехословакии, следуя курсу, заявленному в Постановлении ЦК Коммунистической партии Чехословакии в декабре 1960 г., «О дальнейшем укреплении социалистической законности и демократизации судостроительства», дела о драках, хулиганстве, клевете, пьянстве и о пренебрежении обязанностями по отношению к семье передаются местным народным судам, создаваемым на предприятиях и в населенных пунктах, в качестве общественных органов. На основании закона ЧССР «О местных народных судах» от 18.04.1961, их юрисдикция была расширена за счет мелких имущественных споров [18]. Кроме того, Закон 1961 г. предусматривал возможность передачи в их ведение более серьезных уголовных дел в порядке делегирования прокурором: данная норма, напоминая содержание ст. 51 УК РСФСР (1960 г.) [19], была включена в принятый в том же 1961 г. Уголовный кодекс ЧССР (УК ЧССР).

Примечательно, что в отличие от советских узаконений (например, Основ законодательства Союза ССР, союзных республик и автономных республик 1958 г., положений РСФСР о товарищеских судах 1961 и 1977 гг.) в законе Чехословакии «О местных народных судах» данные суды были включены в единую социалистическую судебную систему [20. С. 73], что и предопределяло руководство их деятельностью со стороны судебных органов (районных судов), а не профсоюзными органами и исполкомами местных Советов, как было принято в СССР (ст. 21) [21]. Более того, в отличие от Основных Законов СССР, Конституция ЧССР 1960 г. закрепляла принцип, в соответствии с которым правосудие в ЧССР осуществляется независимыми народными судами, к которым, наряду с Верховным судом, областными, окружными, военными судами, отнесены и местные народные суды (ст. 98). В соответствии с Конституцией Чехословакии деятельность местных судов была призвана обеспечить более широкое участие трудящихся в правосудии и способствовать укреплению социалистической законности, охране общественного порядка и правил социалистического поведения (ст. 101) [22].

Вопрос о «либерализации» уголовного права в конце 1950-х гг. был включен и в политическую повестку Германской Демократической Республики. Отправной точкой формирования товарищеского правосудия в ГДР (конфликтных комиссий) стало выступление лидера Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) Вальтера Ульбрихта на IV Пленуме ЦК. В этом выступлении детально обосновывалась идея создания данных комиссий, способных оказывать влияние на воспитание в рабочем классе основ социалистического поведения, а также разрешать спорные случаи, непосредственно связанные с социалистической моралью и общественным образом жизни [23. С. 64].

Предложение В. Ульбрихта встретило поддержку профсоюзов ГДР и на основании решения V съезда Объединения свободных немецких профсоюзов на предприятиях началось массовое создание конфликтных комиссий. Окончательное законодательное оформление их деятельности осуществлено с принятием 28.04.1960 Постановления о новых конфликтных комиссиях, сопутствующих ему Руководящих указаний о работе новых конфликтных комиссий от 04.04.1960.

Гуманизация уголовно-правовой политики в ГДР проявилась в делегировании конфликтным комиссиям на рассмотрение нарушений уголовных законов, которые согласно § 8 Дополнительного уголовного закона «не являлись преступлением, хотя и формально соответствовали содержащемуся в законе описанию состава преступления, но не представляли опасности в силу малозначительности и отсутствия вредных для ГДР, социалистического строительства, интересов трудящихся и отдельных граждан последствий» [24. С. 378].

Помимо этого, на конфликтные комиссии ГДР были возложены задачи систематической воспитательной работы и борьбы за социалистическую мораль, выявления причин недисциплинированности и антисоциального поведения, причиняющего вред окружающим [25. С. 146], раскрытия идеологических причин и обстоятельств, способствовавших совершению малозначительных уголовных правонарушений.

В соответствии с идеями, транслировавшимися в СССР, немецкие идеологи утверждали, что «конфликтные комиссии имеют особую задачу по сравнению с другими формами общественной организации трудящихся» и, «будучи общественными органами, за деятельность которых отвечает предприятие, они вместе с тем являются носителями государственных функций, т.е. они выполняют государственные задачи... По своему содержанию задачи конфликтных комиссий соответствуют задачам судов, тем самым и государственный акт отказа от применения наказания достигает максимальной общественной действенности» [23. С. 380–381].

Отметим также, что созданные по инициативе СЕПГ конфликтные комиссии формировались по производственному принципу и не охватывали своей юрисдикцией деяния, совершенные по месту жительства – в жилых кварталах городов, сельских населенных пунктах. Создание конфликтных комиссий по территориальному принципу стало результатом уже инициативы общественных и кооперативных организаций трудящихся,

где создавались подобные комиссии, ставившие задачей непосредственное воспитательное воздействие на недисциплинированных членов кооперативов. В городах и других населенных пунктах получила активное развитие система третейских комиссий в составе представителей Народного фронта, заседателей – представителей предприятий, сельскохозяйственных производственных кооперативов и других трудящихся [24. С. 382].

Таким образом, в отличие от периода «правового ренессанса» товарищеских судов в СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг., для которого характерна унификация как законодательства о товарищеском правосудии судах, так и самих товарищеских судов, для ГДР характерны различные формы общественных судов, что более напоминало товарищеское правосудие в СССР в конце 1920-х гг. и в 1930-е гг. При всем сходстве задач, стоящих перед конфликтными комиссиями в ГДР и товарищескими судами, отметим, что советское законодательство более четко определяло вопросы подсудности, процедуру рассмотрения, порядок делегирования полномочий и прочие аспекты товарищеского правосудия. Однако ни советское законодательство, ни его отечественные исследователи никогда не употребляли в отношении товарищеских судов термина «общественное правосудие», что, впрочем, не умаляло значения этих судов, действовавших именно в этом качестве. Юристы же ГДР постоянно используют понятие общественного правосудия, что, по всей видимости, объясняется встраиванием конфликтных комиссий в социалистическую судебную систему, по образцу ЧССР, подтверждением чему является ст. 92 Конституции ГДР 1968 г., закрепляющая, что «правосудие в Германской Демократической Республике осуществляется Верховным судом, окружными судами, районными судами и общественными судами в рамках задач, возложенных на них законом» [26].

В Венгерской Народной Республике фактическое начало деятельности товарищеских судов датируется 1955 г., однако юридическое оформление этого института было осуществлено с принятием Советом министров ВНР Постановления № 1041 от 30.05.1956 и Указа № 24/1962 Президиумом Государственного собрания Венгрии, в соответствии с которыми товарищеский суд определялся как выборный орган трудящихся, наделенный полномочиями «воспитания граждан в духе сознательной дисциплины и взаимного уважения человеческого достоинства, имущественных и иных прав трудящихся, а также защиты государственной и общественной собственности».

Принципиальной особенностью нового Указа являлось увеличение численности и повсеместное образование товарищеских судов на всех государственных предприятиях и в иных хозяйственных органах, где число рабочих достигает 100 человек (ранее 300). В то же время такой критерий уступал, в частности, Положению РСФСР 1961 г., предусматривающему образование товарищеских судов в трудовых коллективах численностью от 50 человек.

Еще одной особенностью Указа Президиума Госсовета ВНР являлся производственный принцип создания товарищеских судов: инициатива организации таких, например, на железных дорогах, в кооперативах, а также в центральных, руководящих и хозяйственных органах должна была исходить от ЦСПС, но уже по согласованию с соответствующим министром или руководителем ведомства общереспубликанского значения [27. С. 24]. В дальнейшем венгерское законодательство предусматривало создание судов на смешанной производственно-территориальной основе и их распространение на населенные пункты, села и города.

Особо стоит сказать об уникальном статусе члена товарищеского суда в ВНР, который в соответствии с § 114 УК ВНР является должностным лицом, чья деятельность охраняется уголовным законом [16], притом что члены избираются коллективами предприятий и ответственны перед своими избирателями, а компетенция товарищеских судов является типичной, охватывающей не только малозначительные преступления, но и дела о нарушениях трудовой дисциплины, отдельные административные правонарушения и споры имущественного характера. Возможно, это и объясняет, что в Указе товарищеский суд обозначен выборным органом трудящихся, а не выборным общественным органом.

В качестве еще одной особенности Указа ВНР в отличие от действующих Положений о товарищеских судах в СССР являлось то, что в Венгрии в работе товарищеского суда могут участвовать общественный обвинитель или общественный защитник, выдвигаемые из сослуживцев заинтересованных лиц.

Существенно отличалась и система мер общественного воздействия. Например, в части дел о нарушениях трудовой дисциплины советские товарищеские суды наделялись лишь правом поставить перед руководителем предприятия/учреждения вопросы о переводе на нижеоплачиваемую работу или неквалифицированные физические работы, об увольнении и др., а уже сам руководитель принимал окончательное решение на основании трудового законодательства. В Венгрии же товарищеские суды при рассмотрении дел о трудовых правонарушениях вправе были применять любые меры дисциплинарного воздействия в соответствии с Кодексом о труде: лишить виновного на определенный срок права на получение премии, принять решение о переводе виновного на низшую работу либо об увольнении, поставить перед органом здравоохранения исполкома местного Совета вопрос о применении к алкоголику принудительного лечения [27. С. 25].

Поскольку в СССР в рассматриваемый период дела об алиментах находились в ведении народных судов, отметим, что товарищеские суды ВНР, по сути, таким правом были наделены и по ходатайству заинтересованных лиц могли постановить решение об удержании части заработной платы виновного, пренебрегающего содержанием семьи, в пользу одного из членов семьи или почителю ребенка. При этом решение о выплате части заработной платы приводилось в исполнение немедленно, независимо от того, было оно обжаловано заинтересованным лицом или нет.

По аналогии с другими государствами «народной демократии» в Польской народной республике первые общественные суды возникают в 1960 г. В отличие от СССР, в Польше деятельность товарищеских судов регламентировалась не единым положением, а множеством местных узаконений, выработанных общественностью воеводства и одобренных коллективами предприятий, в силу чего их компетенция ограничивалась делами, возникающими на предприятии. Однако подсудность дел в целом совпадала с подсудностью советских товарищеских судов: мелкие хищения общественного имущества, дела о нарушениях трудовой дисциплины и правил социалистического общежития.

Помимо общественных судов, создаваемых на предприятиях, в 1960-е гг. в Польше происходит образование общественных примирительных комиссий, которые создавались по месту жительства в городах и сельской местности. Принципиальным их отличием от общественных судов на предприятиях являлось то, что комиссии разрешали споры, возникающие между соседями, на основе добровольности обращения заинтересованных сторон, что в общих чертах соответствовало советской практике конца 1920-х и 1930-х гг., когда создавались и действовали «примирительные камеры, затем сельские и колхозные общественные суды, примирительно-конфликтные комиссии по жилищным делам, и товарищеские суды при жилищных и жилищно-кооперативных товариществах и при домовых трестах и т.п.» [7. С. 230–256].

К 1965 г., когда в Польше действовало уже 150 общественных судов на предприятиях и 1 800 примирительных комиссий в городах и деревнях [28. С. 159], государство наконец-то пришло к выводу о необходимости упорядочения и универсализации их деятельности. Сеймом ПНР 30.03.1965 был принят «Закон об общественных судах», который объединил в себе нарабатанную практику общественных судов и общественных примирительных комиссий, не объединив при этом их единым названием «товарищеские суды», но обозначив их как общественные органы социалистического самоуправления ПНР.

На уровне подсудности Закон 1965 г. не определял самостоятельной компетенции примирительных комиссий и общественных судов, а содержал лишь общий перечень дел об этих нарушениях, что в целом соответствовало подходу, принятому в СССР. К ним относились, в частности, дела о пренебрежительном отношении к выполнению семейных или трудовых обязанностей, к товарищам по работе, к установленным правилам безопасности, гигиены и дисциплины труда, дела о причинении ущерба общественному достоянию или достоянию гражданина, а также дела о спорах, возникающих между соседями в сельской местности.

В отличие от Положения РСФСР о товарищеских судах 1961 г., которым устанавливалось, что инициатива о создании таких органов исходит от общего собрания трудового коллектива, но с согласия профсоюзного органа, в Польше, напротив, инициатива должна была исходить от профсоюза, который и утверждал решение об организации общественного суда.

В создании примирительных комиссий также налицо отсутствие самостоятельности инициативы: вопрос об организации такой комиссии решался по предложению соответствующего комитета Фронта народного единства городским, районным, сельским или поселковым народным советом. Такая инициатива выдвигалась по результатам изучения мнения местного населения, работников суда, прокуратуры и милиции, исполкома народного совета, а также на основании анализа положения дел с правонарушениями [28. С. 161]. Но и в СССР, и в ПНР выборы общественных судов происходили на общих собраниях работников предприятий либо на открытых собраниях местных жителей.

Последующее развитие товарищеского правосудия в Польше демонстрировало народную поддержку данного института, причем большей популярностью пользовались именно общественные примирительные комиссии, особенно в сельской местности, где еще сохранялась индивидуальная собственность на землю и ввиду этого перманентность мелких конфликтов между соседями, а обращение в примирительную комиссию позволяло решить спор без разбирательства в народном суде, уплаты судебных издержек и т.д. [28. С. 163]. Собственно эта причина и становится очевидной при анализе соответствующей статистики: на первом месте по частоте рассматривавшихся вопросов именно имущественные и жилищные споры, а потом уже в порядке убывания семейные конфликты, дела о клевете и оскорблениях, нарушениях общественного порядка.

Ситуация с приоритетностью дел, рассматриваемых товарищескими судами в Польше, претерпевает некоторые изменения к началу 1970-х гг.: и общественные суды, и примирительные комиссии заняты в основном рассмотрением дел об оскорблениях и клевете, а также о нарушениях общественного порядка; имущественные, жилищные и семейные споры отходят на второй план [28. С. 164]. Думается, что такие изменения были обусловлены, во-первых, состоявшейся кодификацией уголовного и уголовно-процессуального законодательства в 1969 г. и, во-вторых, предоставлением прокурору и народному судье права передавать общественным судам дела о преступлениях незначительной общественной опасности (§ 2 ст. 26 УК и ст. 12 УПК ПНР) [29].

Допущение польским законодателем плюрализма форм органов общественного правосудия отразилось и на специфике мер общественного воздействия, применяемых ими. При общем сходстве этих мер общественного воздействия с советскими положениями (общественные замечание и выговор, обязанность принести извинение, возмещение нанесенного ущерба; штраф и др. (§ 2 ст. 12 Закона об общественных судах ПНР)) в Польше решение о примирении является и целью, и мерой. Закон обязывал эти органы примирить стороны и обеспечить заключение мирового соглашения. Отметим, что доля таких решений составляла порядка 70% от общего числа соответствующих дел [28. С. 166]. Советское Положение РСФСР 1961 г. не рассматривало примирение в перечне мер общественного воздействия, указывая лишь на возможность прекращения дела ввиду примирения участников спора.

Таким образом, развитие системы товарищеского правосудия в советский период истории российской государственности включает в себя три основных периода. На протяжении первого (1919–1921 гг.) периода имела место система дисциплинарных товарищеских судов, обеспечивавших решение таких насущных для политики «военного коммунизма» задач, как всеобщая трудовая повинность, укрепление трудовой дисциплины и повышение производительности труда. Для второго периода (1928–1938 гг.) был характерен плюрализм органов товарищеского правосудия. При этом, несмотря на видимое разнообразие системы, включавшей производственные товарищеские суды, сельские, колхозные и жилищные общественные суды, последняя отличалась единством целеполагания: деятельность всех ее звеньев была направлена на обеспечение незыблемости производственной дисциплины и высвобождение народных судов от массы мелких имущественных и бытовых споров. Третий, после паузы, обусловленной резким ужесточением государственно-правового режима, период «ренессанса товарищеских судов» (1959–1991 гг.) характеризовался расширением юрисдикции территориальных и производственных товарищеских судов за счет незначительных по степени опасности правонарушений и малозначительных административных деликтов, имущественных и семейных споров. Данный период был отмечен апогеем идеологизации товарищеского правосудия: к числу его стратегических задач были отнесены воспитание граждан в духе коммунистического отношения к труду и общенародной собственности, содействие реализации правил социалистического общежития, развитие у советских людей чувства коллективизма и товарищеской взаимопомощи, уважения к достоинству и чести граждан.

Таким образом, товарищеские суды советского периода российской государственности, пройдя путь от чисто дисциплинарных до общественных судов, широкая компетенция которых превращала их в подобие судов общей юрисдикции, представляли собой квазисудебные органы общественно-государственной власти, органически вписанные в концепцию социалистического общенародного государства.

Развитие товарищеских судов в странах «народной демократии», в силу логики исторического про-

цесса имевшее запаздывающий характер, приходится на период «правового ренессанса» товарищеских судов в СССР. Свойственное странам Центральной и Восточной Европы стремление к копированию советского опыта социалистического строительства способствовало и либерализации уголовного законодательства, и постановке перед судами принципиально новых задач, связанных с реализацией воспитательной и превентивной функций, что создавало благодатную почву для ускоренной рецепции идеи товарищеского правосудия.

При создании общественных (товарищеских) судов в европейских странах народной демократии немалое значение имел опыт товарищеских судов, действовавших в СССР, однако их общественные суды имели ряд специфических особенностей. Далеко не всеми братскими государствами воспринималось название «товарищеские суды», в ряде случаев в ходу были такие термины, как «общественный суд», «общественный рабочий суд», «примирительные комиссии», «примирительные конфликтные комиссии».

При общем сходстве целей, задач, подсудности товарищеских судов официально, на законодательном уровне, они в большинстве случаев не включались в судебную систему, вершившую правосудие. Исключением являлись местные народные суды ЧССР и общественные суды (конфликтные комиссии) ГДР, которые в соответствии с конституционным законодательством этих государств являлись частью судебной системы и осуществляли правосудие в рамках задач, возложенных на них законом. Феномен ЧССР и ГДР дает нам полное основание к использованию термина «общественное правосудие». Как часть судебной системы можно рассматривать и товарищеские суды, действовавшие в Венгерской Народной Республике. Последние, несмотря на отсутствие закрепления их легального статуса в Основном Законе ВНР и иных законодательных актах, по сути, являлись судами первой инстанции по определенной законом категории дел. Впрочем, и советские товарищеские суды, и польские общественные суды также нельзя рассматривать в отрыве от судебной системы: они де-факто осуществляли общественное правосудие, делегированное государством, что логично вписывалось в правовую парадигму социалистического государства, предполагавшую отождествление общественного и государственного начал.

Список источников

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М. : Изд-во полит. лит., 1974. 741 с.
2. Кашепов В.П. Гуманизация уголовного судопроизводства как принцип регулирования российского правосудия // Журнал российского права. 2015. № 12 (228). С. 101–112. doi: 10.12737/16641
3. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 14 ноября 1919 года «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах (положение)» // Библиотека нормативных правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: <http://www.libussr.ru/>
4. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 5 апреля 1921 г. «О дисциплинарных товарищеских судах» (положение) // Библиотека нормативных правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: <http://www.libussr.ru/>
5. Факурдинова А.Г. Правовая основа деятельности товарищеских судов (1920-е – начало 1930-х гг.) // Право: история и современность. 2019. № 4. С. 33–43.
6. Винниченко О.Ю., Филонова О.И. Модернизация судебной системы в период нэпа. Курган : Курган. гос. ун-т, 2013. 172 с.
7. Сырых В.М. Судостроительство и судопроизводство периодов нэпа и построения основ социализма (1921–1956 годы) / отв. ред. С.А. Колунтаев. М. : Норма, 2021. 688 с.
8. Berman H.J., Spindler J.W. Soviet Comrades' Courts // Washington Law Review. 1963. Vol. 842. P. 842–910. URL: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wlr/vol38/iss4/7>
9. Задачи судебных органов в новый период строительства коммунизма // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1959. № 4. С. 23–28.
10. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1961 г. об утверждении «Положения о товарищеских судах» // Библиотека нормативных правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: <http://www.libussr.ru/>

11. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1977 г. «Об утверждении Положения о товарищеских судах и Положения об общественных советах по работе товарищеских судов» // Библиотека нормативных правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: <http://www.libussr.ru/>
12. Smith G. Popular Participation in the Administration of Justice in the Soviet Union: Comrades' Courts and the Brezhnev Regime // *Indiana Law Journal*. 1974. Vol. 49, Is. 2. Art. 2. P. 238–252. URL: <https://www.repository.law.indiana.edu/ilj/vol49/iss2/2>
13. Суд и правосудие в СССР / под ред. А.Т. Бажанова. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1980. 400 с.
14. Иванов А.М., Зиновьева И.В., Масягина Ю. Б., Федоскин Н.Н. Товарищеские суды: историко-правовой анализ организации и деятельности в 60-е годы (на примере Смоленской области) // *Юридическая наука*. 2023. № 3. С. 31–36.
15. Гельфер М.А. Советское уголовное право: Основные вопросы общей части уголовного права европейских стран народной демократии. Общая часть : учеб. пособие / под ред. М.А. Гельфер, П.И. Гришаев; отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1963. Вып. 17. 72 с.
16. Уголовный кодекс Венгской Народной Республики / пер. д-р Тибор Реваи. Будапешт : Корвина, 1963. 152 с.
17. Прженосил Г., Толар Я. Местные народные суды в Чехословацкой Социалистической Республике // *Советское государство и право*. 1962. № 9. С. 105–109.
18. Гельфер М.А. Местные народные суды Чехословацкой Социалистической Республики // *Советская юстиция*. 1965. № 23. С. 18–20.
19. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Библиотека нормативных правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: <http://www.libussr.ru/> (дата обращения: 15.01.2024).
20. Виеска Ю. К некоторым важным вопросам совершенствования уголовного законодательства // *Вопросы уголовного права стран народной демократии* : сб. ст. / ред. А.А. Пионтковский. М. : Изд-во иностр. лит., 1963. С. 67–94.
21. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1961 г. об утверждении «Положения о товарищеских судах» // Библиотека нормативных правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: <http://www.libussr.ru/> (дата обращения: 15.01.2024).
22. Конституция Чехословацкой Социалистической Республики от 11 июля 1960 г. URL: <http://www.worldstatesmen.org> (дата обращения: 12.01.2024).
23. Ulbricht W. Der Weg zur Sicherung des Friedens und zur Erhöhung der materiellen und kulturellen Lebensbedingungen des Volkes. Berlin : Dietz, 1959.
24. Беньямин М. Борьба с преступностью и отказ от уголовного преследования в ГДР // *Вопросы уголовного права стран народной демократии* : сб. ст. / ред. А.А. Пионтковский. М. : Изд-во иностр. лит., 1963. С. 374–392.
25. Kranke R. Wie sollen die neuen Konflikt kommissionen arbeiten? // *Arbeitsrecht*. 1960. Vol. 5.
26. Конституция Германской Демократической Республики от 6 апреля 1968 г. // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова: URL: <http://www.worldconstitutions.ru> (дата обращения: 12.01.2024).
27. Ворожейкин Е.М. Товарищеские суды ВНР на новом этапе // *Советская юстиция*. 1963. № 20. С. 24–25.
28. Збигнев В.Б. Общественные суды в Польской Народной Республике // *Вопросы борьбы с преступностью*. Вып. 2. М. : Юрид. лит., 1975. С. 156–170.
29. Уголовный, уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный кодексы Польской Народной Республики / пер. М.А. Гельфер; Е. Бафия, С. Вальчак; общ. ред. М.А. Гельфер. М. : Юрид. лит., 1973. 231 с.

References

1. Lenin, V.I. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 36. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
2. Kashepov, V.P. (2015) Gumanizatsiya ugovnogo sudoproizvodstva kak printsip regulirovaniya rossiyskogo pravosudiya [Humanization of criminal procedure as a principle of regulation of Russian justice]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 12 (228). pp. 101–112. doi: 10.12737/16641
3. Biblioteka normativnykh pravovykh aktov Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [Library of Normative Legal Acts of the USSR]. (1919) *Dekret Soveta Narodnykh Komissarov RSFSR ot 14 noyabrya 1919 goda "O rabochikh distsiplinarnykh tovarishcheskikh sudakh (polozhenie)"* [On Workers' Disciplinary Comradely Courts (Regulations). Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of November 14, 1919]. [Online] Available from: <http://www.libussr.ru/>
4. Biblioteka normativnykh pravovykh aktov Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [Library of Normative Legal Acts of the USSR]. (1921) *Dekret Soveta Narodnykh Komissarov RSFSR ot 5 aprelya 1921 g. "O distsiplinarnykh tovarishcheskikh sudakh" (polozhenie)* [On Disciplinary Comradely Courts (Regulations). Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of April 5, 1921]. [Online] Available from: <http://www.libussr.ru/>
5. Fakurdinova, A.G. (2019) Pravovaya osnova deyatel'nosti tovarishcheskikh sudov (1920-e – nachalo 1930-kh gg.) [Legal basis for the activities of comrades' courts (1920s – early 1930s)]. *Pravo: istoriya i sovremennost'*. 4. pp. 33–43.
6. Vinnichenko, O.Yu. & Filonova, O.I. (2013) *Modernizatsiya sudebnoy sistemy v period nepa* [Modernization of the Judicial System during the NEP]. Kurgan: Kurgan State University.
7. Srykh, V.M. (2021) *Sudoustroystvo i sudoproizvodstvo periodov nepa i postroeniya osnov sotsializma (1921–1956 gody)* [The Judiciary and Legal Proceedings during the NEP Period and the Construction of the Foundations of Socialism (1921–1956)]. Moscow: Norma.
8. Berman, H.J. & Spindler, J.W. (1963) Soviet comrades' courts. *Washington Law Review*. 842. pp. 842–910. [Online] Available from: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wlr/vol38/iss4/7>
9. Byulleten' Verkhovno Suda SSSR. (1959) Zadachi sudebnykh organov v novyy period stroitel'stva kommunizma [Tasks of the Judiciary in the New Period of Building Communism]. *Byulleten' Verkhovno Suda SSSR*. 4. pp. 23–28.
10. Biblioteka normativnykh pravovykh aktov Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [Library of Normative Legal Acts of the USSR]. (1961) *Ukaz Prezidiuma Verkhovno Suda RSFSR ot 3 iyulya 1961 g. ob utverzhdenii "Polozheniya o tovarishcheskikh sudakh"* [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of July 3, 1961 on Approval of the Regulations on Comrades' Courts]. [Online] Available from: <http://www.libussr.ru/>
11. Biblioteka normativnykh pravovykh aktov Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [Library of Normative Legal Acts of the USSR]. (1977) *Ukaz Prezidiuma Verkhovno Suda SSSR ot 11 marta 1977 g. "Ob utverzhdenii Polozheniya o tovarishcheskikh sudakh i Polozheniya ob obshchestvennykh sovetskikh po rabote tovarishcheskikh sudov"* [On Approval of the Regulations on Comrades' Courts and the Regulations on Public Councils for the Work of Comrades' Courts. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of March 11, 1977]. [Online] Available from: <http://www.libussr.ru/>
12. Smith, G. (1974) Popular Participation in the Administration of Justice in the Soviet Union: Comrades' Courts and the Brezhnev Regime. *Indiana Law Journal*. 2 (49). Art. 2. pp. 238–252. [Online] Available from: <https://www.repository.law.indiana.edu/ilj/vol49/iss2/2>
13. Bazhanov, A.T. (ed.) (1980) *Sud i pravosudie v SSSR* [Court and Justice in the USSR]. Kazan: Kazan State University.
14. Ivanov, A.M. et al. (2023) *Tovarishcheskie sudy: istoriko-pravovoy analiz organizatsii i deyatel'nosti v 60-e gody (na primere Smolenskoy oblasti)* [Comrades' courts: historical and legal analysis of the organization and activities in the 1960s (on the example of the Smolensk region)]. *Yuridicheskaya nauka*. 3. pp. 31–36.
15. Gel'fer, M.A. (1963) *Sovetskoe ugovnoe pravo: Osnovnye voprosy obshchey chasti ugovnogo prava evropeyskikh stran narodnoy demokrati*. *Obshchaya chast'* [Soviet Criminal Law: Basic issues of the general part of the criminal law of European countries of people's democracy. General part]. Vol. 17. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

16. Revai, T. (ed.) (1963) *Ugolovnyy kodeks Vengerskoy Narodnoy Respubliki* [Criminal Code of the Hungarian People's Republic]. Budapest: Korvina.
17. Przhenshil, G. & Tolar, Ya. (1962) Mestnye narodnye sudy v Chekhoslovatskoy Sotsialisticheskoy Respublike [Local people's courts in the Czechoslovak Socialist Republic]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 9. pp. 105–109.
18. Gel'fer, M.A. (1965) Mestnye narodnye sudy Chekhoslovatskoy Sotsialisticheskoy Respubliki [Local people's courts of the Czechoslovak Socialist Republic]. *Sovetskaya yustitsiya*. 23. pp. 18–20.
19. Biblioteka normativnykh pravovykh aktov Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [Library of Normative Legal Acts of the USSR]. (1960) *Ugolovnyy kodeks RSFSR ot 27 oktyabrya 1960 g.* [Criminal Code of the RSFSR of October 27, 1960]. [Online] Available from: <http://www.libussr.ru/> (Accessed: 15.01.2024).
20. Vieska, Yu. (1963) K nekotorym vazhnyim voprosam sovershenstvovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva [On some important issues of improving criminal legislation]. In: Piontkovskiy, A.A. (ed.) *Voprosy ugolovnogo prava stran narodnoy demokratii* [Issues of Criminal Law in Countries of People's Democracy]. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury. pp. 67–94.
21. Biblioteka normativnykh pravovykh aktov Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik [Library of Normative Legal Acts of the USSR]. (1961) *Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 3 iyulya 1961 g. ob utverzhdenii "Polozheniya o tovarishcheskikh sudakh"* [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of July 3, 1961 on approval of the Regulations on Comrades' Courts]. [Online] Available from: <http://www.libussr.ru/> (Accessed: 15.01.2024).
22. Czechoslovak Socialist Republic. (1960) *Konstitutsiya Chekhoslovatskoy Sotsialisticheskoy Respubliki ot 11 iyulya 1960 g.* [Constitution of the Czechoslovak Socialist Republic of July 11, 1960]. [Online] Available from: <http://www.worldstatesmen.org> (Accessed: 12.01.2024).
23. Ulbricht, W. (1959) *Der Weg zur Sicherung des Friedens und zur Erhöhung der materiellen und kulturellen Lebensbedingungen des Volkes*. Berlin: Dietz.
24. Ben'yamin, M. (1963) Bor'ba s prestupnost'yu i otkaz ot ugolovnogo presледovaniya v GDR [The fight against crime and the refusal of criminal prosecution in the GDR]. In: Piontkovskiy, A.A. (ed.) *Voprosy ugolovnogo prava stran narodnoy demokratii* [Issues of Criminal Law in Countries of People's Democracy]. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury. pp. 374–392.
25. Kranke, R. (1960) Wie sollen die neuen Konflikt kommissionen arbeiten? *Arbeitsrecht*. 5.
26. Rossiyskiy pravovoy portal: Biblioteka Pashkova [Russian Legal Portal: Pashkov Library]. (1968) *Konstitutsiya Germanskoy Demokraticheskoy Respubliki ot 6 aprelya 1968 g.* [Constitution of the German Democratic Republic of April 6, 1968]. [Online] Available from: <http://www.worldconstitutions.ru> (Accessed: 12.01.2024).
27. Vorozheykin, E.M. (1963) Tovarishcheskie sudy VNR na novom etape [Comrades' courts of the Hungarian People's Republic at a new stage]. *Sovetskaya yustitsiya*. 20. pp. 24–25.
28. Zbignev, V.B. (1975) Obshchestvennye sudy v Pol'skoy Narodnoy Respublike [Public courts in the Polish People's Republic]. In: *Voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Issues of Combating Crime]. Vol. 2. Moscow: Yurid. lit. pp. 156–170.
29. Gel'fer, M.A. (ed.) (1973) *Ugolovnyy, ugolovno-protsessual'nyy i ugolovno-ispolnitel'nyy kodeksy Pol'skoy Narodnoy Respubliki* [Criminal, Criminal Procedure and Criminal Executive Codes of the Polish People's Republic]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

Информация об авторе:

Гаврилова А.В. — канд. юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: Anzhik77@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Gavrilova, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Theory and History of State and Law, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Anzhik77@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.04.2024;
одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 30.07.2024.

The article was submitted 24.04.2024;
approved after reviewing 17.05.2024; accepted for publication 30.07.2024.

Научная статья
УДК 347.41
doi: 10.17223/15617793/504/23

Изменение обязательства вследствие наступления обстоятельств, приостанавливающих течение срока исковой давности

Владислав Викторович Груздев¹

¹ Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИИХ»,
Новосибирск, Россия, gruzvlad@rambler.ru

Аннотация. Исследуются обязательственно-правовые последствия, имеющие место в случаях приостановления течения срока исковой давности. Охарактеризовано понятие иска в материально-правовом и процессуальном смыслах. Рассмотрены материально-правовые и процессуальные препятствия к иску. Сделан вывод, что материально-правовые препятствия как юридические факты влекут за собой изменение содержания обязательственной связи, внешне выражающееся в приостановлении течения срока исковой давности.

Ключевые слова: обязательство, изменение обязательства, иск, срок исковой давности, приостановление течения срока исковой давности

Для цитирования: Груздев В.В. Изменение обязательства вследствие наступления обстоятельств, приостанавливающих течение срока исковой давности // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 208–212. doi: 10.17223/15617793/504/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/23

A change in the obligation due to the occurrence of circumstances suspending the limitation period

Vladislav V. Gruzdev¹

¹ Novosibirsk State University of Economic and Management, Novosibirsk, Russian Federation, gruzvlad@rambler.ru

Abstract. The subject of the study is the regularities of civil law regulation of public relations arising in the field of protection of subjective rights and legally protected interests of participants in the turnover. The study aims to identify the essence of the legal consequences of obligations that occur in cases of suspension of the limitation period. Taking into account this aim, the following research objectives are set: to consider the concept of a claim in the substantive and procedural senses in the light of the current state of domestic jurisprudence on this issue; to characterize the substantive and procedural obstacles to the implementation of the claim; to determine, in order to correctly interpret the law, what the change in the content of the binding relationship upon the occurrence of circumstances suspending the limitation period is. The methodological basis of the research is the application of general scientific and special scientific methods of cognition, including system-structural and formal-legal. As a result of the conducted research, the following main conclusions were made. In the substantive legal sense, the “right to claim” and the “claim” itself are identical concepts, behind which lies a claim as a protective opportunity capable of enforcement. When it comes to the jurisdictional form of protection, a claim in the procedural sense (a procedural claim) serves as a means of implementing a claim in the substantive sense (a substantive claim). The suspension of the limitation period is due to the obstacles encountered by the creditor to the implementation of the substantive claim. Therefore, the grounds for suspending the limitation period are specific life circumstances of a substantive or procedural nature that objectively prevent, in a certain period of time, the enforcement by an authorized person of his claim in a jurisdictional or non-jurisdictional form. Recognizing that the statute of limitations is suspended upon the occurrence of certain circumstances, the law gives the latter the properties of legal facts entailing a change in obligation, consisting in the temporary loss of the quality of a claim by a subjective right or the temporary inability of a subjective right to acquire such a quality. The creditor is deprived of the opportunity to enforce his right until the relevant circumstances disappear (the termination of force majeure; the departure of the plaintiff or defendant from the Armed Forces of the Russian Federation, transferred to martial law, or the abolition of martial law; the end of the moratorium; the resumption of the law or regulatory legal act regulating the relevant relationship). Procedural obstacles to filing a claim (the need to comply with the procedure for resolving a dispute out of court or obtaining a calculation from the dispatcher for the distribution of a general accident) do not in themselves affect the content of the obligation.

Keywords: obligation, change of obligation, claim, limitation period, suspension of limitation period

For citation: Gruzdev, V.V. (2024) A change in the obligation due to the occurrence of circumstances suspending the limitation period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 208–212. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/23

Для защиты нарушенного права законом установлен срок исковой давности. Течение данного срока приостанавливается при наступлении обстоятельств, приводящих к невозможности государственного принуждения. Наблюдается изменение содержания юридической связи, заключающееся в утрате управомоченной стороной на определенный период времени притязания к обязанной стороне.

С целью характеристики внутренней модификации обязательства в случаях приостановления течения давностного срока важно сформировать правильное представление об *иске*, учитывая, что данный термин в словосочетании «исковая давность» (или, по-другому, «давность иска») имеет ключевое значение.

Иск понимается в юридической литературе по-разному [1. С. 9–12]. Не вдаваясь в подробности дискуссии, находящейся на стыке материального и процессуального права, заметим лишь, что в отечественном гражданском законодательстве (в частности, в нормах об исковой давности) традиционно получает воплощение концепция, различающая два самостоятельных понятия иска: иск в материально-правовом смысле и иск в процессуальном смысле [2. С. 145].

Иск в материально-правовом смысле означает требование истца к ответчику, выводимое им из своего субъективного гражданского права [3. С. 603]. Иск в процессуальном смысле представляет собой обращение в суд заинтересованного лица с требованием о защите нарушенного или оспариваемого субъективного права или охраняемого законом интереса путем разрешения спора о праве [4. С. 218]. Адресатом иска в материально-правовом смысле является нарушитель, иска в процессуальном смысле – правоприменительный орган (суд). Соответственно, разграничиваются понятия «право на иск в материальном смысле» и «право на иск в процессуальном смысле» [5. С. 563–565]. Право на иск в первом качестве – это притязание, обладающее способностью подлежать принудительному осуществлению [6. С. 5–9].

По смыслу п. 1 ст. 9 ГК РФ субъективное гражданское право *во всех случаях* осуществляется его обладателем. При судебной защите управомоченное лицо обращается за помощью к государству, которое силами своего аппарата *властно* понуждает обязанное лицо к требуемому поведению. Право на иск в материально-правовом смысле может быть реализовано и без принуждения – путем *добровольного* исполнения обязанности.

Кредитор принадлежащее ему право на иск осуществляет лишь при *необходимости* и по *свободному усмотрению*: самостоятельно (в случае самозащиты и оперативного воздействия) или при содействии государства в лице уполномоченного правоприменительного органа. Поэтому сроком исковой давности должен признаваться период времени, в течение которого сохраняется возможность принудительного (судебного или внесудебного) осуществления управомоченным лицом своего нарушенного права. Именно в данный период субъективное право находится в качественном состоянии притязания.

В материально-правовом смысле «право на иск» и собственно «иск» – тождественные понятия, за которыми скрывается *притязание как охранительная возможность, способная к принудительному осуществлению*. И когда речь идет о юрисдикционной форме защиты, иск в процессуальном смысле (*процессуальный иск*) служит средством реализации иска в материально-правовом смысле (*материально-правового иска*). Вместе с тем процессуальный иск оказывается необоснованным, если истцу на самом деле не принадлежит право на иск в материально-правовом смысле. Так, суд оставляет без удовлетворения иск в *процессуальном* смысле, направленный на осуществление «несозревшего» или «перезревшего» обязательственного права (во втором случае – при наличии заявления стороны в споре о применении исковой давности), потому что соответственно еще или уже *нет* иска в *материально-правовом* смысле.

В гражданском законодательстве иск используется в обоих рассмотренных значениях: и материально-правовом, и процессуальном (например, в п. 2 ст. 199 ГК РФ в словосочетании «решение об отказе в иске» имеется в виду процессуальный иск). В *материально-правовой* терминологии «исковая давность» иск вполне логично понимается в том же *материально-правовом* качестве.

Ст. 202 ГК РФ предусматривает ряд обстоятельств, наличие которых приостанавливает течение давностного срока. Эти обстоятельства создают для лица невозможность предъявления иска [7].

Приостановление течения срока исковой давности связано с возникшими у кредитора *препятствиями к реализации материально-правового иска*. Имеются в виду ситуации, охватываемые известной римской формулой *agere non valenti non currit praescriptio*¹. Роль рассматриваемых препятствий выполняют конкретные жизненные обстоятельства, обладающие следующими основными чертами.

Во-первых, данные обстоятельства мешают *принудительному* правоосуществлению в любой форме – не юрисдикционной (при совершении кредитором односторонних действий) или юрисдикционной (при обращении кредитора в суд с процессуальным иском). В то же время не всегда утрачивается возможность осуществления притязания вследствие *добровольного* исполнения должником корреспондирующей праву обязанности (например, не запрещается добровольное исполнение обязательства в период гражданско-правового моратория).

Во-вторых, приостанавливающие течение исковой давности обстоятельства *объективно* препятствуют принудительному осуществлению права. Они всегда носят внешний по отношению к участникам юридической связи характер. Даже в случае, когда стороны добровольно прибегли к предусмотренной законом процедуре разрешения спора во внесудебном порядке (например, заключили соглашение о проведении процедуры медиации), возникшая вследствие этого необходимость соблюдения данной процедуры становится требующей преодоления преградой на пути юрисдикционной защиты нарушенного права.

В-третьих, речь идет об обстоятельствах, создающих *временную* невозможность принудительной реализации притязания, которое, однако, сохраняется на всем протяжении существования этих обстоятельств. При окончательной фактической или юридической невозможности исполнения обязательство прекращается вместе с входящими в его содержание правами и обязанностями, что делает бессмысленным приостановление давностного срока по уже отпавшему иску.

В-четвертых, характеризующие обстоятельства создают препятствия для принудительного осуществления притязания в силу своих *природных* свойств (обстоятельств непреодолимой силы, т.е. стихийных явлений) либо в качестве результата *человеческой* деятельности (непреодолимая сила как общественное явление: нахождение истца или ответчика в составе Вооруженных Сил Российской Федерации, переведенных на военное положение; мораторий; приостановление действия нормативного правового акта, регулирующего соответствующее отношение; внесудебная процедура разрешения спора; производство диспашером расчета по распределению общей аварии).

В-пятых, обстоятельства, создающие невозможность реализации материально-правового иска, представляют собой либо юридические факты гражданско-правового характера (*материально-правовые препятствия*), либо предпосылки права на предъявление процессуального иска, каковыми являются процедуры разрешения спора во внесудебном порядке и получения диспаши в качестве доказательства по спору, связанному с морской перевозкой (*процессуальные препятствия*). Материально-правовые препятствия не позволяют принудительно осуществить притязание как в юрисдикционной, так и неюрисдикционной форме. Процессуальные препятствия исключают принудительное осуществление притязания в юрисдикционной форме, поскольку процессуальный иск служит средством реализации материально-правового иска.

Таким образом, основаниями приостановления срока исковой давности являются *конкретные жизненные обстоятельства материально-правового или процессуального характера, объективно препятствующие в определенный промежуток времени принудительной реализации уполномоченным лицом его притязания в юрисдикционной или неюрисдикционной форме*.

Если иск предъявлен, течение срока исковой давности не приостанавливается, а *прекращается*: механизм властного принуждения запущен, поэтому никакого смысла более в исковой давности нет. Другое дело, что исковая давность станет вновь актуальной, когда такого принуждения не последует в предусмотренных законом случаях оставления процессуального иска без рассмотрения. И поскольку в таких случаях материально-правовой иск оказался не реализован, постольку срок исковой давности течет в общем порядке (если только иное не вытекает из оснований, по которым осуществление судебной защиты права прекращено). Однако время, пока процессуальный иск находился в суде, вполне логично исключается из срока исковой давности в связи с *утратой* последним на соответствующий период своего значения². Приостановленный же

срок исковой давности полностью *сохраняет* присущую ему функцию и по отпадении соответствующих обстоятельств *непрерывно* продолжает начавшееся ранее течение.

О.А. Красавчиков подчеркивал, что изменение правоотношения может заключаться в движении субъективного права. Развитие последнего происходит как в направлении от правомочия к правопритязанию (когда субъективное право обретает напряженный характер, т.е. становится подлежащим удовлетворению в принудительном порядке), так и в обратном направлении — от правопритязания к правомочию (когда субъективное право теряет напряженный характер, т.е. не подлежит удовлетворению в принудительном порядке) [8. С. 130–132].

Признавая, что срок исковой давности приостанавливается при наступлении определенных обстоятельств, закон наделяет последние свойствами юридических фактов, влекущих за собой изменение обязательства, заключающееся во временной утрате субъективным правом качества притязания или временной невозможности приобретения субъективным правом такого качества. Однако обязательственное правоотношение не изменится, если, несмотря на соответствующие обстоятельства, способность к принудительному осуществлению субъективное право все же сохраняет (так, необходима причинная связь между непреодолимой силой и невозможностью осуществления притязания; приостановление действия нормативного правового акта должно приводить к невозможности определения прав и обязанностей без реализации положений данного акта и т.п.).

Приостановление срока исковой давности, обусловленное материально-правовыми препятствиями, означает изменение обязательственной связи, выражающееся во временном отсутствии в ее содержании санкции [9. С. 234–247]. В частности, наблюдается следующая картина: субъективное право, которое приобрело напряженный характер до приостановления, утрачивает качество притязания, а субъективное право, которое должно приобрести напряженный характер в период приостановления, не приобретает качества притязания. В отличие от этого при истечении срока исковой давности способность к принудительному осуществлению утрачивается субъективным правом навсегда (хотя в исключительных случаях может возвратиться вследствие восстановления пропущенного срока).

Непреодолимая сила в значении основания приостановления течения срока исковой давности создает препятствия для принудительной защиты нарушенного права: если установлено, что конкретное жизненное обстоятельство, отвечающее признакам чрезвычайности и непредотвратимости при данных условиях, не позволяет понудить нарушителя к исполнению обязанности, то срок исковой давности признается приостановленным на все время существования этого обстоятельства. В содержательном аспекте в период непреодолимой силы отсутствует возможность достигнуть цели принудительного осуществления нарушенного права (в противном случае либо вовсе нет непреодолимой силы, либо она не является причиной невозможности принуждения).

Соответствующий субъект (управомоченное лицо, обязанное лицо, суд как правоприменительный орган) *вынужденно не совершает* диктуемых названной целью действий. В сложившихся условиях субъективное право *a priori* не может быть осуществлено принудительно, однако оно по-прежнему сохраняется, лишь на время утрачивая качество притязания.

В случае *нахождения истца или ответчика в составе Вооруженных Сил Российской Федерации, переведенных на военное положение*, наблюдается следующая картина. Если в Вооруженных Силах, переведенных на военное положение, находится обладатель нарушенного права (истец), у последнего возникает *фактическое* препятствие к реализации материально-правового иска посредством предъявления в суд процессуального иска. Причинная связь между нахождением в составе Вооруженных Сил и невозможностью предъявления иска предполагается, причем данное предположение может быть опровергнуто только реальным предъявлением иска военнослужащим. Напротив, если в Вооруженных Силах, переведенных на военное положение, находится нарушитель (ответчик), у истца возникает *юридическое препятствие* к иску (в материально-правовом смысле), заключающееся в недопустимости понуждения воюющего должника к исполнению его гражданско-правовой обязанности. Предъявленный к такому должнику иск (в процессуальном смысле) подлежит отклонению судом. Причинная связь между нахождением ответчика в составе Вооруженных Сил и невозможностью удовлетворения иска также предполагается, и это предположение может быть опровергнуто лишь добровольным исполнением обязанности.

С введением *моратория* право на иск по соответствующему обязательству кредитором временно утрачивается, а право на иск, которое должно возникнуть в период моратория, в данный период не возникает. Поэтому начавшийся до введения моратория срок исковой давности по «созревшим» требованиям логично приостанавливается на весь период моратория, а по «созревающим» во время моратория требованиям начинает течь со дня окончания моратория. С процессуальной точки зрения правильнее вести речь о юридических препятствиях для *удовлетворения*, а не предъявления иска. Соответствующее требование кредитора подлежит отклонению судом по мотиву недопустимости государственного принуждения, но при наличии необходимых оснований может быть удовлетворено после окончания периода моратория. Основанием для введения моратория способно служить чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях явление природы или общественной жизни, препятствующее реализации иска и (или) исполнению обязательства. В таком случае мораторий приобретает черты своеобразной «нормативной» непреодолимой силы, поэтому отношения сторон логично обсуждать в аспекте объявленной государством отсрочки исполнения соответствующих обязательств.

Приостановление действия нормативного правового акта влечет за собой приостановление действия содержащихся в данном акте правил. В свою очередь,

приостановление действия юридических норм приводит к временному выпадению этих норм и складывающихся на их основании правоотношений из механизма правового регулирования. С момента приостановления действия нормативного правового акта исключаются последующие стадии регламентации общественных отношений временно утратившими юридическую силу нормами: правоотношение; реализация права (акты осуществления прав и исполнения обязанностей, правоприменительные акты). И субъективное право, и юридическая обязанность основаны на нормах объективного права. Права и обязанности, возникшие на основании юридических норм, содержащихся в нормативном правовом акте, действие которого приостановлено, также оказываются приостановленными, временно утрачивая способность к добровольной или принудительной реализации. В частности, суд лишен возможности применить нормы права, на которых основаны права и обязанности, входящие в содержание спорной юридической связи. При этом исключается аналогия закона или аналогия права, поскольку пробела в праве нет – общественные отношения упорядочены, нормы не отсутствуют, а приостановлены.

Следовательно, материально-правовые препятствия к реализации иска, будучи юридическими фактами, влекут за собой изменение содержания обязательственной связи, внешне выражающееся в приостановлении течения срока исковой давности.

Другое дело – процессуальные препятствия к материально-правовому иску. Они подлежат преодолению уже в ходе принудительного осуществления права, а поэтому, по логике вещей, не могут быть связаны с утратой данным правом способности к подобному осуществлению. Речь идет о *реализации* в установленном порядке имеющегося у кредитора притязания, что само по себе не может привести к изменению обязательства.

По смыслу п. 3 ст. 202 ГК РФ процессуальное препятствие к материально-правовому иску имеет место в случае, когда стороны прибегли к процедуре разрешения спора во внесудебном порядке (включая медиацию и претензионный порядок³). В данном случае требуется соблюдение соответствующей процедуры, являющейся предпосылкой права на предъявление иска в процессуальном смысле. К приостановлению срока исковой давности приводят лишь те примирительные действия, которые в силу закона или договора необходимо совершить *до* предъявления иска. Но указанные процедуры, если только соглашение об их проведении не затрагивает содержания обязательства сторон, не имеют материально-правовых последствий (такие последствия порождает соглашение, достигнутое по итогам досудебного урегулирования спора, в том числе медиативное соглашение).

В силу ст. 305 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации⁴, по заявлению заинтересованных лиц наличие общей аварии устанавливается и расчет по ее распределению (диспаша) составляется лицами, обладающими знаниями и опытом в области морского права (диспашерами).

Согласно ст. 412 КТМ РФ, в случае если исчисление суммы требования зависит от расчетов по общей

аварии, течение срока исковой давности приостанавливается на время со дня вынесения диспашером постановления о наличии общей аварии и до дня получения диспаши заинтересованным лицом.

Составленный диспашером расчет является обоснованием суммы, взыскиваемой потерпевшим с других участников общего морского предприятия, и в указанном качестве требуется для предъявления иска в процессуальном смысле. Очевидно, что получение диспаши как доказательства заявленных по делу требований не может рассматриваться в качестве действия, отражающего на содержании соответствующего обязательства.

Таким образом, наступление обстоятельств, которые в качестве юридических фактов материально-правового характера являются основаниями приостановления течения срока исковой давности, приводит к

внутреннему изменению обязательственной связи. Кредитор лишается возможности принудительного осуществления своего права вплоть до отпадения соответствующих обстоятельств (прекращения действия непреодолимой силы; выбытия истца или ответчика из состава Вооруженных Сил Российской Федерации, переведенных на военное положение, или отмены военного положения; окончания моратория; возобновление действия закона или нормативного правового акта, регулирующих соответствующее отношение).

Процессуальные препятствия к предъявлению иска (необходимость соблюдения процедуры разрешения спора во внесудебном порядке или получения от диспашера расчета по распределению общей аварии) сами по себе не сказываются на содержании обязательства.

Примечания

¹ «Для неспособного к предъявлению иска не течет исковая давность» (лат.).

² Именно так надлежит толковать п. 2 ст. 204 ГК РФ, несмотря на то что в абз. 2 данного пункта говорится о приостановлении течения срока исковой давности.

³ См. п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности».

⁴ Далее – КТМ РФ.

Список источников

1. Осокина Г.Л. Иск (теория и практика). М.: Городец, 2000. 192 с.
2. Гурвич М.А. Право на иск. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 216 с.
3. Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса. М.: Бр. Башмаковы, 1913. Т. 1. 691 с.
4. Гражданский процесс: учебник / под ред. М.С. Шакарян. М.: Юрид. лит., 1993. 559 с.
5. Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2023. Т. 1. 1040 с.
6. Крашенинников Е.А. К теории права на иск. Ярославль: Изд-во Ярославл. ун-та, 1995. 76 с.
7. Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота: сб. ст. / под общ. ред. А.С. Комарова. М.: Статут, 2016.
8. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 1. С. 49–241.
9. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды: в 2 т. М.: Центр ЮрИнформР, 2002. Т. 1. С. 163–460.

References

1. Osokina, G.L. (2000) *Isk (teoriya i praktika)* [Lawsuit (Theory and Practice)]. Moscow: Gorodets.
2. Gurvich, M.A. (1949) *Pravo na isk* [Right to Lawsuit]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
3. Vas'kovskiy, E.V. (1913) *Kurs grazhdanskogo protsessa* [Course of Civil Procedure]. Vol. 1. Moscow: Br. Bashmakovy.
4. Shakaryan, M.S. (ed.) (1993) *Grazhdanskiy protsess* [Civil Procedure]. Moscow: Yurid. lit.
5. Sergeev, A.P. (ed.) (2023) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. 1. Moscow: Prospekt.
6. Krashenninikov, E.A. (1995) *K teorii prava na isk* [On the Theory of the Right to Sue]. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
7. Komarov, A.S. (ed.) (2016) *Aktual'nye pravovye aspekty sovremennoy praktiki mezhdunarodnogo kommercheskogo oborota* [Current Legal Aspects of Modern Practice of International Commercial Turnover]. Moscow: Statut.
8. Krasavchikov, O.A. (2005) *Kategorii nauki grazhdanskogo prava. Izbrannye trudy* [Categories of Civil Law Science. Selected works]. Vol. 1. Moscow: Statut. pp. 49–241.
9. Agarkov, M.M. (2002) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow: Tsentr YurInforR. pp. 163–460.

Информация об авторе:

Груздев В.В. – д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» (Новосибирск, Россия). E-mail: gruzvld@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Gruzdev, Dr. Sci. (Law), professor, Novosibirsk State University of Economic and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: gruzvld@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024;
одобрена после рецензирования 31.05.2024; принята к публикации 30.07.2024.

The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 31.05.2024; accepted for publication 30.07.2024.

Научная статья
УДК 347.1
doi: 10.17223/15617793/504/24

Бестелесное имущество: проблемы добросовестного приобретения и приобретательная давность в Германии и России

Дмитрий Владимирович Лоренц¹

¹ Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия, lord-dv@mail.ru

Аннотация. Через призму доктринальных подходов и судебных позиций определены особенности приобретения долей участия в обществе с ограниченной ответственностью, бездокументарных ценных бумаг, исключительных прав и цифровых прав на основе публичного доверия к государственным реестрам и частным системам учета имущественных прав. Выявлены перспективы правового регулирования приобретения корпоративных, обязательственных, интеллектуальных и цифровых прав посредством давностного обладания бестелесными активами как своими.

Ключевые слова: добросовестность приобретателя и публичное доверие к реестрам права, приобретательная давность, доли участия в корпорации, бездокументарные ценные бумаги, интеллектуальная собственность и исключительные права, цифровые права

Для цитирования: Лоренц Д.В. Бестелесное имущество: проблемы добросовестного приобретения и приобретательная давность в Германии и России // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 213–223. doi: 10.17223/15617793/504/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/24

Intangible property: Problems of bona fide acquisition and acquisitive prescription

Dmitriy V. Lorents¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation, lord-dv@mail.ru

Abstract. The legal doctrine and judicial practice in Russia and Germany usually associate bona fide acquisition and prescription possession (usucapio) with the restriction of vindication in the protection of property rights to movable and immovable things, and the application of such legal categories to other property forms a civilistic dilemma, since the possession of immaterial objects is impossible. The aim of the study is to determine the possibility of implementing the rules of limitation of vindication in the field of relations with intangible property. The objectives of the study are: (1) identification of conditions for the bona fide acquisition of registered intangible property while ensuring the public credibility of state registers and private accounting systems of property rights; (2) establishment of prospects for the legal regulation of the acquisition of corporate, obligation, intellectual, and digital rights based on the acquisition prescription; (3) disclosure of a special approach to the bona fide acquisition of intangible property in the German legal order, which is the closest to Russian civil law from the standpoint of comparative jurisprudence. The study uses the universal method of dialectics, general scientific theoretical and empirical methods (analysis and synthesis, induction and deduction, description), as well as special scientific methods of cognition (comparative legal – for the ratio of institutions of bona fide acquisition and usucapio in relation to intangible property in the Russian Federation and Germany; formal dogmatic – for the interpretation of legislation on the protection of property rights to immaterial objects; legal dogmatic – for the systematization of legal categories in the field of acquisition of intangible property). The article concludes that, under Russian law, the bona fide acquisition of property (with public credibility in the registers of rights) or the acquisition of property based on the acquisition prescription is not conditioned by the nature of the vindication of the thing, therefore: (1) the use of these constructions does not turn various claims into vindication if the rights to objects other than things are protected; (2) such legal mechanisms should form a common institution in Chapter 2 of the Civil Code of the Russian Federation, which will extend not only to real (rights to things), but also corporate, obligation, intellectual, and digital rights, unless otherwise follows from the essence of the relationship. This is important for property relations that are associated with the entry into the Unified State Register of Legal Entities, registers of shareholders, registers of intellectual property, and distributed digital registers, and, correspondingly, records of shares in a limited liability company, undocumented securities, exclusive rights to industrial property, and digital rights. **Keywords:** acquirer's good faith and public credibility in registers of rights, acquisitive prescription, shares in corporation, undocumented securities, intellectual property and exclusive rights, digital rights

For citation: Lorents, D.V. (2024) Intangible property: Problems of bona fide acquisition and acquisitive prescription. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 213–223. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/24

Введение

Институты добросовестного приобретения и давностного владения имуществом в российской юридической доктрине и судебной практике обычно связывают с правилами ограничения виндикации при защите права собственности на движимые и недвижимые вещи. Распространение подобных юридических конструкций на сферу приобретения и защиты имущественных прав на бестелесные объекты образует научно-практическую проблему, поскольку невозможно владеть нематериальным имуществом и истребовать его из чужого владения.

Ключевые цивилистические понятия в российском праве разработаны под влиянием немецкой пандектики, поэтому обозначенную проблему можно проанализировать путем сравнения российских и германских подходов относительно допустимости добросовестного и (или) давностного приобретения корпоративных, обязательственных, интеллектуальных и цифровых прав.

Добросовестное приобретение бестелесного имущества в Германии

В соответствии с § 16 Закона об ООО (GmbHG) в Германии допускается добросовестное приобретение (*gutgläubiger Erwerb*) доли в обществе с ограниченной ответственностью (GmbH-Anteile), что означает отсутствие у приобретателя незнания по грубой неосторожности (*grober Fahrlässigkeit*) о неуправомоченности отчуждателя. Это весьма напоминает правило о добросовестном приобретении движимых вещей по § 932 Германского гражданского уложения (BGB).

После реформы 2008 г. список участников GmbH вносится в торговый реестр, чтобы участники сделки могли полагаться на записи в этом реестре, который по § 15 Торгового уложения (HGB) на основе принципа достоверности имеет негативный и позитивный эффект, а именно: для добросовестного третьего лица факт, подлежащий внесению в реестр, не существует без внесения, а внесенные в торговый реестр сведения считаются правильными и им можно доверять [1. Р. 145–153; 2. Р. 154–159].

В результате модернизации германского законодательства принятие торговым реестром списка участников ООО обеспечивает добросовестное приобретение доли в GmbH в случае неуправомоченного отчуждения, что позволяет минимизировать затраты на юридическую экспертизу сделок (*Due Diligence*).

Управляющий GmbH обязан обновлять список участников и подавать его в реестр, однако, когда требуется участие нотариуса (купля-продажа, уступка, решение общего собрания об увеличении или уменьшении уставного капитала и т.д.), последний обязан подать обновленный список в торговый реестр, а его копию – обществу (§ 40 GmbHG). При реорганизации общества процедурой обновления списка его участников занимаются и управляющий, и нотариус.

Список участников подлежит подаче в торговый реестр после перехода доли. При отчуждении доли под

отлагательным условием (уплата цены, разрешение антимонопольного органа и т.д.) список подается в реестр после наступления условий, но нотариус не обязан отслеживать этот факт, поэтому стороны договора подписывают Closing Memorandum для констатации наступления всех условий.

Управляющий GmbH и нотариус обязаны подавать список участников в торговый реестр незамедлительно после изменения состава участников или размера их участия (§ 40 GmbHG). «Незамедлительно» означает без излишнего промедления (§ 121 BGB): это, как правило, до двух недель, иначе управляющий возмещает ущерб новому и прежнему участнику, а также кредиторам общества (§ 40 GmbHG). Нотариус несет ответственность по § 19 Положения о нотариате.

Лицо в списке участников может не быть титульным обладателем доли, но если список принят реестром, то это лицо формально является участником GmbH, независимо от действительности сделки или иного материального основания.

Если приобретатель в результате действительного договора уступки приобрел долю участия, а список участников общества не обновлен, то отчуждатель доли участия формально остается участником общества. Если такой договор является недействительным, а приобретатель доли участия внесен в список участников, то он формально становится участником общества. Формальный участник общества вправе участвовать в общем собрании участников, голосовать, оспаривать решения общего собрания, получать информацию о деятельности общества и т.д.

Список участников общества схож с поземельной книгой, так как третьи лица могут исходить из достоверности сведений в списке и считать лицо в списке участником, который вправе распоряжаться долей. Вместе с тем внесение записи в книгу является обязательным для перехода права собственности (§ 873 BGB), а переход доли в ООО не зависит от внесения изменений в список (§ 15 GmbHG). Список ведется управляющим, а торговый реестр только принимает список на «хранение» и даже формально не проверяет основание и правильность данных [3. Р. 180–193].

Список участников общества обладает публичной достоверностью, что позволяет добросовестно приобрести долю участия в GmbH от неуправомоченного отчуждателя, но для этого в соответствии с п. 3 § 16 GmbHG необходимо соблюсти следующие условия:

1. Неуправомоченный отчуждатель должен быть внесен в список участников, который принят торговым реестром.

2. К моменту приобретения доли список является неверным в течение 3 лет:

а) неверность означает, что лицо в списке в действительности не является титульным обладателем доли; б) трехлетний срок начинается с момента принятия неверного списка реестром или когда он стал неверным (отчуждение доли без обновления списка); в) срок прерывается с каждым случаем неверности.

3. Список участников может быть неверным менее 3 лет, если: а) титульный обладатель доли способство-

вал тому, что список стал неверным; б) титульный обладатель знал об изменениях в списке, мог их предотвратить, но не сделал этого, однако грубой неосторожности здесь недостаточно.

К примеру, приобретатель доли не позаботился о представлении нотариусу информации о наступлении отлагательных условий, и список не был вовремя актуализирован. Либо мнимый наследник участника внесен в список, т.е. стал видимым правообладателем, а настоящий наследник не позаботился о том, чтобы управляющий GmbH представил в реестр исправленный список.

В результате перехода на электронную систему все списки участников, принятые реестром, доступны для третьих лиц в режиме онлайн. Титульный обладатель доли тоже может в любое время узнать содержание списка и инициировать внесение возражения с согласия лица в списке либо на основе решения суда (§ 938 ZPO), чтобы помешать добросовестному приобретению доли.

При отчуждении доли под отлагательным условием до наступления этого условия продавец остается обладателем доли, поэтому в целях защиты интересов покупателя ему предлагают гарантии: а) залог доли; б) уступка доли стоимостью 1 евро в пользу покупателя, чтобы у него в качестве участника общества получать согласие на отчуждение доли третьему лицу; в) возражение в реестре для предотвращения добросовестного приобретения доли, однако подобная мера может оказаться недопустимой, так как возражение защищает от неуправомоченного отчуждения, а продавец до наступления отлагательного условия является управомоченным отчуждателем.

4. Приобретатель не должен быть недобросовестным: а) добросовестное приобретение исключено, если приобретатель знал или в результате грубой небрежности не знал об отсутствии у отчуждателя права на распоряжение долей; б) приобретение не может быть добросовестным, если в отношении списка участников внесено возражение третьих лиц, однако это не влияет на формальный статус неуправомоченного лица в качестве участника GmbH, а также не препятствует действительному обладателю доли распоряжаться ей; в) проведение Due Diligence не является правовым обычаем, поэтому отказ от экспертизы сделки не влечет недобросовестность приобретателя.

В германском праве не предусмотрено указание в списке участников GmbH сведений о вещном обременении доли, и не подлежит внесению информация об условном отчуждении доли, об открытии конкурсного производства в отношении участника или об открытии наследства, поэтому закон защищает доверие добросовестного приобретателя только к праву отчуждателя на распоряжение долей, но не защищает веру в то, что доля свободна от залога и узуфрукта, или в то, что право распоряжения отчуждателя не ограничено положениями устава общества. Для сравнения: в российском праве, например, сведения о залоге доли участия подлежат внесению в ЕГРЮЛ (ст. 22 Закона об ООО № 14-ФЗ).

Несмотря на возможность добросовестного приобретения доли в GmbH, в Германии на практике все-таки возникает необходимость проводить юридическую экспертизу в отношении снижения и увеличения уставного капитала GmbH, деления и соединения долей, наличия вещных обременений и возможных ограничений права распоряжения долей. Кроме этого, при заключении договора купли-продажи доли участия покупатель требует от продавца гарантий в отношении титула, верности списка участников, отсутствия обременения и отчуждения доли в течение последних 3 лет [3. Р. 180–193].

Что касается добросовестного приобретения такого бестелесного имущества, как цифровые активы, то в германском гражданском праве напрямую этот вопрос не урегулирован, но немецкие цивилисты высказываются скептически по этому поводу. Так, Р. Hacker и С. Thomale полагают, что криптография в технологиях блокчейн обеспечивает прозрачную фиксацию перехода прав на токены, что заменяет добросовестное приобретение токенов [4. Р. 645–696]. С. Engelhardt и S. Klein отмечают, что токены не являются вещью, поэтому, в частности, криптовалюту невозможно добросовестно приобрести от неуправомоченного лица по нормам вещного права (§ 932 BGB) [5. Р. 357; 6. С. 30–74]. Вместе с тем L. Shmatenko и S. Möllenkamp считают, что немецкий законодатель может решить многие проблемы и устранить споры, если отнесет правовой режим цифрового контента к существующим правовым институтам (прежде всего, правовой режим вещи в § 90 BGB), но следует быть очень осторожным, чтобы не разрушить существующую систему защиты гражданских прав при установлении новой юридической фикции [7. Р. 495–501].

Добросовестное приобретение бестелесного имущества в России

Е.А. Суханов, рассматривая проблему добросовестности приобретателя вещи, сделал вывод, что она важна только при удовлетворении виндикационного иска по ст. 302 ГК РФ, поэтому добросовестного приобретателя не следует рассматривать в качестве общей фигуры гражданского права [8. С. 269–275].

Обратим внимание, что в римском праве вещь могла быть приобретена добросовестно только на основании давностного владения (*usucapio*), а виндикация вещи со стороны ее собственника не имела ограничений в пределах давности защиты [9. С. 239–271], т.е. исторически моментальное добросовестное приобретение не было препятствием даже для виндикационного иска. В этом контексте в современном российском гражданском праве сама возможность добросовестного приобретения имущества при наличии доверия приобретателя к правомочиям отчуждателя напрямую не может быть обусловлена природой виндикации как таковой, хотя, конечно, изначально данное условие ограничения удовлетворения иска появилось в ГК РФ именно в ст. 302, но с развитием гражданского законодательства России подобные правила были предусмот-

рены и в других нормах, связанных, например, с признанием права на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью или истребованием бездокументарных ценных бумаг (п. 17 ст. 21 Закона об ООО, ст. 149.3 ГК РФ).

Следует отметить, что многие правила современного гражданского оборота сформировались в лоне вещного права, поскольку в окружающем мире человек начал присваивать в первую очередь материальные предметы, но это не означает, что добросовестно можно приобрести только право собственности на вещи, так как видимость права отчуждателя и доверие всех третьих лиц к этому могут проявляться в любых имущественных отношениях. Особенно это касается ситуаций, когда имущественные права регистрируются в общедоступных реестрах, достоверность сведений в которых гарантируется (в частности, к ним могут быть отнесены Единый государственный реестр недвижимости, Единый государственный реестр юридических лиц, государственные реестры интеллектуальной собственности, частные системы учета ценных бумаг и распределенные реестры, например блокчейн).

С.С. Алексеев писал, что подноготная собственности проявляется во всем разнообразии объектов (вещи, знаки-носители, информация, нанотехнологии и иные предметы), которые человек присваивает не столько биологически или экономически, сколько интеллектуально и физически для продолжения своего разума в них и использования в своей жизни, поэтому собственность (отношение к предметам как к своим, полное господство над ними) обеспечивает духовную связь человека с внешним миром, а не просто образует его богатство [10. С. 120, 330–335, 368, 369, 374–376].

Иными словами, право собственности на вещь, доля участия в корпорации, бездокументарная ценная бумага, исключительное (интеллектуальное) право и цифровое право в сущности отражают присвоение предметов, хотя и подчиняются разным правовым режимам с позиции гражданского оборота и способов защиты.

Добросовестное приобретение недвижимости относится к основаниям приобретения права собственности (ст. 223 ГК РФ) и функционально выступает преградой для виндикации (ст. 302 ГК РФ), но такая взаимосвязь норм не означает, что добросовестное приобретение имущества нужно искусственно замыкать в «прокрустово ложе» виндикации. Добросовестное приобретение имущества существует за пределами вещных прав, но применение такого ограничения в отношении не вещных исков не наделяет их природой виндикации, так как способы защиты имущественных прав определяются спецификой объекта использования, а не основанием приобретения таких прав.

Естественные свойства объектов контроля и использования влияют на своеобразную природу и специфику реализации способов защиты имущественных прав и интересов потерпевшего (истца), что образует аспект дифференциации в правовом регулировании имущественных отношений, но это не исключает аспект унификации в таком регулировании, так как могут существовать единые предпосылки защиты имущественных прав и интересов приобретателя (ответчика)

для обеспечения баланса правопорядка и гражданского оборота.

В этом смысле институт добросовестного приобретения имущества можно универсализировать независимо от природы предмета, и по этому поводу российские цивилисты высказывают различные точки зрения:

1) конструкция публичной достоверности применима в сфере приобретения недвижимости, ценных бумаг и долей участия в капитале юридических лиц, но неверно понимать ее как общий принцип гражданского права и универсальное средство защиты участников оборота, так как пределы института определяются конкретным правопорядком (Е.Ю. Самойлов) [11. С. 9–11, 34];

2) добросовестное приобретение – это общая конструкция: а) единая группа институтов в ГК РФ (истребование имущества путем отобрания легитимации в ЕГРН, ЕГРЮЛ и реестре акционеров; добросовестное приобретение; узукапия) для абсолютных имущественных прав (вещные права, исключительные права, права на корпоративные и обязательственные права) (Д.В. Федотов) [12. С. 134–140]; б) до введения добросовестного приобретения зарегистрированных исключительных прав на товарные знаки, объекты патентных прав, селекционные достижения применима аналогия норм из ст. 302 ГК РФ (Л.В. Сагдеева) [13. С. 74–83; 14. С. 9–14]; в) правила возврата доли участия в хозяйственном обществе (п. 17 ст. 21 Закона об ООО, ст. 149.3 ГК РФ) схожи с нормами о виндикации (ст. 302 ГК РФ), так как добросовестное приобретение доли участия объясняется видимостью права в публично достоверном реестре (И.С. Чупрунов) [15. С. 67–75]; г) вместо аналогии виндикации нематериальных объектов разработана общая виндикационная модель защиты вещного, корпоративного, исключительного и иного абсолютного имущественного права, а также общая для них норма о добросовестном приобретении имущества от неуправомоченного отчуждателя (Д.В. Мурзин) [16. С. 11–13, 357–358].

Полагаем, что единая модель защиты регистрируемых имущественных прав должна быть связана не с универсальной виндикацией, а с общими правилами добросовестного приобретения имущества, которые в перспективе должны трансформироваться в институт публичного доверия к общедоступному реестру прав, чтобы защищать во всех случаях имущественные права любого приобретателя, не знавшего о недостоверности сведений в реестре.

В российской науке и судебной практике принято связывать добросовестное приобретение имущества с правилами виндикации, хотя для виндикации добросовестное приобретение – это лишь одно из ограничений, а для добросовестного приобретения в качестве общего основания возникновения имущественных прав виндикация – это лишь одно из ограничиваемых приращений.

Возможность добросовестного приобретения права собственности на вещь и доли участия в обществе с ограниченной ответственностью не вызывает особых вопросов, поскольку это прямо предусмотрено законом, а проблему приобретения иных прав по данному основанию формально можно связать с узкой сферой

применения ст. 8.1 ГК РФ, хотя в п. 1 ст. 352 ГК РФ без каких-либо ограничений допускается добросовестное приобретение любого заложенного имущества, т.е. таким предметом также могут оказаться интеллектуальные и цифровые права.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ в п. 3 Постановления № 25 от 23.06.2015 ст. 8.1 ГК РФ применяется независимо от объекта регистрации (права на недвижимое имущество, доля в уставном капитале ООО и др.) и распространяется на ЕГРН, ЕГРЮЛ и т.д.

В связи с этим следует проанализировать допустимость добросовестного приобретения бестелесного имущества в зависимости от вида реестра прав.

Списки участников ООО и ЕГРЮЛ. В п. 17 ст. 21 Закона об ООО от 08.02.1998 № 14-ФЗ в отношении доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью допускается ее добросовестное приобретение, условия которого сопоставимы с диспозицией в ст. 302 ГК РФ. При этом в России, как и в Германии, реформа корпоративного права также коснулась списка участников хозяйственного общества. Важно отметить, что в ст. 31.1 Закона об ООО № 14-ФЗ определена обязанность единоличного исполнительного органа обеспечивать соответствие сведений об участниках и долях сведениям в ЕГРЮЛ, сообщать нотариусу изменения для их внесения в реестр списков, но при этом сведения в ЕГРЮЛ имеют приоритет перед сведениями в списке участников для определения прав участия, а в случае спора относительно достоверности сведений в ЕГРЮЛ права участия могут подтверждаться договором или иным документом.

Частные системы учета бездокументарных ценных бумаг. Р.С. Бевзенко полагает, что ведение учета имущественных прав частными профессиональными участниками рынка ценных бумаг мало чем отличается от государственной регистрации, поэтому можно по аналогии применять ст. 8.1 ГК РФ в сфере негосударственной регистрации прав на бездокументарные ценные бумаги [17. С. 127–169; 18. С. 68–115].

Поддерживая эту мысль, подчеркнем, что появление общих правил регистрации (учета) имущественных прав не зависит от вида публичного реестра обеспечит единые гарантии для участников гражданского оборота. Например, при распоряжении одним супругом совместно нажитыми акциями тоже потребуются нотариальное согласие второго супруга по п. 3 ст. 35 Семейного кодекса РФ, как и для долей участия в обществе с ограниченной ответственностью, а сейчас формально применяется п. 2 той же статьи, так как акции в качестве имущественных прав не подлежат именно государственной регистрации, и сделки с ними освобождены от нотариальной формы и государственной регистрации.

Регистрация в сфере интеллектуальных правоотношений. Более дискуссионным является вопрос о применении ст. 8.1 ГК РФ к регистрации исключительных прав в сфере объектов патентных прав, товарных знаков и т.п.

В судебной практике обычно отклоняются доводы заявителей о сходстве регулирования отношений по поводу недвижимости и средств индивидуализации, так как к интеллектуальным правам ст. 302 и в целом положения раздела II ГК РФ не применяются по прямому указанию законодателя в п. 3 ст. 1227 ГК РФ (см. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.04.2019 г. № С01-1150/2017 по делу № А51-25127/2016).

Суд по интеллектуальным правам изначально признавал, что ст. 8.1 ГК РФ, как в целом, так и ее пункт 7 об отметках о возражении и судебном споре, не применима к государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, поскольку: а) в области интеллектуальной собственности допускается еще и внесудебный порядок оспаривания прав; б) ст. 8.1 ГК РФ касается регистрации прав на имущество (в первую очередь это вещные права), но в сфере исключительных прав совершается регистрация в отношении самого имущества; в) п. 2 ст. 358.18 ГК РФ связывает регистрацию залога исключительных прав с правилами раздела VII ГК РФ в отличие от п. 1 ст. 339.1 ГК РФ, где есть ссылка на ст. 8.1 ГК РФ (см.: Справка о соотношении статьи 8.1 ГК РФ с положениями раздела VII ГК РФ, утв. постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 22 августа 2014 г. № СП-21/10).

Если уточнить смысл ст. 128 ГК РФ, то можно решить те проблемы, которые обозначил Суд по интеллектуальным правам, так как нет смысла в разграничении регистрации прав на имущества и регистрации имущества, поскольку имущество включает имущественные права (вещные, интеллектуальные (имущественные), корпоративные, цифровые и т.п.). Исключительное право на «интеллектуальную собственность» не образует право на имущество, потому что такое право входит в имущество, являясь имущественным, и действует в отношении предмета, который имеет имущественный характер, но к имуществу не относится (результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации).

Позднее для обоснования перехода исключительного права на товарный знак независимо от его государственной регистрации при реорганизации юридических лиц Суд по интеллектуальным правам все-таки уже ссылается на ст. 8.1 ГК РФ (Решение Суда по интеллектуальным правам от 27 октября 2020 г по делу № СИП-394-2020; Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 30 марта 2021 г. № С01-1904/2020 по делу № СИП-394/2020).

Этому способствовала позиция Конституционного Суда РФ, который во избежание нарушения прав универсального правопреемника при реорганизации юридических лиц в форме присоединения постановил возможность применения ст. 8.1 ГК РФ для обоснования перехода исключительного права на товарный знак независимо от регистрации при системном толковании п. 6 ст. 1232 ГК РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 3 июля 2018 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности п. 6 ст. 1232 ГК РФ в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам»).

Вокруг проблемы применения ст. 8.1 ГК РФ к интеллектуальным правам и возможности их добросовестного приобретения в теории есть следующие взгляды:

1) формально регистрируются сами результаты интеллектуальной деятельности, а не права, как того требует ст. 8.1 ГК РФ, хотя интеллектуальные права проходят регистрацию автоматически вместе с объектом, и для сравнения в сфере недвижимости регистрируется именно право на объект, однако и сам объект недвижимости тоже ставится на кадастровый учет в ЕГРН (А.А. Иванов) [19. С. 59–65];

2) технические нюансы в регистрации не должны выводить ту или иную процедуру из-под действия ст. 8.1 ГК РФ, например, недвижимые вещи и объекты исключительных прав лишь описываются в реестре специальными приемами (кадастр, существо изобретения, графика и текст товарного знака), но доверие к реестру исключительных прав тоже следует защищать (Р.С. Бевзенко) [17. С. 127–169; 18. С. 68–115];

3) положения о добросовестном приобретателе искусственно привязаны к виндикации, модель иска о признании права в ст. 1252 ГК РФ может сочетаться с доброй совестью ответчика, а ст. 302 ГК РФ для приобретателя исключительного права суть аналогия закона, но не аналогия права собственности (Д.В. Мурзин) [20. С. 5–15];

4) проблема решается изменением норм об интеллектуальной собственности, но нет концептуальных причин для отказа от аналогии норм вещного права, так как интеллектуальная собственность обязана ему происхождением и имеет с ним общие черты, и некоторые нормы вещного права не связаны с естественной природой вещей, т.е. применимы к нематериальным объектам (А.П. Сергеев) [21. С. 91–97; 22. С. 87–95];

5) при видимости прав отчуждателя могут применяться принципы норм об ограничении виндикации, и нет непреодолимых препятствий для защиты добросовестного приобретателя исключительных прав (Л.А. Новосёлова) [23. С. 169–184].

Таким образом, концептуально добросовестное приобретение исключительных (имущественных интеллектуальных) прав не противоречит природе правоотношений, связанных с регистрируемой интеллектуальной собственностью.

Учет цифровых прав в распределенных реестрах. Д.В. Федоров выделяет у распределенных реестров свойство публичной достоверности, что аналогично учету недвижимости, бездокументарных ценных бумаг и долей в ООО, которые можно добросовестно приобрести вследствие видимости права [6. С. 58–60].

Для сравнения: В.В. Байбак допускает аналогию добросовестного приобретения даже в отношении обязательственных прав требования [24. С. 76, 186–189, 159–206].

В этом контексте цифровые права можно приобрести добросовестно в силу того, что по ст. 141.1 ГК РФ цифровые права в основном представляют из себя обязательственные права, которые осуществляются в информационной системе.

Вместе с тем О.А. Полежаев отмечает, что в п. 2 ст. 141.1 ГК РФ управомоченность отчуждателя цифровых прав обусловлена возможностью распоряжаться ими, но это затрудняет выявление правомочия субъекта и препятствует гармонизации гражданского оборота, так как все приобретатели заранее будут добросовестными (даже если они знали или могли знать о пороке), и к тому же распорядительные действия могут блокировать третьи лица, либо оборот обязательственных прав, на взгляд ученого, вообще связан только с категориями законного и незаконного, поскольку категории добросовестного или недобросовестного здесь недопустимы, а их применение в отношении бездокументарных ценных бумаг является крайне спорным и дискуссионным [25. С. 398–441].

Необходимо по порядку проанализировать все указанные доводы:

1) любые публичные реестры прав создают видимость права у отчуждателя через легитимацию его распорядительных правомочий, поэтому определение управомоченности лица через наличие у него возможности совершать распоряжения образует обычное условие обеспечения гражданского оборота;

2) применение инструмента легитимации не означает, что все приобретатели заранее становятся добросовестными, иначе не возникало бы никаких проблем с доброй совестью при обороте вещных, корпоративных и интеллектуальных прав;

3) законодатель на данный момент прямо нигде не определяет критерии добросовестного приобретения цифровых прав, поэтому в сфере цифровых отношений можно апробировать не традиционную категорию «добросовестного приобретения», которая предполагает отсутствие грубой неосторожности, а реализовать конструкцию «публичное доверие к реестрам», что исключает приобретение имущества только при наличии обоснованно внесенных в реестр возражений или знания приобретателя о недостоверности реестра прав;

4) добросовестное приобретение имущества обусловлено неправомочным отчуждением, поэтому формальное отрицание данной конструкции в обязательственных правоотношениях выглядит искусственно и может привести к признанию невозможности неправомочной уступки требований, что парадоксально, и тем более благодаря фиксации бездокументарных ценных бумаг и цифровых прав в системах учета оборот обязательственных прав стал транспарентным, что обеспечивает формирование публичного доверия к нему;

5) такие парные категории, как «законное и незаконное», «добросовестное и недобросовестное» не исключают друг друга, потому что логически всякое незаконное обладание принято делить на добросовестное и недобросовестное;

6) блокировка распорядительных возможностей обладателя цифровых прав со стороны третьих лиц, (например, оператора информационной системы или мошенников) влияет лишь на способы защиты цифровых прав, но не определяет природу легитимации и суть публичного доверия к реестру, так как у регистраторов в ЕГРН, ЕГРЮЛ, как и в других информационных системах, тоже могут быть технические сбои в

программном обеспечении, что временно не позволит распоряжаться правами, однако это не означает утрату видимости имущественного права.

Л.А. Новоселова полагает, что правила, предусмотренные для защиты добросовестного приобретения ценных бумаг, не имеют особого смысла в случае применения технологий блокчейн, поскольку в таких отношениях обладание правами и их передача обеспечиваются криптографическим подтверждением [26. С. 38].

Такой подход заслуживает внимания, однако ошибка в смарт-контракте или несанкционированный доступ третьих лиц к токенам могут привести к появлению недостоверных сведений в распределенном реестре, как и в любой иной базе данных, поэтому риски неправомерных отчуждений в этой сфере вполне вероятны, значит, порок в полномочиях отчуждателя следует конвалидировать посредством традиционной конструкции публичного доверия к реестрам прав в случае предъявления к приобретателю притязания потерпевшего правообладателя об исправлении цифровых данных.

Публичность и гарантия достоверности содержания реестров в информационной системе с технологией блокчейн не отрицает, а, наоборот, делает допустимым приобретение цифровых прав на основе публичного доверия.

Если к утилитарному токenu привязаны данные о вещи, и организатор краудфандинга в обмен на цифровую валюту передал инвестору утилитарное цифровое право, содержащее требование чужой вещи, то при неправомерном отчуждении добросовестный инвестор может приобрести такую вещь с учетом традиционных правил об ограничении виндикации по ст. 223, 302 ГК РФ.

Таким образом, автоматизация приобретения имущества без участия человека не исключает возможность доброй совести приобретателя, а критерии добросовестного приобретения в цифровых отношениях можно определить в законе после обобщения судебной практики по этой категории споров: «не знал и не должен был знать», или «не знал и не мог знать» об ошибочном изменении токена помимо воли правообладателя, либо следует развивать идею публичного доверия к распределенным реестрам (приобретение невозможно, если лицо «знало о недостоверности блокчейн» или в реестре «есть отметки о возражении и споре»).

Помимо проблемы добросовестного приобретения бестелесного имущества в науке обсуждают вопрос о распространении узукапии на бестелесные объекты.

Приобретательная давность в сфере бестелесного регистрируемого имущества в германском и российском гражданском праве

Узукапия образует классическую конструкцию в сфере вещного права, поэтому возникает дискуссионный вопрос в отношении возможности приобретения имущественных прав на бестелесные объекты в силу длительного беститульного обладания ими.

Как было выявлено ранее, в германском праве согласно § 16 Закона о GmbH допускается добросовестное приобретение доли участия в ООО от неуправомоченного отчуждателя, но такое приобретение может

быть связано с неким трехлетним сроком давности, кроме случаев, если сам титульный обладатель доли участия способствовал неверности списка участников, или он бездействовал в отношении исправления списка, хотя знал об изменениях в нем и мог их предотвратить. Этот трехлетний срок начинает исчисляться с момента принятия неверного списка торговым реестром или с момента, когда список стал неверным, что прерывает указанный срок с каждым случаем неверности списка [3. Р. 180–193].

Юридическая природа данного трехлетнего срока в качестве условия добросовестного приобретения доли в GmbH является неоднозначной, так как он может прерываться, что отражает свойство как исковой давности, так и срока узукапии. Однако рассматриваемый срок существует явно не для исправления неверности списка. Ведь в случае осознания титульным обладателем нарушения его прав и его последующего бездействия трехлетняя давность вообще не учитывается, т.е. добросовестное приобретение доли в ООО может стать безусловным. При этом анализируемый срок может производить приобретающий эффект для приобретателя, но в отличие от приобретательной давности три года и отсутствие в течение этого периода изменений в списке участников GmbH нужны до приобретения доли и касаются за давности неверности списка, т.е. никак не связаны со сроком обладания самого приобретателя. В итоге этот трехлетний срок образует объективную давность, которая необходима не для погашения притязаний и не для приобретения напрямую права кем-либо, а для за давности неуправомоченности отчуждателя. Это гарантирует защиту прав обладателя доли, так как не позволяет приобрести добросовестно долю в GmbH ранее трехлетнего срока, если нарушению не способствует сам правообладатель, а после этого срока наступает презумпция достоверности списка участников и торгового реестра.

В российской науке К. Кавелин писал, что приобретающей давностью устанавливаются новые юридические отношения только по реальным предметам, а по нереальным (действия, права) – не устанавливаются, так как в отношении реальных предметов давностью приобретается право собственности одним лицом и утрачивается другим, а по нереальным предметам давность прекращает юридические отношения, но другие не возникают [27. С. 42–44]. Г.Ф. Шершеневич тоже полагал, что приобретательная давность связана только с вещным правом [28. С. 25, 77].

В современной отечественной цивилистике авторы исходят из того, что нематериальный объект не ограничен в пространстве, «владение» им и его виндикация неосуществимы, поэтому давность владения связана с вещью и правом собственности, а значит, не применима, в частности, к результатам интеллектуальной деятельности, средствам индивидуализации и исключительным правам на воспроизводимые объекты [29. С. 22–67, 112–143; 30. С. 54–62; 31. С. 8–16].

По этому вопросу есть и другие позиции: 1) для всех абсолютных имущественных прав (т.е. не только вещных прав, но и исключительных прав, а также прав на обязательственные и корпоративные права) при их

формальной легитимации в публичных реестрах необходим общий институт приобретательной давности в тандеме с добросовестным приобретением имущества (Д.В. Федотов) [12. С. 134–140]; 2) институт давностного владения применим к обязательственным правам требования по аналогии (В.В. Байбак) [24. С. 76, 186–189, 159–206]; 3) по аналогии с узупацией в сфере недвижимости допустима давность обладания зарегистрированными в реестре исключительными правами на промышленную собственность, но это обеспечивает не возникновение, а сохранение таких прав: для прав на патентоспособные объекты и товарные знаки давностное обладание может составлять 15 лет, а для прав на селекционные достижения и промышленные образцы – 10 лет, независимо от пороков основания права (Л.В. Сагдеева) [14. С. 9–14].

Л.В. Сагдеева считает, что п. 3 ст. 1227 ГК РФ не совсем корректен, так как провоцирует заблуждение относительно невозможности применения аналогии закона, хотя право собственности и исключительные права имеют общую абсолютную и имущественную сущность. Проанализировав дело о заявлении Федеральным агентством по управлению федеральным имуществом против ООО «Сокра-Фиш» иска об истребовании товарного знака «СНАТКА» из чужого незаконного владения и признании исключительного права на данный товарный знак за Российской Федерацией, в итоге, со ссылкой на различные позиции из постановлений Конституционного Суда РФ в части защиты добросовестных приобретателей в рамках правоотношений собственности, Л.В. Сагдеева делает вывод, что к ООО «Сокра-Фиш» исключительные права на товарный знак перешли в результате цепочки уступок, а через 13 лет ответчик лишился этих прав, хотя товарный знак длительно находился в добросовестном, открытом и непрерывном обладании лиц, которые платили пошлину, т.е. несли бремя содержания имущества (ст. 210 ГК РФ) [32. С. 19–26].

Полагаем, что затруднительно искать аналогию между давностным владением вещами в ст. 234 ГК РФ и давностным обладанием бестелесными объектами. Однако риск за давности реестровой записи о минимом имущественном праве сам по себе не определяется телесными свойствами объекта использования. Кроме этого, не существует видимых концептуальных причин отрицать саму возможность появления в будущем конструкции приобретательной давности для обеспечения обладания бестелесными объектами как своими (например, это касается участия в корпорации, результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, а также цифровых активов), чтобы сформировалось легальное основание приобретения обязательственных, корпоративных, интеллектуальных или цифровых прав в случае порока в титуле при внешней правомерности совершенной сделки. Для этого следует распространить общую сущность узупации на невещные имущественные правоотношения.

С практической точки зрения, лицо вряд ли сможет требовать исполнения обязательства, управлять корпорацией, пользоваться промышленной собственностью

или цифровым активом, если оно не определено в публичном реестре в качестве субъекта, имеющего возможность осуществлять имущественные права (участвовать в собраниях и принимать корпоративные решения или получать долг, дивиденды, гонорары, доходы от инвестиций и др.), поэтому давностное обладание бестелесным предметом должно начинаться, как правило, не ранее внесения записи о праве в ЕГРЮЛ, реестр акционеров, реестр интеллектуальной собственности или распределенный цифровой реестр, когда отсутствуют условия для моментального приобретения имущества на основе публичного доверия к реестровым сведениям. При внесении в реестр записи о праве приобретателя истечение давностного обладания не следует подтверждать в суде в силу презумпции права, а сама подобная узупация понадобится только в качестве возражения в ситуации судебного спора с пострадавшим правообладателем.

В вещных правоотношениях, напротив, возможен правовой режим бесхозяйных вещей, а в силу материальных свойств вещей в ст. 234 ГК РФ допускается несовпадение фактического владения и записи в реестре недвижимости, поэтому давностное владение недвижимостью может начаться без записи в ЕГРН, если объект является бесхозяйным или собственник от него фактически отказался.

В сфере бестелесного имущества феномен использования бесхозяйного или «сиротского» нематериального объекта в отрыве от публичной легитимации имущественного права на него кажется маловероятным, так как гипотетически это будет означать условную возможность давностного обладания бестелесным предметом независимо от регистрации права, что повлечет для давностного обладателя необходимость его последующего обращения в суд в порядке вызывного производства с целью признания за собой права на приобретение обязательственных, корпоративных, интеллектуальных или цифровых прав, которые могут возникнуть только при внесении записи об этом в реестр на основании судебного решения.

Вместе с тем в российской судебной практике уже начали решать проблему «бесхозяйных» акций и «потерянных» акционеров по искам акционерных обществ к реестродержателям, формальный отказ в которых Верховный Суд РФ не признает законным, если суды лишь препятствуют истцам ссылаться на нормы ГК РФ, регулирующие оборот бесхозяйных вещей (см.: Определение СКЭС ВС РФ от 15 декабря 2022 г. № 304-ЭС22-10636 по делу № А27-24426/2020; Определение СКЭС ВС РФ от 31 января 2023 г. № 305-ЭС22-13675 по делу № А40-146631/2021).

Регистрируемые интеллектуальные (имущественные) права являются срочными правами, поэтому их приобретение по давности не должно прерывать и возобновлять срок охраны исключительного права в силу природы такого права, так как этот срок устанавливается законом и не зависит от способа правопреемства (транслятивное, т.е. производное; или ординарное, т.е. первоначальное, как

при узупапии), но при этом законом не запрещено продлевать охраноспособность промышленной собственности. Таким же качеством могут обладать традиционные обязательственные права или цифровые права как требования, ограниченные сроком обязательства. Корпоративные права могли бы возникнуть у давностного обладателя первоначально, если из существа этих прав не следует их срочность.

Срок давностного обладания бестелесным имуществом объектом является обсуждаемым формальным вопросом, но, исходя из динамики гражданского оборота, явно он не должен составлять пятнадцать лет по аналогии с недвижимостью, а, скорее, его следует ограничить пятью годами обладания или тремя годами исковой защиты, чтобы погашающая давность иска потерпевшего правообладателя совпадала с давностью приобретения имущества приобретателем в ситуации, когда порочный титул приобретения был внешне правомерен, однако отсутствовало публичное доверие к общедоступному реестру.

Для сравнения: в сфере охраны авторских и смежных прав российский законодатель в проекте ст. 1244.2 ГК РФ предлагает предусмотреть модель управления объектами, автор или иной правообладатель которых неизвестен, посредством принятия аккредитованной организацией мер по поиску такого правообладателя путем внесения в реестр и общедоступную информационную систему (п. 5 ст. 1243 ГК РФ) сведений, позволяющих третьим лицам заключить договор о предоставлении неисключительной лицензии и выплачивать вознаграждение в пользу правообладателей, которые могут после объявления предъявить соответствующие требования о расторжении договоров, возмещении убытков и исправлении недостоверной информации в реестре.

Заключение

Добросовестное приобретение имущества (в перспективе – публичное доверие к общедоступному реестру имущественных прав) не обусловлено природой виндикационного иска, поэтому применение этой конструкции в случае защиты не вещных имущественных прав не превращает различные исковые притязания в виндикацию и не способствует их включению в универсальную модель виндикации. Подобное ограничение реализации различных способов защиты имущественных прав потерпевшего лица обеспечивает защиту имущественных прав добросовестного (доверяющего) приобретателя и имеет общегражданское юридическое значение, если это не противоречит в конкретной ситуации существу корпоративных, интеллектуальных, цифровых и иных подобных прав, что можно предусмотреть в общих нормах главы 2 ГК РФ.

В сфере оборота бестелесного имущества правообладатель не может физически вернуть нематериальные объекты на основе юридической модели виндикации вещей, но потерпевший вправе притязать на исправление регистрационной записи для восстановления публичной легитимации своего имущественного права на бестелесный предмет. Однако в ГК РФ следует предусмотреть, что завышивание недостоверности сведений о праве в общедоступном реестре должно производить эффект приобретательной давности для приобретателя, который внешне правомерным способом приобрел у неуправомоченного отчуждателя бестелесное имущество (корпоративные, интеллектуальные, обязательственные, цифровые или иные регистрируемые имущественные права). Лицо не приобретает моментально имущественное право, если оно не могло доверять реестру прав, хотя в силу давностного обладания бестелесным объектом как своим такой субъект может стать правообладателем для целей стабилизации гражданского оборота.

Список источников

1. Maier Ch. Gesellschaftsrecht in Deutschland: Rechtsformen und ihre Vorteile für ausländische Investoren // Sammelband in russischer Sprache zum aktuellen deutschen Recht. 2015. № 1. P. 145–153.
2. Schmitkel V. Die Funktionen eines Notars im Bereich des deutschen Gesellschaftsrechts am Beispiel des Handelsregisters // Sammelband in russischer Sprache zum aktuellen deutschen Recht. 2015. № 1. P. 154–159.
3. Veiser A. Gesellschafterliste und gutgläubiger Erwerb der GmbH-Anteile // Sammelband zum deutschen Recht in russischer Sprache. 2017. № 2. P. 180–193.
4. Hacker P., Thomale C. Crypto-Securities Regulation: ICOs, Token Sales and Cryptocurrencies under EU Financial Law // European Company and Financial Law Review. 2018. № 15 (4). P. 645–696.
5. Engelhardt C., Klein S. Bitcoins – Geschäfte mit Geld, das keines ist: Technische Grundlagen und zivilrechtliche Betrachtung // MultiMedia und Recht. 2014. P. 355–360.
6. Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18, № 2. С. 30–74.
7. Shmatenko L., Möllenkamp S. Digitale Zahlungsmittel in einer analog geprägten Rechtsordnung – A bit(coin) out of control – Rechtsnatur und schuldrechtliche Behandlung von Kryptowährungen // MultiMedia und Recht. 2018. Vol. 8. P. 495–501.
8. Суханов Е.А. Вещное право : научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017. 559 с.
9. Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву / науч. ред. С.С. Алексеев. М. : Статут, 2001. 479 с.
10. Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4: Линия права. Концепция: Сочинения 1990-х – 2009 годов. М. : Статут, 2010. 544 с.
11. Самойлов Е.Ю. Публичная достоверность при приобретении недвижимого имущества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 192 с.
12. Федотов Д.В. Бестелесное имущество в гражданском праве. М. : ИНФРА-М, 2017. 154 с.
13. Сагдеева Л.В. Виндикация интеллектуальной собственности // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 74–83.
14. Сагдеева Л.В. Исключительное право и право собственности: единство и дифференциация в осуществлении и защите : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 296 с.
15. Чупрунов И.С. К вопросу о принципах ведения корпоративных реестров // Цивилистика. 2020. № 6. С. 67–75.
16. Мурзин Д.В. Виндикационная модель защиты абсолютных имущественных прав в российском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 388 с.
17. Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 127–169.

18. Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 12. С. 68–115.
19. Иванов А.А. Проблемы действия ст. 8.1 ГК РФ в отношении объектов интеллектуальной собственности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 1. С. 59–65.
20. Мурзин Д.В. Осуществление исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности: допустимость аналогии норм о праве собственности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2019. № 24. С. 5–15.
21. Сергеев А.П. Применение правил о вивдикации к разрешению споров по поводу товарных знаков // Закон. 2017. № 1. С. 91–97.
22. Сергеев А.П. Применение правил раздела II «Право собственности и другие вещные права» Гражданского кодекса РФ к отношениям интеллектуальной собственности // Закон. 2018. № 12. С. 87–95.
23. Новоселова Л.А. Защита добросовестного приобретателя исключительного права: постановка проблемы // Гражданское право социального государства : сб. ст., посвящ. 90-летию со дня рожд. проф. А.Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М. : Статут, 2020. С. 169–184.
24. Байбак В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота. М. : Статут, 2005. 222 с.
25. Полежаев О.А. Цифровые явления как объекты гражданского оборота и предметы гражданских правоотношений // Право цифровой среды / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. М. : Проспект, 2022. 896 с.
26. Новоселова Л.А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 29–44.
27. Кавелин К. Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству. Опыт систематического обозрения. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1879. 442 с.
28. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права : в 4 т. Т. 2: Товар. Торговые сделки / редкол.: В.С. Ем, Н.В. Козлова. М. : Статут, 2003. 544 с.
29. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации : сб. ст. М. : Статут, 2005. 416 с.
30. Калятин В.О. О соотношении исключительного права с правом собственности в современном информационном обществе // Закон. 2018. № 5. С. 54–62.
31. Гаврилов Э.П. Когда исключительное право на тождественные объекты принадлежит одновременно нескольким лицам // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 9. С. 8–16.
32. Сагдеева Л.В. Приобретательная давность как основание приобретения исключительного права // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2018. № 12. С. 19–26.

References

1. Maier, Ch. (2015) Gesellschaftsrecht in Deutschland: Rechtsformen und ihre Vorteile für ausländische Investoren. *Sammelband in russischer Sprache zum aktuellen deutschen Recht*. 1. pp. 145–153.
2. Schmitel, V. (2015) Die Funktionen eines Notars im Bereich des deutschen Gesellschaftsrechts am Beispiel des Handelsregisters. *Sammelband in russischer Sprache zum aktuellen deutschen Recht*. 1. pp. 154–159.
3. Veese, A. (2017) Gesellschafterliste und gutgläubiger Erwerb der GmbH-Anteile. *Sammelband zum deutschen Recht in russischer Sprache*. 2. pp. 180–193.
4. Hacker, P. & Thomale, C. (2018) Crypto-securities regulation: ICOs, token sales and cryptocurrencies under EU Financial Law. *European Company and Financial Law Review*. 15 (4). pp. 645–696.
5. Engelhardt, C. & Klein, S. (2014) Bitcoins – Geschäfte mit Geld, das keines ist: Technische Grundlagen und zivilrechtliche Betrachtung. *MultiMedia und Recht*. pp. 355–360.
6. Fedorov, D.V. (2018) Tokeny, kriptovalyuta i smart-kontrakty v otechestvennykh zakonoproektakh s pozitsii inostrannogo opyta [Tokens, cryptocurrency and smart contracts in domestic bills from the perspective of foreign experience]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 2 (18). pp. 30–74.
7. Shmatenko, L. & Möllenkamp, S. (2018) Digitale Zahlungsmittel in einer analog geprägten Rechtsordnung – A bit(coin) out of control – Rechtsnatur und schuldrechtliche Behandlung von Kryptowährungen. *MultiMedia und Recht*. 8. pp. 495–501.
8. Sukhanov, E.A. (2017) *Veshchnoe pravo: Nauchno-poznavatel'nyy ocherk* [Property Law: Scientific and educational essay]. Moscow: Statut.
9. Cherepakhin, B.B. (2001) *Trudy po grazhdanskomu pravu* [Works on Civil Law]. Moscow: Statut.
10. Alekseev, S.S. (2010) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow: Statut.
11. Samoylov, E.Yu. (2010) *Publichnaya dostovernost' pri priobretenii nedvizhimogo imushchestva* [Public reliability in the acquisition of real estate]. Law Cand. Diss. Moscow.
12. Fedotov, D.V. (2017) *Bestesnoe imushchestvo v grazhdanskom prave* [Incorporeal Property in Civil Law]. Moscow: INFRA-M.
13. Sagdeeva, L.V. (2019) *Vindikatsiya intellektual'noy sobstvennosti* [Vindication of intellectual property]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 3. pp. 74–83.
14. Sagdeeva, L.V. (2020) *Isklyuchitel'noe pravo i pravo sobstvennosti: edinstvo i differentsiatsiya v osushchestvlenii i zashchite* [Exclusive right and right property: unity and differentiation in implementation and protection]. Law Cand. Diss. Moscow.
15. Chuprunov, I.S. (2020) *K voprosu o printsipakh vedeniya korporativnykh reestrov* [On the issue of principles of maintaining corporate registers]. *Tsivilistika*. 6. pp. 67–75.
16. Murzin, D.V. (2022) *Vindikatsionnaya model' zashchity absol'yutnykh imushchestvennykh prav v rossiyskom grazhdanskom prave* [Vindication model of protection of absolute property rights in Russian civil law]. Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
17. Bevzenko, R.S. (2019) *Kommentariy k st. 8.1 Grazhdanskogo kodeksa RF* [Commentary on Art. 8.1 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 11. pp. 127–169.
18. Bevzenko, R.S. (2019) *Kommentariy k st. 8.1 Grazhdanskogo kodeksa RF* [Commentary on Art. 8.1 of the Civil Code of the Russian Federation]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 12. pp. 68–115.
19. Ivanov, A.A. (2016) *Problemy deystviya st. 8.1 GK RF v otnoshenii ob"ektov intellektual'noy sobstvennosti* [Problems of the application of Art. 8.1 of the Civil Code of the Russian Federation in relation to intellectual property]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 1. pp. 59–65.
20. Murzin, D.V. (2019) *Osushchestvlenie isklyuchitel'nogo prava na rezul'taty intellektual'noy deyatel'nosti: dopustimost' analogii norm o prave sobstvennosti* [Exercise of exclusive rights to the results of intellectual activity: admissibility of analogy of norms on property rights]. *Zhurnal Suda po intellektual'nyim pravam*. 24. pp. 5–15.
21. Sergeev, A.P. (2017) *Primenenie pravil o vindikatsii k razresheniyu sporov po povodu tovarnykh znakov* [Application of the rules on vindication to the resolution of disputes over trademarks]. *Zakon*. 1. pp. 91–97.
22. Sergeev, A.P. (2018) *Primenenie pravil razдела II «Pravo sobstvennosti i drugie veshchnye prava» Grazhdanskogo kodeksa RF k otnosheniyam intellektual'noy sobstvennosti* [Application of the rules of Section II “Ownership and Other Property Rights” of the Civil Code of the Russian Federation to intellectual property relations]. *Zakon*. 12. pp. 87–95.
23. Novoselova, L.A. (2020) *Zashchita dobrosovestnogo priobreteatelya isklyuchitel'nogo prava: postanovka problemy* [Protection of a bona fide acquirer of an exclusive right: problem statement]. In: Vitryanskiy, V.V. & Sukhanov, E.A. (eds) *Grazhdanskoe pravo sotsial'nogo gosudarstva: Sbornik statey, posvyashchenny 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora A.L. Makovskogo (1930–2020)* [Civil Law of the Social State: Collection of articles dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor A.L. Makovsky (1930–2020)]. Moscow: Statut. pp. 169–184.

24. Baybak, V.V. (2005) *Obyazatel'stvennoe trebovanie kak ob'ekt grazhdanskogo oborota* [Obligatory Claim as an Object of Civil Circulation]. Moscow: Statut.
25. Polezhaev, O.A. (2022) Tsifrovye yavleniya kak ob'ekty grazhdanskogo oborota i predmety grazhdanskikh pravootnosheniy [Digital phenomena as objects of civil circulation and subjects of civil legal relations]. In: Podshivalov, T.P., Titova, E.V. & Gromova, E.A. (eds) *Pravo tsifrovoy sredy* [Law of the Digital Environment]. Moscow: Prospekt.
26. Novoselova, L.A. (2017) "Tokenizatsiya" ob'ektov grazhdanskogo prava ["Tokenization" of civil law objects]. *Khozyaystvo i pravo*. 12. pp. 29–44.
27. Kavelin, K. (1879) *Prava i obyazannosti po imushchestvam i obyazatel'stvam v primenении k russkomu zakonodatel'stvu. Opyt sistematicheskogo obozreniya* [Rights and Obligations on Property and Obligations as Applied to Russian Legislation. Experience of a systematic review]. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
28. Shershenevich, G.F. (2003) *Kurs torgovogo prava: Tovar. Torgovye sdelki* [Course of Commercial Law: Commodity. Commercial transactions]. Vol. 2. Moscow: Statut.
29. Dozortsev, V.A. (2005) *Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikatsii* [Intellectual Property Rights: Concept. System. Codification tasks]. Moscow: Statut.
30. Kalyatin, V.O. (2018) O sootnoshenii iskluchitel'nogo prava s pravom sobstvennosti v sovremennom informatsionnom obshchestve [On the relationship between the exclusive right and the right of ownership in the modern information society]. *Zakon*. 5. pp. 54–62.
31. Gavrilov, E.P. (2019) Kogda iskluchitel'noe pravo na tozhdestvennye ob'ekty prinadlezhit odnovremennno neskol'kim litsam [When the exclusive right to identical objects belongs to several persons simultaneously]. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava*. 9. pp. 8–16.
32. Sagdeeva, L.V. (2018) Priobretatel'naya davnost' kak osnovanie priobreteniya iskluchitel'nogo prava [Acquisitive prescription as a basis for acquiring an exclusive right]. *Intellektual'naya sobstvennost'. Promyshlennaya sobstvennost'*. 12. pp. 19–26.

Информация об авторе:

Лоренц Д.В. – канд. юрид. наук, доцент Высшей школы права Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград, Россия). E-mail: lord-dv@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Lorents, Cand. Sci. (Law), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: lord-dv@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.02.2024;
одобрена после рецензирования 11.04.2024; принята к публикации 30.07.2024.*

*The article was submitted 24.02.2024;
approved after reviewing 11.04.2024; accepted for publication 30.07.2024.*

Научная статья
УДК 343.122
doi: 10.17223/15617793/504/25

Причины необеспечения следователем возмещения вреда, причиненного преступлением, потерпевшему

Ольга Анатольевна Малышева¹

¹ *Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, moa_0510@mail.ru*

Аннотация. На основе официальных статистических данных констатируется значительная доля невозмещения потерпевшим вреда, причиненного преступлениями, несмотря на гарантированность Конституцией РФ права на компенсацию ущерба указанных лиц. Раскрываются причины низкой эффективности обеспечительной деятельности следователя. С учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ, зарубежного опыта обеспечения возмещения вреда обосновываются предложения по совершенствованию взаимодействия субъектов обеспечительной деятельности, наделению следователя дополнительными правомочиями обеспечительного характера, по расширению системы обеспечительных средств, реализуемых следователем в интересах потерпевшего.

Ключевые слова: возмещение вреда, преступление, потерпевший, обеспечительная деятельность, следователь, наложение ареста на имущество, распоряжение имуществом, имущественные права лица

Для цитирования: Малышева О.А. Причины необеспечения следователем возмещения вреда, причиненного преступлением, потерпевшему // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 224–230. doi: 10.17223/15617793/504/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/25

The reasons for the investigator's failure to provide compensation for the damage caused by the crime to the victim

Olga A. Malysheva¹

¹ *Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation, moa_0510@mail.ru*

Abstract. The subject of the study was the compliance of the procedural, organizational and legal capabilities of the investigator with the requirements of the norms of the Constitution of the Russian Federation and criminal procedure legislation, which enshrine the obligation of the state to provide compensation to the victim for damage caused by the crime. It has been established that the high proportion (more than 70% of the total amount of damage caused) of non-restoration of violated property rights of victims in pre-trial proceedings, where more resources are available for this, is due to the lack of normatively defined tasks of bodies and public authorities (Rosreestr, Federal Tax Service of Russia, Rosfinmonitoring, etc.) to ensure compensation to the victim caused by the crime within a reasonable time. This reduces the likelihood of establishing property – a security measure in a civil claim, and the prospect of its safety. Taking into account foreign experience, the need to expand the system of security measures used by the investigator in the interests of the victim has been identified. The relationship between the low proportion of compensation for damage in pre-trial proceedings and the investigator's lack of authority to prevent premature unjustified alienation of property by the accused in favor of third parties is determined. The tasks solved in the article: the need for effective interaction of the investigator with the subjects of security activities – law enforcement, other government agencies and organizations – has been actualized; the directions for optimizing the system of security measures in pre-trial proceedings in order to fully restore the property rights of victims have been clarified; the need to empower the investigator with additional powers of a security nature has been proved. The study employed general scientific methods of cognition: formal-logical, comparative-legal, synthesis, content analysis of scientific literature, expert assessment. The conclusions of the study are based on the results of the study of criminal procedural practice, analysis of materials of criminal cases of investigated crimes, generalization of data from the Main Informational and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, research on this problem by other authors. The investigator's failure to provide compensation for the damage caused by the crime to the victim is explained by the imperfection of the organization of their security activities, the insufficiency of procedural rights of this subject of pre-trial proceedings, the limited system of security measures to restore the property rights of victims violated by the crime. Solving these problems, firstly, will indicate an increase in the state's attention to the interests of the victim, and, secondly, it will create additional guarantees for the victim to exercise their constitutional right to compensation for damage caused by the crime.

Keywords: compensation for damage, crime, victim, security activity, investigator, seizure of property, disposal of property, property rights of person

For citation: Malysheva, O.A. (2024) The reasons for the investigator's failure to provide compensation for the damage caused by the crime to the victim. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 224–230. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/25

Преступность – социально-правовое явление, существующее любому государству, включая российское. Противодействие ей предполагает реализацию мер не только по предупреждению, пресечению, раскрытию преступлений, но и минимизации негативных последствий, наступающих вследствие совершения указанных деяний.

В настоящее время, как верно отмечается в юридической литературе, общество заинтересовано не только в установлении виновного в совершении преступления лица и привлечении его к уголовной ответственности, в недопущении необоснованного ограничения прав, законных интересов личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства, в исключении привлечения к уголовной ответственности невиновного в совершении преступления лица, но и в том, чтобы потерпевшему был возмещен ущерб, причиненный преступлением [1. С. 5–6].

Между тем отдельные авторы небесспорно утверждают о том, что основная задача следователя сводится к правильному применению нормы УК РФ. Интересы потерпевшего, в том числе восстановление нарушенных преступлением имущественных прав, в процессе расследования уголовного дела практически не учитываются [2. С. 61–62]. Отмеченное обуславливается содержанием условий, определяющих не только содержание правомочий потерпевшего, но и возможности их осуществления. О.И. Андреева такие условия градирует на внешние (отношение государства к человеку на определенном этапе развития общества, роль человека в обществе и степень признания государством прав личности) и внутренние (процессуальное положение участников уголовного процесса и выполняемая ими функция) [3. С. 4–5]. С учетом изложенного следует констатировать, что право потерпевшего на компенсацию причиненного ущерба, гарантированного Конституцией РФ (ст. 52), в значительной степени зависит от эффективности обеспечительной деятельности следователя, расследующего уголовные дела о преступлениях, причиняющих наибольший ущерб.

Анализ официальных статистических данных, свидетельствующих о невысокой эффективности обозначенной деятельности следователя (70–84% причиненного ущерба не возмещается в досудебном производстве) [4], отсутствие перспективы существенного улучшения указанных показателей на стадиях судебного разбирательства и исполнения приговора [5], а также учет низкой доли добровольного погашения причиненного преступлением вреда (как правило, не превышающей 12% от общего объема причиненного ущерба) [6] побуждают к исследованию проблем, нивелирующих конституционное право потерпевшего на возмещение вреда в досудебном производстве.

Изучение в рассматриваемом направлении уголовно-процессуальной практики (подготовке данной работы предшествовало изучение в 2020–2023 гг. содержания обеспечительной деятельности следователей в Республике Бурятия, Хабаровском крае, г. Москва, Брянской, Калужской, Московской, Рязанской, Тверской областях посредством опроса должностных лиц

органов предварительного расследования (порядка 200 респондентов), анализа 98 материалов уголовных дел о преступлениях, по которым был заявлен гражданский иск) в контексте правового регулирования обеспечительной деятельности, осуществляемой следователем, позволило установить причинный комплекс невосстановления имущественных прав потерпевшего. Первая причина – отсутствие эффективного взаимодействия следователя с субъектами исполнения его запросов, поручений, связанных с установлением имущества, посредством которого могут быть обеспечены требования по гражданскому иску, определением места нахождения такого имущества, обеспечением его сохранности в первоначальном виде (форме), производством оценки стоимости указанного имущества и др. В качестве субъектов исполнения запросов следователя выступают не только структуры правоохранительных органов (оперативные, экспертные подразделения), но и органы, учреждения государственной власти, которые ведут государственный реестр недвижимости, учет движимого имущества, регистрируют право на недвижимое имущество, осуществляют кадастровый учет и др.

Указанная неэффективность обуславливается не столько несвоевременным принятием следователем мер по обеспечению возмещения вреда, сколько отсутствием нормативно определенных задач органов, учреждений государственной власти (Росреестра, ФНС России, Росфинмониторинга и др.) – обеспечением в разумный срок возмещения причиненного преступлением вреда потерпевшему, в качестве которого выступает физическое или юридическое лицо, организация, но не государство. В качестве примера следует указать на совместный приказ Генпрокуратуры России № 286, ФНС России № ММВ-7-2/232@, МВД России, СК России от 08.06.2015 «Об утверждении Инструкции по организации за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями», который нацелен на установление порядка взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов, обеспечивающего эффективное восстановление имущественных прав государства, нарушенных ввиду уклонения физических, юридических лиц от обязательной уплаты налогов, сборов, страховых взносов. Действие данного приказа ограничено категорией потерпевшего – государство и исключает оперативное информационное взаимодействие в целях защиты прав, законных интересов иных категорий потерпевших.

Действие другого совместного приказа Генеральной прокуратуры России, МВД России, МЧС России, ФСБ России, СК России, ФСКН России, ФТС России, ФССП России, Росфинмониторинга от 29.03.2016 № 182/189/153/243/33/129/800/220/105 «О порядке взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов на досудебной стадии уголовного судопроизводства в сфере возмещения вреда, причиненного государству преступлениями» ограничивается рамками досудебного производства и также нацелено на обеспечение возмещения ущерба государству.

В ходе осуществления следователем обеспечительной деятельности (установление имущества, на которое может быть наложен арест в целях погашения исковых

требований, его изъятие, обеспечение сохранности указанного имущества и т.д.) им по каждому уголовному делу направляется запрос в учреждения Росреестра на предмет определения лица, в собственности которого находится данное имущество, перехода права собственности на него и др. Следователь в редких случаях своевременно получает ответ из данного регистрирующего органа, что существенно снижает возможность сохранения обнаруженного имущества, а следовательно, и перспективу возмещения вреда потерпевшему.

Такая следственная практика складывается вопреки предписаниям абз. 6 ч. 13 ст. 62 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» – предоставлять правоохранным органам сведения о правоустанавливающих документах, правах отдельного лица на имеющиеся или имевшиеся у него объекты недвижимости. Следователь необходимые сведения может получить и в ходе проведения предварительной проверки в порядке ч. 1 ст. 144 УПК РФ, направив соответствующее поручение. Правовым основанием для получения указанных сведений выступают положения Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», закрепляющие право полиции получать от государственных органов сведения, справки, документы по мотивированному запросу, которому корреспондирует обязанность этих органов предоставлять запрашиваемую информацию. Главное в таком случае – строгое соблюдение установленной формы запроса, что позволяет рассчитывать на получение ответа от Росреестра.

Следует признать, что проблема получения своевременного ответа (Федеральным законом № 218 2015 г. установлен срок – три рабочих дня) на запрос следователя о собственнике, владельце имущества, об истории изменения права собственности и пр. обусловлена двойственностью причин. *Первая.* Отступление следователя, органа дознания при исполнении поручения следователя, осуществляющего проверку сообщения о преступлении или производство по уголовному делу, от формальных требований, предъявляемых к запросу, на что отдельно Росреестр обратил внимание в негативном аспекте [7]. *Вторая.* Недостаточность в законе правовых гарантий исполнения Росреестром не только обязанности предоставления полных сведений, но и соблюдения данным государственным органом срока, установленного законом, при предоставлении сведений из ЕГРН по запросу следователя, оформленного в соответствии с предъявляемыми требованиями. В результате в досудебном производстве превалирует практика, когда обнаруженное имущество, потенциально являющееся обеспечительным средством по гражданскому иску, утрачивает возможность быть признанным таковым фактически ввиду смены собственника и не единожды.

В научной литературе [8. С. 65] встречается позиция о том, что должное взаимодействие следователя с регистрирующим органом исключает переход права собственности на объекты, потенциально являющиеся обеспечительным средством и на которые планируется наложение ареста судом. Одним из примеров этого является организация взаимодействия между органом

предварительного следствия – 3-м отделом по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного комитета России по Республике Татарстан и региональным управлением Росреестра по Республике Татарстан. Расследуя мошенничества в крупном и особо крупном размерах, совершенные депутатом органа местной власти, следственному органу удалось исключить перерегистрацию имущества обвиняемого на иных лиц и организаций, вследствие чего было арестовано по судебному решению 255 объектов недвижимого имущества стоимостью полтора миллиарда рублей и 30 автомобилей, стоимость которых составила более 20 миллионов рублей [9. С. 30–31].

Представляется, что приведенные примеры не раскрывают сущность должного взаимодействия между следователем и регистрирующим органом. Скорее, следует говорить об особом статусе субъекта наложения анализируемого взаимодействия – следственный отдел СК России, функционирующий не на районном уровне, а на региональном. Поскольку к уголовной ответственности привлекался депутат, которому вменялось мошенничество в особо крупном размере, то, как представляется, уголовное дело имело общественный резонанс.

Если оценить процессуальные возможности следователей, особенно территориальных органов внутренних дел на районном уровне, расследующих большой массив уголовных дел, то они являются существенно меньшими в сравнении со следователями указанного выше следственного органа. Тем более Росреестр не функционирует на местном уровне, а только на уровнях региональном (субъекта Российской Федерации) и федеральном. Кроме того, понятие «должное взаимодействие» в большей степени является оценочной категорией, предполагающей различные оценки такого взаимодействия в зависимости от субъекта оценивания.

Второй причиной, обуславливающей низкие показатели возмещения вреда потерпевшему, выступает неэффективность системы обеспечительных мер, предусмотренная российским уголовно-процессуальным законодательством. Необходимым представляется нормативно-правовое расширение системы обеспечительных средств, которые мог бы осуществлять следователь независимо от вида правоохранительного органа, от уровня следственного органа в системе конкретного органа предварительного расследования (на районном, региональном, федеральном). В дополнение к сказанному отметим, что обращения следователя в ФНС России по неналоговым преступлениям, Росфинмониторинг всегда практически бесперспективны. На данный факт акцентирует внимание и Ж.В. Цыренов с соавт. [10. С. 58–60, 67–69].

Обозначенное расширение системы обеспечительных средств сопряжено с оптимизацией процессуального статуса следователя. Очевиден тот факт, что чем быстрее с момента появления повода для возбуждения уголовного дела о преступлении с материальным составом будет установлено имущество, на которое предполагается наложение взыскания в последующем, обеспечена его сохранность, тем более вероятным становится возмещение вреда потерпевшему, причиненного преступлением.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 02.03.2017 № 4-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова» обращается внимание на необходимость установления правоприменителями баланса интересов лица, вовлекаемого в сферу уголовного преследования, и лица, пострадавшего от преступления. Последний в большинстве случаев желает не только наказания виновных, но и возмещения причиненного ущерба [8. С. 62].

Однако следует констатировать, что УПК РФ не наделяет следователя достаточными правами, чтобы тот мог начать результативную обеспечительную деятельность с начального момента осуществления предварительной проверки заявления (сообщения) о преступлении. В частности, у следователя отсутствует право проводить обыск, выемку в целях обнаружения и изъятия имущества, потенциально выступающего материальным средством компенсации вреда потерпевшему, что не способствует сохранности этого имущества. Кроме того, у следователя нет права допросить пострадавшего, очевидца в целях получения доказательств о характере, размере причиненного вреда, способе, субъекте совершения уголовно наказуемого деяния. Показания указанных лиц, данные в ходе опроса, не имеют доказательственного значения, поскольку получены с нарушением уголовно-процессуальной формы. Схожую позицию высказывает и В.Н. Махов [11. С. 16–17]. Ограниченность процессуальных средств осуществления следователем обеспечительной деятельности в ходе проверки сообщения о совершенном преступлении нивелирует конституционные гарантии права лица, пострадавшего от преступления, на возмещение ущерба, причиненного преступлением. Наделение следователя обозначенными процессуальными правами существенно бы повысило перспективу возмещения вреда потерпевшим, поскольку позволит предотвратить преждевременную утрату имущества – потенциального обеспечительного средства при осуществлении процедур возбуждения уголовного дела и получения судебного решения на производство такого следственного действия. Процессуальной гарантией законности и обоснованности производства данных процессуальных действий следователем в рассматриваемом случае выступает право лиц, в собственности, владении, распоряжении которых находится указанное имущество, обжаловать производство обозначенных следственных действий в порядке ст. 124, 125 УПК РФ.

Ожидаемо, что у вносимого предложения будет немало противников, поскольку расширение прав следователя на стадии возбуждения уголовного дела увеличивает риск необоснованного ограничения имущественных прав лица, вовлекаемого в сферу уголовного преследования. На этот счет есть возражение. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ закрепил дополнительную процессуальную гарантию прав собственника, владельца, пользователя имуществом – разъяснение ему прав, обязанностей, предусмотренных УПК РФ, обеспечение осуществления прав, если затрагиваются

интересы лица в ходе предварительной проверки, право пользоваться услугами адвоката (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

Невысокая доля возмещение вреда в досудебном производстве в существенной степени предопределена отсутствием у следователя возможности пресекать преждевременное необоснованное отчуждение подозреваемым, обвиняемым имущества в пользу третьих лиц. Предписание ч. 5 ст. 165 УПК РФ не позволяют ему в безотлагательной ситуации наложить арест на имущество без судебного решения. Безотлагательность ситуации означает, что следователь располагает достаточными и достоверными сведениями о намерении лица оперативно переоформить право собственности на свое имущество на иных лиц, и в этой связи требуется существенно сократить время для предотвращения совершения указанной сделки гражданско-правового характера. Принимая во внимание правовые позиции Конституционного Суда РФ, выраженные в Постановлении от 18.03.2014 № 5-П «По делу о проверке конституционности части второй.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области», о гарантированности Конституцией РФ потерпевшим от преступлений обеспечения компенсации причиненного ущерба, а также в Постановлении от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова», об определении правомочий невластного субъекта досудебного производства исходя из его фактического положения, а не формально определенного следователем, обоснованно заключить, что вносимое предложение согласуется с положениями Конституции РФ. Правовая позиция Верховного Суда РФ по данному вопросу, выраженная в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)» и допускающая указанное производство, не носит регулятивный характер применительно к общественным отношениям в рассматриваемой процессуальной ситуации.

На основе анализа уголовно-процессуальной практики следует констатировать, что система действующего правового регулирования полномочий следователя и регистрирующих органов является несовершенной и создает возможности для сокрытия установленного обеспечительного средства от наложения на него ареста и дальнейшего изъятия. В частности, при направлении следователем соответствующего запроса об имуществе или о лице на предмет владения последним имуществом у регистрирующего органа нет права приостановить выполнение по такому имуществу регистрационных действий (например, переход право собственности на имущество ввиду купли-продажи, дарения и т.д.). Применительно к уголовно-процессуальной сфере основаниями приостановления Росреестром государственного кадастрового учета и (или)

государственной регистрации прав выступают: 1) судебное решение о наложении ареста на недвижимое имущество (ст. 115 УПК РФ, п. 37 ч. 1 ст. 26 ФЗ № 218-ФЗ 2015 г.); 2) судебное решение о запрете совершать определенные действия с недвижимым имуществом (ст. 105.1, 115, 115.1 УПК РФ, п. 37 ч. 1 ст. 26 ФЗ № 218-ФЗ 2015 г.); 3) судебное решение об избрании меры пресечения – залога (ст. 106 УПК РФ, п. 37 ч. 1 ст. 26 ФЗ № 218-ФЗ 2015 г.).

В контексте указанного практический интерес представляет опыт Казахстана, уголовно-процессуальный закон которого содержит такую обеспечительную меру, как установление лицом, осуществляющим расследование уголовного дела, с согласия прокурора временного ограничения на распоряжение имуществом подозреваемого, обвиняемого, отвечающего за его действия лица. Срок применения данной меры – не более 10 суток, в течение которого решается вопрос о наложении судом ареста на это имущество либо снятия указанного ограничения (абз. 3, 4 ч. 1 ст. 161 УПК Казахстана). В Грузии иначе решается вопрос обеспечения сохранности имущества, которое может выступить обеспечительным средством по гражданскому иску. Если общее правило наложения ареста на имущество (ст. 154 УПК Грузии) схоже с российским порядком применения данной меры процессуального принуждения, то в отличие от России в Грузии в случаях неотложной необходимости арест на имущество накладывается постановлением прокурора, что позволяет предотвратить уничтожение или изменение места хранения (нахождения) имущества. В течение 12 часов о данной мере уведомляется суд с передачей материалов, подтверждающих безотлагательность приведенной ситуации (ст. 155 УПК Грузии).

Таким образом, полномочия следователя, предусмотренные ч. 4 ст. 21 УПК РФ, не корреспондируют обязанности Росреестра приостанавливать регистрационные действия в рассматриваемом случае, что препятствует возмещению в разумный срок вреда потерпевшим в объеме, соизмеримым с размером причиненного вреда. Примером указанного выступает расследование уголовного дела следователями Следственного управления МВД России по Республике Бурятия, в ходе которого было установлено, что руководители фармацевтической компании ООО «Панацея», оформляя кредит в ПАО Банк ВТБ на сумму 34 млн руб., обязались в качестве залога передать банку-кредитору три объекта недвижимости равнозначной стоимости – 34 млн руб. Однако как только деньги руководителями ООО «Панацея» были получены, данное недвижимое имущество было ими отчуждено на основании договора купли-продажи в пользу своего знакомого Р., проживающего в ином субъекте Российской Федерации. В свою очередь Р. передал указанное имущество в уставной капитал фирмы, зарегистрированной в третьем субъекте Российской Федерации, учредителями которой являлись руководители ООО «Панацея», но имевшие теперь статус физических лиц. В ходе предварительного следствия следователем направлялись запросы в управление Росреестра о праве собственности на данное имущество, о переходе обозначенного

права, о содержании регистрационных дел, о наличии объектов недвижимости у руководителей ООО «Панацея». Однако управлением Росреестра изначально были предоставлены неполные сведения об объектах недвижимости, подконтрольных подозреваемым лицам, на которые по решению суда накладывался арест в порядке ст. 115 УПК РФ [10. С. 36]. Негативными последствиями указанного явилось: 1) дублирование следователем процессуальных действий о наложении ареста на вновь выявленное имущество подозреваемых; 2) снижение вероятности обеспечения конституционного права потерпевшего на полное и своевременное возмещение вреда.

Следует подчеркнуть, что длительность временного периода с момента установления имущества – обеспечительного средства до момента наложения на него ареста влечет в большинстве случаев утрату возможности в последующем возместить вред потерпевшему по причине неоднократного перехода права собственности на него, его видоизменение (особенно если это ценные бумаги, активы и т.д.) либо полную/частичную утрату. Руководствуясь правовой позицией Конституционного Суда РФ, выраженной им неоднократно (постановление от 2 марта 2017 г. № 4-П, определение от 29 января 2019 г. № 14-О), о том, что в уголовном судопроизводстве необходимо с учетом критериев эффективности и справедливости восстанавливать нарушенные права не только подозреваемых, обвиняемых, но и имущественные права потерпевших, обоснованным представляется расширение системы иных мер процессуального принуждения посредством включения в нее временного запрета на движение денежных средств, регистрацию прав на имущество, выступающие обеспечительным средством. Учитывая назначение данной меры процессуального принуждения – обеспечить сохранность имущества до получения судебного решения о наложении на него ареста, срок временного запрета представляется оптимальным считать до 3 суток. Процессуальный порядок наложения временного запрета должен предусматривать получение следователем согласия руководителя следственного органа, что усилит процессуальные гарантии законности и обоснованности производства данного процессуального действия следователем. Если по истечении указанного срока следователь не получает судебного решения, то данная мера процессуального принуждения отменяется.

Схожее предложение вносится А.Ю. Епихиным, А.Н. Тагировым [9. С. 32]. Принципиальное различие состоит в сроке применения рассматриваемой меры процессуального принуждения – до 10 суток. Данный срок представляется чрезмерно длительным в силу особого значения права частной собственности, придаваемого Конституцией РФ: нарушение указанного права допускается только по решению суда (ч. 3 ст. 35 Конституции РФ).

Наряду с изложенным успешность обеспечения конституционного права потерпевшего на возмещение вреда во многом предопределяется результативностью розыскных мероприятий по установлению имущества – обеспечительного средства, определению места

его нахождения. О значении розыскных мер, по правовой природе близких к оперативно-розыскным мерам, в уголовно-процессуальной деятельности следователя учеными и практическими работниками высказываются схожие мнения. Т.Ф. Скогорева полагает, что устранение последствий преступного деяния (в том числе восстановление имущественных прав потерпевшего. – Уточнено О.М.) осуществляется посредством взаимосвязанных мероприятий, предусматривающих совместные процессуальные, оперативно-розыскные и другие действия следователя [12. С. 28–29]. А.Н. Тагиров отмечает, что постоянное ежегодное увеличение размера ущерба, причиненного совершенными преступлениями, не коррелирующее объему возмещения данного ущерба, требует от правоохранительных органов совместного осуществления розыска в целях установления имущества по уголовным делам [13. С. 118–119]. Как негативный фактор, снижающий результативность выполняемых следователем функций, указывается В.В. Бычковым неурегулированность розыскной деятельности, осуществляемой рассматриваемым субъектом [14. С. 20–21].

Приведенные суждения подтверждают мнение автора о том, что следователь, хоть и опосредованно, участвует в осуществлении розыска указанного имущества. Данная деятельность следователем осуществляется вопреки установленного Концепцией судебной реформы в РФ 1991 г. запрета совмещения в одном лице субъектов исполнения процессуальной и оперативно-розыскной функции. Однако, как представляется, следование указанному запрету должностными

лицами органов предварительного расследования приведет к снижению и так невысоких показателей, характеризующих возмещение ущерба, причиненного преступлениями.

Вместе с тем допустимость следователем осуществлять розыскную деятельность законодательно установлена нормой-дефиницией «розыскные меры» (п. 38 ст. 5 УПК РФ). Под ними понимаются меры, принимаемые следователем для установления лица, подозреваемого в совершении преступления. При толковании действующего правового регулирования системы отношений, возникающих в досудебном производстве, формируется убежденность в необоснованном отказе законодателя от такой цели реализации следователем розыскных мер, как установление имущества в качестве обеспечительного средства.

Таким образом, необеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением, в значительном объеме и большому числу потерпевших объясняется несовершенством организации обеспечительной деятельности следователя, недостаточностью процессуальных возможностей у данного субъекта уголовного процесса на принятие мер по восстановлению нарушенных преступлением имущественных прав потерпевших, ограниченностью системы обеспечительных средств, реализуемых в интересах пострадавших от преступлений. Решение указанных проблем, во-первых, будет свидетельствовать о повышении внимания государства к интересам потерпевшего, во-вторых, создаст дополнительные гарантии осуществления потерпевшим своего конституционного права на компенсацию причиненного преступлением ущерба.

Список источников

1. Андреева О.И., Лонь С.Л., Рукавишникова А.А., Трубникова Т.В. Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 4. С. 5–9.
2. Лозовский Д.Н., Алексеев И.М., Алексеева Е.Э. Уголовно-процессуальная форма как форма разрешения социальных конфликтов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 58–67. doi: 10.17223/22253513/47/4
3. Андреева О.И. О правах потерпевшего как участника уголовного судопроизводства // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Томск, 2018. Ч. 75. С. 4–13.
4. Статистические данные ГИАЦ МВД России о результатах деятельности органов предварительного расследования по обеспечению возмещения вреда за период 2018–2022 гг. (форма 5-2 (052)).
5. Малышева О.А. Перспективы возмещения потерпевшим вреда, причиненного преступлениями // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 226–233. doi: 10.17223/15617793/450/27
6. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2017 г., 2018 г., 2019 г., 2020 г., 2021 г. М. : ГИАЦ МВД России. Раздел 1. Общие сведения о состоянии преступности. Сборник по России за январь–декабрь 2017–2021 гг. Ф. 494, кн. 21.
7. Письмо Росреестра от 21.12.2021 № 14-17785/21@ «О предоставлении сведений из ЕГРН по запросам судов, правоохранительных органов, прокуратуры, оформленных не по установленной форме» // КонсультантПлюс : справочная правовая система (дата обращения: 20.01.2024).
8. Захарова В.О. Принятие обеспечительных мер следователем // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 3. С. 62–65.
9. Епихин А.Ю., Тагиров А.Н. О мерах процессуального принуждения, связанных с ограничением имущественных прав // Российский следователь. 2020. № 10. С. 28–32.
10. Малышева О.А., Цыренов Ж.В. Обеспечение в досудебном уголовном производстве возмещения вреда, причиненного преступлениями. М., 2022. 152 с.
11. Махов В.Н. Вопрос о доказательственном значении объяснений, полученных при проверке сообщений о преступлениях // Мировой судья. 2020. № 6. С. 16–18.
12. Скогорева Т.Ф. Основные направления деятельности правоохранительных органов по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлениями // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 28–30.
13. Тагиров А.Н. Проблемы розыска и установления имущества при расследовании преступлений // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 2. С. 118–124.
14. Бычков В.В. Розыскная деятельность следователя: проблемы и пути решения // Российский следователь. 2014. № 14. С. 19–23.

References

1. Andreeva, O.I. et al. (2017) Vektor napravleniya dal'neyshego razvitiya ugovornogo sudoproizvodstva [Vector of the direction of further development of criminal proceedings]. *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 5–9.
2. Lozovskiy, D.N., Alekseev, I.M. & Alekseeva, E.E. (2023) Criminal procedure as a form of social conflict resolution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 47. pp. 58–67. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/47/4

3. Andreeva, O.I. (2018) O pravakh poterpevshego kak uchastnika ugovnogo sudoproizvodstva [On the rights of the victim as a participant in criminal proceedings]. In: *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Part 75. Tomsk: Tomsk State University. pp. 4–13.
4. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2018–2022) *Statisticheskie dannye GIATs MVD Rossii o rezul'tatakh deyatelnosti organov predvaritel'nogo rassledovaniya po obespecheniyu vozmeshcheniya vreda za period 2018–2022 gg. (forma 5-2 (052))* [Statistical Data of the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the Results of the Activities of Preliminary Investigation Bodies to Ensure Compensation for Damage for the Period 2018–2022 (form 5–2 (052))]. Moscow: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
5. Malysheva, O.A. (2020) Prospects of compensation for damage caused to victims by a crime. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 450. pp. 226–233. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/450/27
6. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (2017–2021) *Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2017 g., 2018 g., 2019 g., 2020 g., 2021 g.* [The State of Crime in Russia for January–December 2017, 2018, 2019, 2020, 2021]. Section 1. Moscow: Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Fund 494. Book 21.
7. Consultant Plus. (2021) *On the provision of information from the Unified State Register of Real Estate at the request of courts, law enforcement agencies, the prosecutor's office, not executed in the established form. Letter of Rosreestr No. 14-17785/21@ of December 21, 2021*. Moscow: Consultant Plus (Accessed: 20.01.2024). (In Russian).
8. Zakharova, V.O. (2020) Prinyatie obespechitel'nykh mer sledovatelem [Adoption of interim measures by the investigator]. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya*. 3. pp. 62–65.
9. Epikhin, A.Yu. & Tagirov, A.N. (2020) O merakh protsessual'nogo prinuzhdeniya, svyazannykh s ogranicheniem imushchestvennykh prav [On measures of procedural coercion related to the restriction of property rights]. *Rossiyskiy sledovatel'*. 10. pp. 28–32.
10. Malysheva, O.A. & Tsyrenov, Zh.V. (2022) *Obespechenie v dosudebnom ugovnom proizvodstve vozmeshcheniya vreda, prichinennogo prestupleniyami* [Ensuring Compensation for Damage Caused by Crimes in Pre-Trial Criminal Proceedings]. Moscow: Yurlitinform.
11. Makhov, V.N. (2020) Vopros o dokazatel'stvennom znachenii ob'yasneniy, poluchennykh pri proverke soobshcheniy o prestupleniyakh [The issue of the evidentiary value of explanations obtained during the verification of reports of crimes]. *Mirovoy sud'ya*. 6. pp. 16–18.
12. Skogoreva, T.F. (2016) Osnovnye napravleniya deyatelnosti pravookhranitel'nykh organov po obespecheniyu vozmeshcheniya vreda, prichinennogo prestupleniyami [The main areas of activity of law enforcement agencies to ensure compensation for damage caused by crimes]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 11. pp. 28–30.
13. Tagirov, A.N. (2018) Problemy rozyska i ustanovleniya imushchestva pri rassledovanii prestupleniy [Problems of searching for and establishing property during the investigation of crimes]. *Vestnik Moskovskoy akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*. 2. pp. 118–124.
14. Bychkov, V.V. (2014) Razysknaya deyatelnost' sledovatelya: problemy i puti resheniya [Investigative activities of the investigator: problems and solutions]. *Rossiyskiy sledovatel'*. 14. pp. 19–23.

Информация об авторе:

Малышева О.А. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия). E-mail: moa_0510@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.A. Malysheva, Dr. Sci. (Law), professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russian Federation). E-mail: moa_0510@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024;
одобрена после рецензирования 06.06.2024; принята к публикации 30.07.2024.

The article was submitted 27.02.2024;
approved after reviewing 06.06.2024; accepted for publication 30.07.2024.

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.17223/15617793/504/26

Криминалистическое изучение биографических фактов, связанных с социальным статусом личности обвиняемого

Владимир Лишиньевич Юань^{1, 2}

¹ Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия
² Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, Томск, Россия
^{1, 2} it-rigon@mail.ru

Аннотация. Раскрывается взаимосвязь между составляющими социальный статус обвиняемого биографическими фактами и его личностными особенностями, оценка прикладной ценности которой была проведена на основе опроса исследователей в сферах криминалистики, психологии и практикующих сотрудников правоохранительных органов. Была проверена гипотеза о том, что криминалистическое знание о семье обвиняемого, его профессиональной деятельности, месте жительства, об образовании, источниках дохода, уровне заработка и образовательном росте выводит на возможность эффективной индивидуализации тактических приемов, используемых для решения криминалистических задач расследования преступлений.

Ключевые слова: биографический метод, биографический факт, личность обвиняемого, социальный статус, опрос, семья, образование, доходы, профессия, место проживания

Для цитирования: Юань В.Л. Криминалистическое изучение биографических фактов, связанных с социальным статусом личности обвиняемого // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 504. С. 231–238. doi: 10.17223/15617793/504/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/504/26

Forensic study of biographical facts related to the social status of the accused person

Vladimir L. Yuan¹

¹ Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation
² West Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Tomsk, Russian Federation
^{1, 2} it-rigon@mail.ru

Abstract. The article reveals the relationship between biographical facts and the social status of the accused person. The range of problems involves methodological, historical, forensic, and psychological aspects. The subject of the study is a complex of psychological entities with the property of measurability and acting as a result of tactical influence. The following general scientific methods were used in the study: analysis, synthesis, and a system-structural one. The following special scientific methods were used in the study: modeling, statistical analysis, expert assessment, and a comparative historical one. There is a number of the following conclusions are received in the article. In the structure of a person's biography, three groups of biographical facts are distinguished: biological parameters, social status, and psychological data. Social statuses include information about the accused: family, place of residence, professional activities, education, sources of income, level of earnings, and his or her educational growth. Each of these biographical facts is associated with a certain pronounced predisposition of the individual in the form of a tendency. In order to measure the degree of effectiveness of knowledge about biographical facts related to the social status of the accused, a list of questions was compiled based on available data in modern human sciences, linking biographical facts with personality traits, the reliability assessment of which was obtained based on a survey of researchers in the fields of criminology and psychology, as well as law enforcement practitioners. A total of 228 people were interviewed, including 11 people who worked in their specialty for less than one year, 39 people from 1 to 3 years, 77 people from 3 to 5 years, 71 people from 5 to 7 years, 18 people from 7 to 18 years, and 12 people from 10 to 15 years. The majority of respondents noted a high relationship between the level of earnings of the accused and personal characteristics; on the other hand, the relationship between biographical information about the family in which the accused grew up and personal characteristics was noted by the smallest number of respondents. The final conclusion is that biographical information related to professional activities, sources of income, level of earnings and home location of the accused reveals the deepest connection with his or her personal characteristics, which can form the basis for studying the personality of the accused to individualize tactical techniques in solving forensic problems of crime investigation.

Keywords: biographical method, biographical fact, accused, social status, survey, family, education, income, profession, place of residence

For citation: Yuan, V.L. (2024) Forensic study of biographical facts related to the social status of the accused person. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 504. pp. 231–238. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/504/26

Теоретические основы использования биографического метода в криминалистическом изучении личности обвиняемого

Вопрос о криминалистическом изучении личности обвиняемого невозможно решить, обойдя вниманием факты из его жизни – биографии. Некоторые биографические факты могут сыграть ключевую роль в решении задач проведения следственных действий, поскольку именно они лежат в основе индивидуализации тактических приемов. Не секрет, что общие рекомендации к проведению следственных действий имеют определенную степень эффективности, однако также очевидно, что чем более неконкретная рекомендация, чем меньше она учитывает индивидуальные признаки личности, и если не учитывает вовсе, – тем ниже ее эффективность в решении узкого круга вопросов в рамках процесса расследования.

Какие биографические факты уже на сегодняшний день собираются в рамках следственных действий? – Известная на практике анкетная часть протоколов допроса включает в себя множество биографических фактов, которые фиксируются следователем или дознавателем, в числе которых наиболее распространена информация о его роде деятельности, семейном положении, месте жительства, образовании и т.д. Наиболее полный пакет биографических сведений из его жизни поможет более точно составить психологический портрет обвиняемого, что позволит индивидуализировать тактические приемы взаимодействия на него и скорректировать план расследования с учетом личности лица, в отношении которого ведется уголовное преследование.

С целью измерения степени эффективности знания о биографических фактах, связанных с социальным статусом личности лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, среди которых выделены сведения о его семье, месте жительства, профессиональной деятельности, об образовании, образовательном росте, источнике заработка и уровне доходов, для решения криминалистических задач расследования преступлений в правоприменительной практике был составлен перечень вопросов на основе имеющихся в современных науках данных о человеке, связавших биографические факты со свойствами личности. Оценка надежности была получена на основе опроса исследователей в сферах криминалистики и психологии, а также в среде практикующих сотрудников правоохранительных органов.

Оценка прикладной ценности взаимосвязи биографических фактов, составляющих социальный статус обвиняемого, с его личностными предрасположенностями

Опрос состоял из двух блоков: блок анкеты, в которой каждый опрошиваемый заполнял данные о своей профессиональной деятельности в общем, и блок специальных вопросов, связанных с той или иной категорией биографических фактов. Всего нами было опрошено 228 человек, среди которых проработавших в своей специальности менее одного года – 11 человек,

от 1 до 3 лет – 39 человек, от 3 до 5 – 77 человек, от 5 до 7 лет – 71 человек и от 7 до 18 лет – 18 человек, от 10 до 15 – 12 человек. Опрос показал следующее:

1. Затраты по времени на подготовку к проведению следственного действия занимают 15–45 минут в 4,8% случаев, в 16,2% случаев – один час, в 61% случаев – от одного до двух часов, в 18% случаев – несколько часов.

2. В процессе подготовки к проведению следственного действия привлекаются 20,2% всех опрошенных оперативных работников, 38,6% – ответили «скорее да, чем нет», 24,1% – «скорее нет, чем да». Отрицательно на вопрос о привлечении оперативных работников к проведению следственных действий ответили 2,2% опрошенных, 14,9% – затруднились с ответом.

3. С утверждением, что изучение обвиняемого помогает в подготовке к проведению следственного действия с его участием, согласились 14% опрошенных, ответили «скорее да, чем нет» – 63,2%, «скорее нет, чем да» – 14%. Отрицательно ответили 3,1% опрошенных, затруднились с ответом 5,7% опрошенных.

4. С тем, что источников информации, содержащих сведения о личности обвиняемого, достаточно, согласились 10,1% опрошенных, выбрали ответ «скорее да, чем нет» – 30,7%, ответ «скорее нет, чем да» – 34,2%. Отрицательный ответ получен от 12,7% опрошенных, затруднились с ответом 12,3%.

5. О том, какие сложности имеются при получении доступа к источникам информации, сложилась следующая картина.

Вариант «источник располагается в труднодоступном месте» отметили 66,2% опрошенных, «источник располагается в отдаленном месте» – 57,9%, «тяжело определить точное расположение источника» – 51,8%, «процесс получения доступа к источнику занимает слишком много времени» – 76,8%, «при попытке получить доступ к источнику существует высокая вероятность его искажения» – 35,1%, «при попытке получить доступ к источнику существует высокая вероятность его повреждения» – 47,8%, «при попытке получить доступ к источнику, существует высокая вероятность его уничтожения» – 36,8%, «доступу к источнику препятствует деятельность незаинтересованных в этом лиц» – 64%, «получение доступа к источнику сопряжено с большими финансовыми затратами» – 86%, «получение доступа к источнику связано с трудностями процессуального оформления» – 54,8%, «получение доступа к источнику требует специальных технических средств» – 41,2%, «существует необходимость в привлечении широкого круга узких специалистов» – 25% опрошенных.

6. С тем, что для изучения личности обвиняемого необходимо использовать данные в сети Интернет, однозначно согласились 86,8%, ответили «скорее да, чем нет» – 7,9%, «скорее нет, чем да» – 2,2%. Отрицательный ответ получен от 0% опрошенных, затруднились с ответом 3,1%.

7. С необходимостью опроса близких и знакомых обвиняемого для получения информации о нем однозначно согласились 21,1% опрошенных, ответ «скорее да, чем нет» выбрали 23,2% опрошенных, «скорее нет,

чем да» – 33,8%. Не согласились 12,7% опрошенных, затруднились с ответом 9,2%.

8. С утверждением о том, что изучение близких родственников обвиняемого помогает в изучении самого обвиняемого, согласились 54,8% опрошенных, ответ «скорее да, чем нет» выбрали 9,2% опрошенных, «скорее нет, чем да» – 3,1%. Не согласились 7% опрошенных, затруднились с ответом 25,9%.

9. Пользу изучения рабочего места обвиняемого для криминалистического исследования однозначно подчеркнули 28,9% опрошенных, ответили «скорее да, чем нет» – 15,8%, «скорее нет, чем да» – 26,8%. Отрицательный ответ получен от 9,2% опрошенных, затруднились с ответом 19,3%.

10. Тезис о том, что изучение жилья обвиняемого способствует эффективности изучения самого обвиняемого, нашел безоговорочную поддержку у 51,8% опрошенных, ответили «скорее да, чем нет» – 37,3%, «скорее нет, чем да» – 1,8%. Отрицательных ответов нет, затруднились с ответом 9,2% опрошенных.

11. По поводу значимости для изучения личности обвиняемого общения с ним вне проведения следственного действия, утвердительно высказались 13,2% опрошенных, «скорее да, чем нет» – ответили 30,3%, «скорее нет, чем да» – 43,9%. Выразили отрицательную позицию 8,8% опрошенных, затруднились с ответом 3,9%.

12. Эффективность изучения биографии обвиняемого для подготовки к проведению следственного действия положительно отметили 61,8% опрошенных, выбрали ответ «скорее да, чем нет» – 27,2%, «скорее нет, чем да» – 1,8%. Обозначили отрицательную позицию 4,4% опрошенных, затруднились с ответом 4,8%.

13. Прикладную ценность изучения официальных и служебных характеристик обвиняемого однозначно положительно отметили 29,8% опрошенных, ответили «скорее да, чем нет» – 32%, «скорее нет, чем да» – 35,1%. Крайней отрицательной позиции никто из опрошенных не придерживался, затруднились с ответом 3,1%.

14. На вопрос о том, часто ли информация об обвиняемом, имеющаяся на начальном моменте расследования, соответствовала действительности, 14% опрошенных ответили утвердительно, скорее да, чем нет – 11%, скорее нет, чем да – 25,9%. Отрицательно ответили 42,1% опрошенных, затруднились с ответом 7%.

Во втором блоке ставится следующий вопрос: какие трактовки отмечают наиболее ярко выраженную тенденцию, проявляющуюся во взаимосвязи биографических фактов с личностными особенностями, по мнению опрошенных и с учетом их профессионального и бытового (житейского) опыта. В силу ограниченности объема проведенного исследования ниже даны лишь те варианты трактовок, которые в наибольшей степени проявились в виде выраженной тенденции.

1. Основываясь на результатах специализированной литературы [1. Р. 224; 2. Р. 761; 3. С. 618, 622; 4. С. 12–28; 5. С. 32–36; 6. С. 181–187.], можно утверждать, что обвиняемый, выросший в полной семье вместе с обоими родителями, с высокой степенью вероятности

имеет поддержку, психологический комфорт, и его нежелательно повторно допрашивать, с чем согласны 184 опрошенных.

Если обвиняемый вырос в полной семье, в которой он был приемным ребенком, то с высокой степенью вероятности можно сказать, что он недоверчив и подозрителен, и с этим согласны 102 опрошенных.

Если обвиняемый вырос в полной семье с детьми, в которой члены семьи проживали раздельно, то высокая вероятность того, что он эмоционально неустойчив и излишне тревожен. И с этим согласны лишь 39 опрошенных, а 123 полагают, что такой обвиняемый чаще всего страдает осознанием глубокого чувства одиночества.

В случае когда обвиняемый вырос в семье, проживая раздельно со своими родителями, – с высокой степенью вероятности он имеет страх перед социальным непризнанием, если обвиняемый – женщина. С этой трактовкой согласен 21 человек, участвующий в опросе. Если обвиняемый – мужчина, то он характеризуется как инфантильный, эгоистичный и безответственный, но с этим никто из опрошиваемых не согласен. Однако 105 человек, участвующих в опросе, считают, что такой обвиняемый чаще всего страдает осознанием глубокого чувства одиночества.

Если обвиняемый вырос в неполной семье и воспитывался отцом-одиночкой, то в большинстве случаев он характеризуется волевой неразвитостью – с этим согласились всего 11 опрошенных; однако 160 считают, что такой обвиняемый, чаще всего, имеет проблемы в общении с представителями женского пола.

Если обвиняемый вырос в неполной семье и воспитывался матерью-одиночкой, то в большинстве случаев он характеризуется волевой неразвитостью, с чем согласны 5 опрошенных, однако 182 опрошенных полагают, что такой обвиняемый чаще всего имеет проблемы в общении с представителями мужского пола.

Если обвиняемый вырос без матери и проживал отдельно от своего отца, то чаще всего он имеет проблемы в общении с представителями мужского пола, – с этим согласны лишь 25 опрошенных, а 77 полагают, что такой обвиняемый чаще всего характеризуется эмоциональной неразвитостью, 62 – что он в большинстве случаев имеет проблемы в общении с представителями женского пола, и столько же – с высокой степенью вероятности страдает осознанием глубокого чувства одиночества.

Если обвиняемый вырос без отца и проживал отдельно от своей матери, то с высокой степенью вероятности он имеет проблемы в общении с представителями женского пола, с чем согласны 62 опрошенных, столько же полагают, что часто он страдает осознанием глубокого чувства одиночества, а, по мнению же 86 опрошенных, чаще всего такой обвиняемый характеризуется эмоциональной неразвитостью. Если обвиняемый вырос без семьи, то в большинстве случаев он страдает осознанием глубокого чувства одиночества, с чем согласны 107 опрошенных.

2. Перейдем к изучению криминалистически значимой информации о профессиональной деятельности

обвиняемого. Так, на основе имеющихся научных данных [7. С. 3–49; 8. С. 30–33; 9. С. 30–37], если обвиняемый занят в сфере просвещения, то с высокой степенью вероятности он обладает развитыми навыками аналитического, абстрактного мышления и работы с информацией, с чем согласны 87 опрошенных; по мнению же 89 опрошенных, такой обвиняемый в большинстве случаев имеет высокий уровень социализации, коммуникабельный.

Если обвиняемый занят в сфере службы, то чаще всего он характеризуется склонностью к иерархии и подчинению, а также высоким уровнем физической подготовки, с чем согласны 159 опрошенных. Если обвиняемый занят в сфере торговли, то в большинстве случаев он имеет высокие навыки планирования, прогнозирования и оценки, с чем согласны 159 опрошенных. Если обвиняемый занят в сфере производства, то чаще всего он очень внимателен и уверен в себе, с чем согласны 86 опрошенных, а 87 полагают, что часто такой обвиняемый имеет высокие навыки планирования, прогнозирования и оценки. Если обвиняемый занят в сфере сервиса, то чаще всего он имеет высокий уровень социализации, коммуникабельный, с чем согласны 153 опрошенных.

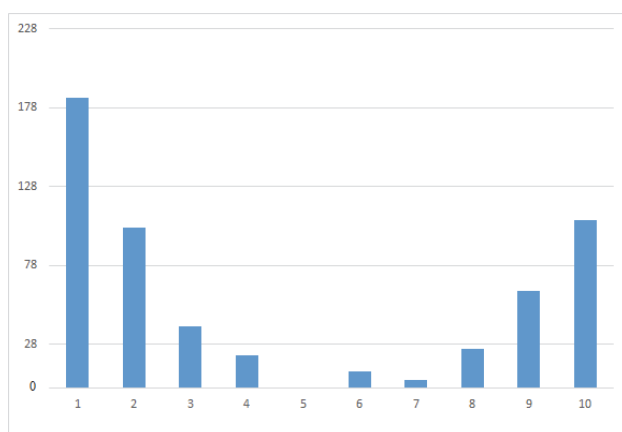

Рис. 1. Соответствия полученных данных с ответами опрошенных относительно семьи происхождения обвиняемого

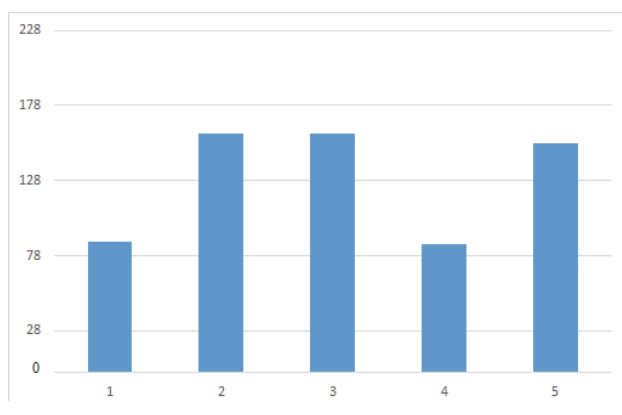

Рис. 2. Соответствия полученных данных с ответами опрошенных относительно профессиональной деятельности обвиняемого

3. Обратим внимание на трактовки, связанные с образованием обвиняемого. На основе имеющихся данных из специализированной литературы [10. С. 22; 11. С. 164–167; 12. 169–177] можно сделать следующие

выводы. Если обвиняемый имеет неоконченное общее образование (до 8 классов школы), то чаще всего он страдает от проблем, связанных с социализацией, с чем согласны 114 опрошенных. Если обвиняемый имеет оконченное среднее и оконченное полное общее образование (9 или 11 классов школы), то часто он характеризуется склонностью к конформизму, с чем согласились 68 опрошенных; по мнению 66 опрошенных такой обвиняемый в большей степени характеризуется уверенностью в себе и высоким уровнем самоуважения, а 89 опрошенных уверены, что он с высокой степенью вероятности менее склонен к конкуренции, иерархии и слабо подвержен социальным шаблонам.

Если обвиняемый имеет среднее специальное образование или прошел курсы рабочих профессий, то в большинстве случаев он характеризуется уверенностью в себе и высоким уровнем самоуважения, с чем согласны 87 опрошенных. Если обвиняемый имеет высшее образование в области технических наук или военную специализацию, то часто он обладает низким уровнем социализации, высокими навыками и самоуважением, с чем согласны лишь 43 опрошенных; 46 опрошенных полагают, что он чаще всего страдает проблемами с социализацией; 110 опрошенных считают, что такой обвиняемый с высокой степенью вероятности характеризуется уверенностью в себе и самоуважением.

Если обвиняемый имеет высшее образование в области естественных наук, то чаще всего он менее склонен к конкуренции, иерархии и слабо подвержен социальным шаблонам. Однако лишь 45 опрошенных поддерживали эту версию, столько же опрошенных поддерживали версию о том, что с высокой вероятностью он склонен к иерархии и стремится переносить профессиональные идеи в окружающую действительность, а 89 опрошенных уверены, что такой обвиняемый чаще всего характеризуется уверенностью в себе и высоким уровнем самоуважения.

Если обвиняемый имеет высшее образование в области гуманитарных наук или в сфере искусств и культуры, то он склонен к иерархии и стремится переносить профессиональные идеи в окружающую действительность. Но только 62 участника опроса поддерживали этот вариант, когда как 107 опрошенных сочли, что чаще всего такой обвиняемый характеризуется уверенностью в себе и высоким уровнем самоуважения.

4. Проанализируем информацию о месте жительства обвиняемого. Обобщив результаты исследований по данному вопросу [13. С. 170–179; 14. С. 33–40; 15. С. 102–103; 16. С. 88–92; 17. С. 34–37], мы можем утверждать, что если обвиняемый проживает в индустриальном районе, то чаще всего он имеет косное мышление, ограниченный круг интересов и высокий уровень социализации. С этим согласились лишь 29 опрошенных, а 196 полагают, что такой обвиняемый имеет высокий уровень интеграции и установку на социальную мобильность. Если обвиняемый проживает в спальном районе, то очень вероятно, что он характеризуется низким уровнем социализации, завистливостью и инертностью, с чем согласились 169 опрошенных. Если обвиняемый живет в административном

районе, то в большинстве случаев он имеет высокий уровень интеграции и установку на социальную мобильность, с чем согласились 134 опрошенных.

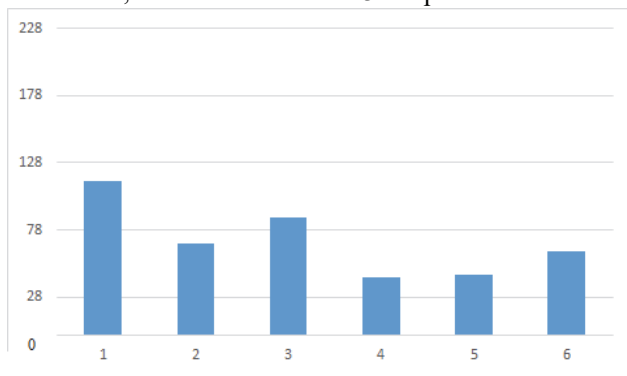

Рис. 3. Соответствия полученных данных с ответами опрошенных относительно имеющегося у обвиняемого образования

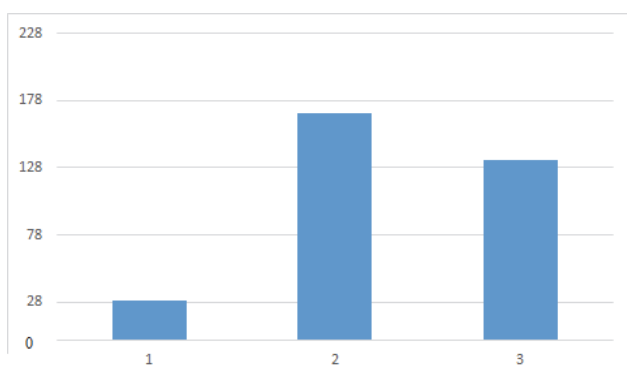

Рис. 4. Соответствия полученных данных с ответами опрошенных относительно местонахождения жилья обвиняемого

5. Перейдем к рассмотрению криминалистически значимой информации об источниках дохода обвиняемого. Так, по обобщенным результатам имеющихся данных в специальной литературе [18. С. 73–75; 19. С. 132–135], можно с высокой степенью вероятности утверждать, что если обвиняемый имеет бюджетный доход, то он стремится к стабильности, имеет слабую адаптацию и не уверен в себе, с чем согласны 135 опрошенных. Если обвиняемый имеет договорный доход, то в большинстве случаев он характеризуется негативным отношением к давлению, иерархии, недоверчив и является классическим тактиком, с чем согласны 75 опрошенных, столько же считают, что чаще всего он стремится к стабильности, имеет слабую адаптацию и не уверен в себе, а 78 опрошенных полагают, что в большинстве случаев такой обвиняемый склонен к стратегическому планированию и мышлению, а также высоко оценивает статус. Если обвиняемый имеет предпринимательский доход, то с высокой степенью вероятности он склонен к стратегическому планированию и мышлению, а также высоко оценивает статус, что нашло свое подтверждение по мнению 159 опрошенных.

6. Приступим к изучению данных об уровне среднемесячного заработка обвиняемого. Так, на основе обобщения сведений из специальной литературы [20. С. 186; 21. С. 158–167; 22. С. 168], если обвиняемый

имеет низкий уровень дохода (менее 34 806 руб.), то с высокой степенью вероятности он характеризуется отсутствием изначальной установки на взаимодействие, озлобленностью, нежеланием идти на психологический контакт, ощущает беспомощность, нерешительный, имеет стресс, небольшой спектр радостей, с чем согласны 110 опрошенных. Вместе с тем, по мнению 116 опрошенных, такой обвиняемый с высокой степенью вероятности психологически непластичный, конформист, обладает стереотипным мышлением, типичный обыватель и мещанин. Если обвиняемый имеет средний уровень дохода (от 34 806 до 60 тыс. руб. в мес.), то с высокой степенью вероятности он психологически непластичный, конформист, обладает стереотипным мышлением, типичный обыватель и мещанин, с чем согласны 176 опрошенных. Если обвиняемый имеет высокий уровень дохода (свыше 60 тыс. руб. в мес.), то он высокомерный, самоуверенный, неуважительно относится к окружающим, умеет гибко реагировать на ситуации и имеет высокий уровень тревожности, с чем согласны 205 опрошенных.

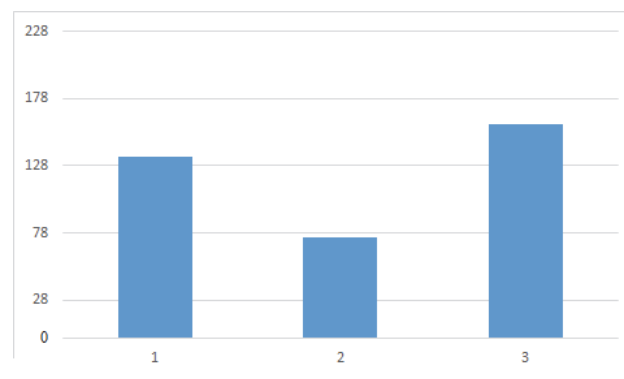

Рис. 5. Соответствия полученных данных с ответами опрошенных относительно источников дохода обвиняемого

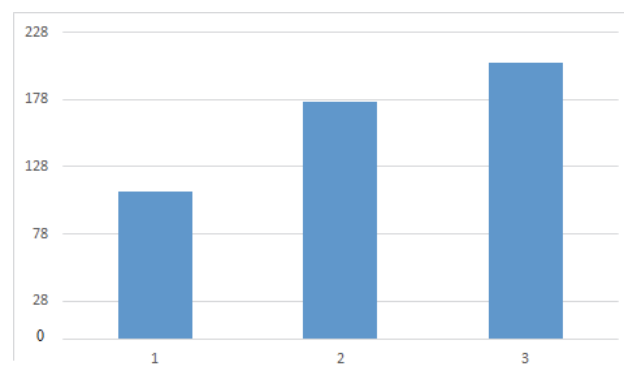

Рис. 6. Соответствия полученных данных с ответами опрошенных относительно уровня заработка обвиняемого

7. Далее рассмотрим сведения об образовательном росте обвиняемого. На основе обобщения данных из специальной литературы [23. С. 603–605; 24. С. 5–6; 25. С. 23; 26. С. 54–55; 27. С. 46–50] с высокой степенью вероятности можно утверждать, что если обвиняемый не стремится повысить свой образовательный уровень, то в большинстве случаев он характеризуется самоуверенностью и интеллектуальной негибкостью, с чем согласны 107 опрошенных. Однако 87 опрошенных полагают, что чаще всего такой обвиняемый не

уверен в себе. Если обвиняемый периодически проходит курсы повышения квалификации, то с высокой степенью вероятности он склонен к конформизму, однако лишь 45 опрошенных с этим согласны. По мнению же 159 опрошенных такой обвиняемый чаще всего обладает высоким профессионализмом и является профессионально состоятельным. Если обвиняемый осваивает промежуточные области знаний, то в большинстве случаев он обладает высоким профессионализмом и является профессионально состоятельным, с чем согласны 87 опрошенных, а 86 опрошенных полагают, что такой обвиняемый характеризуется самоуверенностью и интеллектуальной негибкостью. Если обвиняемый проходит курсы профессиональной переподготовки, то с высокой степенью вероятности он не уверен в себе, однако лишь 25 опрошенных поддержали эту версию, а 130 опрошенных полагают, что чаще всего такой обвиняемый обладает высоким профессионализмом и является профессионально состоятельным. Если обвиняемый перешел в кардинально новую сферу деятельности, то в большинстве случаев он авантюрист или профессионально не состоялся, с чем согласны 148 опрошенных.

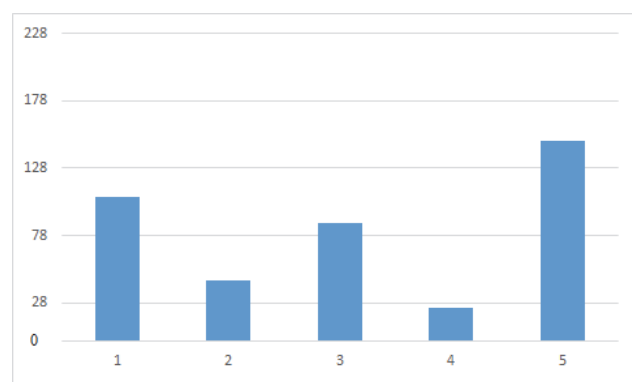

Рис. 7. Соответствия полученных данных с ответами опрошенных относительно образовательного роста обвиняемого

Рассматривая полученные результаты соответствия научных данных с опросами, вырисовывается следующая картина:

1. Поскольку общее количество вопросов по каждой категории криминалистически значимой информации в опроснике отличается (по одним категориям было всего 3 вопроса, когда по другим – 5 и даже 10 вопросов), целесообразно вычислять не простую сумму соответствий, а именно среднее значение по количеству вопросов по каждой категории сведений об обвиняемом:

– по категории криминалистически значимых сведений о семье обвиняемого общая сумма соответствий достигает 556 единиц, тогда как среднее значение в округленном формате – 56 единиц ($556/10 = 55,6$);

– по категории данных о профессиональной деятельности обвиняемого общая сумма соответствий составляет 644 единицы, тогда как среднее значение в округленном формате – 129 единиц ($644/5 = 128,8$);

– по категории сведений об образовании обвиняемого общая сумма соответствий имеет показатель в 419 единиц, тогда как среднее значение в округленном формате приобретает значение в 70 единиц ($419/6 = 69,8$);

– по категории информации о месте нахождения жилья обвиняемого общая сумма соответствий имеет 332 единицы, тогда как среднее значение в округленном формате – 111 единиц ($332/3 = 110,7$);

– по категории информации о разновидности источника дохода обвиняемого общая сумма соответствий достигает 369 единиц, тогда как среднее значение приобретает значение в 123 единицы ($369/3 = 123$);

– по категории данных об уровне заработка обвиняемого общая сумма соответствий – 491 единица, тогда как среднее значение – 164 единицы ($491/3 = 163,7$);

– по категории криминалистически значимой информации об образовательном росте обвиняемого общая сумма соответствий имеет показатель в 412 единиц, тогда как среднее значение в округленном формате – 82 единицы ($412/5 = 82,4$).

2. Максимальный уровень соответствия отмечается во взаимосвязи полученных данных с ответами опрошенных относительно имеющегося у обвиняемого уровня заработка.

3. Минимальный уровень соответствия отмечается во взаимосвязи полученных данных с ответами опрошенных относительно семьи обвиняемого.

4. Чуть меньше половины опрошенных согласны с полученными данными, связанными с криминалистически значимой информацией о месте нахождения жилья обвиняемого.

5. Более половины опрошенных согласны с полученными данными, связанными с криминалистически значимыми сведениями о профессиональной деятельности и источниках дохода обвиняемого.

6. Лишь чуть более 1/3 от общего числа опрошенных в среднем согласны с трактовками криминалистически значимых сведений об образовании и образовательном росте обвиняемого.

Таким образом, значительная часть исследователей и практикующих сотрудников правоохранительных органов отмечают существование ярко выраженных тенденций между биографическими фактами социальной категории с личностными особенностями, связанными с данными относительно имеющегося у обвиняемого уровня заработка, его профессиональной деятельности, источников дохода и месте нахождения его жилья, что может быть положено в основе изучения личности обвиняемого для индивидуализации тактических приемов в решении криминалистических задач расследования преступлений.

Список источников

1. Gupta U.J., Agrawal G. Orphans: Psychological Condition and Prevention // World Wide Journal of Multidisciplinary Research and Development (WWJMRD). Shantikunj Haridwar. 2018. Vol. 4 (1). P. 222–225.
2. Jaffer U., Nassir C.M.N.C.M., Ahmed M.A., Osman R.A.H., Zaki M.Z.H.A.M., Azeman H.I., Muzamir N.S.M., Reshad H.Z.M., Aminondin S.A. Examining Psychological Distress in Orphan Children // International Journal of Education, Psychology and Counseling. 2023. Vol. 8 (52). P. 759–772.
3. Жданова С.Ю., Аликина Е.Л. Познавание матерью индивидуальности ребенка в зависимости от характеристик семейной среды // Психологические проблемы современной семьи : сб. ст. М. : Звенигород, 2015. 1387 с.

4. Березин С.В., Евдокимова Ю.Б. Социальное сиротство: дети и родители : материалы к курсу «Педагогическая психология». Самара : Универс-групп, 2003. 52 с.
5. Ермакова Л.В. Социально-психологические проблемы студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Сибирский вестник специального образования. 2015. № 2. С. 32–36.
6. Терегулова О.А. Социально-психологический статус семьи несовершеннолетнего правонарушителя // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25, № 2(81). С. 181–187.
7. Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. // Мир России. 2007. № 3. С. 3–49.
8. Дубровина О.И. Профессиоведение : учеб. пособие. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2012. 156 с.
9. Гудкова Е.В. Основы профориентации и профессионального консультирования : учеб. пособие. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2004. 125 с.
10. Медведева Ю.С. Связь креативности и мотивации субъектов научно-исследовательской деятельности на довузовском и вузовском этапах профессионализации : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2015. 26 с.
11. Арутюнян Ю.И. Искусство и искусствование в системе современного гуманитарного образования // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 3(28). С. 164–167.
12. Негреев Д.А., Лыков А.П. Аттестация офицеров в России: исторический аспект // Личность курсанта: психологические особенности бытия : сб. ст. Краснодар : ВУНЦ ВВС «ВВА»; Кубанский гос. ун-т, 2012. 275 с.
13. Пирожная А.В., Карпов А.Е. Восприятие жителями функционального зонирования в городах // Мир экономики и управления. 2014. Т. 14, № 1. С. 170–179.
14. Шмельков А.В. Город как регионализированные социальные практики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII, № 4 (33). С. 33–40.
15. Трутнев Э.К. Правовое зонирование города. Введение в проблемы градорегулирования в рыночных условиях. М. : Фонд «Институт экономики города», 2002. 106 с.
16. Белянкова Е.В. Психология покупателей недвижимости: влияние на стратегии продаж // Инновации и инвестиции. 2023. № 7. С. 88–92.
17. Жданова С.Ю., Краева В.С. Психологическое пространство личности в контексте проживания в среде общежития // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 3 (50). С. 34–37.
18. Абдулгамидова Д.А. Заработная плата как ключевой аспект современного рынка труда // Теория и практика общественного развития. 2015. № 4. С. 73–75.
19. Леонова Л.А., Шушунина Н.А. Неформальная занятость в России: проблемы появления и изучения // Молодой ученый. 2011. Т. 1, № 11 (34). С. 132–135.
20. Попова Г.Л., Филатова О.В. Доходы населения: сравнительный анализ и прогноз (на примере Тамбовской и Волгоградской областей) // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2013. № 1 (45). С. 185–190.
21. Руди Л.Ю., Тропникова Т.А. Доступность жилья для населения Новосибирской области : методические подходы // Вестник НГУЭУ. 2012. № 2. С. 158–168.
22. Российский статистический ежегодник. 2023 : стат. сб. М., 2023. 701 с.
23. Гилева О.Я., Шиманчик И.П. Дополнительное профессиональное образование взрослых: принципы и особенности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 3 (3). С. 603–605.
24. Тарарышко С.И. Дополнительное образование взрослых: опыт программно-методического обеспечения : сб. программ доп. образования взрослых. Минск : Профили, 2012. 180 с.
25. Бородин Д.Р. Организации дополнительного образования взрослых на рынке образовательных услуг: стратегии руководителей. Информационный бюллетень. (Мониторинг экономики образования; № 7 (81)). М. : Национальный исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2014. 44 с.
26. Хакимова Н.Р. Психологические условия профессионального самоопределения. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2010. 131 с.
27. Горбунова Г.А. Анализ причин смены профессионального профиля взрослыми людьми // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 13. С. 46–50.

References

1. Gupta, U.J. & Agrawal, G. (2018) Orphans: Psychological Condition and Prevention. *World Wide Journal of Multidisciplinary Research and Development (WWJMRD)*. Shantikunj Haridwar. 4 (1). pp. 222–225.
2. Jaffer, U. et al. (2023) Examining psychological distress in orphan children. *International Journal of Education, Psychology and Counseling*. 8 (52). pp. 759–772.
3. Zhdanova, S.Yu. & Alikina, E.L. (2015) Poznanie mater'yu individual'nosti rebenka v zavisimosti ot kharakteristik semeynoy sredy [Mother's knowledge of the child's individuality depending on the characteristics of the family environment]. In: *Psikhologicheskie problemy sovremennoy sem'i* [Psychological Problems of the Modern Family]. Moscow: Zvenigorod.
4. Berezin, S.V. & Evdokimova, Yu.B. (2003) *Sotsial'noe sirotsvo: deti i roditeli: materialy k kursu "Pedagogicheskaya psikhologiya"* [Social Orphanhood: Children and parents: materials for the Pedagogical Psychology course]. Samara: Univers-grupp.
5. Ermakova, L.V. (2015) Sotsial'no-psikhologicheskie problemy studentov iz chisla detey-sirot i detey, ostavshikhsya bez popecheniya roditeley [Social and psychological problems of students from among orphans and children left without parental care]. *Sibirskiy vestnik spetsial'nogo obrazovaniya*. 2. pp. 32–36.
6. Teregulova, O.A. (2020) Sotsial'no-psikhologicheskiy status sem'i nesovershennoletnego pravonarushitelya [Social and psychological status of the family of a juvenile offender]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*. 2–25 (81). pp. 181–187.
7. Shkaratan, O.I. & Yastrebov, G.A. (2007) Sotsial'no-professional'naya struktura naseleniya Rossii. Teoreticheskie predposylki, metody i nekotorye rezul'taty povtornykh oprosov 1994, 2002, 2006 gg. [Social and professional structure of the population of Russia. Theoretical assumptions, methods and some results of repeated surveys of 1994, 2002, 2006]. *Mir Rossii*. 3. pp. 3–49.
8. Dubrovina, O.I. (2012) *Professiovedenie* [Profession Studies]. Tyumen: Tyumen State University.
9. Gudkova, E.V. (2004) *Osnovy proforientatsii i professional'nogo konsul'tirovaniya* [Fundamentals of Career Guidance and Professional Counseling]. Chelyabinsk: South Ural State University.
10. Medvedeva, Yu.S. (2015) *Svyaz' kreativnosti i motivatsii sub'ektiv nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti na dovuzovskom i vuzovskom etapakh professionalizatsii* [The relationship between creativity and motivation of subjects of scientific research activities at the pre-university and university stages of professionalization]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Yaroslavl.
11. Arutyunyan, Yu.I. (2016) Iskustvo i iskusstvovedenie v sisteme sovremennogo humanitarnogo obrazovaniya [Art and art criticism in the system of modern humanitarian education]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 3 (28). pp. 164–167.
12. Negreev, D.A. & Lykov, A.P. (2012) Attestatsiya ofitserov v Rossii: istoricheskiy aspekt [Certification of officers in Russia: historical aspect]. In: *Lichnost' kursanta: psikhologicheskie osobennosti bytiya* [Personality of a Cadet: Psychological features of being]. Krasnodar: VUNTs VVS «VVA», Kuban State University.

13. Pirotskaya, A.V. & Karpov, A.E. (2014) Vospriyatie zhitelyami funktsional'nogo zonirovaniya v gorodakh [Perception of functional zoning in cities by residents]. *Mir ekonomiki i upravleniya*. 1 (14). pp. 170–179.
14. Shmel'kov, A.V. (2005) Gorod kak regionalizirovannyye sotsial'nye praktiki [City as regionalized social practices]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 4–8 (33). pp. 33–40.
15. Trutnev, E.K. (2002) *Pravovoe zonirovaniye goroda. Vvedeniye v problemy gradoregulirovaniya v rynochnyykh usloviyakh* [Legal Zoning of the City. Introduction to the problems of urban regulation in market conditions]. Moscow: Fond "Institut ekonomiki goroda".
16. Belyankova, E.V. (2023) Psikhologiya pokupateley nedvizhimosti: vliyaniye na strategii prodazh [Psychology of real estate buyers: influence on sales strategies]. *Innovatsii i investitsii*. 7. pp. 88–92.
17. Zhdanova, S.Yu. & Kraeva, V.S. (2018) Psikhologicheskoye prostranstvo lichnosti v kontekste prozhivaniya v srede obshchezhitia [Psychological space of the individual in the context of living in a dormitory environment]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (50). pp. 34–37.
18. Abdulgamidova, D.A. (2015) Zarabotnaya plata kak klyuchevoy aspekt sovremennogo rynka truda [Wages as a key aspect of the modern labor market]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 4. pp. 73–75.
19. Leonova, L.A. & Shushunina, N.A. (2011) Neformal'naya zanyatost' v Rossii: problemy poyavleniya i izucheniya [Informal employment in Russia: problems of emergence and study]. *Molodoy uchenyy*. 11–1 (34). pp. 132–135.
20. Popova, G.L. & Filatova, O.V. (2013) Dokhody naseleniya: sravnitel'nyy analiz i prognoz (na primere Tambovskoy i Volgogradskoy oblastey) [Population income: comparative analysis and forecast (on the example of Tambov and Volgograd regions)]. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo*. 1 (45). pp. 185–190.
21. Rudi, L.Yu. & Tropnikova, T.A. (2012) Dostupnost' zhil'ya dlya naseleniya Novosibirskoy oblasti: metodicheskie podkhody [Affordability of housing for the population of the Novosibirsk region: methodological approaches]. *Vestnik NGUEU*. 2. pp. 158–168.
22. Egorenko, S.N. (ed.) (2023) *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2023* [Russian Statistical Yearbook. 2023]. Moscow: Federal State Statistics Service.
23. Gileva, O.Ya. & Shimanchik, I.P. (2010) Dopolnitel'noye professional'noye obrazovanie vzroslykh: printsipy i osobennosti [Additional professional education of adults: principles and features]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 3–12 (3). pp. 603–605.
24. Tararyshko, S.I. (2012) *Dopolnitel'noye obrazovanie vzroslykh: opyt programmno-metodicheskogo obespecheniya* [Additional Education of Adults: Experience of software and methodological support]. Minsk: Propilei.
25. Borodina, D.R. (2014) *Organizatsii dopolnitel'nogo obrazovaniya vzroslykh na rynke obrazovatel'nykh uslug: strategii rukovoditeley. Informatsionnyy byulleten'.* (Monitoring ekonomiki obrazovaniya; № 7 (81)) [Organizations of Additional Education of Adults in the Market of Educational Services: Strategies of managers. Information bulletin. (Monitoring of the economy of education; No. 7 (81))]. Moscow: HSE.
26. Khakimova, N.R. (2010) *Psikhologicheskie usloviya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychological Conditions of Professional Self-Determination]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
27. Gorbunova, G.A. (2009) Analiz prichin smeny professional'nogo profilya vzroslymi lyud'mi [Analysis of reasons for changing professional profile by adults]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 13. pp. 46–50.

Информация об авторе:

Юань В.Л. – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия); старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (Томск, Россия). E-mail: it-rigon@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.L. Yuan, senior lecturer, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation); senior lecturer, West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: it-rigon@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.05.2024;
одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 30.07.2024.*

*The article was submitted 31.05.2024;
approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 30.07.2024.*